

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Хрестоматия

Учебное пособие

Рекомендовано Ученым советом Киевского национального
университета технологий и дизайна
для иностранных студентов всех специальностей

К и е в
2 0 1 8

УДК 101+32-027.21+316](076.6-054.6)

Ф 56

Коллектив авторов:

Сакун А. В. – д-р филос. наук, доц., доц. кафедры философии, политологии и украиноведения КНУТД — тема 1, 8, 12;

Кадлубович Т. И. – канд. полит. наук, доц., доц. кафедры философии, политологии и украиноведения КНУТД — тема 4, 7, 11, 15, 19;

Множинская Р. В. – канд. филос. наук, доц., доц. кафедры философии, политологии и украиноведения КНУТД — тема 2, 5;

Хромова О. И. – канд. филос. наук, доц., доц. кафедры философии и истории науки и техники Государственного университета инфраструктуры и технологий — тема 9, 10, 17;

Черняк Д. С. – канд. соц. наук, доц., доц. кафедры философии, политологии и украиноведения КНУТД — тема 3, 6, 13, 14, 16, 18.

Рецензенты:

Вашкевич В. Н. – д-р филос. наук, проф., зав. кафедры социальной философии, философии образования и образовательной политики Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова;

Кивлюк О. П. – д-р филос. наук, проф., зав. кафедры методологии науки и международного образования Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова;

Чекаль Л. А. – канд. филос. наук, зав. кафедры философии, проф. Национального университета биоресурсов и природопользования Украины.

Рекомендовано Ученым советом Киевского национального университета технологий и дизайна как учебное пособие для иностранных студентов всех специальностей (Протокол № 3 от 29 ноября 2017)

Сакун А. В.

Ф 56 Философия, политология, социология: Хрестоматия: учебн. пособ. / А. В. Сакун, Т. И. Кадлубович, Р. В. Множинская и др. – Киев: КНУТД, 2018. – 496 с. – на рус. языке.

ISBN 978-617-7506-17-0

Хрестоматия поможет усвоить основные темы курса «Философия, политология, социология», поскольку ее структура соответствует учебным программам. В книге собраны отрывки из произведений мыслителей разных эпох, раскрывающие взгляды на ту или иную проблему. По ним можно проследить эволюцию определенных понятий, глубже познакомиться с теориями представителей разных философских и социально-политических направлений. Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей.

УДК 101+32-027.21+316](076.6-054.6)

ISBN 978-617-7506-17-0

© А. В. Сакун, Т. И. Кадлубович
Р. В. Множинская и др., 2018
© КНУТД, 2018

СОДЕЖАНИЕ

Введение	7
Тема 1. Введение в философию. Сущность философии и особенности философствования	
<i>Бердяев Николай. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики</i>	8
<i>Виндельбанд Вильгельм. Что такое философия? (О понятии и истории философии)</i>	13
<i>Декарт Рене. Начала философии</i>	16
<i>Кузанский Николай. Охота за мудростью</i>	18
<i>Лавров Петр. Три беседы о современном значении философии</i>	19
<i>Соловьев Владимир. Философские начала цельного знания</i>	21
<i>Фейербах Людвиг. О «начале философии»</i>	24
<i>Шлегель Фридрих. Развитие философии в двенадцати книгах</i>	25
<i>Энгельс Фридрих. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии</i>	27
<i>Ясперс Карл Теодор. Введение в философию</i>	30
Тема 2. Историческое развитие мировой философии	
<i>Аристотель. Метафизика</i>	35
<i>Бэкон Френсис. Новый Органон</i>	37
<i>Гоббс Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского</i>	38
<i>Конфуций. Суждения и беседы</i>	39
<i>Лаоцзы. Даодэцзин</i>	40
<i>Макиавелли Николло. Государь</i>	44
<i>Монтескье Шарль Луи. О духе законов</i>	47
<i>Платон. Федон.</i>	58
<i>Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре. Трактаты</i>	60
<i>Спиноза Бенедикт. Богословско-политический трактат</i>	66
Тема 3. Социология как наука: предмет и история становления	
<i>Бергер Питер. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива.</i>	70
<i>Монсон Пер. Лодка на аллеях парка: введение в социологию</i>	79
<i>Штомпка Петр. Теоретическая социология и социологическое воображение</i>	91
Тема 4. Сущность и роль политики и политологии как науки в жизни общества	
<i>Алмонд Габриэль. Сравнительная политология сегодня</i>	100
<i>Аристотель. Политика</i>	101

<i>Арон Реймон. Демократия и тоталитаризм</i>	126
<i>Вебер Макс. Политика как призвание и профессия</i>	131
<i>Гольбах Поль Анри. Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления</i>	135
<i>Краснов Борис. Политология как наука и учебная дисциплина</i>	136
<i>Манхейм Карл. Идеология и утопия</i>	139

Тема 5. Современная мировая философская мысль

<i>Камю Альбер. Миф о Сизифе</i>	142
<i>Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна</i>	148
<i>Фрейд Зигмунд. Массовая психология и анализ человеческого «Я»</i>	152
<i>Фромм Эрих. Бегство от свободы</i>	154

Тема 6. Общество как социальная система, его социальная структура

<i>Бергель Эгон Эрнест. Социальная стратификация</i>	165
<i>Бергер Питер, Лукман Томас. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания</i>	174
<i>Сорокин Питирим. Социальная мобильность, ее формы и флуктации.</i>	189
<i>Шилз Эдуард. Общество и общества: макросоциологический подход</i>	204

Тема 7. Политическая система общества

<i>Алмонд Габриэль. Сравнительная политология сегодня</i>	215
<i>Дарендорф Ральф. Тропы из утопии</i>	220
<i>Истон Дэвид. Категории системного анализа политики</i>	222
<i>Козер Льюис. Завершение конфликта</i>	224
<i>Парсонс Толкотт. Система современных обществ</i>	226

Тема 8. Философское учение о бытии. Сознание как философская проблема

<i>Аристотель. Метафизика</i>	230
<i>Бруно Джордано. Философские диалоги</i>	232
<i>Платон. Тимей</i>	234
<i>Сартр Жан-Поль. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии</i>	235
<i>Фромм Эрих. Забытый язык. Иметь или быть?</i>	257
<i>Ясперс Карл Теодор. Смысл и назначение истории</i>	258

Тема 9. Социальные институты и социальные организации

<i>Вебер Макс. О некоторых категориях понимающей социологии</i>	264
<i>Веблен Торстейн. О социальных институтах и функциях «праздного класса»</i>	268
<i>Пригожин Аркадий. Понятие социальной организации</i>	274
<i>Смелзер Нейл. Социальные институты: общественный строй</i>	279

Тема 10. Семья как малая социальная группа и социальный институт	
<i>Гидденс Энтони. Родство, брак, семья</i>	282
<i>Кон Игорь. Сексуальная культура XXI века</i>	286
<i>Смелзер Нейл. Семья как социальный институт</i>	290
Тема 11. Политическая деятельность и власть	
<i>Арендт Ханна. Vita activa, или О деятельной жизни</i>	295
<i>Халипов Вячеслав. Кратология как наука о власти</i>	299
<i>Хекхаузен Хайнц. Мотивация и деятельность</i>	300
<i>Штомпка Петр. Власть как разновидность неравенства</i>	306
Тема 12. Философское осмысление человека, культуры и цивилизационных процессов	
<i>Кассирер Эрнст. Опыт о человеке. Введение в философию</i>	308
<i>человеческой культуры</i>	
<i>Фрейд Зигмунд. «Я» и «Оно»</i>	316
<i>Штомпка Петр. Социальное изменение как травма</i>	323
Тема 13. Личность в системе социальных связей	
<i>Алмонд Габриэль. Политическая социализация</i>	334
<i>Кон Игорь. Социология личности</i>	341
<i>Кули Чарльз Хортон. Человеческая природа и социальный порядок</i>	352
<i>Шестопал Елена. Политическая психология</i>	359
Тема 14. Личность и политика. Политическая элита и политическое лидерство	
<i>Ашин Геннадий, Охотский Евгений. Курс элитологии</i>	363
<i>Мейтус Виктор. Политическая партия: стратегия и управление</i>	367
<i>Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс</i>	373
<i>Парето Вильфредо. Компендиум по общей социологии</i>	376
<i>Штомпка Петр. Великие личности как агенты изменений</i>	378
Тема 15. Государство как основной институт политической системы общества	
<i>Гумплович Людвиг. Общее учение о государстве</i>	381
<i>Локк Джон. Два трактата о правлении</i>	382
<i>Платон. Государство</i>	384
<i>Фукуяма Фрэнсис. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке</i>	400
Тема 16. Политические партии. Выборы и избирательные системы	
<i>Гоулд Филипп. Стратегическое планирование избирательной кампании</i>	405
<i>Дюверже Морис. Кадровые и массовые партии</i>	409

<i>Михельс Роберт. Социология политической партии в условиях демократии</i>	411
<i>Хейвуд Эндрю. Функции партий</i>	416
<i>Шмачкова Татьяна. Мир политических партий</i>	419
Тема 17. Философия познания	
<i>Бэкон Френсис. Новый Органон</i>	424
<i>Гадамер Ханс-Георг. Понятие опыта и сущность герменевтического опыта</i>	428
<i>Декарт Рене. Правила для руководства ума. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках</i>	432
<i>Кант Иммануил. Об отличиях между чистым и эмпирическим познанием</i>	435
<i>Поппер Карл. Три точки зрения на человеческое познание</i>	436
<i>Пуанкаре Жюль Анри. Объективность науки</i>	439
<i>Рассел Бертран. Индивидуальное и общественное познание</i>	443
Тема 18. Общество и культура	
<i>Алмонд Габриэль. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций</i>	444
<i>Ильин Иван. Общее учение о праве и государстве</i>	446
<i>Ионин Леонид. Социология культуры</i>	450
<i>Козловски Петер. Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития</i>	457
Тема 19. Политические режимы. Демократия	
<i>Даймонд Ларри. Определение и развитие демократии</i>	461
<i>Рассоха Игорь. Тезисы о тоталитаризме</i>	465
<i>Хабермас Юрген. Демократия. Разум. Нравственность</i>	467
<i>Хантингтон Самюэль. Третья волна демократии</i>	475
Указатель имен	478

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир характеризуется усложнением общественной жизни, обострением глобальных проблем, динамизмом и противоречивостью социальных процессов, политизацией повседневной жизни и необходимостью преодоления все новых и новых вызовов. В таких условиях возникает необходимость в разумном, рациональном и ответственном отношении к окружающему миру, к собственным интересам, потребностям и поступкам. Изучение курса «Философия, политология, социология» является важнейшим фактором формирования целостного мировоззрения студенческой молодежи, определения ценностных ориентиров человека-гражданина, выработки такой жизненно необходимой в современном информационном обществе компетенции, как критическое мышление, обоснования и защиты своей жизненной позиции.

Одной из ведущих тенденций современного высшего образования является увеличение объема самостоятельной работы студентов, поэтому данная хрестоматия составлена с целью формирования у студентов творческого подхода к работе над учебным материалом, выработки навыков самостоятельного осмысления информации и способности к собственным непредвзятым выводам. Работа с первоисточниками, оригинальными текстами является условием более углубленного изучения студентами достижений философской, политической и социологической мысли, формирования у них научно-философской картины мира, способности к анализу социальных процессов и политической реальности, пониманию мультикультурности современного мира и своего места в нем, готовности к диалогу и цивилизованному сотрудничеству с другими людьми.

Хрестоматия по учебной дисциплине «Философия, политология, социология» составлена в соответствии с учебной и рабочей программами. Она является упорядоченным собранием фрагментов произведений выдающихся представителей гуманитарной мысли и призвана помочь студентам при подготовке к семинарским занятиям, модульным контрольным работам, семестровым экзаменам, выполнении научно-исследовательских работ. В хрестоматии представлены материалы всех тем, которые рассматриваются в процессе изучения курса.

Хрестоматия рассчитана на студентов всех специальностей, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, всех, кто хочет приобщиться к достижениям мировой философии, политологии и социологии.

Тема 1. Введение в философию. Сущность философии и особенности философствования

Николай Бердяев

О назначении человека. Опыт парадоксальной этики

[...] Философия человечна, философское познание – человеческое познание, в ней всегда есть элемент человеческой свободы, она есть не откровение, а свободная познавательная реакция человека на откровение. Если философ христианин и верит в Христа, то он совсем не должен согласовывать свою философию с теологией православной, католической или протестантской, но он может приобрести ум Христов и это сделает его философию иной, чем философия человека, ума Христова не имеющего. Откровение не может навязать философии никаких теорий и идеологических построений, но может дать факты, опыт, обогащающий познание. Если философия возможна, то она может быть только свободной, она не терпит принуждения. Она в каждом акте познания свободно стоит перед истиной и не терпит преград и средостений. Философия приходит к результатам познания из самого познавательного процесса, она не терпит навязывания извне результатов познания, которое терпит теология. Но это не значит, что философия автономна в том смысле, что она есть замкнутая, самодовлеющая, питающаяся из себя самая сфера. Идея автономии есть ложная идея, совсем не тождественная с идеей свободы. Философия есть часть жизни и опыт жизни, опыт жизни духа лежит в основании философского познания. Философское познание должно приобщиться к первоисточнику жизни и из него черпать познавательный опыт. Познание есть посвящение в тайну бытия, в мистерии жизни. Оно есть свет, но свет, блеснувший из бытия и в бытии. Познание не может из себя, из понятия создать бытие, как того хотел Гегель. Религиозное откровение означает, что бытие открывает себя познающему. Как же он может быть к этому слеп и глух и утверждать автономию философского познания против того, что ему открывается?

Трагедия философского познания в том, что, освободившись от сферы бытия более высокой, от религии, от откровения, оно попадает в еще более тяжкую зависимость от сферы низшей, от положительной науки, от научного опыта. Философия теряет свое первородство и не имеет уже оправдательных документов о своем древнем происхождении. Миг автономии философии оказался очень кратким. Научная философия совсем не есть автономная философия. Сама наука была некогда порождена философией и выделилась из нее. Но дитя восстало против своей родительницы. Никто не отрицает, что философия должна считаться с развитием наук, должна учитывать результаты наук. Но из этого не следует, что она должна подчиняться наукам в своих высших созерцаниях и уподобляться им, соблазняться их шумными внешними успехами: философия есть знание, но невозможно допустить, что она есть знание, во

всем подобное науке. Ведь проблема в том и заключается, есть ли философия – философия или она есть наука или религия. Философия есть особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с наукой и религией. Принципы философии не зависят от результатов и успехов наук. Философ в своем познании не может ждать, пока науки сделают свои открытия. Наука находится в непрерывном движении, ее гипотезы и теории часто меняются и стареют, она делает все новые и новые открытия. В физике за последние тридцать лет произошла революция, радикально изменившая ее основы. Но можно ли сказать, что учение Платона об идеях устарело от успехов естественных наук XIX и XX веков? Оно гораздо более устойчиво, чем результаты естественных наук XIX и XX веков, более вечно, ибо более о вечном. Натурфилософия Гегеля устарела, да и никогда не была она сильной его стороной. Но гегелевская логика и онтология, гегелевская диалектика нисколько не потревожены успехами естественных наук. Смешно было бы сказать, что учение Я. Бёме об *Ungrund'e* или о Софии опровергается современным математическим естествознанием. Ясно, что здесь мы имеем дело с совершенно разными и несоизмеримыми объектами. Философии мир раскрывается иначе, чем науке, и путь ее познания иной. Науки имеют дело с частичной отвлеченной действительностью, им не открывается мир, как целое, ими не постигается смысл мира. Претензии математической физики быть онтологией, открывающей не явления чувственного, эмпирического мира, а как бы вещи в себе, смешны. Именно математическая физика, самая совершенная из наук, дальше всего отстоит от тайн бытия, ибо тайны эти раскрываются только в человеке и через человека, в духовном опыте и духовной жизни. Вопреки Гуссерлю, который делает по-своему грандиозные усилия придать философии характер чистой науки и вытравить из нее элементы мудрости, философия всегда была и всегда будет мудростью. Конец мудрости есть конец философии. Философия есть любовь к мудрости и раскрытие мудрости в человеке, творческий прорыв к смыслу бытия. Философия не есть религиозная вера, не есть теология, но не есть и наука, она есть она сама. И она принуждена вести мучительную борьбу за свои права, всегда подвергающиеся сомнению. Иногда она ставит себя выше религии, как у Гегеля, и тогда она переступает свои границы. Она родилась в борьбе пробудившейся мысли против традиционных народных верований. Она живет и дышит свободным движением. Но и тогда, когда философская мысль Греции выделилась из народной религии и противопоставила себя ей, она сохранила свою связь с высшей религиозной жизнью Греции, с мистериями, с орфизмом. Мы видим это у Гераклита, Пифагора, Платона. Значительна только та философия, в основании которой лежит духовный и нравственный опыт и которая не есть игра ума. Интуитивные прозрения даются только философу, который познает целостным духом.

Как понять отношение между философией и наукой, как разграничить их сферы, как установить между ними конкордат? Совершенно недостаточно определить философию как учение о принципах или как наиболее обобщенное знание о мире, как о целом, или даже как учение о сущности бытия. Главный признак, отличающий философское познание от научного, нужно видеть в том, что философия познает бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, наука же познает бытие как бы вне человека, отрешенно от человека. Поэтому для философии бытие есть дух, для науки же бытие есть природа. Это различие духа и природы, конечно, ничего общего не имеет с различием психического и физического. Философия в конце концов неизбежно становится философией духа и только в таком качестве своим она не зависит от науки. Философская антропология должна быть основной философской дисциплиной. Философская антропология есть центральная часть философии духа. Она принципиально отличается от научного – биологического, социологического, психологического – изучения человека. И отличие это в том, что философия исследует человека из человека и в человеке, исследует его как принадлежащего к царству духа, наука же исследует человека как принадлежащего к царству природы, то есть вне человека, как объект. Философия совсем не должна иметь объекта, ибо ничто для нее не должно становиться объектом, объективированным. Основным признаком философии духа то, что в ней нет объекта познания. Познавать из человека и в человеке и значит не объективировать. И тогда лишь открывается смысл. Смысл открывается лишь тогда, когда я в себе, то есть в духе, и когда нет для меня объектности, предметности. Все, что есть для меня предмет, лишено смысла. Смысл есть лишь в том, что во мне и со мной, то есть в духовном мире. Принципиально отличать философию от науки только и можно, признав, что философия есть необъективированное познание, познание духа в себе, а не в его объективации в природе, то есть познание смысла и приобщение к смыслу. Наука и научное предвидение обеспечивают человека и дают ему силу, но они же могут опустошить сознание человека, оторвать его от бытия и бытие от него. Можно было бы сказать, что наука основана на отчуждении человека от бытия и отчуждении бытия от человека. Познающий человек вне бытия и познаваемое бытие вне человека. Все становится объектом, то есть отчужденным и противостоящим. И мир философских идей перестает быть моим миром, во мне раскрывающимся, делается миром, мне противостоящим и чуждым, миром объектным. Вот почему и исследования по истории философии перестают быть философским познанием, становятся научным познанием. История философии будет философским, а не только научным познанием в том лишь случае, если мир философских идей будет для познающего его собственным внутренним миром, если он будет его познавать из человека и в человеке. Философски я могу познавать лишь свои собственные идеи,

делая идеи Платона или Гегеля своими собственными идеями, то есть познавая из человека, а не из предмета, познавая в духе, а не в объектной природе. Это и есть основной принцип философии, совсем не субъективной, ибо субъективное противостоит объективному, а бытийственно жизненной. Если Вы пишете прекрасное исследование о Платоне и Аристотеле, о Фоме Аквинате и Декарте, о Канте и Гегеле, то это может быть очень полезно для философии и философов, но это не будет философия. Не может быть философии о чужих идеях, о мире идей как предмете, как объекте, философия может быть лишь о своих идеях, о духе, о человеке в себе и из себя, то есть интеллектуальным выражением судьбы философа. Историзм, в котором память непомерно перегружена и отяжелена и все превращено в чуждый объект, есть декаданс и гибель философии, так же как натурализм и психологизм. Духовные опустошения, произведенные историзмом, натурализмом и психологизмом, поистине страшны и человекоубийственны. Результатом является абсолютизированный релятивизм. Так подрываются творческие силы познания, пресекается возможность прорыва к смыслу. Это и есть рабство философии у науки, террор науки.

Философия видит мир из человека и только в этом ее специфичность. Наука же видит мир вне человека. Освобождение философии от всякого антропологизма есть умерщвление философии. Натуралистическая метафизика тоже видит мир из человека, но не хочет в этом признаться. И тайный антропологизм всякой онтологии должен быть разоблачен. Неверно сказать, что бытию, понятному объективно, принадлежит примат над человеком; наоборот, человеку принадлежит примат над бытием, ибо бытие раскрывается только в человеке, из человека, через человека. И тогда только раскрывается дух. Бытие, которое не есть дух, которое «вовне», а не «внутри», есть тирания натурализма. Философия легко делается отвлеченной и теряет связь с источниками жизни. Это бывает всякий раз, когда она хочет познавать не в человеке и не из человека, а вне человека. Человек же погружен в жизнь, в первожизнь, и ему даны откровения о мистерии первожизни. Только в этом глубина философии соприкасается с религией, но соприкасается внутренне и свободно. В основании философии лежит предположение, что мир есть часть человека, а не человек часть мира. У человека, как дробной и малой части мира, не могла бы зародиться дерзновенная задача познания. На этом основано и научное познание, но оно методологически отвлечено от этой истины. Познание бытия в человеке и из человека ничего общего не имеет с психологизмом. Психологизм есть, наоборот, замкнутость в природном, объективированном мире. Психологически человек есть дробная часть мира. Речь идет не о психологизме, а о трансцендентальном антропологизме. Странно забывать, что я, познающий, философ – человек. Трансцендентальный человек есть предпосылка философии и преодоление человека в философии или ничего не значит или значит упразднение

самого философского познания. Человек бытийствен, в нем бытие и он в бытии, но и бытие человечно и потому только в нем я могу раскрыть смысл, соизмеримый со мной, с моим постижением. С этой точки зрения феноменологический метод Гуссерля, поскольку он хотел преодолеть всякий антропологизм, то есть человека в познании, есть покушение с негодными средствами. Феноменологический метод имеет большие заслуги и вывел философию из тупика, в который завела ее кантианская гносеология. Он дал плодотворные результаты в антропологии, этике, онтологии (М. Шелер, Н. Гартман, Гейдеггер). Но феноменология Гуссерля связана с особым рода онтологией, с учением об идеальном, внечеловеческом бытии, то есть с своеобразной формой платонизма. В этом ее ошибочная сторона. Познание предполагает не идеальное, внечеловеческое бытие и совершенную пассивность человека, впускающего в себя предмет познания, мир сущностей (Wesenheiten), а человека, не психологического, а духовного человека и его творческую активность. Смысл вещей открывается не вхождением их в человека, при пассивной его установке к вещам, а творческой активностью человека, прорывающегося к смыслу за мир бессмыслицы. В предметном, вещном объектном мире смысла нет. Смысл открывается из человека, из его активности и означает открытие человека подобности бытия. Внечеловеческое идеальное бытие бессмысленно. А это значит, что смысл открывается в духе, а не в предмете, не в вещи, не в природе, только в духе бытие человечно. Феноменологический метод плодотворен, несмотря на свою пассивность и внечеловечность, и правда его в направленности на бытие, а не конструкции мысли. Творческая активность человека совсем не означает конструкции. Смысл не в объекте, входящем в мысль, и не в субъекте, конструирующем свой мир, а в третьей, не объективной и не субъективной сфере, в духовном мире, духовной жизни, где все активность и духовная динамика. Если познание происходит с бытием, то в нем активно обнаруживается смысл, то есть просветление тьмы бытия. Познание есть сама духовная жизнь. Познание происходит с тем, что познается [...]

Бердяев Н. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – 382, [1] с. – (Библиотека этической мысли). – С. 6-9.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятий, которые встречаются в тексте: натурализм, психологизм, историзм, релятивизм, антропологизм.
2. Что изучают онтология, философская антропология, логика, история философии?
3. Раскройте основы феноменологического метода
4. Как Н.Бердяев определяет философию?
5. Что такое познание?

Вильгельм Виндельбанд
Что такое философия?
(О понятии и истории философии)

[...] Как самим словом, так и первым значением философии – *philosophia* – мы обязаны грекам. Став во времена Платона, по-видимому, техническим термином, это слово означало как раз то, что мы теперь обозначаем словом «наука». Это есть имя, которое получило только что родившееся дитя. Мудрость, которая в форме древних мифических сказаний переходит от поколения к поколению, нравственные учения, житейское благоразумие, которое, накапливая опыт за опытом, облегчает новому поколению жизненный путь, практические знания, найденные в борьбе за существование при разрешении отдельных задач и с течением времени превратившиеся в солидный запас знания и умения, – все это с незапамятных времен существовало у всякого народа и во всякую эпоху. Но «любопытность» освобожденного от жизненной нужды культурного духа, который в благородном покое начинает исследовать, чтобы приобретать знание ради самого знания, без всякой практической цели, без всякой связи с религиозным утешением или нравственным возвышением, и наслаждаться этим знанием, как абсолютной, от всего прочего не зависимой ценностью, – эту чистую жажду знания впервые обнаружили греки, и этим они стали творцами науки. Как «инстинкт игры», так и инстинкт познания они извлекли из покровов мифических представлений, освободили от подчинения нравственным и повседневным потребностям, и тем возвели как искусство, так и науку, на степень самостоятельных органов культурной жизни. В фантастической расплывчатости восточного быта зачатки художественных и научных стремлений вплетались в общую ткань недифференцированной жизни: греки, как носители западного начала, начинают разделять неразделенное, дифференцировать неразвитые зародыши и устанавливать разделение труда в высших областях деятельности культурного человечества. Таким образом, история греческой философии есть история зарождения науки: в этом ее глубочайший смысл и ее непреходящее значение. Медленно отрешается стремление к познанию от той общей основы, к которой оно было первоначально прикреплено; затем оно сознает само себя, высказывается гордо и надменно и достигает наконец своего завершения, образовав понятие науки с полной ясностью и во всем его объеме. Вся история греческой мысли, от размышления Фалеса о последней основе вещей вплоть до логики Аристотеля, составляет одно великое типичное развитие, темой которого служит наука. Эта наука направлена поэтому на все, что вообще способно или кажется способным стать объектом познания: она обнимает всю вселенную, весь представляемый мир. Материал, над которым оперирует ставшее самостоятельным стремление к познанию и который содержится в мифологических сказаниях древности, в правилах жизни мудрецов и поэтов, в практических знаниях делового,

торгового народа, – весь этот материал еще так невелик, что легко укладывается в одной голове и поддается обработке посредством немногих основных понятий. Таким образом, философия в Греции есть единая неразделенная наука. Но начавшийся процесс дифференциации не может на этом остановиться. Материал растет, и перед глазами познающего и систематизирующего разума он расчленяется на различные группы предметов, которые, как таковые, требуют различных приемов обсуждения. Философия начинает делиться: из нее выделяются отдельные «философии», каждая из которых требует уже для себя работы всей жизни мыслителя. Греческий дух вступает в век специальных наук. Но если каждая из них получает особое название по своему предмету, то куда девается общее название «философии»? Оно сохраняется сначала за более общими данными познания. Могучий систематизирующий дух Аристотеля, в котором совершился этот процесс дифференциации, создал, наряду с другими науками, также и «первую философию», т.е. науку об основах, впоследствии названную метафизикой и изучавшую высшую и последнюю связь всего познаваемого; все созданные при разрешении отдельных научных задач понятия соединялись здесь в общее учение о Вселенной, и за этой высшей, всеобъемлющей задачей сохранилось поэтому то название, которое принадлежало единой общей науке. Однако одновременно с этим сюда привступил другой момент, источники которого лежали не в чисто научном развитии, а в общем культурном движении времени. Описанное разделение научного труда совпало с эпохой падения греческой национальности. Место отдельных национальных культур заняла единая мировая культура, в пределах которой греческая наука хотя и служила существенным связующим звеном, но все же должна была отступить перед другими потребностями или стать на службу к ним. Греческая национальность сменилась эллинизмом, эллинизм – Римской империей. Подготавливался огромный социальный механизм, поглощавший национальную жизнь с ее самостоятельными интересами, противопоставлявший личность как бесконечно малый атом некоторому чуждому и необозримому целому и, наконец, благодаря обострению общественной борьбы заставлявший личность стать как можно более независимой и спасти от шумного брожения времени возможно больше счастья и довольства в тиши внутренней жизни. Где судьбы внешнего мира шумно текли, разрушая на пути целые народы и великие державы, там, казалось, только во внутренней жизни личности можно было найти счастье и радость, и потому вопрос о правильном устройении личной жизни стал для лучших людей времени важнейшим и насущнейшим. Жгучесть этого интереса ослабила чистую жажду знания: наука ценилась лишь постольку, поскольку она могла служить этому интересу, и указанная «первая философия» с ее научной картиной мира казалась нужной лишь для того, чтобы узнать от нее, какое положение занимает человек в общей связи

вещей и как, соответственно тому, должен он устроить свою жизнь. Тип этой тенденции мы видим в стоическом учении. Подчинение знания жизни есть характерная черта того времени, и для него поэтому философия стала означать руководство в жизни и упражнение в добродетели. Наука не есть более самоцель; она есть благороднейшее средство, ведущее к счастью. Новый орган человеческого духа, развитый греками, вступает в продолжительный период служебного отношения. С веками он меняет своего господина. В то время как специальные науки стали служить отдельным социальным потребностям – технике, искусству обучения, искусству врачевания, законодательству и т.д., философия остается той общей наукой, которой надлежало учить, как человеку достигнуть одновременно и счастья и добродетели. Но чем далее тянулось это состояние мира, чем сильнее дичало общество в жажде наслаждения и беспринципности, тем более надламывалась гордость добродетельных, и тем безнадежнее становилось стремление к личному счастью. Земной мир, со всем его блеском и радостями, гложет, и идеал все более переносится из сферы земного в иную, более высокую и более чистую область. Этическая мысль превращается в религиозную, и «философия» отныне означает Богопознание. Весь аппарат греческой науки, ее логическая схема, ее система метафизических понятий кажутся предназначенными лишь к тому, чтобы выразить в познавательной форме религиозное стремление и убеждения веры. В теософии и теургии, которые из мятущегося переходного времени переносятся в средневековую мистику, этот новый характер философии сказывается не менее чем в той упорной работе мысли, при посредстве которой три великие религии старались ассимилировать греческую науку. В этой форме в качестве служанки веры мы встречаемся с философией в течение долгих, тяжелых ученических годов германских народов: стремление к познанию слилось с религиозным стремлением и наряду с последним не имеет самостоятельных прав. Философия есть попытка научного развития и обоснования религиозных убеждений. В освобождении от этого абсолютного господства религиозного сознания содержатся корни современной мысли, заходящие далеко в глубь так называемых средних веков. Стремление к знанию делается снова свободным, оно познает и утверждает свою самостоятельную ценность. В то время как социальные науки идут своим собственным путем, с отчасти совершенно новыми задачами и приемами, философия находит вновь в идеалах Греции чистое знание ради него самого. Она отказывается от своего этического и религиозного назначения и снова становится общей наукой о мире, познание которого она хочет добыть, не опираясь ни на что постороннее, из себя самой и для себя самой. «Философия» становится метафизикой в собственном смысле слова, все равно, воспроизводит ли она системы великих греков, или путем фантастических комбинаций смело продумывает до конца новые воззрения, добытые открытиями времени, идет ли она в строгую школу

древней и почтенной, но все еще молодой науки математики, или хочет осторожно созидать себя на данных нового естествознания. Так или иначе она хочет, независимо от разногласия религиозных мнений, дать самостоятельное, основанное на «естественном» разуме, познание мира и, таким образом, противопоставляет себя вере, как «светское знание». Однако наряду с этим метафизическим интересом с самого же начала выступает другой интерес, который постепенно приобретает перевес над первым. Зародившись в оппозиции к опекаемой церковью науке, эта новая философия должна прежде всего показать, как она хочет создать свое новое знание.

Виндельбанд В. Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Виндельбанд В. Прелюдии / Пер. с нем. и вступ. статья С. Франка. – М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. – 400 с. Серия «КАНОН ФИЛОСОФИИ». – С. 11-52.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что изучает философия?
2. Проследите развитие философской мысли

Рене Декарт ***Начала философии***

[...] Прежде всего я хотел бы выяснить, что такое философия, сделав почин с наиболее обычного, с того, например, что слово “философия” обозначает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек; это же знание, которое направляет самую жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытиям во всех науках. А чтобы философия стала такой, она необходимо должна быть выведена из первых причин так, якобы тот, кто старается овладеть ею (что и значит, собственно, философствовать), начинал с исследования этих первых причин, именуемых началами. Для этих начал существует два требования. Во-первых, они должны быть столь ясны и самоочевидны, чтобы при внимательном рассмотрении человеческий ум не мог усомниться в их истинности; во-вторых, познание всего остального должно зависеть от них так, что хотя начала и могли бы быть познаны помимо познания прочих вещей, однако, обратно, эти последние не могли бы быть познаны без знания начал. При этом необходимо понять, что здесь познание вещей из начал, от которых они зависят, выводится таким образом, что во всем ряду выводов нет ничего, что не было бы совершенно ясным. Вполне мудр в действительности один бог, ибо ему свойственно совершенное знание всего; но и люди могут быть названы более или менее мудрыми, сообразно тому, как много или как мало они знают истин о важнейших

предметах. С этим, я полагаю, согласятся все сведущие люди.

Затем я предложил бы осудить полезность этой философии и вместе с тем доказал бы важность убеждения, что философия (поскольку она распространяется на все доступное для человеческого познания) одна только отличает нас от дикарей и варваров и что каждый народ тем более гражданственен и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего блага, как иметь истинных философов. Сверх того, любому человеку важно не только пользоваться близостью тех, кто предан душою этой науке, но поистине много лучше самим посвящать себя ей же, подобно тому, как несомненно предпочтительнее при ходьбе пользоваться собственными глазами и благодаря им получать наслаждение от красок и цвета, нежели закрывать глаза и следовать на поводу у других; однако и это все же лучше, чем, закрыв глаза, отказываться от всякого постороннего руководства. Действительно, те, кто проводит жизнь без изучения философии, совершенно замкнули глаза и не заботятся открыть их; между тем удовольствие, которое мы получаем при созерцании вещей, видимых нашему глазу, отнюдь не сравнимо с тем удовольствием, какое доставляет нам познание того, что мы находим с помощью философии. К тому же для наших нравов и для жизненного уклада эта наука более необходима, чем пользование глазами для направления наших шагов. Неразумные животные, которые должны заботиться только о своем теле, непрерывно и заняты лишь поисками пищи для него; для человека же, главною частью которого является ум, на первом месте должна стоять забота о снискании его истинной пищи – мудрости. Я твердо убежден, что очень многие не преминули бы это сделать, если бы только надеялись в том успеть и знали, как это осуществить. Нет такого самого последнего человека, который был бы так привязан к объектам чувств, что когда-нибудь не обратился бы от них к чему-то лучшему, хотя бы часто и не знал, в чем последнее состоит. Те, к кому судьба благосклонна, кто в избытке обладает здоровьем, почетом и богатством, не более других свободны от такого желания; я даже убежден, что они сильнее прочих тоскуют по благам более значительным и совершенным, чем те, какими они обладают. А такое высшее благо, как показывает даже и помимо света веры один природный разум, есть не что иное, как познание истины по ее первопричинам, то есть мудрость; занятие последнею и есть философия. Так все это вполне верно, то нетрудно в том убедиться, лишь бы правильно все было выведено. Но поскольку этому убеждению противоречит опыт, показывающий, что люди, более всего занимающиеся философией, часто менее мудры и не столь правильно пользуются своим рассудком, как те, кто никогда не посвящал себя этому занятию, я желал бы здесь кратко изложить, из чего состоят те науки, которыми мы теперь обладаем, и какой ступени мудрости эти науки достигают.

Первая ступень содержит только те понятия, которые благодаря собственному свету настолько ясны, что могут быть приобретены и без размышления. Вторая ступень охватывает все то, что дает нам чувственный опыт. Третья – то, чему учит общение с другими людьми. Сюда можно присоединить, на четвертом месте, чтение книг, конечно не всех, но преимущественно тех, которые написаны людьми, способными наделить нас хорошими наставлениями; это как бы вид общения с их творцами. Вся мудрость, какую обычно обладают, приобретена, на мой взгляд, этими четырьмя способами. Я не включаю сюда божественное откровение, ибо оно не постепенно, а разом поднимает нас до безошибочной веры. Однако во все времена бывали великие люди, пытавшиеся присоединять пятую ступень мудрости, гораздо более возвышенную и верную, чем предыдущие четыре; по-видимому, они делали это исключительно так, что отыскивали первые причины и истинные начала, из которых выводили объяснения всего доступного для познания. И те, кто старался об этом, получили имя философов по преимуществу. Никому, однако, насколько я знаю, не удалось счастливое разрешение этой задачи. Первыми и наиболее выдающимися из таких писателей, сочинения которых дошли до нас, были Платон и Аристотель.

Декарт Р. Начала философии // Избранные произведения. – М.-Л.: Госполитиздат, 1950 – 712 с. – С.411- 426.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое мудрость?
2. Как мудрость приобретается?
3. Что такое философия?
4. Какое значение, по мнению Р.Декарта, имеет философия?

Николай Кузанский ***Охота за мудростью***

[...] Когда заботы чрезмерны, они отчуждают от созерцания премудрости. Недаром написано, что философия противоположна плоти и умерщвляет ее. Между философами опять-таки обнаруживается большое различие, и, главное, потому, что ум одного лучший охотник, потому что упражнялся, и логика ему послушнее, и он умело ею пользуется, и еще потому, что один лучше другого знает, в какой области желанную премудрость быстрее отыскать и как уловить. Поистине философы не что иное, как охотники за премудростью, которую каждый по-своему прослеживает в свете прирожденной ему логики.

[...] Мы ведь не знаем всего, что может быть познано человеком. Так, скажем, не стал грамматиком, ритором, логиком, философом,

математиком, теологом, механиком и так далее, однако, будучи человеком, можешь всем этим стать. Хотя возможность стать человеком; актуально определилась в тебе именно таким вот образом, каков ты: есть, и эта определенность есть твоя сущность, однако возможность стать человеком в тебе никогда не завершена до полной определенности. Имея ввиду эту несовершенную неопределившуюся возможность стать, платоники, как передает Прокл, называли все составом из законченного, или определившегося и бесконечного, законченность относится к определившейся сущности, бесконечность к потенции и возможности стать.

[...] Вложенное в нас природное влечение побуждает нас искать не только знания, но и мудрости (*sapientiam*), то есть питательного знания (*sapidam scientam*).

Нашей интеллектуальной природе, поскольку она живет, надо питаться, причем она не может подкрепляться ничем, кроме пищи духовной жизни, как и все живое кормится сообразной его жизни пищей; жизненный дух всегда движим влечением – это движение и зовется жизнью – и сила духа жизни без восстановления свойственным ему питанием иссякнет и прекратится.

[...] Дух премудрости нисходит в дух интеллекта как желанное к жаждущему, смотря по пылкости жажды, обращает к себе духовность интеллекта.

Кузанский Н. Охота за мудростью // Избранные произведения: в 2-х т. – Т.2. – М.: Мысль, 1980. – 471 с. – С. 34, 393,394,347,387.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что подразумевает Н. Кузанский под выражением «охота за мудростью»?
2. Кто такие «охотники за мудростью» ?

Петр Лаврович Лавров

Три беседы о современном значении философии

Дело в том, что философия, и она одна, вносит смысл и человеческое значение во все, куда она входит. Мы осмысливаем нашу деятельность настолько, насколько вносим в нее элемент философии. Насколько человек обязан себе отдавать ясный отчет в каждом своем слове, в своих мыслях, чувствах и действиях, настолько он обязан философствовать. Пренебрежение философией есть искажение в себе человеческого сознания. Требование сознательной философии равнозначительно требованию развития человека. Впрочем, я здесь обязан сделать оговорку. Требование от человека сознательности и развития есть нравственная аксиома, которую доказать нельзя, если кто ее отвергает. А есть люди, которые отвергают это начало. Есть люди, которые готовы сказать:

«Сознательность, развитие, размышление есть зло для человека». Они смело утверждают, что лучше, счастливее человек, следующий бессознательно заранее предписанной рутине, человек не рассуждающий, непонимающий, «труп в руках другого», по выражению иезуитов, чем человек, добывающийся путем страдания и ошибок полнейшего знания, лучшего понимания, справедливейших условий жизни... Против подобных оппонентов полемизировать невозможно, потому что они стоят на другой почве, говорят на другом языке. Убеждать их бесполезно, потому что сам процесс убеждения им недоступен. Они не нуждаются в философии, потому что не нуждаются в мысли. Их идеал – это сон без сновидений. Оставляя их в стороне, мы считаем себя вправе поставить себе аксиомой: человек обязан отдавать себе отчет в каждом слове, в каждой мысли, в каждом чувстве и действии. На этом основании мы должны отдать себе отчет в том, какое значение имеет философский элемент, присутствующий в человеческой деятельности. Мы увидим, что в разных областях этой деятельности он проявляется различно... Философия в знании есть построение всех сведений в стройную систему, понимание всего сущего как единого, единство в понимании. Философия в творчестве есть внесение понимания мира и жизни в творческую деятельность, воплощение понятого единства всего сущего в образ, в стройную форму, единство мысли и формы. Философия в жизни есть осмысление ежедневной деятельности, внесение понимания всего сущего как единого в нашу деятельность, воплощение понятого единства всего сущего в практический идеал, единство мысли и действия. Довольно сблизить эти выражения, чтобы в них прочесть отдельные термины одного понятия, отдельные признаки одной деятельности. Философия есть понимание всего сущего как единого и воплощение этого понимания в художественный образ и в нравственное действие. Она есть процесс отождествления мысли, образа и действия. В человеке рядом с философией присутствуют другие деятельности: научная, художественная, религиозная. Покажем их различие от предмета, нас занимающего. Наука есть сумма сведений, проникнутых философским мышлением, но в ней главный интерес в сведениях, в фактах, а не в их построении. Науке принадлежит и факт, еще не осмысленный, не согласенный с прочими, не вошедший в теорию, не уясненный гипотезой. Научная деятельность вся поглощена собиранием фактов и определением их относительной вероятности. Философия не есть наука; она есть только деятельность, строящая науку, и без нее бы не существовало ни одной науки. Искусство преследует красоту, стройную форму, оживленную пафосом художника: форма здесь существенное и только потому влечет за собой пафос, что художник – живая личность; полнота содержания не нужна, воплощения одной жизненной черты достаточно, чтобы оживить форму. Философия преследует тоже форму, но соответствующую содержанию. Для нее самое важное – содержание; форма должна ему подчиниться, к нему

приладиться. Философия не искусство, но без нее не было бы ни одного прекрасного произведения, не существовало бы патетизма, а лишь стройные этюды разных родов. Религиозная деятельность довольно сходна с философской по своим целям, но резко отличается от нее по состоянию духа личностей: вера есть существенный признак одной, критика – необходимое условие другой. Таким образом, философия, отличаясь от прочих деятельностей человеческого духа, оживляет их все, сообщает им человеческую сторону, осмысливает их для человека. Без нее наука – сборник фактов, искусство – вопрос техники, жизнь – механизм. Философствовать – это развивать в себе человека как единое стройное существо.

Лавров П. Л. Три беседы о современном значении философии // Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения в двух томах / Академия Наук СССР, Институт философии ; Составление и примечания И. С. Книжника-Ветрова; Вступительная статья И. С. Книжника-Ветрова и А. Ф. Окулова; Под общей редакцией А. Ф. Окулова. – М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1965. – (Философское наследие). – Т. 1. – 752 с. – С. 513 – 518, 571 – 572.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что, по мнению П. Лаврова, означает философствовать?
2. Чем философская деятельность отличается от религиозной?
3. Чем философия отличается от науки?

Владимир Сергеевич Соловьев
Философские начала цельного знания

[...] Слово «философия», как известно, не имеет одного точно определенного значения, но употребляется во многих весьма между собой различных смыслах. Прежде всего мы встречаемся с двумя главными, равно друг от друга отличающимися понятиями о философии: по первому философия есть только теория, есть дело только школы; по второму она есть более чем теория, есть преимущественно дело жизни, а потом уже и школы. По первому понятию философия относится исключительно к познавательной способности человека; по второму она отвечает также и высшим стремлениям человеческой воли, и высшим идеалам человеческого чувства, имеет, таким образом, не только теоретическое, но также нравственное и эстетическое значение, находясь во внутреннем взаимодействии со сферами творчества и практической деятельности, хотя и различаясь от них. Для философии, соответствующей первому понятию, – для философии школы – от человека требуется только развитой до известной степени ум, обогащенный некоторыми познаниями и освобожденный от вульгарных предрассудков; для философии, соответствующей второму понятию, –

для философии жизни – требуется, кроме того, особенное направление воли, то есть особенное нравственное настроение, и еще художественное чувство и смысл, сила воображения, или фантазии. Первая философия, занимаясь исключительно теоретическими вопросами, не имеет никакой прямой внутренней связи с жизнью личной и общественной, вторая философия стремится стать образующей и управляющей силой этой жизни.

Спрашивается, какая из этих двух философий есть истинная? И та и другая имеют одинаковое притязание на познание истины, но самое это слово понимается ими совершенно различно: для одной оно имеет только отвлеченно-теоретическое значение, для другой – живое, существенное. Если для разрешения нашего вопроса мы обратимся к этимологии слова «философия», то получим ответ в пользу живой философии. Очевидно, название «любомудрие», то есть любовь к мудрости [...], не может применяться к отвлеченной теоретической науке. Под мудростью понимается не только полнота знания, но и нравственное совершенство, внутренняя цельность духа. Таким образом, слово «философия» означает стремление к духовной цельности человеческого существа – в таком смысле оно первоначально и употреблялось. Но понимается, этот этимологический аргумент сам по себе не имеет важности, так слово, взятое из мертвого языка, может впоследствии получить значение, независимое от его этимологии. Так, например, слово «химия», значащая этимологически “черноземная” или же «египетская» (от слова «хем» – черная земля, как собственное имя – Египет), в современном своем смысле имеет, конечно, очень мало общего с черноземом или с Египтом. Но относительно философии должно заметить, что и большинством людей она понимается соответственно своему первоначальному значению. Общий смысл и его выражение – разговорный язык и доселе видят в философии более чем отвлеченную науку, в философе – более чем ученого. В разговорном языке можно назвать философом человека не только малоученого, но и совсем необразованного, если только он обладает особым умственным и нравственным настроением. Таким образом, не только этимология, но и общее употребление придает этому слову значение, совершенно не соответствующее школьной философии, но весьма близкое к тому, что мы называли философией жизни, что, конечно, составляет уже большое *praejudicium* (заранее известное решение (лат.) – Авт.) в пользу этой последней. Но решающего значения это обстоятельство все-таки не имеет: ходячее понятие о философии может не отвечать требованиям более развитого мышления. Итак, чтобы разрешить вопрос по существу, нам должно рассмотреть внутренние начала обеих философий и лишь из собственной состоятельности или несостоятельности вывести заключение в пользу той или другой.

Все многообразие систем в школьной философии может быть

сведено к двум главным типам или направлениям, причем одни из систем представляют простые видоизменения этих типов или различные стадии их развития, другие образуют переходные ступени или промежуточные звенья от одного типа к другому, третьи, наконец, суть опыты эклектического соединения обоих.

Воззрения, принадлежащие к первому типу, полагают основной предмет философии во внешнем мире, в сфере материальной природы и соответственно этому настоящим источником познания считают внешний опыт, то есть тот, который мы имеем посредством нашего обыкновенного чувственного сознания. По предполагаемому им предмету философии этот тип может быть назван натурализмом, по признаваемому же им источнику познания – внешним эмпиризмом.

Признавая настоящим объектом философии природу, данную нам во внешнем опыте, натурализм, однако, не может приписывать такого значения непосредственной, окружающей нас действительности во всем сложном и изменчивом многообразии ее явлений. Если же искомая философией истина была тождественна с этою окружающей нас действительностью, если бы она, таким образом, была у нас под руками, то нечего было бы и искать ее, и философия как особенный род знания не имела бы причины существовать. Но в том то и дело, что эта наша действительность не довлеет себе, что она представляется как нечто частичное, изменчивое, производное и требует, таким образом, своего объяснения из другого истинно-сущего как своего первоначала. Эта феноменальная действительность – то, что мы в совокупности называем миром, – есть только данный предмет философии, то, что требуется объяснить, задача для разрешения, загадка, которую нужно разгадать. Ключ этой задачи (*le mot de l'énigme*) и есть искомое философии. Все философские направления, где бы они ни искали сущей истины, как бы ее ни определяли, одинаково признают, что она должна представлять характер всеобщности и неизменности, отличающий ее от преходящей и раздробленной действительности явлений. Это признает и натурализм (как философское воззрение) и потому считает истинно-сущим природу не в смысле простой совокупности внешних явлений в их видимом многообразии, а в смысле общей реальной основы или материи этих явлений. Определяя эту основу, натурализм проходит три ступени развития. Первая, младенческая, фаза натуралистической философии (представляемая, например, древней ионийской школой) может быть названа элементарным или стихийным материализмом; за основу или начало принимается здесь одна из так называемых стихий, и все остальное признается за ее видоизменение. Но легко видеть, что каждая стихия, как ограниченная, отличающаяся от другого реальность, не может быть настоящим первоначалом; им может быть только общая неопределенная стихия или общая основа всех стихий [...]

Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С.

Сочинения в 2 т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. – 822 [2] с. – (Филос. наследие. Т. 105). – С. 179-181, 227-229.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что представляет собой философия жизни и философия школы?
2. Кого, по мнению В. Соловьева, можно назвать философом?
3. Что является предметом философии, по мнению автора?

Людвиг Фейербах
О «начале философии»

[...] Итак, абсолютный философский акт состоит в том, чтобы беспредметное делать предметным, непостижимое – постижимым, другими словами, объект жизненных интересов превращать в мысленный предмет, в предмет знания, – это тот же акт, которому философия, вообще знание обязано своим существованием. А непосредственным следствием этого является то обстоятельство, что начало философии составляет начало науки вообще, а вовсе не начало специального знания, отличного от знания реальных наук. Это подтверждается даже историей. Философия – мать наук. Первые естествоиспытатели, как древнего, так и нового времени, были философами. [...] В самом деле, если начало философского и эмпирического знания непосредственно совпадает как тождественный акт, то, очевидно, задача философии в том, чтобы с самого начала помнить об этом общем происхождении и, следовательно, не начинать с отличия от (научного) опыта, но, скорее, исходить из тождества с этим опытом. По мере развития пусть философия отмежуется, но если она начнет с обособления, то она никогда в конце надлежащим образом с опытом не объединится, как это все же желательно, – ведь благодаря самостоятельному началу она никогда не выйдет за пределы точки зрения отдельной науки, она неизменно сохранит как бы надуманное поведение щепетильной особы, которая боится потерять свое достоинство от одного прикосновения с эмпирическими орудиями; словно одно только гусиное перо было органом откровения и орудием истины, а не астрономический телескоп, не минералогическая паяльная трубка, не геологический молоточек и не лупа ботаника. Разумеется, это очень ограниченный, жалкий опыт, если он не достигает философского мышления или, так или иначе, не хочет подняться до него; но столь же ограниченной оказывается всякая философия, которая не опирается на опыт. А каким образом философия доходит до опыта? Тем, что она только усваивает его результаты? Нет. Только тем, что она в эмпирической деятельности усматривает также деятельность философскую, признавая, что и зрение есть мышление; что чувственные органы являются органами философии. Новейшая философия именно тем и отличалась от философии

схоластической, что она снова соединила эмпирическую деятельность с мыслительной, что она в противоположность мышлению, отмежеванному от реальных вещей, выставила тезис – философствовать следует, руководствуясь чувством. Поэтому если мы обратимся к началу новейшей философии, то мы будем иметь перед собою подлинное начало философии. Не в конце своего пути приходит философия к реальности, скорее с реальности она начинается. Только этот путь, а не тот, который намечается автором в согласии со спекулятивной философией со времен Фихте, есть единственно естественный, то есть целесообразный и верный путь. Дух следует за чувством, а не чувство – за духом: дух есть конец, а не начало вещей. Переход от опыта к философии составляет нечто неизбежное, произвольный каприз.

Фейербах Л. О «начале философии» // Фейербах Л. Избранные философские произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 1. – 676 с. – С. 98–99.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Почему философия – мать наук? Как это обосновывает автор?
2. Что, по мнению автора, является началом философии?

Фридрих Шлегель

Развитие философии в двенадцати книгах

[...] Философия, и притом каждая отдельная философия, имеет собственный язык. Язык философии отличен как от поэтического языка, так и от языка обыденной жизни. На языке поэзии бесконечное только намечается, не обозначается определенно, как это происходит в языке обыденной жизни с ее предметами. Философский же язык должен определенно обозначать бесконечное, как это делает обычный язык с предметами обыденной жизни, как механические искусства обращаются с полезными предметами. Поэтому философия должна создать собственный язык из обоих других. Но, как и сама философия, он находится в вечном устремлении, и подобно тому как не существует еще одной-единственной философии, не существует еще и одного-единственного философского языка, но каждый философ имеет свой собственный.

Следовательно, философский язык вообще очень изменчив, вполне своеобразен, весьма труден, понятен только для самого философа. Это своеобразие и отличие его от других языков, делающие его трудными для понимания, в чем философов часто упрекает обычный человек, и составляют достоинство философского языка. Ибо форма должна соответствовать своей материи. Философская же материя умозрения пригодна не для всех, а только для немногих людей, и лишь немногие могут понимать ее. Нужно философствовать самому, если хочешь понять язык философии, тогда как для понимания поэтического языка нужно

обладать лишь обычными, естественными способностями и некоторым развитием.

[...] Поэзия вообще очень понятна, и по той особой причине, что поэзия имея дело, как и философия, с высшим, бесконечным, гораздо более естественна для человека, чем последняя. В поэтическом искусстве прекрасное, божественное, бесконечное не определено, а только намечено. Оно позволяет только предчувствовать его, подобно тому как и человек скорее угадывает, чем знает высшее, божественное, больше намекает на него, чем объясняет его, заключая в определенные формулы, как это все же стремится сделать философия, пытающаяся рассматривать бесконечное с той же точностью и целесообразностью, что и вещи, окружающие человека в обыденной жизни. Однако это более далеко от первоначальных естественных побуждений, нежели поэзия, это искусственное состояние, плод высшего напряжения. Поэтому и философия витает посередине между поэзией и обычной практической жизнью. Здесь нет никакой связи с бесконечным, все слишком ограничено и определено, там же все слишком неопределенно. У нее общий предмет с поэзией, общий подход с обыденной жизнью; возникновение философской формы можно вывести из обеих.

Исходя из всего этого, в качестве необходимого условия понимания какого-либо философского языка нужно, во-первых, философствовать самому, а во-вторых, вполне изучить язык каждой философии, в-третьих, для этого необходимо множество ученых познаний; в-четвертых, чтобы верно и непартийно судить о целом, нужно очень точно ознакомиться с принципами и мнениями каждого философа, собственно написать историю духа каждой философии в его развитии, происхождении, формировании его идей и мнений и конечном результате или, если такового нет, указать причину этого и исследовать ее. Это предполагает, правда, обладание всей полнотой произведений, в которых изложена система философии. Нужно обозреть ее во всем ее объеме, ибо философия понятна только в целом. Система, в которой недостает хотя бы одной части, имеет почти столь же малую ценность для историка, как и просто фрагмент из всей системы.

В последний период развития новейшей философии введение к философии пытались давать главным образом двумя способами: с одной стороны (например, в лекциях Фихте «О назначении ученого»), как переход от обычного взгляда на жизнь к высшему спекулятивному взгляду, присущему философии, – сравнение жизни с философией; с другой стороны (например, небольшое сочинение Фихте «О сущности наукоучения»), как демонстрацию на материале всех наук, что философия совершенно необходима, в особенности для того, чтобы дать этим наукам первоначало, чтобы обосновать и определить их, – сравнение наук с философией, их отношения к ней и наоборот. Первый способ, поскольку в

нем восхваляется высший философский взгляд по сравнению с обычным образом мысли, присущим обыденной жизни, можно назвать риторическим, второй же – энциклопедическим, так как он стремится охватить все науки в их связи с философией. Оба способа, однако, не отвечают своей цели, ибо как может иметь место реальное, плодотворное сравнение философии с жизнью и с науками до знакомства с самой философией и, более того, до полного ее освоения? Ибо пока философия находится еще в спорном, несовершенном состоянии, трудно было бы доказать, что все другие науки должны почерпнуть свои первоначала из философии. То же самое относится и к дефиниции философии. Если подлинная дефиниция должна быть исчерпывающим понятием философии, реальным, характеристичным описанием, охватывающим весь предмет, то ее нельзя дать во введении. Введение было бы тогда философией, философию тогда нужно было бы отделить от философии или подчинить иной дисциплине, как это происходит у тех, кто устанавливает основной принцип философии во введении. Краткую, предварительную, поверхностную и общую дефиницию будет дать нетрудно и отнюдь не предосудительно. Вот она: познание внутреннего человека, причин природы, отношения человека к природе и его связи с ней или, поскольку еще нет реальной завершенной философии, стремление к такому познанию.

Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 2 /Вступ. статья, сост., пер. с нем. Ю. Н. Попова; Примеч. Ал. В. Михайлова и Ю. Н. Попова. – М.: Искусство, 1983. – 448 С., 1 Л. портр. – (История эстетики в памятниках и документах). – С. 88 -90, 102– 103.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. В чем специфика философского языка?
2. Чем философия отличается от науки?

Фридрих Энгельс

Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии

[...] Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию. Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти,— уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру. Если она в момент смерти отделяется от тела и продолжает жить, то нет никакого повода придумывать для нее еще какую-то особую смерть. Так возникло

представление о ее бессмертии, которое на той ступени развития казалось отнюдь не утешением, а неотвратимой судьбой и довольно часто, например у греков, считалось подлинным несчастьем. Не религиозная потребность в утешении приводила всюду к скучному вымыслу о личном бессмертии, а то простое обстоятельство, что, раз признав существование души, люди в силу всеобщей ограниченности никак не могли объяснить себе, куда же девается она после смерти тела. Совершенно подобным же образом вследствие олицетворения сил природы возникли первые боги, которые в ходе дальнейшего развития религии принимали все более и более облик внемировых сил, пока в результате процесса абстрагирования – я чуть было не сказал: процесса дистилляции, – совершенно естественного в ходе умственного развития, в головах людей не возникло, наконец, из многих более или менее ограниченных и ограничивающих друг друга богов представление о едином, исключительном боге монотеистических религий. Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни, стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости. Но он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья. Вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или природа, – этот вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века? Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира, – а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает нередко еще более запутанный и нелепый вид, чем в христианстве, – составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма. Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение. ...Материализм прошлого века был преимущественно механическим, потому что из всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика, и именно только механика твердых тел (земных и небесных), короче – механика тяжести. Химия существовала еще в наивной форме, основанной на теории флогистона. Биология была еще в пленках: растительный и животный организм был исследован лишь в самых грубых чертах, его объясняли чисто механическими причинами. В глазах материалистов XVIII века человек был машиной так же, как животное в глазах Декарта. Это применение исключительно масштаба

механики к процессам химического и органического характера,— в области которых механические законы хотя и продолжают действовать, но отступают на задний план перед другими, более высокими законами,— составляет первую своеобразную, но неизбежную тогда ограниченность классического французского материализма. Вторая своеобразная ограниченность этого материализма заключалась в неспособности его понять мир как процесс, как такую материю, которая находится в непрерывном историческом развитии. Это соответствовало тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, то есть антидиалектическому, методу философского мышления. Природа находится в вечном движении; это знали и тогда. Но по тогдашнему представлению, это движение столь же вечно вращалось в одном и том же круге и таким образом оставалось, собственно, на том же месте: оно всегда приводило к одним и тем же последствиям. Такое представление было тогда неизбежно. Кантовская теория возникновения солнечной системы тогда только что появилась и казалась еще лишь простым курьезом. История развития Земли, геология, была еще совершенно неизвестна, а мысль о том, что нынешние живые существа являются результатом продолжительного развития от простого к сложному, вообще еще не могла тогда быть выдвинута наукой. Неисторический взгляд на природу был, следовательно, неизбежен. И этот недостаток тем меньше можно поставить в вину философам XVIII века, что его не чужд даже Гегель. У Гегеля природа, как простое «отчуждение» идеи, не способна к развитию во времени; она может лишь развертывать свое многообразие в пространстве, и, таким образом, осужденная на вечное повторение одних и тех же процессов, она выставляет одновременно и одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития. И эту бессмыслицу развития в пространстве, но вне времени, — которое является основным условием всякого развития, — Гегель навязывал природе как раз в то время, когда уже достаточно были разработаны и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда на основе этих новых наук уже повсюду зарождались гениальные догадки, предвосхищавшие позднейшую теорию развития (например Гёте и Ламарк). Но так повелевала система, и в угоду системе метод должен был изменить самому себе. В области истории — то же отсутствие исторического взгляда на вещи. Здесь приковывала взор борьба с остатками средневековья. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, образование там в соседстве друг с другом великих жизнеспособных наций, наконец, огромные технические успехи XIV и XV веков. А тем самым становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь, и история в лучшем случае являлась готовым к услугам философов

сборником примеров и иллюстраций.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, Т.21. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1961. – 745 с. – С. 282-283, 286-288.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. В чем, по мнению Ф.Энгельса, заключается основной вопрос философии?
2. Что такое идеализм?
3. Что такое материализм?

Карл Теодор Ясперс Введение в философию

1. Что такое философия?

Что такое философия и чем она ценна? [...] От философии ждут каких-то необыкновенных разъяснений или же равнодушно игнорируют ее как беспредметное мышление. Перед ней робеют, как перед выдающимся достижением каких-то совершенно уникальных людей, или презирают, как бесполезные раздумья мечтателей. Ее считают чем-то таким, что касается каждого и поэтому в основе своей должно быть простым и понятным, или чем-то столь трудным, что заниматься ею представляется совершенно безнадежным делом. Таким образом, то, что выступает под именем философии, становится поводом для самых противоположных суждений.

Для человека, который верит в науку, наихудшим является то, что у философии нет общепринятых результатов, нет того, что можно было бы знать со всей определенностью и чем можно было бы владеть. В то время как науки, бесспорно, достигли в своих областях достоверного и общепризнанного знания, философия не добилаь этого, несмотря на тысячелетние усилия. Нельзя отрицать: в философии не бывает того единодушия, которое устанавливается по поводу всего окончательно познанного. То, что признает каждый, опираясь на не терпящие возражений основания, и что становится научным знанием, не является более философией, но относится к отдельной области познаваемого.

В отличие от наук для философского мышления не характерен прогресс. Мы, определенно, существенно продвинулись по сравнению с древнегреческим врачом Гиппократом. Но едва ли мы можем сказать, что продвинулись дальше Платона. Только в материале научного познания, которым он пользовался, мы находимся дальше. В самом же философствовании мы, возможно, еще вряд ли достигли его.

То, что ни одна форма философии в отличие от наук не находит всеобщего, единодушного признания, должно корениться в природе самого предмета философии. Род достоверности (*Gewißheit*), который в ней привлекает, не будучи научным, то есть одинаковым для каждого ума,

является некоторым убеждением, или удостоверенностью (Vergewisserung), в достижении которой участвует все существо человека.

В то время как научные исследования ведутся по отдельным предметам, знать о которых каждому совершенно не обязательно, философия имеет дело с бытием в целом, которое имеет отношение к человеку как человеку, а также с истиной, которая там, где она вспыхивает, захватывает глубже, чем любое научное познание.

Хотя разработанная философия и связана с науками – она предполагает науки в том состоянии развития, которого они достигли в определенную эпоху, – однако свой смысл получает из другого источника. До всякой науки она появляется там, где пробуждается человек.

Такая философия без науки предстает перед нами в нескольких примечательных проявлениях.

Первое: почти каждый считает себя способным обсуждать философские вопросы. В то время как в сфере наук признают, что условием их понимания являются обучение, подготовка, метод, по отношению к философии претендуют на то, чтобы приобщаться к ней безо всяких условий, полагая, что каждый в состоянии принять участие в обсуждении философских проблем. Собственное бытие человека, собственная судьба и собственный опыт считаются для этого достаточным основанием.

Следует признать, что философия должна быть доступна для каждого человека. Самые обстоятельные пути философий, которыми идут философы-профессионалы, обретают свой смысл все-таки только тогда, когда они выходят к человеческому бытию, которое находит свое определение в процессе обретения уверенности относительно бытия и своего места в нем.

Второе: философское мышление каждый раз должно начинаться с самого начала. Каждый человек должен осуществлять его самостоятельно.

Удивительным знаком того, что человек как таковой изначально философствует, являются вопросы детей. Часто из детских уст можно услышать то, что по своему смыслу уходит непосредственно в глубь философствования. [...]

Третье: изначальное философствование обнаруживается как у детей, так и душевнобольных. Иногда – очень редко – путы общей зашоренности как бы развязываются и начинает говорить захватывающая истина. В начальный период некоторых душевных болезней имеют место совершенно потрясающие метафизические откровения, которые, правда, по форме и речевому выражению являются всегда настолько шокирующими, что их оглашение не может иметь какого-либо объективного значения, за исключением таких редких случаев, как поэт Гёльдерлин или художник Ван-Гог. Однако тот, кто присутствует при этом, не может избежать впечатления, что здесь разрывается покров, под которым обыкновенно проходит наша жизнь. Некоторым обычным,

здоровым, людям также знаком опыт переживания глубоко тревожащих значений, которые свойственны переходному состоянию от сна к пробуждению и при полном пробуждении снова утрачиваются, оставляя лишь ощущение того, что нам к ним более не пробиться. Есть глубокий смысл в утверждении, что устами детей и блаженных глаголет истина. Однако творческая изначальность, которой мы обязаны великим философским мыслям, лежит все-таки не здесь. Она восходит к тем немногим, которые в своей непринужденности и независимости предстают перед нами в качестве выдающихся мыслителей последних тысячелетий.

Четвертое: поскольку философия для человека необходима, она каждый раз присутствует в общественном мнении, в передаваемых из поколения в поколение пословицах, в общеупотребительных философских оборотах речи, в господствующих убеждениях, а также в языке просвещения, политических кредо, но прежде всего и с самого начала истории – в мифе. От философии невозможно уйти. Вопрос лишь в том, осознается она или нет, будет ли она хорошей или плохой, запутанной или ясной. Тот, кто отвергает философию, сам практикует ее, не отдавая себе в этом отчета.

Что же такое философия, если она оказывается столь универсальной и проявляется в таких примечательных формах?

Греческое слово философ (*philosophos*) по своему значению противоположно слову *Sophos*. Это слово, *philosophos*, значит: любящий познание (знание) – в отличие от того, кто, овладев познанием, называет себя знающим. Такой смысл слова сохраняется до сих пор: поиск истины, а не владение истиной есть сущность философии [...]. Философия означает – быть в пути. Ее вопросы существеннее, чем ее ответы, и каждый ответ превращается в новый вопрос.

[...] Быть в поиске, в пути, или обрести покой и совершенство мгновения – это не определения философии. Философия не имеет ничего вышестоящего, ничего нижестоящего. Она не может быть выведена из чего-то другого. Всякая философия определяется посредством своего осуществления. Чтобы узнать, что такое философия, надо пытаться философствовать. В таком случае философия – это одновременно исполнение живого мышления и осознание соответствующих мыслей (рефлексия) или действие и разговор о нем. Только исходя из собственного опыта и возможно понять, что же встречается нам в мире в качестве философии.

[...] ни одна формулировка не исчерпывает этого смысла, ни одна не оказывается единственно возможной. Мы слышим с древних времен: философия (согласно ее предмету) – это познание божественных и человеческих вещей, познание сущего как сущего, и далее, философия (согласно ее цели) – это упражнение в смерти, это стремление мысли к блаженству, к тому, чтобы уподобиться божественному, это наконец (согласно ее всеобъемлющему смыслу) – знание всех знаний, искусство

всех искусств, наука вообще, которая не направлена на какую-то отдельную область.

Сегодня, пожалуй, можно говорить о философии в следующих формулировках – ее смысл в том, чтобы:

увидеть действительность в самом ее истоке;

постигать действительность таким же способом, каким я, мысля, имею дело с самим собой во внутреннем действии;

открывать нас для широты Объемлющего (Umgreifende);

осмелиться на коммуникацию между человеком и человеком, опираясь на всякий смысл истины, который возникает в любящей борьбе (liebendem Kampfe);

непрестанно и терпеливо сохранять разум бодрствующим, находясь перед лицом того, что наиболее чуждо разуму и противится ему.

Философия – это то, что концентрирует человека, благодаря чему он становится самим собой, становясь причастным самой действительности.

Хотя философия в форме простых и действенных мыслей может затронуть каждого человека и даже ребенка, ее сознательная разработка является никогда не завершимой и всякий раз возобновляющейся задачей, которая осуществляется всегда в настоящем как единое целое. Она возникает в работах великих философов и, как эхо, повторяется у менее значительных. Осознание этой задачи в той или иной форме не угаснет до тех пор, пока люди останутся людьми.

Не только сегодня философия подвергается радикальным нападкам и отрицается в целом как излишняя и вредная. Для чего же она существует? [...]

2. Истоки происхождения философии

История философии как методическое мышление началась два с половиной тысячелетия назад, но как мифологическое мышление – намного раньше.

И все-таки начало (Anfang) – это нечто другое, нежели происхождение (Ursprung). Начало исторично и вследствие уже проделанной мыслительной работы несет для последующих поколений все возрастающее количество предпосылок. Происхождение же – это всегда исток (Quelle), из которого проистекает побуждение к философствованию. Посредством этого побуждения, прежде всего, и понимают существо настоящей философии, включая сюда также и более раннюю философию.

Это изначальное (Ursprüngliche) многогранно. Из удивления проистекает вопрос, познание, из сомнения в познанном – критическая проверка и ясная уверенность, из потрясения человека и осознания им своей потерянности – вопрос о самом себе. Рассмотрим теперь ближе эти три мотива.

Первое: Платон сказал, что философия происходит из удивления. [...] Аристотель: «Удивление – вот то, что привело людей к философствованию: они удивились прежде всего тому поразительному,

что открывается им, затем они шли постепенно дальше и спрашивали об изменениях луны, солнца, небесных светил и возникновении всего».

Удивление настойчиво требует познания. В удивлении я осознаю свое неведение. Я ищу знания, но ради самого знания, а не «ради какой-то общей потребности».

Философствование – это как пробуждение из состояния связанности жизненными нуждами. Это пробуждение совершается в особом, не связанном определенной целью взгляде на вещи, небо и мир, в вопросах: откуда все, что есть, и что это такое, – вопросах, ответ на которые не должен служить никакой пользе, но ищется только ради своего собственного удовлетворения.

Второе: когда мое удивление и восхищенное изумление находят удовлетворение в познании сущего, очень скоро начинает заявлять о себе сомнение. Хотя познания накапливаются, однако же критическая проверка показывает, что нет ничего, что было бы достоверно (*gewiß*) определенным. Чувственные восприятия обусловлены нашими органами чувств и обманчивы, во всяком случае, не согласованы с тем, что вне меня есть само по себе, независимо от воспринятого. Наши формы мышления – это формы нашего человеческого рассудка. Они запутываются в неразрешимых противоречиях. Повсюду одно утверждение противостоит другому. Философствуя, я прибегаю к сомнению, пытаюсь его радикально осуществить. Однако это обращение к сомнению предполагает или страсть (*Lust*) к отрицанию, которое, опираясь на сомнение, ничего не признает, но, с другой стороны, и ни одного шага вперед сделать не может, или вопрос: где же находится достоверность, которая не подлежит никакому сомнению и сохраняет свою прочность даже при самой добросовестной критике?

Знаменитый тезис Декарта «Я мыслю, следовательно, существую» обладал для него несомненной достоверностью, когда Декарт подвергал сомнению все остальное. Ведь даже полное заблуждение в процессе познания, заблуждение, которое я, возможно, и не замечаю, не может обмануть меня в том, что в тот самый момент, когда я обманут в моем мышлении, я все-таки существую.

Сомнение в качестве методического сомнения становится источником критической проверки всякого познания. И потому без радикального сомнения никакое истинное философствование невозможно. Однако решающее значение имеет то, как и где посредством самого сомнения достигается достоверное основание.

И, наконец, третье: отдаваясь познанию предметов в мире, осуществляя сомнение как путь к достоверности, я обращаюсь к самим вещам, думаю не о себе, не о своих целях, счастье и благе. Напротив, я забываю о себе и нахожу удовлетворение в самом осуществлении этого познания.

Все изменяется, если я начинаю осознавать свою собственную

ситуацию.

Стоик Эпиктет сказал: «Происхождение философии – в обнаружении собственной слабости и бессилия.» Каким образом я помогаю себе в своем бессилии? Его ответ гласит: тем, что я все, находящееся вне моей власти, рассматриваю как безразличное для меня в его необходимости, а то, что зависит от меня, т. е. способ и содержание моих представлений, я, напротив, посредством мышления довожу до ясности и свободы.[...]

Три действенных мотива – удивление и познание, сомнение и достоверность, потерянности и становление самим собой – не исчерпывают того, что движет нами в современном философствовании. [...]

Итак, исток философии хотя и лежит в удивлении, сомнении и опыте пограничных ситуаций, но в конце концов все это замыкается в воле к подлинной коммуникации. Это обнаруживается с самого начала уже в том, что всякая философия стремится к сообщению, высказывает себя, хочет быть услышанной, что ее суть – это сама сообщаемость, которая не отделима от истинствования (Wahrsein).

Только в коммуникации достигается та цель философии, в которой все цели находят свое последнее основание и смысл: внятие бытию (das Innwerden des Seins), просветление любви, совершенство покоя. [...]

Ясперс К. Введение в философию / Пер. с нем. Под ред. А. А. Михайлова. – Мн.: Пропилю, 2000. – (Схолья). – 192 с. – С. 9-16, 19-28.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какое определение философии дает К. Ясперс?
2. Что значит философствовать?
3. Истоки философии... Каковы они?
4. Как Вы понимаете высказывание: «Происхождение философии – в обнаружении собственной слабости и бессилия» ?

Тема 2. Историческое развитие мировой философии

Аристотель Метафизика

[...] Следует рассмотреть те причины и начала, наука о которых есть мудрость. Если рассмотреть те мнения, какие мы имеем о мудром, то, быть может, достигнем здесь больше ясности. Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека (ведь воспринимание чувствами свойственно всем, а потому это легко и ничего мудрого в этом нет). В-третьих, мы считаем, что более мудр во всякой науке тот, кто более точен и более способен научить выявлению причин, и,

[в-четвертых], что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы, а [в-пятых], та, которая главенствует, – в большей мере, чем вспомогательная, ибо мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему – тот, кто менее мудр.

Вот каковы мнения и вот сколько мы их имеем о мудрости и мудрых. Из указанного здесь знание обо всем необходимо имеет тот, кто в наибольшей мере обладает знанием общего, ибо в некотором смысле он знает все подпадающее под общее. Но, пожалуй, труднее всего для человека познать именно это, наиболее общее, ибо оно дальше всего от чувственных восприятий. А наиболее строги те науки, которые больше всего занимаются первыми началами: ведь те, которые исходят из меньшего числа [предпосылок], более строги, нежели те, которые приобретаются на основе прибавления (например, арифметика более строга, чем геометрия). Но и научить более способна та наука, которая исследует причины, ибо научают те, кто указывает причины для каждой вещи. А знание и понимание ради самого знания и понимания более всего присущи науке о том, что наиболее достойно познания, ибо тот, кто предпочитает знание ради знания, больше всего предпочтет науку наиболее совершенную, а такова наука о наиболее достойном познания. А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не через то, что им подчинено. И наука, в наибольшей мере главенствующая и главнее вспомогательной, – та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще – наилучшее.

Итак, из всего сказанного следует, что имя [мудрости] необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и “то, ради чего” есть один из видов причин. А что это не искусство творения, объяснили уже первые философы. Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы. Сам ход вещей подтверждает это, а именно: когда оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода

разумение. Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя.[...]

Аристотель. Метафизика. // Аристотель. Сочинения [Текст] : в 4 т. / Аристотель. – М. : АН СССР, Институт философии, 1975. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. – [Б. м.] : [б.у.], 1975. – 550 с. – С. 67-69.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Кого Аристотель называет мудрым?
2. Что автор называет мудростью?
3. Как вы понимаете слова Аристотеля «начали философствовать, чтобы избавиться от незнания»?

Френсис Бэкон Новый Органон

[...] Многие ошибочно держатся того мнения, что и государю в управлении страной, и каждому вельможе в ведении дел надо прежде всего принимать во внимание интересы партий; а между тем высшая мудрость велит, напротив, сообразоваться либо с общими интересами, осуществляя то, с чем согласны представители самых различных партий, либо с интересами отдельных лиц. Этим я не хочу, однако, сказать, что соображениями партийными должно совершенно пренебречь. Людям простого звания, чтобы возвыситься, необходимо за что-то держаться; но людям знатным, чувствующим свою силу, лучше сохранять независимость. И даже начинающему выдвигаться для более верного успеха обычно лучше обнаруживать столь умеренную приверженность, чтобы из всех членов своей партии быть наиболее приемлемым для другой. Чем партия слабее и малочисленнее, тем больше в ней единства; и часто бывает, что небольшое число непреклонных берет верх над многочисленным, но более умеренным противником. Когда одна из двух партий прекращает свое существование, другая раскалывается. Так, партия, объединявшая Лукулла и сенатскую знать (называвшуюся «Optimates»), некоторое время противостояла партии Помпея и Цезаря; но, когда власть сената рушилась, произошел и разрыв Цезаря с Помпеем. Подобным же образом партия Антония и Октавиана противостояла некоторое время Бруту и Кассию, но вслед за падением Брута и Кассия последовал разрыв Антония с Октавианом. Эти примеры относятся к партиям, состоящим в открытой войне, но то же самое можно сказать о более частных случаях. И зачастую при расколах те, что были на вторых ролях, оказываются во главе партии, но столь же часто оказываются ничтожествами и бывают отстранены, ибо многие сильны лишь в оппозиции, а когда этого нет, они бесполезны. Часто видим мы, что

человек, добившись успеха, переходит в партию, враждебную той, коей обязан он своим возвышением, полагая, вероятно, что с первой он свое уже взял, и ища новой выгоды. Такому перебежчику это сходит легко, ибо, когда силы долгое время уравновешены, приобретение даже одного лишнего приверженца дает перевес одной из сторон, а вся заслуга приписывается ему. Если кто держится середины между двумя партиями, это не всегда происходит от умеренности, но нередко от своекорыстия и имеет целью извлечение выгоды из обеих. [...]

Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон, Фрэнсис. Сочинения: в 2 т. / Т. 2 / Фрэнсис Бэкон; [сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина] ; АН СССР, Ин-т философии. – 2-е, испр. и доп. изд. – М. : Мысль, 1978. – 575 с. – (Философское наследие). – С. 465-466

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. На какие черты политиков указывает автор?
2. Какова роль партий в государстве?

Томас Гоббс
Левиафан, или Материя,

форма и власть государства церковного и гражданского

[...] Происхождение государства. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал каждому другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого

Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного бога, которому мы под властью бессмертного бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, данным им каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты. [...]

Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с. – С. 119.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как образуется государство, по мнению Т.Гоббса
2. Как автор анализирует и классифицирует страхи и интересы, свойственные природе человека?
3. Что должен сделать Государь для заключения прочного договора?
4. Что означает господство «войны всех против всех»?

Конфуций

Суждения и беседы

ГЛАВА II Вэй чжэн...

(«Осуществляя управление...»)

1-1. Учитель сказал: «Осуществляя управление, делайте это при помощи силы *дэ*. Такая система управления будет напоминать Полярную звезду, которая покоится на месте, и окружающие ее звезды, которые вращаются вокруг нее».

[...] 2-3. Учитель сказал: «Если управлять народом посредством распоряжений и наводить порядок посредством наказаний, то народ станет уклоняться от распоряжений и наказаний и утратит стыд. Если же управлять народом посредством силы *дэ* и поддерживать в нем порядок посредством надлежащих норм поведения, то народ сохранит стыд и будет управляем».

[...] 2-10. Учитель сказал: «Наблюдая над тем, как человек поступает, старайся уяснить, откуда это происходит, и установить, где он успокоится. Разве может человек скрыть свой характер?»

2-11. Учитель сказал: «Тот, кто бережно относится к старому и узнает новое, может быть наставником людей».

[...] 2-15. Учитель сказал: «Учиться и не размышлять – пустое дело, но

размышлять и не учиться – занятие опасное».

2-16. Учитель сказал: «Критикуй неверные суждения, и порождаемое ими зло исчезнет».

[...] 2-19. [Луский князь] Ай-гун спросил: «Что надо делать, чтобы народ стал послушным?» Конфуций ответил: «Если выдвигать прямых душой и ставить их выше тех, у кого в душе кривда, тогда народ станет послушным. Если же выдвигать тех, у кого в душе кривда, и ставить их над теми, кто прям душой, тогда народ не будет послушен».

2-20. [Глава луской администрации] Цзи Кан-цзы спросил: «Как следует поступать, чтобы сделать народ почтительным, верным и старательным?» Учитель ответил: «Общаясь с народом, сохраняйте внушительный вид, и тогда он станет почтительным. Если вы будете придерживаться сыновней почтительности по отношению к своим родителям, с любовью и заботой относиться к своим младшим, то тогда народ станет верным. Если вы будете выдвигать умелых и поучать неумелых, то тогда народ станет старательным».[...]

Конфуций Суждения и беседы // Мартынов А. С. Конфуцианство. «Лунь юй». Перевод А. С. Мартынова. – В 2 томах. – СПб. : «Петербургское Востоковедение», 2001. – Том 2. – 384 с. – («Мир Востока», XI). – С. 209-222.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какие советы по управлению дает Конфуций?
2. Почему эти советы актуальны и сегодня?

Лаоцзы Даодэцзин

[...] 3 Когда не возвышают лучших, в народе нет соперничества; когда не ценят редкие товары, в народе не бывает воровства; когда устраняют все соблазны, сердце народа не находится в смятении. Вот почему Премудрый человек при наведении порядка делает сердца людей пустыми, а желудки полными, стремления слабыми, а кости крепкими. Он неизменно побуждает народ пребывать без знаний и желаний. А на знающих влияет так, что они не смеют действовать. Когда приводят в действие бездействие, то неизбежно добиваются порядка.

[...] 7 Небеса с Землей долговечны. Небо и Земля могут быть долговечны, так как не живут сами по себе, и поэтому они способны вечно жить. Вот почему Премудрый человек предпочитает находиться сзади, а оказывается впереди и, отстраняясь от себя, себя сохраняет. Не потому ли это, что у него нет личного? Но именно поэтому он может свое личное осуществить.

[...] 19 Когда отринут мудрость и отбросят знания, от этого народу польза возрастет во много раз. Когда отринут человечность и отбросят справедливость, в народе воцарятся вновь сыновняя почтительность с

родительской любовью. Когда отринут изощренность и отбросят выгоду, то воры и разбойники переведутся. Эти три дают лишь лоск и не годятся, поэтому проникнись главным: будь безыскусен, неразлучен с первозданным, уменьши свое личное, умерь желания.

20 Не ведаешь заботы, когда перестаешь учиться. Как мала разница между словами «да» и «ладно»! И как же связаны между собой прекрасное и безобразное! Чего страшатся люди, не может не страшить. Какое запустение! Нет этому конца! Толпа находится в веселье, словно на пиру или на празднике весны. [...] В толпе у каждого имеется какой-либо излишек [...]

24 Долго на носках не устоять, далеко широким шагом не пройти. Кто себя видит, тот не ведает просвета; кто считает себя правым, не заметен; кто хвастается, не заслужен; кто зазнается, тот других не старше. [...]

[...] 33 Знающий людей умен, знающий себя находится в просвете. Одолевающий других обладает силой, одолевающий себя становится могучим. Кто знает то, что для него достаточно, – богат; кто действует с настойчивостью, когда могуч, тот обладает волей. Кто не утрачивает своего места, долговечен; кто не уходит, когда умирает, продолжает жить вечно.

[...] 36 Прежде чем что-либо сжать, следует сначала его растянуть; прежде чем что-либо ослабить, следует сначала его укрепить; прежде чем что-либо низринуть, следует сначала дать ему подняться; прежде чем у кого-либо отнять, следует сначала ему предоставить. Это зовут неуловимым крошечным просветом. Мягкое и слабое одерживает верх над твердостью и силой. Рыбе не годится выплывать из глубины. Бразды правления не следует показывать.

[...] 38 Верх добродетели – ее не проявлять и потому быть добродетелью проникнутым. При низшей добродетели стараются ее не упустить и потому не обладают добродетелью. При высшей добродетели бездействуют и лишены намерения действовать. При низшей добродетели берутся за дела и преисполнены намерения действовать. При высшей человечности берутся за дела, но лишены намерения действовать. При высшей справедливости берутся за дела и преисполнены намерения действовать. При высшей ритуальности берутся за дела, и если не встречают отклика, то тащат с пылом за собой. Поэтому с утратой Дао и обретают добродетель; с утратой добродетели овладевают человечностью; с утратой человечности усваивают справедливость; с утратой справедливости вверяют себя ритуалу. Ритуальность составляет мелочь в проявлении преданности и доверия. В ней заключается начало смуты. [...]

44 Милее славу занять или живым остаться? Ценней живым остаться или разбогатеть? Больней приобрести или утратить? Это объясняет, как дорого приходится расплачиваться за свою привязанность, и сколь велик убыток, приносимый накопительством. Кто знает то, что для него является достаточным, не подвергается бесчестью; кто ведает, когда остановиться,

пребывает в безопасности и может долго жить.

45 Верх совершенства кажется изъяном, но польза от него не умаляется; верх полноты напоминает пустоту, но польза от нее не иссякает. Верх прямоты походит на извилистость, верх мастерства напоминает неуклюжесть, верх красноречия уподобляется косноязычию. Поспешность преодолевает холод, покой одолевает жар. [...]

49 Премудрый человек не ведает незыблемости сердца. Сердцем для него являются сердца простых людей. С добрыми я добр, но и с недобрыми я тоже добр. К добру приводит добродетель. Кто честен, тем я доверяю, но и нечестным я тоже доверяю. К честности приводит добродетель. [...]

50 Выходят, чтобы жить; входя обратно, умирают. Из каждых десяти лишь три вступают в жизнь и три, уж находясь в конце ее, вышагивают к смерти. И те, чья человеческая жизнь является лишь местом смерти, по которому им двигаться, тоже составляют три из десяти. Чем это объясняется? Тем, что они всего превыше ценят жизнь. Говорят, есть человек, умеющий заботиться о жизни. Когда идет по суше, на него не нападает носорог и тигр, вступая в войско, он не запасается оружием и латами. Носорогу некуда его ударить рогом, тигру негде в него впиться когтями, мечу некуда в него вонзиться острием. Чем это объясняется? Тем, что в нем нет места для смерти.

[...] 55 Кто преисполнен добродетели, походит на младенца. Его не ужалит ядовитая змея, не схватит лютый зверь, не заключает пернатый хищник. Его кости слабы, сухожилия мягки, но держит в горсти крепко. Хотя ему еще неведома связь самца и самки, он всецело развит. Его сгущенность совершенна. Он может целый день кричать и не охрипнуть. Гармония в нем совершенна. Знание гармонии зовут незыблемым, знание незыблемого называется просветом. Становиться взрослым, отходя от состояния младенца, значит предрекать себе несчастье. Когда сердце властвует дыханием, это говорит о силе возмужалости. Но ей на смену спешит старость. [...]

56 Кто знает, тот не говорит; кто говорит, не знает. Закрывать свои отверстия и запереть свои ворота, умерить свою остроту, смирить свою запутанность, ослабить силу своего сияния и сделать единой свою пыль – это значит находиться в сокровенном тождестве. Кто в нем, того нельзя приблизить, нельзя и отдалить, нельзя сделать ему что-либо полезное, нельзя и навредить, нельзя его возвысить и нельзя принизить. [...]

58 При несведущем правительстве народ бесхитростен и добр, при въедливом правительстве народ корежит недовольство. В несчастье коренится счастье, в счастье укрывается несчастье. Кто знает их пределы? В них нет определенности. Прямолинейность переходит в хитрость, добро приносит пагубу. Люди заблуждаются уже очень давно. Вот почему Премудрый человек, квадратным делаясь, не режет; остер углами, но не колок, прям, но не задирист, ярок, но не затмевает.

[...] 64 Легко придерживаться безопасного, легко замыслить еще не

начавшееся, легко разъединять непрочное, легко рассеивать мельчайшее. Начинают заниматься тем, что еще не возникло; наводится порядок там, где он еще не нарушается. Дерево в охват рождается из самой малости, девятиарусная насыпь восстает из пригорошни земли, далекий путь берет начало в пяди под стопой. Кто действует, тот терпит поражение; кто чем-то обладает, тот его теряет. Вот почему Премудрый человек находится в бездействии и потому не знает поражения, ничем не обладает и потому не ведает потерь. В своих делах люди обычно накануне достижения успеха терпят поражение. Не терпят поражения, когда в конце бывают так же осторожны, как в начале. [...]

66 Моря и реки потому способны царствовать над горными потоками, что умеют быть внизу. Только поэтому они способны царствовать над горными потоками. И при желании подняться над народом следует словесно перед ним принизиться, при желании быть впереди народа следует поставить себя сзади его. Именно поэтому, когда Премудрый человек встает над всеми, народу он не делается в тягость; когда он пребывает впереди, народу не наносится вреда. Все в Поднебесной с радостью его выдвигают и им не пресыщаются. А так как сам он не соперничает, никто и не способен с ним соперничать.

[...] 68 Умеющий быть воином не ведает воинственности, умеющий сражаться – не бывает гневен, умеющий одерживать победу над противником с ним не вступает в схватку, умеющий использовать людей становится их ниже. Это называют добродетелью отказа от соперничества, способностью использовать людей и верхом сочетания с Небесной древностью.

[...] 71 Знать о том, чего не знаешь, всего выше; а не знать, что знаешь, значит быть больным. Перестают болеть, лишь когда болеют о своей болезни. Премудрый человек не болен. Он болеет о своей болезни и потому не болен.

72 Когда народу не страшны угрозы, грозит великая беда. Не гнушайтесь его местом обитания, не пресыщайтесь тем, что он растит. Не пресытитесь, и вам не будет тошно. Именно поэтому Премудрый человек в своем самопознании себя не видит и при любви к себе не придает себе значения. Он отвергает то и берет это.

[...] 74 Когда народ не ощущает страха смерти, то как же можно смертью устрашать народ? И кто посмел бы это делать, если бы народ неизбежно боялся смерти, а тех, кто строят козни, мне удалось бы взять и предать смерти? В неизбежности пребывает ведающий убиением, который подвергает смерти. Убивать вместо него — это все равно как попытаться что-либо вытесывать, вообразив себя великим плотником. Скорей всего поранишь только свои руки.

[...] 75 Народ голодает, ибо стоящие над ним объедают его податями. Именно поэтому и голодает. Народом трудно управлять, ибо стоящие над ним привержены деянию. Именно поэтому и трудно управлять. Народ не

придает значения смерти, ибо стоящие над ним всего превыше ценят жизнь. Именно поэтому не придает значения смерти. Но ведь не гонясь за жизнью сохраняют ее лучше, чем когда ею дорожат.

76 Человек, когда рождается, слаб и нежен; умирая же он делается тверд и крепок. Вся тьма существ, деревья, травы при своем рождении нежны и слабы, когда же гибнут – засыхают. Твердое и сильное выступают спутниками смерти, нежное и слабое – спутниками жизни. Поэтому, когда могуче войско, оно победы не одерживает, когда крепким вырастает дерево, его срубают на оружие. Великое и сильное низки, а слабое и нежное высоки.

[...] 79 Большая ненависть, когда ее смягчают, лишь делается затаенной. Как может это приводить к добру? Именно поэтому Премудрый человек дает по соглашению взаймы и, владея левой половиной бирки, счета никому не предъявляет. В ком добродетель, тот заботится о соглашении, в ком ее нет, следит за тем, чтобы взыскать. [...]

81 Нет красоты в правдивом слове, нет правды в сказанном красиво. Кто добр, не спорит, кто спорит, тот не добр. Пониманию чужда ученость, ученость далека от понимания. Премудрый человек не скопидом. Но он все больше обретает, всецело помогая людям, и неизменно богатеет, когда все людям отдает. [...]

Лаоцзы. Даодэцзин // Лаоцзы. Обрести себя в Дао [Текст] / Лаоцзы ; сост., авт. предисл., пер.с древнекит. и нем., коммент. И. И. Семененко. – М. : Республика, 1999. – 445 с. – (Мудрецы). – С. 148-170

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что, по мнению Лао Цзы, нужно ценить?
2. Что может случиться с человечеством от недостатка знаний?
3. Почему нужно быть внимательными к своим мыслям?

Николло Макиавелли

Государь

Глава XVII

О жестокости и милосердии, или Что лучше – пользоваться любовью или возбуждать страх

[...] Следовательно, государи, когда дело идет о верности и единстве их подданных, не должны бояться прослыть жестокими. Прибегая в отдельных случаях к жестокостям, государи поступают милосерднее, чем тогда, когда от избытка снисходительности допускают развитие беспорядков, ведущих к грабежу и насилию, потому что беспорядки составляют бедствие целого общества, а казни поражают только отдельных лиц. Государям, только что получающим власть во вновь возникающих монархиях, бывает труднее всех других государей избежать названия жестоких, так как во вновь возникающих монархиях

неустройство их служит обыкновенно причиной возникновения множества гибельных случайностей. [...]

[...] Из этой двойственности, обязательной для государя, вытекает вопрос: что для государя лучше - внушать страх или любовь? Что для него полезнее – чтобы его любили или чтобы его боялись?

Я нахожу, что желательно было бы, чтобы государи достигали одновременно и того и другого, но так как осуществить это трудно и государям обыкновенно приходится выбирать, то в целях личной их выгоды замечу, что полезнее держать подданных в страхе. Люди, вообще говоря, неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны; если государи осыпают их благодеяниями, они выказывают приверженность к ним до самоотвержения и, как я уже выше говорил, если опасность далека, предлагают им свою кровь, средства и жизнь свою, и детей своих, но едва наступает опасность – бывают недалеко от измены. Государь, слишком доверяющий подобным обещаниям и не принимающий никаких мер для своей личной безопасности, обыкновенно погибает, потому что привязанность подданных, купленная подачками, а не величием и благородством души, хотя и легко приобретается, но обладание ею непрочное, и в минуту необходимости на нее нельзя полагаться. Кроме того, люди скорее бывают готовы оскорблять тех, кого любят, чем тех, кого боятся; любовь обыкновенно держится на весьма тонкой основе благодарности, и люди, вообще злые, пользуются первым предложением, чтобы ради личного интереса изменить ей; боязнь же основывается на страхе наказания, никогда не оставляющем человека.

Заставляя бояться себя, государи должны, однако, стараться не возбудить против себя ненависти. Внушать страх, не возбуждая ненависти, для них очень выгодно; достигнуть же этого весьма нетрудно, если только государь не будет нарушать имущественных и личных прав своих подданных и не будет посягать на их честь и на честь их жен и дочерей. [...]

Глава XVIII

Каким образом государь должен держать свое слово

[...] Существуют два способа действия для достижения целей: путь закона и путь насилия; первый способ - способ человеческий, второй - способ диких животных; но так как первый способ не всегда удается, то люди прибегают иногда и ко второму. Государи должны уметь пользоваться обоими способами. Эта мысль выражена аллегорически у многих древних писателей. [...] Государь, действуя грубой силой, подобно животным, должен соединять в себе качества льва и лисицы. Обладая качествами только льва, он не сумеет быть осторожным и избежать западни, которую ему поставят; будучи же только лисицей, он не сумеет защищаться от врагов, так что, для избежания сетей и возможности победы над врагами, государи должны быть и львами и лисицами. Те, кто захочет красоваться в одной только львиной роли, выкажут этим только крайнюю

свою неумелость. [...]

[...] Государям, следовательно, нет никакой надобности обладать в действительности теми хорошими качествами, которые я перечислил, но каждому из них необходимо показывать вид, что он всеми ими обладает. Скажу больше – действительное обладание этими качествами вредно для личного блага государей, притворство же и личина обладания ими – чрезвычайно полезны. Так, для государей очень важно уметь показывать себя милосердными, верными своему слову, человеколюбивыми, религиозными и откровенными; быть же таковыми на самом деле не вредно только в том случае, если государь с подобными качествами сумеет, в случае надобности, заглушить их и выказать совершенно противоположные.

Едва ли кто-нибудь станет сомневаться, что государям, особенно только что получившим власть или управляющим вновь возникающими монархиями, бывает невозможно согласовать свой образ действий с требованиями нравственности: весьма часто для поддержания порядка в государстве они должны поступать против законов совести, милосердия, человеколюбия и даже против религии. Государя должны обладать гибкой способностью изменять свои убеждения сообразно обстоятельствам и, как я сказал выше, если возможно – не избегать честного пути, но в случае надобности прибегать и к бесчестным средствам. [...]

Глава XXII

О сановниках государей

Выбор приближенных и министров – для государей дело огромной важности. Сановники эти бывают хороши или плохи соответственно степени мудрости самого правителя. Способность или неспособность государя прежде всего определяется оценкой свойств его приближенных. Если министры искусны и отличаются верностью, то заключают, что и сам государь не лишен мудрости, так как он сумел угадать их таланты и распознать их преданность; но к совершенно противоположному заключению приводит неудачный выбор сановников государем. [...]

[...] Если государь заметит, что министр больше заботится о личном своем благе, чем о благе своего повелителя, если во всех его действиях проглядывается стремление к своекорыстной пользе, то подобный министр никуда не годится, и государю верить ему – безрассудно. Человек, в руках которого находятся дела государства, не должен ни минуты думать о себе, а только о своем государе, и не должен занимать внимание последнего ничем, прямо не относящимся к его интересам. Зато и государь, со своей стороны обязан заботиться о хорошем министре, окружать его почестями и уважением, осыпать наградами и богатством, разделять с ним весь почет, окружающий его самого, так, чтобы министр был настолько удовлетворен в своем честолюбии, что не желал бы ничего лучшего, опасался бы всякой малейшей перемены в своем положении и сознавал, что не может удержаться на такой высоте собственными

средствами, без покровительства своего государя.

Когда государь и его первый министр таковы, какими я их описал, то они смело и вполне могут довериться друг другу. В противном случае конец их отношений будет непременно губителен для того или другого. [...]

Макиавелли Н. Государь // Макиавелли, Никколо. Избранные сочинения : пер. с итал. / Никколо Макиавелли ; [вступ. ст. К. Долгова ; сост. Р. Хлодовского ; коммент. М. Андреева, Р. Хлодовского]. – М. : Худож. лит., 1982. – 503 с. – С. 301-379.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какие советы дает Н. Макиавелли государю?
2. Актуальны ли советы Макиавелли сегодня?

Шарль Луи Монтескье ***О духе законов***

[...] Если бы среди бесконечного разнообразия предметов, о которых говорится в этой книге, и оказалось что-нибудь такое, что против моего ожидания может кого-либо обидеть, то не найдется в ней по крайней мере ничего, сказанного со злым умыслом. Мой ум не имеет от природы склонности к порицанию. Платон благодарил небо за то, что родился во времена Сократа, я же благословляю небо за то, что оно судило мне родиться при правительстве, под властью которого я живу, и повелело мне повиноваться тем, к которым внушило любовь.

Я прошу одной милости, хотя и, боюсь, что мне в ней откажут: не судить по минутному чтению о двадцатилетнем труде; одобрять или осуждать всю мою книгу целиком, а не отдельные ее фразы. Когда хотят узнать цели и намерения автора, то где же всего ближе искать их как не в целях и намерениях его произведения.

Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона.

Обратившись к древности, я постарался усвоить дух ее, чтобы случаи, существенно различные, не принимать за сходные и не просмотреть различий между теми, которые кажутся сходными.

Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей.

Немало истин окажутся здесь очевидными лишь после того, как обнаружится цепь, связующая их с другими истинами. Чем больше будут

размышлять над подробностями, тем более будут убеждаться в верности общих начал. Самые эти подробности приведены мною не все, ибо кто может сказать все и не показаться при этом смертельно скучным?

Здесь не найдут тех крайностей, которые как будто составляют характерную особенность современных сочинений. При известной широте взгляда все крайности исчезают; проявляются же они обыкновенно лишь вследствие того, что ум писателя, сосредоточившись всецело на одной стороне предмета, оставляет без внимания все прочие.

Я пишу не с целью порицать установления какой бы то ни было страны. Каждый народ найдет в моей книге объяснение существующих у него порядков, и она, естественно, приведет к заключению, что предлагать в них какие-нибудь изменения этих порядков имеют право только те лица, которые получили от рождения счастливый дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства.

Нельзя относиться безразлично к делу просвещения народа. Предрассудки, присущие органам управления, были первоначально предрассудками народа. Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда творят величайшее зло, а в эпоху просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага. Они чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления. Они сохраняют дурное из боязни худшего и довольствуются существующим благом, если сомневаются в возможности лучшего; они рассматривают части только для того, чтобы познать целое, и исследуют все причины, чтобы уразуметь все последствия.

Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту, – я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Если бы я мог сделать так, чтобы у тех, которые повелевают, увеличился запас сведений относительно того, что они должны предписывать, а те, которые повинуются, нашли новое удовольствие в повиновении, – я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Я счел бы себя счастливейшим из смертных, если бы мог излечить людей от свойственных им предрассудков. Предрассудками я называю не то, что мешает нам познавать те или иные вещи, а то, что мешает нам познать самих себя.

Стремясь просветить людей, мы всего более можем прилагать к делу ту общую добродетель, в которой заключается любовь к человечеству. Человек – это существо столь гибкое и в общественном быту своем столь восприимчивое к мнениям и впечатлениям других людей – одинаково способен и понять свою собственную природу, когда ему показывают ее, и утратить даже всякое представление о ней, когда ее скрывают от него.[...]

Заявление автора

Для понимания первых четырех книг этого труда следует заметить, что 1) под словом республиканская добродетель я разумею любовь к отечеству, т. е. любовь к равенству. Это не христианская или нравственная, а политическая добродетель; она представляет ту главную пружину, которая приводит в движение республиканское правительство подобно тому, как честь является движущей пружиной монархии. На этом основании я и назвал любовь к отечеству и к равенству политической добродетелью: новые идеи, к которым я пришел, обязывали меня приискать для них и новые названия или употреблять старые слова в новом смысле. Лица, не понявшие этого, приписали мне много таких нелепых мнений, которые показались бы возмутительными во всех странах мира, так как во всех странах мира дорожат нравственностью. 2) Следует обратить внимание на то, что между утверждением, что известное свойство, душевное расположение или добродетель не являются главными двигателями такого-то правительства, и утверждением, что они в этом правительстве совсем отсутствуют, есть большое различие. Если я скажу, что такое-то колесо или шестерня не относятся к орудиям, приводящим в движение механизм часов, то можно ли из этого заключить, что их совсем не имеется в этих часах? Столько же оснований для заключения, что христианские и нравственные добродетели и даже сама политическая добродетель отсутствуют в монархии. Одним словом: честь существует и в республике, хотя движущее начало республики – политическая добродетель, а политическая добродетель существует и в монархии, несмотря на то, что движущее начало монархии честь.

Говоря в V главе третьей книги моего сочинения о добродетельном человеке, я имел в виду не человека, обладающего христианскими или нравственными добродетелями, а человека, стремящегося к политическому благу, т. е. обладающего тою политическою добродетелью, о которой была речь. Это человек, который любит законы своей страны и любовью к ним руководствуется в своей деятельности. Все это я уточнил в настоящем издании путем еще более четкого определения своих идей; в большинстве случаев, где было употреблено мною слово «добродетель», я заменил его выражением «политическая добродетель».

Книга первая

О законах вообще

Глава I О законах в их отношениях к различным существам

Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека.

Те, которые говорят, что все видимые нами в мире явления произведены слепую судьбою, утверждают великую нелепость, так как что

может быть нелепее слепой судьбы, создавшей разумные существа?

Итак, есть первоначальный разум; законы же – это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ.

Бог относится к миру как создатель и охранитель; он творит по тем же законам, по которым охраняет; он действует по этим законам, потому что знает их; он знает их, потому что создал их, и он создал их, потому что они соответствуют его мудрости и могуществу.

Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишённого разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться.

Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов. Было бы нелепо думать, что творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы и самого мира.

Единичные разумные существа могут сами для себя создавать законы, но у них есть также и такие законы, которые не ими созданы. Прежде чем стать действительными, разумные существа были возможны, следовательно, возможны были отношения между ними, возможны поэтому и законы. Законом, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собою.

Итак, надо признать, что отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону. Так, например, если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законам этого общества; если разумные существа благодетельствованы другим существом, они должны питать к нему благодарность; если разумное существо сотворено другим разумным существом, то оно должно оставаться в той же зависимости, в какой оно находилось с первого момента своего существования; если разумное существо причинило зло другому разумному существу, то оно заслуживает, чтобы ему воздали таким же злом, и т. д.

Но мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и потому способны заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают неизменно своих первоначальных законов, и даже тем законам,

которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда.

Неизвестно, находятся ли животные под управлением общих или каких-нибудь особенных законов движения. Как бы то ни было, они не связаны с богом более близкими отношениями, чем остальной материальный мир; способность же чувствовать служит им лишь для их отношений друг к другу, к другим существам и к самим себе.

В свойственном им влечении к наслаждению каждое из них находит средство для охраны своего отдельного бытия, и это же влечение служит им для сохранения рода. Они имеют естественные законы, потому что соединены способностью чувствовать и не имеют законов положительных, потому что не соединены способностью познавать. Но они не следуют неизменно и своим естественным законам; растения, у которых мы не замечаем ни чувства, ни сознания, лучше их следуют последним.

Животные лишены тех высоких преимуществ, которыми мы обладаем, но зато у них есть такие, которых нет у нас. У них нет наших надежд, но нет и наших страхов; они, подобно нам, умирают, но не сознают этого; большая часть их даже охраняет себя лучше, чем мы себя, и не так злоупотребляет своими страстями, как мы.

Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собою, и, однако, он существо ограниченное; как всякое смертное разумное существо, он становится жертвою неведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему уже удалось приобрести, а как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя – и бог напоминает ему о себе в заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя – и философы направляют его законами морали; созданный для жизни в обществе, он способен забывать своих ближних – и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством политических и гражданских законов.

Глава II О законах природы

Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа. Чтобы основательно познакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время, предшествовавшее образованию общества. Законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы.

Тот закон, который, запечатлев в нас идею творца, влечет нас к нему, в ряду естественных законов занимает первое место по своей важности, но не по порядку законов во времени. Человек в природном состоянии обладает не столько познаниями, сколько способностью познания. Ясно, что первые идеи его не будут носить умозрительного характера: прежде чем размышлять о начале своего бытия, он думает о его охранении. Такой

человек вначале чувствует лишь свою слабость. Он будет крайне боязлив; если бы для подтверждения этого потребовались примеры, то они уже найдены в лесах, обитаемых дикарями: все заставляет их трепетать, все обращает в бегство.

В таком состоянии каждый чувствует себя низшим по отношению к другим людям и лишь с трудом доходит до чувства равенства с ними. Стремление нападать друг на друга чуждо таким людям; следовательно, мир является первым естественным законом человека.

Гоббс неправ, когда приписывает первобытным людям желание властвовать друг над другом. Идея власти и господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что она не может быть первой во времени идеей человека.

Если война не есть естественное состояние людей, то почему же, спрашивает Гоббс, люди всегда ходят вооруженными и запирают на ключ свои жилища? Однако не следует приписывать людям, жившим до образования общества, такие стремления, которые могут возникнуть у них только после образования общества, вместе с которым у них появляются поводы для нападения и защиты.

С чувством своей слабости человек соединяет ощущение своих нужд. Поэтому второй естественный закон человека – стремление добывать себе пищу.

Я сказал, что страх побуждает людей бежать друг от друга; но как только они увидят, что страх их является взаимным, у них появится желание подойти друг к другу. Кроме того, их влечет к сближению и чувство удовольствия, испытываемое каждым животным при встрече с животным той же породы, причем то очарование, которое связано с различием двух полов, еще более увеличит это удовольствие. Таким образом, просьба, обращенная одним человеком к другому, составляет третий естественный закон человека.

Первоначально человек обладает способностью чувствовать; в дальнейшем он доходит до приобретения познаний. Таким образом, людей связывает вторая нить, которой нет у животных; отсюда возникает новый повод к сближению. Желание жить в обществе – четвертый естественный закон человека.

Глава III О положительных законах

Как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу – отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества – отсюда война между отдельными лицами.

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают

необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами: это международное право. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми: это право политическое. Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собою: это право гражданское.

Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны причинять насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов.

Цель войны – победа; цель победы – завоевание; цель завоевания сохранение. Из этого и предшествующего принципов должны проистекать все законы, образующие международное право.

Международное право имеется у всех народов, оно есть даже у ирокезов, поедающих своих пленников: они отправляют и принимают послов, у них существуют определенные правила ведения войны и поведения в период мира; плохо только, что это международное право основано не на истинных принципах.

Кроме международного права, относящегося ко всем обществам, есть еще политическое право для каждого из них в отдельности. Общество не может существовать без правительства. «Соединение всех отдельных сил, – как прекрасно говорит Гравина, – образует то, что называется политическим состоянием (государством)».

Эта соединенная сила может быть отдана в руки или одному лицу или нескольким лицам. Основываясь на том, что отеческая власть установлена самой природой, некоторые полагают, что правление одного – самое естественное из всех. Но пример отеческой власти ничего не доказывает, ибо если власть отца и представляет некоторое соответствие с правлением одного, то власть братьев по смерти отца или по смерти братьев власть двоюродных братьев соответствует правлению нескольких лиц. Политическая власть необходимо предполагает союз нескольких семейств.

Вернее будет сказать, что правительство наиболее сообразно с природой в том случае, если его особенные свойства больше всего соответствуют характеру народа, для которого оно установлено.

Силы отдельных людей не могут объединиться, пока не пришли к единству их воли; это последнее единство и есть то, что, опять-таки по прекрасному выражению Гравина, называется гражданским состоянием.

Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со

свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, – что составляет задачу политических законов, – или только поддержание его существования, – что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату холодному, жаркому или умеренному, – качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассмотреть со всех этих точек зрения.

Это именно я и предполагаю сделать в настоящей книге. В ней будут исследованы все эти отношения; совокупность их образует то, что называется Духом законов.

В этом исследовании я не отделяю политических законов от гражданских, так как, занимаясь исследованием не законов, а Духа законов, который заключается в различных отношениях законов к различным предметам, я должен был сообразоваться не столько с естественным порядком законов, сколько с естественным порядком этих отношений и предметов.

Я начну с рассмотрения тех отношений, в которых законы состоят к природе и принципу каждого правительства, уделяя особое внимание изучению этого принципа, ввиду того что он оказывает решающее влияние на законы. И если мне удастся установить этот принцип, я покажу, что законы вытекают из него, как из своего источника. Затем я перейду к рассмотрению других, по-видимому, более частных отношений.

Книга вторая

О законах, вытекающих непосредственно из природы правительства

Глава I О природе трех различных образов правления

Есть три образа правления: республиканский, монархический и деспотический. Чтобы обнаружить их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения или, вернее, три факта: «республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа или части его; монархическое, – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица».

Вот что я называю природой правления. Предстоит рассмотреть, каковы законы, непосредственно вытекающие из этой природы и, стало быть, имеющие значение основных краеугольных законов.

Глава II О республиканском правлении и законах, относящихся к демократии

Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией.

В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях – подданным.

Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В самом деле, для республики столь же важно определить, как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии – знать, кто государь и как он должен управлять.

Либаний говорит, что в Афинах иностранец, вмешавшийся в народное собрание, подлежал смертной казни; он был виновен в узурпации прав верховной власти.

Существенно важно определить число граждан, из коих состоит народное собрание, ибо без этого во многих случаях было бы неизвестно, высказался ли весь народ в целом или только часть его. В Лакедемонне требовалось 10 тысяч граждан. В Риме, рожденном в ничтожестве и возвысившемся до величия, в Риме, которому было суждено изведать все превратности фортуны, в Риме, который то видел всех своих граждан вне своих стен, то заключал в своих стенах всю Италию и часть земного шара, это число не было определено, и в этом заключалась одна из важных причин его падения.

Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных.

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает своих уполномоченных, т. е. должностных лиц государства.

Подобно монархам и даже в еще большей степени народ нуждается в руководстве со стороны совета или сената. Но чтобы иметь к ним доверие, он должен сам избирать членов этих учреждений или непосредственно, как в Афинах, или чрез посредство особого учреждения, созданного народом для того, чтобы их выбирать, как это делалось в некоторых случаях в Риме.

Народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти. Тут ему нужно руководиться лишь обстоятельствами, которых он не может не знать, и самыми очевидными фактами. Он знает, например, что такой-то человек часто бывал на войне и

воевал успешно – и вот он уже способен избрать полководца. Он знает, что такой-то судья усердно исполняет свои обязанности, никогда не был уличен в подкупности и что люди вообще довольны им, – и он уже достаточно осведомлен для избрания претора. Он поражен роскошью и щедростью какого-нибудь гражданина, и это все, что ему нужно знать для выбора эдила. Все это факты, о которых он узнает на своих площадях гораздо лучше, чем монархи в своих дворцах. Но сумеет ли он сам выполнить какое-нибудь дело, изучить места, возможности, благоприятные моменты, воспользоваться этими знаниями? Нет, этого он не сумеет сделать.

Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознавать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительно удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснять случайностью.

Известно, что, хотя в Риме народ и завоевал себе право поручать отправление государственных должностей плебеям, он так и не мог решиться выбрать их, и, хотя в Афинах по закону Аристиды дозволялось избирать на эти должности лиц из всех классов, простой народ, по словам Ксенофонта, никогда не претендовал на те должности, от которых зависело его благополучие и его слава.

Подобно тому, как большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, народ способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела сам.

Необходимо, чтобы дела шли, и шли не слишком скорым и не слишком замедленным шагом; но народ всегда или не в меру деятелен или совсем безучастен. Иногда он все ниспровергает своими сотнями тысяч рук, но бывает и так, что на своих сотнях тысяч ног он ползет, как насекомое.

В демократическом государстве народ разделен на определенные классы. В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого разделения и зависели всегда прочность и процветание демократии.

Сервий Туллий создавал свои классы, руководствуясь аристократическим принципом. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский рассказывают нам, как он сосредоточил право голосования в руках первых граждан государства. Он разделил римский народ на сто девяносто три центурии, образовавшие шесть классов. Поместив богатых в относительно меньшем количестве в первые центурии, а менее богатых в количестве сравнительно большем в следующие, он отбросил всю массу бедняков в одну последнюю центурию. И так как центурии имели только по одному голосу каждая, то выходило, что право голоса принадлежало не столько

лицам, сколько влиянию и богатству.

Солон разделил афинский народ на четыре класса. Руководствуясь демократическим духом, он образовал эти классы для того, чтобы обозначить не тех, которые должны избирать, а тех, которые могут быть избраны; предоставив каждому гражданину право избирать, он разрешил избирать судей из граждан всех четырех классов, между тем как на более высокие государственные должности могли быть избраны лица только первых трех классов, в которые входили зажиточные граждане.

Итак, разделение на классы населения, имеющего право голоса, составляет основной закон республики. Другим основным ее законом является способ подачи голосов.

Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам аристократии.

Жребий представляет самый безобидный способ избрания: он предоставляет каждому гражданину возможность послужить отечеству.

Но так как в этом именно состоит недостаток этого способа, то великие законодатели затратили большие усилия для того, чтобы его исправить и упорядочить.

В Афинах Солон постановил, чтобы назначения на все военные должности производились по выбору, а сенаторы и судьи назначались по жребию.

Далее, он постановил, чтобы те гражданские должности, которые были связаны с большими расходами, замещались по выбору, а прочие – по жребию.

Но для исправления недостатков, связанных с назначением по жребию, он определил, что избирать следует только из числа тех граждан, которые сами выставят свои кандидатуры, что достоинство избранного таким образом лица подлежит рассмотрению судей и что каждый гражданин может выдвинуть против него обвинение в том, что он недостоин избрания. Таким образом, получалось нечто среднее между избранием и жребием. Наконец, по истечении установленного срока снова производилось обсуждение деятельности данного должностного лица. Все это должно было в значительной степени удерживать неспособных людей от согласия баллотироваться по жребию.

Закон, определяющий самую форму подачи избирательных бюллетеней, также принадлежит к числу основных законов демократии. Здесь особую важность имеет вопрос, будет ли голосование открытым или тайным. Цицерон пишет, что законы, установившие в последние времена римской республики тайное голосование, были одною из главных причин ее падения. Ввиду того что этот вопрос решается в различных республиках неодинаково, вот что, полагаю я, следует сказать о нем.

Когда голоса подает народ, то голосование, несомненно, должно быть открытым, и в этом следует видеть один из основных законов демократии. Нужно, чтобы руководители вразумляли простой народ и

чтобы известные лица сдерживали его своим авторитетом. Поэтому, когда в римской республике было введено тайное голосование, все в ней стало разрушаться; не было уже более возможности вразумить погибающий народ. Когда же голоса подаются в аристократии знатью или в демократии сенатом и когда поэтому все дело сводится лишь к предупреждению происков честолюбия, то в этих случаях находит применение самая строгая тайна голосования. [...]

Монтескье Шарль Луи. О духе законов / пер. и коммент. А.В.Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с. – С. 7-20.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое политическая добродетель и кто такой добродетельный человек?
2. Что такое Дух законов и какие законы человека выделяет Ш.-Л. Монтескье?
3. Охарактеризуйте «образы правления» по Ш.-Л. Монтескье
4. Что, по мнению автора, мешает человеку познать самого себя?
5. Почему в демократии народ является государем и подданным одновременно?
6. Что сказано в труде о законах монархического правления?

Платон Федон

[...] В род богов не позволено перейти никому, кто не был философом и не очистился до конца, – никому, кто не стремился к познанию. Потому-то, [...] истинные философы гонят от себя все желания тела, крепятся и ни за что им не уступают, не боясь разорения и бедности, в отличие от большинства, которое корыстолюбиво, и хотя они, в отличие от властолюбивых и честолюбивых, не страшатся бесчестия и бесславия, доставляемых дурною жизнью, они от желаний воздерживаются. [...] Кто заботится о своей душе, а не холит тело, тот расстается со всеми этими желаниями. Остальные идут, сами не зная куда, а они следуют своим путем: в уверенности, что нельзя перечить философии и противиться освобождению и очищению, которые она несет, они идут за ней, куда бы она ни повела. [...] Тем, кто стремится к познанию, хорошо известно вот что: когда философия принимает под опеку их душу, душа туго-натуго связана в теле и прилеплена к нему, она вынуждена рассматривать и постигать сущее не сама по себе, но через тело, словно бы через решетки тюрьмы, и погрязает в глубочайшем невежестве. Видит философия и всю грозную силу этой тюрьмы: подчиняясь страстям, узник сам крепче любого блюстителя караулит собственную темницу. Да, стремящимся к познанию известно, в каком положении бывает их душа, когда философия берет ее под свое покровительство и с тихими увещаниями принимается

освобождать, выявляя, до какой степени обманчиво зрение, обманчив слух и остальные чувства, убеждая отдаляться от них, не пользоваться их службою, насколько лишь это возможно, и советуя душе сосредоточиваться и собираться в себе самой, верить только себе, когда, сама в себе, она мыслит о том, что существует само по себе, и не считать истинным ничего из того, что она с помощью другого исследует из других вещей, иначе говоря, из осязаемых и видимых, ибо то, что видит душа, умопостигаемо и безвидно. Вот то освобождение, которому не считает нужным противиться душа истинного философа, и потому она бежит от радостей, желаний, печалей и страхов, насколько это в ее силах, понимая, что, если кто сильно обрадован, или опечален, или испуган, или охвачен сильным желанием, он терпит только обычное зло, какого и мог бы ожидать, – например, заболевает или проматывается, потакая своим страстям, – но и самое великое, самое крайнее из всех зол и даже не отдает себе в этом отчета. – Какое же это зло, Сократ? – спросил Кебет. – А вот какое: нет человека, чья душа, испытывая сильную радость или сильную печаль, не считала бы то, чем вызвано такое ее состояние, предельно ясным и предельно подлинным, хотя это и не так. Ты, я думаю, со мною согласишься, что, в первую очередь, это относится к вещам видимым. – Охотно соглашусь. – А согласишься ли ты, что именно в таком состоянии тело сковывает душу особенно крепко? – То есть как? – А вот как: у любой радости или печали есть как бы гвоздь, которым она пригвозждает душу к телу, пронзает ее и делает как бы телесною, заставляя принимать за истину все, что скажет тело. А разделяя представления и вкусы тела, душа, мне кажется, неизбежно перенимает его правила и привычки, и уже никогда не прийти ей в Аид чистою – она всегда отходит, обремененная телом, и потому вскоре вновь попадает в иное тело и, точно посеянное зерно, пускает ростки. Так она лишается своей доли в общении с божественным, чистым и единообразным. [...] По этой как раз причине, Кебет, воздержаны и мужественны те, кто достойным образом стремится к познанию, а вовсе не те, о которых любит говорить большинство. [...] Да, душа философа рассуждает примерно так, как мы говорили, и не думает, будто дело философии – освободить ее, а она, когда это дело сделано, может снова предаться радостям и печалям и надеть прежние оковы, наподобие Пенелопы, без конца распускающей свою ткань. Внося во все успокоение, следуя разуму и постоянно в нем пребывая, созерцая истинное, божественное и непреложное и в нем обретая для себя пищу, душа полагает, что так именно должно жить, пока она жива, а после смерти отойти к тому, что ей сродни, и навсегда избавиться от человеческих бедствий. В завершение такой жизни, Симмий и Кебет, ей незачем бояться ничего дурного, незачем тревожиться, как бы при расставании с телом она не распалась, не рассеялась по ветру, не умчалась неведомо куда, чтобы уже нигде больше и никак не существовать. После этих слов Сократа наступило долгое молчание. [...]

Платон Федон // Платон Сочинения в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1993. – 528 с. – (Филос. наследие) – С. 38-40.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Кто, по мнению автора является истинным философом?
2. Каково значение философии для человека?

Жан-Жак Руссо

Об общественном договоре. Трактаты

Глава VIII О том, что не всякая форма правления пригодна для всякой страны.

Свобода – это не плод, созревающий под всеми небесами, поэтому она доступна и не всем народам. Чем больше обдумываешь этот принцип, установленный Монтескье, тем более убеждаешься в его истинности; чем больше его оспаривают, тем больше дают случаев подтвердить его с помощью новых доказательств.

При всех Правлениях в мире та собирательная личность, которую представляет собой общество, потребляет и ничего не производит. Откуда же она получает то, что потребляет? Из труда ее членов. Излишек у частных лиц и создает то, что необходимо для удовлетворения нужд всего общества. Отсюда следует, что общественное состояние может существовать лишь тогда, когда труд людей приносит больше, чем необходимо для удовлетворения нужд их.

Однако этот излишек не одинаков во всех странах мира. В одних он значителен, в других – невелик, в иных – равен нулю, в иных – отрицательная величина. Это отношение зависит от того, насколько благодатен климат, от способа обработки, которого требует земля, от природных особенностей ее произведений, от силы ее обитателей, от того, нужно ли им потреблять больше или меньше и от многих других подобных отношений, из которых оно складывается.

С другой стороны, все роды Правления неодинаковы по своей природе; среди них есть более или менее прожорливые, и основой различий служит тот принцип, что чем больше взимаемые в обществе обложения отдаляются от своего источника, тем более они обременительны. Не величиной обложения следует измерять это бремя, но тем путем, который должны совершить суммы, чтобы вернуться в те руки, из которых они вышли. Когда это обращение совершается быстро и оно хорошо налажено, не имеет значения, много ли или мало платят, народ всегда богат и финансы всегда в хорошем состоянии. Напротив, как бы мало народ ни давал, если это немногое ему не возвращается, он, непрерывно отдавая, вскоре оказывается истощенным; Государство

никогда не бывает богато, а народ всегда нищ.

Отсюда следует, что чем больше увеличивается расстояние между народом и Правительством, тем более обременительным становится обложение. Так, при демократии народ облагается меньше всего; при аристократии он облагается уже больше; при монархии он несет наибольшие тяготы. Монархия, следовательно, пригодна только для богатых народов; аристократия – для Государств средних как по богатству, так и по величине; демократия – для Государств малых и бедных.

В самом деле, чем больше размышляешь, тем лучше видишь, что в этом особенно сказывается разница между свободными и монархическими Государствами. В первых – все служит для общей пользы; в других – силы общественные и частные взаимно противоположны, и одна из них растет только за счет ослабления другой. И, в конечном счете, деспотизм правит подданными не для того, чтобы сделать их счастливыми, но разоряет их, чтобы ими править.

Вот, следовательно, каковы в каждой стране те естественные основания, по которым можно определить форму Правления, обуславливаемую особенностями климата, и даже сказать, какого рода жителей должна иметь такая страна.

Места неблагоприятные и бесплодные, где урожай не стоит труда затраченного, чтобы его получить, должны оставаться невозделанными и пустынными или заселенными разве только дикарями. Там, где труд людей приносит только самое необходимое, могут обитать лишь варварские народы: никакой гражданский порядок не был бы там возможен. Места, где урожай, по сравнению с затраченным трудом, имеет средние размеры, подходят для свободных народов. Те места, где обильная и плодородная почва дает большие урожаи при небольшой затрате труда, требуют монархического управления, чтобы роскошь государя поглощала чрезмерные излишки у подданных; ибо лучше, чтобы этот излишек был поглощен Правительством, чем растрочен частными людьми. Есть исключения, я это знаю: но самые эти исключения подтверждают правило тем, что рано или поздно они вызывают перевороты, восстанавливающие естественный порядок вещей.

Будем всегда отличать общие законы от тех частных причин, которые могут только видоизменять их действие. Если бы даже Юг был занят Республиками, а весь Север – деспотическими Государствами, все же не будет менее справедливым то, что в силу особенностей климата деспотизм пригоден для жарких стран, варварство – для холодных, а наилучшее правление – для областей, занимающих место между теми и другими. Я понимаю также, что, принимая принцип, можно спорить о его приложениях: могут сказать, что есть холодные страны, весьма плодородные, и южные – весьма бесплодные. Но это – трудность лишь для тех, кто не рассматривает сего вопроса во всех отношениях. Необходимо, как я уже сказал, принимать в расчет соотношения труда, сил, потребления

и так далее. [...]

Глава IX О признаках хорошего правления.

Когда, стало быть, спрашивают в общей форме, которое из Правлений наилучшее, то задают вопрос неразрешимый, ибо сие есть вопрос неопределенный, или, если угодно, он имеет столько же верных решений, сколько есть возможных комбинаций в абсолютных и относительных положениях народов.

Но если бы спросили, по какому признаку можно узнать, хорошо или дурно управляется данный народ, то это было бы другое дело, и такой вопрос действительно может быть разрешен.

Однако его вовсе не разрешают, потому что каждый хочет сделать это на свой лад. Подданные превозносят покой в обществе, граждане – свободу частных лиц; один предпочитает безопасность владений, а другой – безопасность личности; один считает, что наилучшее Правление должно быть самым суровым, другой утверждает, что таким может быть только самое мягкое; этот хочет, чтобы преступления карались, а тот – чтобы они предупреждались; один считает, что хорошо держать соседей в страхе, другой предпочитает оставаться им неизвестным; один доволен, когда деньги обращаются, другой требует чтобы народ имел хлеб. Даже если бы мы и пришли к соглашению в этих и в других подобных пунктах, то разве подвинулись бы далеко? Раз нет точной меры для духовных свойств, то даже и придя к соглашению относительно признаков – как этого достичь в оценке?

[...] Какова цель политической ассоциации? Бережение и благоденствие ее членов. А каков наиболее верный признак, что они убережены и благоденствуют? Это их численность и ее рост. Не ищите же окрест сей признак – предмет столь многих споров. При прочих равных условиях такое Правление, когда без сторонних средств, без предоставления права гражданства, без колоний граждане плодятся и множатся, есть, несомненно, лучшее. Правление, при котором народ уменьшается в числе и оскудевает, есть худшее. Счетчики, теперь дело за вами: считайте, измеряйте, сравнивайте.

Глава X О злоупотреблении властью и о ее склонности к вырождению.

Как частная воля непрестанно действует против общей, так и Правительство постоянно направляет свои усилия против суверенитета. Чем больше эти усилия, тем больше портится государственное устройство; а так как здесь нет другой воли правительственного корпуса, которая, противостоя воле государя, уравновешивала бы ее, то рано или поздно должно случиться, что государь подавляет в конце концов суверен и разрывает общественный договор. В этом и заключается исконный и неперемный порок, который с самого рождения Политического организма непрестанно стремится его разрушить, подобно тому как старость и смерть разрушают в конце концов тело человека.

Есть два общих пути, по которым всякое Правительство может переродиться, именно: когда оно сосредоточивается или когда Государство распадается.

Правительство сосредоточивается, когда число его членов уменьшается, т.е. когда оно превращается из демократии в аристократию и из аристократии в монархию. Такая склонность заложена в нем от природы. Если бы оно обращалось вспять, т. е. шло от меньшего числа членов к большему, то можно было бы сказать, что оно ослабляется, но такое обратное движение невозможно.

В самом деле, Правление изменяет форму только тогда, когда износившиеся пружины делают его столь слабым, что оно не может сохранить свою прежнюю. Так что, если бы оно продолжало еще ослабляться, расширяясь, то его сила стала бы совершенно ничтожной, и оно просуществовало бы еще меньший срок. Следовательно, необходимо возвращаться назад и заводить пружины по мере того, как они ослабевают; иначе поддерживаемое ими Государство разрушится.

Распад Государства может произойти двумя путями.

Во-первых, когда государь больше не управляет Государством сообразно с законами и когда он узурпирует верховную власть. Тогда происходят примечательные изменения: не Правительство, а Государство сжимается; я хочу сказать, что большое Государство распадается и в нем образуется другое Государство, состоящее только из членов Правительства и являющееся по отношению к остальному народу лишь его господином и тираном. Так что в ту минуту, когда Правительство узурпирует суверенитет, общественное соглашение разорвано, и все простые граждане, по праву возвращаясь к своей естественной свободе, принуждены, а не обязаны повиноваться.

То же происходит и тогда, когда члены Правительства в отдельности присваивают себе власть, которую они должны осуществлять лишь сообща: это не меньшее нарушение законов и порождает еще большую смуту в Государстве: тогда получается, так сказать, столько же государей, сколько магистратов; и Государство, не менее разделенное, чем Правление, погибает или изменяет свою форму.

Когда Государство распадается, то злоупотребление Властью, какова бы она не была, получает общее название анархии. В частности, демократия вырождается в охлократию, аристократия – в олигархию. Я бы добавил, что монархия вырождается в тиранию, но это последнее слово имеет два смысла и требует пояснения.

В обычном смысле слова, тиран – это король, который правит с помощью насилия, не считаясь со справедливостью и законами. В точном смысле слова тиран – это частное лицо, которое присваивает себе королевскую власть, не имея на то права. Именно так понимали слово тиран греки; они так называли и хороших и дурных государей, если их власть не имела законного основания. Таким образом, тиран и узурпатор

суть два слова совершенно синонимичные. [...]

Глава XI О смерти политического организма.

Так, естественно и неизбежно склоняются к упадку наилучшим образом устроенные Правления. Если Спарта и Рим погибли, то какое Государство может надеяться существовать вечно? Если мы хотим создать прочные установления, то не будем помышлять сделать их вечными. Чтобы достичь успеха, не следует ни пытаться свершить невозможное, ни льстить себя надеждою придать созданию людей прочность, на которую создания рук человеческих не позволяют рассчитывать.

Политический организм так же, как и организм человека, начинает умирать с самого своего рождения и несет в себе самом причины своего разрушения. Но и тот и другой могут иметь сложение более или менее крепкое и способное сохранить этот организм на более или менее длительный срок. Организм человека – это произведение искусства. От людей не зависит продление срока их жизни; от них зависит продлить жизнь Государства настолько, сколь сие возможно, дав ему наилучшее устройство, какое только оно может иметь. И самым лучшим образом устроенное Государство когда-нибудь перестанет существовать; но позже, чем другое, если никакой непредвиденный случай не приведет его к преждевременной гибели.

Первооснова политической жизни заключается в верховной власти суверена. Законодательная власть – это сердце Государства, исполнительная власть – его мозг, сообщающий движение всем частям. Мозг может быть парализован, а индивидуум будет еще жить. Человек остается идиотом – и живет, но как только сердце перестанет сокращаться, животное умирает.

Не законами живо Государство, а законодательной властью. Закон, принятый вчера, не имеет обязательной силы сегодня; но молчание подразумевает молчаливое согласие, и считается, что суверен непрестанно подтверждает законы, если он их не отменяет, имея возможность это сделать. То, что суверен единожды провозгласил как свое желание, остается его желанием, если только он сам от него не отказывается.

Почему же столь почитают древние законы? Именно поэтому. Надо полагать, что лишь превосходство волеизъявлений древних могло сохранить их в силе столь долго; если бы суверен не признавал их неизменно благотворными, он бы их тысячу раз отменил. Вот почему законы не только не теряют силу, но беспрестанно приобретают новую силу во всяком хорошо устроенном Государстве; уже одно то, что они древние, делает их с каждым днем все более почитаемыми; тогда как повсюду, где законы, старея, теряют силу, это доказывает, что нет там больше власти законодательной и что Государство перестает жить.

Глава XII Как поддерживается верховная власть суверена.

Суверен, не имея другой силы, кроме власти законодательной, действует только посредством законов; а так как законы суть лишь

подлинные акты общей воли, то суверен может действовать лишь тогда, когда народ в собрании. Народ в собрании, скажут мне, – какая химера! Это химера сегодня, но не так было две тысячи лет тому назад. Изменилась ли природа людей?

Границы возможного в мире духовном менее узки, чем мы полагаем; их сужают наши слабости, наши пороки, наши предрассудки. Низкие души не верят в существование великих людей; подлые рабы с насмешливым видом улыбаются при слове свобода.

Основываясь на том, что совершилось, рассмотрим то, что может совершиться. Я не стану говорить о Республиках древней Греции; но Римская Республика была, как будто, большим Государством, а город Рим – большим городом. По данным последнего ценза, в Риме оказалось четыреста тысяч граждан, способных носить оружие, а по последней переписи в империи было около четырех миллионов граждан, не считая подданных, иностранцев, женщин, детей, рабов.

[...] немного недель проходило без того, чтобы римский народ не собирался и даже по нескольку раз. Он не только осуществлял права суверенитета, но даже часть прав по Управлению. Он решал некоторые дела, разбираал некоторые тяжбы, и весь этот народ столь же часто бывал на форуме магистратом, как и гражданином.

Восходя к начальным временам в истории народов, мы найдем, что большинство древних Правлений, даже монархических, таких как Правления македонян и франков, имели сходные Советы. [...]

Глава XIII. Продолжение.

Недостаточно, чтобы народ в собрании единожды утвердил устройство Государства, одоблив свод законов; недостаточно, чтобы он установил постоянный образ или преуказал раз навсегда порядок избрания магистратов. Кроме собраний, созыва которых могут потребовать непредвиденные случаи, надо, чтобы были собрания регулярные, периодические, созыв которых ничто не могло бы ни отменить, ни отсрочить, так, чтобы в назначенный день народ на законном основании созывался в силу Закона, без того, чтобы для этого необходима была еще какая-нибудь процедура созыва.

[...] Можно, в общем, сказать только одно, что чем больше силы у Правительства, тем чаще должен являть себя суверен.

Это, скажут мне, может быть хорошо для одного города; но что делать, когда их в Государстве несколько? Разделить ли верховную власть? Или же должно сконцентрировать ее в одном только городе, а все остальные подчинить ему?

Я отвечу, что не следует делать ни того, ни другого. Во-первых, верховная власть неделима и едина, и ее нельзя разделить, не уничтожив. Во-вторых, никакой город, так же как и никакой народ, не может быть на законном основании подчинен другому, потому что сущность Политического организма состоит в согласовании повиновения и свободы

и потому, что слова эти – подданный и суверен указывают на такие же взаимоотношения, смысл которых соединяется в одном слове – гражданин.

Я отвечаю еще, что это всегда зло – объединять несколько городов в одну Общину гражданскую – и что, желая совершить такое объединение, не должно льстить себя надеждою, что удастся избежать естественно связанных с этим затруднений. Совсем не следует ссылаться на злоупотребления в больших Государствах тому, кто считает, что Государства должны обладать малыми размерами. Но как наделить малые Государства силой достаточной, чтобы противостоять большим? Как некогда древнегреческие города противостояли великому царю, и как в более близкое к нам время Голландия и Швейцария противостояли австрийскому дому.

Все же, если невозможно свести размеры Государства до наилучшей для него величины, то остается еще одно средство: не допускать, чтобы оно имело столицу; сделать так, чтобы Правительство имело местопребывание попеременно в каждом городе и собирать там поочередно Штаты страны.

Заселите равномерно территорию, распространите на нее всю одни и те же права, создайте в ней повсюду изобилие и оживление, – именно таким образом Государство делается сразу и наиболее сильным и лучше всего управляемым. Помните, что стены городов возводятся из обломков домов деревень. При виде каждого дворца, возводимого в столице, я словно вижу, как разоряют целый край. [...]

Руссо Жан Жак. Об общественном договоре. Трактаты / Пер.с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с. – С. 265-278

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какое правление Ж.-Ж.Руссо считает лучшим?
2. Когда, по мнению Ж.-Ж. Руссо власть вырождается?
3. Дайте определение понятий: олигархия, охлократия, аристократия, анархия, демократия.
4. Что такое «естественное состояние человечества»?
5. Что пишет автор об «общественном договоре»?

Бенедикт Спиноза

Богословско-политический трактат

Если бы повелевать умами было так же легко, как и языками, то каждый царствовал бы спокойно и не было бы никакого насильственного правления, ибо каждый жил бы, сообразуясь с нравом правящих, и только на основании их решения судил бы о том, что истинно или ложно, хорошо или дурно, справедливо или несправедливо. Но, как мы уже в начале главы XVII заметили, это, т.е. чтобы ум неограниченно находился во власти другого, не может стать, так как никто не может перенести на другого

свое естественное право, или свою способность свободно рассуждать и судить о каких бы то ни было вещах, и никто не может быть принужден к этому. Из этого, следовательно, выходит, что то правление считается насильственным, которое посягает на умы, и что верховное величество, видимо, делает несправедливость подданным и узурпирует их право, когда хочет предписать, что каждый должен принимать как истину и отвергать как ложь и какими мнениями, далее, ум каждого должен побуждаться к благоговению перед богом: это ведь есть право каждого, которым никто, хотя бы он и желал этого, не может поступиться. Я признаю, что суждение может быть предвзято многими и почти невероятными способами, и притом так, что оно хотя прямо и не находится во власти другого, однако до такой степени зависит от другого, что справедливо можно считать его несвободным. Но, как бы ни изощрялось в этом отношении искусство, никогда дело не доходило до того, чтобы люди когда-либо не сознавали, что каждый обладает в достаточной степени своим разумением и что во взглядах существует столько же различий, как и во вкусах. Моисей, который не посредством хитрости, но благодаря божественной добродетели в высшей степени воздействовал на суждение своего народа, потому что считался человеком божественным, говорившим и делавшим все по божественному вдохновению, и тот, однако, не мог избежать народного ропота и превратных толкований, а тем менее остальные монархи; и если это можно было бы мыслить каким-нибудь образом, то оно было бы во всяком случае мыслимо лишь для монархического государства, но отнюдь не для демократического, которым коллегиально управляют все или большая часть народа; думаю, что причина этого для всех ясна.

Таким образом, сколько бы ни думали, что верховные власти распоряжаются всем и что они суть истолкователи права и благочестия, они, однако, никогда не будут в состоянии заставить людей не высказывать суждения о каких-нибудь вещах сообразно с их собственным образом мыслей и соответственно не испытывать того или иного аффекта. Верно, конечно, что власти по праву могут считать врагами всех, кто с ними не согласен безусловно во всем, но мы рассуждаем теперь не о праве их, но о том, что полезно. [...] по праву они могут царствовать с величайшим насилием и обрекать граждан на смерть по самым ничтожным поводам; но никто не скажет, что это можно делать, не повредясь в здравом рассудке. Более того, так как они могут это делать только с большим риском для всего государства, то мы можем также отрицать, что у них есть неограниченная мощь для этого и подобных вещей, а следовательно, у них нет и неограниченного права для этого, мы ведь показали, что право верховных властей определяется их мощью.

Итак, если никто не может поступиться своей свободой судить и мыслить о том, о чем он хочет, но каждый по величайшему праву природы есть господин своих мыслей, то отсюда следует, что в государстве никогда

нельзя, не опасаясь очень несчастных последствий, домогаться того, чтобы люди, хотя бы у них были различные и противоположные мысли, ничего, однако, не говорили иначе, как по предписанию верховных властей, ибо и самые опытные, не говоря уже о толпе, не умеют молчать. Это общий недостаток людей – доверять другим свои планы, хотя и нужно молчать; следовательно, то правительство самое насильническое, при котором отрицается свобода за каждым говорить и учить тому, что он думает, и, наоборот, то правительство умеренное, при котором эта самая свобода дается каждому. Но поистине мы никоим образом не можем отрицать, что величество может быть оскорблено столько же словом, сколько и делом; и, стало быть, если невозможно совершенно лишить подданных этой свободы, то и, обратно, весьма губительно будет допустить ее неограниченно. Поэтому нам надлежит здесь исследовать, до какого предела эта свобода может и должна даваться каждому без ущерба для спокойствия в государстве и без нарушения права верховных властей; это, как я в начале главы XVI напомнил, было здесь главной моей целью.

Из выше объясненных оснований государства весьма ясно следует, что конечная его цель заключается не в том, чтобы господствовать и держать людей в страхе, подчиняя их власти другого, но, наоборот, в том, чтобы каждого освободить от страха, дабы он жил в безопасности, насколько это возможно, т.е. дабы он наилучшим образом удерживал свое естественное право на существование и деятельность без вреда себе и другому. Цель государства, говорю, не в том, чтобы превращать людей из разумных существ в животных или автоматы, но, напротив, в том, чтобы их душа и тело отправляли свои функции, не подвергаясь опасности, а сами они пользовались свободным разумом и чтобы они не соперничали друг с другом в ненависти, гневе или хитрости и не относились враждебно друг к другу. Следовательно, цель государства в действительности есть свобода. Далее, мы видели, что для образования государства необходимо было только одно, именно: чтобы вся законодательная власть находилась у всех или нескольких или у одного. Ибо так как свободное суждение людей весьма разнообразно и каждый в отдельности думает, что он все знает, и так как невозможно, чтобы все думали одинаково и говорили едиными устами, то они не могли бы жить мирно, если бы каждый не поступился правом действовать сообразно с решением только своей души. Таким образом, каждый поступился только правом действовать по собственному решению, а не правом рассуждать и судить о чем-либо; стало быть, и никто без нарушения права верховных властей не может действовать против их решения, но вполне может думать и судить, а следовательно, и говорить, лишь бы просто только говорил или учил и защищал свою мысль только разумом, а не хитростью, гневом, ненавистью и без намерения ввести что-нибудь в государстве благодаря авторитету своего решения. Например, если кто показывает, что какой-нибудь закон противоречит здравому рассудку, и поэтому думает, что он должен быть отменен, если в

то же время он свою мысль повергает на обсуждение верховной власти (которой только и подобает постановлять и отменять законы) и ничего между тем не делает вопреки предписанию того закона, то он, конечно, оказывает услугу государству, как каждый доблестный гражданин, но если, напротив, он делает это с целью обвинить в несправедливости начальство и сделать его ненавистным для толпы или мятежно старается вопреки воле начальства отменить тот закон, то он всецело возмутитель и бунтовщик. Итак, мы видим, каким образом каждый, не нарушая права и авторитета верховных властей, т.е. не нарушая мира в государстве, может говорить [то] и учить тому, что он думает, именно: если он решение о всем, что должно сделать, предоставляет им же и ничего против их решения не предпринимает, хотя и должен часто поступать против того, что он считает хорошим и что он открыто высказывает. Это, конечно, он может делать, не нарушая справедливости и благочестия, даже должен делать, если хочет показать себя справедливым и благочестивым, ибо, как мы уже показали, справедливость зависит только от решения верховных властей и, стало быть, никто не может отсюда быть справедливым, если он не живет по общепринятым решениям. Высшее же благочестие (по тому, что мы в предыдущей главе показали) есть то, которое проявляется в заботах о мире и спокойствии государства, но оно не может сохраниться, если каждый стал бы жить по изволению своего сердца; стало быть, и не благочестиво делать по своему изволению что-нибудь против решения верховной власти, подданным которой являешься, так как от этого, если бы это каждому было позволено, необходимо последовало бы падение государства. Даже более: он ничего не может делать против решения и предписания собственного разума, пока он действует согласно решениям верховной власти; он ведь по совету самого разума всецело решил перенести на нее свое право жить по собственному своему суждению. Впрочем, это мы можем подтвердить и самой практикой, ибо в собраниях как высших, так и низших властей редко что-нибудь делается по единодушному голосованию всех членов, и, однако, все делается по общему решению всех, именно: как тех, кто подавал голос против, так и тех, кто подавал его за. [...]

Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза, Бенедикт Сочинения [Текст] : в 2 т. / Б. Спиноза. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 2. – [Б. м.] : [б.и.], 1999. – 629 с. – (Слово о сущем ; т. 22). – С.224-228.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. В чем заключается главная цель государства, по мнению Б.Спинозы
2. В чем заключается высшее благочестие ?

Тема 3. Социология как наука: предмет и история становления

Питер Бергер

Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива

Социология как способ времяпрепровождения

[...] Когда студентам-выпускникам задаешь вопрос, почему они своим основным предметом выбрали социологию, они чаще всего отвечают: «... потому что мне нравится работать с людьми». Если продолжить расспросы о том, как им видится будущая профессиональная деятельность, то вам могут сказать о желании заниматься социальной работой. Ответы могут быть и менее определенными, но они все равно покажут, что студент, которому вы задали вопрос, хотел бы иметь дело скорее с людьми, чем с неживыми предметами. К числу такого рода профессий относятся работа с персоналом, коррекция человеческих отношений на производстве, связь с общественностью, реклама, местное планирование и религиозная работа самого широкого профиля! В подобных ответах подразумевается, что приобретение какой-либо из указанных профессий позволит «работать с людьми», «помогать людям», «выполнять работу, полезную для всего общества». Стоящий за этим образ социолога можно описать как секуляризованный вариант либерального протестантского пастыря, а фигура секретаря местного отделения ИМКА, пожалуй, заполнит брешь между освященным и мирским благодеянием. Социология в данном случае представляется современной версией классической для Америки темы «улучшения общественного устройства», а деятельность социолога – профессиональным наставничеством на благо отдельных индивидов и общества в целом. [...]

Но эти действия не всегда исключительно гуманны. Сегодня одни американские социологи разрабатывают в правительственных учреждениях планы по обеспечению большей жизнеспособности составляющих нацию общностей. Другие в тех же учреждениях работают над тем, как разрушить единство враждебных государств, чтобы, если возникнет такая необходимость, стереть их с политической карты мира. Какими бы моральными соображениями ни руководствовались те и другие, ничто не мешает всем им проводить интересные с научной точки зрения исследования. [...]

Отождествление социологии с социальной работой в сознании многих людей является в определенной степени следствием «культурного отставания», образовавшегося в те времена, когда социальный работник, еще не будучи «профессионалом», имел дело скорее с нищетой, чем с либидозными фрустрациями, и вполне обходился без помощи диктофона.

[...] Социальная работа независимо от ее теоретического обоснования – это особый вид общественной практики. Социология – не практика, а попытка понять. Разумеется, понимание может оказаться полезным в практической деятельности. Именно поэтому мы считаем, что

дальнейшее развитие социологии принесет большую пользу социальной работе и избавит нас от необходимости погружаться в мифические глубины «бессознательного» для объяснения тех явлений, которые, как правило, вполне осознаваемы, более просты и социальны по своей природе. Но в социологическом познании, цель которого заключается в попытке понять общество, нет ничего, что делало бы занятие самого социолога той или иной практической деятельностью необходимым. [...]

Именно такое понимание социологического познания подразумевается в классическом утверждении Макса Вебера (одной из наиболее важных фигур в истории развития социологической мысли) о том, что социология «свободна от ценностей». К данному утверждению нам еще не раз придется возвращаться, поэтому кое-что хотелось бы уточнить прямо сейчас. Разумеется, это утверждение не означает что социолог не может и не должен придерживаться ценностных ориентиров. Ни один человек, оставаясь человеком, не может обойтись без них. В жизни социолог как гражданин своей страны, как частное лицо, член религиозной общины или еще какой-нибудь ассоциации людей, разделяет великое множество ценностей. Но в рамках профессиональной деятельности основная ценность одна – строгая научность. Однако это не исключает того, что социолог как человек вынужден будет постоянно сталкиваться с собственными убеждениями, эмоциями и предрассудками. Необходим особый интеллектуальный тренинг, чтобы он выработал в себе стремление понимать и контролировать их косвенное влияние на его работу, которое, насколько возможно, должно быть исключено. Надо ли говорить, что сделать это не всегда легко, однако здесь нет ничего невозможного. Социолог стремится видеть то, что есть. Он может желать или страшиться своих открытий. Но он будет стараться видеть реальность, невзирая на свои надежды и опасения. Поэтому идеал, к которому стремится социология, – это акт чистой перцепции (восприятия), настолько чистой, насколько позволяют и человеческие возможности.

Данное утверждение можно пояснить с помощью следующей аналогии. [...] Социолог во многом похож на разведчика. Его работа заключается в том, чтобы с предельной достоверностью описывать некоторый театр социальных действий. Другие люди или он сам, но уже не в роли социолога, должны решать, какие передвижения следует сделать на том или ином участке. Особо подчеркнем, что сказанное не освобождает социолога от необходимости задавать себе вопросы о целях, которые преследуют его работодатели, и о том, как будут использованы результаты его работы. Но это – несоциологические вопросы. Такие вопросы должен задавать себе всякий человек, предпринимая какие-либо действия в обществе. Ведь, скажем, биологические знания могут быть использованы и для исцеления или убийства, следовательно, биолог не свободен от ответственности за то, чему он служит. Но ставя перед собой вопросы о личной ответственности, он задает вопросы небиологического свойства.

Существует еще один образ социолога, связанный с упомянутыми выше, – образ социального реформатора. Он также имеет исторические корни не только в Америке, но и в Европе. Огюст Конт, французский философ XIX в., придумавший название социологии, рассматривал эту дисциплину как учение о прогрессе, как секуляризованную наследницу теологии и королеву всех наук. В его концепции социолог в любой отрасли знания выступает как третейский судья, пекущийся о благе людей. Такая трактовка, очищенная, впрочем, от наиболее фантастических претензий, дольше всего сохраняла свое влияние во Франции, но ее отголоски были слышны и в Америке, в частности на заре американской социологии, когда несколько заокеанских последователей Конта всерьез обратились с меморандумом к президенту университета Брауна о переподчинении всех факультетов факультету социологии. Сегодня немного найдется социологов (а в Америке, пожалуй, не найдется вовсе) с подобными претензиями. Эта концепция дает о себе знать тогда, когда ожидают, что социологи достанут из своих портфелей образцы реформ, направленных на решение тех или иных социальных проблем.

Социологи (в том числе автор) получают, конечно же, некоторое моральное удовлетворение от того, что их социологические прозрения не раз помогали облегчить участь целых категорий людей, ибо вскрывали вопиющие, с точки зрения общественной морали, условия жизни, развенчивали массовые иллюзии и предлагали более гуманные средства для достижения социально желаемых целей. В качестве примера можно привести использование социологического знания в судебной и пенитенциарной практике западных стран. Можно сослаться на использование результатов социологических исследований при решении Верховным Судом США вопроса о расовой сегрегации в государственных школах в 1954 г. Социологические исследования проводятся и с целью помочь в социальном планировании развития городов. Ясно, что чувствительный к моральным и политическим проблемам социолог с удовлетворением вспоминает подобные примеры.

И опять-таки нужно иметь в виду, что здесь мы имеем дело не с социологическим знанием, а с его применением. Нетрудно представить себе, как одни и те же знания можно использовать с противоположными намерениями. [...]

Мы рассмотрели взгляды на профессию социолога, которые зародились по меньшей мере несколько десятилетий назад. Теперь обратимся к некоторым представлениям, сложившимся сравнительно недавно в новейших социологических направлениях. Согласно одному из них социолог – это собиратель статистических данных о человеческом поведении, который по существу является подручным ЭВМ. Он выходит «в поле» с опросником, опрашивает людей в соответствии с выборкой, потом возвращается назад и загоняет данные в машину. Само собой разумеется, для таких занятий ему нужен приличный штат сотрудников и

очень солидное финансирование. Причем подразумевается, что результаты громадных усилий смехотворны: скрупулезно, по крупицам выясняется то, что и так уже известно другим.

Подобное представление о социологе поддерживается в общественном сознании деятельностью многих организаций, которые с полным правом можно было бы назвать парасоциологическими, занимающимися главным образом общественным мнением и маркетингом. [...]

К сожалению, данное представление о социологической профессии – не просто плод фантазии. После первой мировой войны американские социологи решительно отвернулись от теории и активно занялись чисто описательными эмпирическими исследованиями, в результате чего были существенно улучшены их методики. Большое внимание уделялось, естественно, статистическим методам. Примерно в середине 40-х годов наметился рост интереса к социологической теории, и есть отчетливые признаки того, что отход от узкого эмпиризма продолжает набирать силу. Тем не менее значительную часть социологических проектов в США составляют локальные исследования скрытых от посторонних глаз фрагментов социальной жизни, не имеющие никакого выхода на более широкие теоретические обобщения. [...]

Приоритетность статистических методов в современной американской социологии выполняет, таким образом, определенные ритуальные функции, которые легко понять, имея в виду ту систему силовых полей, внутри которой приходится делать карьеру большинству социологов. Фактически многие социологи имеют весьма поверхностные знания в статистике и относятся к ней с смешанным чувством страха и благоговения, с каким бедный приходской священник относится к мощной гармонии латыни, некогда вышедшей из-под пера Фомы Аквинского. Стоит только понять это, как станет ясна несуразность подобного подхода к социологии. Тогда мы начинаем смотреть на социологию с поистине социологической пронизательностью и можем постичь ее внутреннее изящество, скрытое за внешними обозначениями.

Сами по себе статистические данные социологии не делают. Они становятся социологией только тогда, когда получают социологическую интерпретацию и соотносятся со специальной системой координат социологической теории. Голые процентовки и даже коэффициенты корреляций не составляют социологии. Это не значит, что цифры, полученные в опросах, неистинны или бесполезны для социологического познания. Они могут служить исходным материалом для социологической интерпретации. [...] Цифры для него имеют смысл только в рамках более широких теоретических обобщений и служат пониманию того, какие ценности разделяет общество и каково положение социальных институтов. Для достижения такого понимания социолог часто прибегает к статистическим методам, особенно если он изучает массовые явления в

современном обществе. Но социология столь же сводима к статистике, сколь филология сводима к спряжению неправильных глаголов или химия – к производству в колбе дурных запахов.

В настоящее время получило распространение ещё одно представление, имеющее, по-видимому, тесную связь с образом статистика. Согласно этому представлению социолог – человек, занятый главным образом разработкой методологии, в рамки которой он потом втиснет все проявления человеческой природы. [...]

Социология изначально трактовала себя как науку. Много копий было сломано в спорах относительно точного смысла этого самоопределения. [...] Верный призванию социолог делает утверждения на основе наблюдений в соответствии с определенными критериями очевидности так, чтобы дать возможность коллегам проверить, повторить и продолжить дальше его изыскания. Социология – дисциплина, часто побуждающая прочесть какой-нибудь научный труд вместо, скажем, романа на ту же тему, который может быть написан гораздо более живым и удобоваримым языком. Пытаясь разработать в своей науке критерии очевидности, социологи вынуждены обращаться к методологическим проблемам. Вот почему методология является необходимой существенной частью социологического познания.

Однако верно и то, что некоторые социологи, особенно в Америке, настолько увлеклись методологическими проблемами, что утратили всякий интерес к обществу. В результате ни в одном аспекте социальной жизни они не могут найти ничего существенного, поскольку в науке, как в любви, концентрация на технике ведет к импотенции. Фиксацию на методологии в значительной степени можно объяснить необходимостью сравнительно новой дисциплины получить признание на академической сцене. [...]

Всякая научная дисциплина должна разрабатывать свою терминологию. Это право безоговорочно признается за такой наукой, как, например, ядерная физика, занимающаяся вещами, которые совершенно не известны широкой публике и для обозначения которых в обыденной речи просто нет слов. Между тем особая терминология для социальных наук, быть может, даже более важна, поскольку их предмет знаком всем и слова для его описания уже существуют. Именно потому что мы хорошо знаем социальные институты, которые нас окружают, наши представления о них в обыденном сознании весьма нечетки и часто ошибочны, подобно тому, как большинству из нас очень трудно дать точное описание собственных родителей, жен и мужей, детей и близких друзей. Кроме того, при обозначении реалий социальной действительности наш язык часто (и, может быть, слава Богу) оказывается расплывчатым и невразумительным. Взять, к примеру, хотя бы понятие «класс», одно из центральных понятий в социологии. В обыденном употреблении оно имеет, наверное, десятки значений, выделяя категории людей с разными уровнями дохода, расы,

этнические группы, политические группировки, по рейтингу IQ и многим другим критериям. Ясно, что социолог, если он в своей работе стремится к какой-то научной строгости, должен иметь четкое недвусмысленное определение понятия. Учитывая эти обстоятельства, становится понятной склонность некоторых социологов, во избежание семантических ловушек обыденного употребления, к изобретению невиданных доселе неологизмов. Поэтому, по крайней мере некоторые из них, мы считаем абсолютно необходимыми. Вместе с тем мы полагаем, что, приложив некоторые усилия, большинство социологических сюжетов можно изложить доступным языком и современный «социологический жаргон» в значительной степени можно рассматривать как сознательную мистификацию. [...]

И, наконец, мы рассмотрим образ социолога, связанный не столько с выполнением его профессиональной роли, сколько с представлением о нем как об особом типе личности. Согласно такому представлению, социолог – отстраненный, беспристрастный наблюдатель, хладнокровно манипулирующий людьми. Если в отношении кого-то данное представление превалирует, то его можно считать ироническим триумфом собственной борьбы социолога за свое признание в качестве истинного ученого. Социолог здесь оказывается самозванным сверхчеловеком, отгородившимся от теплой витальности обыденного существования и ищущим удовлетворение не в том, чтобы прожить свою жизнь, а в том, чтобы судить о жизни других людей, тщательно раскладывая их по полочкам, из-за чего он упускает из виду реальную значимость того, что наблюдает. Более того, существует мнение, что даже если социолог вовлекается в социальные процессы, то он делает это как беспристрастный инженер, отдающий свои манипулятивные навыки в распоряжение властей.

Пожалуй, последнее из рассмотренных представлений не получило столь широкого распространения. Его придерживаются главным образом те, кто по политическим мотивам опасается фактического или возможного злоупотребления социологией в современных обществах. [...] Тем не менее проблема роли ученого-обществоведа – действительно очень серьезная проблема. Например, привлечение социологов в некоторые отрасли промышленности и государственного управления вызывает вопросы морального порядка, которые следовало бы рассматривать в более широком контексте, чем это делалось до сих пор. Впрочем, вопросы морали касаются всех, кто занимает ответственный пост в современном обществе. [...]

Как же нам постичь социолога? Обсуждая различные представления, с которыми ассоциируется образ социолога в массовом сознании, мы уже выделили целый ряд элементов которые должны войти в нашу концепцию, и теперь мы можем собрать их воедино. Мы будем конструировать то, что сами социологи называют «идеальным типом». Это означает, что

полученный, в результате образ нельзя будет обнаружить в реальности «в чистом виде». Напротив, обнаружить можно будет только пример различной степени приближения к нему или отклонения от него. «Идеальный тип» не следует понимать как некое эмпирическое среднее. Мы не будем претендовать даже на то, чтобы все, кто называют себя социологами, полностью согласились с нашей концепцией, и не собираемся оспаривать права тех, кто откажется после этого причислять себя к таковым. Исключение, из профессиональной гильдии – не наше дело. Однако мы полагаем, что наш «идеальный тип» соответствует Я-концепции большинства представителей основного направления социологии как прежде (по крайней мере, в нынешнем веке), так и теперь.

Согласно «идеальному типу», социологом является тот, кто в своей деятельности связан с осмыслением общества, и это осмысление (понимание) научно по своей природе, что означает: познание и передача знаний об изучаемых социологом социальных явлениях происходит в рамках строго ограниченной системы координат. Одной из главных характеристик научной системы координат служит то, что все операции производятся по определенным правилам доказательства. Как ученый, социолог стремится быть объективным, держать в узде собственные предпочтения и предрассудки, воспринимать то, что есть, и воздерживаться от нормативных суждений. Разумеется, эти рамки не охватывают всей тотальности его человеческого существования, а ограничивают его действия лишь в качестве социолога. Социолог не претендует на то, что рассмотрение общества возможно только в его системе координат. Поэтому немного найдется ученых в любой отрасли знания, которые полагали бы, что на мир можно смотреть лишь с научной точки зрения. У разглядывающего нарцисс ботаника нет оснований оспаривать право поэта смотреть на тот же самый цветок «иными глазами». В человеческом мире существует много разных игр. Вопрос не в том, чтобы отказывать людям в праве играть в другие игры, а в том, чтобы человек четко осознал правила собственной игры. Таким образом, социолог в своей «игре» должен придерживаться правил науки и ясно понимать смысл этих правил. Иначе говоря, он должен уяснить себе некоторые методологические вопросы. Методология не является его конечной целью. Цель, напомним еще раз, заключается в попытке понять общество. Методология помогает достижению этой цели.

Для того чтобы понять общество или отдельно взятый сегмент его, социолог пользуется целым набором различных средств, среди них – статистические методы. Статистика может оказаться очень полезной при ответе на некоторые социологические вопросы. Но статистикой социология не исчерпывается. Будучи ученым, социолог обязан оперировать терминами, которые обладают точным значением, т.е. он должен быть очень аккуратным с терминологией. Но это означает не необходимость изобретать собственный язык, а недопустимость наивно

обращаться с общеупотребимыми словами. Наконец, интерес социолога есть прежде всего теоретический интерес: его интересует понимание ради понимания. Он может отдавать себе отчет и даже специально задумываться о практической применимости и возможных последствиях своих изысканий, но здесь он уже выходит за пределы социологической системы координат как таковой в царство ценностей, убеждений, идей, которые свойственны и другим людям, не являющимся социологами. [...]

Мы хотели бы обратить внимание не только на то, чем занимается социолог, но и на то, что побуждает его к этим занятиям. Говоря словами Макса Вебера, сказанными им в сходном контексте, мы намерены коснуться природы социологического демона. Здесь мы обратимся скорее не к идеально-типическому представлению в указанном выше смысле, а скорее к той вере, которую исповедует профессиональный социолог. [...]

Мы определили бы социолога (т.е. того, кого мы хотели бы пригласить всерьез поиграть с нами) как человека, который испытывает постоянный, неизбывный, не знающий моральных преград интерес к человеческим поступкам. Его естественный ареал обитания – всевозможные места скопления людей, где бы они ни собирались вместе. Социолога может интересовать и масса других вещей. Но основной его интерес лежит в мире людей, их институтов, истории и страстей. А раз так, то все, что делают люди, должно привлекать его внимание. Его интерес к событиям, в которых задействованы самые глубинные убеждения людей, к моментам трагических переживаний, величия и высшего наслаждения вполне естествен. Но его в равной мере привлекут и обыденность, повседневность. Разумеется, ему не будет чуждо благоговение перед великими событиями, но это благоговение не избавит его от желания смотреть и понимать. Иногда он может испытывать отвращение и сострадание. Однако и это не умалит его желания найти ответы на свои вопросы. В стремлений познавать социолог проходит сквозь человеческий мир без всякого уважения к «демаркационным линиям», прочерченным в обыденном сознании. Благородство и низость, власть и безвестность, разумность и глупость в равной мере интересуют его, какой бы ни была разница между ними с точки зрения его личных ценностей и вкусов. Собственные интересы могут привести его на любой уровень общества (уважаемый или презираемый), в любую населенную точку на карте. И если он хороший социолог, то везде проявит себя, ибо его мучают бесконечные вопросы, и ему ничего не остается, кроме как искать на них ответы. [...]

Социолог смотрит на ту же сцену человеческого действия, что и другие ученые, но угол его зрения отличен. Только тогда, когда начинаешь осознавать это, становится понятной бессмысленность затеи отгородить социологу кусок территории, где он с полным правом мог бы заниматься своим делом. Подобно Дж. Уэсли, социолог вынужден будет признать своим приходом весь мир, но, в отличие от некоторых его современных

последователей, он с радостью разделит этот приход со всеми другими. Есть, однако, один путешественник, с которым социолог чаще, чем с другими, будет встречаться на своем пути. Этот путешественник – историк. В самом деле, стоит только социологу обратиться от настоящего к прошлому, как предмет его интересов будет очень трудно отличить от предмета интересов историка. Но оставим рассмотрение их взаимоотношений на потом, а пока ограничимся лишь одним замечанием: путешествие социолога было бы значительно обеднено впечатлениями, если бы он не встретился с другими, преследующими свои интересы, путешественниками.

В любой области познания, стоя на пороге какого-то открытия, можно ощутить возбуждение. В некоторых областях знания оно связано с открытием неведомых и немислимых ранее миров. [...] Совсем по-другому переживает такой момент социолог. Иногда, правда, и он проникает в совершенно не известные ему дотоле миры, будь то преступный мир, мир экзотической религиозной секты или особый мир профессиональной группы – врачей, военных командиров, творцов рекламы! Но все же большую часть своего времени социолог проводит на таких участках жизни, которые хорошо знакомы и ему, и большинству окружающих его людей. Он исследует сообщества, институты и их деятельность, т.е. то, о чем можно каждый день читать в газетах. В его исследованиях привлекает не возбуждение от встречи с чем-то неизвестным, а скорее то, что привычное приобретает совершенно новый смысл. Очарование социологии заключается в том, что, приняв ее перспективу, мы начинаем видеть мир, в котором прожили всю свою жизнь, в ином свете. Она производит определенную трансформацию сознания. Более того, эта трансформация экзистенциально оказывается более значимой по сравнению с той, которая производится другими дисциплинами, потому что ее воздействие труднее ограничить какой-нибудь одной сферой сознания. Астроном не живет в отдаленных галактиках, а ядерный физик, выйдя из лаборатории, может кушать, смеяться, жениться, не думая о внутреннем строении атома. Геолог занят камнями только определенное время, лингвист бездумно пользуется речью в разговоре с женой, а социолог живет в обществе и на работе, и вне ее. Его собственная жизнь неизбежно становится частью предмета исследований. Люди живут так, как они живут, социологам же приходится строго отграничивать профессиональную позицию от своих повседневных забот. Честно выполнять это требование – дело нелегкое.

Социолог исследует обыденный мир людей – мир, который большинство из них назвали бы реальным. Используемые им в анализе категории являются лишь некоторым уточнением понятий, которыми живут люди, – «власть», «класс», «статус», «раса», «национальность». В итоге возникает обманчивое ощущение простоты и очевидности результатов некоторых социологических исследований. Читая о них, можно в знак согласия кивать головой; столкнувшись с описанием хорошо

знакового явления, утверждать, что где-то об этом уже слышал, и вопрошать, неужели людям больше нечего делать, как тратить время на трюизмы. Но так бывает до тех пор, пока не произойдет что-нибудь такое, что радикально поставит под сомнение все наши представления об окружающем мире. С этого момента человек начинает чувствовать вкус к социологии.[...]

Можно сказать, первая заповедь социолога заключается в следующем: вещи суть не то, чем они кажутся. Простота этого утверждения обманчива и быстро исчезает. Оказывается, что социальная реальность таит в себе множество смысловых пластов. Каждое открытие нового пласта меняет представление в целом. [...]

Бергер П. Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 168 с. – С. 10-29.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. В чем заключается работа социолога?
2. Какова роль статистических методов в социологии?
3. Зачем социологии «особая терминология»?
4. Социолог – особый тип личности? Как об этом говорит автор?
- 5 В чем специфика социологии и социальной работы?

Пер Монсон

Лодка на аллеях парка: введение в социологию

[...] Представьте себе, что ранним утром вы сидите в вертолете, который только что оторвался от земли. Вы взлетаете над городом. Неподалеку раскинулся большой парк. Вы зависаете над центром парка и внимательно разглядываете его. Там, внизу, под вами видны зеленые газоны, ухоженные рожицы и непроходимые заросли кустарников, маленькие озерца и целая сеть широких асфальтированных аллей, от которых разбегаются более узкие, посыпанные гравием тропинки, тут и там извивающиеся под деревьями. Вдоль широких аллей стоят садовые скамейки для отдыха. Клумбы с цветами радуют глаз. Однако сейчас раннее утро, и парк внизу пустынен и тих.

Но вот появляются первые люди. Они быстро входят в парк по самым широким аллеям и торопливо проходят насквозь кратчайшим путем. За ними следуют новые посетители; понемногу публика прибывает и сливается в ровный поток. Большинство продолжает двигаться по широким асфальтовым аллеям, но некоторые сворачивают на боковые тропинки, под деревья, где на некоторое время пропадают из виду. Попадают и такие, что бредут, спотыкаясь, не разбирая дороги, топчутся прямо по клумбам. Вот опять появляются прохожие, предпочитающие идти по асфальту. Скамейки заполняются отдыхающими; вскоре

образуется очередь из желающих посидеть на лавочке. А кое-где некоторые граждане покидают и широкие аллеи, и узкие тропинки и лезут напролом через заросли кустарника. Большинство из них пропадают из виду и больше не показываются, но отдельные упрямцы все же ухитряются пробиться и выныривают на изрядном расстоянии по другую сторону кустарника, ободравшись и исцарапавшись в кровь об острые ветки шиповника. День проходит, и людской поток, нараставший вначале, становится теперь все меньше. Большинство пришедших в парк в сумерки придерживаются широких асфальтовых аллей и движутся по тропинкам в ожидании наступающей темноты. Наконец вам видны только светящиеся огни полицейских машин, а все, кто в течение дня пропал из виду и затерялся, так и остаются невидимыми. Когда тьма окончательно поглощает парк, он кажется полностью опустевшим. Можно оставить наблюдательный пост и вернуться домой.

На следующий день вы снова садитесь в вертолет, но на этот раз полет проходит над морем. Вы удаляетесь от берега настолько, что земля исчезает вдаль, и со всех сторон горизонта – только вода. Вновь вы зависаете, выбрав подходящее для наблюдения место. Под вами сверкает море, и единственное, что вы видите, – легкая рябь на воде от небольшого ветерка, да буруны над подводными рифами. Через некоторое время на горизонте появляются несколько судов. Они медленно ползут по зеркальной поверхности, проходят под вами и снова пропадают вдаль. День разгорается, и судов становится все больше. Одни из них огромные – это океанские лайнеры, они четко различимы; другие – маленькие, настолько маленькие, что кажутся точками. Большинство кораблей следуют по собственному курсу. Но скоро вы начинаете замечать, что некоторые движутся по невидимым фарватерам. Отдельные суда почти касаются друг друга бортами, прежде чем их пути разойдутся. Иногда происходят столкновения, другие кораблики спешат на помощь к потерпевшим крушение, экипажи пересаживаются к ним на борт. А вот суденышко налетает на риф и погружается на дно, не оставив после себя никаких следов. Какие-то кораблики мгновенно исчезают, накрытые огромной волной.

На невидимых постороннему глазу фарватерах волнение никогда не замирает, а суденышки идут одно за другим. Поэтому на поверхности воды постоянно образуются разнообразные рисунки, узоры, которые все время меняют облик вследствие непрерывного движения судов. Неожиданно вы замечаете, что некое судно, уклоняясь от волн, преследует другое. Неподалеку несколько маленьких лодочек буксируют весьма солидное «плавсредство». Но все корабли стремятся дальше, к горизонту, двигаясь в соответствии с существующим у них планом.

Этот день тоже приближается к концу; ближе к вечеру фарватеры начинают пустеть, и последние кораблики пропадают из виду в лучах заходящего солнца. Последнее, что вы замечаете, – на судах вспыхивают

огни, и ориентироваться там начинают, очевидно, по звездам. Вы не знаете, откуда приплыли эти корабли; вам неизвестна также причина, побудившая их отправиться в путь. Наконец и они растворяются в темноте, и зеркальная гладь моря под вами снова неподвижна. Можно оставить свой наблюдательный пост. Перед тем как выйти из вертолета, воскресите в памяти все, что вы видели, зависнув над парком и над морем. Вспомните и тех людей, которые шли по асфальтированным аллеям, и тех, которые сворачивали на тропинки. Задумайтесь о тех, кто исчез в зарослях кустарника. Представьте себе кораблики в море, вспомните маршруты их движения и рисунок, образуемый волнами. В какое-то мгновение картинки накладываются одна на другую, и вы видите, что, собственно говоря, лодки тоже передвигались по некоему парку. А теперь распрощайтесь с вертолетом и возвращайтесь к обыденной жизни.

Образ вертолета, зависшего сперва над парком, а затем над морем, будет символизировать фундаментальную задачу, которая встает перед теми, кто пытается изучать общество. Парк – это символ того, что в социологии именуется социальной структурой общества, или, если короче, общественной структурой. Общественная структура – это организация общества, своего рода канва, заранее установленный порядок, точно так же, как аллеи и тропинки, пруды, деревья и газоны образуют канву парка, или его план, если вы смотрите на этот парк сверху. Со своего наблюдательного поста в вертолете вы разглядывали этот рисунок еще до того, как в парк пришли посетители; вы продолжали его наблюдать и после того, как последние прохожие ушли. Люди, пришедшие в парк, воспринимали его как некий заранее установленный порядок – аналогичным образом человечество воспринимает социальную структуру общества. Большинство пришедших в парк двигались по асфальтированным аллеям, символизирующим то, что в социологии называется социальными институтами. Примерно так же, как можно представить парк в виде канвы, образованной аллеями и тропинками, можно представить и общество в виде канвы из социальных институтов. Основные институты общества – те «аллеи», по которым идет большинство людей, однако имеются менее значительные группы тех, кто «выбирает тропинки». И подобно тому как в парке встречались посетители, топтавшие клумбы, в обществе есть люди, «спотыкающиеся на ровном месте». Это явление в социологии называется отклоняющимся поведением, и во множестве как теоретических, так и прикладных исследований содержатся попытки объяснить, почему люди определенного сорта непременно будут «вытаптывать клумбы». Однако важно заметить, что «отклоняющееся поведение» является «отклоняющимся» на фоне «нормального» и, следовательно, отклонения изначально заложены в общественные структуры. Без одного нет другого.

В парке были и такие, кто не только не удовлетворился прогулкой по ранее проложенным тропинкам или даже вытаптыванием клумб, а ринулся

в непролазный кустарник. Они не признали существующую канву парка и пошли туда, откуда впоследствии нельзя будет выйти. Возможно, они пытались найти кратчайший путь или протоптать новые дорожки, которые – если следом двинутся другие люди – со временем превратятся в широкие асфальтированные аллеи. Посетители парка будут гулять по ним и думать, что эти аллеи были всегда. В таком случае, возможно, прежние аллеи начнут зарастать и вскоре станут непроходимыми. Феномен «протаптывания тропинок» и «зарастания аллей» в социологии обозначается термином социальные изменения. Социальные изменения довольно сложно объяснить с помощью понятия общественной структуры, так как последняя в ближайшей временной перспективе может считаться такой же стабильной, как и структура парка. Поэтому возникает вопрос, почему отдельные индивиды упорно искали кратчайший путь или хотели «протоптать новые дорожки», т.е. создать новые возможности, ранее несуществовавшие в социальной структуре. В связи с этим следует рассматривать общественную структуру в диахронической перспективе, т.е. считать ее исторически изменяемой. Обычно социальные структуры рассматривают синхронически, как они возникают и функционируют в ближайшей, непосредственной временной перспективе. В этом случае социальная структура представляется как некий самовоспроизводящийся стабильный порядок, который поддерживается с помощью социального контроля, осуществляемого людьми друг над другом. Наличие этого контроля приводит к тому, что дозволенные и запрещенные пути, возможные и невозможные направления движения отделяются друг от друга, и большинство людей продолжает идти по «асфальтированным аллеям».

Картина поведения посетителей парка является своего рода моделью и характеризует то направление в социологии, что изучает общество независимо от тех или иных основополагающих образцов поведения, которых отдельный человек придерживается в течение своей жизни. При этом в первую очередь абстрагируются от того, почему индивид выбирает какой-нибудь образец поведения, установленный коллективом. Такой подход называется структуралистским направлением социологии и является, вероятно, одним из наиболее значительных. Основная идея его состоит в том, что общество лучше всего изучать в виде стабильной социальной структуры, отдельные социальные институты которой по частям дают нам информацию о людях, живущих в данное время. Отдельный человек не может протоптать своей особой дорожки вне существующих общественных структур. Поэтому каждый отдельный человек, независимо от его места в этой системе, более интересен как часть общей картины, даже если сам он считает себя выше ее. Люди не могут или не желают жить вне социальных связей, поэтому жизнь каждого человека осуществляется как процесс выбора направления на перекрестках, предложенных ему обществом. Большинство выбирает

прямую широкую дорогу, не задумываясь особенно о том, что скрывается в зарослях. Иных, возможно, и разбирает любопытство, но отпугивают острые колючки.

Другой образ, «корабли в море», символизирует восприятие человека как творца собственной жизни. Здесь нет видимых глазу путей, однако каждое судно знает, как определить свое направление движения. Это символ человека, обладающего свободой воли. Мы, по выражению Ж.-П. Сартра, «приговорены к свободе». Если мы считаем, что наша жизнь должна идти по определенному пути, пути, заданному извне, значит, мы выбрали несвободу, выбрали отсутствие выбора. Оправдывать нацистских палачей тем, что они «только подчинялись приказам», – значит отрицать их моральную ответственность, присущую каждому свободному человеку: даже перед угрозой расстрела можно выбрать – жить дальше или нет, и при этом отвечать за свой выбор.

В приведенном примере, таким образом, отправным пунктом являются свобода человека и его ответственность за свою (и чужую) жизнь. Это так называемое экзистенциалистское направление социологии, где общество всегда рассматривается как результат поступков отдельных индивидов, обладающих свободой выбора. В сущности, вне человека нет ничего такого, что принуждало бы его действовать тем или иным образом; также общество в целом должно признавать выбор человека присущим его индивидуальной экзистенции. Точно так же, как спокойно зеркально гладкое море, социальные структуры «пусты», если не появляются люди, оставляющие за собой «след». Можно заметить, что подобно тому, как большинство кораблей плыли по морю, следуя определенными фарватерами, большинство людей проживает свою жизнь весьма упорядоченно и относительно предсказуемо. Экзистенциалистски настроенный исследователь должен поэтому суметь объяснить наличие социальной канвы. Если мы опускались на вертолете ближе к поверхности моря, то замечали, что в глубине есть скрытые отмели и впадины. Аналогичным образом можно отыскать определенное количество «скрытых причин», порождающих разнообразные стабильные общественные устои. Для всех людей важным является существование некоторого количества «социоматериальных» факторов, окружающих нас в повседневной жизни и сильно влияющих на нашу теоретическую свободу. Это главным образом «преобразованная материя», начиная с жилья, одежды, автомобилей и стереоаппаратуры и кончая индустрией развлечений, компьютерными терминалами и кожаными креслами. В том, что из этого может быть создано, всегда присутствует определенное намерение, намерение, в значительной степени определяющееся возможностями. Если строится дом, в котором большинство квартир многокомнатные, тем самым облегчается существование больших семей, но при совместном проживании возникают свои сложности, подобные проблемам, возникающим на автострадах, хотя последние строились

именно для того чтобы ездить быстро. Человек поэтому может рассматриваться как «результат своих собственных результатов» (Сартр), и поэтому на каждую человеческую жизнь влияет повседневный выбор, тысячекратно совершаемый другими людьми. Можно сказать, что мы живем в «социоматериальной структуре», которая совершенно очевидна для всех нас, даже если мы ее и не воспринимаем подобным образом.

Мы можем также «посмотреть вверх» и заметить, что человечество ориентирует свой жизненный путь еще и по солнцу и звездам. Насколько нам известно, человек – единственное существо, которое осознает, что живет один раз и не всегда будет существовать. Он является единственным экзистенциалистски мыслящим существом, знающим, что смерть неизбежна. Это своего рода «экзистенциальное обрамление» нашей жизни, когда ощущение своего «бытия» и предчувствие «не-бытия» может стать причиной отчаяния и тем самым побудить нас искать смысл жизни. Если же мы, как выразился другой экзистенциалист, «заброшены в мир без какого бы то ни было смысла или цели», то обязаны создать себе сами цель, не существовавшую до нас. Поэтому мы рассматриваем жизнь как «сумму проектов», мы загадываем наперед, что-то планируем, ставим перед собой цели, которых хотели бы достичь. И цель, и средства ее достижения могут придать нашей жизни смысл. В то же время мои проекты собственной жизни переплетаются с судьбами других людей, а те в своих проектах, наверное, соотносят себя с другими. Когда достаточно много людей создает одинаковые или сходные проекты, возникают социальные институты. Семья, принадлежность к религиозному течению или спортивные пристрастия могут служить примерами проектов, создающих цели, но придать жизни определенное содержание могут и такие важные житейские вещи, как работа и деньги. Мы можем тогда закрыть глаза на вопросы типа «откуда и куда» и ограничить свой кругозор непосредственно наблюдаемым пространством. Поэтому общество может представляться и как своего рода результат наших попыток найти свое место в бытии, и как сумма наших (необходимых) жизненных обманов. Следовательно, социальная структура во многом условна и перегружена человеческими условностями. Она всегда является результатом целеполагающей активности человеческой мысли, – это относится также и к исследователю общества, способному освободить разнообразные социальные феномены от этих условностей. Точно так же, как в процессе движения судов складывалась особая картина морской поверхности, так и общественные структуры формируются из человеческих стремлений (как индивидуальных, так и коллективных) к жизненным горизонтам. При таком понимании изучение общества в первую очередь означает изучение человечества как суммы индивидуальных экзистенций и, кроме того, анализ образованной ими общей картины, оставленных ими напластований и следов. Экзистенциалистский анализ общества (и другие близкие к нему направления) в течение долгого времени был гораздо менее распространен

в социологии, чем структуралистский подход. Но в последние десятилетия постановка структуралистами проблемы понимания человека дала повод для оживленных дебатов о соотношении «индивида» и «общества» или «действия» и «структуры». Раньше эти столь разные направления сосуществовали параллельно, а теперь все чаще ставится вопрос об их взаимодействии. В этом смысле можно сказать, пользуясь приведенными метафорами, что современная социология все в меньшей степени изучает общество как структурированный «парк» или как «зеркальную гладь моря с плывущими по ней кораблями». Картинки в значительной мере наложились одна на другую, и изучение общества все в большей мере становится изучением модели «лодки на аллеях парка».

Изучать общество

Совершенно ясно: для того чтобы что-то изучать, надо это сначала увидеть. Тем не менее в этой ясности скрывается важная проблема: необходимо сначала «разглядеть» общество, чтобы получить возможность изучать его.

Как получить представление об обществе? Выйти днем на улицу, посмотреть на оживленную толпу и воскликнуть: «Вот – общество!»? Или собрать статистические данные о количестве совершенных преступлений и о росте благосостояния и построить теорию взаимосвязи этих двух статистических переменных? А может, пойти в библиотеку, набрать массу только что вышедших из печати романов о кризисе брака, прочесть их и написать доклад о том, как сегодня воспринимается столь важный общественный институт? На это можно ответить и «да», и «нет», поскольку «общество» присутствует и на улице, и в статистических таблицах, и в писательском воображении. Но чтобы эти «данные» стали социологией, их необходимо поместить в социологические референтные рамки. Ведь «общество» существует повсюду, где есть люди, его можно увидеть везде, где люди действуют. Однако недостаточно всего лишь непредвзято наблюдать происходящее и затем описывать его другим, – это еще не будет социологией. Социология – нечто большее, это то, что должно быть руководством для изучения общества. Сколько бы мы ни изучали статистические таблицы, сколько бы ни наблюдали совершаемые действия – этого будет недостаточно, чтобы увидеть общество в социологическом смысле. Сегодня, когда слово «общество» вошло в сознание всех, довольно трудно представить себе, что некоторое время назад не существовало этого понятия в его нынешнем значении. Можно сказать, что современная общественная наука возникла именно тогда, когда понятие «общество» начало приобретать свое нынешнее содержание – «сумма людей и их социальных связей». Как ни парадоксально, именно изменения в феодальном обществе сделали возможным «открытие» общества или, выражаясь точнее, сделали возможным создание понятия «общество». Пока жизнь текла в привычном русле и люди жили в рамках привычных отношений, дававших достоверные (с точки зрения того

времени) объяснения происходившего, не было нужды сомневаться в содержании понятий, с помощью которых люди понимают мир, и анализировать их. Однако накапливалось все больше «фактов», не вписывавшихся в тогдашние модели объяснения мира, что побуждало искать новые понятия и создавать новые теории.

Первое, что бросается в глаза и что несло угрозу институтам феодального общества, – расширение торговли и рост национальных государств. Современные общественные науки анализируют процесс их возникновения при помощи категорий экономических и политических отношений. Но в течение XVIII века предпринимались попытки охватить каким-то единым понятием различные общественные институты и их взаимоотношения. Появилось понимание того, что в экономических и политических отношениях присутствуют также мораль, обычаи и традиции, побуждающие людей жить и действовать определенным образом. Такое представление о некоем социальном, что руководит людьми, впоследствии разрабатывалось французскими социологами и развилось в единое учение, прежде всего благодаря Эмилю Дюркгейму.

Причина, по которой новые отношения дали толчок возникновению новой общественной науки, кроется в трех способах отношений, с помощью которых люди могут овладеть тем, что их окружает. Одни хотели бы объяснить процесс развития, происходивший у них на глазах. Другие – понять его значение для людей. Наконец, третьи хотели бы изменить новые общественные отношения в еще более радикальном направлении. Были, разумеется, и такие, кто имел и два, и даже три мотива для своих занятий. В конце концов благодаря этим трем «причинам» возникли различающиеся направления в науке об обществе, разрабатывавшие свои, отличающиеся от других направлений, понятия и теории. Почему эти различающиеся между собой подходы были характерны для тех или иных конкретных личностей – здесь не рассматривается. Это скорее научно-психологический или биографический вопрос. Зато интересно, как эти подходы институционализировались в методах и правилах, т.е. процесс институционализации самой социологии был для нее гораздо важнее прочих процессов институционализации, которые сама социология изучает. Изучать общество с точки зрения социологии – значит изучать его с помощью институционализированных правил, управляющих предметом. Эти правила тоже являются социально созданными, они поддерживаются людьми. Однако как политик, власть предрежащий, так и лидер социологической мысли одинаково мало желают осознать происхождение своей власти. И точно так же, как политик может спрятаться за положительно окрашенным понятием «демократия», исследователь может укрыться за не менее положительно окрашенным понятием «наука». Это не означает, что политики или ученые вводят в заблуждение всех прочих граждан, но следует помнить, что как понятие «демократия», так и понятие «наука» созданы социально.

Однако социология, как и наука вообще, является не только общественным институтом. Это еще и человеческая любознательность перед лицом неведомого. Если первая точка зрения на науку лучше всего моделируется картиной парка, в котором люди могут гулять по существующим там аллеям и тропинкам (символизирующим установленные правила), то второй больше соответствует море, ограниченное лишь горизонтом. Первая картина символизирует взаимосвязь правил, вторая же – стремление расширить горизонты, нанести на карту доселе неизвестное и поразмыслить о бытии. Точно так же, как и всему в обществе, социологии присуща двойственность конформизма и обновления, воспроизведения уже известного и открытие непознанного. Полностью свободная или полностью зарегулированная социология одинаково немыслима, так же, как полностью свободный или абсолютно несвободный человек. Ни полностью свободный от каких-либо связей, ни скованный таковыми – ни один человек не живет вне социальных структур. Нет человека, не имеющего никакой альтернативы. Таким образом, изучение общества – не изучение изолированных индивидов или «пленников системы». Это изучение отдельного индивида в системе или, выражаясь другими словами, «лодки на аллеях парка».

Именно этот парадокс «свободных индивидов в тюрьме общества» стал источником и широты социологии, и невероятного разнообразия того, что изучается, как изучается и, не в последнюю очередь, для чего изучается этой наукой. Американский историк науки Томас Кун предположил, что история любой науки (Кун изучает историю естественных наук, но многие используют его теории и по отношению к общественным наукам) начинается с борьбы большого количества теорий между собой; впоследствии побеждает одна особая точка зрения (парадигма), и на какое-то время наука становится своего рода «normal science», т.е. в этой науке более не дискутируются основополагающие онтологические и эпистемологические вопросы. Со временем, однако, накапливается все большее количество фактов, не укладывающихся в объяснения, предлагаемые существующими теориями, и мало-помалу это доводит науку до кризисного состояния. В момент кризиса новые теории и воззрения вступают в борьбу со старыми; если новые теории могут лучше объяснить накопившиеся эмпирические факты, одна из этих теорий побеждает, и наука вновь возвращается в «нормальное» состояние. Любая наука проходит, таким образом, через периоды «уверенности», когда каждый исследователь знает, что и зачем он будет изучать, чтобы способствовать развитию науки, и периоды кризисов и революций, когда возвращаются сомнения. Если воспользоваться теорией Куна применительно к социологии, то легко заметить, что это наука «многопарадигматическая». Поэтому образы, использованные в первой главе, могут символизировать различные парадигмы внутри социологии, и многие социологи пытаются подобрать определения для разных подходов

в рамках одного предмета. Иногда это называют «объективистской» и «субъективистской» социологией; иногда подыскивают другие названия, вроде «парадигмы социальных фактов» и «парадигмы социальных определений» или «общественной перспективы» и «индивидуальной перспективы». Расхожими определениями (еще до Куна) были «позитивистская» и, соответственно, «непозитивистская» социология. При этом неизбежно создается впечатление, что между различными подходами к изучению общества лежит глубокая и непреодолимая пропасть.

Тем не менее преувеличивать размеры этой пропасти не следует. Она заметна, когда социология изучается «сверху», с обзорной научно-теоретической позиции. Социологи, исследующие как «общество», так и «людей», редко становятся чистыми «парадигматиками», они скорее «прагматики». Различия же, которые тем не менее существуют, должны, видимо, рассматриваться как различия в способах связи ученого со средой исследования. Именно эти различия могут впоследствии институционализироваться в различных направлениях и парадигмах.

Уже упоминавшийся ранее немецкий социолог Юрген Хабермас пытался систематизировать эти различия по способу связи (способу включить себя в отношения) с тем, что изучается, выделяя при этом различные познавательные интересы, которые может иметь наука. Первый, технически-манипуляционный познавательный интерес воспринимает свой объект познания как нечто, лежащее вне самого исследователя, нечто, управляемое «объективными законами» и не зависящее поэтому ни от исследователя, ни от конкретных объектов исследования. Целью исследования является открытие этих законов, с тем чтобы благодаря полученным знаниям можно было бы управлять действительностью, – примерно так же, как законы естественных наук применяются в промышленности. Социологом тогда называется человек, стремящийся открыть законы, управляющие общественной жизнью людей, для того чтобы уметь управлять (манипулировать) обществом.

Другой интерес, герменевтический (разъясняющий, понимающий), исходит из того, что между естественными и культурологическими науками имеется качественное различие. «Мы объясняем природу, но мы понимаем духовную жизнь», – писал немецкий историк и философ Дильтей в ходе уже упоминавшейся битвы идей в Германии XIX века. Целью культурологической (общественной) науки является не только открытие объективных законов, позволяющих манипулировать обществом, но и построение теорий, дающих возможность лучше понять других людей, другие общества, другие исторические эпохи. Такое углубленное понимание не нуждается в особой легитимизации, ведь все люди стремятся как можно лучше понять существующие взаимосвязи.

Наконец, третий, критически-эмансипаторский познавательный интерес исходит из предпосылки, что цель науки – освобождение людей и от скарденности природы, и от угнетающих структур общества. Поскольку

природа (по всей вероятности) управляется все-таки объективными законами, к ней больше применим технический познавательный интерес, а «освобождающая» общественная наука в данном случае не применяется. При критически-эмансипаторском подходе рассматриваются в большинстве случаев структуры настолько «застывшие», что люди даже не воспринимают их как созданные и, следовательно, поддающиеся изменениям. Полученные знания впоследствии должны распространяться среди людей, угнетаемых этими общественными структурами, и люди обретают возможность освободить самих себя.

Эти три «интереса познания» довольно близки к трем социологическим традициям, выделяемым в этой книге. Но основываются они на способах связи с исследуемым объектом или, выражаясь точнее, на мотивах ученого, исследующего общество.

Объяснить общество, понять общество и изменить общество – вот три направления современной социологии, и одновременно это три способа взаимодействия с объектом, которые отдельный исследователь общественной жизни может взять на вооружение. Эти три направления часто кажутся полностью взаимоисключающими, поскольку считается, что основываются они на совершенно разных фундаментальных положениях о том, что такое общество, как оно должно изучаться и почему его следует изучать. Можно попытаться взять все три подхода, сравнить их недостатки и достоинства и сделать теоретический синтез, как уже поступали многие исследователи-практики. Я полагаю, что было бы упрощением выделять эти направления исключительно на научно-теоретическом уровне. Скорее нужно иметь в виду, что каждое направление в своей исходной точке упрощает (абстрагирует) нечто, имеющее принципиальное значение для другого направления. Эти исходные точки, как уже говорилось, находятся на разных уровнях абстракции, но впоследствии каждое из направлений должно вернуться к тому, что было первоначально исключено. Объясняющая социология, таким образом, должна уметь объяснить, почему люди с готовностью движутся именно «по аллеям парка», а понимающая социология соответственно должна суметь понять, каким образом такое количество отдельных людей с самыми разными жизненными понятиями могут создать стабильную социальную структуру. Социология, исповедующая «изменение» общества, столкнувшись с инерционным противодействием своим попыткам, должна поставить вопрос, отчего общественные отношения так трудно изменить и тем, кто ничего о них не знает, и тем, кто прекрасно их осознает. В качестве отправного пункта может появиться модель общества без людей (первая картинка – парк рано утром) при первом подходе; люди вне общества – при втором; и люди в «застывшем» угнетающем их обществе – при третьем. Эти иллюстрации – вспомогательные конструкции, которые могут использоваться в познавательных целях различными направлениями. Общество представляют как нечто, о чем в то же время известно, что оно

является и чем-то другим. Подобные картинки и метафоры применяются давно, чтобы разъяснить свою позицию и разрабатываемые наукой представления, подобно тому как в течение долгого времени атом представлялся в виде модели Солнечной системы. Однако, несмотря на все различия и споры, имеется нечто, объединяющее всех, кто изучает общество, объединяя тем самым и объекты изучения: все живут (или жили) в обществе. Сама возможность изучать общество существует исключительно благодаря этому обстоятельству. Простая мысль: необходимо быть частью общества, чтобы иметь доступ к его возможностям, может быть углублена в гораздо более фундаментальном смысле: если бы не имел место факт существования общества, было бы невозможно иметь какое-либо представление о нем. Как члены общества, мы все в какой-то мере знаем, как общество функционирует, мы обладаем практическим «Кпоw-how», касающимся законов общества и наших возможных (и невозможных) способов выжить. Нет нужды даже до конца осознавать эти правила, примерно так же, как не нужно знать грамматические правила, чтобы говорить на своем языке. Человек и так хорошо говорит на нем, или, если перевернуть этот образ, язык говорит с нашей помощью. Социология занимается законами общества с целью изучения и размышления. Жить в обществе – необходимое, но недостаточное условие для того чтобы иметь возможность изучать его. К этому нужно добавить мотив – стремление изучать его, и этот мотив мы можем подразделить на желание объяснить, понять или изменить общество. Выбранный мотив свидетельствует также о том, какой способ связи с обществом я привношу, что связывает меня с ним. Разнообразные научно-теоретические модели – это не только абстрактные мысленные картины, в которых я каким-либо образом представляю общество. Они являются также символами отношений, в высшей степени конкретных, постоянно действующими способами связи с коллективной жизнью, в которой я существую наравне с другими. Поэтому можно не осознавая того, искать себя в определенных моделях и интересоваться различными традициями по сугубо личным причинам. Традиции социологии в своей основе не что иное, как институционализация подобных способов связи, какими бы «объективными правилами» они не казались. Вследствие этого изучение общества означает, по сути, выявление человеческого в социальном институте науки.

Монсон П. Лодка на аллеях парка: введение в социологию / П. Монсон // Социологические исследования. – 1996. – № 3 – С. 43 – 53.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какими символами пользуется автор для описания социологических категорий?
2. Как автор описывает общество? Что вкладывает в это понятие?

3. Что изучает социология? Как об этом говорит П. Монсон?
4. Что, по мнению автора, значит изучать общество с точки зрения социологии?
5. О каких направлениях социологии говорит автор?
6. Какие подходы к изучению общества рассматривает П. Монсон?

Петр Штомпка

Теоретическая социология и социологическое воображение

Обучение социологов преследует четыре цели: (а) научить языку этого предмета, набору понятий, с помощью которых познается социальная реальность; (б) привить определенный взгляд на предмет, перспективу подхода к социальной реальности; (в) научить применять методы, процедуры и технику эмпирических исследований; (г) использовать информацию об основных фактах и сведениях о современной общественной жизни. Объединим пункты (а) и (б) – язык и перспективу – одним названием «социологическое воображение», заимствованным из классической работы Чарльза Райта Миллса. По определению Миллса, «социологическое воображение помогает нам понять историю и биографию, а также связь между ними внутри общества». Проанализируем значение данного определения и распространим понятие социологического воображения за рамки, в которых его использовал Миллс.

Под социологическим воображением я понимаю умение или способность рассматривать общество под определенным углом зрения. Это умение включает пять компонентов: (а) рассматривать все социальные явления как результат деятельности социальных агентов, индивидов либо групп и идентифицировать этих агентов; (б) понимать скрытые за поверхностью явлений структурные и культурные ресурсы и ограничения, влияющие на социальную жизнь, в том числе те возможности, которые имеются в распоряжении агентов (Мирра Комаровски писала: «Чтобы распознавать невидимую социальную структуру, от студентов требуется терпеливое формирование социологического взгляда на общество»); (в) изучение предшествующей традиции, живого наследия прошлого и его постоянного влияния на настоящее; (г) воспринимать общественную жизнь в ее динамике, изменчивом процессе становления; (д) признание огромного разнообразия и вариантов форм проявления общественной жизни (Эверетт Хьюз определяет одну из главных задач социологического образования следующим образом: «Освобождение [познания] посредством расширения границ человеческого мира, проникновения во внутренний мир других людей и сравнения с миром других людей и других культур – не единственный аспект социологического воображения... Однако все это составляет его значительную часть, поскольку является частью человеческой жизни»).

Иными словами, социологическое воображение – это вытекающая из признания разнообразия и множественности социальных установлений

способность связать любое событие в обществе со структурным, культурным и историческим контекстами, а также с индивидуальными и коллективными действиями членов общества.

Ч. Райт Миллс приводит следующий пример: «Одним из результатов изучения социологии должно стать умение читать газету. Чтобы разобраться в газетных материалах, что является очень непростой задачей, необходимо научиться связывать сообщаемые события, понимать их в связи с более общими представлениями о жизни общества, а также тенденции, частью которых они являются... Суть дела заключается в следующем: социология – это прежде всего способ выхода за рамки того, о чем мы читаем в газете. Она дает систему понятий и вопросов, помогающих нам сделать это. Если этого не происходит, то социология, как часть либерального образования, оказывается несостоятельной». Преподавание социологии не сводится к «книжной социологии», оно должно ориентировать на «социологию в жизни», что позволит давать более глубокие интерпретации и лучше понимать то, что нас окружает. По словам классика социологии Роберта Парка, «при отсутствии стремления интегрировать знания, полученные в аудитории, с опытом и проблемами действительной жизни процесс обучения становится простым педантизмом. Этот педантизм проявляется в отсутствии ясных суждений и практического понимания вещей, которое мы называем здравым смыслом». Мирра Комаровски также подчеркивает, что «не существует большей опасности в образовании, чем та, когда студенты изучают социологические категории на чисто формальном, словесном уровне, не наполняя их всей полнотой жизненного содержания; когда эти слова остаются стерильной частью мышления, относительно не связанной с потоком жизни, который пытаются объяснить при помощи этих слов».

На мой взгляд, развитие социологического воображения и навыка его применения в социальной жизни является абсолютно необходимым в образовании социологов, как тех, кто планирует заниматься академической наукой, так и тех, кто выбирает профессии, ориентированные на практику.

Социологическое воображение и теоретические ресурсы

Развитие социологического воображения почти то же самое, что овладение социологической теорией. Речь идет не о запоминании имен и школ, определений и аргументов. Суть дела заключается в применении теории, то есть соотнесении ее с конкретным опытом, рассмотрением текущих проблем современного общества, его дилемм и возможностей, а также с осмыслением наших личных судеб и жизненных возможностей в контексте теории. Социологическое воображение должно вооружить нас своеобразной картой, ориентацией в хаосе событий, изменений, трансформаций. Оно должно дать нам более глубокое понимание мира, более ясный взгляд на вещи, следовательно, дать нам более широкие возможности сознательно и рационально строить свою жизнь и заниматься общественными делами. Я собираюсь рассмотреть ресурсы, необходимые

для теоретической подготовки социологов, которыми вооружает нас социологическая традиция, а также новейшие достижения в социальной теории.

Сокровищница теоретических идей обнаруживается в истории дисциплины с начала XIX в. до наших дней. Преподавание истории социологии не является пустым копанием в прошлом. Традиция в нашей дисциплине все еще чрезвычайно сильна. Большая часть понятий, моделей, вопросов, проблем, изучаемых сегодня, унаследована нами от мастеров XIX в. Они заложили крепкие основы социологическому «предприятию», а их труды до сих пор не потеряли актуальности. Труды социологов-классиков следует изучать не как исторические памятники, в контексте того времени или в связи с биографиями авторов, а в контексте нашего времени, поскольку их основные идеи проливают свет на нашу действительность. Разумеется, их следует воспринимать критически и осуществлять необходимый отбор. Мои собственные предпочтения включают, разумеется, «трех великих»: Карла Маркса, Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма – бесспорных гигантов социологии. В число достойных изучения авторов я бы включил Огюста Конта, Герберта Спенсера, Георга Зиммеля, Фердинанда Тенниса, Вильфредо Парето, Алексиса де Токвиля, Чарльза Кули, Уильяма Самнера и Джорджа Мида. Чтение и перечитывание их работ чрезвычайно важно для открытия новых взглядов и проблем, формулирования вопросов социологии, критической их оценки посредством сопоставления с нашими собственными идеями. В трудах знаменитых социологов XIX - начала XX в. мы образцы интеллектуальной работы. По словам Роберта Мертона, «проникновение в творческую лабораторию таких проницательных исследователей, как Дюркгейм и Вебер помогает нам формировать нормы хорошего вкуса при определении значимой социологической проблемы – значимой прежде всего в теоретическом отношении – и найти путь к ее удачному решению. Классика – это, по определению Сальвемини, «*libri fecondatori*» – книги, которые обостряют ум погруженных в них читателей». Есть и еще одна положительная сторона: студент понимает, что мир социологии имеет много измерений, очень сложен и поэтому для его понимания требуется много подходов. Изучение истории социологических теорий – важный урок теоретического плюрализма, терпимости к различным версиям и разнообразию взглядов, лучшее лекарство против узколобого догматизма и ортодоксии.

Обратимся к современной социологической теории и ее значению для преподавания. На мой взгляд, в современной социологии сложились четыре типа теории и теоретической деятельности, которые имеют разное значение для образовательных целей, для формирования социологического воображения. В порядке убывания их значимости я буду рассматривать: (а) объяснительную теорию; (б) эвристическую теорию; (в) аналитическую теорию; (г) экзегетическую теорию.

Теоретический «бум»

В целом, конец XX в. был хорошим временем для социологической теории. Всего лишь полвека назад часто активно обсуждался вопрос о кризисе в социологической теории (например, О. Гоулднер). Теперь ситуация изменилась. Многие разделяют мнение британского социолога Дж. Деланти, что «в настоящее время социальная теория занимает очень сильные позиции». Действительно, это заключение имеет под собой основания. Рассмотрим институциональные и организационные аргументы. Исследовательский комитет по теоретической социологии (RC-16) Международной социологической ассоциации, который основали мы с Джеффри Александером в 1986 г., стал одним из самых крупных среди пятидесяти исследовательских комитетов ассоциации. В Американской социологической ассоциации теоретическая секция – самая многочисленная.

За последние десятилетия значительно увеличили подписку теоретические журналы, появились новые периодические издания [...] В различных странах мира проводятся теоретические конференции.

[...] По свидетельству Нейла Смелсера, «за последние 50 лет центр тяжести общей теоретической мысли фактически переместился из США в Европу, и это перемещение обозначено трудами таких исследователей, как Алан Турен, Пьер Бурдьё, Юрген Хабермас, Никлас Луман и Энтони Гидденс. Многие современные теоретические разработки в США возникли под влиянием этих социологов на преподавателей и выпускников университетов». Аналогичное мнение высказывает Брайан Тернер: «Европейская социальная теория, возможно, снова займет доминирующую позицию в мировом развитии социальной теории».

Объяснительная теория

[...] Первый тип теории можно назвать объяснительной теорией. Она представляет собой то, что Брайан Тернер называет «сильной программой» для теории. Зададимся тремя важными для этого типа теории вопросами: теория чего, для чего и для кого. Теория чего? Это теория реальных социальных проблем. Она отвечает на вопросы, почему растет преступность, почему возникают новые общественные движения, откуда возникает бедность, почему возрождаются этнические настроения. По Мертону, Бурдьё и Тернеру, теория вырастает из исследований и должна быть направлена на исследования. «Чтобы теоретический результат имел значение, он должен основываться на постановке проблем». «Социальная теория процветает и выживает наилучшим образом тогда, когда она занимается эмпирическими исследованиями и общественными вопросами». Для чего? Чтобы дать объяснения или, по крайней мере, модели для лучшей организации разрозненных фактов и явлений, интерпретации множества различных событий и явлений. Для кого? Не только для коллег-теоретиков, но для простых людей, чтобы дать им ориентацию, просвещение, понимание своего состояния. Важная роль

теорий – «обеспечивать информацию для демократического дискурса». Эта роль станет еще более ощутимой по мере того, как демократия будет устанавливаться все в новых и новых странах, особенно важна ее роль в будущем «обществе знания», обществе информированных и образованных людей, которых волнуют социальные и общественные вопросы, где демократия приобретет форму «дискурсивной демократии».

Можно сформулировать гипотезу в рамках «социологии знания»: причины такого успеха объяснительной теории коренятся в быстрых, радикальных, широчайших социальных изменениях. Мы сейчас переживаем «новый великий переход» (перифразируя К. Поляни). Во времена изменений возникает особая потребность в теории. Социологи испытывают особое давление со стороны простых людей (common people), а кроме того политиков, которым нужна ориентация в этой неразберихе. Все они хотят знать, откуда мы пришли, где мы есть и куда идем. Никакие факты и цифры не могут ответить на такие вопросы. Адекватные представления об обществе, карты социальных отношений могут быть предоставлены только с помощью обобщенных объяснительных моделей. «Ничто так не требует от нас теоретических изысканий, как опыт исторических изменений и межкультурное разнообразие».

Преподавание объяснительных теорий является для меня самой важной целью социологического образования, особенно во времена широчайших социальных изменений. Подобная теория дает самый сильный толчок для развития социологического воображения, поскольку она соединяет теоретизирование с конкретным опытом.

Эвристическая теория

Перейдем ко второму типу теории. Теоретические ориентации я бы назвал эвристической теорией, которую нельзя проверить непосредственно, но которая плодотворна, поскольку создает понятия, образы, модели. Эвристическая теория близка к социальной философии, особенно к онтологии или метафизике социального мира, так как пытается ответить на три вечных онтологических вопроса о строении социальной действительности: (а) что является основой социального порядка?; (б) что составляет природу человеческой деятельности? и (в) каковы механизм и направление социальных изменений? Этими вопросами занимались все классики-основатели социологии. Примерами классической ориентации, преобладавшей в середине нынешнего столетия и пытавшейся решить такого рода вопросы, были структурный функционализм, символический интеракционизм, теория обмена, марксизм. С тех пор появилось несколько новых тенденций, которые мы рассмотрим позже.

Каковы характерные черты подобной теории? Зададимся тремя нашими вопросами. Теория чего? Основ социальной реальности. Она ставит вопросы не «почему», а «как»: как возможен социальный порядок (как существуют социальные группы, как люди живут вместе, сотрудничают, сосуществуют), как выполняются социальные действия, как

развиваются социальные изменения? Теория для чего? Для того, чтобы создать категориальный аппарат для более конкретной объяснительной теоретической работы, предложить значимые категории для осмысления разрозненных фактов. Теория для кого? В основном для исследователей, создающих объяснительные модели отдельных областей мира, отвечающих на конкретные вопросы.

Впечатляющее развитие подобных эвристических теорий в конце века может быть объяснено не социальными фактами, а интеллектуальными достижениями. Этот успех следует рассматривать не в терминах социологии знания, а с позиций истории идей. Кажется, что он вызван новыми достижениями в развитии общественной мысли; новыми тенденциями, увлекательными и оригинальными перспективами. Возникла интеллектуальная напряженность, свойственная «парадигматическому смещению» (Т. Кун), на самом деле – трех параллельных парадигматических смещений, которые мы наблюдаем в новой теории. Первый сдвиг – это сдвиг от устойчивых органических систем к подвижным областям взаимодействия социальных сил. Другими словами, происходит сдвиг от «первой» ко «второй» социологии. Социальный порядок видится как возникающий, конструируемый, постоянный результат достижений агентов действия, производимый и воспроизводимый человеческим действием. Примеры такой теоретической перспективы можно найти в работах П. Бергера и Т. Лукмена, Н. Элиаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё. Второй сдвиг – это переход от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (social becoming). Акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям. Наилучшим образом этот подход представлен «исторической социологией» (Дж. Тилли, М. Арчер, Т. Скочпол и П. Штомпки). Третий сдвиг – переход от образа «гомо экономикус» (расчетливый, рациональный, целеустремленный деятель), представленного в «теории рационального выбора» (Дж. Коулмэн, Дж. Эльстер), и от «гомо социологикус» (нормативно направленного исполнителя роли), представленного «неофункционализмом» (Дж. Александер, Н. Луман, Р. Мюнх), к «гомо когитанс» (знающий и понимающий участник, информированный и ограниченный коллективными символическими системами знаний и веры). Эту тенденцию часто называют интерпретативным поворотом, культурным поворотом, лингвистическим поворотом. «Современная социальная теория изменила свое лицо, отдав приоритет культурным явлениям и культурным отношениям». Она имеет много разновидностей. В одной из них, которую иногда называют ментализмом, первоочередное внимание уделяется инвариантным компонентам человеческого сознания. Сюда относятся структурализм К. Леви-Стросса и Ф. де Соссюра, феноменология А. Шютца. Вторая разновидность «культурного поворота» называется

текстуализмом. Она представлена постструктурализмом, или теорией дискурса М. Фуко, где социальная реальность трактуется как разновидность текста со своей семантикой и грамматическими правилами. Третью версию иногда называют интересубъективизмом. Большой вклад в нее внес Хабермас своей теорией коммуникативного действия. И, наконец, имеется ответная реакция на «сверхинтеллектуализированный образ человека». Человек думающий, человек знающий – да, но не только в форме дискурса. Акцент смещается на практическое знание (Э. Гидденс), «этнометоды» (Гарфинкель), а также тело как инструмент действия (Б. Тернер), эмоции как сопутствующие действия, вещи, которыми человек пользуется, встречаемые объекты, окружающая среда как контекст действия. Индивиды трактуются как носители упорядоченных, типичных наборов практических действий (П. Бурдьё).

Таким образом, современная социология характеризуется большим разнообразием эвристических ориентаций. Их преподавание может оказаться полезным для студента прежде всего взглядом на общество с различных позиций, что необходимо для понимания общественной жизни.

Аналитическая теория

Третью разновидность теории можно назвать аналитической теорией. Она обобщает и проясняет понятия, дает типологии и классификации, пояснения и определения. Ее применение имеет важное значение, но она играет вспомогательную, инструментальную роль. Аналитическая теория рискует переродиться в постоянное совершенствование инструментов без их определенного применения либо в конструирование закрытых категориальных систем. Попытки создать закрытые концептуальные системы, специальные языки для общей социологии, как кажется, закончились с работой Никласа Лумана (ранее только у Толкотта Парсонса были похожие цели). Но в некоторых узких сферах такого рода усилия весьма полезны, они восходят к тому, что Р. Мертон называл теориями среднего уровня: эмпирически обоснованные концептуальные схемы, применимые к конкретным эмпирическим проблемам (например, мертоновские теория ролей и ролевых репертуаров, теория референтных групп, теории стратификации, мобильности, аномии, девиации и т. д.).

Какова природа подобной теории? О чем она? О содержательных понятиях, полезных для понимания вещей. Для чего? Для определения, раскрытия, пояснения явлений или их важных характеристик. Для кого? Для социологов – теория создает для них канонический словарь, технический язык для работы с предметом, этот язык намного яснее обыденного языка и языка здравого смысла. Преподавание аналитической теории имеет огромное значение для развития способности студента думать и говорить на языке социологии. Она дает студенту основные инструменты профессии. В вводных курсах социологии первостепенное внимание должно уделяться исключительно этому виду теории.

Экзегетическая теория

Четвертый тип теории можно назвать экзегетической теорией. Она заключается в анализе, толковании, систематизации, реконструкции, критике существующих теорий. Конечно, экзегетическая теория особенно значима для подготовки к теоретической работе. К ней следует относиться как к этапу в научной карьере, периоду обучения. Через эту стадию прошли большинство выдающихся теоретиков: Т. Парсонс в работе «Структура социального действия», Э. Гидденс в работе «Капитализм и современная социальная теория», Дж. Александер в знаменитых четырех томах «Теоретическая логика в социологии», Н. Смелсер в книге «Объяснение и социальная теория». К этой категории я бы отнес и свою книгу «Социологические дилеммы». Но все цели теряют смысл, если главной целью становится бесконечное препарирование работ модных авторов: что сказал такой-то ученый, как бы он мог сказать это лучше, что он мог сказать, но не сказал, последователен ли он, что он в действительности хочет или не хочет сказать? Чем более эзотеричной, непонятной, неясной, запутанной является теория, тем больше возможностей она дает экзегетическим спорам. Она вдохновляет на отчаянные поиски в темной комнате черного кота, которого там нет. В этом – секрет некоторых современных теорий (например школы «постмодернизма») и их популярности среди толкователей. Если теория четкая, ориентирована на проблемы, точная и ясная, то в ней найдется немного из того, что можно толковать и критиковать.

В данном случае три наших вопроса многое проясняют. Теория чего? Других теорий, отдельных книг, текстов, фантомов социологического воображения, вырождающаяся в конечном итоге в самореферентные упражнения. Теория для чего? Для апологии или ниспровержения теорий: что непременно предполагает возникновение фракций, догматизма, ортодоксальных школ, сект, поклонников. Такая теория развивается вспять от «свободного рынка идей» к недоброй памяти «полю борьбы идей». Теория для кого? Для других теоретиков, играющих в интеллектуальные игры в сектах посвященных. С моей точки зрения, такие теории – наименее значимые, часто бесполезные. Часто они перерождаются в эпигонство. Среди некоторых теоретиков бытует следующее мнение. «Социальная теория становится как раз наиболее бесполезной и наиболее жизнеспособной формой интеллектуальной деятельности. Она бесполезна, когда обращается вовнутрь, закрывается на самой себе, превращается в тщетную войну концепций или в возмутительное превознесение интеллектуальных изысканий автора, данной школы, моей традиции, вашей ортодоксальности». Имеются и другие мнения: «Необходимо впустить свежий воздух в изолированные помещения домашнего теоритизирования. Социальная теория не сводится только к выработке концепций и толкованию концепций других теоретиков»; «Без приверженности определенной общественной роли социологическая теория превратится в

поиск приятного досуга академиков, демонстрирующих лишь декоративную сторону ученой карьеры»; «Без политических и общественных обязательств социальная теория рискует стать эзотеричным, элитным и эксцентричным интересом маргинальных ученых»; «Многие ученые, вероятно, полагают, что развитие теории зависит исключительно от пристального изучения и переработки предыдущих социальных теорий... Вряд ли такая стратегия сможет привести к новым и глубоким социальным знаниям».

Я бы не рекомендовал студентам экзегетические теории. Если и включать их в учебные программы, то они должны иметь достаточно узкое применение, во всяком случае, они могут изучаться только старшими студентами и аспирантами в качестве умственных упражнений.

Заключение

Нами показано, что наиболее важными, плодотворными и многообещающими видами теорий, имеющих определяющее значение для социологического воображения, являются объяснительная и эвристическая теории. Аналитические теории играют вспомогательную роль в наладке концептуальных инструментов и выработке языка социологического мышления. Экзегетические теории полезны исключительно для развития навыков критического мышления, но в собственно теорию никакого вклада не вносят и не заменяют другие формы создания теорий.

Объяснительные и эвристические теории образуют многостороннюю мозаику теоретических объяснений и ориентаций. Как разобраться в столь фрагментированном теоретическом поле? К надежной объяснительной теории, адресованной обычным людям, а не только ученым, вполне применим мертоновский принцип «дисциплинарного эклектизма». Этот принцип полезен студентам, изучающим социологию. «Дисциплинарность» в данном случае означает критический подход к теории, ее оценку по внутренним достоинствам, согласованности, убедительности, продуктивности гипотез. «Эклектизм» означает открытое, терпимое, свободное от одностороннего догматизма отношение к альтернативным объяснениям. Такая стратегия разделяется многими современными авторами: «невозможно предусмотреть все интересующие исследователя вопросы о любом значимом явлении в рамках одной теории или даже в рамках согласованных, логически совместимых теорий»; «Можно получить обобщенное знание о мире, опираясь на разные, иногда соперничающие точки зрения». Дисциплинарный эклектизм позволяет преодолевать границы между теориями и дисциплинами, выходить за рамки узко понимаемой «социологической теории» и обращаться к «социальной теории» в том виде, в каком она создавалась классиками. Доклад Фонда Гулбенкяна «Открыть социальные науки» (Gulbenkian Foundation «Open social sciences», под ред. И. Уоллерстайна) показывает необходимость объединения социологии с психологией, экономикой, антропологией, когнитивной наукой, политической наукой. Особенно важное значение

имеет отказ от некоторых пагубных междисциплинарных разграничений, возникших в XIX в. и оказавшихся очень устойчивыми. Маттеи Доган высказывает аналогичную мысль: «Сети междисциплинарных взаимодействий изживают старую классификацию социальных наук. Сегодня обозначилась тенденция перехода от старых формальных дисциплин к новым гибридам социальных наук». Преподавание социологической теории должно быть ориентировано на связи между теориями и междисциплинарные взаимодействия, а не на традиционные разделения. Вероятно, в этом заключается самая важная задача, стоящая перед социологическим образованием.

Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с. – С. 126-137.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Назовите цели обучения социологов.
2. Что понимает автор под социологическим воображением?
3. Для чего изучать историю социологии?
4. Какие четыре типа теорий сложились, по мнению автора, в современной социологии. Дайте характеристику одной из них.
5. О чем? Для чего? Кому адресованы объяснительная, эвристическая, аналитическая и экзегетическая теории?

Тема 4. Сущность и роль политики и политологии как науки в жизни общества

Габриэль Алмонд

Сравнительная политология сегодня

Что такое политика?

[...] У политики много ликов, и она может быть силой как добра, так и зла. Однако ядро политики – это прежде всего люди, которые принимают важные решения относительно себя и других.

[...] не каждый выбор или решение является политическим. Конкретно говоря, к политическим относятся лишь публичные и властные решения. Сказать, что политика занимается публичными решениями, равнозначно тому, чтобы сказать: политика по своей сути социальна. Она всегда затрагивает множество людей, и ее следствия сказываются на многих. Не бывает политических отшельников, которые бы сами с собой играли в политику. Политические решения всегда принимаются в рамках некой общности, которую можно назвать политической системой. [...]

Однако не все социальные решения бывают публичными. То, что происходит внутри семьи, в кругу друзей или в добровольных объединениях, по большей части относится к частной сфере. Действия в этой сфере имеют добровольный, нерегламентированный характер, они не связывают никого за пределами соответствующей группы. [...] В тоталитарных обществах публичная область крайне широка, а частная жизнь весьма ограничена. В других обществах сфера частной жизни может почти полностью вытеснить сферу публичной.

[...] И хотя то, что происходит в сфере частной жизни, может влиять на политику, последняя должна непосредственно заниматься только теми решениями, которые относятся к области публичного.

Кроме того, для политики характерно проявление власти. Власть означает формальное могущество, которым наделены индивиды или группы, с тем чтобы их решения выполнялись и уважались. Иными словами, предполагается, что интересующие нас решения будут обязательными (принудительными) для тех индивидов и групп, к которым они относятся. В некоторых случаях для проведения этих решений в жизнь может использоваться сила (принуждение). Те, кто обладает политической властью, как правило, имеют доступ к силовым и денежным ресурсам, позволяющим им обеспечивать реализацию своих решений. Такие ресурсы называются средствами принуждения. Власть не обязательно должна опираться на принуждение, но в политике часто именно так и происходит.

[...] Таким образом, говоря о политике, мы подразумеваем формы деятельности, связанные с контролем за принятием публичных решений, относительно данного народа и на данной территории, где этот контроль может быть подкреплён властными и принудительными средствами. Политика отсылает нас к процессам и конфликтам, касающимся использования такого рода средств, к решению вопроса о том, кто и в каких целях станет их применять. [...]

Сравнительная политология сегодня [Текст]: мировой обзор: учеб. пособие для студ.-политологов / Г. Алмонд [и др.] ; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановский, Л. А. Галкина ; науч. ред. пер. М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 536 с. – С. 17-19.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое политика ?
2. На какие черты политики указывает автор?

Аристотель
Политика
Книга первая (А)
I

1. Поскольку [...] всякое государство представляет собой своего рода

общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся [...] к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим. [...]

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения [...]

[...] 9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; [...]

11. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. [...]

II

[...] 10. Живое существо состоит прежде всего из души и тела; из них по своей природе одно – начало властвующее, другое – начало подчиненное. [...]

21. [...] власть господина и власть государственного мужа, равно как и все виды власти, не тождественны, как это утверждают некоторые. Одна – власть над свободными по природе, другая – власть над рабами. Власть господина в семье – монархия (ибо всякая семья управляется своим господином монархически), власть же государственного мужа – это власть над свободными и равными.

22. Господином называют не за знания, а за природные свойства; [...]

Книга вторая (В)

I

1. Так как мы ставим своей задачей исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям, то надлежит рассмотреть и те из существующих государственных устройств, которыми [...] пользуются некоторые государства, признаваемые благоустроенными [...] и кажутся хорошими. Таким образом, мы будем в состоянии открыть, что можно усмотреть в них правильного и полезного, а вместе с тем доказать, что наше намерение отыскать такой государственный строй, который отличался бы от существующих, объясняется не желанием мудрствовать

во что бы то ни стало, но тем, что эти существующие ныне устройства не удовлетворяют своему назначению.

2. Начать следует прежде всего с установления того принципа, который служит точкой отправления при настоящем рассуждении, а именно: неизбежно, чтобы все граждане принимали участие либо во всем касающемся жизни государства, либо ни в чем, либо в одних делах принимали участие, в других – нет. Чтобы граждане не принимали участия ни в чем, это, очевидно, невозможно, так как государство представляет собой некое общение, а следовательно, прежде всего является необходимостью занимать сообща определенное место; ведь место, занимаемое одним государством, представляет собой определенное единство, а граждане являются общниками [...] одного государства. [...]

Книга третья (G)

I

1. Исследователю видов государственного строя и присущих им свойств надлежит прежде всего подвергнуть рассмотрению вопрос о государстве вообще и разобрать, что такое собственно государство. В настоящее время на этот счет существует разногласие; одни утверждают, что то или иное действие совершило государство, другие говорят: нет, не государство, а олигархия или тиран. В самом деле, мы видим, что вся деятельность государственного мужа и законодателя направлена исключительно на государство [...], а государственное устройство [...] есть известная организация обитателей государства.

2. Ввиду того что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин [...], ведь государство есть совокупность граждан. [...]

4. [...] Лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти. [...]

II

1. [...] Гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне – к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение: один из них гребет, другой правит рулем, третий состоит помощником рулевого, четвертый носит какое-либо иное соответствующее наименование [...]; ведь благополучное плавание – цель, к которой стремятся все моряки в совокупности и каждый из них в отдельности.

2. То же самое и по отношению к гражданам: хотя они и не одинаковы, все же их задача заключается в спасении составляемого ими общения, а общением этим является государственный строй. Поэтому и гражданская добродетель неизбежно обуславливается этим последним. А так как существует несколько видов государственного строя, то очевидно, что добродетель дельного гражданина, добродетель совершенная, не может быть одною, между тем как мы называем кого-либо хорошим

человеком за совершенство в единой добродетели. Отсюда ясно, что всякий гражданин может быть дельным, не обладая той добродетелью, которая делает дельным человека.

3. Можно, впрочем, прийти к тому же самому заключению иным путем, исходя из исследования вопроса о наилучшем государственном устройстве. Если возможно допустить существование государства, состоящего исключительно из дельных граждан, то каждый из них должен исполнять полагающееся ему дело хорошо, что зависит от добродетели гражданина. Но так как невозможно всем гражданам быть одинаковыми, то не может быть и одной добродетели гражданина и хорошего человека; добродетель дельного гражданина должна быть налицо у всех граждан, ибо только в таком случае государство оказывается наилучшим, но добродетелью хорошего человека не могут обладать все, если только не предполагать, что все граждане в отменном государстве должны быть хорошими.

4. Далее, государство заключает в себе неодинаковые элементы; подобно тому как всякий человек состоит из души и тела, а душа в свою очередь заключает в себе разум и страсти или подобно тому как семья состоит из мужчины и женщины, а собственность заключает в себе господина и раба, точно так же и государство включает в себя все это да еще, сверх того, и другие, неодинаковые элементы [...].

У правителя и гражданина добродетель не одна и та же. [...]

7. Способность властвовать и подчиняться заслуживает похвалы, и добродетель гражданина, по-видимому, и заключается в способности прекрасно и властвовать, и подчиняться. Итак, если мы положим, что добродетель хорошего мужа есть способность властвовать, а добродетель гражданина – и то и другое, то обе эти добродетели не заслуживали бы одинаковой похвалы. Но так как они и на самом деле оказываются различными и так как властитель и подчиненный должны изучать не одно и то же, а гражданин должен уметь то и другое и быть причастным к тому и другому... Это можно усматривать и из следующего.

8. Существует власть господина; под этой властью мы понимаем такую власть, которая проявляется относительно работ первой необходимости: правителю нет нужды уметь исполнять эти работы, он скорее должен пользоваться ими; в противном случае положение было бы вроде рабского; я имею в виду положение, когда свободный человек исполняет работы, подобающие слугам. Мы утверждаем, что есть разные виды рабов, так как существует и много видов работ. Одну часть этих работ исполняют ремесленники, именно те, которые, как показывает и самое наименование их, живут «от рук своих»; к числу их принадлежат и мастера. Поэтому в некоторых государствах в древнее время, пока там не была установлена крайняя демократия, ремесленники не имели доступа к государственным должностям.

9. Итак, ни хороший человек, ни хороший государственный муж, ни

добрый гражданин не должны обучаться таким работам, которые подобают людям, предназначенным к подчинению, за исключением разве того, когда вследствие нужды приходится исполнять эти работы для самого себя; в таком случае не приходится быть то господином, то рабом. Но существует и такая власть, в силу которой человек властвует над людьми себе подобными и свободными. Эту власть мы называем властью государственной; проявлять ее правитель должен научиться, пройдя сам школу подчинения; например, чтобы быть гиппархом, нужно послужить в коннице, чтобы быть стратегом, нужно послужить в строю, быть лохагом, таксиархом. И совершенно правильно утверждение, что нельзя хорошо начальствовать, не научившись повиноваться.

10. Добродетель во всем этом различна; но хороший гражданин должен уметь и быть способным и подчиняться и начальствовать, и добродетель гражданина заключается в умении властвовать над свободными людьми и быть подвластным. Добродетель хорошего человека также имеет в виду и то и другое. Если различны виды воздержности и справедливости у начальника и у подчиненного, но свободного человека, то, очевидно, не одна и добродетель хорошего человека, например справедливость; но она распадается на несколько видов в соответствии с тем, будет ли человек властвовать или одчиняться [...]

11. Рассудительность – вот единственная отличительная добродетель правителя; остальные добродетели являются, по-видимому, необходимым общим достоянием и подчиненных и правителей; от подчиненного нечего требовать рассудительности как добродетели, но нужно требовать лишь правильного суждения; подчиненный – это как бы мастер, делающий флейты, а правитель – это флейтист, играющий на его флейте.

III

[...] 2. Совершенно справедливо, что не должно считать гражданами всех тех, без кого не может обойтись государство, потому что и дети – граждане не в том смысле, в каком граждане – взрослые; последние – граждане в полном смысле, первые – условно: они граждане несовершеннолетние. [...]

3. Те, кто исполняет [...] работы для одного человека, – рабы, на общую пользу – ремесленники и поденщики. [...] А именно, поскольку существует несколько видов государственного устройства, должно существовать и несколько разновидностей гражданина, преимущественно подчиненного гражданина, и, таким образом, при одном виде государственного устройства необходимо считать гражданами ремесленников и поденщиков, при другом это невозможно, например при так называемой аристократии, где почетные должности даются только в зависимости от добродетели и по достоинству; ведь невозможно человеку, ведущему жизнь ремесленника или поденщика, упражняться в добродетели.

4. В олигархиях поденщику нельзя быть гражданином (там доступ к

должностям обусловлен большим имущественным цензом), а ремесленнику можно, так как многие ремесленники богатеют от своего ремесла. [...]

[...] 6. Итак, из сказанного ясно, что существует несколько разновидностей гражданина; ясно также и то, что гражданином по преимуществу является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав; [...]

IV

1. [...] Государственное устройство [...] – это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления [...], а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть – в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным. С этой точки зрения мы будем судить и об остальном.

2. Следует предпослать вопрос: для какой цели возникло государство и сколько видов имеет власть, управляющая человеком в его общественной жизни? Уже в начале наших рассуждений [...] было указано, что человек по природе своей есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству.

3. Впрочем, к этому людей побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни [...]; это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности. Люди объединяются и ради самой жизни, скрепляя государственное общение [...]

4. Нетрудно различить так называемые разновидности власти; [...] Власть господина над рабом, хотя одно и то же полезно и для прирожденного раба, и для прирожденного господина, все-таки имеет в виду главным образом пользу господина [...]

5. Власть же над детьми, над женой и над всем домом, называемая нами вообще властью домохозяйственной [...]

6. Поэтому и относительно государственных должностей – там, где государство основано на началах равноправия и равенства граждан, – выступает притязание на то, чтобы править по очереди. Это притязание первоначально имело естественные основания; требовалось, чтобы государственные повинности исполнялись поочередно, и каждый желал, чтобы, подобно тому как он сам, находясь ранее у власти, заботился о пользе другого, так и этот другой в свою очередь имел в виду его пользу. В настоящее время из-за выгод, связанных с общественным делом и нахождением у власти, все желают непрерывно обладать ею, как если бы те, кто стоит у власти, пользовались постоянным цветущим здоровьем,

невзирая на свою болезненность; потому что тогда также стали бы стремиться к должностям.

7. Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей.

После того как это установлено, надлежит обратиться к рассмотрению государственных устройств – их числа и свойств, и прежде всего правильных, так как из их определения ясными станут и отклонения от них.

V

1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе.

2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития.

3. И такое разграничение оказывается логически правильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства – дело уже трудное, хотя легче всего – в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политии верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет.

4. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет.

Нужно, однако, несколько обстоятельнее сказать о том, что

представляет собой каждый из указанных видов государственного устройства в отдельности. Исследование это сопряжено с некоторыми затруднениями: ведь при научном, а не только практически-утилитарном [...] изложении каждой дисциплины исследователь не должен оставлять что-либо без внимания или что-либо обходить; его задача состоит в том, чтобы в каждом вопросе раскрывать истину.

5. Тирания, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения; олигархия – тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью; наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих. И вот возникает первое затруднение при разграничении их: если бы верховную власть в государстве имело большинство и это были бы состоятельные люди (а ведь демократия бывает именно тогда, когда верховная власть сосредоточена в руках большинства), с другой стороны, точно так же, если бы где-нибудь оказалось, что неимущие, хотя бы они и представляли собой меньшинство в сравнении с состоятельными, все-таки захватили в свои руки верховную власть в управлении (а, по нашему утверждению, олигархия там, где верховная власть сосредоточена в руках небольшого количества людей), то показалось бы, что предложенное разграничение видов государственного устройства сделано неладно.

6. Но допустим, что кто-нибудь, соединив признаки: имущественное благосостояние и меньшинство и, наоборот, недостаток имущества и большинство и, основываясь на таких признаках, стал бы давать наименования видам государственных устройств: олигархия – такой вид государственного устройства, при котором должности занимают люди состоятельные, по количеству своему немногочисленные; демократия – тот вид, при котором должности в руках неимущих, по количеству своему многочисленных. Получается другое затруднение: как мы обозначим только что указанные виды государственного устройства – тот, при котором верховная власть сосредоточена в руках состоятельного большинства, и тот, при котором она находится в руках неимущего меньшинства, – если никакого иного государственного устройства, кроме указанных, не существует?

7. Итак, из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. А

тот признак, что в первом случае мы имеем дело с меньшинством, а во втором – с большинством, повторяю, есть признак случайный. Состоятельными являются немногие, а свободой пользуются все граждане; на этом же и другие основывают свои притязания на власть в государстве.

8. Прежде всего должно исследовать указываемые обыкновенно отличительные принципы олигархии и демократии, а также и то, что признается справедливостью с олигархической и демократической точек зрения. Ведь все опираются на некую справедливость, но доходят при этом только до некоторой черты, и то, что они называют справедливостью, не есть собственно справедливость во всей ее совокупности. Так, например, справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных. Между тем упускают из виду вопрос «для кого?» и потому судят дурно; причиной этого является то, что судят о самих себе, в суждении же о своих собственных делах едва ли не большинство людей – плохие судьи.

9. Так как справедливость – понятие относительное и различается столько же в зависимости от свойств объекта, сколько и от свойств субъекта, как об этом ранее упоминалось в «Этике», то относительно равенства, касающегося объектов, соглашаются все, но по поводу равенства, касающегося субъектов, колеблются, и главным образом вследствие только что указанной причины, именно дурного суждения о своих собственных делах; а затем те и другие, считая, что они все-таки согласны в относительном понимании справедливости, укрепляются в той мысли, что они постигают ее в полном смысле. Одни рассуждают так: если они в известном отношении, например в отношении денег, не равны, то, значит, они и вообще не равны; другие же думают так: если они в каком-либо отношении равны, хотя бы в отношении свободы, то, следовательно, они и вообще равны. Но самое существенное они тут и упускают из виду.

10. В самом деле, если бы они вступили в общение и объединились исключительно ради приобретения имущества, то могли бы притязать на участие в жизни государства в той мере, в какой это определялось бы их имущественным положением. В таком случае олигархический принцип, казалось бы, должен иметь полную силу: ведь не признают справедливым, например, то положение, когда кто-либо, внося в общую сумму в сто мин всего одну мину, предъявлял бы одинаковые претензии на первичную сумму и на выросшие проценты с тем, кто внес все остальное. Государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; в противном случае следовало бы допустить также и государство, состоящее из рабов или из животных, чего в действительности не бывает, так как ни те ни другие не составляют общества, стремящегося к благоденствию всех и строящего жизнь по своему предначертанию. Равным образом государство не возникает ради

заклучения союза в целях предотвращения возможности обид с чьей-либо стороны, также не ради взаимного торгового обмена и услуг; иначе этруски и карфагеняне и вообще все народы, объединенные заключенными между ними торговыми договорами, должны были бы считаться гражданами одного государства.

11. [...] За добродетелью же и пороком в государствах заботливо наблюдают те, кто печется о соблюдении благозакония; в этом и сказывается необходимость заботиться о добродетели граждан тому государству, которое называется государством по истине, а не только на словах. В противном случае государственное общение превратится в простой союз, отличающийся от остальных союзов, заключенных с союзниками, далеко живущими, только в отношении пространства. Да и закон в таком случае оказывается простым договором или, как говорил софист Ликофрон, просто гарантией личных прав; сделать же граждан добрыми и справедливыми он не в силах. [...]

VII

1. Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе. По общему представлению, справедливость есть некое равенство; это положение до известной степени согласно с теми философскими рассуждениями, в которых разобраны этические вопросы. Утверждают, что справедливость есть нечто имеющее отношение к личности и что равные должны иметь равное. Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство и в чем – неравенство; этот вопрос представляет трудность, к тому же он принадлежит к области политической философии. [...]

13. [...] Гражданином в общем смысле является тот, кто причастен и к властвованию, и к подчинению; при каждом виде государственного устройства сущность гражданина меняется. При наилучшем виде государственного устройства гражданином оказывается тот, кто способен и желает подчиняться и властвовать, имея в виду жизнь, согласную с требованиями добродетели. [...]

IX

1. [...] уместно перейти к рассмотрению сущности царской власти, которая, по нашему утверждению, является одним из правильных видов государственного устройства. Исследованию подлежит вопрос: полезна ли царская власть для государства и страны, стремящихся иметь прекрасное устройство, или не полезна, а, наоборот, предпочтительнее какой-нибудь иной вид правления, или для одних государств царская власть полезна, для других не полезна? Но предварительно следует установить, существует ли только один вид царской власти, или же имеется несколько ее разновидностей.

2. Нетрудно усмотреть, что существует несколько видов царской

власти и самый способ ее проявления в каждом данном случае не один и тот же. Так, царская власть в лакедемонском государственном устройстве, по-видимому, основывается преимущественно на законе, но она не является верховной властью в полном смысле: царь – верховный вождь военных сил лишь в том случае, когда он выходит за пределы страны; сверх того, царям предоставлено ведать религиозным культом. Таким образом, эта царская власть является как бы некоей неограниченной и несменяемой стратегией; но право казнить царь имеет исключительно только во время похода. То же самое было и в глубокой древности во время военных экспедиций, когда действовало право сильного [...]

3. Итак, вот один из видов царской власти – пожизненная стратегия. Она бывает либо наследственной, либо выборной. Наряду с ней встречается другой вид монархии, примером которой может служить царская власть у некоторых варварских племен; она имеет то же значение, что и власть тираническая, но основывается она и на законе, и на праве наследования. [...]

4. [...] царей охраняют вооруженные граждане, тиранов же – наёмники, потому что цари властвуют на законном основании над добровольно подчиняющимися им людьми, тираны же – над подчиняющимися им против воли; таким образом, одни получают охрану своей власти от граждан, а другие – против граждан.

5. Это два вида монархии. Другой вид, существовавший у древних эллинов, носит название эсимнетии. Она, так сказать, представляет собой выборную тиранию; [...]

7. Четвертым видом царского единовластия являются те монархии, которые существовали в героическое время и основывались на добровольном согласии граждан, равно как и на праве законного наследования. Поскольку родоначальники этих героических царей оказывались благодетелями народной массы – либо как изобретатели тех или иных ремесел, либо как предводители на войне, либо как основатели государственного объединения, либо как расширившие территорию, – то они и становились царями по добровольному согласию граждан, а их потомки получали царскую власть путем наследования. Власть их выражалась в предводительстве на войне, в совершении жертвоприношений – поскольку последнее не составляло особой функции жрецов – и, сверх того, в разбирательстве судебных дел, причем в этом последнем случае одни цари творили суд, не принося клятвы, другие – принося ее (клятва состояла в том, что цари поднимали вверх свой скипетр).

8. В древние времена цари управляли непосредственно всеми делами, касающимися государства, руководили его внутренней и внешней политикой; впоследствии же, после того как от некоторых функций своей власти они отказались сами, а другие были отняты у них народом, в одних государствах за царями сохранилось только право жертвоприношений, в

других – где все-таки может идти речь о царской власти – цари удержали за собой лишь право быть главнокомандующими за пределами страны.

Х

1. Итак, вот четыре вида царской власти: во-первых, царская власть героических времен, основанная на добровольном подчинении ей граждан, но обладавшая ограниченными полномочиями, а именно: царь был военным предводителем, судьей и ведал религиозным культом; во-вторых, царская власть у варваров, наследственная и деспотическая по закону; в-третьих, так называемая эсимнетия – выборная тирания и, в-четвертых, царская власть в Лакедемонии, представляющая собой в сущности наследственную и пожизненную стратегию. [...]

2. Пятым видом царской власти будет тот, когда один человек является неограниченным владыкой над всем, точно так же как управляет общими делами то или иное племя или государство. Такого рода царская власть есть как бы власть домохозяйственная: подобно тому как власть домохозяина является своего рода царской властью над домом, так точно эта всеобъемлющая царская власть есть в сущности домоправительство над одним или несколькими государствами и племенами. [...]

7. Если правление нескольких людей, всех одинаково хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица – царской властью, то аристократия оказалась бы для государства предпочтительнее царской власти, все равно, будет ли власть опираться на вооруженную силу или же обойдется без нее, лишь бы только оказалось возможным привлечь к правлению нескольких подобных людей. Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами [...]

8. Когда же, поддаваясь нравственной порче, они стали обогащаться за счет общественного достояния, из политики естественным путем получались олигархии, ведь люди стали почитать богатство. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний – демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них и установила демократию. А так как государства увеличились, то, пожалуй, теперь уже нелегко возникнуть другому государственному устройству, помимо демократии. [...]

Книга четвертая (D)

II

1. В нашем предыдущем рассуждении о видах государственного устройства мы распределили их так: три вида правильные – царская власть, аристократия, политика – и три отклоняющиеся от них – тирания – от царской власти, олигархия – от аристократии, демократия – от политики. Об аристократии и царской власти говорилось выше (рассмотрение наилучшего вида государственного строя равносильно рассуждению

именно об аристократии и царской власти и определению того, что скрывается под этими названиями, так как и аристократия и царская власть предполагают для своего осуществления наличие добродетели, которой сопутствуют благоприятные внешние условия). Было определено ранее также и то, в чем отличие аристократии от царской власти и когда государственный строй следует считать царской властью. Остается, таким образом, подвергнуть обсуждению тот вид государственного устройства, который носит общее название политики, а также остальные, т. е. олигархию, демократию и тиранию.

2. Ясно, какой из видов, отклоняющихся от правильных, является наихудшим и какой ближе всего к нему. Конечно, наихудшим видом будет тот, который оказывается отклонением от первоначального и самого божественного из всех видов государственного строя. Царская власть, если это не пустой звук, если она существует действительно, основывается на высоком превосходстве царствующего. Таким образом, тирания, как наихудший из видов государственного устройства, отстоит далее всего от самой его сущности; к ней непосредственно примыкает олигархия (аристократия далеко не то же, что олигархия); наиболее же умеренный из отклоняющихся видов – демократия.

3. В таком же смысле высказался ранее один из моих предшественников, хотя он подразумевал не то, что имеем в виду мы; по его мнению, если взять виды государственного строя в образцовом состоянии, как то: хорошая олигархия и прочие, худшим окажется демократия, но если взять их же в испорченном состоянии, то она – наилучшая.

4. Мы же со своей стороны утверждаем, что все эти виды государства вообще неправильны и что нельзя сказать, будто один вид олигархии лучше другого, но лишь что он менее плох по сравнению с другим. Однако теперь разбор всего этого мы оставим в стороне. Наша задача состоит прежде всего в том, чтобы установить число отличающихся один от другого видов государственного устройства, так как и демократия, и олигархия подразделяются на несколько разновидностей; затем мы определим, какой вид государственного устройства является после наилучшего наиболее общим и наиболее приемлемым, и если окажется, что существует какой-либо иной аристократический вид правления, хорошо слаженный и подходящий для большей части государств, то мы исследуем и его.

5. Далее мы затронем также вопрос о том, какой из остальных видов для кого приемлем, так как легко может оказаться, что для одних демократия подходит более, чем олигархия, а для других – наоборот. После этого следует обсудить, каким образом желающий должен установить эти государственные устройства, т.е. отдельные виды демократии и олигархии. Наконец, после того как мы по возможности кратко изложим все эти вопросы, нужно будет попытаться исследовать и

то, в чем гибель и спасение каждого государственного строя и в общем виде, и в его разновидностях и от каких преимущественно причин то и другое зависит.

III

1. Наличие нескольких видов государственного строя объясняется множественностью частей, из которых слагается всякое государство. Прежде всего, мы видим, что все государства состоят из семей [...] Простой народ составляют в свою очередь земледельцы, торговцы, ремесленники; знатные опять-таки различаются по степени своего богатства и по размерам принадлежащей им собственности [...]

2. [...] К отличиям, обусловливаемым богатством, присоединяются еще отличия по происхождению, по добродетели, а также по иным подобного рода преимуществам, на которые мы указывали, когда, рассуждая об аристократии, говорили о ней как об одной из частей, составляющих государство. Там мы разбирали, сколько необходимых составных частей в каждом государстве; из них принимают участие в управлении либо все, либо меньшая, либо большая часть.

3. [...] Государственный строй есть порядок в области должностей; при нем все части находят себе место либо на основании свойств, присущих им, либо в силу того или иного правила, обусловливающего их равенство с общей точки зрения [...] Таким образом, неизбежно получается столько же видов государственного строя, сколько имеется способов управления в зависимости от превосходств и отличительных свойств, присущих составным частям государства.

4. Однако главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два – демократия и олигархия [...], а на остальные смотрят как на отклонение от этих двух. Ведь аристократию считают некоей олигархией, а так называемую политию – демократией [...]

5. И относительно видов государственного устройства обыкновенно придерживаются указанного мнения. Но правильное и лучше предлагаемое нами разделение, согласно которому существует два или один вид прекрасного государственного устройства, а все остальные виды – отклонения от наилучшего [...]; и мы склонны сопоставлять олигархические виды правления, которым присущ деспотизм, с более напряженным тоном, а демократические, дряблые – с ослабленным тоном.

6. Демократию не следует определять, как это обычно делают некоторые в настоящее время, просто как такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы, потому что и в олигархиях, и вообще повсюду верховная власть принадлежит большинству; равным образом и под олигархией не следует разуметь такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках немногих. [...]

7. Итак, скорее следует назвать демократическим строем такой, при котором верховная власть находится в руках свободнорожденных, а

олигархическим – такой, когда она принадлежит богатым, и лишь случаю нужно приписать то, что одних много, а других немного. [...]

8. [...] Ввиду того что и демократия и олигархия заключают в себе много составных частей, то в разграничении их следует пойти дальше и признать, что олигархическим нельзя считать и такой строй, при котором меньшинство свободнорожденных властвует над большинством несвободнорожденных [...] Нельзя считать демократическим и такой строй, при котором пользуются привилегированным положением богачи благодаря тому, что они составляют большинство; [...] демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией – такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство.

9. Мы указали, что существует несколько видов государственного устройства, и выяснили, от чего это зависит. [...] Мы согласились с тем, что всякое государство заключает в себе не одну составную часть, а несколько. [...]

11. [...] И государство, как на это неоднократно указывалось, имеет не одну, а многие составные части. Одна из них – народная масса, производящая продукты питания; это так называемые земледельцы. Вторая – так называемые ремесленники, занимающиеся искусствами, без которых невозможно самое существование государства; из этих искусств одни должны существовать в силу необходимости, другие служат для роскоши или для того, чтобы украсить жизнь. Третья часть – торговцы, а именно те, кто занимается куплей и продажей, оптовой и розничной торговлей. Четвертая часть – поденщики, пятая – военные. Существование последних не менее необходимо, чем существование упомянутых выше, если государство не желает оказаться под властью тех, кто на него нападает. Мы допустили бы невозможное, если бы считали, что государство, по природе рабское, достойно называться государством, ведь государство есть нечто самодовлеющее, рабство же несовместимо с самодовлением.

12. [...] Сократ говорит, что необходимейших составных частей у государства четыре: он называет ткачей, земледельцев, кожевников и плотников; но так как этого оказывается недостаточно для самодовлеющего существования государства, он присоединяет к ним кузнецов и пастухов, пасущих необходимые для домашнего обихода стада, а сверх того, добавляет оптовых и розничных торговцев. [...]

13. Военных же он вводит лишь с момента расширения территории и после того, как государство, войдя в соприкосновение с соседями, должно будет начать с ними войну. Но будет ли четыре или сколько угодно частей в государстве, все-таки окажется нужда в таком человеке, который решал бы судебным порядком тяжбы. Если считать душу у одушевленного существа частью более важной, нежели тело, то и в государстве душу

должно признать более важной, чем все относящееся лишь к удовлетворению его насущных потребностей. А этой душой государства являются военные и те, на кого возложено отправление правосудия при судебном разбирательстве; сверх того, совещающиеся о государственных делах, в чем и находит свое выражение политическая мудрость. И для дела довольно безразлично, поделены ли эти функции среди тех или иных лиц, или же они объединены в руках одних и тех же: ведь и служить воинами, и обрабатывать землю зачастую приходится одним и тем же людям.

14. Поэтому если и то и другое следует признать необходимыми составными частями государства, то ясно, что и военные являются необходимой частью.

Седьмую часть составляют те, кто служит государству своим имуществом и кого мы вообще называем состоятельными. Восьмую часть образуют те, кто служит народу, т. е. занимает государственные должности (без должностных лиц существование государств немислимо); необходимо иметь таких людей, которые могли бы быть должностными лицами, исполнять государственные повинности или непрерывно, или с соблюдением очереди. Остаются еще те части, о которых мы только что говорили, именно облеченные законосовещательными функциями и творящие суд между тяжущимися. Раз в государствах должны быть прекрасно и правомерно представлены власти законосовещательная и судебная, необходимо, чтобы носители этих властей обладали добродетелью, которая свойственна политической деятельности.

15. Многим кажется, что остальные функции могут принадлежать одним и тем же лицам, что, например, одни и те же могут быть и воинами, и земледельцами, и ремесленниками, а сверх того, и членами совета и судьями; так как все эти лица имеют в виду достижение добродетели, то они и могут занимать большую часть должностей. Но одни и те же люди не могут быть одновременно бедными и богатыми; вот почему эти части государства, т. е. богатые и неимущие, и признаются его существенными частями. И так как одни из них большей частью на деле составляют меньшинство, а другие – большинство, то эти части и оказываются в государстве диаметрально противоположными одна другой, так что в зависимости от перевеса той или другой устанавливается и соответствующий вид государственного устройства. Поэтому и кажется, будто существуют только два вида государственного устройства: демократия и олигархия. О том, что существует несколько видов государственного устройства и в силу каких причин, сказано ранее. Теперь поговорим о том, что существует несколько видов демократии и олигархии.

IV

[...] 2. Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют

ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим. Итак, вот один вид демократии.

3. Другой ее вид – тот, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом. Обладающий им должен получить доступ к занятию должностей, потерявший ценз лишается этого права. Третий вид демократии – тот, при котором все граждане, являющиеся бесспорно таковыми по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон. Четвертый вид демократии – тот, при котором всякий, лишь бы он был гражданином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон. При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу.

4. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон. Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем вместе. [...]

5. В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и льстецы в сущности одно и то же или, во всяком случае, схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии.

6. Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании. Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ, а он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится на нет.

7. По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов. Таким образом, если демократия есть один из видов государственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле, ибо никакое постановление не может иметь общего характера. Вот так должны быть разграничены отдельные виды демократии.

V

1. Отличительный признак первого вида олигархии состоит в следующем: занятие должностей обусловлено необходимостью иметь столь значительный имущественный ценз, что неимущие, хотя они представляют большинство, не допускаются к должностям; последние доступны только тем, кто приобрел имущественный ценз. Другой вид олигархии – тот, когда доступ к должностям также обусловлен высоким имущественным цензом и когда люди, имеющие его, пополняют недостающих должностных лиц путем кооптации; если это производится из всех таких лиц, то такой строй, по-видимому, имеет аристократический оттенок; если же только из ограниченного числа, то олигархический. При третьем виде олигархии сын вступает в должность вместо отца. Четвертый вид – когда имеется налицо только что указанное условие и когда властвует не закон, а должностные лица; этот вид в олигархическом строе – то же, что в монархическом тирания, а в демократическом – то, что мы назвали крайним его видом. Такого рода олигархию называют династией.

2. Вот сколько видов олигархии и демократии. Не следует забывать, что во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов не демократическое, но является таковым в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни; точно так же в других государствах бывает обратное явление: по законам строй скорее демократический, а по укладу жизни и господствующим обычаям скорее олигархический. Подобного рода явления встречаются чаще всего после государственных переворотов, когда не сразу переходят к новому строю, но сначала предпочитают мелкие взаимные уступки, так что существовавшие ранее законы остаются в силе, власть же имеют те, кто изменил государственное устройство.

3. Что существует столько видов демократии и олигархии, ясно из сказанного. Ведь неизбежно участие в управлении принимают либо все упомянутые части народа, либо одни из них принимают участие, другие – нет. Когда управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеет средний достаток, тогда государство управляется законами. Они должны жить в труде, так как не могут оставаться праздными; вследствие этого, поставив превыше всего закон, они собираются на народные

собрания лишь в случае необходимости. Остальные граждане могут принимать участие в государственном управлении лишь после приобретения установленного законами имущественного ценза: всякий, кто приобрел его, имеет право участвовать в государственном управлении. И если бы это право не было предоставлено всем, то получился бы олигархический строй; предоставить же всем возможность иметь досуг невозможно, коль скоро нет средств к жизни. Указанные причины и ведут к образованию первого вида демократии.

4. Второй вид демократии отличается от первого следующими признаками: хотя все люди, в принадлежности которых к гражданам на основании их происхождения нет никакого сомнения, могут участвовать в управлении, однако участвуют только те, кто может иметь досуг; в такого рода демократии властвуют законы, потому что для необходимого досуга не хватает доходов. При третьем виде демократии принимать участие в управлении могут все свободнорожденные, однако в действительности участвуют по указанной выше причине не все, так что и в такого рода демократии неизбежно властвует закон. Четвертый вид демократии – тот, который по времени образования в государствах следует за предыдущими.

5. Вследствие увеличения государств по сравнению с начальными временами и вследствие того, что появилось изобилие доходов, в государственном управлении принимают участие все, опираясь на превосходство народной массы, благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение. И такого рода народная масса особенно пользуется досугом; забота о своих собственных делах несколько не служит при этом препятствием, тогда как богатым именно эта забота и мешает, так что они очень часто не присутствуют на народных собраниях и судебных разбирательствах. Отсюда и происходит то, что в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам. Вот сколько видов демократии и каковы они вследствие указанных неизбежных обстоятельств.

6. Виды олигархии следующие. Первый вид – когда собственность, не слишком большая, а умеренная, находится в руках большинства; собственники в силу этого имеют возможность принимать участие в государственном управлении; а поскольку число таких людей велико, то верховная власть неизбежно находится в руках не людей, но закона. Ведь в той мере, в какой они далеки от монархии, – если их собственность не столь значительна, чтобы они могли, не имея забот, пользоваться досугом, и не столь ничтожна, чтобы они нуждались в содержании от государства, – они неизбежно будут требовать, чтобы у них господствовал закон, а не они сами.

7. Второй вид олигархии: число людей, обладающих собственностью, меньше числа людей при первом виде олигархии, но самый размер собственности больше; имея большую силу, эти собственники предъявляют и больше требований; поэтому они сами

избирают из числа остальных граждан тех, кто допускается к управлению; но вследствие того, что они не настолько еще сильны, чтобы управлять без закона, они устанавливают подходящий для них закон.

8. Если положение становится более напряженным в том отношении, что число собственников становится меньше, а самая собственность больше, то получается третий вид олигархии – все должности сосредоточиваются в руках собственников, причем закон повелевает, чтобы после их смерти сыновья наследовали им в должностях. Когда же собственность их разрастается до огромных размеров и они приобретают себе массу сторонников, то получается династия, близкая к монархии, и тогда властителями становятся люди, а не закон – это и есть четвертый вид олигархии, соответствующий крайнему виду демократии.

9. Кроме демократии и олигархии есть еще два вида государственного устройства. Из них один все признают – да и у нас об этом сказано выше – одним из четырех видов государственного устройства. Эти четыре вида суть: монархия, олигархия, демократия и так называемая аристократия. Пятый вид государственного устройства носит название, служащее обозначением государственного устройства вообще, – его называют просто политией. Этот вид встречается нечасто [...].

10. Аристократией с полным основанием можно назвать тот вид государственного устройства, о котором речь шла в предыдущем рассуждении. Именно: аристократией по справедливости можно признавать только тот вид государственного устройства, когда управляют мужи, безусловно наилучшие с точки зрения добродетели, а не те, кто доблестен при некоторых предпосылках; ведь только при этом виде государственного устройства хороший муж и хороший гражданин – одно и то же, тогда как при остальных хорошими бывают применительно к данному государственному строю. Однако существуют некоторые виды государственного устройства, отличающиеся от олигархических и от так называемой политики и именуемые аристократическими. Это такие виды, при которых избрание на должности обуславливается не только богатством, но и высокими нравственными качествами [...]

11. Такой вид государственного устройства отличается от обоих и носит имя аристократии. Ибо и в тех государствах, которые вообще не предъявляют особенных требований к добродетели граждан, встречаются все-таки люди, пользующиеся доброй славой и сзываемые людьми порядочными. Там, где государственное устройство считается и с богатством, и с добродетелью, и с народом, [...] это и есть аристократический строй; там, где принимаются в расчет только два из указанных условий, т. е. добродетель граждан и народ, [...] получается смешение двух видов – демократического и основанного на добродетели. Таким образом, аристократическое устройство помимо его первого и наиболее совершенного вида имеет еще две указанные разновидности; третьей же являются те виды так называемой политики, которые больше склоняются к олигархии.

VI

1. Нам остается сказать еще о так называемой политике и о тирании. Политию мы отнесли сюда, хотя она, равно как и только что упомянутые разновидности аристократии, не является отклонением. По правде сказать, все виды государственного устройства являются отклонениями от самого правильного из них, но последний обыкновенно помещают наряду с аристократическими видами; сравнительно с ним и с аристократией другие виды государственного устройства являются уже отклонениями, как мы говорили в начале нашего рассуждения. Упомянуть же о тирании в самом конце будет вполне разумно, потому что она менее всего соответствует представлению, соединяемому с государственным строем вообще. Наша же задача – исследование видов именно государственного строя. Обосновав предложенную нами классификацию, мы должны обратиться к рассмотрению политики.

2. Сущность ее станет более ясной, после того как определен характер олигархии и демократии. Говоря попросту, политика является как бы смешением олигархии и демократии. Те виды государственного строя, которые имеют уклон в сторону демократии, обычно называются политиями, а те, которые склоняются скорее в сторону олигархии, обыкновенно именуется аристократиями, потому что люди, имеющие большой имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными, и более благородного происхождения. Сверх того, представляется, что люди состоятельные уже имеют то, ради чего совершаются правонарушения; и уже одно это упрочивает за такими людьми название людей безукоризненных и знатных.

3. Так как аристократический строй стремится доставить преобладание в государстве наилучшим из граждан, то, говорят, и в олигархиях большинство состоит из совершенных во всех отношениях людей. Да и вообще кажется чем-то совершенно невозможным, чтобы оказалось благоустроенным такое государство, которое управляется не наилучшими, но дурными людьми, равно как невозможно, чтобы государство, не имеющее хороших законов, управлялось наилучшими людьми; ведь благозаконие состоит не в том, что законы хороши, да им никто не повинуется. Поэтому следует допустить, что один вид благозакония состоит в том, что повинуются имеющимся законам, другой – в том, что законы, которых придерживаются, составлены прекрасно (ведь можно повиноваться и плохо составленным законам). Здесь возможны два случая: государства придерживаются либо наилучших возможных для них законов, либо наилучших в собственном смысле слова.

4. Сущность аристократического строя заключается, по видимому, в том, что при нем почетные права распределяются в соответствии с добродетелью, ведь основой аристократии является добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода. А то, что верховную силу имеют решения большинства, свойственно всем видам

государственного устройства, ведь что решит большинство из числа участвующих в государственном управлении, то и получает законную силу и в олигархии, и в аристократии, и в демократии. Итак, в большей части государств с гордостью выставляют вперед политику как обозначение вида их государственного устройства, поскольку смешивают состоятельных и неимущих, богатых и свободных, ведь, кажется, в глазах едва ли не большинства состоятельные занимают место совершенных во всех отношениях людей.

5. Так как в государственном строе три начала притязают на равную значимость – свобода, богатство, добродетель (четвертое – благородство происхождения – сопровождает два последних, ведь благородство есть старинная доблесть и богатство), то ясно, что политией следует называть такой государственный строй, при котором имеется смешение двух начал – состоятельных и неимущих, а смешение трех начал следует называть аристократией преимущественно перед другими видами государственного устройства, исключая лишь истинный и первый ее вид. Мы сказали, что существуют и другие виды государственного устройства помимо монархии, демократии и олигархии, указали на их сущность и на то, чем отличаются один от другого виды аристократии и чем отличаются политики от аристократии; ясно, что политика и аристократия не далеки одна от другой.

VII

1. Каким образом возникает наряду с демократией и олигархией так называемая политика и каково должно быть ее устройство – об этом мы будем говорить непосредственно вслед за изложенным. Вместе с тем станут ясными и отличительные признаки демократии и олигархии. Прежде всего следует установить разграничение этих видов государственного устройства [...].

2. [...] В олигархиях на состоятельных накладывают денежный штраф за уклонение от исполнения судебных обязанностей, неимущим же за исполнение их не полагается никакого вознаграждения; в демократиях неимущие получают вознаграждение, но зато и на состоятельных не налагается штраф. Общее и среднее из этих законоположений, свойственное и демократии и олигархии и смешанное из законоположений той и другой, будет отличительным признаком политики. Вот один способ соединения.

3. Второй способ состоит в том, чтобы взять среднее между присущими олигархии и демократии постановлениями о цензе касательно, положим, участия в народном собрании. Для участия в нем при демократическом строе имущественный ценз либо вовсе не требуется, либо требуется совсем незначительный; олигархический строй, наоборот, выставляет требование высокого ценза. Общих признаков здесь нет, но для политики можно взять средний ценз между обоими указанными. При третьем способе объединения можно было бы взять одну часть

постановлений олигархического законодательства и другую часть постановлений демократического законодательства. Я имею в виду следующее: одной из основ демократического строя является замещение должностей по жребию, олигархического же – по избранию, причем в демократиях это замещение не обусловлено имущественным цензом, а в олигархиях обусловлено. Следовательно, отличительный признак аристократии и политики мы получили бы, если бы взяли из олигархии и демократии по одному из отличительных для них признаков в деле замещения должностей, а именно: из олигархии – то, что должности замещаются по избранию, а из демократии – то, что это замещение не обусловлено цензом. Итак, вот еще один из способов смешения.

4. Мериллом того, что такого рода смешение демократии и олигархии произведено хорошо, служит то, когда окажется возможным один и тот же вид государственного устройства называть и демократией, и олигархией. Те, кто пользуется обоими этими обозначениями, очевидно, чувствуют, что ими обозначается смешение прекрасное; а такое смешение заключается именно в середине, так как в ней находят место обе противоположные крайности. [...]

6. [...] Оба начала должны находить себе опору в самом государственном строе, а не вне его; чтобы не большая часть желала видеть этот строй именно таким (этого ведь, пожалуй, можно достигнуть и при наличии плохого государственного строя), но чтобы иного строя, помимо существующего, не желала ни одна из составных частей государства вообще. Теперь мы сказали о том, как должны быть устроены политика и отдельные виды так называемой аристократии.

VIII

1. Нам осталось сказать еще о тирании [...], так как и тиранию мы считаем до известной степени одним из государственных устройств. [...]

2. [...] мы установили различие двух видов тирании, так как свойства их обеих до известной степени совпадают со свойствами царской власти: и та и другая покоятся на законном основании (у некоторых варварских племен избирают самодержцев – монархов, а в старину и у древних эллинов избирались такого же рода монархи, которые назывались эсимнетами). Упомянутые два вида тирании имеют некоторые отличия: с одной стороны, оба они были видами монархического строя, как основанные на законе и на добровольном признании их со стороны подданных; с другой стороны, это были виды тирании, так как власть в них осуществлялась деспотически, по произволу властителя.

3. Третий вид тирании – тирания по преимуществу – соответствует неограниченной монархии. Такого рода монархия, естественно, оказывается тиранией, так как в ней проявляется безответственная власть над всеми равными и лучшими и к выгоде ее самой, а не подданных. Поэтому такая тирания возникает вопреки желанию подданных: никто из свободных людей добровольно не выносит такого рода власти. [...]

IX

1. Какой же вид государственного устройства наилучший? [...]

2. Различные виды так называемой аристократии [...] отчасти малоприменимы в большинстве государств, отчасти приближаются к так называемой политике (почему и следует говорить об этих видах как об одном).

[...] та жизнь блаженная, при которой нет препятствий к осуществлению добродетели, и что добродетель есть середина, то нужно признать, что наилучшей жизнью будет именно средняя жизнь, такая, при которой середина может быть достигнута каждым.

3. Необходимо установить то же самое мерило как для добродетели, так и для порочности государства и его устройства: ведь устройство государства – это его жизнь.

В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. [...]

6. Получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие – презрения. А такого рода чувства очень далеки от чувства дружбы в политическом общении, которое должно заключать в себе дружественное начало. Упомянутые же нами люди не желают даже идти по одной дороге со своими противниками. Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним. Таким образом, если исходить из естественного, по нашему утверждению, состава государства, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Эти граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и невредимыми. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому как бедняки стремятся к имуществу богатых. И так как никто на них и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности. Поэтому прекрасное пожелание высказал Фокилид: «У средних множество благ, в государстве желаю быть средним».

8. Итак, ясно, что наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не

имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распушенной демократии, так и из олигархии, значительно реже – из средних видов государственного строя и тех, что сродни им. [...]

9. Итак, очевидно, средний вид государственного строя наилучший, ибо только он не ведет к внутренним распрям; там, где средние граждане многочисленны, всего реже бывают среди граждан группировки и раздоры. И крупные государства по той же самой причине – именно потому, что в них многочисленны средние граждане, – менее подвержены распрям; в небольших же государствах население легче разделяется на две стороны, между которыми не остается места для средних, и почти все становятся там либо бедняками, либо богачами. Демократии в свою очередь пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан (их больше, и они более причастны к почетным правам в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели.

10. [...] наилучшие законодатели вышли из граждан среднего круга [...] Теперь ясно и то, почему в большинстве случаев государственный строй бывает либо демократическим, либо олигархическим. Вследствие того что средние занимают в государствах зачастую незначительное место, те из двух, которые их превосходят, – либо крупные собственники, либо простой народ, – отделившись от среднего состояния, перетягивают государственный порядок на свою сторону, так что получается либо демократия, либо олигархия.

11. Так как, сверх того, между простым народом и состоятельными возникают распри и борьба, то кому из них удастся одолеть противника, те и определяют государственное устройство, причем не общее и основанное на равенстве, а на чьей стороне оказалась победа, те и получают перевес в государственном строе в качестве награды за победу, и одни устанавливают демократию, другие – олигархию. [...]

13. [...] Лучшим видом государственного устройства всегда будет то, которое будет приближаться к совершеннейшему, а худшим – то, которое будет более удаляться от среднего. [...]

Аристотель Политика / Аристотель; [перевод с др.-греч. С. М. Роговина]. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 592 с.: ил. – (Книги мудрости). – С. 23-24, 28-30, 37, 44-45, 77-78, 160-161, 163, 171-181, 183-195, 208, 217, 222-228, 232-233, 251-265, 267-296.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как Аристотель определял государство ?

2. Каково происхождение государства?
3. Как Вы понимаете фразу Аристотеля «человек – существо политическое»?
4. Что такое государственное устройство?
5. Дайте характеристику правильным и неправильным формам государственного устройства по Аристотелю.
6. Какая форма государственного устройства, по мнению Аристотеля, является наилучшей?

Реймон Арон
Демократия и тоталитаризм
I. О политике

В термин «политика» вкладывают много понятий. Говорят о политике внутренней и внешней, о политике Ришелье и о политике в области виноделия ли свекловодства, подчас безнадежно пытаюсь найти хоть что-то общее среди разнообразных значений термина. В своей недавно вышедшей книге Бертран де Жувенель отметил, что из-за огромных различий в толковании этого слова лучше всего сверяться собственному мнению. Возможно, он прав, но, на мой взгляд, в беспорядок можно внести какую-то логику, сосредоточившись на трех основных различиях, при внимательном рассмотрении вполне обоснованных. Огюст Конт любил сравнивать разные значения одного и того же слова и из внешней пестроты выделять его глубинное значение.

Первое различие связано с тем, что словом «политика» переводятся два английских слова, у каждого из которых свой смысл. И в самом деле, англичане говорят *policy* и *politics* – и то и другое на французском «политика».

Policy – концепция, программа действий, а то само действие одного человека, группы людей, правительства. Политика в области алкоголя, например, – это вся программа действий, применительно к данной проблеме, в том числе проблеме излишков или нехватки производимой продукции. Говоря о политике Ришелье, имеют в виду его взгляды на интересы страны, цели, к которым он стремился, а также методы, которыми он пользовался. Таким образом, слово «политика» в его первом значении – это программа, метод действий или сами действия, осуществляемые человеком или группой людей по отношению к какой-то одной проблеме или к совокупности проблем, стоящих перед сообществом.

В другом смысле слово «политика» (английское *politics*) относится к той области общественной жизни, где конкурируют или противостоят различные политические (в значении *policy*) направления. Политика-область – это совокупность, внутри которой борются личности или группы, имеющие собственную *policy*, то есть свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение.

Эти значения термина, невзирая на их различия, взаимосвязаны. Одни политические курсы, определяемые как программы действий, всегда могут войти в столкновение с другими. Программы действий не обязательно согласованы между собой; в этом отношении политика как область общественной жизни чревата как конфликтами, так и компромиссами. Если политические курсы, то есть цели, к которым стремятся личности или группы внутри сообщества, полностью противоречат друг другу, это приводит к бескомпромиссной борьбе, и сообщество прекращает свое существование. Между тем политическое сообщество сочетает планы, частично противоречащие друг другу, а частично – совместимые.

У правителей есть программы действий, которые не могут, однако, претворяться в жизнь без поддержки со стороны управляемых. А подчиняющиеся редко единодушно одобряют тех, кому им надлежит повиноваться. Многие благонамеренные люди воображают, будто политика как программа действий благородна, а политика как столкновение программ отдельных лиц и групп низменна. Представление о возможном существовании бесконфликтной политики как программы действий правителей, мы это увидим в дальнейшем, ошибочно.

Второе различие объясняется тем, что одно и то же слово характеризует одновременно действительность и наше ее осознание. О политике говорят, чтобы обозначить и конфликт между партиями, и осознание этого конфликта. Такое же различие прослеживается и в слове «история», которое означает чередование обществ или эпох – и наше его познание. Политика – одновременно и сфера отношений в обществе, и наше ее познание; можно считать, что в обоих случаях у смыслового различия одни и те же истоки.

Осознание действительности – часть самой действительности. История, в полном значении этого термина, существует постольку, поскольку люди осознают свое прошлое, различия между прошлым и настоящим и признают многообразие исторических эпох. Точно так же политика как область общественной жизни предполагает минимальное осознание этой области. Личности в любом сообществе должны хотя бы примерно представлять, кто отдает приказы, как эти деятели выбирались, как осуществляется власть. Предполагается, что индивиды, составляющие любой политический режим, знакомы с его механизмами. [...] Вместе с тем любое познание политики может наталкиваться на противоречие между политической практикой существующего строя и других возможных режимов. Стоит лишь выйти за рамки защиты и прославления существующего строя, как надо отказаться от какой бы то ни было его качественной оценки [...] или же изыскивать критерии, по которым можно определить лучший режим. [...]

Третье различие, важнейшее, вытекает из того, что одно и то же слово (политика) обозначает, с одной стороны, особый раздел социальной

совокупности, а с другой – саму эту совокупность, рассматриваемую с какой-то, точки зрения.

Социология политики занимается определенными институтами, партиями, парламентами, администрацией в современных обществах. Эти институты, возможно, представляют собой некую систему – но систему частную в отличие от семьи, религии, труда. Этот раздел социальной совокупности обладает одной особенностью: он определяет избрание тех, кто правит всем сообществом, а также способ реализации власти. Иначе говоря, это раздел частный, воздействия которого на целое видны немедленно. Можно справедливо возразить, что экономический сектор тоже оказывает влияние на все прочие аспекты общественной жизни, – но главы компаний управляют не партиями или парламентами, а хозяйственной деятельностью, и у них есть право принимать решения, касающиеся всех сторон общественной жизни.

Связь между каким-то аспектом и социальной совокупностью в целом можно также представить следующим образом.

Любое взаимодействие между людьми предполагает наличие власти; так вот, сущность политики заключается в способе осуществления власти и в выборе правителей. Политика – главная характерная черта сообщества, ибо она определяет условия любого взаимодействия между людьми.

Все три различия поддаются осмыслению, они вполне обоснованны. Политика как программа действий и политика как область общественной жизни взаимосвязаны, поскольку общественная жизнь – это та сфера, где противопоставляются друг другу программы действий; политика-действительность и политика-познание тоже взаимосвязаны, поскольку познание – составная часть действительности; наконец, политика – частная система приводит к политике-аспекту, охватывающей все сообщество, вследствие того, что частная система оказывает определяющее влияние на все сообщество.

Далее. Политика – это, прежде всего, перевод греческого слова «politeia». По сути – то, что греки называли режимом; полиса, то есть способом организации руководства, отличительным признаком организации всего сообщества.

Если политика, по сути, строй сообщества или способ его организации, то нам становятся понятными характерные отличия как в узком, так и в широком смысле. Действительно, в узком смысле слова политика – это особая система, определяющая правителей и способ реализации власти; но одновременно это и способ взаимодействия личностей внутри каждого сообщества.

Второе отличие вытекает из первого. У каждого общества свой режим, и общество не осознает себя, не осознавая при этом разнообразия режимов, а также проблем, которые порождаются таким разнообразием.

Теперь различие между политикой – программой действия и политикой-областью становится понятным. Политика в первом значении

может проявлять себя разными путями: политика тех, кто сосредоточил в своих руках власть и ее осуществляет; политика тех, кто властью не обладает и хочет ею завладеть; политика личностей или групп, преследующих свои собственные цели и склонных применять свои собственные методы; наконец, политика стремящихся к изменению самого строя. Все это – не что иное, как программы действий, узкие или глобальные, в зависимости от того, идет ли речь о внутренних задачах режима или о целях, связанных с самим его существованием.

Я уже отмечал, что политика характеризует не только часть социальной совокупности, но и весь облик сообщества. [...]

[...] Как следует понимать такое верховенство политики? Мне хотелось бы, чтобы в этом вопросе не оставалось никакой двусмысленности.

1. [...] Тот, кто сейчас сравнивает разные типы индустриальных обществ, приходит к выводу: характерные черты каждого из них зависят от политики. Таким образом, я согласен с Алексисом де Токвилем: все современные общества демократичны, то есть движутся к постепенному стиранию различий в условиях жизни или личном статусе людей; но эти общества могут иметь как деспотическую, тираническую форму, так и форму либеральную. Я сказал бы так: современные индустриальные общества, у которых много общих черт (распределение рабочей силы, рост общественных ресурсов и пр.) различаются прежде всего структурами государственной власти, причем следствием этих структур оказываются некоторые черты экономической системы и отношений между группами людей. В наш век все происходит так, будто возможные конкретные варианты индустриального общества определяет именно политика. Само совместное существование людей в обществе меняется в зависимости от различий в политике, рассматриваемой как частная система.

2. Второй смысл, который я вкладываю в главенство политики, – это смысл человеческий, хотя кое-кто и может считать основным фактором общий объем производства или распределения ресурсов. Применительно к человеку политика важнее экономики, так сказать, по определению, потому что политика непосредственно затрагивает самый смысл его существования. Философы всегда полагали, что человеческая жизнь состоит из отношений между отдельными людьми. Жить по-человечески – это жить среди личностей. Отношения людей между собой – основополагающий элемент любого сообщества. Таким образом, форма и структура власти более непосредственно влияет на образ жизни, чем какой бы то ни было иной аспект общества.

Давайте договоримся сразу: политика, в ограничительном смысле, то есть особая область общественной жизни, где избираются и действуют правители, не определяет всех взаимосвязей людей в сообществе. Существует немало отношений между личностями в семье, церкви, трудовой сфере, которые не определяются структурой политической

власти. А ведь если и не соглашаться со взглядом греческих мыслителей, утверждавших, что жизнь людей – это жизнь политическая, то все равно механизмы осуществления власти, способы назначения руководителей больше, чем что-либо другое, влияют на отношения между людьми. И поскольку характер этих отношений и есть самое главное в человеческом существовании, политика больше, чем любая другая сфера общественной жизни, должна привлекать интерес философа или социолога. [...]

[...] Однако остается справедливым утверждение, что часть социальной совокупности, именуемая политикой в узком смысле, и есть та сфера, где избираются отдающие приказы и определяются методы, в соответствии с которыми эти приказы отдаются. Вот почему этот раздел общественной жизни вскрывает человеческий (или бесчеловечный) характер всего сообщества.

Мы вновь, таким образом, сталкиваемся с допущением, лежащим в основе всех политико-философских систем. Когда философы прошлого обращали свой взор к политике, они в самом деле были убеждены, что структура власти адекватна сущности сообщества. Их убежденность основывалась на двух посылах: без организованной власти жизнь общества немислима; в характере власти проявляется степень человечности общественных отношений. Люди человечны лишь постольку, поскольку они подчиняются и повелевают в соответствии с критериями человечности. Развивая теорию «Общественного договора», Руссо открывал одновременно, так сказать, теоретическое происхождение сообщества и законные истоки власти. Связь между легитимностью власти и основами сообщества характерна для большинства политико-философских систем прошлого. Эта мысль могла бы вновь стать актуальной и ныне. [...]

Что такое политика? Борьба за власть и связанные с властью преимущества. Борьба эта идет постоянно. Парето мог бы сказать, как Гоббс и Спиноза, что борьба постоянна, поскольку все хотят быть первыми, а сие невозможно. Он мог бы еще сказать, что люди хотят обеспечить себе связанные с властью доходы. Но невозможно, чтобы все обладали властью и сопутствующими ей доходами. В таком случае реальная политика сводится к борьбе людей за власть и прибыли, а политикование, по выражению одного американского социолога, становится серией вопросов: кто получает что? как? когда? (по-английски – who gets what? how? when?). [...]

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. / Реймон Арон. Пер. с франц. – М.: Текст, 1993. – 303 с. – С. 9-43.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определения понятия «политика»
2. Какие виды политики Вам известны?

Макс Вебер

Политика как призвание и профессия

[...] Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. [...] Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство политическим союзом, т.е. в наши дни – государством. [...]

[...] Итак, политика, судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства, между группами людей, которые оно в себе заключает. [...] Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (т. е. считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, т.е. оснований легитимности (начнем с них). Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – традиционное господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князь-военачальник, или избранный всеобщим голосованием выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, т. е. ориентацией на подчинение при выполнении установленных правил, – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. [...]

[...] Можно заниматься политикой, т.е. стремится влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри их, как в качестве политика «по случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же как и при

хозяйственной деятельности. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на «политическом» собрании, произносим «политическую» речь и т.д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками «по совместительству» являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правление партийно-политических союзов, которые – по общему правилу – занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них первостепенным «делом жизни» ни в материальном, ни в духовном отношении. [...]

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики и «политикой». Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере духовно, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет «для» политики, в каком-то внутреннем смысле творит «свою жизнь из этого» – либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит «делу» («Sache»), и тем самым придает смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны – экономической. «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода; «для» политики – тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог жить «для» политики, при господстве частнособственнического строя должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. [...]

[...] Превращение политики в профессиональную деятельность, которой требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (Fachbeamte), с другой – «политические» чиновники. «Политические» чиновники в собственном смысле слова, как правило, внешне характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены и уволены или же «направлены в распоряжение», как французские префекты или подобные им чиновники в других странах, что составляет самую резкую противоположность независимости чиновников с функциями судей. [...]

[...] Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик – как вождь, так и его свита, – бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть – *ira et stadium* – суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, т.е. руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права. [...]

[...] Так какие же внутренние радости может предложить карьера политика и какие личные предпосылки для этого она предполагает в том, кто ступает на данный путь?

Прежде всего она дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях сознание влияния на людей, участия во власти над ними, но в первую очередь чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности. Однако здесь перед ним встает вопрос: какие его качества дают ему надежду справиться с властью (как бы узко она ни была очерчена в каждом отдельном случае) и, следовательно, с той ответственностью, которую она на него возлагает? Тем самым мы вступаем в сферу этических вопросов, ибо именно к ним относится вопрос, каким надо быть человеку, дабы ему позволительно было приложить руку к движению истории.

Можно сказать, что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть в смысле ориентации на существо дела, страстной самоотдачи делу, тому богу или демону, который этим делом повелевает. [...] Ибо одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением «делу», не сделает ответственность именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого – в том-то и состоит решающее психологическое качество политика – требуется глазомер, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям. И потому политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком «человеческого» врага: обыкновеннейшее тщеславие, смертного врага всякой самоотдачи делу и

всякой дистанции, что в данном случае значит: дистанции по отношению к самому себе. [...]

[...] Но каково же тогда действительное отношение между этикой и политикой?

[...] Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное поведение может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности». Не в том смысле, что этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности – тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи. [...]

[...] Но и на этом еще не покончено с проблемой. Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать, когда и в каком объеме этически положительная цель освящает этически опасные средства и побочные следствия. [...]

[...] Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из него самого. [...]

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер, Макс. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. [М. И. Левина, А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденко] ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — 804, [1] с. : портр. — (Социологическая мысль Запада). — С.644-706.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как М. Вебер понимает политику?
2. Какие виды политики Вам известны?
3. Что такое легитимность?
4. Дайте характеристику типам легитимной власти по М. Веберу
5. Какими качествами, по мнению автора, должен обладать политик?
6. Как соотносятся политика и мораль?

Поль Анри Гольбах
Естественная политика,
или беседы об истинных принципах управления

Беседа седьмая

О политике вообще

§ 1. Определение политики

Политика – это искусство управлять людьми или заставлять их содействовать сохранению и благополучию общества. Можно не сомневаться в том, что искусство делать народы счастливыми является самым благородным, полезным и достойным занятием для человека с добродетельной душой; оно всегда было предметом размышлений философов, разумных граждан и государей, проникнутых сознанием своего долга. Мы можем определить политику как опыт, которым руководствуются при управлении государством и определении его потребностей.

В частной жизни гражданин должен следить за самим собой и упорядочивать собственное поведение, чтобы выполнять свои обязанности и трудиться над обеспечением своего счастья; люди же, поставленные судьбой во главе государства, должны следить как за самими собой, имея в виду, что их личное поведение существенным образом влияет на общество в целом, так и за тем, чтобы сдерживать или направлять различные интересы, противоречивые страсти множества людей, слишком часто лишенных опыта и разума; наконец они должны стремиться объединить интересы народов и государей, управляя ими посредством убеждения, а при недостаточности последнего – посредством силы.

Ничто не представляется более трудным, чем умение заставить членов одного и того же общества действовать сообща. Кажется, ничто не требует такой проницательности, прозорливости и силы воли, как искусство направлять противоречивые страсти множества людей к единой цели и к общему центру, от которого они беспрестанно отклоняются. Способность заставлять все частные устремления человеческих волей содействовать осуществлению общего плана, часто противоречащего склонностям, личным интересам и предрассудкам людей, умение подчинять их общественной воле, определяемой законом, – поистине высшее проявление мудрости, наученной жизненным опытом или просвещенной философией. Лишь самая совершенная мудрость способна обеспечить различным пружинам государственного механизма ту степень напряжения, какую они могут выдержать; лишь самый глубокий разум может изобрести новые пружины, которыми время от времени необходимо заменять старые, когда последние в силу тех или иных обстоятельств перестают действовать эффективно.

Таковы задачи политики. Но это еще не все. Не удовлетворяясь наблюдением за внутренним положением общества, политика вынуждена устремлять свои взоры и за его пределы; она должна зорким оком следить

за действиями соседних народов и направлением их интересов, останавливать их посягательства, предупреждать последствия их страстей, их властолюбия и жадности, не давать им возможности покушаться на преимущества, обеспечиваемые обществу природными условиями или трудолюбием граждан; наконец побуждать другие независимые общества способствовать собственным планам. [...]

Гольбах Поль Анри Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления // Гольбах, Поль Анри Дитрих. Избранные произведения : в 2 т. / Поль Анри Гольбах ; [под общ. ред. Х. Н. Момджяна ; пер. с фр. Т. С. Батищевой и В. О. Полонского] ; АН СССР, Ин-т философии. — Москва : Соцэкгиз, [1963]. — (Философское наследие). — С. 380-381.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что представляет собой политика по мнению П. Гольбаха?
2. Назовите задачи политики.

Борис Иванович Краснов

Политология как наука и учебная дисциплина

Политология – важная отрасль науки. Она изучает политическую жизнь общества, его политическую систему, проблемы внутренней политики и международных отношений, а также способы принятия политических решений.

1. Научный статус и предмет политологии

Возникновение политологии обусловлено, с одной стороны, общественной потребностью в научном познании политики, ее рациональной организации, эффективном управлении государством; с другой – развитием самого политического знания в процессе разрушения исходного синтеза философского, научного и эмпирического знания о политике, дифференциации единой политической мысли на ряд специализированных дисциплин и исследовательских направлений. [...]

[...] Таким образом, политология, как и любая наука, с одной стороны, обобщает накапливающиеся факты, а с другой – делает выводы и прогнозирует по принципу аналогии. При изучении политических процессов редко кому удастся избежать пристрастия, ибо любой исследователь живет в определенной политической среде, имеет свою точку зрения на происходящие события, что может помешать сделать взвешенный политический анализ и прогноз. Поэтому при политических исследованиях следует ожидать некоторой субъективности ученого. Вместе с тем существует граница между личным интересом и непредвзятостью, переход которой лишает изучение политики и власти смысла. В свое время А. И. Герцен подчеркивал, что если наука имеет своей целью не отыскание истины, а нечто другое, то это уже не наука.

Научному знанию присущи аргументированность, системность и доказательность. Этими атрибутами обладает политология, являясь научной дисциплиной.

«Политология» – термин, образовавшийся из греческих слов «politike» и «logos», что буквально означает «политическая наука». В определении политологии есть несколько точек зрения. Первая исходит из понимания политологии как метатеории политики, включающей все дисциплины, исследующие политику и охватывающие все политические связи и взаимодействия, существующие в обществе, включая и изучение механизмов власти.

В этом плане в понятие «политология» вкладывается «собирательный» смысл по объекту исследования. Политика помимо рамок собственно политологического знания изучается в границах, по крайней мере, пяти основных типов или циклов обществоведческого знания: философского, социологического, право- и государствоведческого, исторического и психологического. Философия изучает политику как феномен мирового развития и компонент человеческой цивилизации; социологию интересует воздействие социальной среды на политическую сферу; юриспруденция исследует «стыковую» область правовых и государственных норм и институтов; историю занимают вопросы последовательно-хронологического сбора и описания эмпирических фактов о развитии политических институтов и идей; психология обращается к психологическим механизмам и стереотипам политического поведения людей.

Существует и целый комплекс наук, изучающих политику, которые возникли как бы на стыке собственно политологического и иного обществоведческого знания: политическая философия, политическая социология, политическая история, теория государства и права, политическая психология т.д. Вместе с такими дисциплинами, как политическая этнография, политическая демография, политическая статистика, эко- и биополитология, этот комплекс отраслей знания образует политическую науку, или политологию в широком смысле.

Достаточная автономность разделов и дисциплин, которыми наполняется содержание понятия «политология» в его широком толковании, позволяет в предметных границах объекта исследования – политики, власти и властных отношений создавать академические курсы по «политической науке». В Германии, например, не существует единой политической науки, а имеются различные области исследования и методы. Здесь политология отказалась от своей прежней программы, которая претендовала на всеохватывающее рассмотрение результатов, достигнутых исторической, социологической, экономической, политической и культурологической науками, на превращение политологии в «интеграционную» науку. По мнению немецкого исследователя П. Ноака, политология складывается из четырех элементов:

политической философии, или политической теории; учения о политических институтах; политической социологии; международной политики. Причем политическая философия служит основой для остальных дисциплин.

Согласно другой точке зрения, политология отождествляется с политической социологией, так как они имеют один и тот же объект исследования – общество, социально-политические явления и используют одинаковый подход. Это отмечают Р. Арон, М. Дюверже, С. Липсет и др. Действительно, их сходство видно уже из того, что и политические социологи и политологи рассматривают некоторых мыслителей древности (прежде всего Аристотеля и Платона) как своих предтеч, а таких теоретиков, как М. Вебер, В. Парето, Г. Моска, М. Острогорский, Р. Михельс, А. Бентли, Д. Трумен, Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл, и других как основателей этих наук.

В настоящее время зарубежные политическая социология и политическая наука (политология) в теоретико-методологическом и категориально-понятийном плане малоразличимы. Это подтверждается принадлежностью к обеим этим наукам таких видных исследователей политики, как С. Айзенштадт, Э. Аллард, М. Доган, М. Дюверже, А. Инкелес, С. Липсет, Р. Мертон, С. Роккан, Р. Роуз и др. Политическая социология как бы завершает формирование целостного представления о политике как отношениях социальных субъектов, их деятельности и поведении. Она дает конструктивный «снятый» материал для общей теории политики, имея свой предмет исследования, свои специфические методы и методики, но в теоретико-методологическом и понятийном аспектах не может разойтись с политологией. Политическая социология – дисциплина, промежуточная между социологией и политологией. Соединение социологии и политологии – это объединение различных концепций: социологической, ориентированной на общество, и политологической, ориентированной на государство.

Третья точка зрения рассматривает политологию как общую теорию политики, которая не занимается отдельными аспектами политики и не изучает политику в ряду неполитических объектов. Политология исследует политику как целостный объект и имеет основным предметом специфические закономерности, присущие только политике.

Все три точки зрения на определение политологии имеют право на существование. Однако последняя точка зрения предпочтительна.

Политология рассматривает политику через анализ политической структуры и неформальных политических институтов, общественного мнения и политического поведения, всего комплекса социально-политических процессов, политических норм и отношений, а также через исследования личности и малых групп (включенных в политику) во всем многообразии их политико-психологических и политико-культурных характеристик. Она изучает политические конфликты и политические

модернизации, процедуры принятия политических решений; общественные организации и движения, вовлеченные в политику; разнообразные способы включения граждан в политику и поведение политических лидеров; политическую культуру, идеологию; традиции; политические системы и политические режимы; взаимоотношения народов, состояние международной среды, региональных и глобальных проблем, внешней политики государств и их взаимодействий в рамках международного права.

Политическая наука исследует политику, политическую жизнь, политическую сферу общества и мирового сообщества на общетеоретическом уровне (теория политики), в рамках теорий среднего уровня (теория политического развития демократии, политических партий и т.д.) и на эмпирическом уровне (прикладная политология).

Краснов Б. И. Политология как наука и учебная дисциплина / Б. И. Краснов // Социально-политический журнал. – 1995. – № 1. – С. 52-71.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что изучает политология?
2. Раскройте связь политологии с другими науками, которые изучают политику
3. Определите структуру политологии
4. Назовите предпосылки возникновения политологии как самостоятельной науки и учебной дисциплины
5. Что изучает политическая социология?

Карл Манхейм
Идеология и утопия
Глава III

*Может ли политика быть наукой?
(проблема теории и практики)*

[...] Поэтому наша первоочередная задача состоит в том, чтобы ясно представить себе постановку проблемы. Что имеют в виду, спрашивая «Возможна ли политика как наука?».

В политике есть области, непосредственно доступные пониманию и изучению. Образованный профессиональный политик должен знать историю страны, где протекает его деятельность, а также историю тех стран, с которыми связана его страна и которые в своих взаимоотношениях образуют определенную политическую среду. Так, для политической деятельности прежде всего необходимо знание историографии и дополняющих ее статистических данных. Далее политик должен быть осведомлен о государственном устройстве тех стран, которые связаны с его сферой деятельности. Однако подлинный политик должен обладать не только юридическим образованием, он должен разбираться и в социальных

отношениях, на основе которых и для которых государственные учреждения существуют. Он должен быть в курсе политических идей, в традиции которых он живет. Идеальный мир его противников также не должен быть чужд ему. К этому присоединяется еще ряд более трудно постигаемых вещей, знание о которых все более расширяется в наши дни: техника манипулирования массами, необходимая в современном демократическом государстве, история, статистика, учение о государстве, социология, история идей, коллективная психология представляют собой необходимые для политика области знания, количество которых может быть в каждом случае увеличено.

Если бы перед нами стояла задача составить перечень знаний, необходимых для профессионального политика, то в него следовало бы включить упомянутые выше предметы. Однако все они дают лишь чисто фактические сведения, которые политик может использовать, в своей совокупности они также не создают политику как науку и в лучшем случае могут выполнять функции вспомогательных наук. Если бы мы под политикой понимали лишь совокупность всех фактических знаний, необходимых для политической деятельности, то вообще не возникал бы вопрос, является ли политика наукой и можно ли ей обучить. Тогда педагогическая, дидактическая проблема заключалась бы в том, как произвести наиболее благоприятный, с точки зрения практических политиков, выбор из бесконечного количества имеющихся в наличии фактов.

Однако уже эта несколько утрированная характеристика существующего положения должна убедить нас в том, что постановка вопроса, при каких условиях возможна политика как наука и как ей обучить, не может иметь в виду совокупность фактических знаний.

Но в чем же состоит тогда проблема?

Вышеупомянутые науки родственны по своей структуре постольку, поскольку объектом их исследования являются общество и государство как исторически сложившиеся феномены. Политическая же деятельность, напротив, занимается государством и обществом постольку, поскольку они еще находятся в процессе становления. Политическая наука изучает творческие силы данного момента, чтобы из этого потока движущихся сил создать нечто устойчивое. Вопрос сводится, таким образом, к следующему: возможно ли знание текущего, становящегося, знание творческого акта?

Тем самым достигнута первая стадия в обрисовке поставленной проблемы. Что означает это противоречие ставшего и становящегося в области общественных явлений?

Австрийский социолог и политик Шеффле указал, что общественная и государственная жизнь может быть в каждый данный момент разделена на две части: первая состоит из ряда явлений, которые уже сформировались определенным образом, как бы застыли, и регулярно

повторяются; вторая – из явлений, находящихся в процессе становления; здесь принятое в каждом отдельном случае решение может привести к новообразованиям. Первый аспект Шеффле называет «повседневной государственной жизнью», а второй – «политикой». [...]

[...] Итак, теперь вопрос должен быть поставлен следующим образом: возможно ли знание этой сферы и связанной с ней деятельности.

[...] Только теперь, когда мы установили, где, собственно говоря, начинается область политики и где вообще возможна деятельность в соответствии с ее подлинной природой, мы можем приступить к определению специфических трудностей, характеризующих отношения между теорией и практикой.

Серьезные трудности, с которыми сталкивается здесь знание, состоит в том, что его объектами являются не застывшие в определенном образе данности, а текучие, находящиеся в процессе становления тенденции, постоянно преобразующиеся стремления и энтелехии. Трудность состоит также в том, что здесь все время меняется конstellация взаимодействующих сил. Там, где постоянно действуют одни и те же силы и где соотношение их носит регулярный характер, можно фиксировать общие закономерности. Там же, где возможно постоянное появление новых тенденций, комбинации которых никогда нельзя заранее предвидеть, там исследование, опирающееся на общие закономерности, сильно затруднено. И наконец, трудность заключается в том, что мыслящий теоретик находится не вне изучаемой им сферы, но сам участвует в столкновении борющихся сил. Это соучастие неминуемо вызывает односторонность его оценок и волевых импульсов.

Еще большее значение – и самое важное – имеет тот факт, что в области политики теоретик связан с определенным политическим течением, с одной из борющихся сил не только в своих оценках и волевых импульсах; характер постановки вопросов, весь тип его мышления вплоть до используемого им понятийного аппарата – все это с такой очевидностью свидетельствует о влиянии определенной политической и социальной основы, что в области политического и исторического мышления следует, по моему мнению, говорить о различии стилей мышления, различии, которое простирается даже на логику.

В этом обстоятельстве и состоит, без сомнения, наибольшее препятствие для того, чтобы политика могла быть наукой в общепринятом смысле. Ведь согласно нашим ожиданиям знание о деятельности возможно лишь в том случае, если мышление независимо по отношению к игре сил, хотя бы в своей основной структуре. Пусть даже мыслящий субъект участвует в борьбе, но основа его мышления, его позиция в наблюдении и установлении различий должна быть свободна от воздействия этой борьбы. Однако, поскольку любая проблема может быть решена только в том случае, если связанные с ней трудности не маскируются, а доводятся до своего логического конца, нашей ближайшей задачей должно быть

рассмотрение упомянутого тезиса, согласно которому в области политики как сама постановка проблемы, так и способ мышления могут быть совершенно различны. [...]

[...] Подводя итог, можно сказать, что на поставленный нами выше вопрос – возможна ли политика как наука, можно ли ей обучить – следует дать утвердительный ответ. Правда, при этом надо иметь в виду, что мы в данном случае имеем совершенно особый и непривычный нам тип знания. [...]

[...] Но там, где начинается область политики, где все находится в процессе становления, где познающий коллективный субъект сам формирует в нас это становление, где мышление является не наблюдением, а активным соучастием, преобразованием, там вступает в силу совсем иной тип познания, – тот, в котором решение и видение неразрывно связаны друг с другом. Здесь нет чисто теоретического отношения субъекта к объекту познания. [...]

[...] Политика как наука в виде политической социологии не может быть замкнутой, отграниченной, четко очерченной областью знания; она сама находится в процессе становления, является частью потока событий, создается в динамическом раскрытии противодействующих сил. [...]

Карл Манхейм Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с. – С. 96-146.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Возможна ли политика как наука?
2. Какими знаниями должен обладать политик?

Тема 5. Современная мировая философская мысль

Альбер Камю Миф о Сизифе

На нижеследующих страницах речь пойдет о чувстве абсурда, обнаруживаемом в наш век повсюду, – о чувстве, а не о философии абсурда, собственно говоря, нашему времени неизвестной. [...]

Самоубийство всегда рассматривалось исключительно в качестве социального феномена. Мы же, напротив, с самого начала ставим вопрос о связи самоубийства с мышлением индивида. [...]

Причин для самоубийства много, и самые очевидные из них, как правило, не самые действенные. Самоубийство редко бывает результатом рефлексии (такая гипотеза, впрочем, не исключается). Развязка наступает почти всегда безотчетно. [...]

[...] Покончить с собой – значит признаться, что жизнь кончена, что она сделалась непонятной. Не будем, однако, проводить далеких аналогий, вернемся к обыденному языку. Признается попросту, что «жить не стоит».

Естественно, жить всегда нелегко. Мы продолжаем совершать требуемые от нас действия по самым разным причинам, прежде всего в силу привычки. Добровольная смерть предполагает, пусть инстинктивное, признание ничтожности этой привычки, осознание отсутствия какой бы то ни было причины для продолжения жизни, понимание бессмысленности повседневной суеты, бесполезности страдания.

[...] Мир, который поддается объяснению, пусть самому дурному, – этот мир нам знаком. Но если Вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним. Человек изгнан навек, ибо лишен и памяти об утраченном отечестве, и надежды на землю обетованную. Собственно говоря, чувство абсурдности и есть этот разлад между человеком и его жизнью, актером и декорациями. Все когда-либо помышлявшие о самоубийстве люди сразу признают наличие прямой связи между этим чувством и тягой к небытию.

Предметом моего эссе является как раз эта связь между абсурдом и самоубийством, выяснение того, в какой мере самоубийство есть исход абсурда. В принципе для человека, который не жульничает с самим собой, действия регулируются тем, что он считает истинным. В таком случае вера в абсурдность существования должна быть руководством к действию. Правомерен вопрос, поставленный ясно и без ложного пафоса: не следует ли за подобным заключением быстрее выход из этого смутного состояния? Разумеется, речь идет о людях, способных жить в согласии с собой.[...]

В привязанности человека к миру есть нечто более сильное, чем все беды мира. Тело принимает участие в решении ничуть не меньше ума, и оно отступает перед небытием. Мы привыкаем жить задолго до того, как привыкаем мыслить. Тело сохраняет это опережение в беге дней, понемногу приближающем наш смертный час. Наконец, суть противоречия заключается в том, что я назвал бы «уклонением» [...]. Уклонение от смерти – третья тема моего эссе – это надежда. Надежда на жизнь иную, которую требуется «заслужить», либо уловки тех, кто живет не для самой жизни, а ради какой-нибудь великой идеи, превосходящей и возвышающей жизнь, наделяющей ее смыслом и предающей ее.

[...] Самоубийство совершают потому, что жить не стоит, – конечно, это истина, но истина бесплодная, трюизм. Разве это проклятие существования, это изобличение жизни во лжи суть следствия того, что у жизни нет смысла? Разве абсурдность жизни требует того, чтобы от нее бежали – к надежде или к самоубийству? Вот что нам необходимо выяснить, проследить, понять, отбросив все остальное. Ведет ли абсурд к смерти? [...] Размышление по поводу самоубийства позволяет мне поставить единственную проблему, которая меня интересует: существует ли логика, приемлемая вплоть до самой смерти? [...]

Подобно великим произведениям искусства, глубокие чувства значат всегда больше того, что вкладывает в них сознание. В привычных

действиях и мыслях обнаруживаются неизменные симпатии или антипатии души, они прослеживаются в выводах, о которых сама душа ничего не знает. Большие чувства таят в себе целую вселенную, которая может быть величественной или жалкой; они высвечивают некий мир, наделенный своей собственной аффективной атмосферой. Есть целые вселенные ревности, честолюбия, эгоизма или щедрости. Вселенная предполагает наличие метафизической системы или установки сознания. То, что верно в отношении отдельных чувств, тем более верно для лежащих в их основании эмоций. Они неопределенны и смутны, но в то же время «достоверны»; столь же отдаленны, сколь и «наличны» – подобно эмоциям, дающим нам переживание прекрасного или пробуждающим чувство абсурда.

Чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу. Это чувство неуловимо в своей скорбной наготе, в тусклом свете своей атмосферы. Заслуживает внимания сама эта неуловимость. Судя по всему, другой человек всегда остается для нас непознанным, в нем всегда есть нечто не сводимое к нашему познанию, ускользающее от него. [...] Все недоступные анализу иррациональные чувства также могут практически определяться, практически оцениваться, объединяться по своим последствиям в порядке умопостижения.[...]

[...] Скука является результатом машинальной жизни, но она же приводит в движение сознание. Скука пробуждает его и провоцирует дальнейшее: либо бессознательное возвращение в привычную колею, либо окончательное пробуждение. А за пробуждением рано или поздно идут следствия: либо самоубийство, либо восстановление хода жизни. Скука сама по себе омерзительна, но здесь я должен признать, что она приносит благо. Ибо все начинается с сознания, и ничто помимо него не имеет значения. Наблюдение не слишком оригинальное, но речь как раз и идет о самоочевидном. Этого пока что достаточно для беглого обзора истоков абсурда. В самом начале лежит просто «забота».

Изо дня в день нас несет время безотрадной жизни, но наступает момент, когда приходится взваливать ее груз на собственные плечи. Мы живем будущим: «завтра», «позже», «когда у тебя будет положение», «с возрастом ты поймешь». Восхитительна эта непоследовательность – ведь в конце концов наступает смерть. Приходит день, и человек замечает, что ему тридцать лет. Тем самым он заявляет о своей молодости. Но одновременно он соотносит себя со временем, занимает в нем место, признает, что находится в определенной точке графика. Он принадлежит времени и с ужасом осознает, что время – его злейший враг. Он мечтал о завтрашнем дне, а теперь знает, что от него следовало бы отречься. Этот бунт плоти и есть абсурд.

Стоит спуститься на одну ступень ниже – и мы попадаем в чуждый нам мир. Мы замечаем его «плотность», видим, насколько чуждым в своей независимости от нас является камень, с какой интенсивностью нас

отрицает природа, самый обыкновенный пейзаж. Основанием любой красоты является нечто нечеловеческое. Стоит понять это, и окрестные холмы, мирное небо, кроны деревьев тут же теряют иллюзорный смысл, который мы им придавали. Отныне они будут удаляться, превращаясь в некое подобие потерянного рая. Сквозь тысячелетия восходит к нам первобытная враждебность мира. Он становится непостижимым, поскольку на протяжении веков мы понимали в нем лишь те фигуры и образы, которые сами же в него и вкладывали, а теперь у нас больше нет сил на эти ухищрения. Становясь самим собой, мир ускользает от нас. Расцветенные привычкой, декорации становятся тем, чем они были всегда. Они удаляются от нас. Подобно тому, как за обычным женским лицом мы неожиданно открываем незнакомку, которую любили месяцы и годы, возможно, настанет пора, когда мы станем стремиться к тому, что неожиданно делает нас столь одинокими. Но время еще не пришло, и пока что у нас есть только эта плотность и эта чуждость мира – этот абсурд.

Люди также являются источником нечеловеческого. В немногие часы ясности ума механические действия людей, их лишенная смысла пантомима явственны во всей своей глупости. Человек говорит по телефону за стеклянной перегородкой; его не слышно, но видна бессмысленная мимика. Возникает вопрос: зачем же он живет? Отвращение, вызванное бесчеловечностью самого человека, пропасть, в которую мы низвергаемся, взглянув на самих себя, эта «тошнота», как говорит один современный автор, – это тоже абсурд. Точно так же нас тревожит знакомый незнакомец, отразившийся на мгновение в зеркале или обнаруженный на нашей собственной фотографии, – это тоже абсурд...

Наконец, я подхожу к смерти и тем чувствам, которые возникают у нас по ее поводу. О смерти все уже сказано, и приличия требуют сохранять здесь патетический тон. Но что удивительно: все живут так, словно «ничего не знают». Дело в том, что у нас нет опыта смерти. Испытанным, в полном смысле слова, является лишь то, что пережито, осознано. У нас есть опыт смерти других, но это всего лишь суррогат, он поверхностен и не слишком нас убеждает. Меланхолические условности неубедительны. Ужасает математика происходящего. Время страшит нас своей доказательностью, неумолимостью своих расчетов. На все прекрасные рассуждения о душе мы получали от него убедительные доказательства противоположного. В неподвижном теле, которое не отзывается даже на пощечину, души нет. Элементарность и определенность происходящего составляют содержание абсурдного чувства. В мертвенном свете рока становится очевидной бесполезность любых усилий. Перед лицом кровавой математики, задающей условия нашего существования, никакая мораль, никакие старания не оправданы a priori. [...]

Первое дело разума – отличать истинное от ложного. Однако стоит мышлению заняться рефлексией, как сразу же обнаруживается противоречие. Здесь не помогут никакие убеждения. [...]

[...] понять – значит прежде всего унифицировать. Даже в своих наиболее развитых формах разум соединяется с бессознательным чувством, желанием ясности. Чтобы понять мир, человек должен свести его к человеческому, наложить на него свою печать. [...] В стремлении понять реальность разум удовлетворен лишь в том случае, когда ему удастся свести ее к мышлению. Если бы человек мог признать, что и вселенная способна любить его и страдать, он бы смирился. Если бы мышление открыло в изменчивых контурах феноменов вечные отношения, к которым сводились бы сами феномены, а сами отношения резюмировались каким-то единственным принципом, то разум был бы счастлив. [...] Стоит нам перебраться через пропасть, отделяющую желание от цели, и утверждать вместе с Парменидом реальность Единого (каким бы оно ни было), как мы впадаем в нелепые противоречия. Разум утверждает всеединство, но этим утверждением доказывает существование различия и многообразия, которые пытался преодолеть. Так возникает второй порочный круг. Его вполне достаточно для того, чтобы погасить наши надежды.

[...] Мне известна и другая очевидность: человек смертен. Но можно пересчитать по пальцам тех мыслителей, которые сделали из этого все выводы. Точкой отсчета данного эссе можно считать этот разрыв между нашим воображаемым знанием и знанием реальным, между практическим согласием и симулируемым незнанием, из-за которого мы спокойно уживаемся с идеями, которые перевернули бы всю нашу жизнь, если бы мы их пережили во всей их истинности. В безысходной противоречивости разума мы улавливаем раскол, отделяющий нас от собственных наших творений. Пока разум молчит, погружившись в недвижный мир надежд, все отражается и упорядочивается в единстве его ностальгии. Но при первом же движении этот мир дает трещину и распадается: познание остается перед бесконечным множеством блестящих осколков. Можно прийти в отчаяние, пытаясь собрать их заново, восстанавливая первоначальное единство, приносящее покой нашим сердцам. Столько веков исследований, столько самоотречения мыслителей, а в итоге все наше познание оказывается тщетным. Кроме профессиональных рационалистов, все знают сегодня о том, что истинное познание безнадежно утрачено. Единственной осмысленной историей человеческого мышления является история следовавших друг за другом покаяний и признаний в собственном бессилии.

Действительно, о чем, по какому поводу я мог бы сказать: «Я это знаю!» О моем сердце – ведь я ощущаю его биение и утверждаю, что оно существует. Об этом мире – ведь я могу к нему прикоснуться и опять-таки полагать его существующим. На этом заканчивается вся моя наука, все остальное – мыслительные конструкции. Стоит мне попытаться уловить это «Я», существование которого для меня несомненно, определить его и резюмировать, как оно ускользает, подобно воде между пальцами. Я могу

обрисовать один за другим образы, в которых оно выступает, прибавить те, что даны извне: образование, происхождение, пылкость или молчаливость, величие или низость и т. д. Но образы эти не складываются в единое целое. Вне всех определений всегда остается само сердце. Ничем не заполнить рва между достоверностью моего существования и содержанием, которое я пытаюсь ей придать. Я навсегда отчужден от самого себя. В психологии, как и в логике, имеются многочисленные истины, но нет Истины. «Познай самого себя» Сократа ничем не лучше «будь добродетелен» наших проповедников: в обоих случаях обнаруживаются лишь наши тоска и неведение. Это – бесплодные игры с великими предметами, оправданными ровно настолько, насколько приблизительны наши о них представления.

[...] наука, которая должна была наделить меня всезнанием, оборачивается гипотезой, ясность затемняется метафорами, недостоверность разрешается произведением искусства. К чему тогда мои старания? Мягкие линии холмов, вечерний покой научат меня куда большему. Итак, я возвращаюсь к самому началу, понимая, что с помощью науки можно улавливать и перечислять феномены, несколько не приближаясь тем самым к пониманию мира. Мое знание мира не умножится, даже если мне удастся прощупать все его потаенные извилины. А вы предлагаете выбор между описанием, которое достоверно, но ничему не учит, и гипотезой, которая претендует на всезнание, однако недостоверна. Отчужденный от самого себя и от мира, вооруженный на любой случай мышлением, которое отрицает себя в самый миг собственного утверждения, – что же это за удел, если я могу примириться с ним, лишь отказавшись от знания и жизни, если мое желание всегда наталкивается на непреодолимую стену? Желать – значит вызывать к жизни парадоксы. Все устроено так, чтобы рождалось это отравленное умиротворение, дающее нам беспечность, сон сердца или отречение смерти. [...]

Абсурдность становится болезненной страстью с того момента, как осознается. Но можно ли жить такими страстями, можно ли принять основополагающий закон, гласящий, что сердце сгорает в тот самый миг, как эти страсти пробуждаются в нем? Мы не ставим пока этого вопроса, хотя он занимает в нашем эссе центральное место. Мы еще вернемся к нему.

Познакомимся сначала с темами и порывами, родившимися в пустыне. Достаточно их перечислить, сегодня они хорошо известны. Всегда имелись защитники прав иррационального. Традиция так называемого «униженного мышления» никогда не прерывалась. Критика рационализма проводилась столько раз, что к ней, кажется, уже нечего добавить. Однако наша эпоха свидетельствует о возрождении парадоксальных систем, вся изобретательность которых направлена на то, чтобы расставить разуму ловушки. Тем самым как бы признается первенство разума. Но это не столько доказательство эффективности

разума, сколько свидетельство жизненности его надежд. В историческом плане постоянство этих двух установок показывает, что человек разрывается двумя стремлениями: с одной стороны, он стремится к единству, а с другой – ясно видит те стены, за которые не способен выйти. [...]

Чувство абсурда не равнозначно понятию абсурда. Чувство лежит в основании, это точка опоры. Оно не сводится к понятию, исключая то краткое мгновение, когда чувство выносит приговор вселенной. Затем чувство либо умирает, либо сохраняется. [...]

Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов: [Сборник: Переводы] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. ; [Сост., общ. ред. и предисл. А.А. Яковлева]. – М. : Политиздат, 1990. – 396 с. – с. 222-318.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что А. Камю понимает под абсурдом ?
2. Что для А. Камю смысл жизни?

Жан-Франсуа Лиотар
Состояние постмодерна
Введение

Предметом этого исследования является состояние знания в современных наиболее развитых обществах. Мы решили назвать его «постмодерн». Это слово появилось на свет на американском континенте из-под пера социологов и критиков. Оно обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века. [...]

[...] поскольку наука не ограничивается лишь формулировкой инструментальных закономерностей, а ищет истину, она должна легитимировать свои правила игры. А в силу того, что она держит легитимирующий дискурс в отношении собственного статуса, то называет его философией. [...]

Решающие инстанции могут, тем не менее, попытаться управлять этими облаками социальности по матрицам «input/output» в соответствии с логикой, содержащей взаимосоразмерность элементов и определенность целого. Благодаря ей наша жизнь оказывается обреченной на рост продуктивности. Оптимизация рабочих характеристик системы, ее эффективность становятся критериями ее легитимности, где социальная справедливость понимается как научная истина. [...]

Вопрос о легитимации социальной связи, о справедливом обществе, о том достижимо ли оно по парадоксу, аналогичному парадоксу научной деятельности, остается открытым. В чем он может состоять? [...]

Глава 1 Поле: знание в информационных обществах

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения

общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, изменяется статус знания. Этот переход начался по меньшей мере с конца пятидесятих годов, обозначивших Европе конец ее восстановления. Он был более или менее быстрым в зависимости от положения страны, а внутри нее – от сектора активности; отсюда его общая рассогласованность, затрудняющая изображение целого. Часть описаний не может не носить гипотетического характера. [...]

[...] Научное знание – это вид дискурса. Поэтому можно сказать, что на протяжении сорока лет так называемые передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории, проблемы коммуникации и кибернетика, современные алгебры и информатика, вычислительные машины и их языки, проблемы языковых переводов и исследование совместимости машинных языков, проблемы сохранения в памяти и банки данных, телематика и разработка «мыслящих» терминалов, парадоксологи – вот явные свидетельства и список этот неисчерпан.

Влияние этих технологических изменений на знание должно быть, судя по всему, значительным. Им отводятся или будут отводиться две фундаментальные функции: исследование и передача сведений. В отношении первой пример, доступный пониманию профанов, дает генетика, которая обязана своей теоретической парадигмой кибернетике. [...] В отношении второй известно, как, нормализуя, миниатюризируя и коммерциализируя аппаратуру, уже сегодня модифицируют операции по получению знаний, их классификации, приведения в доступную форму и эксплуатации. Было бы естественным полагать, что увеличение числа информационных машин занимает и будет занимать в распространении знаний такое же место, какое заняло развитие средств передвижения сначала человека (транспорт), а затем звука и изображения (медиа).

При таком всеобщем изменении природа знания не может оставаться неизменной. Знание может проходить по другим каналам и становиться операциональным только при условии его перевода в некие количества информации. Следовательно, мы можем предвидеть, что все непереводимое в установленном знании, будет отброшено, а направления новых исследований будут подчиняться условию переводимости возможных результатов на язык машин. «Производители» знания, как и его пользователи должны и будут должны иметь средства перевода на эти языки того, что одни стремятся изобрести, а другие – усвоить. Исследования, посвященные таким интерпретативным машинам, уже значительно продвинулись. Вместе с гегемонией информатики предлагается и определенная логика, а следовательно, совокупность предписаний, предъявляемых к сообщениям, принимаемых как относящиеся к «знанию».

Можно отныне ожидать сильной экстернизации знания относительно «знающего», на какой бы ступени познания он ни находился. Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от

формирования (Bildung) разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления. Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится и будет стремиться перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, т.е. стоимостную форму (fomie valeur). Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою «потребительскую стоимость».

Известно, что в последние десятилетия знание стало главной производительной силой, что ощутимо изменило состав активного населения в наиболее развитых странах и составило основное затруднение для развивающихся стран. В постиндустриальную и постсовременную эпоху наука сохраняет и, несомненно, усугубляет свою важность в совокупности производительных способностей национальных государств. [...]

[...] В форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть. Также как национальные государства боролись за освоение территорий, а затем за распоряжение и эксплуатацию сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы, надо полагать, они будут бороться в будущем за освоение информации. [...]

Однако, обозначенная таким образом перспектива не столь проста, как мы только что показали. Так, меркантилизация знания не может оставить в неприкосновенности привилегию, которой обладали и еще обладают современные национальные государства в отношении производства и распространения знаний. Идея, что знания принадлежат «мозгу» или «духу» общества, а значит – Государству, постепенно отживает по мере усиления обратного принципа, согласно которому общество существует и развивается только тогда, когда сообщения, циркулирующие в нем, насыщены информацией и легко декодируются. Государство начинает проявлять себя как фактор непроницаемости и «шума» для идеологии коммуникационной «прозрачности», которая идет в паре с коммерциализацией знаний. [...]

Изменение природы знания может [...] оказать на существующие государственные власти такое обратное воздействие, которое заставит их пересмотреть свои правовые и фактические отношения с крупными предприятиями и, в более общем виде, с гражданским обществом. [...]

Вместо того, чтобы распространяться в силу своей «образовательной» ценности или политической значимости (управленческой, дипломатической, военной), можно представить себе, что знания будут введены в оборот по тем же сетям, что и денежное обращение, и что соответствующее этому расслоение прекратит быть

делением на знание/незнание, а станет, как и в случае денежного обращения, «знаниями к оплате/знаниями к инвестиции», т. е. знаниями, обмениваемыми в рамках поддержания обыденной жизни (восстановление рабочей силы, «выживание») versus кредиты знаний в целях оптимизации результативности программы. [...]

Глава 2 Проблема: легитимация

[...] мы хотим рассмотреть вопрос о статусе знания. Этот сценарий, родственной тому, что называется «информатизацией общества», хотя и был предложен в совершенно ином ключе, не претендует ни на оригинальность, ни на истинность. [...] Сценарий информатизации наиболее развитых обществ позволяет прояснить, даже ценой риска их сильного преувеличения, определенные аспекты трансформации знания и его воздействия на общественные силы и гражданские институты, последствия, которые могли бы остаться малозаметными при рассмотрении в других перспективах. [...]

[...] научное и техническое знание накапливается, и кроме того спорить о форме такого накопления: одни его воображают упорядоченным, непрерывным и равномерным, другие – периодическим, прерывным и конфликтным.

Однако, эта очевидность обманчива. Во-первых, научное знание – это еще не все знание, оно всегда было «сверх положенного», в конкуренции, в конфликте с другим сортом знания, который мы будем называть для простоты нарративом и характеристику которому дадим позже. Это вовсе не значит, что последний может одержать верх над научным знанием, но его модель связана с идеями внутреннего равновесия и дружелюбия (*convivialite*), в сравнении с которыми современное научное знание имеет бледный вид, особенно, если оно должно подвергнуться экстерииоризации по отношению к «знающему» и еще более сильному, чем прежде, отчуждению от своих пользователей. [...] Однако, когда речь идет об оценке настоящего и будущего статуса научного знания, нельзя исключать из рассмотрения такой важной компоненты как сомнение ученых.

Тем более, что статус научного знания к тому же переплетается с главной проблемой – проблемой легитимации. Мы берем это слово в самом расширительном смысле, какой оно получило в дискуссиях по вопросу о власти у современных немецких теоретиков. Либо гражданский закон, а он гласит: такая-то категория граждан должна совершать такого-то рода поступки. Тогда легитимация – это процесс, по которому законодателю оказывается позволенным провозглашать данный закон нормой. Либо научное высказывание, а оно подчиняется правилу: высказывание должно удовлетворять такой-то совокупности условий, чтобы восприниматься как научное. Здесь легитимация – процесс, по которому «законодателю», трактующему научный дискурс, разрешено предписывать указанные условия (в общем виде, условия внутреннего

состояния и экспериментальной проверки) для того, чтобы некое высказывание составило часть этого дискурса и могло быть принято к вниманию научным сообществом. [...]

Вопрос о легитимации науки еще со времен Платона неразрывно связан с вопросом легитимации законодателя. В этой перспективе право решать «что верно, а что нет», не может не зависеть от права решать «что справедливо», даже если высказывания, подчиненные соответственно той и другой власти, имеют различную природу. Существует родство одного рода языка, который называется наукой, с другим, называемым этикой или политикой: и первое, и второе вытекает из одной перспективы [...]

Рассматривая современный статус научного знания, мы можем констатировать, что в то время как этот последний кажется более, чем когда либо подчиненным державам, а с учетом новых технологий даже рискует стать одной из главнейших ставок в их конфликтах, вопрос о двойной легитимации не только не снимается, но напротив, становится все более актуальным. Поскольку он задается по самой полной форме, а именно как реверсия, которая делает очевидным, что знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать? В эпоху информатики вопрос о знании более, чем когда-либо становится вопросом о управлении. [...]

Лиотар, Жан-Франсуа. Состояние постмодерна [Текст] / Ж. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко ; Институт экспериментальной социологии. – М. : [б.и.] ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с. – (Gallicinium). – С. 9-28.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое постмодерн?
2. Как, по мнению Лиотара, меняется статус знания в постиндустриальном обществе ?
3. Объясните понятие «легитимация знания».
4. Что такое дискурс ?

Зигмунд Фрейд

Массовая психология и анализ человеческого «Я»

Х. Масса и первобытная орда

[...] Человеческие массы опять-таки показывают нам знакомую картину одного всеильного среди толпы равных сотоварищей, картину, которая имеется и в нашем представлении о первобытной орде. Психология этой массы, как мы ее знаем из часто проводившихся описаний, а именно: исчезновение сознательной обособленной личности, ориентация мыслей и чувств в одинаковых с другими направлениях, преобладание аффективности и бессознательной душевной сферы, склонность к немедленному выполнению – внезапных намерений – все это

соответствует состоянию регресса к примитивной душевной деятельности, какая напрашивается для характеристики именно первобытной орды.

Масса кажется нам вновь ожившей первобытной ордой. Так же как в каждом отдельном индивиде первобытный человек фактически сохранился, так и из любой человеческой толпы может снова возникнуть первобытная орда; поскольку массообразование обычно владеет умами людей, мы в нем узнаем продолжение первобытной орды. [...] психология массы является древнейшей психологией человечества; все, что мы, пренебрегая всеми остатками массы, изолировали как психологию индивидуальности, выделилось лишь позднее, постепенно и, так сказать, все еще только частично, из древней массовой психологии. [...]

[...] конституция первобытной орды относится к организации, посредством которой – не говоря о средствах принудительных – искусственная масса держится в руках [...] Уже следующая форма человеческого общества, тотемистический клан, имеет предпосылкой это преобразование, на котором построены все социальные обязанности. Неистошимая сила семьи, как естественного массообразования, основана на том, что эта необходимая предпосылка равной любви отца в ее случае действительно может быть оправдана.

[...] Жуткий, принудительный характер массообразования, проявляющийся в феноменах внушения, можно, значит, по праву объяснить его происхождением первобытной орды. Вождь массы – все еще праотец, к которому все преисполнены страха, масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть, страстно ищет авторитета; она, по выражению Ле Бона, жаждет подчинения. Праотец – идеал массы, который вместо «Идеала Я» владеет человеческим «Я». [...]

XI Одна ступень в человеческом «Я»

[...] Каждый отдельный человек является составной частью многих масс, он с разных сторон связан идентификацией и создал свой «Идеал Я» по различнейшим образцам. Таким образом, отдельный человек участник многих массовых душ – своей расы, сословия, церковной общины, государственности и т.д., и сверх этого может подняться до частицы самостоятельности и оригинальности. Эти постоянные и прочные массовые формации со своим равномерно делящимся воздействием меньше бросаются в глаза, чем наскоро образовавшиеся текущие массы, на примере которых Ле Бон начертал блестящую психологическую характеристику массовой души, и в этих шумных, эфемерных массах, которые будто бы наслоились на первых, как раз происходит чудо: только что признанное нами, как индивидуальное развитие, бесследно, хотя и временно, исчезает.

Мы поняли это чудо так, что отдельный человек отказывается от своего «Идеала Я» и заменяет его массовым идеалом, воплощенным в вожде. Оговоримся, что это чудо не во всех случаях одинаково велико. Отграничение «Я» от «Идеала Я» у многих индивидов не зашло слишком далеко, оба еще легко совпадают, «Я» часто еще сохраняет прежнее

нарцисстическое самодовольство. Это обстоятельство весьма облегчает выбор вождя. Нередко ему всего лишь нужно обладать типичными качествами этих индивидов в особенно остром и чистом чекане и производить впечатление большей силы и либидинозной свободы, и сразу на это откликается потребность в сильном властелине и наделяет его сверхсилой, на которую он и не стал бы претендовать. Другие индивиды, идеал которых не воплотился бы в нем без дальнейших поправок, вовлекаются «внушением», т. е. путем идентификации.

[...] Если что-нибудь в «Я» совпадает с «Идеалом Я», всегда будет присутствовать ощущение триумфа. Чувство виновности (и чувство неполноценности) может также быть понято как выражение напряженности между «Я» и идеалом. Как известно, есть люди, у которых общая настроенность периодически колеблется; чрезмерная депрессия через известное среднее состояние переходит в повышенное самочувствие, и притом эти колебания проходят в очень различных больших амплитудах, от еле заметного до тех крайностей, которые в качестве меланхолии и мании в высшей степени мучительно и вредоносно нарушают жизнь таких людей. [...]

[...] в случаях мании «Я» и «Идеал Я» сливаются, так что в настроении триумфа и довольства собой, не нарушаемом самокритикой, данное лицо может наслаждаться устранением задержек, устранением учета чужих интересов и упреков самому себе. [...]

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд, З. «Я» и «Оно» [Текст]: тр. разных лет: пер. с нем.: [в 2 кн.] / Зигмунд Фрейд. – Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1 / [предисл.: Б. Р. Нанейшвили, Г. Б. Нанейшвили; сост. А. Григорашвили]. – 1991. – 396, [2] с. – С. 71-138. – С. 119-128.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Почему З.Фрейд сравнивает массу с первобытной ордой?
2. Какие черты характерны для массы?

Эрих Фромм

Бегство от свободы

Глава 1. Свобода – психологическая проблема?

Новую историю Европы и Америки обусловили усилия, направленные на завоевание свободы от политических, экономических и духовных оков, которые связывали человека. Угнетенные, мечтавшие о новых правах, боролись за свободу против тех, кто отстаивал свои привилегии. Но когда определенный класс стремился к своему собственному освобождению, он верил, что борется за свободу вообще, и таким образом мог идеализировать свои цели, мог привлечь на свою сторону всех угнетенных, в каждом из которых жила мечта об

освобождении. Однако в ходе долгой, по существу, непрерывной борьбы за свободу те классы, которые поначалу сражались против угнетения, объединялись с врагами свободы, едва лишь победа была завоевана и появлялись новые привилегии, которые нужно было защищать.

Несмотря на многочисленные поражения, свобода в целом побеждала. Во имя ее победы погибло много борцов, убежденных в том, что лучше умереть за свободу, чем жить без нее. Такая гибель была наивысшим утверждением их личности. Казалось, история уже подтвердила, что человек способен управлять собой, сам принимать решения, думать и чувствовать так, как ему кажется верным. Полное развитие способностей человека казалось той целью, к которой быстро приближал процесс общественного развития. Стремление к свободе выразилось в принципах экономического либерализма, политической демократии, отделения церкви от государства и индивидуализма в личной жизни. Осуществление этих принципов, казалось, приближало человечество к реализации данного стремления. Оковы спадали одна за другой. Человек сбросил иго природы и сам стал ее властелином; он сверг господство церкви и абсолютистского государства. Ликвидация внешнего принуждения казалась не только необходимым, но и достаточным условием для достижения желанной цели – свободы каждого человека.

Первую мировую войну многие считали последней битвой, а ее завершение – окончательной победой свободы: существовавшие демократии, казалось, усилились, а взамен прежних монархий появились новые демократии. Но не прошло и нескольких лет, как возникли новые системы, перечеркнувшие все, что было завоевано веками борьбы, казалось, навсегда. Ибо сущность этих новых систем, практически полностью определяющих и общественную, и личную жизнь человека, состоит в подчинении всех совершенно бесконтрольной власти небольшой кучки людей.

На первых порах многие успокаивали себя мыслью, что победы авторитарных систем обусловлены сумасшествием нескольких личностей и что как раз это сумасшествие и приведет со временем к падению их режимов. Другие самодовольно полагали, что итальянский и германский народы прожили в демократических условиях слишком недолгий срок и поэтому надо просто подождать, пока они достигнут политической зрелости. Еще одна общепринятая иллюзия – быть может, самая опасная из всех – состояла в убеждении, что люди вроде Гитлера якобы захватили власть над государственным аппаратом лишь при помощи вероломства и мошенничества, что они и их подручные правят, опираясь на одно лишь грубое насилие, а весь народ является беспомощной жертвой предательства и террора.

За годы, прошедшие со времени победы фашистских режимов, ошибочность этих точек зрения стала очевидной. Нам пришлось признать, что в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же

пылом, с каким их отцы боролись за нее; что они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться; что другие миллионы были при этом безразличны и не считали, что за свободу стоит бороться и умирать. Вместе с тем мы поняли, что кризис демократии не является сугубо итальянской или германской проблемой, что он угрожает каждому современному государству. При этом совершенно несущественно, под каким знаменем выступают враги человеческой свободы. Если на свободу нападают во имя антифашизма, то угроза не становится меньше, чем при нападении во имя самого фашизма. Эта мысль настолько хорошо выражена Джоном Дьюи, что я приведу здесь его слова:

«Серьезная опасность для нашей демократии состоит не в том, что существуют другие, тоталитарные государства. Опасность в том, что в наших собственных личных установках, в наших собственных общественных институтах существуют те же предпосылки, которые в других государствах привели к победе внешней власти, дисциплины, единообразия и зависимости от вождей. Соответственно поле боя находится и здесь, в нас самих, и в наших общественных институтах».

Если мы хотим бороться с фашизмом, то мы должны его понимать. Домыслы нам не помогут, а повторение оптимистических формул столь же неадекватно и бесполезно, как ритуальный индейский танец для вызывания дождя.

Кроме проблемы экономических и социальных условий, способствовавших возникновению фашизма, существует и проблема человека как таковая, которую также нужно понять. Целью настоящей книги как раз и является анализ тех динамических факторов в психике современного человека, которые побуждают его добровольно отказываться от свободы в фашистских государствах и которые так широко распространены в миллионных массах нашего собственного народа.

Когда мы рассматриваем человеческий аспект свободы, когда говорим о стремлении к подчинению или к власти, прежде всего возникают вопросы:

Что такое свобода в смысле человеческого переживания? Верно ли, что стремление к свободе органически присуще природе человека? Зависит ли оно от условий, в которых живет человек, от степени развития индивида, достигнутого в определенном обществе на основе определенного уровня культуры? Определяется ли свобода одним лишь отсутствием внешнего принуждения или она включает в себя и некое присутствие чего-то, а если так, чего именно? Какие социальные и экономические факторы в обществе способствуют развитию стремления к свободе? Может ли свобода стать бременем, непосильным для человека, чем-то таким, от чего он старается избавиться? Почему для одних свобода – это заветная цель, а для других – угроза?

Не существует ли – кроме врожденного стремления к свободе – и инстинктивной тяги к подчинению? Если нет, то как объяснить ту

притягательность, которую имеет сегодня для многих подчинение вождю? Всегда ли подчинение возникает по отношению к явной внешней власти или возможно подчинение интериоризованным авторитетам, таким как долг и совесть, либо анонимным авторитетам вроде общественного мнения? Не является ли подчинение источником некоего скрытого удовлетворения; а если так, то в чем состоит его сущность?

Что пробуждает в людях ненасытную жажду власти? Сила их жизненной энергии или, наоборот, слабость и неспособность жить независимо от других? Какие психологические условия способствуют усилению этих стремлений? Какие социальные условия в свою очередь являются основой для возникновения этих психологических условий?

Анализ человеческих аспектов свободы и авторитаризма вынуждает нас рассмотреть ту роль, которую играют психологические факторы в качестве активных сил процесса общественного развития, а это приводит к проблеме взаимодействия психологических, экономических и идеологических факторов. Любая попытка понять ту притягательность, какую имеет фашизм для целых наций, вынуждает нас признать роль психологических факторов. Здесь мы имеем дело с политической системой, которая, по существу, опирается отнюдь не на рациональные силы человеческого личного интереса. Она пробуждает в человеке такие дьявольские силы, в существование которых мы вообще не верили либо считали их давным-давно исчезнувшими.

В течение последних веков общераспространенное мнение о человеке состояло в том, что человек – разумное существо, деятельность которого определяется его интересами и способностью поступать в соответствии с ними. Даже авторы вроде Гоббса, считавшие жажду власти и враждебность движущими силами человеческого поведения, объясняли наличие этих сил как логический результат личных интересов. Поскольку люди равны и одинаково стремятся к счастью, говорили они, а общественного богатства недостаточно, чтобы удовлетворить в равной степени всех, то неизбежна борьба; люди стремятся к власти, чтобы обеспечить себе и на будущее все то, что они имеют сегодня. Но схема Гоббса устарела. Средний класс добивался все больших успехов в борьбе с властью прежних политических и религиозных владык, человечество все больше преуспевало в овладении природой. Все прочнее становилось экономическое положение миллионов людей, и вместе с тем все больше укреплялась вера в разумность мира и в разумную сущность человека. Темные и дьявольские силы в человеческой натуре были отосланы к средневековью либо к еще более отдаленным временам и объяснялись недостатком в те времена знаний или коварными происками священников и королей.

На те периоды истории оглядывались, как на потухший вулкан, давно уже неопасный. Все были уверены, что те зловещие силы полностью уничтожены достижениями современной демократии; мир казался ярким и

безопасным, словно залитые светом улицы современных городов. Войны казались последними реликтами давних времен; не хватало лишь еще одной, самой последней, чтобы покончить с ними навсегда. Экономические кризисы считались случайностями, хотя эти случайности и повторялись регулярно.

Когда фашизм пришел к власти, люди в большинстве своем не были к этому готовы. Ни теоретически, ни практически. Они были не в состоянии поверить, что человек может проявить такую предрасположенность к злу, такую жажду власти, пренебрежение к правам слабых – и такое стремление к подчинению. Лишь немногие слышали клочкотание вулкана перед извержением. Благодушный оптимизм XIX века потревожили – с очень разных позиций – Ницше и Маркс; несколько позже прозвучало предостережение Фрейда. По сути дела, Фрейд и его ученики имели лишь очень наивное представление о процессах, происходящих в обществе; большинство его попыток приложения психологии к социальным проблемам вело к ошибочным построениям; но, посвящая свои интересы исследованию индивидуальных психических и умственных расстройств, он вел нас на вершину вулкана и заставлял смотреть в бурлящий кратер.

Никто до Фрейда не уделял такого внимания наблюдению и изучению иррациональных, подсознательных сил, в значительной мере определяющих человеческое поведение. Он и его последователи в современной психологии не только открыли подсознательный пласт в человеческой психике – само существование которого отрицалось рационалистами, – но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определенным законам и потому их можно вполне рационально объяснить. Он научил нас понимать язык снов и соматических симптомов, язык несообразностей в человеческом поведении. Он открыл, что эти несообразности – как и вся структура характера – представляют собой реакции на воздействия внешнего мира, особенно на те, которые имели место в раннем детстве.

Но Фрейд был настолько проникнут духом своей культуры, что не смог выйти за определенные, обусловленные ею границы. Эти границы не позволяли ему понять даже некоторых его больных и мешали ему разобраться в нормальных людях, а также в иррациональных явлениях общественной жизни.

Поскольку эта книга подчеркивает роль психологических факторов в общем процессе общественного развития и поскольку данный анализ основан на некоторых фундаментальных открытиях Фрейда – в частности, на роли подсознательных сил в человеческом характере и на зависимости этих сил от внешних воздействий, – я полагаю, что читателю будет полезно прежде всего ознакомиться с основными принципами нашего подхода к проблеме и с главными различиями между этим подходом и классическими концепциями Фрейда.

Фрейд принял традиционную установку, противопоставляющую человека и общество, а также традиционную доктрину о порочности человеческой натуры. По Фрейду, человек в своей основе антисоциален. Общество должно приручать его, позволять ему какое-то удовлетворение его биологических – и поэтому непреодолимых – потребностей; но главная задача общества состоит в очищении и ограничении основных, низменных импульсов человека. В результате такого подавления этих импульсов происходит нечто волшебное: подавленные наклонности превращаются в стремления, имеющие культурную ценность, и таким образом становятся основой культуры. Этот странный переход от подавленного состояния к цивилизованному поведению Фрейд обозначил словом «сублимация». Если степень подавления сильнее способности к сублимации, то индивиды становятся невротиками и подавление нужно ослабить. Но вообще существует обратная зависимость между удовлетворением человеческих стремлений и культурой: чем больше подавление, тем больше достижений культуры (и больше опасность невротических расстройств). В теории Фрейда отношение индивида к обществу является, по существу, статичным: индивид остается, в общем, одним и тем же, изменяясь лишь постольку, поскольку общество усиливает нажим на его естественные наклонности (тем самым принуждая к большей сублимации) либо допускает их более полное удовлетворение (тем самым приносит в жертву культуру).

Фрейд не избежал ошибки своих предшественников, формулировавших так называемые основные инстинкты человека. Его концепция человеческой натуры является в основном отражением тех важнейших стремлений, которые проявляются в современном человеке. В концепции Фрейда индивид его культуры представляет «человека» вообще; а страсти и тревоги, характерные для человека в нашем обществе, возводятся в ранг неизменных сил, коренящихся в биологической природе человека.

Можно привести множество примеров, иллюстрирующих сказанное (например, рассмотреть социальную основу враждебности в современном человеке, эдипова комплекса, или так называемого комплекса кастрации у женщин), но я хотел бы остановиться только на одном, поскольку это важно для всей концепции человека как существа социального. Фрейд всегда рассматривает человека в его отношениях с другими, но эти отношения представляются ему аналогичными тем экономическим отношениям, какие характерны для капиталистического общества. Каждый работает для себя, сам по себе, на свой риск и – первоначально – вне сотрудничества с остальными. Но он не Робинзон Крузо; ему эти остальные необходимы как покупатели, рабочие или работодатели; он должен покупать и продавать, давать и брать. Эти отношения регулируются рынком, идет ли речь о товарах или о рабочей силе. Таким образом индивид, первоначально одинокий, входит в экономические

отношения с другими людьми для достижения лишь одной цели – продать или купить. Фрейдова концепция человеческих отношений, по сути, копирует систему отношений экономических. Индивид является нам с полным набором биологически обусловленных потребностей, которые должны быть удовлетворены. Чтобы их удовлетворить, индивид вступает в отношения с другими. Таким образом, другие всегда являются «объектами», служат лишь средством для достижения цели: для удовлетворения каких-то стремлений, которые существуют в индивиде до того, как он вошел в контакт с другими. Поле человеческих взаимоотношений, по Фрейду, аналогично рынку; оно определяется обменом удовлетворения биологических потребностей. При этом связь с другим индивидом всегда является лишь средством достижения цели, а не целью как таковой.

В противоположность точке зрения Фрейда анализ, предложенный в этой книге, основан на предположении, что ключевой проблемой психологии является особого рода связанность индивида с внешним миром, а не удовлетворение или фрустрация тех или иных человеческих инстинктивных потребностей. Более того, мы предполагаем, что связь между человеком и обществом не является статичной. Нельзя представлять дело так, будто с одной стороны мы имеем индивида с определенным набором естественных потребностей, а с другой – отдельно и независимо от него – общество, которое эти потребности удовлетворяет или подавляет. Конечно, существуют определенные потребности, общие для всех, обусловленные природой, – голод, жажда, секс, – но те стремления, которые приводят к различию человеческих характеров, – любовь или ненависть, жажда власти или тяга к подчинению, влечение к чувственному наслаждению или страх перед ним, – все они являются продуктами социального процесса. Самые прекрасные, как и самые уродливые, склонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности. Иными словами, общество осуществляет не только функцию подавления, хотя и эту тоже, но и функцию созидания личности. Человеческая натура – страсти человека и тревоги его – это продукт культуры; по сути дела, сам человек – это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей.

Главная задача социальной психологии состоит как раз в том, чтобы понять процесс формирования человека в ходе истории. Почему происходят изменения в человеческом характере при переходе от одной исторической эпохи к другой? Почему дух Возрождения отличается от духа Средневековья? Почему человеческий характер в условиях монополистического капитализма уже не таков, каким был в XIX веке? Социальная психология должна объяснить, почему возникают новые способности и новые страсти, хорошие и дурные. Так, например, мы

обнаруживаем, что с эпохи Возрождения и до наших дней люди преисполнены пылким стремлением к славе. Это стремление, которое кажется столь естественным, было совсем нехарактерно для человека средневекового общества. За тот же период в людях развилось осознание красоты природы, которого прежде просто не существовало. В странах Северной Европы начиная с XVI века в людях развилась неумемная страсть к труду, которой до того не было у свободного человека.

Но не только люди создаются историей – история создается людьми. Разрешение этого кажущегося противоречия и составляет задачу социальной психологии. Она должна показать не только, как новые страсти, стремления и заботы возникают в результате социальных процессов, но и как человеческая энергия, в этих специфических формах ее проявления, в свою очередь становится активной силой, формирующей эти социальные процессы. Так, например, стремление к славе и успеху и потребность в труде явились силами, без которых не мог бы развиваться современный капитализм; без этих стимулов никто не смог бы вести себя в соответствии с экономическими и социальными требованиями современной торгово-промышленной системы.

Фрейд представлял себе историю как результат действия психических сил, не подверженных социальному влиянию. Из вышеизложенного ясно, что точка зрения, представленная в данной работе, отличается от точки зрения Фрейда, поскольку мы подчеркиваем свое несогласие с его интерпретацией. Вместе с тем мы подчеркиваем свое несогласие и с теми теориями, которые отрицают роль человеческого фактора в динамике общественного развития. Это относится не только к социологическим теориям, которые прямо стремятся убрать из социологии любые психологические проблемы, – как у Дюркгейма и его школы, – но и к тем, которые так или иначе связаны с бихевиористской психологией. Общей ошибкой всех этих теорий является убеждение, что у человеческой природы нет своей динамики, что психические изменения можно объяснить лишь как развитие новых «привычек», возникающих в процессе адаптации к изменившимся условиям.

Эти теории, якобы признающие психологический фактор, сводят его до уровня простого отражения определенных стандартов поведения в данном, определенном обществе. Лишь динамическая психология, основы которой были заложены Фрейдом, может помочь нам на деле понять человеческий фактор, а не только признать его на словах. Хотя фиксированной «человеческой природы» не существует, мы не можем рассматривать человеческую природу как нечто беспредельно пластичное; как нечто готовое приспособиться к любым условиям без развития своей психической изменчивости. Хотя натура человека и является продуктом исторической эволюции, она включает в себя и определенные наследственные механизмы, имеет определенные законы; психология должна эти механизмы и законы раскрыть.

Для полного понимания того, что было сказано до сих пор, и всего того, что последует ниже, здесь было необходимо определить понятие адаптации. Одновременно мы покажем, какой смысл вкладывается в понятие психических механизмов и законов.

Целесообразно различать «статическую» и «динамическую» адаптацию. Статической мы называем такую адаптацию, при которой характер человека остается неизменным и лишь появляются какие-то новые привычки, например переход от китайского способа еды палочками к европейскому – вилкой и ножом. Китаец, приехав в Америку, приспособливается к этому новому для него обычаю, но такая адаптация сама по себе вряд ли приведет к изменению его личности – ни новых черт характера, ни новых стремлений он не приобретет.

Примером динамической адаптации может послужить такая, когда ребенок подчиняется строгому, суровому отцу; он слишком боится отца, чтобы поступать иначе, и становится «послушным». В то время как он приспособливается к неизбежной ситуации, в нем что-то происходит. Может развиться интенсивная враждебность по отношению к отцу, которую он будет подавлять, ибо не только проявить, но даже осознать ее было бы слишком опасно. Эта подавленная враждебность – хотя она никак не проявляется – становится динамическим фактором его характера. Она может усилить страх ребенка перед отцом и тем самым повести к еще большему подчинению; может вызвать беспредметный бунт – не против кого-либо конкретно, а против жизни вообще. Здесь, как и в первом случае, индивид приспособливается к внешним условиям, но такое приспособление изменяет его; в нем возникают новые стремления, новые тревоги. Любой невроз – это пример подобной динамической адаптации к таким условиям, которые являются для индивида иррациональными – особенно в раннем детстве – и, вообще говоря, неблагоприятными для роста и развития ребенка. Аналогично социально-психологические явления, проявляющиеся у целых общественных групп и сопоставимые с невротическими, например наличие явно выраженных разрушительных или садистских импульсов, иллюстрируют динамическую адаптацию к социальным условиям, иррациональным и вредным для взрослых людей. Почему такие явления нельзя считать невротическими, мы обсудим позднее.

Кроме вопроса о том, какого рода адаптация имеет место в том или ином случае, необходимо ответить и на другие вопросы: что именно заставляет людей приспособливаться почти к любым, хоть сколь-нибудь приемлемым условиям жизни и где границы этой приспособляемости? Прежде всего мы обращаем внимание на то, что одни черты человеческой природы являются более гибкими, а другие – менее. Те черты характера, те стремления, которые отличают людей друг от друга, проявляют чрезвычайно широкую эластичность. Дружелюбие или враждебность и разрушительность, жажда власти или стремление к подчинению,

отчужденность, тенденция к самовозвеличению, скупость, тяга к чувственным наслаждениям или страх перед ними – все эти и многие другие стремления и страхи, которые можно обнаружить в человеке, развиваются как реакции на определенные условия жизни. Они достаточно устойчивы; превратившись в черты человеческого характера, они исчезают или трансформируются в другие побуждения с большим трудом. Но эти же черты характера являются гибкими в том смысле, что индивиды, особенно в детстве, развивают ту или иную склонность в соответствии с обстановкой, в которой им приходится жить. Ни одна из таких склонностей не является изначально присущей человеку.

В противовес этим приобретенным потребностям существуют и другие, обусловленные физиологической организацией человека. Утоление голода, жажда, сон и т. д. – все эти потребности действительно внутренне присущи природе человека и властно требуют удовлетворения. Для каждой из них существует определенный порог, за которым неудовлетворенность становится непереносимой; при переходе этого порога стремление к удовлетворению потребности становится всепоглощающим. Физиологически обусловленные потребности можно объединить и определить как потребность самосохранения. Она составляет такую часть натуры человека, которая требует удовлетворения при любых условиях и поэтому является первичным мотивом человеческого поведения. Говоря проще, человек должен иметь возможность спать, есть, пить, защищать себя от врагов и т. д. Чтобы иметь такую возможность, он должен трудиться и создавать все для этого. Однако «труд» – это не абстрактная категория; труд всегда конкретен, это вполне определенная работа в определенной экономической системе. Крепостной крестьянин в феодальном хозяйстве, земледелец в индейском пуэбло, независимый предприниматель в капиталистическом обществе, продавщица универмага, рабочий у конвейера на заводе – эти различные виды деятельности требуют совершенно различных характеров и приводят к различным отношениям с окружающими. Стоит человеку родиться, и он оказывается на уже готовой сцене. Он должен есть и пить, поэтому должен работать; а условия и способы его работы детерминированы тем обществом, в котором он родился. Оба фактора – его потребность жить и социальная система – не могут быть изменены одним отдельно взятым индивидом; эти факторы и определяют развитие тех его черт, которые имеют большую пластичность.

Образ жизни, обусловленный особенностями экономической системы, превращается в основополагающий фактор, определяющий характер человека, ибо властная потребность самосохранения вынуждает его принять условия, в которых ему приходится жить. Это вовсе не значит, что он не может стремиться вместе с другими к каким-то экономическим и политическим переменам; но первоначально его личность формируется определенным образом жизни, поскольку семья всегда имеет характерные

признаки своего общества или класса, так что ребенок неизбежно сталкивается с ними.

Физиологические потребности – это не единственная необходимо присущая, императивная часть природы человека. Есть еще одна, столь же непреодолимая; она не коренится в физиологических процессах, но составляет самую сущность человеческого бытия – это потребность связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества. Чувство полного одиночества ведет к психическому разрушению, так же как физический голод – к смерти. Эта связанность с другими не идентична физическому контакту. Индивид может быть физически одинок, но при этом связан с какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными стандартами – и это дает ему чувство общности и «принадлежности». Вместе с тем индивид может жить среди людей, но при этом испытывать чувство полной изолированности; если это переходит какую-то грань, то возникает умственное расстройство шизофренического типа. Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями мы можем назвать моральным одиночеством. И можем утверждать, что моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое; более того, физическое одиночество становится невыносимым лишь в том случае, если оно влечет за собой и одиночество моральное.

Духовная связанность с миром может принимать самые различные формы: отшельник в своей келье, верящий в бога, или политзаключенный в одиночке, чувствующий единство с товарищами по борьбе, – они не одиноки морально. Английский джентльмен, не снимающий смокинга в самой экзотической обстановке, или мелкий буржуа, оторванный от своей среды, – они чувствуют себя заодно со своей нацией или какими-то ее символами. Связанность с миром может носить возвышенный или тривиальный характер, но, даже если она основана на самых низменных началах, все равно она гораздо предпочтительнее одиночества. Религия и национализм, как и любые обычаи, любые предрассудки – даже самые нелепые и унижительные, – спасают человека, если связывают его с другими людьми, от самого страшного – изоляции. [...]

Фромм Эрих. Бегство от свободы. // Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Эрик Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 571. [5] с. – (Philosophy). – С. 17-34.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое моральное одиночество и в чем оно проявляется?
2. Какие социальные и экономические факторы в обществе способствуют развитию стремления к свободе?
3. Может ли свобода стать бременем, непосильным для человека, чем-то таким, от чего он старается избавиться?
4. Почему для одних свобода – это заветная цель, а для других – угроза?

5. Почему понятие социального характера является ключевым для понимания общественных процессов?
6. Существуют ли взаимосвязи и взаимодействия между психологическими и социологическими факторами общественного развития?
7. Раскройте значение утверждения «современный человек все еще охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам – или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат».

Тема 6. Общество как социальная система, его социальная структура

Эгон Эрнест Бергель Социальная стратификация

Иногда смешивают два понятия – ранжирование и стратификацию. Их необходимо различать. У ранжирования два аспекта – объективный и субъективный. Когда мы говорим об объективной стороне ранжирования, то подразумеваем зримые, видимые глазу различия между людьми. Субъективное ранжирование предполагает нашу склонность сравнивать людей, как-то оценивать их, наконец, судить их. Любое действие такого рода относится к ранжированию.

Несомненно, ранжирование выполняет позитивную функцию, ведь оно – один из методов, при помощи которого вносится порядок в то, что в ином случае никакого порядка иметь бы не могло. Ранжирование приписывает явлениям и индивидам определенное значение, цену и благодаря этому выстраивает их в значимую систему.

Своего максимума ранжирование достигает в том обществе, где индивидам приходится открыто конкурировать между собой. Например, рынок объективно сравнивает и оценивает не только товары, но и людей, прежде всего на основе их индивидуальных способностей.

Результатом ранжирования выступает ранговая система. Ранг указывает относительную позицию индивида или группы внутри ранговой системы. Поскольку таких систем много, то один человек обладает несколькими разными рангами. Любую группу – большую или малую – можно представить как единую ранговую систему. В малой группе всегда есть лидеры и аутсайдеры. В таком случае единицей ранжирования выступает отдельный индивид. Но единицей может являться целая группа. Если совокупность различных групп упорядочить определенным образом, то можно получить групповую стратификацию, т. е. стратификацию групп. Так, социальная группа, именуемая дворянством, в ранговой системе феодального общества займет более высокое место, а группа, именуемая крестьянством, более низкое. Но если индивидов учитывают независимо от того, к какой группе они принадлежат, и выстраивают по рангам, то мы получаем индивидуальную стратификацию.

Когда ученый принимает во внимание только одну сторону ранжирования, а именно объективную, он употребляет понятие стратификации. Таким образом, стратификация – объективный аспект или результат ранжирования. Стратификация указывает порядок ранжирования, относительную позицию рангов, их распределение внутри ранговой системы.

Не всякие различия между людьми создают стратификацию. Пол и возраст универсальны, но в большинстве обществ они формируют только «статистические страты». Они не способны служить инструментом создания «социальных групп». В примитивном обществе население немногочисленное. Оно разделено на две группы – семью и общину. В таком обществе индивид легко достигает высоких рангов сразу по многим направлениям – социальная лестница невысока. Он может стать хорошим музыкантом, оратором, полководцем, жрецом.

В сложном обществе достичь всего этого одному человеку трудно. Президент США – первый человек на политической шкале. Он может быть очень богатым, как Вашингтон, либо бедным, как Линкольн. Как верующий он всего лишь рядовой прихожанин, стоящий внизу церковной иерархии. Большое разнообразие систем ранжирования затрудняет их координацию. Невозможно одному индивиду занимать одинаково высокие ранги во всех системах. Поэтому говорят, что один человек, являясь членом нескольких групп, выполняет разные роли в разных группах.

Индивидуальная стратификация характеризуется следующими чертами:

1. Порядок рангов базируется на одном критерии. К примеру, футболиста следует оценивать по его игре на поле, а не по богатству или религиозным убеждениям, ученого – по количеству публикаций, преподавателя – по его успеху у студентов, телекомментатора – по числу привлекаемой аудитории.

2. Ранжирование может учитывать еще и экономический контекст: отличный футболист и выдающийся ученый должны иметь высокие оклады. Однако каждая ранговая система значима и валидна только в своих границах. Иначе говоря, имеющий высокий оклад не обязательно должен пользоваться высоким религиозным или научным признанием.

3. В отличие от групповой индивидуальная стратификация существует непостоянно. Она действует непродолжительное время: футболист, потерявший после 35 лет спортивную форму, никому не нужен, ректор теряет высокое положение после ухода в отставку.

4. Индивидуальная стратификация основана на личном достижении. Но помимо личных качеств индивиды ранжируются и оцениваются в зависимости от репутации своей семьи или группы, к которой они принадлежат, скажем, богатой семьи или группы ученых.

В групповой стратификации оцениваются и ранжируются не отдельные индивиды, а целые группы, например, низко оценивается

группа (категория) рабов, а высоко – сословие дворян. Все группы с равной репутацией имеют одинаковый ранг. Данный ранг со временем становится наследственным. Дворянское и рабское положения наследуются. Но это происходит потому, что группы дворянства и рабов сохраняют каждая свое общественное положение – высокое и низкое – на протяжении долгого времени. Наследование возможно только в рамках групповой стратификации, хотя наследует титул или имущество индивид, а не группа.

Другим элементом групповой стратификации выступает солидарность. Солидарность – предпочтение той группы, к которой человек принадлежит. Если сплоченность – свойство малой группы, то солидарность – свойство большой группы. Сплотиться вокруг чего-то важного могут 5-7 человек. Хотя говорят о сплочении народа во время войны или класса в классовой борьбе. Подобное происходит в экстремальных ситуациях, в неэкстремальных – сплоченность уступает место солидарности.

Необходимо различать два других понятия – престиж и статус. Рейган и Джонсон – президенты США. У них одинаковый статус, но разный престиж. Престиж относится к специфическим достижениям в хорошо известной или устоявшейся области. Статус и его значение – понятие более широкое, но менее четкое. Престиж удачливого врача создан высоким качеством оказываемых им медицинских услуг. Но статус того же врача определяется высоким званием его профессии, которая высоко ценится общественным мнением и обществом в целом.

Статус меньше зависит от того, что делает человек, но больше от того, чем он является, кто он есть, особенно если статус предписываемый (предписанный), а не достигаемый. В этом смысле не существует предписываемого престижа. Он может быть только достигаемым. Хотя известно, что статусы бывают двух видов – приписываемые и достигаемые.

Статус – синоним позиции. Но он нечто большее, чем только позиция, так как существует официальная позиция, которую часто называют должностью, реже – статусом. Совокупность прав и обязанностей проистекает из официальной позиции. Но кроме того, существует неофициальный статус с совокупностью неписаных, но строго соблюдаемых правил. Так, статус главы семейства в современном обществе никаким законом не предписан, но соответствующая ему роль всеми выполняется. Неформальные правила поведения предписывают, что низший по статусу должен здороваться словесно, но первым протягивать руку может только высший по статусу. В учреждении начальник отдела, когда коллектив «сбрасывается на подарок», сдает денег больше, чем другие. Таково неписаное правило. Никто его к тому не обязывает. Если он даст меньше, то прослышет скрягой, однако никаких формальных санкций не последует.

Статус обычно обставляется соответствующими символами, прежде всего в одежде. Служащие носят белые рубашки с галстуками, а рабочие – синие комбинезоны. Качество и форма одежды не являются вопросом дохода, ведь многие служащие получают значительно меньше рабочих.

Что касается исторических типов стратификации, то необходимо отметить: все высокоразвитые цивилизации (это определение надо особо подчеркнуть – высокоразвитые) начинали с института рабства. Оно основано на завоеваниях. Самый ранний пример высокой цивилизации, основанной на рабстве, являет собой Шумер. Старинный идеограф, обозначавший здесь врача, переводился так: «человек из чужих земель». В гомеровские времена рабом называли военнопленного, лишенного какой-либо свободы. По римским законам пленник автоматически становился рабом.

Рабство, тем не менее, более сложное явление, чем это принято думать. В античности термином «раб» обозначали скорее род занятий, нежели статус. Наши предки считали унижительным работать на других. Поступать так означало потерять свободу, стать в каком-то отношении зависимым от этих других. Даже работа за плату считалась недостойной. Латинское слово для обозначения раба *servus* «сервус» именовало человека, занимающегося обслуживанием других помимо своей воли. Тогда еще не было работы по контракту. Рабство и принудительные услуги являлись синонимами. Рабство стало рушиться с появлением контрактного труда.

Долговое рабство, касавшееся соплеменников, в отличие от военного, не было постоянным. В Древнем Риме отец продавал сына не в рабство, а в услужение (за плату), т. е. внаем, получая за него жалованье. После трех таких «продаж» по закону сын становился свободным. Конечно, и здесь речь идет о принудительном труде. Но то же самое можно сказать о современных трудовых лагерях при тоталитаризме. В подобных случаях рабство не переходило на детей, т. е. не являлось наследственным. Оно называлось индивидуальным, или ненаследственным рабством. Наследуемым было только рабство завоевательное. Оно относится к групповому, в то время как долговое – к индивидуальному.

Ученые полагают, что причиной возникновения сословной системы служит не рабство как таковое, а одна из его разновидностей – институциональное групповое рабство. Всего же специалисты выделяют шесть его видов:

1. Женское рабство: из числа завоеванных иноплеменников в живых оставляли только женщин, используя их в качестве жен, наложниц, прислуги.

2. Домашнее рабство: покоренные иноплеменники становились на положение младших членов семьи.

3. Ремесленное рабство: из покоренного племени отбирали только квалифицированных людей, используя их в качестве рабов-ремесленников,

привозивших товары для рынка и тем самым приносящих хозяину прибыль.

4. Рабство-солдатчина: из покоренного племени отбирали здоровых, умелых, воинственных мужчин, превращая их в «пушечное мясо».

5. Административное рабство: специально обученный контингент рабов использовался в качестве управляющих имениями.

6. Аграрное рабство: подневольный труд на латифундиях и плантациях. Иначе оно называлось крепостничеством.

Рабство и крепостничество – понятия, которые необходимо различать. Крепостной (serf, фр.) имеет не только обязанности, но и права. А вот рабы, в частности в Риме, были лишены всех прав. В других странах наделение рабов правами зависело от желания рабовладельца, а права крепостного устанавливались законом. Крепостной владел собственностью, мог жениться, т.е. иметь семью. Так формировалась наследственная страта крепостных.

Рабство обозначало принудительный труд в любой сфере экономики, а крепостничество – только в сфере сельского хозяйства. Крепостной – подчиненный кому-то крестьянин. Раб – личная собственность господина. Он чаще всего иностранец. Крепостной – из местных. Хозяин мог продать своего раба, но лорд не мог продать крепостного. Как правило, он продавал землю вместе с крестьянами, если, конечно, разорился.

Теоретически крепостничество – менее мучительная форма зависимости. Но так было не всегда. Судьба раба зависела от субъективного расположения к нему господина, который по желанию мог облегчить его положение. Но феодал не мог так поступить, поскольку положение его крестьян регулировалось общим для всех законодательством. Таким образом, рабство – система личных отношений, крепостничество – система юридических отношений. Те и другие строились на зависимости.

Статус крепостного – предписываемый, унаследованный от родителей и передаваемый детям. Крепостные составляли самостоятельную страту. Сменялись династии королей и роды феодалов, завоевывались и отвоевывались страны, но положение крепостного не изменялось. Он оставался крепостным, как и земля, с которой он был связан.

Новый тип стратификации представлен сословиями. Термин estate ('etat) официально употреблялся в дореволюционной Франции, обозначая высшую страту. Сходная ситуация сложилась и в других странах Европы. В Британии с конца XVIII века в ходу был термин order.

В появлении сословий огромную роль сыграли опять же завоевания, начавшиеся еще в неолитическую эпоху – эпоху, когда было изобретено колесо. Мирные землевладельцы оказались беззащитными перед неожиданно нагрянувшей на них хорошо вооруженной конницей кочевников, жаждавших приобрести земли, слуг и жен. Кочевники-

завоеватели постепенно оседали на покоренных землях и превращались в высшее сословие, управлявшее порабощенными земледельцами. Кочевники представляли собой союз племен, где по-разному распределялись ранги: одни вожди находились наверху, другие, предводившие дружины, им подчинялись.

Со временем на этих территориях возникли четыре страты: король и высшая аристократия; низшее дворянство и военные генералы; священники; простые люди. Статус священника мог быть, а мог и не быть наследуемым. Экономической опорой групповой стратификации выступала собственность на землю, которая зависела от статуса владельца, но не наоборот. Размер владения зависел от места той или иной страты в военной иерархии. Крупными землевладельцами становились лишь те, кто являлся крупным военачальником. Солдаты превращались в мелких независимых землевладельцев.

В нижней части социальной лестницы располагались беззащитные крестьяне. Их статус, как и статус илотов в Спарте, зависел от того, как они относились к завоевателям. Исторически рабами становились целые племена, на которые возлагались те или иные трудовые повинности, например, заготавливать лес для кораблей. Захватчики тянулись к земле как неиссякаемому источнику доходов, но никто из них не желал трудиться на ней. Покоренные землевладельческие племена часто лишались всех прав и становились рабами, но иногда они сохраняли часть прав и превращались в крепостных-сервов. В эпоху Каролингов колонны были свободными в том смысле, что могли жениться и владеть частью имущества, но не имели права покидать землю. В их обязанности входили полевые и ручные работы. В первом случае они три дня в неделю трудились на феодала, во втором – занимались иными работами: строительством, разгрузкой, транспортировкой, сбором плодов. По мере развития общества сложился круг постоянных работ, для выполнения которых закреплялось зависимое население. Строительство (жилые дома, замки, фортификация, дороги), домашние работы, ремесла приобрели разный статус и постепенно стали наследственными. Разделение общественного труда завершилось появлением различных страт.

Если быть точным, то в Индии кастовая система возникла уже после того, как там появилась сословная система. Четыре главных касты соответствуют четырем сословиям. Кастовая система сформировалась после завоевания Пенджаба, когда индо-арианцы не смогли защитить южную Индию.

Первая сословная система возникла в конце неолитического и в начале железного века. По своей структуре она напоминала кастовую с четырьмя варнами: аристократия, священники, простые люди, зависимые. Этот костяк оставался долгое время неизменным, хотя к нему то и дело добавлялись новые страты, в то же время исчезали старые, например, рабство. Неизменной сохранялась троичная система наследуемых страт:

привилегированные, простые и непривилегированные люди. Изменялся круг прав и обязанностей каждой страты. Подобные системы устанавливались силой, но и изменялись они также при помощи силы.

В сословной системе размер землевладения соответствовал рангу. Но уже на ранней фазе ее развития у земли появился мощный конкурент – торговля. Она старше любой сословной системы, ведь доисторические поселения возникали на пересечении торговых путей. С наступлением железного века появились монеты, позволившие накапливать богатства и капиталы.

О происхождении купцов как самостоятельного класса нам мало что известно. Но очевидно одно: в ту эпоху, когда существовал только местный рынок, а торговля велась от случая к случаю, купечества как социальной группы быть не могло. Возможно, первыми «регулярными» купцами были грабители. Пиратство и морская торговля – близнецы-братья. На Ближнем Востоке бедуины были и охранниками, и грабителями торговых караванов. Бароны грабителей в эпоху средневековья управляли своими бандами на основе легальных норм, а в остальное время приторговывали награбленным.

Подобный способ торговли повлек за собой милитаризацию купечества. Таким купечество было и у финикийцев, и у венецианцев. Услугами армии пользовались как крестьяне, так и купцы: солдаты защищали тех и других. Армия могла заставить крестьянина работать на дворянина, но она не могла заставить купца отправиться в опасную заморскую экспедицию и присвоить его прибыль. Купец должен быть свободным, тогда его деятельность будет эффективной. Его необходимо наделить гражданскими правами и заинтересовать в том, чтобы он вернулся на родину.

Правительство часто помогало купечеству: строило пирсы для кораблей, конюшни для транспортных животных, склады для товаров. Наилучшим местом для купцов являлись города, служившие и огромным рынком, и надежным укрытием. Военные форты превращались в торговые города. Постепенно сословная система перестала базироваться исключительно на сельском хозяйстве. Она все больше урбанизировалась. На историческую сцену выходила новая социальная группа, со временем основавшая торговые города и целые империи.

Хотя богатство и влияние купечества росли, его общественное положение оставалось неопределенным. У него не было власти ни в Африке, ни в Азии. Она появилась впервые в средневековой Европе. Многие правители завидовали состоянию купцов, поэтому нередко его просто конфисковывали у них. Но вместе с этим умирал капитал, приносивший ежегодный доход. Заставить его работать мог только купец. Вскоре правители сообразили, что им выгоднее брать с купечества налог, нежели разорять его. Оно стояло рангом выше крестьянства, но ниже дворянства.

Вторая социальная сила – ремесленники. Их превращение в класс зависело от степени развития торговли и обмена. Поначалу ремесло являло собой в деревне форму вторичной занятости. Жители деревни, а позже города редко пользовались их услугами, так как хозяйство в основном было натуральным. Малообеспеченное крепостное крестьянство не могло служить потребителем продукции ремесленников, поэтому оно оплачивало только случайные услуги, оказываемые ему. Появление в обиходе железа существенно изменило развитие ремесел: работа с ним требовала обучения и специальных знаний, которые держали в секрете и передавали по наследству. Именно купцы стали первыми настоящими потребителями ювелиров, оружейников и гончаров. К страте ремесленников в античности и средневековье относились и свободные, и рабы, и крепостные.

Купечество и ремесло со временем стали такими же наследуемыми, как дворянство, рабство, положение рядовых граждан и отчасти священников. Иначе говоря, они превращались в разновидность закрытых групп. Классовая борьба, и об этом писал К.Маркс, шла за равенство всех людей перед законом. Согласно Ф. Теннису, сословия основаны на общине, а классы – на обществе.

В том случае, если переход между группами – из ремесленников в купцы, из наемных работников в работодатели – не встречал юридических препятствий, городское население, включающее данные группы, следует считать единой стратой. Но иногда такие препятствия возникали: юридические границы групп, как права и обязанности каждой, четко фиксировались, а переход оформлялся либо особыми документами, либо специальным разрешением властей. В таком случае эти группы представляли разные сословия. К примеру, специально оформлялся даже переход из производителей в продавцы одежды.

Великое переселение народов началось во II веке н.э. Этой датой обозначается первый период развития сословной системы в Европе. Переселение народов послужило причиной дезурбанизации Римской империи. Второй период отмечен господством франков, третий – становлением феодализма, а четвертый знаменует современную эпоху. [...]

Сословная система просуществовала более 5000 лет. Специалисты перечисляют огромное количество ее модификаций. Она была в каждой стране, достигшей высокого уровня цивилизации. Вплоть до XVIII века не было другой системы, способной бросить сословной вызов. По мере того как новая система набирала силу, старая сословная система быстро сходилась на нет. За короткий срок – всего за 150 лет – она почти везде исчезла.

В средневековой Европе крестьяне, не желавшие мириться со своим положением, часто восставали. Аристократам приходилось трудно до тех пор, пока не появился новый класс – дворяне-всадники, или «солдаты на лошадях». Новый класс образовали рыцари. Их называли также кавалерами, кавалерией, кабальерос. Аристократия, благодаря высоким

доходам с поместий, содержала кавалерию – всадников и коней – за свой счет. Такова была одна из главных функций аристократии. Изобретение огнестрельного оружия и появление артиллерии восстановило ценность пехоты (инфантерии) и низвело кавалерию до уровня разведки. С появлением мотосредств кавалерию вытеснили также и из разведки. Но аристократия продолжала находиться в военном генералитете.

В раннем средневековье (эпоха Каролингов) общий уровень грамотности населения, в том числе дворянства, происходившего из среды завоевателей, был невысоким. Государством можно было управлять, не привлекая грамотных людей. Но позже функции управления усложнились, их исполнение зависело от специалистов. Первыми стали покоренные римляне. Затем администраторов начали специально готовить. Формировалась страта профессиональных гражданских чиновников, которые получили бразды правления из рук дворянства. Страта интеллектуалов-экспертов выполняла государственные обязанности не ради титулов и званий, как это делало дворянство. Появились писатели, ученые, ораторы, трубадуры, памфлетисты, администраторы – все выходцы из народа.

В средневековой Европе рынок и денежная экономика – скорее эпизод в повседневной жизни большинства населения. Богатые дворяне вели праздную жизнь, не тратя никаких денег. Дворянин мог воздвигнуть огромный замок, используя собственные каменоломни, мог обустроить сотню комнат, используя собственный лес, железо, мрамор. Его хозяйство позволяло прокормить тысячу знатных гостей, ничего не приобретая на рынке. Вряд ли нынешние миллионеры могут позволить себе такое.

Классы появились тогда, когда рухнули юридические барьеры в сословной иерархии. Классы представляли собой систему остаточного неравенства. Касты и сословия основывались на оправдании неравенства. У каст – религиозное, у сословий – юридическое, теоретическое и религиозное оправдания. У классов подобных оправданий нет. Новые законы имели своей целью установление равенства, но равенства возможностей. По замыслу, в основе классовой системы должен лежать принцип все люди рождены равными и свободными. Но это не значит, что такой она была в действительности.

В сословной системе страты строились на основе политических привилегий. Экономические преимущества отодвигались на второй план. В классовой системе все поменялось местами. Главное в ней – контроль над средствами производства, распределение богатства, профессиональные различия. Политические привилегии и различия отошли на второй план.

Бергель Е. Социальная стратификация // Кравченко, Альберт Иванович. Социология : Хрестоматия для вузов. – М. : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – 734 с. – (Gaudeamus). – С. 209-221.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое социальная стратификация?
2. Что такое статус и какие стутусы Вам известны?
3. Приведите пример аскриптивного статуса
4. Опишите исторические типы стратификации

Питер Бергер, Томас Лукман

Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания

Глава 2 Общество как объективная реальность

1. Институционализация

а. Организм и деятельность

[...] Взаимосвязь человека с его окружающей средой, напротив, характеризуется открытостью миру. Не только человек преуспел в том, что обосновался на большей части земной поверхности, но его взаимосвязь с окружающей средой повсюду обусловлена его собственной, весьма несовершенной, биологической конституцией. Конечно, последняя позволяет человеку заниматься разными видами деятельности. Однако тот факт, что он продолжал вести кочевой образ жизни в одном месте и земледельческий – в другом, не может быть, объяснен в терминах биологических процессов. Это, конечно, не означает, что не существует биологических ограничителей для связей человека с окружающей средой; его специфически-видовой сенсорный и моторный аппарат накладывает очевидные ограничения на весь спектр его возможностей. Специфичность биологической конституции человека заключается скорее в ее инстинктуальном компоненте.

В сравнении с другими высшими животными инстинктуальную организацию человека можно считать недостаточно развитой. Конечно же, у человека есть стимулы. Но эти стимулы в высшей степени неспециализированны и ненаправлены. Это значит, что человеческий организм может использовать свой конституционально данный аппарат в очень широком и постоянно меняющемся спектре разных видов деятельности. Эта специфичность человеческого организма, коренится в его онтогенетическом развитии. Действительно, если взглянуть на этот вопрос с точки зрения организмического развития, можно сказать, что эмбриональный период у человеческого существа продолжается еще в течение года после рождения. Жизненно важные процессы организмического развития, которые у животных завершаются в чреве матери, у ребенка происходят и после его появления на свет. Однако в это время человеческое дитя не просто находится во внешнем мире, но и взаимодействует с ним самыми различными способами.

Человеческий организм все еще биологически развивается, хотя уже находится во взаимосвязи со своим окружением. Иными словами, процесс становления человека происходит во взаимосвязи с окружающей средой. Это утверждение приобретает особое значение, если помнить, что

окружающая среда является как природной, так и человеческой. То есть, развиваясь, человек взаимодействует не только с природной окружающей средой, но и с особым социо-культурным порядком, опосредуемым для него значимыми другими, которые несут за него ответственность. Не только выживание ребенка зависит от определенных социальных порядков, но и направление его организмического развития социально детерминированно. С самого рождения организмическое развитие человека и большая часть его биологического существа как такового подвергаются постоянному вмешательству со стороны общества.

Несмотря на очевидные физиологические пределы различных возможных способов становления человека в этой двойной взаимосвязи с окружающей средой, человеческий организм проявляет необычайную пластичность, касающуюся его реакции на воздействия окружающей среды. Это становится особенно очевидным, когда наблюдаешь гибкость биологической конституции человека, подвергающейся самым разнообразным социо-культурным детерминациям. В этнологии общепризнано, что способы становления и существования человека столь же многочисленны, сколь и человеческие культуры. Человеческая природа – социо-культурная переменная. Иными словами, не существует человеческой природы в смысле некоего биологически фиксированного субстрата, определяющего многообразие социо-культурных образований. Человеческая природа существует лишь в смысле антропологических констант (например, открытость миру и пластичность инстинктуальной структуры), определяющих границы и возможности человеческих социо-культурных образований. Но специфическая форма проявления человеческой природы определяется этими социо-культурными образованиями и соответствует их многочисленным разновидностям. Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя. [...]

Период, в течение которого человеческий организм завершает свое развитие во взаимосвязи с окружающей средой, – это также и период формирования человеческого Я. Формирование Я тогда следует рассматривать в связи с непрерывным организмическим развитием и социальным процессом, в котором природное и человеческое окружение опосредуются значимыми другими. Генетические предпосылки Я, конечно, являются врожденными. Однако то Я, которое впоследствии воспринимается в качестве субъективно и объективно распознаваемой идентичности, врожденным не является. Те же самые социальные процессы, которые детерминируют завершение развития организма, формируют Я, в его особой, соответствующей данной культуре, форме. Характер Я как продукта данного общества не сводится к отдельной конфигурации, с которой индивид отождествляет себя (например, «в качестве человека»), идентичность которого тем или иным образом

определяется и формируется в рассматриваемой культуре), а представляет собой всесторонний психологический аппарат, служащий дополнением к определенному роду конфигурации (например, «человеческие» эмоции, установки и даже соматические реакции). Поэтому нет нужды говорить, что организм, а тем более Я нельзя адекватно понять отдельно от конкретного социального контекста, в котором они были сформированы.

Общее развитие человеческого организма и человеческого Я в социально детерминированной окружающей среде зависит от особой человеческой взаимосвязи между организмом и Я. Эта взаимосвязь является эксцентрической. С одной стороны, человек есть тело в том же самом смысле, как это можно сказать о любом другом животном организме. С другой стороны, человек имеет тело. То есть человек, воспринимает себя как существо, не идентичное своему телу, а, напротив, имеющее это тело в своем распоряжении. Другими словами, восприятие человеком самого себя всегда колеблется между тем, что он является телом и обладает им, и равновесие между ними нужно вновь и вновь восстанавливать. Эта эксцентричность восприятия человеком своего тела имеет определенные последствия для анализа человеческой деятельности как поведения в материальной окружающей среде и как экстернализации субъективных значений. Для адекватного понимания любого человеческого феномена следует принимать в расчет оба эти аспекта на том основании, что корни их в фундаментальных антропологических фактах.

Из сказанного выше должно быть понятно, что утверждение о том, что человек создает себя сам, никоим образом не означает своего рода прометеевского видения заброшенного индивида. Создание человеком самого себя всегда и неизбежно – предприятие социальное. Люди вместе создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований; ни одно из которых нельзя понять в качестве продуктов биологической конституции человека, которая, как уже отмечалось, устанавливает лишь внешние пределы производительной деятельности человека. Подобно тому как человек не может развиваться как человек в изоляции, так и человеческую окружающую среду он не может создавать в изоляции. Одинокое человеческое существование – это существование на животном уровне (которое человек, безусловно, разделяет с другими животными). Как только наблюдаются феномены специфически человеческие, мы вступаем в сферу социального. Специфическая природа человека и его социальность переплетены необычайно сложно. *Homo Sapiens* всегда и в той же степени есть *Homo Socius*.

Человеческому организму недостает необходимых биологических средств, чтобы обеспечить стабильность человеческого поведения. Человеческое существование, если бы оно опиралось только на ресурсы организма, было бы весьма хаотическим. Хотя подобный хаос и можно

представить в теории, на практике он маловероятен. В действительности человеческое существование помещено в контекст порядка, управления, стабильности. Тогда возникает вопрос: откуда берется существующая в реальности стабильность человеческого порядка? Ответ можно дать на двух уровнях. Сначала можно указать на очевидный факт, что данному социальному порядку предшествует организмическое развитие любого индивида. То есть, хотя открытость-миру и свойственна биологической природе человека, преимущественные права на нее всегда предъявляет социальный порядок. Можно сказать, что свойственная биологической природе человеческого существования, открытость-миру всегда трансформируется (и, в сущности, должна быть трансформирована) социальным порядком в относительную закрытость-миру. Несмотря на то что эта закрытость никогда не может приблизиться к закрытости животного существования хотя бы только потому, что она создана человеком и имеет «искусственный» характер, тем не менее в большинстве случаев она в состоянии обеспечить управление и стабильность большей части человеческого поведения. Вопрос можно перевести в другую плоскость, спросив, каким образом возникает сам социальный порядок.

Наиболее общий ответ на этот вопрос таков: социальный порядок – это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство. Он создается человеком в процессе постоянной экстернализации. Социальный порядок в своих эмпирических проявлениях не является биологически данным или происходящим из каких-либо биологических данных. Нет нужды добавлять, что социальный порядок не является также данностью человеческой природной среды, хотя отдельные ее черты могут быть факторами, определяющими те или иные характеристики социального порядка (например, экономические мероприятия; технологические приспособления). Социальный порядок не является частью «природы вещей» и не возникает по «законам природы». Он существует лишь как продукт человеческой деятельности. Никакой другой онтологический статус ему нельзя приписать без того, чтобы окончательно не запутать понимание его эмпирических проявлений. И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) – это человеческий продукт. Хотя социальные продукты человеческой экстернализации имеют характер *sui generis* по отношению к их организмическому контексту и природной среде, важно подчеркнуть, что экстернализация как таковая есть антропологическая необходимость. Человеческое существование невозможно в закрытой сфере внутреннего бездействия. Человек должен непрерывно экстернализовать себя в деятельности. Эта антропологическая необходимость коренится в биологическом аппарате человека. Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам

обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими. Эти биологические факты выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка. Иначе говоря, хотя ни один из существующих социальных порядков не может быть установлен на основе биологических данных, необходимость в социальном порядке как таковом возникает из биологической природы человека.

Чтобы понять причины (отличные от тех, в основе которых лежат биологические константы) возникновения, поддержания и передачи социального порядка, следует проанализировать то, что содержится в теории институционализации.

б. Истоки институционализации

Всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации (т.е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабиитуализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершенно в будущем тем же самым образом и с тем практическим усилием. Это касается деятельности как в социальной сфере, так и вне ее. Даже изолированный индивид на вошедшем в поговорку пустынном острове делает свою деятельность привычной. Когда он просыпается утром и возобновляет свои попытки построить каноэ из спичек, он может бормотать себе под нос «Попробую-ка я снова» по мере того как он приступает к процедуре, состоящей, скажем из десяти шагов, и делает первый шаг. Другими словами, даже одинокий человек находится в компании тех действий, которые он должен совершить.

Конечно, действия, ставшие привычными, сохраняют для индивида свой многозначительный характер, хотя значения, которые они содержат, включаются в качестве рутинных в общий запас знания, считающийся само собой разумеющимся и наличным для его планов в будущем. Важным психологическим последствием хабиитуализации оказывается уменьшение различных выборов. Хотя в теории могут существовать сотни способов проектирования строительства каноэ из спичек, в процессе хабиитуализации они сводятся к одному. Это освобождает индивида от бремени «всех этих решений», принося психологическое облегчение, основанием которого является ненаправленная инстинктуальная структура человека. Хабиитуализация предусматривает направление и специализацию деятельности, которых недостает биологическому аппарату человека, ослабляя тем самым аккумуляцию напряжений как следствия ненаправленных влечений. И, предусматривая стабильную основу протекания человеческой деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени, хабиитуализация освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо. Другими словами, задний план опривыченной деятельности

предоставляет возможности переднему плану для рассуждения и инновации.

В терминах значений, которые человек придает своей деятельности, благодаря хабиитуализации становится необязательно определять каждую ситуацию заново, шаг за шагом. Огромное разнообразие ситуаций может быть отнесено к разряду тех определений, которые были даны раньше. И тогда можно предвидеть действия, которые нужно совершить в этих ситуациях. Даже альтернативным вариантам поведения можно придать стандартные значения.

Эти процессы хабиитуализации, предшествующие любой институционализации могут быть применены и к гипотетическому уединенному индивиду, удаленному от какого-либо социального взаимодействия. Тот факт, что даже такой, уединенный индивид, предположительно сформировавшийся как Я (что следовало бы предположить и в нашем случае со строителем каноэ из спичек), будет делать свою деятельность привычной в соответствии со своим биографическим опытом в мире социальных институтов, предшествовавшим его изоляции, в данный момент нас не интересует. На практике наиболее важная часть хабиитуализации человеческой деятельности сопряжена с процессом институционализации. И тогда встает вопрос, как же возникают институты.

Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах. Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия. Институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X. Например, правовой институт устанавливает правило, согласно которому головы будут рубить особым способом в особых обстоятельствах и делать это будут определенные типы людей (скажем, палачи, представители нечистой касты, девственницы определенного возраста или те, кто назначен жрецами).

Далее, институты предполагают историчность и контроль. Взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории. Они не могут быть созданы моментально. Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан. Кроме того, институты, уже благодаря самому факту их существования контролируют человеческое поведение, устанавливая предопределенные его образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений. Важно подчеркнуть, что

этот контролирующий характер присущ институционализации как таковой, независимо от и еще до того, как созданы какие-либо механизмы санкций, поддерживающих институт. Эти механизмы (совокупность которых составляет то, что обычно называют системой социального контроля), конечно же, существуют во многих институтах и во всех агломерациях институтов, которые мы называем обществами. Однако эффективность их контроля – вторичного, дополнительного рода. Как мы увидим позднее, первичный социальный контроль задан существованием института как такового. Сказать, что часть человеческой деятельности была институционализирована, – уже значит сказать, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю. Дополнительные механизмы контроля требуются лишь в том случае, если процессы институционализации не вполне успешны. Так, например, законом может быть предусмотрено рубить головы тем, кто нарушает инцестуозные табу. Эта мера может быть необходимой, так как имелись случаи нарушения табу. Однако маловероятно, что эта санкция будет, сохраняясь постоянно (видимо, лишь до тех пор, пока институт инцестуозных табу не исчезнет в процессе его дезинтеграции, особый случай чего нет нужды освещать здесь). Поэтому нет смысла говорить, что человеческая сексуальность контролируется обществом посредством отсечения головы определенным индивидам; скорее это происходит посредством ее институционализации в ходе конкретного исторического развития. Можно добавить, конечно, что инцестуозное табу само по себе есть не что иное, как негативная сторона совокупности типизаций, в первую очередь определяющих, какое сексуальное поведение инцестуозно, а какое – нет. В действительности, институты, как правило, появляются в довольно многочисленных общностях. Однако важно подчеркнуть, что в теории процесс институционализации взаимной типизации будет иметь место даже в том случае, если только два индивида начинают взаимодействие заново. Зачатки институционализации появляются в каждой социальной ситуации, продолжающейся какое-то время. Предположим, что две личности из совершенно разных социальных миров начинают взаимодействовать. Говоря слово «личности», мы предполагаем, что два индивида сформировали свои Я, что, конечно, могло произойти лишь в социальном процессе. Так что в данный момент мы исключаем случаи Адама и Евы, или двух «диких» детей, встречающихся в первобытных джунглях. Мы предполагаем, что два индивида прибывают на место встречи из социальных миров, исторически сформировавшихся на отдалении друг от друга, и поэтому их взаимодействие происходит для них обоим. Можно было бы представить «Пятницу», встречающего нашего знакомого, строящего каноэ из спичек на пустынном острове, при этом первый пусть был бы папуасом, а второй – американцем. Однако в таком случае есть вероятность, что американец мог читать или по крайней мере слышать историю Робинзона Крузо, а это придает ситуации некоторую

предопределенность по крайней мере для него. Лучше назовем их просто А и В.

По мере того как А и В взаимодействуют каким бы то ни было образом, типизации будут создаваться довольно быстро. А наблюдает за тем, что делает В. Он приписывает мотивы действиям В; глядя, как действие повторяется, типизирует мотивы как повторяющиеся. По мере того как В продолжает совершать действия, А уже в состоянии сказать себе: «А-а, он снова это делает». В то же время А в состоянии допустить, что В делает то же самое по отношению к нему. С самого начала А и В допускают эту взаимность типизации. В ходе из взаимодействия эти типизации будут проявляться в специфических образцах поведения. То есть А и В будут играть роли по отношению друг к другу. Это будет происходить даже в том случае, если каждый продолжает совершать действия, отличные от действий других. Появится возможность принятия роли другого по отношению к одним и тем же действиям, совершаемым обоими. То есть А будет незаметно примерять к себе роли, все время повторяемые В, делая их образцами своего ролевого поведения. Например, роль В в сфере приготовления пищи не только типизируется А в качестве таковой, но и становится составным элементом собственной роли А в аналогичной сфере деятельности. Таким образом, возникает совокупность взаимно типизированных действий, хабиитуализированных для каждого в ролях, некоторые из которых они играют отдельно, а некоторые – сообща. Несмотря на то что эта взаимная типизация еще далека от институционализации (пока присутствуют только два индивида, нет возможности для типологии деятелей), ясно, что институционализация уже присутствует здесь *in nucleo*.

На этой стадии можно спросить, что нового приобретает каждый индивид при этом. Наиболее важным приобретением, является то, что теперь каждый может предвидеть действия другого. Значит, их взаимодействие становится предсказуемым. «Он делает это снова» превращается в «Мы делаем это снова». Это, значительно ослабляет напряжение обоих. Они берегут время и усилия не только при решении внешних задач, в которое они вовлечены порознь или сообща, но и в терминах своих индивидуальных психологических затрат. Теперь их совместная жизнь определяется более обширной сферой само собой разумеющихся рутинных действий. Многие действия теперь не требуют большого внимания. И любое действие одного из них больше не является источником удивления и потенциальной опасности для другого. Напротив, повседневная жизнь становится для них все более тривиальной. Это означает, что два индивида конструируют задний план – в указанном выше смысле, – который будет способствовать стабилизации как их отдельных действий, так и взаимодействия. Конструирование этого заднего плана рутинных действий в свою очередь делает возможным разделение труда между ними, открывая дорогу инновациям, которые требуют более

высокого, уровня внимания.

Благодаря разделению труда и инновациям будет открыта дорога для новых хабитуализаций и расширения общего для обоих индивидов заднего плана. Иначе говоря, социальный мир – в том числе и зачатки расширяющегося институционального порядка – будет находиться в процессе конструирования.

В общем, все повторяющиеся действия становятся в некоторой степени привычными, так же как все действия, которые наблюдает другой, обязательно включают некую типизацию с его стороны. Однако, для того чтобы имела место взаимная типизация только что описанного типа, необходима продолжающаяся социальная ситуация, в которой происходило бы соединение опривыченных действий двух или более индивидов. Какие действия вероятнее всего будут взаимно типизироваться подобным образом?

Общий ответ – те действия, которые релевантны и для А и для В в рамках их общей ситуации. Конечно, в различных ситуациях релевантные сферы будут разными. Некоторые – это те, с которыми А и В сталкивались раньше в их прошлой биографии, другие могут быть результатом природных, досоциальных обстоятельств их ситуации. Но что в любом случае подвергается хабитуализации – так это процесс коммуникации между А и В. Другие объекты типизации и хабитуализации – труд, сексуальность и территориальное размещение. Ситуация А и В в этих различных сферах является парадигмой институционализации, имеющей место в более крупных сообществах.

Расширим несколько нашу парадигму и представим, что у А и В есть дети. Тогда ситуация качественно меняется. Появление третьих лиц меняет характер социального взаимодействия, существующего между А и В, оно будет меняться и дальше по мере присоединения все новых индивидов. Институциональный мир, существовавший в первоначальной ситуации – *in statu nascendi* – А и В, теперь передается другим. В этом процессе институционализация сама совершенствуется. Хабитуализации и типизации, совершаемые в совместной жизни А и В – эти образования, которые до сих пор еще имели качество *ad hoc* представлений двух индивидов, теперь становятся историческими институтами. С обретением историчности этим образованиям требуется совершенно иное качество, появляющееся по мере того, как А и В начали взаимную типизацию своего поведения, качество это – объективность. Это означает, что институты, которые теперь выкристаллизовались (например, институт отцовства, как он видится детям), воспринимаются независимо от тех индивидов, кому «довелось» воплощать их в тот момент. Другими словами, институты теперь воспринимаются как обладающие своей собственной реальностью, реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом.

Пока зарождающиеся институты только создаются и

поддерживаются лишь во взаимодействии А и В, их объективность остается незначительной, легко изменяемой, почти игровой, даже когда они достигают определенной степени объективности благодаря одному лишь факту их создания. Если выразить это несколько иначе, ставший рутинным задний план деятельности А и В остается довольно доступным для обдуманного вмешательства со стороны А и В. Хотя однажды установленные, рутинные действия имеют тенденцию упорно сохраняться, возможность их изменения и даже аннулирования остается в сознании. Только А и В ответственны за конструирование этого мира. А и В в состоянии изменить или аннулировать его. Более того, пока они сами создают этот мир в ходе их общей биографии, которая на их памяти, созданный таким образом мир кажется им абсолютно прозрачным. Они понимают мир, который создан ими. Все это меняется в процессе передачи новому поколению. Объективность институционального мира «увеличивается» и «укрепляется» не только для детей, но и (благодаря зеркальному эффекту) для родителей тоже. Формула «Мы делаем это снова» теперь заменяется формулой «Так это делается». Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость в сознании, он становится гораздо более реальным и не может быть легко изменен. Для детей, особенно на ранней стадии социализации, он становится их миром. Для родителей он теряет свое игровое качество и становится «серьезным». Для детей переданный родителями мир не является абсолютно прозрачным. До тех пор, пока они не принимают участия, в его создании, он противостоит им как данная реальность, которая, подобно природе, является непрозрачной, по крайней мере отчасти.

Только сейчас становится возможным говорить о социальном мире вообще, в смысле всеобъемлющей и данной реальности, с которой индивид сталкивается, наподобие реальности природного мира. Только таким образом в качестве объективного мира социальные учреждения могут быть переданы новому поколению. На ранних стадиях социализации ребенок совершенно не способен различать объективность природных феноменов и объективность социальных учреждений. Представляя собой наиболее важную деталь социализации, язык кажется ребенку присущим природе вещей и он не может понять его конвенциональности. Вещь есть то, чем ее называют, и она не может быть названа как-нибудь еще. Все институты точно так же кажутся уму данными, неизменными и самоочевидными. Даже в нашем практически невероятном случае с родителями, создающими институциональный мир заново, объективность этого мира будет увеличиваться для них по мере социализации их детей, так как объективность, воспринимаемая детьми, будет отражать их собственное восприятие этого мира. Конечно, на практике институциональный мир, передаваемый большинством родителей, уже имеет характер исторической и объективной реальности. Процесс

передачи этого мира просто усиливается родительским восприятием реальности. Хотя бы только потому, что если кто-то говорит: «Именно так это делается», то он сам довольно часто верит в это.

Институциональный мир тогда воспринимается в качестве объективной реальности. У него есть своя история, существовавшая до рождения индивида, которая недоступна его индивидуальной памяти. Он существовал до его рождения и будет существовать после его смерти. Сама эта история, как традиция существующих институтов, имеет характер объективности. Индивидуальная биография воспринимается как эпизод в объективной истории общества. Институты в качестве исторических и объективных фактичностей предстают перед индивидом как неоспоримые факты. В этом отношении институты оказываются для индивида внешними, сохраняющими свою реальность, независимо от того, нравится она ему или нет. Он не может избавиться от них. Институты сопротивляются его попыткам изменить их или обойтись без них. Они имеют над ним принудительную власть и сами по себе, благодаря силе своей фактичности, и благодаря механизмам контроля, которыми обычно располагают наиболее важные институты. Объективная реальность институтов не становится меньше от того, что индивид не понимает их цели и способа действия. Он может воспринимать большие сектора социального мира как непостижимые и даже подавляющие своей непрозрачностью, но тем не менее реальные. До тех пор, пока институты существуют как внешняя реальность, индивид не может понять их посредством интроспекции. Он должен «постараться» изучить их так же, как он изучает природу. Это остается верным, несмотря на то что социальный мир в качестве созданной человеком реальности потенциально доступен его пониманию таким способом, который невозможен в случае понимания природного мира.

Важно иметь в виду, что объективность институционального мира – сколь бы тяжелой ни казалась она индивиду – созданная человеком, сконструированная объективность. Процесс, посредством которого экстернализированные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности, называется объективацией. Институциональный мир – как и любой отдельный институт – это объективированная человеческая деятельность. Иначе говоря, несмотря на то что социальный мир отмечен объективностью в человеческом восприятии, тем самым он не приобретает онтологический статус, независимый от человеческой деятельности, в процессе которой он и создается. К парадоксу, состоящему в том, что человек создает мир, который затем воспринимается как нечто совсем иное, чем человеческий продукт, мы обратимся чуть позже. Сейчас важно подчеркнуть, что взаимосвязь между человеком – создателем и социальным миром – его продуктом является диалектической и будет оставаться таковой. То есть человек (конечно, не в изоляции, но в своей общности) и его социальный мир взаимодействуют друг с другом. Продукт

оказывает обратное воздействие на производителя. Экстернализация и объективация – два момента непрерывного диалектического процесса. Третьим моментом этого процесса является интернализация (посредством которой объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации), которая будет детально обсуждаться позднее. Однако уже можно видеть фундаментальную взаимосвязь трех диалектических моментов социальной реальности. Каждый из них соответствует существенной характеристике социального мира. Общество – человеческий продукт. Общество – объективная реальность. Человек – социальный продукт. Уже должно быть ясно, что анализ социального мира, который исключает хотя бы один из этих трех моментов, будет неполным и искажающим. Можно также добавить, что лишь с передачей социального мира новому поколению (т.е. с интернализацией его в процессе социализации) фундаментальная социальная диалектика приобретает завершенность. Повторим еще раз, что лишь с появлением нового поколения можно говорить о собственно социальном мире.

В то же время институциональному миру требуется легитимация, то есть способы его «объяснения» и оправдания. И не потому, что он кажется менее реальным. Как мы уже видели, реальность социального мира приобретает свою массивность в процессе передачи ее новым поколениям. Однако эта реальность является исторической и наследуется новым поколением скорее как традиция, чем как индивидуальная память. В нашем парадигмическом примере с А и В впервые творцы социального мира всегда в состоянии реконструировать обстоятельства, в которых создавался весь мир и любая его часть. То есть они могут вернуться к исходному значению института благодаря своей памяти. Дети А и В оказываются в совершенно иной ситуации. Знание истории института передается им через «вторые руки». Первоначальный смысл институтов недоступен их пониманию в терминах памяти. Поэтому теперь необходимо истолковать им этот смысл в различных формулах легитимации. Они должны быть последовательными и исчерпывающими в терминах институционального порядка, чтобы стать убедительными для нового поколения. Так сказать, ту же самую историю следует рассказать всем детям. Отсюда следует, что расширяющийся институциональный порядок создает соответствующую завесу легитимаций, простирающую над ним свое защитное покрывало когнитивной и нормативной интерпретаций. Эти легитимации заучиваются новым поколением в ходе того же самого процесса, который социализирует их в институциональный порядок. Более детальным анализом этого процесса мы займемся чуть позже.

В связи с историзацией и объективацией институтов становится необходимой и разработка специальных механизмов социального контроля. Отклонение от институционально «запрограммированного» образа действий оказывается вероятным, как только институты становятся

реальностями, оторванными от первоначальных конкретных социальных процессов, в контексте которых они возникают. Проще говоря, более вероятно, что, отклоняться индивид будет от тех программ, которые установлены для него другими, чем от тех, которые он сам для себя устанавливает. Перед новым поколением встает проблема выполнения существующих правил, и для его включения в институциональный порядок в ходе социализации требуется введение санкций. Институты должны утверждать свою власть над индивидом (что они и делают) независимо от тех субъективных значений, которые он может придавать каждой конкретной ситуации. Должен постоянно сохраняться и поддерживаться приоритет институциональных определений ситуации над попытками индивида определить их заново. Детей следует «научить вести себя», и, однажды научившись, они должны «придерживаться этой линии поведения». То же самое, конечно, касается и взрослых. Чем более поведение институционализировано, тем более предсказуемым, а значит, и контролируемым оно становится. Если социализация была успешной, то откровенно принудительные меры применяются выборочно и осторожно. Большую часть времени поведение будет «спонтанным» в рамках институционально установленных каналов. Чем более само собой разумеющимся является поведение на уровне значений, тем меньше возможных альтернатив остается институциональным «программам» и тем более предсказуемым и контролируемым будет поведение.

В принципе институционализация может иметь место в любой сфере релевантного для данной общности поведения. В действительности, различные процессы институционализации происходят одновременно. Нет никакой априорной причины для предположения, что эти процессы обязательно должны быть функционально «неразрывными», не говоря уж о том, что они образуют логически связную систему. [...]

Тем не менее факт остается фактом, что институты имеют тенденцию «быть неразрывными». Если этот феномен не считать само собой разумеющимся, то его следует объяснить. Как это сделать? Во-первых можно утверждать, что некоторые релевантности (т.е. интересы и предпочтения) будут общими у всех членов данного коллектива. С другой стороны, многие сферы поведения будут релевантными лишь для определенных типов. Это означает, что возникает дифференциация по крайней мере способов, посредством которых этим типам придаются некоторые относительно стабильные значения. Основой подобного придания значений могут быть такие досоциальные различия, как пол, различия, связанные с направлением социального взаимодействия и разделением труда. Например, магией плодородия могут заниматься только женщины, а пещерной настенной живописью – только охотники. Только старики могут совершать ритуал дождя, и только оружейных дел мастера могут спать со своими кузинами по материнской линии. В терминах их внешней социальной функциональности эти некоторые сферы

поведения необязательно интегрировать в одну связную систему. Они могут продолжать параллельное сосуществование на той основе, что действия в них совершаются независимо друг от друга. Но хотя совершение действий в этих сферах может быть изолированным, на уровне значений, соответствующих различным сферам поведения, возникает тенденция по крайней мере к минимальной согласованности. По ходу размышлений о сменяющих друг друга моментах своего опыта индивид пытается поместить присущие им значения в непротиворечивую биографическую систему отсчета. Эта тенденция возрастает по мере того, как индивид начинает разделять с другими людьми свои значения, интегрируя их в своей биографии. Возможно, что эта тенденция к интеграции значений основана на психологической потребности, которая в свою очередь тоже может иметь психологические корни (то есть может существовать «потребность» в связности, являющаяся неотъемлемой частью психо-физиологической конституции человека). Однако наша аргументация покоится не на подобных антропологических утверждениях, она связана, скорее, с анализом смыслового взаимодействия в процессе институционализации.

Отсюда следует, что к любым утверждениям относительно «логики» институтов нужно подходить с большой осторожностью. Логика свойственна не институтам и их внешней функциональности, но способу рефлексии по их поводу. Иначе говоря, рефлектирующее сознание переносит свойство логики на институциональный порядок.

Язык предусматривает фундаментальное наложение логики на объективированный социальный мир. Система легитимации построена на языке и использует язык как свой главный инструмент. «Логика», таким образом, приписываемая институциональному порядку, является частью социально доступного запаса знания и само собой разумеющейся в качестве таковой. Так как хорошо социализированный индивид «знает», что его социальный мир представляет собой связное целое, он будет вынужден объяснять его хорошее и плохое функционирование в терминах этого «знания». В результате исследователю любого общества очень легко предположить, что социальные институты действительно функционируют и осуществляют интеграцию так, как им «положено».

Тогда *de facto* институты интегрированы. Но их интеграция не есть функциональный императив для социальных процессов, в ходе которых они создаются; скорее интеграция институтов имеет вторичный характер. Индивиды совершают разрозненные институционализированные действия на протяжении и в контексте всей своей биографии. Эта биография представляет собой отрефлектированное целое, где разрозненные действия воспринимаются не как изолированные события, но взаимосвязанные части субъективно значимого универсума, значения которого не являются характерными только для данного индивида, но социально сформулированы и распределены. Лишь благодаря этому обращению

социально распределенных смысловых универсумов возникает необходимость в институциональной интеграции.

[...] Если интеграцию институционального порядка понимать лишь в терминах «знания», имеющегося у его членов, это означает, что анализ этого «знания» является существенным для анализа рассматриваемого институционального порядка. Важно подчеркнуть, что при этом речь не идет лишь исключительно и преимущественно о сложных теоретических системах, служащих легитимациями институционального порядка. [...] теоретическое знание – лишь небольшая и отнюдь не самая важная часть того, что считается знанием в обществе. Теоретически сложные легитимации появляются в определенный момент истории институционализации. Знание, имеющее первостепенное значение для институционального порядка, – это дотеоретическое знание. И в сумме оно представляет собой все «то, что каждый знает» о социальном мире – это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное, для теоретической интеграции которых требуются значительные интеллектуальные усилия, учитывая, сколь длинен путь от Гомера до создателей современных социологических систем и теорий. Однако на дотеоретическом уровне у каждого института имеется массив знания рецептов, передаваемого по наследству, то есть того знания, которое поддерживает, соответствующие данному институту правила поведения.

Такое знание составляет мотивационную динамику институционализированного поведения. Оно определяет институционализированную сферу поведения и все, попадающие в ее рамки, ситуации. Оно определяет и конструирует роли, которые следует играть в контексте рассматриваемых институтов. *Ipsa facto* такое поведение становится контролируемым и предсказуемым. Поскольку это знание социально объективировано как знание, то есть как совокупность общепринятых истин относительно реальности, любое принципиальное отклонение от институционального порядка воспринимается как уход от реальности. Такое отклонение можно назвать моральной испорченностью, умственной болезнью или полным невежеством. Хотя эти четкие отличия, очевидно, важны при изучении отклоняющегося поведения, все они имеют более низкий когнитивный статус в определенном социальном мире. Таким образом, каждый конкретный социальный мир становится миром *tout court*. То знание, которое считается в обществе само собой разумеющимся, существует наряду с известным или еще не известным, но которое при определенных условиях может стать известным в будущем. Это знание, которое приобретается в процессе социализации и опосредует объективированные структуры социального мира, когда оно интернализируется в рамках индивидуального сознания. В этом смысле знание – сердцевина фундаментальной диалектики общества. Оно программирует каналы, по которым в процессе экстернализации создается

объективный мир. Оно объективирует этот мир с помощью языка и основанного на нем когнитивного аппарата, то есть оно упорядочивает мир в объекты, которые должны восприниматься в качестве реальности. А затем оно опять интернализируется как объективно существующая истина в ходе социализации. Знание об обществе является, таким образом, реализацией в двойном смысле слова – в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности.

[...] И опять эта самая система знания передается следующему поколению. Оно воспринимает ее как объективную истину в ходе социализации, интернализируя таким образом в качестве субъективной реальности. В свою очередь эта реальность может оказывать влияние на формирование индивида [...]

Бергер Питер, Лукман Томас. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с. – С. 81-112.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как Вы понимаете высказывание: «Создание человеком самого себя всегда и неизбежно – предприятие социальное»?
2. Каким образом возникает социальный порядок?
3. Проанализируйте как возникают социальные институты
4. Дайте определение понятий «институционализация», «хабитуализация», «интернализация», «легитимация».

Питирим Сорокин

Социальная мобильность, ее формы и флуктуации

1 Концепция социальной мобильности, ее формы

Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую. Существует два основных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная. Под горизонтальной социальной мобильностью, или перемещением, подразумевается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. Перемещение некоего индивида из баптистской в методистскую религиозную группу, из одного гражданства в другое, из одной семьи (как мужа, так и жены) в другую при разводе или при повторном браке, с одной фабрики на другую, при сохранении при этом своего профессионального статуса, – все это примеры горизонтальной социальной мобильности. Ими же являются перемещения социальных объектов (радио, автомобиля, моды, идеи коммунизма, теории Дарвина) в рамках одного социального пласта,

подобно перемещению из Айовы до Калифорнии или с некоего места до любого другого. Во всех этих случаях «перемещение» может происходить без каких-либо заметных изменений социального положения индивида или социального объекта в вертикальном направлении. Под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой. В зависимости от направления перемещения существует два типа вертикальной мобильности: восходящая и нисходящая, то есть социальный подъем и социальный спуск. В соответствии с природой стратификации есть нисходящие и восходящие течения экономической, политической и профессиональной мобильности, не говоря уж о других менее важных типах. Восходящие течения существуют в двух основных формах: проникновение индивида из нижнего пласта в существующий более высокий пласт или создание такими индивидами новой группы и проникновение всей группы в более высокий пласт на уровень с уже существующими группами этого пласта. Соответственно и нисходящие течения также имеют две формы: первая заключается в падении индивида с более высокой социальной позиции на более низкую, не разрушая при этом исходной группы, к которой он ранее принадлежал; другая форма проявляется в деградации социальной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других групп или в разрушении ее социального единства. В первом случае «падение» напоминает нам человека, упавшего с корабля, во втором – погружение в воду самого судна со всеми пассажирами на борту или крушение корабля, когда он разбивается вдребезги.

Случаи индивидуального проникновения в более высокие пласты или падения с высокого социального уровня на низкий привычны и понятны. Они не нуждаются в объяснении. Вторую форму социального восхождения, опускания, подъема и падения групп следует рассмотреть подробнее.

Следующие исторические примеры могут служить в качестве иллюстраций. Историки кастового общества Индии сообщают нам, что каста брахманов не всегда находилась в позиции неоспоримого превосходства, которую она занимает последние два тысячелетия. В далеком прошлом касты воинов, правителей и кшатриев не располагались ниже брахманов, а, как оказывается, они стали высшей кастой только после долгой борьбы. Если эта гипотеза верна, то продвижение ранга касты брахманов через все другие этажи является примером второго типа социального восхождения. Возвысилась вся группа в целом, и все ее члены *in corpore* (лат. в полном составе) заняли то же положение. До принятия христианства Константином Великим статусы христианского епископа или христианского служителя культа были невысокими среди других социальных рангов Римской империи. В последующие несколько веков социальная позиция и ранг христианской церкви в целом поднялись.

Вследствие этого возвышения представители духовенства и, особенно, высшие церковные сановники также поднялись до самых высоких страт средневекового общества. И наоборот, падение авторитета христианской церкви в последние два столетия привело к относительному понижению социальных рангов высшего духовенства среди прочих рангов современного общества. Престиж папы или кардинала еще высок, но он, несомненно, ниже, чем был в средние века. Другой пример – группа легистов во Франции. Появившись в XII веке, эта группа быстро росла по своему социальному значению и положению. Очень скоро в форме судейской аристократии они вышли на позицию дворянства. В XVII и особенно XVIII веке группа в целом начала «опускаться» и наконец вовсе исчезла в пожарище Великой французской революции. То же происходило и в процессе восхождения аграрной буржуазии в средние века привилегированного Шестого корпуса, купеческих гильдий, аристократии многих королевских дворов. Занимать высокое положение при дворе Романовых, Габсбургов или Гогенцоллернов до революции означало иметь самый высокий социальный ранг. «Падение» династий привело к «социальному падению» связанных с ними рангов. Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе. В результате все ее члены *en masse* (в целом) были подняты до статуса, занимаемого ранее царской аристократией. Подобные явления наблюдаются и в ракурсе чистой экономической стратификации. Так, до наступления эры «нефти» или «автомобиля» быть известным промышленником в этих областях не означало быть промышленным и финансовым магнатом. Широкое распространение отраслей сделало их самыми важными промышленными сферами. Соответственно, быть ведущим промышленником-нефтяником или автомобилистом – значит быть одним из самых влиятельных лидеров промышленности и финансов. Все эти примеры иллюстрируют вторую коллективную форму восходящих и нисходящих течений в социальной мобильности. [...]

2 Интенсивность (или скорость) и всеобщность вертикальной социальной мобильности

С количественной точки зрения следует разграничить интенсивность и всеобщность вертикальной мобильности. Под интенсивностью понимается вертикальная социальная дистанция или количество слоев – экономических, профессиональных или политических, – проходимых индивидом в его восходящем или нисходящем движении за определенный период времени. Если, например, некий индивид за год поднимается с позиции человека с годовым доходом в 500 долларов до позиции с доходом в 50 тысяч долларов, а другой за тот же самый период с той же исходной позиции поднимается до уровня в 1000 долларов, то в первом случае интенсивность экономического подъема будет в 50 раз больше, чем

во втором. Для соответствующего изменения интенсивность вертикальной мобильности может быть измерена и в области политической и профессиональной стратификации.

Под всеобщностью вертикальной мобильности подразумевается число индивидов, которые изменили свое социальное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Абсолютное число таких индивидов дает абсолютную всеобщность вертикальной мобильности в структуре данного населения страны; пропорция таких индивидов ко всему населению дает относительную всеобщность вертикальной мобильности.

Наконец, соединив интенсивность и относительную всеобщность вертикальной мобильности в определенной социальной сфере (скажем, в экономике), можно получить совокупный показатель вертикальной экономической мобильности данного общества. Сравнивая, таким образом, одно общество с другим или одно и то же общество в разные периоды своего развития, можно обнаружить, в каком из них или в какой период совокупная мобильность выше. То же можно сказать и о совокупном показателе политической и профессиональной вертикальной мобильности.

3 Подвижные и неподвижные формы стратифицированных обществ

На основании вышесказанного легко заметить, что социальная стратификация одной и той же высоты, а также одного и того же профиля может иметь разную внутреннюю структуру, вызванную различиями в интенсивности и всеобщности горизонтальной и вертикальной мобильности. Теоретически может существовать стратифицированное общество, в котором вертикальная социальная мобильность равна нулю. Это значит, что внутри такого общества отсутствуют восхождения и нисхождения, не существует никакого перемещения членов этого общества, каждый индивид навсегда прикреплен к тому социальному слою, в котором он рожден. В таком обществе оболочки, отделяющие один слой от другого, абсолютно непроницаемы, в них нет никаких «отверстий» и нет никаких ступенек, сквозь которые и по которым жильцы различных слоев могли бы переходить с одного этажа на другой. Такой тип стратификации можно определить как абсолютно закрытый, устойчивый, непроницаемый или как неподвижный. Теоретически противоположный тип внутренней структуры стратификации одной и той же высоты, а также одного и того же профиля – тот, в котором вертикальная мобильность чрезвычайно интенсивна и носит всеобщий характер. Здесь перепонка между слоями очень тонкая, с большими отверстиями для перехода с одного этажа на другой. Поэтому, хотя социальное здание также стратифицировано, как и социальное здание неподвижного типа, жильцы различных слоев постоянно меняются; они не остаются подолгу на одном и том же «социальном этаже», а при помощи огромнейших лестниц они en masse передвигаются «вверх и вниз». Такой тип социальной стратификации может быть определен как открытый, пластичный,

проницаемый или мобильный. Между этими основными типами может существовать множество средних или промежуточных типов.

Выделив типы вертикальной мобильности и социальной стратификации, обратимся к анализу различных обществ и временным этапам их развития с точки зрения вертикальной мобильности и проницаемости их слоев.

4 Демократия и вертикальная социальная мобильность

Одна из самых ярких характеристик так называемых демократических обществ – большая интенсивность вертикальной мобильности по сравнению с недемократическими обществами. В демократических структурах социальное положение индивида, по крайней мере теоретически, не определяется происхождением; все они открыты каждому, кто хочет занять их; в них нет юридических и религиозных препятствий к подъему или спуску по социальной лестнице. А это все лишь способствует «большой вертикальной мобильности» («капиллярности» – по выражению Дюмона) в таких обществах. Большая социальная мобильность, вероятно, одна из причин веры в то, что социальное здание демократических обществ не стратифицировано или менее стратифицировано, чем здание автократических обществ. Ранее мы видели, что это мнение не подтверждается фактами. Такая вера суть своего рода помрачение ума, случившееся с людьми по многим причинам, в том числе и оттого, что социальный слой в демократических группах более открыт, в нем больше отверстий и «лифтов» для спуска и подъема. Естественно, все это производит впечатление отсутствия слоев, хотя они конечно же существуют.

Выделяя значительную мобильность демократических обществ, следует сделать оговорку, что не всегда и не во всех «демократических» обществах вертикальная мобильность больше, чем в «автократических». В некоторых недемократических обществах мобильность была большей, чем в демократических. Это не всегда заметно, так как «каналы» и методы подъема и спуска в таких обществах не столь явные, как, скажем, «выборы» в демократических обществах, да и еще существенно от них отличаются. В то время как «выборы» суть заметные показатели мобильности, другие выходы и каналы часто упускаются из виду. Поэтому создается подчас ложное впечатление устойчивого и неподвижного характера всех «невыворных» обществ. В дальнейшем будет показано, что этот имидж далек от реальности.

5 Общие принципы вертикальной мобильности

Первое утверждение. Вряд ли когда-либо существовали общества, социальные слои которых были абсолютно закрытыми или в которых отсутствовала бы вертикальная мобильность в ее трех основных ипостасях – экономической, политической и профессиональной. То, что внутренние слои первобытных племен были вполне проницаемыми, следует из того факта, что внутри многих из них наследование высокого положения

отсутствует как таковое; вождей часто избирали, а сами структуры были далеко не постоянными, и личные качества индивида играли решающую роль при подъеме или спуске по социальной лестнице. Ближе всех приближается к абсолютно неподвижному обществу, то есть безо всякой вертикальной мобильности, так называемое кастовое общество. Его наиболее ярко выраженный тип существует в Индии. Здесь воистину вертикальная мобильность очень слаба. [...]

И в последние десятилетия мы наблюдаем ту же картину. Слабое течение вертикальной мобильности проявляется по-разному: либо путем зачисления в одну из высокопоставленных каст тех, кто разбогател и смог получить санкцию на то от брахманов, либо путем создания новых каст, либо изменяя свой род занятий, либо путем межкастовых браков, либо путем миграции и т.д. Лишь недавно большую роль стало играть образование, религиозные и политические факторы. Очевидно, поэтому, несмотря на тот факт, что кастовое общество Индии, вероятно, самый яркий пример непроницаемого и наиболее устойчивого стратифицированного организма, тем не менее даже внутри него существовали и существуют слабые и медленные течения вертикальной мобильности. Если так обстоит дело с кастовым обществом Индии, то ясно, что и в других социальных организмах в той или иной степени должна присутствовать вертикальная социальная мобильность. Это утверждение подтверждается фактами из истории Греции, Рима, Египта, Китая, средневековой Европы, где вертикальная социальная мобильность была еще более интенсивной, чем в кастовом обществе Индии. Абсолютно неподвижное общество есть миф, никогда не реализованный в истории. Второе утверждение. Никогда не существовало общества, в котором вертикальная социальная мобильность была бы абсолютно свободной, а переход из одного социального слоя в другой осуществлялся бы безо всякого сопротивления. Это утверждение логично вытекает из приведенной выше посылки, что любое организованное общество суть стратифицированный организм. Если бы мобильность была бы абсолютно свободной, то в обществе, которое получилось бы в результате, не было бы социальных страт. Оно напоминало бы здание, в котором не было бы потолка-пола, отделяющего один этаж от другого. Но все общества стратифицированы. Это значит, что внутри них функционирует своего рода «сито», просеивающее индивидов, позволяющее некоторым подниматься наверх, оставляя других на нижних слоях, и наоборот.

Только в периоды анархий и большого беспорядка, когда вся социальная структура нарушена, а социальные слои в значительной степени дезинтегрированы, мы имеем нечто, напоминающее нам хаотическую и дезорганизованную вертикальную мобильность *en masse*. Но даже в такие периоды существуют препятствия для ничем не ограниченной социальной мобильности – частично в форме быстро развивающегося «нового сита», частично в форме остатков «сита» старого

режима. Спустя короткий промежуток времени если такое общество не погибнет в пожарище собственной анархии, то новое «сито» быстро займет место старого и, между прочим, станет таким же с трудом проницаемым, как и ему предшествующее. Что понимается под «ситом», будет объяснено позже. Здесь достаточно сказать, что оно существует и действует в той или иной форме в любом обществе. Утверждение это настолько очевидно, а в дальнейшем мы подкрепим его и фактами, что сейчас нет необходимости на этом задерживаться.

Третье утверждение. Интенсивность и всеобщность вертикальной социальной мобильности изменяется от общества к обществу, то есть в пространстве. Это утверждение представляется столь же очевидным. Дабы убедиться в этом, достаточно сравнить индийское кастовое общество и нынешнее американское. Если взять высшие ранги в политической, экономическом и профессиональном конусах в обоих обществах, то будет видно, что все они в Индии определены фактом рождения и есть только несколько «выскочек», которые достигли высокого положения, поднимаясь с самых низших слоев. Между тем как в США среди заправил промышленности и финансов 38,8% в прошлом и 19,6% в настоящем поколении начинали бедняками; 31,5% бывших и 27,7% ныне живущих мультимиллионеров начинали свою карьеру, будучи людьми среднего достатка. Среди 29 президентов США 14 (то есть 48,3%) вышли из бедных или средних семей. Разница во всеобщности вертикальной мобильности обеих стран та же самая. В Индии подавляющее большинство занятого населения наследует и сохраняет в течение жизни профессиональный статус своих отцов; в США большинство населения меняет свою профессию по крайней мере один раз в течение жизни. Исследование профессиональной мобильности доктора Л. Даблина показало, что среди держателей страхового полиса государственной страховой компании 58,5% изменили свои профессии с момента выдачи полиса. Мои собственные наблюдения подобных переходов в профессиональных ориентациях от отца к сыну среди разных групп американского населения свидетельствуют о том, что у современного поколения смена профессии стала более частой. То же самое можно сказать и о всеобщности вертикальной экономической мобильности. [...]

Четвертое утверждение. Интенсивность и всеобщность вертикальной мобильности – экономической, политической и профессиональной – колеблются в рамках одного и того же общества в разные периоды его истории. В ходе истории любой страны или социальной группы существуют периоды, когда вертикальная мобильность увеличивается как количественно, так и качественно, однако существуют и периоды, когда она чувствительно уменьшается. [...]

А) Первый ряд подтверждений дают крупные социальные потрясения и революции, которые подчас единожды, но все же происходили в истории каждого общества. В периоды таких потрясений

вертикальная социальная мобильность по своей интенсивности и всеобщности, естественно, намного выше, чем в периоды порядка и мира. Но так как в истории всех стран рано или поздно наступали периоды социальных потрясений, то и вертикальная мобильность в них колебалась.

За один или два года русской революции были уничтожены почти все представители самых богатых слоев; почти вся политическая аристократия была низвергнута на низшую ступень; большая часть хозяев, предпринимателей и почти весь ранг высших специалистов-профессионалов были низложены. С другой стороны, в течение пяти-шести лет большинство людей, которые до революции были «ничем», стали «всем» и поднялись на вершину политической, экономической и профессиональной «аристократии». Революция напоминает мне крупное землетрясение, которое опрокидывает вверх дном все слои на территории геологического катаклизма. Никогда в нормальные периоды русское общество не знало столь сильной вертикальной мобильности.

Картина, которую дают Великая французская революция 1789 года, английская революция XVII века, крупные средневековые изменения или социальные революции в Древней Греции, Риме, Египте или в любой другой стране, подобна той, которую дает русская революция.

То, что было сказано о революциях, можно сказать и о бедствиях в форме иностранной интервенции, великих войнах и завоеваниях.

«Норманнское завоевание почти полностью вытеснило аристократию англо-саксонской расы, поместив «искателей приключений», сопровождавших Вильгельма Завоевателя, на место тех дворян, которые до этого управляли крестьянством... Знать старой монархии была вынуждена «уйти» в отставку».

Эта цитата приведена для того, чтобы показать, что любое военное вмешательство практически всегда приводит – прямо или косвенно – к подобным результатам. Завоевание арийцами коренного населения Древней Индии, дорийцами – автохтонного населения Греции, спартамцами – Мессении, римлянами – «своих земель» Италии, испанцами – коренного населения Америки и т.д. вызвали подобное ослабление прежде высоких социальных страт и создание новой знати из людей, которые раньше находились гораздо ниже. Даже если война не заканчивается завоеванием или покорением, она тем не менее приводит к тем же последствиям из-за значительных людских потерь в высших социальных эшелонах, особенно среди политической и военной аристократии, а также из-за финансового банкротства богатых людей или обогащения искусных мошенников-нуворишей. «Вакуум» в знатных слоях общества, вызванный потерями, приходится заполнять, и это приводит к более интенсивному продвижению новых людей к высоким позициям.

По этим же причинам происходят и более частые профессиональные перемещения, которые приводят к большей профессиональной мобильности, чем в обычное время. Факты, которые мы привели выше,

указывают на существование ритмов статичных и динамичных периодов в вертикальной мобильности внутри одного и того общества в разные периоды истории.

Б) Второй ряд подтверждений дает реальная история многих наций.

Историки Индии отмечают, что устойчивая кастовая система не была известна в Индии на ранних ступенях ее истории. «Ригведа» ничего не говорит о кастах. Этот период проявляется в крупных миграциях, нашествиях и мобильности. Позднее кастовая система вырастает и достигает своей кульминации. Соответственно вертикальная социальная мобильность устанавливается на нулевой отметке. Происхождение почти исключительно определяло социальное положение индивида; это положение укреплялось и становилось «вечным» для всех поколений одной и той же семьи. В тот период «в ведических текстах нет еще примеров того, как вайшья достигает ранга священника или князя». Еще позднее, приблизительно ко времени распространения буддизма (VI–V вв. до н. э.), происходит ослабление кастовой системы и растет мобильность. Сам буддизм был выражением реакции против твердого кастового режима и одновременно попыткой нарушить его. Вскоре после III века до нашей эры «выплеснулась» новая волна социальной неподвижности, усиления кастовой изоляции и триумфа брахманов, вытеснившая предшествующую волну социальной мобильности.

Позднее наблюдались подобные волны неоднократно, таким же образом происходило чередование периодов относительной мобильности и относительной стабильности вплоть до нашего времени, когда Индия вновь вступает в период возрастания вертикальной социальной мобильности и ослабления устойчивости своей кастовой системы. Очевидно, что реальный процесс колебаний куда более сложный, чем тот, который мы только что очертили.

В долгой истории Китая также существовали подобные волны. Они отмечены, во-первых, шахматным чередованием периодов общественного порядка с периодами сильных социальных потрясений преимущественно в форме внутренних социальных революций и иностранных вторжений. Они повторялись многократно; большая их часть проявлялась на стыке конца существования правящих династий и установления новых. [...]

В Древнем Риме на ранних ступенях развития для неполноправных граждан проникновение в слой римских граждан было крайне затруднительным. Продвижение стало легче и интенсивнее уже в императорскую эпоху. С уменьшением различных социальных препонов, однако, привилегии римского гражданства также уменьшились. [...]

На заре средневековья в Европе наблюдается интенсивная вертикальная мобильность. Среди тевтонцев, франков и кельтов в этот период слой лидеров был открыт почти каждому, у кого обнаруживался необходимый талант и способности. Систематические вторжения готов, гуннов, ломбардов, вандалов нарушали социальную стратификацию

Римской империи. Один аристократический род исчезал за другим, к власти приходили все новые и новые авантюристы. Так были разрушены староримские аристократические и сенаторские фамилии. Откровенные авантюристы стали основателями новых династий и новой знати. Так появились Меровинги, а позднее Каролинги с их знатью. Из кого же рекрутировалась знать этого периода, так сказать, *noblesse du palais* (дворцовая знать), которая вытеснила сенаторские слои Рима? Ответ прост.

В VI веке еще возможно было встретить некоторые сенаторские фамилии благороднорожденных и богатых благодаря унаследованному богатству. Но в VII веке эта знать исчезла полностью и была вытеснена новой знатью королевских чиновников или *noblesse du palais*. Законы франков оценивали выше тех, кто находился на службе у короля, чем представителей старинных аристократических семей. Не длинный перечень выдающихся предков, а государственная служба делала человека благородным. В практике общества Меровингов даже высшие ранги знати были настолько открытыми, что даже слуга довольно легко и быстро мог подняться до самых высоких государственных позиций. Знать того времени в своей генеалогии указывала только на дворянство отца и не более.

Поэтому среди графов и дворян мы находим таких, как Эбрион – *maitre des Palais* – и других, вышедших из слуг, разбойников и прочего способного люда простого происхождения. Это положение сохранялось и при Каролингах, ибо и при них значительное число герцогов и графов вышло из слуг или низших общественных слоев.

В общем, до XIII века не было особых юридических препятствий для социального восхождения. Последний простолюдин, если он смелый и способный, мог стать дворянином – *chevalier*; тот, кому по силам было купить поместье, также мог стать дворянином. Не требовалось никакой санкции короля для признания законности дворянского достоинства. Но после XIII века появились первые симптомы социальной изоляции и один за другим стали отсекается пути проникновения в высшие классы. Мобильность, правда, не исчезла вовсе, но она резко сократилась на протяжении XIII и первой половины XIV века.

Столетняя война, крестьянское восстание (Жакерия), парижское восстание 1356 – 1358 годов, междоусобная борьба бургундцев и арманьяков вновь сдвинули вертикальную мобильность со второй половины XIV века с нулевой отметки. Новые люди опять стали проникать в высшие слои знати, численно сокращалась старая знать. Помимо традиционных каналов социального восхождения стали появляться новые: королевские *legistes*, муниципалитеты и городские коммуны, гильдии и, наконец, накопление капитала. С колебаниями этот процесс продолжался до начала XVIII века, то есть до тех пор, пока вновь не появились сильные препятствия мобильности. Великая французская революция и период Наполеоновской империи (когда, «кто был ничем, стал всем» и наоборот)

ознаменовали эпоху наивысшей по интенсивности вертикальной мобильности. Таковы вкратце основные циклы вертикальной социальной мобильности во Франции.

Изучение вертикальной мобильности внутри политической стратификации других стран обнаруживает периоды особенно ярко выраженных перемещений. В истории России такими периодами были: вторая половина XVI века – начало XVII века (правление Ивана Грозного в последующее междоусобице), царствование Петра Великого и, наконец, последняя русская революция. В эти периоды почти по всей стране старая политическая и правительственная знать была уничтожена или низложена, а «выскочки» заполнили высшие ранги политической аристократии. Хорошо известно, что и в истории Италии таковыми были XV – XVI века. XV век с полным правом называют веком авантюристов и проходимцев. В это время историческими протагонистами часто были люди из низших сословий. Никто больше не обращал внимания на традиции и условности; все определяли личные качества.

В истории Англии такими периодами были следующие эпохи: завоевание Англии Вильгельмом, гражданская война середины XVII века.

В истории США – середина XVIII века и период гражданской войны.

В большинстве европейских стран Ренессанс и Реформация представляли собой периоды чрезвычайно интенсивной социальной мобильности.

Наконец, и наше время с начала XX века принадлежит к очень «мобильному» веку в смысле политических и экономических перемещений. [...]

На основании всего вышесказанного и того, о чем еще пойдет речь, можно считать, что и четвертое утверждение ратифицируется всем ходом истории.

Пятое утверждение. В вертикальной мобильности в ее трех основных формах нет постоянного направления ни в сторону усиления, ни в сторону ослабления ее интенсивности и всеобщности. Это предположение действительно для истории любой страны, для истории больших социальных организмов и, наконец, для всей истории человечества. Таким образом, и в области вертикальной мобильности мы приходим к уже известному нам заключению о «ненаправленных» колебаниях.

В наш динамичный век триумфа избирательной системы, промышленной революции и особенно переворота в транспортных средствах такое утверждение может показаться странным. Динамизм нашей эпохи заставляет верить в то, что история развивалась и будет развиваться в направлении постоянного и «вечного» увеличения вертикальной мобильности. Нет необходимости повторять, что многие социологи придерживаются именно такого мнения. Тем не менее если исследовать все их доводы и обоснования, то можно убедиться, насколько они шатки.

А) Во-первых, последователи теории ускорения и усиления мобильности обычно отмечают, что в современных обществах нет ни юридических, ни религиозных препятствий к социальным перемещениям, которые существовали в кастовом или феодальном обществах. Если представить на мгновение, что утверждение это верно, то ответ будет таковым: неправомочно делать подобное заключение о «вечной исторической тенденции» на основании опыта последних 130 лет. Это слишком короткий миг по сравнению с тысячелетней историей человечества, которая только и может быть достаточным основанием для признания существования постоянной тенденции. Во-вторых, даже в рамках этого 130-летнего периода эта тенденция ясно не проявилась у большей части человечества. Внутри больших социальных сообществ Азии и Африки ситуация еще достаточно неопределенная: кастовая система все еще жизнеспособна в Индии, Монголии, Маньчжурии, Китае и на Тибете, среди коренного населения многих других стран. В свете этих уточнений всякая ссылка на феодализм во имя сравнения со «свободным» современным периодом теряет свое значение.

Б) Предположим, что уничтожение юридических и религиозных препятствий действительно приведет к усилению мобильности. Хотя и это можно оспорить. Это было бы так, если бы на месте уничтоженных препятствий не возводились новые. В кастовом обществе невозможно быть знатным, если ты не из знатной семьи, но можно быть знатным и привилегированным, не будучи богатым. В современном обществе возможно быть благородным, не будучи рожденным в знатной семье, но, как правило, необходимо быть богатым. Одно препятствие вроде бы исчезло, появилось другое. Теоретически в США любой гражданин может стать президентом. Фактически 99,9% граждан имеют так же мало шансов на это, как и 99,9 % подданных любой монархии стать самодержцем. Один вид препятствий уничтожается, устанавливается другой. Под этим подразумевается, что устранение препятствий к интенсивному вертикальному перемещению, типичных для кастового и феодального общества, не означает их абсолютного уменьшения, а только замену одного вида помех другим. Причем еще не известно, какие препятствия – новые или старые – более эффективны в сдерживании социальных перемещений.

В) Третий контраргумент гипотезе постоянного направления – само фактическое движение мобильности в истории различных наций и крупных социальных организмов. Очевидно, что наиболее мобильными были первобытные племена с их ненаследуемым и временным характером лидерства, с их легко переходящим от одного человека к другому общественным влиянием, зависящим от обстоятельств и индивидуальных способностей. Если в дальнейшей истории проявится тенденция к усилению мобильности, то и она не может быть оправданием гипотезы о постоянной тенденции, так как на заре истории регулярное социальное

перемещение было более интенсивным, чем на последующих ступенях развития. Более того, приведенные выше замечания флуктуации мобильности в истории Индии и Китая, Древней Греции и Рима, Франции и других упоминавшихся стран не показали никакой постоянной тенденции к увеличению вертикальной мобильности. То что происходило, суть всего лишь изменения, при которых периоды большей мобильности вытеснялись впоследствии периодами стагнации. Если дело обстоит так, то «теория направленного развития» не основывается на исторических фактах. Да и вообще из единичных фактов не следует заключать, что нечто повторится в будущем снова. Но еще большая ошибка – выводить из неслучившихся в прошлом фактов прогнозы на будущее.

Г) Более того, очень часто признается как нечто совершенно очевидное, что вертикальная социальная мобильность в настоящее время на много сильнее, чем в прошлом. Но и это всего лишь предположение, которое не было проверено. И мне кажется, что такие компетентные исследователи, как Э. Левассёр, не ошибались, когда подвергали сомнению такое предположение, утверждая, что социальные перемещения в XVII веке были меньшими, чем в XIX веке. На расстоянии все кажется серым и бесформенным, и мы склонны думать, что в отдаленном прошлом все было плоским, серым и статичным. Порой действительно трудно решить, сильнее ли вертикальная мобильность в современных демократических обществах, чем она была в прошлой истории Европы или где-нибудь в другом месте. Если же нет оснований постулировать этот тезис, не следует и предполагать обратное. А это значит, что направление мобильности неопределенное.

Д) В качестве доказательства теории восходящей тенденции ее сторонники часто указывают на уменьшение фактора наследования высоких социальных позиций и на замену его на фактор выборности. Избранные президенты вместо легитимных монархов, избранные или назначенные верховные администраторы вместо наследственной знати, талантливые восхожденцы вместо наследственных владельцев учреждений и т.д. – таков их аргумент. Сожалею, что мне приходится указывать на элементарные факты, которые, как кажется, забыли защитники этого аргумента. Во-первых, принцип выборности лидеров и королей или других высокопоставленных общественных лиц в прошлом был известен ничуть не меньше, чем сейчас. Вожди и короли большей части первобытных племен выбиралась. Консулы, трибуны и другие политические позиции в Древнем Риме были выборными. Римские императоры избирались или становились императорами в результате насилия или борьбы за власть. Римские католические папы и верховные авторитеты средневековой церкви всегда избирались. Власть во многих средневековых республиках также выбиралась. И это очевидно для каждого, кто хоть немного изучал историю. Но нам могут возразить, что в прошлом эти авторитеты избирались узким кругом привилегированного меньшинства, а сейчас мы

имеем дело со всеобщим избирательным правом. И вновь это утверждение неверно. В прошлом во многих политических организациях выборы были всеобщими. С другой стороны, 300 миллионов населения Индии или других британских колоний, аборигенное население колоний Франции, Бельгии также не имеют права голоса при выборах правительства в метрополиях и выработке законов, которые ими управляют. Все это и мираж всеобщности сегодняшнего избирательного права делают аргументы в пользу тенденции перехода от наследования власти к ее выборности ошибочными. [...]

Е) Что касается «новых» людей и карьеристов в прошлом и настоящем, то список этих неожиданно выдвинувшихся людей среди монархов и руководителей государств был дан выше. Согласно списку, процент «новичков» среди императоров Западной и Восточной Римских империй был выше, чем среди президентов Франции и Германии; он близок к проценту президентов-«выскочек» США, которые выдвинулись из бедных классов, но намного выше, чем процент этих людей среди монархов и правителей европейских стран за последние несколько столетий. В Европе, за исключением России, процент выдвинувшихся из нижних слоев до позиции монарха в прошлом был выше, чем в самое последнее время. К этим данным можно добавить, что удельный вес римских католических пап, которые выдвинулись из беднейших классов, составляет 19,4%, из средних классов – 18,8, а из знатных и богатых слоев общества – 61,8%. Выдвижение пап из низших слоев общества также более типично отдаленному прошлому, чем последним двум столетиям. Тенденция к nepотизму или к наследственному сохранению позиции «папы» внутри одной семьи была заметной, хотя и не в начале истории христианской церкви, как следовало бы ожидать по гипотезе направленного развития, а много позднее – в XIII–XVI веках. То же можно сказать и о верховных церковных авторитетах, и высших эшелонах знати в европейском обществе.

Этих фактов, перечисление которых можно было бы продолжить ad libitum, достаточно, чтобы оспаривать вышеупомянутые «тенденции» перехода от наследуемой к выборной или свободно достигаемой «позиции».

Ж) Если бы я и уверовал в какую-либо постоянную тенденцию в этой области, то скорее попытался бы доказать, как социальный организм, старея, становится все более и более неподвижным, а перемещение индивидов – менее интенсивным. Хотя я и не уверен в существовании такой тенденции, тем не менее есть много фактов, ее подтверждающих. [...]

Очевидно, что тенденция к социальной исключительности и прочности на поздних стадиях развития многих социальных организмов была довольно типичной. Но не будем спешить объявлять эту тенденцию постоянной. Она упомянута здесь только для противопоставления мнимой тенденции усиления социальной мобильности с ходом истории.

Всего, что было сказано, думаю, достаточно, чтобы бросить вызов мнимым теориям направленного движения.

Резюме

1. Основные формы индивидуальной социальной мобильности и мобильности социальных объектов следующие: горизонтальная и вертикальная. Вертикальная мобильность существует в форме восходящих и нисходящих течений. Обе имеют две разновидности: 1) индивидуальное проникновение и 2) коллективный подъем или спад положения целой группы в системе отношений с другими группами.

2. По степени перемещений справедливо различать подвижные и неподвижные типы обществ.

3. Едва ли существует такое общество, страты которого были бы абсолютно эзотеричными.

4. Едва ли существует такое общество, в котором бы вертикальная мобильность была бы свободной, беспрепятственной.

5. Интенсивность и всеобщность вертикальной мобильности изменяется от группы к группе, от одного периода времени к другому (изменения во времени и пространстве). В истории социальных организмов улавливаются ритмы сравнительно подвижных и неподвижных периодов.

6. В этих изменениях не существует постоянной тенденции ни к усилению, ни к ослаблению вертикальной мобильности.

7. Хотя так называемые демократические общества зачастую более подвижны, чем автократичные, тем не менее это правило не без исключений.

Теперь перед нами стоит задача анализа общих черт и механизмов функционирования мобильности в обществе. Когда же он будет проведен, то можно будет подвести итог изучению мобильности в современных обществах.

Сорокин, Питирим Александрович. Человек. Цивилизация. Общество: [пер. с англ.] / Питирим Сорокин ; [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов]. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с. – С. 373-392

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое социальная мобильность?
2. Какие типы и виды социальной мобильности выделяет автор?
3. Дайте определение понятий «интенсивность» и «всеобщность» социальной мобильности
4. Что собой представляет закрытый тип стратификации?
5. Какое определение П. Сорокин дает революции?

Эдуард Шилз

Общество и общества: макросоциологический подход

Говоря об американском обществе, об английском обществе, об арабских или африканских обществах, мы, конечно, имеем в виду что-то совсем отличное от такой добровольной ассоциации, как кооперативное общество, или дискуссионное общество, или общество по охране памятников старины. Не имеем мы при этом в виду и «общества» богатых, красивых, влиятельных и элегантно одетых людей, которых живописал когда-то «Тэтлер» и которых мы по сей день видим на страницах газет и журналов многих и многих стран мира. Нет, мы подразумеваем нечто «более глубокое», более постоянное, более укоренившееся в конститутивных свойствах человеческого бытия; мы подразумеваем нечто менее частное в своих целях, менее искусственное по своему происхождению, менее расчетливое в своих действиях, менее тривиальное, менее поверхностное. Но ведь такие качества, как глубина, основательность, постоянство и серьезность, присущи семьям, общинам, деревням – всем тем способам организации жизни, которые социологи называют «первичным сообществами». Однако эти последние могли бы быть признаны обществами только при наличии особых условий. Важнейшим из этих особых условий является самостоятельность: саморегулирование, самовоспроизводство, самозарождение.

Иными словами, социальная система является обществом только в том случае, если она не входит в качестве составной части в более крупное общество. Объединение родственников, или племя, не является частью более крупного общества, если браки заключаются между его членами; если оно имеет территорию, которую считает своей собственной; если оно пополняет свой членский состав главным образом за счет детей тех людей, которые уже являются его признанными членами; если оно имеет свою собственную систему правления; если у него есть свое собственное название и своя собственная история, то есть такая история, в которой многие его взрослые члены – или большинство таковых – видят историческое объяснение их связей со «своим собственным прошлым», и, наконец, если у него имеется своя собственная культура.

Впрочем, и кооперативное общество обладает некоторыми из этих характерных черт. У него есть свое собственное название; в известной мере оно имеет свою собственную систему правления и даже может иметь свою собственную историю, но ему недостает некоторых других чрезвычайно важных черт. Так, у него нет территории, которая была бы его исключительной собственностью; его членский состав не пополняется за счет потомков людей, уже являющихся его членами; что же касается его системы правления, то она должна функционировать в рамках законов, установленных более могущественным институтом правления, осуществляющим свою власть над территорией, на которой расположено кооперативное общество. Исключительность категории, которую мы

хотим выделить из ряда других, состоит в том, что она представляет собой такую социальную систему, которая обладает генетической историей и своей собственной территорией, имеет отдельные части, но сама не является частью более широкой системы власти, осуществляемой над данной территорией и сосредоточенной где-то в другом месте. Определение общества применительно к современному предполагает существование семей, общин и городов, церквей и сект, штатов и провинций, школ и университетов, фирм, ферм, промышленных предприятий и кооперативных обществ, причем все они взаимно проникают друг в друга и взаимно обслуживают друг друга в пределах общей территории, имеющей определенные границы; обладают общей всеобъемлющей системой власти вырабатывающей и проводящей в жизнь правила и нормы, ликвидирующей или улаживающей конфликты. Но подобное определение вполне применимо и к несовременным, прежде всего аграрным, обществам с менее дифференцированными институциональными системами. В подобных обществах понятие общества также предполагает наличие родственных и территориальных единиц, религиозных убеждений и религиозной организации, экономической организации и т.д. Главное, что все эти категории являются единицами, или подсистемами, более широкого целого. Сами по себе они не являются самостоятельными, но зато самостоятельно это более широкое целое.

Что же входит в общества? Как мы уже говорили, наиболее дифференцированные из них состоят не только из семей и родственных групп, но также из ассоциаций, союзов, фирм и ферм, школ и университетов, армий, церквей и сект, партий и многочисленных других корпоративных органов или организаций, которые в свою очередь имеют границы, определяющие круг членов, над которым соответствующие корпоративные власти – родители, управляющие, председатели и т. д. и т. п. – осуществляют известную меру контроля. Сюда входят также системы, формально и неформально организованные по территориальному принципу – общины, деревни, округа, города, районы, – причем все они тоже имеют некоторые черты обществ. Далее, сюда входят неорганизованные совокупности людей внутри обществ – социальные классы или слои, занятия и профессии, религии, языковые группы, – которые обладают культурой, присущей в большей степени тем, кто имеет определенный статус или занимает определенное положение, чем всем остальным. Почему же все эти образования или некоторые из них не являются обществами? Мы уже дали ответ на этот вопрос, но теперь мы сформулируем его несколько иначе. Каждое из этих образований осуществляет имеющуюся у него власть внутри структуры или в условиях подчинения общей власти, которая находится за их пределами и представляет собой власть всего общества.

Само собой разумеется, независимость и самостоятельность

относительны. Ни одна социальная система, которую мы называем обществом, не является полностью самостоятельной или независимой. Лишь очень немногие общества, признаваемые нами в качестве таковых, пополняют свое население исключительно за счет естественного его прироста. У большинства достаточно крупных обществ нет единой истории – ее заменяет смесь историй различных народов, включенных в данное общество путем завоевания или иммиграции. У некоторых обществ нет четко очерченных территориальных границ, причем в прошлом обществ с нечетко обозначенными границами было относительно больше, чем в наше время. Ни одно современное общество не обладает культурой, которая была бы исключительно его собственной. Даже у лучших и наиболее прочно утвердившихся обществ Северной Америки или Западной Европы культуры не являются абсолютно самобытными. Соединенные Штаты имеют общий язык и литературу с Великобританией, Мексика – с Испанией. Франция имеет общий язык с отдельными частями Бельгии и Швейцарии, а также с теми странами Африки, где говорят по-французски, а культуру свою она разделяет с большей частью мира. Ни одно общество, в котором наука поставлена на современную ногу, не является независимым в научном отношении: даже самые передовые по своему научному развитию страны заимствовали и заимствуют многие из своих основополагающих научных идей у других стран.

В экономическом отношении также нет ни одного общества, которое было бы полностью самообеспечивающимся и независимым. Все общества осуществляют импорт из других стран и экспорт в другие страны. Они связаны друг с другом сложными взаимоотношениями и договорными обязательствами, которые они обычно соблюдают и нарушение которых чревато для них невыгодными последствиями (хотя и не всегда).

В наше время одним из характерных признаков общества является суверенитет по отношению к другим суверенным государствам – впрочем, что-то вроде суверенитета всегда было отличительной чертой обществ даже в те эпохи и в тех культурах, которым была неведома нынешняя четкая концепция суверенитета. Кстати, сегодня, когда понятие суверенитета получило сравнительно четкое определение, Организация Объединенных Наций представляет собой нарушение суверенитета. Споры нет, нарушение это не так уже велико, но тем не менее оно остается нарушением – не столько ввиду наличия у Организации Объединенных Наций сколько-нибудь реальной принудительной власти, сколько ввиду мнений, выражаемых и отражаемых ее органами.

Таким образом, мы видим, что полная самостоятельность не является абсолютно необходимым предварительным условием определения социальной системы как общества. Для того чтобы быть обществом, социальная система должна обладать своим собственным внутренним «центром тяжести», то есть она должна иметь свою собственную систему власти в рамках своих собственных границ. Кроме

того, она должна иметь свою собственную культуру. Какую-то часть своей культуры она по необходимости разделяет с другими обществами, от которых происходит и с которыми поддерживает отношения. Другая же часть этой культуры самобытна и принадлежит только ей. Эта культура составляется из убеждений, касающихся истории и характера данного общества, его связи с определенными идеальными или трансцендентными ценностями, его происхождения и предназначения. Сюда же входят убеждения о правомерности его существования как общества и о качествах, дающих членам общества право принадлежать к нему. Разумеется, культура включает в себя произведения искусства, литературы и отвлеченной мысли, многие из которых посвящены упомянутым убеждениям. Общества имеют тенденцию быть «национальными».

Современные «национальные» общества – общества, претендующие на то, что они служат воплощением национального единства, и обладающие своими собственными национальными культурами, своими собственными, скорее независимыми, чем зависимыми, экономическими системами, своими собственными системами правления, своим собственным генетическим самовоспроизводством и своим собственным суверенитетом над территорией, обозначенной границами, – представляют собой наиболее самостоятельные из всех социальных систем, известных нам из истории человечества, самые независимые общества своих эпох.

II

Итак, мы убедились в том, что общество – это по просто совокупность объединившихся людей, изначальных и культурных коллективов, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под общей властью, которая осуществляет свой контроль над территорией, обозначенной границами, поддерживает и насаждает более или менее общую культуру. Именно эти факторы превращают совокупность относительно специализированных изначальных корпоративных и культурных коллективов в общество.

На каждой из составных частей лежит печать принадлежности к обществу, именно к данному обществу и ни к какому другому. Одна из многочисленных задач социологии, и в частности ее конкретной отрасли, получившей название макросоциологии, состоит в освещении механизмов или процессов, в силу которых это собрание, или совокупность, изначальных корпоративных и культурных групп функционирует как общество.

Главными факторами, создающими и сохраняющими общество, являются центральная власть, согласие и территориальная целостность. Центральная власть формирует общество не просто через посредство осуществляемой ею фактической власти над любыми конкретными действиями в любых конкретных обстоятельствах, хотя подобные акты

власти и имеют важное значение, как таковые. Конкретные акты власти, кроме того, производят остаточное действие на тех, по отношению к кому они применяются. Это остаточное действие складывается из: 1) сосредоточения внимания на центре; 2) чувства отождествления с другими людьми, тоже ощущающими свою подчиненность той же власти, – всеми теми, кто разделяет территорию, над которой осуществляется власть; и 3) убеждения в правомочности власти действовать так, как она действует. Вот эти-то три остаточных эффекта подчиненности общей власти и превращают лиц, подчиняющихся ей, в членов данного общества, формируя их представления и убеждения. Экологическая взаимозависимость и принудительная власть еще не образуют необходимую обществу культуру, хотя и весьма способствуют ее возникновению.

Эти три остаточных эффекта входят в культуру, то есть в убеждения и символы членов общества. Членство в обществе, как таковое, само по себе не создает культуры общества. Культура общества является продуктом творческих усилий и щедрой фантазии творческих личностей – религиозных пророков и святых, ученых, великих (и не только великих) писателей, художников, журналистов, философов, старейшин и мудрецов, – чье мирозерцание приходится по сердцу их современникам и потомкам. Культура представляет собой продукт потребности простых, творчески менее одаренных людей иметь представление об окружающем их мире, помогающее осмыслить важнейшие события человеческого бытия, объяснить их причины и отличить хорошее от дурного. Главная культура общества и его варианты культуры являются в известной мере самозарождающимися. Никогда еще не бывало, чтобы они были полностью созданием существующих центральных властей какого бы то ни было общества (да и не полностью – весьма редко).

Вместе с тем три упомянутых мною выше остаточных эффекта усваиваются культурой различных культурных групп. Происходит это в силу того, что создатели культуры сплошь и рядом непосредственно касаются в своих религиозных проповедях или философских рассуждениях, в своих литературных трудах или произведениях изобразительного искусства фактов и символов центральной власти. Центральная власть занимает их мысли, и они не могут не думать о ней. Дело в том, что могущество и величие центральной власти имеют обертоны, которые конститутивно входят в мир мыслей и чувств творческих личностей. Кроме того, три остаточных эффекта центральной власти принадлежат к сфере убеждений, и в этом своем качестве они сами представляют собой часть культуры. Они к тому же не могут не соединяться и не сплаваться самыми различными способами с продуктами или содержанием самостоятельно возникающей религиозной, литературной, художественной и умозрительной или философской культуры.

Итак, вследствие этих процессов каждое общество приобретает

наряду с центральной системой власти – которая, как мы убедимся ниже, никоим образом не сводится исключительно к власти правительственной, политической или военной – центральную культурную систему. Эта центральная культурная система складывается из тех убеждений и экспрессивных символов, которые имеют отношение к центральной институциональной системе и к категориям, превосходящим эту центральную институциональную систему и отражающимся на ней. Центральная культурная система имеет свою собственную институциональную систему: церкви, секты, школы, университеты, библиотеки, музеи и т. п. Элиты людей, управляющие этими культурными институтами, вступают в многообразные и тесные отношения с центральной институциональной системой и становятся ее частью. Система образования представляет собой такую часть комплекса институтов центральной власти и культурных институтов, которая внедряет значительные компоненты центральной культурной системы в другие секторы общества. Тем самым она способствует формированию и распространению общей культуры.

Центральная культурная система в большинстве обществ включает в себя за основную часть времени их существования многие продукты культуры, положительно ориентированные по отношению к центральной институциональной системе. Там, где центральная культурная система преимущественно отчуждается от центральной институциональной системы или же никогда не достигает единства с ней, центральная институциональная система утрачивает (либо вообще не приобретает) некоторую толику своей законности, а вместе с тем и своей способности мирно и эффективно осуществлять свою власть. Это приводит к резким конфликтам и подготавливает коренные изменения.

III

Каждое общество, рассматриваемое под макросоциологическим углом зрения, может быть представлено как центр и периферия. Центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь то власть экономическая, правительственная, политическая, военная или культурная (в области религии, литературы, образования и т.д.). Периферия же состоит из таких слоев, или секторов, общества, которые воспринимают распоряжения и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению помимо них. Периферия складывается из множества сегментов; она, можно сказать, охватывает обширную сферу вокруг центра. Одни секторы общества более периферийны, другие – менее. Чем более периферийное положение они занимают, тем менее они влиятельны, менее созидательны, менее проникнуты культурой, исходящей из центра, и менее непосредственно охватываются властью центральной институциональной системы.

Центр не только заставляет повиноваться, но и завладевает вниманием. Он обладает властью притягивать умы, которая захватывает

воображение и зачастую приковывает к себе все мысли людей. Он и сам стремится к этому – хотя, впрочем, в разной степени при различных режимах – и автоматически достигает этого в силу самого факта своего существования.

Следует в скобках отметить, что все общества, имеющие обширную территорию, обычно обладают также и пространственным центром, который является или считается местоположением центральной институциональной и центральной культурной систем. Большинство населения смотрит на центр (или центры), как на источник руководящих указаний, инструкций и распоряжений, касающихся поведения, стиля жизни и убеждений. Центр определенного конкретного общества может также быть в некоторых отношениях центром других обществ (так например, Париж в течение нескольких веков являлся культурным и художественным центром не только Франции, но и значительной части Европы, а также Африки, говорящей на французском языке).

Пока мы рассуждали об обществе вообще – почти как если бы все общества были одинаковы. Но общества отнюдь не одинаковы. Подобно тому как непохожи друг на друга семьи и семейные системы в разные эпохи в разных обществах и районах, подобно тому как непохожи друг на друга университеты и университетские системы, отличаются друг от друга и общества. С точки зрения нашего макросоциологического анализа наиболее интересно их отличие друг от друга в плане отношений между центром и периферией.

В одних обществах отношения между центром и периферией более интенсивны, в других – менее. Тогда как в некоторых обществах, где имеется главный центр, существуют также и второстепенные центры, наличие которых ослабляет центральную роль главного центра, в обществах того типа, на которых мы собираемся сейчас остановиться, существует центр, исключаяющий все прочие центры и стремящийся взять на себя их функции. Другими словами, периферия в рассматриваемом типе общества испытывает более интенсивное, более непрерывное вмешательство со стороны центра. В подобных обществах центр и периферия, кроме того, отделены большой дистанцией друг от друга: они редко сближаются, но зато из центра постоянно исходит направленный наружу поток распоряжений и убеждений, которыми деятели центра пытаются пропитать периферию. Именно к этому образцу стремились некоторые общества XX века. Элиты этих обществ старались навязать массе населения, вплоть до обитателей мельчайших и самых захолустных сельских районов, свои собственные убеждения по каждому вопросу; они также стремились добиться того, чтобы поведение масс полностью соответствовало образцам и предписаниям, исходящим из центра. Центр господствует над периферией и пропитывает ее – во всяком случае, он стремится к этому и в известной степени добивается успеха. Общество становится более интегрированным – от центра к периферии – в своих

убеждениях и действиях.

Таков один из типов модели односторонних отношений между центром и далеко отстоящей от него периферией. Другой тип гораздо чаще встречался в мировой истории. Он тоже характеризуется наличием большой дистанции между центром и периферией, но в обществе этого второго типа периферия преимущественно, то есть большую часть времени и в большинстве сфер действия и убеждений, лежит за пределами радиуса действия центра. Самые отдаленные от центра окраины периферии остаются вне его досягаемости, и, если не считать эпизодического сбора налогов и дани да возложения время от времени некоторых повинностей, периферия предоставлена самой себе. Эти отдаленные зоны периферии, в которых, возможно, сосредоточено большинство населения общества, имеют свои собственные относительно независимые центры. Более того, во многих важных отношениях эта модель находится на самой границе нашего представления о том, что является обществом. Здесь существует лишь минимум общей культуры, а проблема законности возникает лишь от случая к случаю ввиду чрезвычайно нерегулярного характера действий правительства. Обычно в таких обществах слабо развита общественная политическая жизнь; та общественная жизнь, которая происходила в них, и вся их тайная политическая жизнь осуществлялись либо в самом центре, либо в самой непосредственной близости от его внешних кругов.

Эта модель была характерна для больших бюрократически-имперских обществ, которые, несмотря на устремления – то усиливающиеся, то ослабевающие – их правителей к более высокой степени интеграции, в общем и целом были минимально интегрированными обществами. Модель бюрократически-имперских обществ, напоминающая тоталитарные общества нашего века в том, что касается различия центра и периферии по высоте положения, полярно противоположна тоталитарным обществам в том, что касается объема господства и степени пропитывания периферии, которых домогался и фактически добивался центр.

Существует и промежуточная модель общества, характеризующаяся большой дистанцией между центром и периферией. Здесь эта дистанция заполняется целой лестницей уровней власти, каждый из которых в известной степени самостоятелен, но признает главенствующую роль большого центра. Примерами этой модели, характеризующейся наличием главного центра и множества субцентров, являются феодальные системы (и в меньшей степени федеральные системы). Феодальное поместье было маленьким квазиобществом. Его неполнота была обусловлена производным характером власти владельца поместья от власти феодала, стоящего над ним в иерархии знати, и зависимостью его культуры и культуры, которую он стремился привить своим подданным, от культуры королевства и связанного с ним религиозного института.

Кроме того, имеются общества, в которых центр и периферия не

отстоят далеко друг от друга. Некоторые из так называемых традиционных или родоплеменных африканских обществ в определенных отношениях напоминали древнегреческий полис: почти все люди там лично знали друг друга. В подобных обществах, даже когда правители и управляемые не соединялись в одном лице, оба эти слоя характеризовались связывавшим их друг с другом сильным чувством близости, взаимной привязанности. Они были «ближе» друг к другу.

Подобную близость правителей и управляемых, элит и масс можно обнаружить и в современных «массовых обществах». Эти последние гораздо более сложны и дифференцированы, чем прочие общества, где имеет место сходная близость. Вот почему обнаруживаемая современными «массовыми обществами» близость не проявляется в ситуациях личного контакта между обитающими в центре и обитающими на периферии. Ощущение приблизительного равенства скорее проявляется через представительные институты, а в конечном счете – через сознание близости, через убеждения в общности существования у всех или большинства членов общества определенных важнейших качеств, которые, как предполагается, приблизительно равномерно распределены между ними. Самые важные из них – это простой и не поддающийся определению факт человеческой сущности и ясный и очевидный факт членства в гражданском сообществе, находящий свое проявление в долгом проживании в нем.

IV

Таково одно из главных отличий современных индустриальных обществ от обществ предшествовавших эпох и обществ Востока. Тогда как практически во всех крупных обществах, предшествовавших современному массовому обществу, и в большинстве малых обществ, переросших свою родовую основу, считалось, что харизма пребывает в центре, в современном массовом обществе считается, что харизма распределена более широко. Общая культура в современном массовом обществе включает в себя убеждение в том, что люди, как таковые, в силу самого своего членства и национальной общности и своего проживания на общей для них всех территории, имеющей определенную границу, обладают харизматическим качеством, которое ранее считалось достоянием элит центральных институциональных и культурных систем.

Что же представляет собой упомянутое харизматическое качество? Это такое качество, которым обладает либо отдельный человек, либо класс, либо род, либо совокупность ролей. Данным качеством обладают в силу «связанности» с «метафизической сущностью» или «проникнутости» ею. Эта метафизическая сущность представляет собой творение человеческого разума, который сознает, что некоторые вещи в жизни имеют особо важное значение – настолько важное, что они требуют к себе почтения, уважения, пиетета. Коронное их значение обусловлено их «абсолютным» характером – абсолютным в смысле чего-то предельно справедливого, доброго и сильного.

На протяжении большей части истории человечества понятие «абсолютное» символизировалось в виде понятия «божество»; и даже теперь, в эпоху, когда по крайней мере образованные классы менее религиозны в любом традиционном смысле, чем когда бы то ни было раньше, эта концепция абсолютного по-прежнему сплошь и рядом определяется в категориях, носящих на себе отпечаток религиозных образов. Но независимо от того, формулируется ли эта метафизическая сущность в традиционных религиозных категориях или в категориях современной политической теории, трактующей о «правах человека» либо «суверенитете народа», факт остается фактом: население периферии изменило свой статус по отношению к центру. Оно приобрело некоторые из основных качеств, которые некогда считались монополией центра и доступ к которым, как полагали, был возможен только лишь через посредство центра, как это имело место при отправлении священниками религиозных обрядов либо при предоставлении светскими правителями титулов, рангов и привилегий.

Попытка объяснить данную переменную увела бы нас далеко в сторону. Здесь достаточно будет сказать, что ей в значительной степени способствовали экономический прогресс по пути повышения производительной способности национального хозяйства, перемены в политических институтах и идеях, придавшие обитателям периферии большее влияние и вес, более широкое распространение образования и сдвиги в религиозных верованиях в сторону большего равенства.

V

Важным следствием этого начавшегося на Западе сдвига в культуре современных обществ явилась деколонизация – рост националистических движений на колониальных территориях и создание многочисленных новых государств в Азии и Африке. Перед тем как попасть под империалистическое господство европейских стран, Азия состояла из обществ того типа, который, как говорилось выше, характеризовался большой дистанцией между центром и периферией. В странах с феодальными либо бюрократически-имперскими режимами контакт между правителями и управляемыми осуществлялся лишь, эпизодически, а чувство близости, привязанности между ними было крайне слабо. Центр не пропитывал периферию.

В подобных условиях непрочной интеграции приход нового иностранного правящего класса, с негодованием встреченный прежними правителями, на первых порах был с безразличием воспринят периферией. Иностранное правление и постепенное частичное включение колониальных обществ в экономическую систему, государственный строй и культуру западного общества вызвали в обществах, находившихся под колониальным господством, весьма важные сдвиги. Создание небольшого класса образованных людей, урбанизация, некоторое усовершенствование методов ведения сельского хозяйства и какая-то, пусть незначительная,

степень индустриализации – все это вызвало к жизни некоторые из тех же самых тенденций, которые в прошлом действовали в более широком масштабе в Западной Европе и в Америке. Здесь и там на колониальных территориях (и у отдельных людей и организаций) стало возникать стремление к созданию общества, более сходного с обществом, развившимся на Западе. Правда, в какой-то мере это стремление обуславливалось самим содержанием западного образования и западной политической мысли. Однако это культурное влияние было лишь частью более широкой картины.

Начали изменяться основные установки. Возникло стремление к образованию общества с большей близостью между центром и периферией. [...]

VI

[...] Однако, после того как изменилось содержание чувства близости, а правительства стали более активными и сильными, главный центр общества начал подчинять себе менее важные центры. Ему так и не удалось полностью уничтожить эти второстепенные центры – даже в обществах, правители которых стремились к тоталитарному господству; но сдвиг в сторону преобладания главного центра все-таки произошел. Этот сдвиг с неизбежностью изменил круг понятий, охватываемых тенденцией к замкнутости. Теперь замыкалось то, что проявлялось среди обитателей более обширной территории. Место родственной связи и принадлежности к деревне и племени стало занимать гражданство. Биологические изначальные критерии не были полностью упразднены. Сохраняется семья, а этническая общность даже выдвинулась на первый план, заменив собой расширенную родственную и родовую общность.

Этническая общность представляет собой умозрительный конструкт, причем, когда более широкая территориальная общность стала главным критерием для распознавания своих соотечественников, этническая общность сублимировалась и трансформировалась в общность национальную. Даже когда национальная общность освобождалась от этнической (или расовой) общности, в концепции национальной общности по-прежнему оставалось много от мифологии, поскольку она является плодом воображения.

Независимо от того, является она мифологической или нет, национальная общность образует ныне существенный компонент – компонент культуры современных обществ. В некоторых из этих обществ, например обществах Азии и Африки, которые не стали еще обществами в современном смысле слова и для которых по сей день типичны слабости центра и значительная сила родовых, этнических и местных субцентров, национальная общность еще недостаточно упрочилась в широкой массе населения. По этой причине центр остается слабым. Впрочем, если административный аппарат и аппарат по поддержанию порядка будут укреплены (или останутся сильными), а экономика приобретет общенациональный либо рыночный характер, главный центр покорит

периферию и завладеет умами живущих там. Тем самым центр мало-помалу станет не только центром институциональной системы, но также и центром культурной системы. Таким способом новым государствам, возможно, удастся стать современными – то есть интегрированными – обществами, каковыми в настоящее время хотят их сделать некоторые члены их элит.

Интегрированные общества, в которых прочно утвердились системы власти, институциональные и культурные системы, могут стать гражданскими обществами, характеризующимися широким распространением добродетелей, требуемых для эффективных гражданских отношений. Это может произойти в тех случаях, когда замыкание вокруг центра сопровождается сближением центра и периферии. Именно по этому пути шли в течение последних полутора столетий страны Западной Европы, Соединенные Штаты и Австралия, а в меньшей степени – Япония и Канада. В этих странах взаимный обмен между центром и периферией и сопутствующее этому обмену повышенное чувство близости привлекли в центр более значительную долю населения и до некоторой степени уничтожили границу, отделявшую в прошлом центр от периферии. [...]

Шилз Эдуард Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы : Сборник статей / Сокр. пер. с англ. В. В. Воронина и Е. В. Зиньковского ; Ред. и вступ. статья д-ра филос. наук Г. В. Осипова. – М. : Прогресс, 1972. – 392 с. – (Для науч. б-к) – С. 341-359.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение общества
2. Назовите признаки общества

Тема 7. Политическая система общества

Габриэль Алмонд

Сравнительная политология сегодня

Политические системы

Политика осуществляется в рамках политических систем, взаимодействующих между собой, либо со средой или окружением. Поскольку понятие политическая система является ключевым для данной работы, ниже мы детально рассмотрим его значение. Любое образование, определяемое как система, обязательно должно обладать двумя свойствами: 1) состоять из совокупности взаимосвязанных частей и 2) отграничиваться от окружения, с которым взаимодействует. [...] Политические системы – особый тип социальных систем, а именно таких, которые задействованы в принятии властных публичных решений. Если сформулировать это несколько по-иному, то политическая система

представляет собой совокупность институтов (таких, как парламенты, бюрократии и суды), которые формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или существующих в нем групп.

Политические системы формируются под влиянием внутреннего и международного окружения и в свою очередь формируют его. Система получает исходящие из этого окружения импульсы и со своей стороны воздействует на него посредством своих сигналов выхода. Границы политических систем определены в отношении личностей, территории и собственности. [...]

Решения политической системы обычно подкрепляются легитимным принуждением, и подчинение им может быть вынужденным. Под легитимностью мы понимаем состояние, когда управляемые убеждены в том, что правители имеют право (будь то по закону либо по обычаю) при необходимости силой проводить в жизнь свои решения. Степень легитимности политической системы может со временем меняться. [...] Низкая легитимность может привести к слому политической организации и к провалам в государственной политике. Политические провалы в свою очередь могут повлечь за собой снижение легитимности. [...]

Правительства составляют ядро политических систем, но последнее понятие охватывает собой и важные части окружения, в котором действуют правительства. Политика – нечто большее, нежели деятельность по отправлению власти и осуществлению принуждения, – это, в частности, и политические организации, такие, как партии и группы интересов. Подобные организации не обладают принудительной властью – разве что в той степени, в какой они контролируют правительство. Аналогичным образом, средства массовой информации лишь косвенно влияют на выборы, законотворчество и соблюдение правопорядка. Кроме того, существует несметное количество институтов, включая семью, общины, церкви, школы, университеты, корпорации, фонды и мозговые центры, которые влияют на политические установки и государственный курс. Понятие политическая система относится ко всему этому набору связанных между собой и взаимодействующих институтов и органов. [...]

Системы: структура и функция

В нынешнем издании «Сравнительной политологии», [...] используется структурно-функциональный, системный подход. Это – понятийные рамки данной работы. Поэтому необходимо более или менее подробно обсудить три общих понятия, [...]: 1) «система», 2) «структура» и 3) «функция». Система [...] предполагает наличие объекта, обладающего подвижными частями, которые взаимодействуют со средой или окружением. Политическая система есть совокупность институтов и органов, формулирующих и воплощающих в жизнь коллективные цели общества или составляющих его групп. Правительства, или государства, – это части политической системы, обеспечивающие выработку политического курса. Решения правительств обычно подкрепляются

легитимным насилием, и подчинение им может быть вынужденным. [...]

Правительства занимаются многими вещами – от создания систем школьного образования и управления ими до поддержания общественного порядка и ведения войн. Осуществление всех этих многочисленных форм правительственной деятельности происходит через специализированные органы, или структуры, – парламенты, бюрократии, административные учреждения и суды. Данные структуры выполняют функции, которые в свою очередь позволяют правительству формулировать и проводить свой политический курс, а также обеспечивать его претворение в жизнь. Политические курсы отражают цели; специализированные органы предоставляют средства.

Другим полезным термином [...] является «политический режим». Политический режим есть структурно-функционально-политические очертания, которые принимает правительство в разные периоды. [...]

Структуры и функции

[...] внутри политической системы [размещается] шесть типов политических структур – политические партии, группы интересов, органы законодательной власти, органы исполнительной власти, чиновничество и суды. Такие структуры имеются практически во всех современных политических системах. Кому-то может показаться, что, поняв, как эти структуры действуют в одной политической системе, мы узнаем, как они функционируют в любой другой. [...] в разных политических системах сходные структуры могут выполнять совершенно разные функции. И Великобритания, и Китай обладают, по крайней мере номинально, всеми этими шестью типами институтов, однако эти институты организованы и функционируют там абсолютно по-разному. В Великобритании есть монарх (в настоящее время королева Елизавета II), который выполняет церемониальные функции, в частности открывает парламент и жалует рыцарское звание и другие почетные титулы. В Китае нет специализированного церемониального исполнительного органа. Однако там есть президент, который избирается Всекитайским собранием народных представителей и осуществляет как церемониальные, так и некоторые политические функции. В состав высшего политического руководства Великобритании входят премьер-министр, министры, назначенные в Кабинет, и члены более широкого кабинета, состоящего из руководителей департаментов и управлений. Все эти должностные лица обычно отбираются из депутатов парламента. В Китае существует сходная структура – Государственный Совет, возглавляемый премьер-министром и включающий различных министров и правительственные комиссии. Но если британский премьер-министр и Кабинет наделены значительной властью в области определения политического курса, то Государственный Совет Китая плотно контролируется Генеральным секретарем, Политбюро и Центральным комитетом Коммунистической партии. [...]

[...] Еще больше различий существует между политическими

партиями двух стран. В Великобритании действует конкурентная партийная система. Большинству в палате общин и Кабинету постоянно противостоит оппозиционная партия (или партии), конкурирующая за общественную поддержку и ожидающая очередных выборов, в ходе которых она может сместить нынешнее парламентское большинство [...]. В Китае Коммунистическая партия (КПК) контролирует весь политический процесс. Там нет других политических партий. Наиболее важные решения принимаются Политбюро и до некоторой степени – Центральным комитетом Коммунистической партии. Правительственные учреждения осуществляют политику, инициированную или одобренную высшим руководством КПК.

Британские группы интересов являются независимыми организациями, играющими важную роль в политической жизни и экономике страны. Китайские профсоюзы и другие профессиональные организации должны рассматриваться как части официальной государственной машины, действующие под руководством Коммунистической партии, выполняющие мобилизационные, социализационные и вспомогательные функции. Таким образом, сугубо институциональное сравнение британской и китайской политики, не раскрывающее подробно ее функциональные аспекты, мало что даст для понимания существенных различий в политической жизни этих двух стран.

[...] «Функции процесса» [...] перечислены различные формы активности, необходимые для выработки и осуществления политического курса в политической системе любого типа: артикуляция интересов, агрегация интересов, выработка политического курса, осуществление политического курса и вынесение судебных решений. Мы называем эти формы активности функциями процесса, поскольку они играют прямую и необходимую роль при формулировании политического курса. Прежде чем такой курс может быть определен, какие-то индивиды и группы в правительстве или обществе должны решить, что они хотят и надеются получить от политики. Политический процесс начинается, когда указанные интересы получают выражение, или артикулируются. [...]

Однако, чтобы стать действенными, такие требования, как, скажем, больший или меньший уровень налогообложения, большие или меньшие пособия в рамках социального обеспечения, способные получить существенную общественную поддержку, должны быть объединены (агрегированы) в политические альтернативы. [...] происходит обсуждение альтернативных политических курсов. Те, кто контролирует правительство, высказываются в пользу одного из них, и осуществляется властное определение политического курса. Политический курс должен соблюдаться и претворяться в жизнь, если же он оспаривается или нарушается, должен существовать некий процесс вынесения судебных решений по этому поводу. Каждый политический курс может влиять

одновременно на разные аспекты жизнедеятельности общества [...]

Описываемые здесь функции процесса выполняются такими политическими структурами, как партии, законодательные органы, политические исполнительные органы, чиновничество и суды. Структурно-функциональный подход подчеркивает то обстоятельство, что хотя конкретный политический институт (скажем, законодательный орган) может особым образом соотноситься с конкретной функцией (например, с принятием законов и норм), он не имеет монополии на эту функцию. Так, в реализации законодательной функции могут участвовать президенты и губернаторы (право вето), а также верховные суды (право судебной власти пересматривать и отменять законодательные акты в случае их неконституционности).

Три функции [...] – социализация, рекрутирование и коммуникация – прямо не связаны с формулированием и осуществлением государственной политики, однако они крайне важны для политической системы. Мы говорим о них как о системных функциях, поскольку они определяют, сохранится ли система, либо изменится (скажем, будет ли процесс выработки политического курса по-прежнему контролироваться одной авторитарной партией или военной хунтой, либо на смену им придут состязательные партии и законодательный орган). [...] В политической социализации задействованы семья, школа, средства массовой информации, церковь и все многообразие политических структур, которые вырабатывают, закрепляют и трансформируют политически значимые установки в обществе. Политическое рекрутирование подразумевает отбор людей для политической деятельности и государственных постов. Политическая коммуникация означает движение информации в обществе и внутри различных структур, образующих политическую систему.

Третья совокупность функций [...] относится к сигналам выхода – к воплощениям политического процесса. Мы называем их функциями политического курса, сущностными воздействиями на общество, экономику и культуру. К ним относятся всевозможные виды регулирования поведения, извлечение ресурсов в форме налогов и т.п. и распределение благ и услуг между различными группами населения. Результаты всей этой политической активности в свою очередь порождают новые сигналы входа, новые требования в области законодательства или административной деятельности и усиливают либо снижают поддержку политической системы и находящихся у власти должностных лиц.

Рассмотренные функциональные понятия описывают формы активности, осуществляемые в любом обществе вне зависимости от того, как организована его политическая система и какого рода политические курсы оно производит. [...]

Сравнительная политология сегодня [Текст] : мировой обзор: Учеб. пособие для студ.-политологов / Г. Алмонд [и др.]; сокр. пер. с англ. А.С. Богдановский, Л.А. Галкина; науч. ред. пер. М. В. Ильин,

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение политической системе
2. Охарактеризуйте основные принципы системного подхода
3. Дайте определение понятий: система, функция, структура
4. Раскройте структуру политической системы
5. Назовите функции политической системы

Ральф Дарендорф

Тропы из утопии

Функции социальных конфликтов

[...] Согласно моему тезису, постоянная задача, смысл и следствие социальных конфликтов заключается в том, чтобы поддерживать изменения в глобальных обществах и их частях и способствовать этим изменениям. Если угодно, изменения можно было бы назвать «функцией» социальных конфликтов. И все же понятие функции применено здесь в совершенно нейтральном смысле, то есть без всякой соотнесенности с «системой», представляемой как равновесная. Последствия социальных конфликтов невозможно понять с точки зрения социальной системы; скорее, конфликты в своем влиянии и значении становятся понятными лишь тогда, когда они соотносятся с историческим процессом в человеческих обществах. В качестве одного из факторов вездесущего процесса социальных изменений конфликты в высшей степени необходимы. Там, где они отсутствуют, подавлены или же мнимо разрешены, изменения замедляются и сдерживаются. Там, где конфликты признаны и управляемы, процесс изменения сохраняется как постепенное развитие. Но в любом случае в социальных конфликтах заключается выдающаяся творческая сила обществ. И как раз оттого, что конфликты выходят за рамки наличных ситуаций, они служат жизненным элементом общества – подобно тому, как конфликт вообще является элементом всякой жизни.

Этот тезис не нов. Если даже его уточнение и объяснение дает повод к критическим возражениям против этих авторов, то все же в обобщенном смысле верно, что Маркс и Сорель, так же, как до них Кант и Гегель, а после них немало социологов во всех странах, вплоть до Арона, Глюкмана и Милза, признавали плодотворность социальных конфликтов и видели их соотнесенность с историческим процессом. Однако же невозможно отрицать того, что основное течение социологической мысли, начиная от Конта – через Спенсера, Парето, Дюркгейма и Макса Вебера – и заканчивая Толкоттом Парсонсом, в связи с Контовой диалектикой порядка и прогресса слишком уж безоговорочно высказывалось в пользу одной из сторон – порядка – и поэтому справлялось с всевозможными

проблемами конфликтов и изменений лишь неудовлетворительно. Оттого-то важно заново сформулировать во всей остроте совсем даже не оригинальный тезис.

Если здесь речь идет о конфликтах, то под ними подразумеваются всяческие структурно порожденные отношения противоречия между нормами и ожиданиями, институциями и группами. Вопреки словоупотреблению, эти конфликты никоим образом не должны быть насильственными. Они могут выступать в качестве скрытых или явных, мирных или резких, мягких или напряженных. Парламентские дебаты и революция, переговоры о зарплате и забастовка, борьба за власть в шахматном клубе, профсоюзе или государстве – все это формы проявления одной великой силы социального конфликта, задача которой вообще состоит в том, чтобы поддерживать жизнь социальных отношений, объединений и институций, а также развивать их.

Примечательным образом упуская из виду социальные закономерности, множество социологов, начиная с Маркса, но особенно после публикации скверной и влиятельной работы Огберна «Социальные изменения», искали факторы изменений в метасоциальных данностях. Снова и снова в качестве движущей силы общественного развития рассматривали прежде всего техническое развитие, пока, наконец, представление о надстройке социальных «производственных отношений» над подлинным мотором, техническими «производительными силами», превратилось чуть ли не в общее достояние социологической мысли. И так, в техническом развитии, несомненно, заключается один из факторов социальных изменений; но это не единственный и даже не важнейший фактор. [...] столь же важен здесь тот своеобразный социальный факт, что все общества непрерывно порождают в себе антагонизмы, которые возникают не случайно и не могут быть устранены по произволу. Взрывчатый характер социальных ролей, оснащенных противоречивыми ожиданиями, несовместимость значимых норм, региональные и конфессиональные различия, система социального неравенства, называемая нами расслоением, а также универсальные барьеры между господствующими и подвластными образуют социальные структурные элементы, необходимо приводящие к конфликтам. Но от таких конфликтов всегда исходят мощные импульсы, направленные на темп, радикальность и направление социальных изменений.

Отношения между конфликтом и изменением, по существу, очевидны. Так что же следует из противоречия между правительством и оппозицией? Ради простого сохранения наличной системы хватило бы одной группы. Если бы оппозиция была всего лишь патологическим элементом и фактором нестабильности, она оказалась бы излишней. Однако же очевидный смысл противоположности между правительством и оппозицией состоит в том, чтобы поддерживать жизнь в политическом процессе, разведывать новые пути в противоречиях и дискуссиях и тем

самым сохранять творческий характер человеческих обществ. То же касается конфликтов в экономической сфере, но также и в юриспруденции и во всех остальных организациях и институтах. Итак, смысл и последствия социальных конфликтов заключаются в том, чтобы поддерживать исторические изменения и способствовать развитию общества.[...]

Дарендорф Ральф Тропы из утопии / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.Л. Близнекова. – М.: Праксис, 2002. – 536 с. – С. 370-372.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какие типы конфликтов Вам известны?
2. Назовите функции конфликта
3. Какое значение имеет конфликт?

Дэвид Истон

Категории системного анализа политики

[...] Во внутренней организации политической системы ключевым свойством, характерным и для других социальных систем, является исключительно гибкая способность реакции на условия своего функционирования. Действительно, политические системы включают самые разнообразные механизмы, с помощью которых им удается справляться с возмущающими воздействиями среды. Посредством этих механизмов они могут регулировать свое поведение, трансформировать внутреннюю структуру и даже изменять фундаментальные цели. [...]

[...] Как я уже отмечал в «The Political System», политическая система может быть определена как совокупность тех взаимодействий, посредством которых ценности авторитарным способом приносятся в общество, это именно то, что отличает политическую систему от других взаимодействующих с ней систем. Окружение политической системы можно разделить на две части: интрасоциетальную и экстрасоциетальную. Первая состоит из трех систем, которые не являются политическими в соответствии с нашим определением природы политических взаимодействий. Интрасоциетальные системы включают такие множества типов поведения, отношений, идей, как экономика, культура, социальная структура, межличностные отношения. [...]

[...] Другая часть окружения политической системы экстрасоциетальна, включает все системы, являющиеся внешними по отношению к данному обществу. Они выступают функциональными компонентами международного сообщества, суперсистемы, элементами которой можно считать конкретные общества. Межнациональная система культуры – пример экстрасоциетальной системы.

Оба эти класса систем – интра- и экстрасоциетальные, – которые мы рассматриваем как внешние по отношению к политической системе,

образуют полное окружение политической системы. Они могут служить источником стрессов политической системы. [...]

[...] Трансакция, или обмен между системами, при этом рассматривается как взаимосвязь между ними в форме отношения «вход – выход».

Значение понятия «входы» состоит в том, что с его помощью мы получаем возможность характеризовать суммарный эффект действия множества разнородных условий и событий, происходящих в окружении политической системы, на саму эту систему. Без использования данного понятия было бы трудно определить в точном операциональном смысле, какое влияние поведение различных секторов общества оказывает на события в политической сфере. [...]

[...] Аналогичным образом понятие выходы помогает нам изучить все множество следствий поведения элементов политической системы для ее окружения. Наша первая задача, конечно, состоит в том, чтобы исследовать функционирование политической системы. [...]

[...] Контур обратной связи сам содержит ряд элементов, заслуживающих детального изучения. Он включает производство «выходов» властями, реакцию членов общества на эти «выходы», передачу информации об этой реакции властям и, наконец, возможные последующие действия властей. Таким образом постоянно приходят в движение новые циклы выходов, ответов, информационной обратной связи и реакций властей, создавая непрерывную цепь взаимосвязанных действий. Наличие обратной связи оказывает тем самым существенное влияние на способность политической системы справляться со стрессом и выживать. [...]

[...] Таким образом, системный анализ политической жизни опирается на представление о системе, находящейся в некоторой среде и подвергающейся внешним возмущающим воздействиям, угрожающим вывести существенные переменные системы за пределы их критических значений. В рамках этого анализа важным является допущение о том, что для того, чтобы выжить, система должна быть способна отвечать с помощью действий, устраняющих стресс. Действия властей имеют ключевое значение в этом отношении. Но для действий, причем осмысленных и эффективных, власти должны иметь возможность получать необходимую информацию о происходящем. Обладая информацией, власти могут быть способными обеспечивать в течение некоторого времени минимальный уровень поддержки системе. [...]

Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. – Т. II. – Зарубежная политическая мысль. XX в. – М.: Мысль, 1997. – 830 с. – С. 630-642.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как Д.Истон определяет политическую систему?
2. Что такое интрасоциетальная и экстрасоциетальная системы?
3. Раскройте значение понятий «вход», «выход»
4. Опишите механизм функционирования политической системы.

Льюис Козер *Завершение конфликта*

Некоторые социальные процессы являются конечными; это значит, что они определяются своим преходящим характером, а способы их завершения институционально закреплены. С заключением брачного союза заканчивается период ухаживания; завершение формального образования – это достижение цели обучения, ознаменованное выпускными экзаменами или торжественным актом. Другие социальные процессы, такие как дружба и любовь, не имеют четкой точки завершения. Следуя закону социальной инерции, они продолжают действовать до тех пор, пока их участники не предложат ясных условий их прекращения. К такого рода процессам относится социальный конфликт. Если, например, в игре правила ее ведения одновременно включают и правила окончания, то в социальном конфликте непременно должна быть установлена четкая договоренность между соперниками относительно его завершения. В том случае, когда не достигнуто никаких взаимных соглашений к некоторому моменту борьбы, ее окончание становится возможным лишь как следствие гибели по крайней мере одного из противников. Это значит, что завершение конфликта содержит в себе ряд проблем, которые не свойственны конечным процессам.

Различные типы конфликтов можно классифицировать в соответствии со степенью их нормативной регуляции. На одном конце континуума можно поместить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли), тогда на его противоположном конце окажутся абсолютные конфликты, цель которых состоит не во взаимном урегулировании спора, а в тотальном истреблении противника. В конфликтах второго типа согласие сторон сведено к минимуму, борьба прекращается только в случае полного уничтожения одного или обоих соперников. По словам Х. Шпейера, «мир, завершающий абсолютную войну, устанавливается уже в отсутствие врага».

Разумеется, конфликты такого рода особенно изнурительны и дорогостоящи, по крайней мере для противников, силы которых приблизительно равны. Если соперники стремятся избежать «игры с нулевой суммой очков», исходом которой может быть либо окончательная победа, либо столь же безусловное поражение любой из сторон, они взаимно заинтересованы в создании механизмов, способных привести к обусловленному завершению борьбы. В действительности большинство конфликтов оканчиваются раньше, чем побежденная сторона будет полностью разбита. Выражение «стоять до последнего», как правило,

оказывается только фразой. Соппротивление в принципе всегда возможно до тех пор, пока в лагерях враждующих сторон остается хотя бы по одному воину. Тем не менее схватка обычно прекращается задолго до наступления этого момента. Так происходит потому, что соперники договариваются относительно условий завершения конфликта. [...]

Завершение конфликта представляет собой социальный процесс, который хотя и обусловлен намерениями противников, все же не может быть выведен из них непосредственно. По замечанию Г.Зиммеля, «это специфическое предприятие не принадлежит ни миру, ни войне, подобно тому, как не принадлежит ни одному из берегов соединяющий их мост». Исход конфликта, без сомнений, связан с целями участников и с теми средствами, которые они используют. Его длительность и интенсивность будут зависеть от устремлений оппонентов, от имеющихся в их распоряжении ресурсов, наконец, от времени и усилий, которые потребуются для выработки окончательного решения. Тем не менее завершение конфликта, т.е. достижение согласия по вопросу о том, что следует считать истинным решением проблемы, выдвигает на первый план такие факторы, которые не связаны напрямую с действиями сторон и должны быть поэтому рассмотрены отдельно.

Завершение всех видов конфликтов (за исключением абсолютных) предполагает обоюдную активность соперников. Поэтому данный процесс нельзя трактовать как одностороннее навязывание воли более сильного партнера более слабому. Вопреки соображениям здравого смысла решающий вклад в окончание конфликта вносит не только тот, кто, вероятно, останется в выигрыше, но и тот, чей проигрыш уже предрешен. Как отмечает Г.Калахан, «войну навязывает победитель, но мир наступает благодаря усилиям потерпевшей стороны. Следовательно, чтобы понять мотивы заключения мира, надо принять во внимание точку зрения побежденного: война будет длиться до тех пор, пока последний не пойдет на мировую». Иначе говоря, неотъемлемым элементом победы оказывается готовность проигравшего пойти на уступки. Недвусмысленное признание своего поражения служит в данном случае доказательством истинной силы. Подобные действия Зиммель назвал «настоящим подарком побежденного своему более удачливому сопернику», а способность делать подарки, как известно, является критерием подлинной независимости.

Если, таким образом, и победитель, и побежденный вносят равный вклад в дело завершения конфликта, они вынуждены заключить между собой некоторое соглашение. Как убедительно показал Шеллинг, «локализация войны предполагает установление ее границ... что, в свою очередь требует определенного согласия сторон или по крайней мере признания друг друга и взаимных уступок». Этот тезис применим не только для характеристики ведения конфликта, но и для его завершения. Для того чтобы погасить конфликт, стороны должны заключить договор

относительно норм и правил, которые позволяют определить взаимное соотношение сил. Общность интересов вынуждает соперников принять такие правила, которые усиливают их зависимость друг от друга в самом процессе отстаивания антагонистических целей. Договоренности подобного рода способствуют самоликвидации конфликта; в той мере, в какой принятые правила соблюдаются, конфликт институционализируется и приобретает черты состязательной борьбы, о которой говорилось выше.

Соглашения, в которых четко зафиксированы цели противников и оговорен момент будущего исхода борьбы, уменьшают длительность конфликта. Раз одна из сторон добилась своей цели, а другая приняла этот факт как знак своего поражения, конфликт исчерпан. [...]

Козер Л. А. Завершение конфликта // Конфликтология. Хрестоматия / [Сост. В.Н.Рябцев ; М.А.Шитив]. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2001. – 488 с. – С. 155-162.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятия «конфликт»
2. Опишите завершение конфликта по Л. Козеру

Толкотт Парсонс

Система современных обществ

[...] Мы рассматриваем социальные подсистемы как составную часть более общей системы действия, другими составляющими которой являются культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы, – все это абстракции, аналитически вычлняемые из реального потока социального взаимодействия. В нашем подходе три только что перечисленные подсистемы общей системы действия трактуются по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды. Такое толкование не вполне обычно, особенно в том, что касается представлений о личностных свойствах индивидов. [...] для понимания последующего изложения важно помнить, что ни социальная, ни личностная подсистемы не являют собой нечто реально существующее.

Различение четырех указанных подсистем действия носит функциональный характер. Оно проводится на основе четырех первичных функций, присущих [...] любым системам действия, – это функции воспроизводства образца, интеграции, целедостижения и адаптации.

Первичная интегративная проблема любой системы действия состоит в координации составляющих ее элементов, прежде всего человеческих индивидов, хотя в определенных целях в качестве субъектов действия, можно рассматривать и коллективы. Интегративная функция приписывается здесь преимущественно социальной системе.

За культурной системой закрепляется в основном функция

сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования. Если в социальных системах на первом месте стоят проблемы социального взаимодействия, то культурные системы складываются вокруг комплексов символических значений-кодов, на основе которых они структурируются, особых сочетаний символов, в них используемых, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия.

Личности индивида отводится главным образом исполнение целедостиженческой функции. Личностная система – это главный исполнитель процессов действия и, значит, воплощения культурных принципов и предписаний. На уровне вознаграждения, в смысле мотивации, главной целью действия является обеспечение личных потребностей или удовлетворенность личности.

Поведенческий организм трактуется как адаптивная подсистема, как сосредоточение основных возможностей человека, на которые опираются остальные системы. В нем содержатся условия, с которыми должно соотноситься действие, и основные механизмы взаимодействия с физической средой, в частности механизм получения и обработки информации в центральной нервной системе и механизм двигательной реакции на требования физической среды. Все эти взаимосвязи схематично представлены в таблице 1.

Таблица 1 [...]

Подсистемы	Преимущественные функции
Социальная	Интеграция
Культурная	Воспроизводство образца
Личностная	Целедостижение
Поведенческий организм	Адаптация

[...] В этой таблице представлено самое примитивное схематическое описание основных подсистем и соответствующих им функций, присущих общей системе действия, в которой социальная подсистема является одной из четырех подсистем, которая специализируется на выполнении интегративной функции.

[...] Таким образом, социальные системы предстают как системы «открытые», находящиеся в состоянии постоянного обмена на входах и выходах в окружающую среду. Кроме того, они изначально дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процессы обмена.

Социальные системы – это системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами. Если бы свойства взаимодействия можно было вывести из свойств действующих субъектов, то социальные системы были бы эпифеноменом, на чем настаивают «индивидуалистские» социальные теории. Наша позиция здесь резко противоположна. Она исходит, в

частности, из утверждения Дюркгейма, согласно которому общество – и другие социальные системы – есть реальность *sui generis*.

Структуру социальных систем можно анализировать, применяя четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли. Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств. Нормы, основная функция которых – интегрировать социальные системы, конкретны и специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций. Они не только включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержат конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей. Коллективы принадлежат к числу тех структурных компонентов, для которых наиболее важна целедостиженческая функция. Отбрасывая многочисленные случаи крайне неустойчивых групповых систем, таких, как толпа, мы считаем коллективом только такие, которые отвечают двум критериям. Во-первых, они должны иметь определенный статус членства, так что в целом может быть проведено четкое различие членов и не членов данного коллектива – критерий, применимый в широчайшем спектре случаев – от элементарной семьи до политических сообществ. Во-вторых, внутри коллектива должна наличествовать дифференциация его членов по статусам и функциям, так что от некоторых членов ожидается, что они будут делать нечто определенное, то – чего не ожидают от других. Роль – это такой структурный компонент, который в первую очередь выполняет адаптивную функцию. С ее помощью определяется класс индивидов, которые посредством взаимных ожиданий включаются в тот или иной коллектив. Поэтому роли охватывают основные зоны взаимопроникновения социальной системы и личности индивида. Какая-то отдельно взятая роль, однако, никогда не составляет отличительную особенность конкретного индивида. Отец является особенным отцом только для своих детей, с точки же зрения ролевой структуры своего общества он всего лишь один из категории отцов. Одновременно он также участвует во множестве других видов взаимодействия, например выполняет свою роль в профессиональной структуре.

То, что социальные системы представляют собой реальность *sui generis*, в частности, означает, что все перечисленные типы их структурных компонентов являются по отношению друг к другу независимыми переменными. Так, например, высокоабстрактные ценностные образцы вовсе не всегда узаконивают одни и те же нормы, коллективы и роли при любых обстоятельствах. Точно так же многие нормы регулируют действия

бесчисленного множества коллективов и ролей, но лишь в определенной части их действий. Поэтому коллектив обычно функционирует под контролем большого числа специальных норм. В нем всегда наличествует множество ролей, хотя почти каждая значительная роль исполняется во множестве конкретных коллективов. Тем не менее социальные системы состоят из комбинаций этих структурных компонентов. Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны «руководствоваться» конкретными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они «воплощаются в жизнь» конкретными коллективами и ролями.

Понятие общества

Мы определяем общество как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы. Полная самодостаточность, однако, была бы несовместима со статусом общества как подсистемы системы действия. Любое общество для сохранения себя в качестве системы зависит от того, что оно получает в порядке взаимодействия с окружающими системами. И, значит, самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимодействия и способность контролировать взаимодействие в интересах своего функционирования. Этот контроль может варьироваться от способности предотвратить или «пресечь» какие-то нарушения до способности благоприятным для себя образом формировать отношения со средой.

[...] В терминах принятой нами аналитической схемы политика включает не только основные функции правительства в его отношении с социальным сообществом, но и соответствующие аспекты любого коллектива. Мы рассматриваем какое-то явление как политическое в той мере, в какой оно связано с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей. Политические аспекты деятельности существуют у деловых компаний, университетов, церквей. В развитии современных обществ, однако, государство все более дифференцируется от социального сообщества как специализированный орган общества, составляющий ядро его политической подсистемы. [...]

Парсонс, Толкотт. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; ред. пер. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с. – С. 15-16, 18-20, 30.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте характеристику подсистемам общества и их функциям.
2. Что такое коллектив?
3. Как Т. Парсонс определяет общество?
4. Какое явление, согласно Т. Парсонсу, можно называть политическим?

Тема 8. Философское учение о бытии. Сознание как философская проблема

Аристотель Метафизика

[...] Из первых философов большинство думало, что только в виде материи бывают начала всего. Именно, из чего состоят все существа, откуда первоначально происходят они и во что в конце концов, погибая, превращаются, причем сущность хотя остается, но изменяется в своих проявлениях, это самое они считают началом всего сущего. 3. И поэтому они [думают], что ничего не рождается и не погибает, так как такая природа постоянно сохраняется [...] Также и из всего прочего ничего [вполне не исчезает и не возникает]. Ибо должна быть или одна какая-нибудь природа, или больше одной, из которой рождается все остальное, причем она сохраняется.

4. Однако насчет числа и вида подобного начала не все согласны. Фалес, по крайней мере, родоначальник такого рода философии, утверждает, что это – вода (поэтому он объяснял, что и земля находится на воде), извлекая свое мнение из наблюдения, что пища всего живого влажна и самое тепло из этого происходит и этим поддерживается, (собственно «живет»), а из чего происходит (все), то и есть начало всего; так вот почему он принял это мнение, а также и потому, что семена всего имеют влажную природу, а вода есть основа природы влажного [...].

7. Далее, Анаксимен и Диоген воздух прежде воды скорее всего ставят началом простых тел, Гиппас Метопонтийский и Гераклит Эфесский [указывают] огонь, а Эмпедокл – четыре [начала], прибавив к указанным землю. Эти именно стихии постоянно пребывают и не иначе рождаются, как в большем или в меньшем количестве соединяясь в одно и разъединяясь из одного. 8. Анаксагор же Клазоменский, который по возрасту старше последнего, а с сочинениями выступил позже его, говорит, что начала беспредельны. [...]

1. Итак, мы вкратце и в общих чертах обозрели, кто и как высказался, [изыскивая] истину, о первых началах. [...]

2. Именно одни первое начало разумеют в виде материи, причем кладут в основу то одно (то есть начало), то больше одного и полагают его то телом, то бестелесным, например: Платон разумеет великое и малое, италийцы – беспредельное, Эмпедокл – огонь, землю, воду и воздух, Анаксагор же беспредельность однородных частиц. Все они действительно коснулись подобного рода причины, равно и все те, которые приняли воздух или огонь или воду или [еще что] плотнее огня и разреженнее воды: были ведь и такие, которые признали подобного рода первичную стихию. 3. Итак, все они коснулись только одной этой причины, а некоторые другие и того, откуда начало движения, как, например, те, которые делают

началом движения взаимное влечение и раздор, разум или любовь, но основания, в силу которого вещь есть то, что она есть и чем была [...]

1. Сущим называется то случайное, то [предмет] сам по себе.

[...] 4. Само по себе сущим называется все то, что обозначает формы категории; ибо всякий раз, как называется [категория], она указывает на бытие. А так как одни из категорий означают, что есть, [то есть указывают предмет], другие – каково оно, третьи – сколь оно велико, четвертые [означают] отношение к чему-либо, пятые – что оно действует или страдает, [наконец, его] место, в р е м я, то для каждой из них [понятие] «быть» означает одно и то же. [...]

5. Кроме того, [слово] «быть» обозначает, что есть нечто истинное, а «не есть» [значит], что [то-то] не истинно, но ложно; и притом это имеет место как в утверждении, так и в отрицании. [...]

6. Наконец, понятия «быть» и «сущее» [...] означают [существующее] то в возможности, то в действительности. Так, называя [что-либо] видящим, мы разумеем то видящее в возможности, то действительно [видящее]. Точно так же и [выражение] «знает» указывает и на того, кто может пользоваться знанием, и на [действительно] пользующегося [им]; «покоится» – говорят и о том, что уже находится в покое, и о том, что способно к покою. [...]

1. Сущностью [...] называются и простые тела, как то: земля, огонь, вода и т. п., и вообще тела, и, [далее], состоящие из них животные, и божественные [светила небесные]: и, наконец, части всего этого. Все это называется сущностью, потому что это не то, что высказывается о субстрате; напротив, о прочем говорится как о принадлежащем этому. 2. В другом смысле [этим именем называется] то, что может быть причиной бытия, как присущее тому, что не бывает атрибутом [какого-нибудь] субстрата, – например, душа для животного. 3. Далее, [сущность – это] все части, присущие этим [предметам], определяющие и указывающие, что такая-то [вещь] есть то-то, – части, с уничтожением коих уничтожается и целое; [...] 4. Кроме того, сущностью каждой вещи называется и то, что делает вещь тем, что она есть и чем была и уразумение чего есть определение [вещи].

5. Итак, выходит, что сущность принимается в двух смыслах: во-первых, это крайний субстрат, который уже не бывает атрибутом [чего-либо] другого; во-вторых, это то, что бывает именно таким-то, отдельным [от всего прочего], а таковы в каждом предмете форма и вид. [...]

Аристотель Метафизика. Перевод с греческого П. Д. Перлова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологи и истории св. Фомы, 2006. – 232 с. – С. 39-41, 56-57, 174-177.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что является первоосновой мира, по мнению различных философов?

2. Что есть сущность и сущее?

3. Что Аристотель говорит о бытие?

Джордано Бруно
Философские диалоги

[...] так как мы можем установить постоянное и вечное материальное начало, то с необходимостью мы полагаем также подобное же формальное начало. Мы видим, что все природные формы происходят из материи и снова в материю возвращаются; отсюда кажется, что реально никакая вещь не является постоянной, стойкой, вечной и достойной значения начала, за исключением материи. Кроме того, формы не имеют бытия без материи, в которой они порождаются и разрушаются, из лона которой они исходят и в которое возвращаются. Поэтому материя, которая всегда остается той же самой и плодоносной, должна иметь главное преимущество быть познаваемой как субстанциальное начало, в качестве того, что есть и вечно пребывает. Все же формы в совокупности следует рассматривать лишь как различные расположения материи, которые уходят и приходят – одни прекращаются, другие возобновляются, и ни одна из них не имеет значения начала. [...] в самом теле природы следует отличать материю от души и в последней отличать этот разум от его видов. Поэтому мы называем в этом теле три вещи: во-первых, всеобщий интеллект, выраженный в вещах; во-вторых, животворящую душу всего; в-третьих, предмет. [...] Конечно, это начало, названное материей, можно рассматривать двумя способами: во-первых, как возможность и, во-вторых, как субстрат. Поскольку ей придается то же значение, что и возможности, нет вещи, в которой бы она не могла найтись известным образом и сообразно собственному основанию. [...] Возможность обычно делится на активную, при помощи которой может действовать ее субстрат, и на пассивную, при помощи которой он или может быть, или может что-либо получать, или может что-либо иметь, или может быть объектом чего-либо, действующего на него в каком-либо отношении. Не рассуждая в данный момент об активной возможности, я утверждаю, что возможность, имеющая пассивное значение, хотя она и не всегда пассивна, может рассматриваться или относительно, или поистине абсолютно. И, таким образом, нет вещи, о которой можно было бы сказать, что она существует, и о которой нельзя было бы сказать, что она может существовать. И она в такой степени соответствует активной возможности, что одна никоим образом не может быть без другой. Поэтому, если только дана возможность делать, производить, создавать, всегда дана возможность быть сделанным, произведенным и созданным. Ибо одна возможность предполагает другую; я хочу сказать этим, что, будучи положенной, она необходимо полагает другую. Эта возможность не утверждает недостатка в том, чему она приписывается, но скорее подтверждает способность и действенность и, в конце концов, оказывается одним и тем же и на деле

одной и той же вещью с активной возможностью; поэтому нет философа или богослова, который колебался бы приписать ее Первому сверхприродному Началу. Ибо абсолютная возможность, благодаря которой могут быть вещи, существующие в действительности, не является ни более ранней, чем актуальность, ни хоть немного более поздней, чем она. Кроме того, возможность быть дана вместе с бытием в действительности, а не предшествует ему, ибо если бы то, что может быть, делало бы само себя, то оно было бы раньше, чем было сделано. Итак, наблюдай первое и наилучшее начало, которое есть все то, что может быть, и оно же не было бы всем, если бы не могло быть всем; в нем, следовательно, действительность и возможность одно и то же. Не так обстоит дело с другими вещами. Поскольку они суть то, чем могут быть, они, однако, могут и не быть или быть иначе и иным образом, чем они существуют, ибо ни одна вещь не является всем тем, чем может быть. Человек есть то, чем он может быть, но он не все то, чем он может быть. Камень не есть все то, чем он может быть, ибо он не извесь, не сосуд, не пыль, не трава. То, что есть все, чем оно может быть, есть единое, которое в своем бытии заключает всяческое бытие. Оно есть все то, что есть и что может быть любой другой вещью, которая есть и может быть. Со всякой другой вещью дело обстоит иначе. Поэтому возможность не равна действительности, ибо является действительностью ограниченной, а не абсолютной. Кроме того, возможность всегда ограничена одной действительностью, ибо никогда она не имеет более чем одно специфицированное и частное бытие. И если, однако, она предполагает любую форму и действительность, то это происходит посредством известных расположений и в известной последовательности одного бытия после другого. Итак, всякая возможность и действительность, которая в начале как бы свернута, объединена и едина, в других вещах развернута, рассеяна и умножена. Вселенная, которая является великим подобием, великим образом и однородной природою, также есть все то, чем она может быть, при помощи тех же видов, главных членов и совокупности всей материи, к которой ничего не прибавляется и которая не лишается ни одной формы. Но она уже не есть все то, чем она может быть, ввиду наличия различий, модусов, особенностей и индивидуумов. Поэтому она не что иное, как тень Первой Действительности и Первой Возможности. И все же в ней возможность и действительность не являются абсолютно одним и тем же, ибо ни одна ее часть не есть все то, чем она может быть. Кроме того, тем специфическим образом, о котором мы говорили, вселенная есть все то, чем она может быть, сообразно развернутому, рассеянному и различенному способу. Начало ее существует единым и неразличенным образом, ибо все есть все и одно и то же простейшим образом, без разницы и различия. [...]

Джордано Бруно. Философские диалоги: О Причине, Начале и Едином; О бесконечности, вселенной и мирах. – М.: Алетейа, 2000. – 320 с.

– С. 93-102.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как Бруно понимает первооснову?
2. Что автор говорит о материи?

Платон
Тимей

[...] Рассмотрим же, по какой причине устроил возникновение и эту Вселенную тот, кто их устроил. Он был благ, а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи ей чужд, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому. [...] Итак, пожелавши, чтобы все было хорошо и чтобы ничто, по возможности, не было дурно, бог позаботился обо всех видимых вещах, которые пребывали не в покое, но в нестройном и беспорядочном движении; он привел их из беспорядка в порядок, полагая, что второе, безусловно, лучше первого. Невозможно ныне и было невозможно издревле, чтобы тот, кто есть высшее благо, произвел нечто, что не было бы прекраснейшим; между тем размышление явило ему, что из всех вещей, по природе своей видимых, ни одно творение, лишённое ума, не может быть прекраснее такого, которое надделено умом, если сравнивать то и другое как целое; а ум не может обитать ни в чем, кроме души. [...] Итак, телесным, а потому видимым и осязаемым – вот каким надлежало быть тому, что рождалось. Однако с видимым ничто не может стать без участия огня, а осязаемым – без чего-то твердого, твердым же ничто не может стать без земли. По этой причине бог, приступая к составлению тела Вселенной, сотворил его из огня и земли. Однако два члена сами по себе не могут быть хорошо сопряжены без третьего, ибо необходимо, чтобы между одним и другим родилась некая объединяющая их связь. [...] Поэтому бог поместил между огнем и землей воду и воздух [...] И вот когда Отец усмотрел, что порожденное им, это изваяние вечных богов, движется и живет, он возрадовался и в ликованием замыслил еще больше уподобить [творение] образцу. [...] он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устроив небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем. Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это – части времени, а «было» и «будет» суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она «была», «есть» и «будет», но, если рассудить правильно, ей подобает одно только «есть», между тем как «было» и «будет» приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени, ибо и то и другое суть движения. [...] К тому же мы еще говорим, будто возникшее есть

возникшее и возникающее есть возникающее, а имеющее возникнуть есть имеющее возникнуть и небытие есть небытие: во всем этом нет никакой точности. [...] Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно. [...] Разумеется, все то, что составлено из частей, может быть разрушено, однако пожелать разрушить прекрасно слаженное и совершенное было бы злым делом. [...] Прежде достаточно было говорить о двух вещах: во-первых, об основополагающем первообразе, который обладает мыслимым и тождественным бытием, а во-вторых, о подражании этому первообразу, которое имеет рождение и зримо. В то время мы не выделяли третьего вида, найдя, что достанет и двух; однако теперь мне сдается, что сам ход наших рассуждений принуждает нас попытаться пролить свет на тот вид, который темен и труден для понимания. Какую же силу и какую природу припишем мы ему? [...] Если, стало быть, ни одно вещество не предстает всякий раз одним и тем же, отважимся ли мы, не испытывая стыда перед самими собой, настойчиво утверждать, что какое-либо из них – именно это, а не иное? Конечно, нет [...] Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие из нее вещи – это подражания вечносущему, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом [...]

Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древне-греч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с. – С.495-589.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что есть бытием по Платону?
2. Какие первоосновы мира называет мыслитель?

Жан-Поль Сартр

Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии

Введение

В поисках бытия

1. Идея феномена

Современная мысль достигла значительного прогресса, превратив сущее в серию явлений, которые его обнаруживают. Этим хотели устранить ряд дуализмов, обременявших философию, и заменить их монизмом феномена. Удалось ли сделать это?

Прежде всего несомненно освободились от того дуализма, когда в

сущем внутреннее противопоставляется внешнему. Нет больше внешнего, если под ним понимать поверхностную оболочку, которая скрывала бы от взглядов истинную природу объекта. В свою очередь, нет и той истинной природы как сокровенной реальности вещи, существование которой можно предчувствовать или предполагать, но до которой никогда не добраться, поскольку она всегда остается «внутри» рассматриваемого объекта. Явления, которые обнаруживают сущее, не внутренние и не внешние: все они стоят друг друга, все они отсылают к другим явлениям и ни одно из них нельзя предпочесть другому. Сила, например, не есть метафизическое стремление неизвестного рода, которое замаскировано своими действиями (ускорением, отклонением и т. д.): она – совокупность своих действий. Равным образом электрический ток не имеет тайной изнанки: он не что иное, как совокупность физико-химических действий (электролиз, нагревание углеродной нити, отклонение стрелки гальванометра и т. д.), которые его обнаруживают. Ни одного из этих действий в отдельности недостаточно, чтобы его раскрыть. Ни одно из них не указывает на что-либо позади себя: оно обозначает само себя и весь ряд в целом. Из этого следует, конечно, что дуализм бытия и кажимости теперь теряет право гражданства в философии. Видимость отсылает к целому ряду своих проявлений, а не к скрытой реальности, которая вбирала бы в себя все бытие сущего. И видимость, со своей стороны, не есть лишенное основы обнаружение этого бытия. Доколе можно было верить в ноуменальные реальности, видимость считали чистой отрицательностью. Она была «тем, что не есть бытие»; у нее не было иного бытия, кроме бытия иллюзии и ошибки. Но это было бытие взаимности, оно было пустой отговоркой, и самая большая трудность заключалась в том, чтобы хоть как-то придать видимости связность и существование и не допускать ее растворения в глубине нефеноменального бытия. Но, если мы однажды порвали с тем, что Ницше назвал «иллюзией задних миров», и если мы больше не верим в бытие позади явления, это последнее становится вполне положительным, его сущность есть «кажимость», которая больше не противопоставляется бытию, но, напротив, есть его мера, ибо бытие сущего и есть как раз то, чем оно показывается. Таким образом, мы приходим к идее феномена, которую можно встретить, к примеру, в «феноменологии» Гуссерля или Хайдеггера, – феномена, или относительного абсолюта. Феномен относителен, потому что «кажимость» по своей природе предполагает кого-то, кому она показывается, но нет двойной относительности кантовского *Erscheinung*. Он не указывает свысока на истинное бытие абсолюта. Тем, что он есть, он есть абсолютно, ибо он себя разоблачает, как есть. Феномен можно исследовать и описывать как таковой, потому что он абсолютно изъясняет самого себя.

Заодно отпадает дуализм способности и свершения. Все действительно. За действием нет ни способности, ни *exis*, ни силы. Мы отказываемся, например, понимать под гениальностью в том смысле, в котором говорят,

что Пруст «обладал гениальностью» или что он «был гением», особую способность создавать произведения, которая не исчерпывалась бы их созданием. Гениальность Пруста – это не его произведение само по себе и не субъективная способность его создания. Это само произведение как совокупность проявлений его личности. Вот почему, наконец, мы можем также отбросить дуализм видимости и сущности. Видимость не скрывает сущности, она ее раскрывает; она есть эта сущность. Сущность сущего уже не есть свойство, заключающееся внутри него. Это обнаруживающийся закон, который управляет последовательностью своих явлений, это логическое основание данного ряда. Номинализму Пуанкаре, определявшему физическую реальность (электрический ток, например) как сумму ее различных проявлений, Дюгем резонно противопоставил собственную теорию, которая из понятия делает синтетическое единство его проявлений. И конечно же феноменология совсем не номинализм. Но, в конце концов, сущность, будучи основанием ряда, есть не что иное, как связь явлений, то есть она сама – явление. Вот что объясняет, как возможна интуиция сущностей (Wesensschau Гуссерля, например). Так обнаруживает себя феноменальное бытие, оно обнаруживает свою сущность так же, как и свое существование, и оно есть не что иное, как ряд связанных между собой его проявлений.

Значит ли это, что нам удалось устранить все формы дуализма, превратив сущее в его проявления? Скорее, по-видимому, мы их всех превратили в новую форму дуализма – дуализм конечного и бесконечного. В самом деле, сущее нельзя свести к конечному ряду проявлений, поскольку каждое из них есть отношение к постоянно меняющемуся субъекту. Когда объект открывается через единственность *Abschattung*, то один лишь факт бытия субъекта подразумевает возможность увеличения точек зрения на данный *Abschattung*.

Этого достаточно, чтобы увеличить рассматриваемый *Abschattung* до бесконечности. Кроме того, если бы ряд явлений был конечным, это означало бы, что былые образы не смогут появиться вновь, а это нелепо, или что они могли быть даны все сразу, а это еще нелепее. В самом деле, нужно как следует понять, что наша теория феномена заменила реальность вещи объективностью феномена и что она обосновала последнюю с помощью бесконечного. Реальность этой чашки в том, что она есть, но что она не есть Я. Мы хотим этим сказать, что ряд ее явлений связан основанием, которое не зависит от нашей воли. Но явление, взятое само по себе и без обращения к ряду, часть которого оно составляет, может быть только интуитивной и субъективной полнотой: определенным способом воздействия на субъект. Если феномен должен раскрыть свою трансцендентность, надо, чтобы сам субъект вышел за пределы данного явления к целому ряду, членом которого оно является. Нужно, чтобы он постигал красное посредством впечатления, получаемого им от красного. Красное есть основание данного ряда впечатлений; электрический ток

получают посредством электролиза и т. д. Но если трансцендентность объекта основывается на необходимости для явления всегда себя превосходить, из этого следует, что объект в принципе полагает бесконечный ряд своих явлений. Итак, явление, которое, конечно, само обозначается в своей конечности, в то же время требует перехода к бесконечному, чтобы быть познанным в качестве явления – того, что проявляется. Эта новая противоположность: «конечное и бесконечное», или, лучше, «бесконечное в конечном», – заменяет дуализм бытия и кажимости: в самом деле, то, что показывает себя, есть только один аспект объекта, и объект целиком в этом аспекте и целиком вне его. Целиком внутри, потому что он обнаруживается в этом аспекте: он указывает на самого себя как на структуру данного явления, которая есть в то же время основание этого ряда. Целиком вне, потому что сам ряд в целом никогда не проявляется и не может проявиться. Так внешнее снова противопоставляется внутреннему, и бытие, которое-не-показывает-себя, – явлению. Равным образом феномену возвращается некая «способность», придающая ему трансцендентность, – способность быть развернутым в ряд, серию реальных или возможных явлений. Гений Пруста, даже если свести его к созданным им произведениям, тем не менее равен бесконечному числу возможных точек зрения на его творчество, что и назовут «неисчерпаемостью» прустовского наследия. Но эта неисчерпаемость, которая подразумевает трансцендентность и уход в бесконечное, не есть ли некий «e_xis» – состояние в тот самый момент, когда его улавливают в объекте? Наконец, сущность полностью отделяется от индивидуальной видимости, которая ее обнаруживает, потому что она принципиально есть то, что должно быть обнаружено в ряду индивидуальных проявлений.

Итак, приобрели мы что-либо или потеряли, заменив разнообразие противоположностей единственным дуализмом, который лежит в основе их всех? Это мы скоро увидим. Пока что первое следствие «теории феномена» – то, что явление не отсылает к бытию, как кантонский феномен к ноумону. Поскольку нет ничего позади явления и оно указывает только на себя самое (и весь ряд явлений), оно не имеет иной поддержки, кроме собственного бытия, и не может быть тонкой пленкой ничто, которое отделяет бытие-субъект от бытия-абсолюта. Если сущность явления есть кажимость, которая больше не противопоставляется какому-либо бытию, возникает законная проблема бытия этой кажимости. Как раз эта проблема и будет нас здесь занимать, она и станет отправной точкой наших исследований бытия и ничто.

2. Феномен бытия и бытие феномена

Явление не подпирается каким-либо сущим, отличным от него самого: у него свое собственное бытие. Следовательно, первое бытие, с которым мы сталкиваемся в наших онтологических исследованиях, есть бытие явления. Явление ли оно само? Сперва оно так и выглядит. Феномен

есть то, что себя обнаруживает, и бытие так или иначе себя обнаруживает перед всеми, поскольку мы можем о нем говорить и в определенной мере его понимать. Следовательно, должен быть феномен бытия, явление бытия, описываемое как таковое. Приступ тошноты, скуки и т. д. разоблачит нам это бытие в его непосредственности, и онтология будет описанием феномена бытия таким, каким он себя обнаруживает, то есть каким непосредственно является. Однако всякой онтологии следует поставить предварительный вопрос: тождествен ли полученный таким образом феномен бытия бытию феноменов, то есть: бытие, которое разоблачает себя передо мною, которое мне является, – это бытие того же самого рода, что и бытие сущих, которые мне являются? Здесь, кажется, не возникает трудностей. Гуссерль показал, что всегда возможна эйдетическая редукция, то есть всегда можно перейти от конкретного феномена к его сущности, и, по Хайдеггеру, «человеческая реальность» обладает онтико-онтологической природой, то есть она всегда может переводить феномен к его бытию. Но переход от единичного объекта к сущности есть переход от подобного к подобному. Таков ли переход от сущего к феномену бытия? Перейти от сущего к феномену бытия, значит ли перейти к его бытию, как переходят, например, от данного оттенка красного к сущности последнего! Вглядимся пристальнее.

В единичном объекте можно всегда различить качества, такие, как цвет, запах и др. И, начиная с них, можно всегда определить сущность, которую они заключают в себе, подобно тому как знак содержит значение. Совокупность «объект – сущность» создает организованное целое: сущность не в объекте, она – смысл объекта, логическое основание ряда явлений, которые ее открывают. Но бытие – не качество объекта, познаваемое наряду с другими качествами, и не смысл объекта. Объект не отсылает к бытию как к своему значению. Нельзя, например, определить бытие как присутствие, поскольку отсутствие тоже раскрывает бытие, потому что не быть здесь – значит быть где-нибудь еще. Объект не обладает бытием, и его существование не есть причастность к бытию или какой-либо совсем иной род отношения. Он есть – это единственное, чем можно определить его способ бытия. Ибо объект не маскирует бытия, но также и не раскрывает его: он не маскирует его, так как было бы напрасным старанием устранить какие-либо качества сущего, чтобы найти за ними бытие; бытие присуще всем качествам в равной мере, и он не раскрывает бытия, потому что напрасно было бы направиться к объекту, чтобы уловить его бытие. Сущее есть феномен, то есть оно обозначает себя как организованную совокупность качеств. Себя, но не свое бытие. Бытие – просто условие всякого раскрытия: оно есть бытие-для-обнаружения, но не раскрытое бытие. Что означает, стало быть, тот переход к онтологическому, о котором говорит Хайдеггер? Наверное, я могу перейти от этого стола или этого стула к их бытию и поставить вопрос о бытии-столу или бытии-стуле. Но в этот момент я отвожу глаза от стола-

феномена, чтобы уставиться на бытие-феномен, которое не является уже условием всякого раскрытия, но само есть нечто раскрытое, некое явление и как таковое, в свою очередь, нуждается в бытии в качестве основания своего возможного раскрытия.

Если бытие феноменов не разрешается в феномен бытия и если тем не менее мы ничего не можем сказать о бытии, не обращаясь к такому феномену бытия, то прежде всего нужно установить точное отношение, которое соединяет феномен бытия с бытием феномена. Нам будет легче это сделать, если мы примем во внимание, что вся совокупность предшествующих замечаний прямо была внушена открывающей интуицией феномена бытия. Рассматривая небытие как условие раскрытия, но бытие как явление, которое можно закрепить в понятиях, мы с самого начала поняли, что знание не может обосновать право явления на самостоятельное существование, то есть, что бытие феномена нельзя свести к феномену бытия. Одним словом, феномен бытия «онтологичен» в том смысле, в каком называют онтологическим доказательство святого Ансельма или Декарта. Это есть зов бытия. В качестве феномена он требует трансфеноменального основания. Феномен бытия требует трансфеноменальности бытия. Этим мы не хотим сказать, что бытие скрывается за феноменами (мы видели, что феномен не может маскировать бытие) или что феномен был бы видимостью, отсылающей к отличному от нее бытию (как раз в качестве видимости феномен и имеет место, то есть обозначает себя на основе бытия). Предшествующие соображения подразумевают, что бытие феномена, хотя и сосуществует с феноменом, должно избежать условия феноменальности — существования лишь в меру своего раскрытия — и что, следовательно, бытие объемлет и обосновывает знание, которое о нем имеется.

3. Дорефлексивное *cogito* и бытие *percipere*

Может быть, попытаются возразить, что упомянутые выше трудности зависят от определенной концепции бытия, от взгляда онтологического реализма, совершенно не совместимого с самим понятием явления. В самом деле, бытие явления измеряется тем, что оно является. И так как мы ограничим реальность феноменом, то сможем сказать о феномене, что он есть, когда является. Почему не довести эту идею до логического конца и не сказать, что бытие явления есть его явление? Это просто способ облечь в новые слова старое «*esse est percipi*» Беркли («бытие есть воспринимаемое» (*лат.*))

Именно это в конце концов и сделал Гуссерль, когда после проведения феноменологической редукции назвал нозму ирреальной и объявил, что ее *esse* есть *percipi*.

Знаменитая формула Беркли нам не кажется удовлетворительной по двум существенным соображениям, из которых одно относится к природе *percipi*, а другое – к природе *percipere*.

Природа *percipere*. Если всякая метафизика в действительности

предполагает теорию познания, то и в свою очередь, любая теория познания, предполагает метафизику. Это означает, помимо всего остального, что идеализм, стремящийся свести бытие к знанию, которое о нем есть, должен прежде каким-то образом удостовериться в бытии этого знания. Если, напротив, сначала полагают знание как некую данность, не заботясь о том, чтобы установить его бытие, и если потом утверждают, что *esse est percipi*, то целостность «воспринятого восприятия» за отсутствием твердого бытия как опоры проваливается в ничто. Итак, бытие знания нельзя измерить знанием. Оно ускользает от *percipi*. Стало быть, бытие – основа *percipere* и *percipi* ускользает от *percipi*, оно должно быть трансфеноменальным. Мы возвращаемся к исходному пункту. Все-таки можно согласиться, что *percipi* отсылает к бытию, которое ускользает от законов явления, все еще отстаивая тот взгляд, что это трансфеноменальное бытие есть бытие субъекта. Таким образом, *percipi* отсылает к *percipiens*, познаваемое – к познанию, а последнее – к бытию познающего, поскольку оно есть, а не поскольку оно познано, то есть оно отсылает к сознанию.

Именно это понял Гуссерль: так как если ноэма для него – ирреальный коррелят ноэзы, и онтологический закон ее – *percipi*, то ноэза, напротив, для него – реальность и ее основная особенность – отдавать себя рефлексии, которая ее познает в качестве «уже бывшей здесь раньше». Ибо закон бытия познающего субъекта – это быть сознающим. Сознание не есть особый модус познания, называемый внутренним чувством, или самопознанием, – это измерение трансфеноменального бытия субъекта.

Попробуем лучше понять это измерение бытия. Мы сказали, что сознание есть познающее бытие, поскольку оно есть, а не поскольку оно познано. Это означает, что надо отказаться от примата познания, если мы хотим учредить это познание. И, несомненно, сознание может познавать и познавать себя. Но в самом себе оно нечто иное, нежели познание, обращенное на себя.

Всякое сознание, как показал Гуссерль, есть сознание какой-нибудь вещи. Это означает, что нет сознания, которое не полагало бы трансцендентного объекта, или, если предпочитают другое выражение, у сознания нет «содержания». Нужно отказаться от этих нейтральных данных, которые могли бы согласно избранной системе координат организоваться в «мир» или «психическое». Стол не находится в «сознании» даже в качестве представления. Стол находится в данной части пространства, возле окна и т. д. В самом деле, существование стола есть узел непрозрачности для сознания: понадобился бы бесконечный процесс, чтобы описать все содержимое какой-либо вещи. Ввести эту непрозрачность в сознание означало бы отослать к бесконечности списка, который оно может составить о самом себе, сделать из сознания вещь и отказаться от *cogito*. Стало быть, в качестве первого шага философия должна исключить вещи из сознания и восстановить подлинное его

отношение к миру, а именно то, что сознание есть полагающее сознание мира. Всякое сознание полагает, когда выходит из себя, чтобы достичь объекта, и оно исчерпывает себя в самом этом полагает. Весь умысел моего действительного сознания направлен вовне, к столу; вся моя деятельность, оценивающая и практическая, все мои аффекты в данный момент устремлены к столу и поглощаются им. Не всякое сознание есть познание (есть, например, аффективное сознание), но всякое познающее сознание познает только свой объект.

Однако необходимым и достаточным условием познания познающим сознанием своего объекта и есть то, что оно должно быть сознанием себя самого именно в качестве познающего. Это условие необходимое, так как если бы мое сознание не сознавало бы, что оно есть сознание этого стола, оно было бы сознанием этого стола, не сознавая этого, или, если хотите, сознанием, которое не знает самого себя, бессознательным сознанием, а это нелепо. Это условие достаточное: достаточно, что у меня есть сознание этого стола, чтобы я и в самом деле его сознавал. Этого, конечно, недостаточно для утверждения, что данный стол существует в себе, – но он хотя бы существует для меня.

Чем будет это сознание сознания? Мы до такой степени подвержены иллюзии примата познания, что сейчас же готовы сделать из сознания сознание *idea ideae* в духе Спинозы, то есть знание о знании. Ален, пытаясь выразить тот факт, что «знать – значит сознавать, что знаешь», сформулировал его так: «Знать – значит знать, что знаешь». Так мы определили рефлексивное, или полагающее сознание сознания, или, еще лучше, познание сознания. Это было бы полное сознание, направленное на что-то, что не есть оно само, то есть на отражающее сознание. Оно, следовательно, превосходило бы себя и как полагающее сознание мира исчерпалось бы одним своим объектом. Только этим объектом было бы само сознание.

По-видимому, мы не сможем принять эту интерпретацию сознания сознания. В самом деле, сведение сознания к познанию предполагает, что в сознание вводят субъект-объектный дуализм, типичный для познания. Но если мы примем закон пары «познающее – познаваемое», будет необходим третий термин, чтобы познающее, в свою очередь, стало познаваемым, и мы окажемся перед следующей дилеммой. Или мы останавливаемся на каком-либо термине ряда: познаваемое-познающее познаваемое-познающее познаваемое познающего и т. д. Тогда вся целостность феномена впадает в непознаваемое, то есть мы наталкиваемся на рефлексивное, не сознающее себя, и на последний термин. Или мы утверждаем необходимость регрессии в бесконечность (*idea ideae ideae* и т. д.), что нелепо. Так необходимость онтологического обоснования познания удваивается здесь новой необходимостью эпистемологического обоснования. Не значит ли это, что не нужно вводить закон пары в сознание? Сознание себя не есть пара. Если мы хотим избежать регресса в

бесконечность, нужно, чтобы оно было непосредственным и не мыслящим отношением себя к себе.

К тому же рефлексивное сознание полагает отражающее сознание как свой объект: в акте рефлексии я выношу суждения об отражающем сознании – я стыжусь его, я горжусь им, я его хочу, я его ощущаю и т. д. Непосредственное сознание восприятия не позволяет мне ни судить, ни желать, ни стыдиться. Оно не знает моего восприятия, оно не полагает его. Весь умысел моего актуального сознания направлен вовне, в мир. Зато это спонтанное сознание моего восприятия организует мое воспринимающее сознание. Другими словами, всякое полагающее сознание объекта есть в то же время неполагающее сознание самого себя. Если я считаю сигареты в этой пачке, то получаю впечатление раскрытия объективного свойства этой группы сигарет: их дюжина. Это свойство является моему сознанию как свойство, существующее в мире. У меня вполне может не быть полагающего сознания их счета. Я себя «не знаю считающим». Дети, способные произвольно производить сложение, не смогли потом объяснить, как они это сделали. Опыты Пиаже, которые это доказали, дают превосходное опровержение формулы Алена: «Знать – значит знать, что знаешь». И, однако, в тот самый момент, когда эти сигареты предстают передо мной как дюжина, у меня возникает нететическое (неполагаемое) сознание счетной активности.

Если меня в этот момент начнут расспрашивать, если спросят: «Что вы сейчас делаете?», я тотчас отвечу: «Считаю», и этот ответ подразумевает не только то сознание данного момента, которое я могу получить посредством рефлексии, но и те акты сознания, которые уже прошли без какой-либо рефлексии, которые навсегда останутся неотраженными в моем непосредственном прошлом. Нет никакого примата рефлексии вместе с отражающим сознанием: ведь не это позволяет ему открыть самого себя. Совсем наоборот, именно нерефлексивное сознание делает рефлексию возможной. Есть дорефлексивное *cogito*, которое и составляет условие картезианского *cogito*. В то же время как раз нететическое сознание счета есть само условие моей счетной деятельности. Если бы это было иначе, как бы сложение стало объединяющей темой моих сознательных актов? Для того чтобы эта тема управляла всем рядом синтезов объединения и узнавания, надо, чтобы она предстала перед собой не как вещь, а как операциональный замысел, существующий только в качестве «открывающе-открываемого», если воспользоваться выражением Хайдеггера. Итак, чтобы считать, нужно сознавать, что считаешь.

Без сомнения, скажут, но ведь здесь круг в рассуждении. Не нужно ли считать на деле, чтобы я мог сознавать это? Верно. Однако круга тут нет или, если хотите, сама природа сознания такова, чтобы существовать «в круге». И это можно выразить так: всякое сознательное существование существует, сознавая существование. Теперь мы понимаем, почему первое

сознание сознания не полагает: потому, что оно едино с тем сознанием, которое оно сознает. Оно сразу определяется как сознание восприятия и как восприятие. Только требования синтаксиса до сих пор нас заставляли говорить о «не полагающем сознании себя» (о себе). Но больше мы не будем пользоваться этим выражением, где «о себе» (de soi) пробуждает еще идею познания (в дальнейшем мы будем ставить подобную конструкцию в скобки, чтобы показать, что она отвечает только грамматическому требованию).

Это сознание себя мы не должны рассматривать как новое сознание, но как единственный модус существования, который возможен для сознания чего бы то ни было. Подобно тому как протяженный объект ограничен в своем существовании тремя измерениями, намерение, удовольствие, скорбь могут существовать только как непосредственное сознание самих себя. Бытие намерения может быть только сознанием, иначе это намерение было бы вещью в сознании. Отныне нельзя, однако, думать, что некая внешняя причина (органическое расстройство, бессознательный импульс, другое «Erlebnis») могла бы вызвать психическое событие – например, удовольствие, и что, с другой стороны, это событие в его определенной материальной структуре можно было бы заставить появиться как сознание себя. Это придало бы нететическому сознанию некое качество полагающего сознания (в том смысле, в котором восприятие, полагающее сознание этого стола, имело бы сверх того качество сознания себя) и вынудило бы впасть, таким образом, в иллюзию теоретического примата познания. Кроме того, это означало бы сделать из психического события вещь и назвать ее сознательной, как я мог бы, например, назвать этот бювар розовым. Удовольствие нельзя отличить – даже логически – от сознания удовольствия. Сознание удовольствия создает удовольствие как самый способ существования, как материю, из которой оно сделано, а не как форму, которая накладывается на уже существующую материю наслаждения. Удовольствие не может существовать «перед» сознанием удовольствия – даже в форме виртуальности, способности. Потенциальное удовольствие не могло бы существовать иначе как в сознании потенциального бытия, нет виртуальности сознания, кроме сознания виртуальности.

И наоборот, как я только что показал, надо избегать определения удовольствия через сознание, которое у меня есть на этот счет. Это означало бы впасть в идеализм сознания, который окольными путями вернул бы нас к примату познания. Удовольствие не должно заслоняться сознанием его: это не представление, а конкретное, полное и абсолютное событие. Оно не является больше качеством сознания себя, как сознание себя – качество удовольствия. Не существует сначала сознания, которое потом получило бы ощущение удовольствия, как вода, которую окрашивают, нет удовольствия (бессознательного или психологического) сначала, которое затем получало бы качество сознательного, как сноп

света. Есть бытие неделимое, нерасторжимое – вовсе не субстанция, поддерживающая свои качества как существования низшего порядка, но бытие, которое насквозь есть существование. Удовольствие есть бытие сознания себя, а сознание себя есть закон бытия удовольствия. Это очень хорошо выражает Хайдеггер, когда пишет (говоря, правда, о Dasein, а не о сознании): ««Как» (essentia) этого бытия, насколько вообще можно о нем говорить, нужно понимать через его бытие (existentia)». Это означает, что сознание не порождается как единичный случай абстрактной возможности, но, возникая в лоне бытия, создает и поддерживает свою сущность, то есть синтетическое строение своих возможностей. Это означает также, что тип бытия сознания противоположен тому, который нам открывает онтологическое доказательство. Как сознание невозможно раньше бытия, но его бытие есть источник и условие всякой возможности, так его существование включает его сущность. Это удачно сформулировал Гуссерль, говоря о его «фактической необходимости». Чтобы была сущность удовольствия, надо, чтобы сначала был факт сознания этого удовольствия. И напрасно пытались сослаться на так называемые законы сознания, развернутая совокупность которых образовала бы его сущность: закон – трансцендентный объект познания, может быть сознание закона, но не закон сознания. По тем же соображениям невозможно наделить сознание какой-либо иной мотивацией, нежели оно само. В противном случае потребовалось бы сказать, что сознание в той степени, в какой оно есть действие, себя не сознает. Это означало бы, что в некотором смысле оно было, не будучи сознанием бытия. Мы слишком часто впадали в эту иллюзию, которая из сознания делает нечто полубессознательное, или пассивность. Однако сознание во всем есть сознание. Итак, только сознание смогло бы устанавливать свои границы.

Эту самодетерминацию сознания нельзя понимать как генезис, как становление, так как тогда потребовалось бы предположить, что сознание предшествует своему собственному существованию. Нельзя также понимать это самосотворение как некий акт. В противном случае сознание было бы самосознанием акта, чего на самом деле нет. Сознание есть полнота существования и самодетерминация – его существенная особенность. Было бы благоразумно не злоупотреблять выражением «причина себя», которое позволяет допустить некую прогрессию, отношение себя-причины к себе-действию. Правильнее будет сказать просто: сознание существует посредством себя. Под этим нельзя понимать, что оно себя «извлекает из ничего». Не бывает «ничего» у сознания до самого сознания. «До» сознания можно понимать не иначе как полноту бытия, ни один из элементов которой (полноты) не может отослать к отсутствующему сознанию. Чтобы у сознания было ничто, нужно сознание, которое было и которого больше нет, и сознание-свидетель, которое полагает небытие первого сознания в синтезе узнавания. Сознание предшествует ничто и «извлекает себя» из бытия.

[...] Парадокс не в том, что существуют вещи сами по себе, но в том, что нет ничего, кроме них. Что поистине невысказано, так это пассивное существование, то есть существование, которое непрерывно продолжается, не имея силы ни родиться, ни сохранить себя. С этой точки зрения нет ничего более непонятного, чем принцип инерции. И в самом деле, откуда «появилось» сознание, если оно могло появиться из чего-то? Из глубин бессознательного, или физиологического. Но если спросить себя, как эти глубины в свою очередь могут существовать и откуда они берут свое существование, мы обнаружим, что возвратились к понятию пассивного существования, то есть мы абсолютно не смогли бы понять, как эти лишённые сознания данные, не возникающие из самих себя, могут упрочить свое существование и найти еще силу вызвать к жизни сознание. Именно на это и указывает большая популярность, которую получил аргумент «*a contingentia mundi*» («от случайности мира» (лат.)).

Таким образом, отвергая примат познания, мы открыли бытие познающего и натолкнулись на абсолют, тот самый абсолют, которому рационалисты XVII века дали определение и который они логически сконструировали как объект познания. Но как раз именно потому, что имеют в виду абсолют существования, а не познания, теряет силу известное выражение, согласно которому познанный абсолют больше не абсолют, поскольку он становится относительным, вступая в отношение с имеющимся о нем знанием. Действительно, отныне абсолют не результат логической конструкции в области познания, но самый конкретный субъект опыта. И он вовсе не находится в отношении к этому опыту, потому что он сам и есть этот опыт. Следовательно, это не субстанциальный абсолют. Онтологическая ошибка картезианского рационализма состоит в непонимании того, что, если абсолют определяется как примат существования над сущностью, его уже нельзя трактовать как субстанцию. В сознании нет ничего субстанциального – это чистая «видимость» в том смысле, что она существует лишь в той мере, в какой являет себя. Но именно потому, что оно – чистая видимость, полная пустота (поскольку весь мир вне его), по причине тождества в нем видимости и существования его и можно рассматривать как абсолют.

4. *Бытие percipi*

Кажется, мы достигли границы нашего исследования. Мы превратили вещи в связанную целостность их проявлений, затем мы установили, что эти проявления требуют бытия, которое само больше не было бы видимостью. *Percipi* отсылает нас к *percipiens*, бытие которого открывается нам как сознание. Таким образом, мы достигли онтологической основы познания, первого бытия, которому являются все другие явления, абсолюта, в сравнении с которым всякий феномен относителен. Это вовсе не субъект в кантовском понимании, но сама субъективность, имманентность себя себе. Теперь уже мы избежали идеализма. Для него бытие измеряется познанием, что подчиняет его

закону двойственности. Есть только познаваемое бытие – речь идет о самой мысли: мысль является лишь в собственных произведениях, то есть мы всегда постигаем ее не иначе как значение готовых мыслей; и философ в поисках мысли должен изучать сформировавшиеся науки, чтобы извлечь ее оттуда в качестве условия их возможности. Напротив, мы уловили бытие, которое ускользает от познания и которое служит его основанием, мысль, которая совсем не дана как представление или значение готовых выражений, но которая схватывается непосредственно как она есть, и этот способ схватывания – не феномен познания, но сама структура бытия. Мы очутились теперь на почве гуссерлианской феноменологии, хотя сам Гуссерль не всегда оставался верен своей основной интуиции. Удовлетворены ли мы? Мы натолкнулись на трансфеноменальное бытие, но то ли это бытие, на которое указывал феномен бытия, бытие ли это феномена? Иначе говоря, хватит ли бытия сознания, чтобы обосновать бытие видимости именно как видимости? Мы оторвали бытие видимости от феномена, чтобы отдать его сознанию, и мы рассчитывали, что сознание потом возвратит видимости ее бытие. Каким образом? Исследование онтологических требований *percipi* позволит нам узнать это.

Сначала заметим, что есть бытие воспринимаемой вещи, поскольку она воспринимается. Даже если бы я хотел свести этот стол к синтезу субъективных впечатлений, по крайней мере необходимо отметить, что он себя открывает в качестве стола через этот синтез и что он представляет собой трансцендентную границу, основание и цель этого синтеза. Стол присутствует перед познанием и не может быть ассимилирован им, иначе он был бы сознанием, то есть чистой имманентностью, и исчез бы как стол. По той же самой причине, даже если принять, что его отделяет от синтеза субъективных впечатлений, через который его постигают, чисто логическое различие, он все-таки не может быть этим синтезом. Это означало бы его сведение к синтетической активности связи. Поскольку, однако, познаваемое не может раствориться в познании, надо признать за ним бытие. Это бытие, скажут нам, и есть *percipi*. Признаем с самого начала, что бытие *percipi* нельзя свести к бытию *percipiens*, то есть к сознанию, – так же, как стол не сводится к связи представлений. Самое большее, могли бы мы сказать, – оно имеет отношение к этому бытию. Но эта относительность не освобождает нас от обзора бытия *percipi*.

Ну и вот, модус *percipi* – пассивность. Если, стало быть, бытие феномена состоит в его *percipi*, то это бытие – пассивность. Относительность и пассивность – таковы будут характерные структуры *esse*, поскольку это последнее сводится к *percipi*. Что такое пассивность? Я пассивен, когда меняюсь, не будучи ни источником, ни основой, ни творцом этого изменения. Следовательно, мое бытие поддерживает способ бытия, источник которого не оно само. Только для его поддержания необходимо еще, чтобы существовал я, и тем самым мое существование всегда находится вне пассивности. «Пассивно поддерживать», например, –

это образ действий, который я сохраняю и который так же вовлекает мою свободу, как и «решительно отвергать». Если я навсегда должен быть «тем-кого-оскорбили», надо, чтобы я упорствовал в своем бытии, то есть чтобы я притворился таковым в своем существовании. Но тем самым я, так сказать, за свой счет возобновляю свою обиду, я взваливаю ее на себя, я перестаю быть пассивным по отношению к ней. Отсюда такая альтернатива: или я не пассивен в своем бытии, и тогда я становлюсь основой своих привязанностей, даже если сначала я не был их источником; или я в своем существовании страдаю пассивностью, мое бытие есть бытие установившееся, и тогда все проваливается в ничто. Таким образом, пассивность есть феномен вдвойне относительный: относительный в сопоставлении с активностью того, кто действует, и с существованием того, кто страдает. Это предполагает, что пассивность не может затрагивать само бытие пассивно сущего. Она — отношение одного бытия к другому бытию, а не бытия к ничто. Нельзя представить, что *percipere* воздействует на *perceptum* бытия, так как, чтобы подвергнуться воздействию, *perceptum* уже должно быть каким-то способом дано и существовать перед тем, как получить бытие. Можно понять творение при условии, что сотворенное бытие возобновляет себя, отрывается от создателя, чтобы тотчас замкнуться в себе и взять на себя свое бытие. Именно в этом смысле книга существует наряду со своим автором. Но если акт творения должен продолжаться до бесконечности, если сотворенное бытие поддерживается вплоть до своих мельчайших частиц, если у него нет никакой внутренней независимости, если оно само в себе ничего не представляет, тогда тварь никак не отличается от своего творца, она растворяется в нем; мы имеем дело с искаженной трансцендентностью, и создателю не остается даже иллюзорного выхода из своей субъективности.

Впрочем, пассивность пациента требует равной пассивности от агента. Именно это выражает принцип действия и противодействия как раз потому, что можно пожимать, сжимать, резать нашу руку, и наша рука может пожимать, резать, сжимать. Какую долю пассивности можно приписать восприятию, познанию? Они — целиком активность, целиком спонтанность. Именно потому, что восприятие есть чистая спонтанность, что к нему ничто не может примкнуть, сознание и не может ни на что действовать. Следовательно, *esse est percipi* потребовало, чтобы сознание, чистая спонтанность, которая не может ни на что действовать, давало бытие трансцендентному ничто, сохраняя в нем свое небытие бытия. Сколько нелепостей! Гуссерль пытался парировать эти возражения, вложив пассивность в нозу. Это и есть *hyle* (материя, вещество, материал (греч.)), или чистый поток переживаемого и материя пассивных синтезов.

Но этим он лишь добавил дополнительную трудность к тем, о которых мы упоминали. В самом деле, вот снова появляются эти нейтральные данные, невозможность которых мы только что показали. Без сомнения они не составляют «содержание» сознания, но остаются там,

совершенно непонятно как. Действительно, hyle не может возникнуть из сознания, иначе оно стало бы прозрачным и не могло бы предложить той впечатляюще прочной основы, которую нужно преодолеть на пути к объекту. Но если оно не принадлежит сознанию, то откуда берет оно свое бытие и непрозрачность? Как оно может одновременно удерживать непрозрачную твердость вещей и субъективность мысли? Его esse не может к нему прийти из resipiri, потому что оно не воспринимается, потому что сознание выходит за его пределы к объектам. Но если оно берет его только из себя, мы снова обретаем неразрешимую проблему отношения сознания к независимым от него сущим. И даже если согласимся с Гуссерлем, что есть гилетический слой ноэзы, то нельзя понять, как сознание может преодолеть это субъективное и выйти к объективности. Придавая hyle признаки вещи и признаки сознания, Гуссерль думал облегчить переход от одной к другому, но достиг только того, что создал гибридное бытие, которое сознание отвергает и которое нельзя сделать частью мира.

Однако, как мы видим, resipiri предполагает, что закон бытия resertum' a – относительность. Можно ли понимать это так, что бытие познаваемого релятивно по отношению к познанию? Что может означать относительность бытия для сущего, если не то, что это сущее находит свое бытие в другом, а не в себе, в сущем, которое не есть оно само? Конечно, было бы понятно, как бытие может быть внешним самому себе, если под этим иметь в виду, что оно есть свое собственное внешнее. Но здесь не тот случай. Воспринимаемое бытие находится перед сознанием, сознание не может до него добраться, а бытие больше не может проникнуть в сознание, и, поскольку оно отрезано от сознания, оно отрезано от своего собственного существования. Если сделать из него ирреальное в духе Гуссерля, это также ни к чему не приведет. Даже в качестве ирреального оно должно все же существовать.

Таким образом, два определения относительности и пассивности, которые могут обозначать способы бытия, ни в коем случае не применимы к самому бытию. Esse феномена не может быть его resipiri. Трансфеноменальное бытие сознания не может обосновать трансфеноменальное бытие феномена. Ошибка феноменалистов заметна: с полным правом, превратив объект в связанный ряд его явлений, они предполагали свести его бытие к последовательности его способов проявления, и вот почему они его объясняли понятиями, которые применимы только к этим способам бытия, ибо обозначают отношения внутри множества уже существующих сущих.

5. Онтологическое доказательство

Бытию не воздают должного: мы думали избавиться от признания трансфеноменальности бытия феномена, потому что открыли трансфеноменальность бытия сознания. Совсем напротив, мы видим, что сама эта трансфеноменальность требует того же от бытия феномена. Есть

«онтологическое доказательство», выводимое не из рефлексивного *cogito*, но из дорефлексивного бытия *percipiens*. Это мы и попытаемся сейчас изложить.

Всякое сознание есть сознание чего-то. Это определение сознания можно трактовать в двояком смысле: или мы понимаем под этим, что сознание образует бытие своего объекта, или это означает, что сознание по своей глубочайшей природе есть отношение к трансцендентному бытию. Но первое значение этой формулы само себя уничтожает: сознавать что-либо значит находиться перед лицом конкретного и полного присутствия, которое не есть сознание. Без сомнения, возможно сознание и некоего отсутствия. Но это отсутствие с необходимостью проявляться на основе присутствия. А мы видели, что сознание есть настоящая субъективность и впечатление есть субъективная полнота. Но эта субъективность не могла выйти из себя для того, чтобы полагать трансцендентный объект, придавая ему полноту впечатления. Если, следовательно, хотят любой ценой, чтобы бытие феномена зависело от сознания, нужно, чтобы объект отличался от сознания не своим присутствием, но своим отсутствием, не своей полнотой, но своим ничто. Если бытие принадлежит сознанию, объект не есть сознание не в той мере, в какой он есть другое бытие, но в той, в какой он не есть бытие. Это – надежда на бесконечное, о котором мы уже говорили в первом разделе этого введения. У Гуссерля, например, одушевление гилетического ядра только теми интенциями, которые могут найти свое осуществление (*Erfüllung*) в этом *hyle*, оказалось недостаточным, чтобы выйти из этой субъективности. Подлинно объективирующие интенции – это пустые интенции, которые подразумевают, что по ту сторону предстоящего и субъективного явления – бесконечная совокупность ряда явлений. Согласимся, кроме того, что они их подразумевают, поскольку те никогда не могут быть даны все сразу. Именно принципиальная невозможность для бесконечного числа членов ряда, серии существовать одновременно перед сознанием, наряду с действительным отсутствием всех этих членов за исключением одного, и образует основу объективности. Будь эти впечатления в их бесконечном числе налицо, они слились бы в субъективности, но их отсутствие и дает им объективное бытие. Итак, бытие объекта есть чистое небытие. Оно определяет себя как недостаток. Это есть то, что себя скрывает, что в принципе никогда не будет дано, что вверяет себя ускользающим и сменяющимся видам. Но как небытие может быть основой бытия? Как отсутствующее и ожидаемое субъективное становится посредством этого объективным? Большая радость, которую я ожидаю, горе, которого страшусь, приобретают от этого факта определенную трансцендентность – я с этим согласен. Но эта трансцендентность в имманентности не выводит нас из субъективности. Верно, что вещи даны посредством видов, то есть посредством явлений. Верно, что каждое явление отсылает к другим явлениям. Но каждое из них поодиночке уже трансцендентное бытие, а не

субъективно чувственная материя – полнота бытия, не какой-то недостаток – присутствие, не отсутствие. И напрасно фокусничают, пытаюсь основать реальность объекта на субъективно чувственном избытии и его объективность на небытии. Никогда объективное не будет вытекать из субъективного, трансцендентное из имманентного, бытие из небытия. Но, скажут нам, Гуссерль ведь и определяет сознание как трансцендентность. В самом деле: именно это он утверждает, в этом его важное открытие. Но с того момента, как он сделал из ноэмы нечто ирреальное, коррелятивное ноэзе, и *esse* которого есть *percipi*, он полностью изменяет своему основоположению.

Сознание есть сознание чего-то. Это значит, что трансцендентность составляет образующую структуру сознания, то есть сознание возникает как направленное на бытие, которое не есть оно само. Именно это мы называем онтологическим доказательством. Могут, без сомнения, возразить, что это требование сознания не доказывает необходимости своего удовлетворения. Но это возражение теряет значение, если обратиться к анализу того, что Гуссерль называет интенциональностью, существенный признак которой он недооценил. Сказать, что сознание есть сознание чего-то, значит признать, что для сознания нет бытия вне строгой обязанности быть открывающей интуицией чего-то, то есть трансцендентного бытия. Если сначала задать чистую субъективность, то ей не только не удастся выйти из себя, чтобы установить объективность, но вдобавок «чистая» субъективность исчезнет вообще. Что можно в собственном смысле назвать субъективностью, так это сознание сознания. Но нужно, чтобы это сознание (бытия) сознания некоторым образом называлось, и оно может называться только открывающей интуицией, иначе оно ничто. Значит, открывающая интуиция предполагает открываемое. Абсолютная субъективность может образоваться не иначе, как перед лицом открываемого, имманентность может определить себя, только схватывая трансцендентное. Возможно, здесь найдут эхо кантовского опровержения проблематического идеализма. Но скорее следует вспомнить о Декарте. Мы находимся здесь в плоскости бытия, не познания: речь не о том, что феномены внутреннего чувства предполагают существование объективных и пространственных феноменов, а о том, что сознание предполагает в своем бытии бытие несознающее и трансфеноменальное. В особенности ни к чему не приведет ответ, что субъективность в действительности предполагает объективность и что субъективность сама себя образует, создавая объективное. Мы видели, что субъективность бессильна создать объективное. Сказать, что сознание есть сознание чего-то, значит сказать, что оно должно осуществляться как откровение-открываемое бытия, которое не есть сознание и которое выказывает себя как уже сущее, когда сознание его открывает.

Итак, мы отправлялись от чистой видимости и пришли к сплошному бытию. Сознание есть бытие, существование которого полагает сущность,

и наоборот, оно есть сознание бытия, сущность которого подразумевает существование, то есть видимость которого требует бытия. Бытие повсюду. Конечно, мы могли бы применить к сознанию то определение, которое Хайдеггер сохраняет для *Dasein*, и сказать, что оно есть бытие, которое в своем бытии возбуждает вопрос о своем бытии, но потребовалось бы его дополнить и сформулировать примерно так: сознание есть бытие, для которого в его бытии стоит вопрос о его бытии, поскольку это бытие предполагает иное, чем оно, бытие.

Разумеется, это бытие есть не что иное, как трансфеноменальное бытие феноменов, а не ноуменальное бытие, которое прячется за ними. Это бытие данного стола, пачки табака, лампы, вообще бытие мира, который подразумевается сознанием. Оно просто требует, чтобы бытие являющегося не существовало только постольку, поскольку оно является. Трансфеноменальное бытие того, что для сознания есть само в себе.

б. Бытие-в-себе

Теперь мы можем сделать некоторые уточнения относительно феномена бытия, которого касались в наших предшествующих заметках. Сознание есть откровение-открываемое сущих, и сущие предстают перед сознанием на основе их бытия. Тем не менее особенность бытия сущего в том, что оно само не обнажает себя перед сознанием собственной персоной. У сущего нельзя отнять его бытие, бытие – всегда наличествующая основа сущего, оно в нем повсюду и нигде – в частности; нет бытия, которое не было бы бытием некоего способа бытия и которого нельзя было бы уловить в этом способе бытия, обнаруживающем и в то же время прячущем его. Во всяком случае сознание может всегда подняться над сущим, не совсем к его бытию, но к смыслу этого бытия. Это и позволяет назвать его онтико-онтологическим, поскольку фундаментальная особенность его трансценденции и есть трансцендирование онтического к онтологическому. Смысл бытия сущего, поскольку он себя раскрывает в сознании, и есть феномен бытия. У самого этого смысла есть бытие, на основе которого он себя обнаруживает. Именно с этой точки зрения можно понять известный аргумент схоластики, согласно которому во всяком предложении, касающемся бытия, есть порочный круг – поскольку всякое суждение о бытии уже предполагает бытие. Но в действительности порочного круга нет, так как нет необходимости вновь переходить от бытия этого смысла к его смыслу: смысл бытия подходит для бытия всякого феномена, включая его собственное бытие. Мы уже отмечали, что феномен бытия не есть бытие. Но он обозначает бытие и требует его – хотя, по правде говоря, онтологическое доказательство, о котором мы упомянули выше, не относится специально и единственно к нему: есть некое онтологическое доказательство, значимое для всей области сознания. Но этого доказательства хватит, чтобы оправдать все выводы, которые мы могли извлечь из феномена бытия. Феномен бытия, как всякий главный феномен,

непосредственно раскрывается сознанию. Из него мы можем в любой момент извлечь то, что Хайдеггер называет доонтологическим пониманием, то есть не закрепляемым в понятиях и не получающим прояснения. Теперь, следовательно, нам предстоит обратиться к этому феномену и попробовать с его помощью установить смысл бытия. Нужно, однако, заметить:

1) что это прояснение смысла подходит только для бытия феномена. Бытие сознания совершенно иное, его смысл нуждается в особом прояснении, начиная с откровения-открываемого другого типа бытия, бытия-для-себя, которое мы далее определим и которое противопоставляет себя бытию-в-себе феномена;

2) что это прояснение смысла бытия-в-себе, которое мы в настоящий момент предпринимаем, может быть только предварительным. Виды, которые нам откроются, предполагают другие значения, которые нам нужно будет уловить и установить в дальнейшем. В частности, предшествующие размышления позволили различить две совершенно отрезанные друг от друга сферы: бытие дорефлексивного *cogito* и бытие феномена. Но хотя у понятия бытия есть, таким образом, та особенность, что оно расколото на две не сообщающиеся сферы, нужно, однако, объяснить, как эти две сферы можно подвести под одну рубрику. Это вынуждает к обзору упомянутых типов бытия, и очевидно, что мы не способны будем как следует уловить смысл того или другого, если не сможем установить их подлинные отношения с понятием бытия вообще и отношения, которые их соединяют. Действительно, мы установили, исследуя неполагающее сознание себя, что бытие феномена не может ни в коем случае действовать на сознание. Этим мы устранили реалистическую концепцию отношений феномена к сознанию. Но, исследуя спонтанность нерелексивного *cogito*, мы показали также, что сознание не может выйти из своей субъективности, если последняя ему была дана изначально, и что оно не может ни действовать на трансцендентное бытие, ни включать без противоречия элементы пассивности, необходимые для образования трансцендентного бытия из них: следовательно, мы устранили идеалистическое решение этой проблемы. Кажется, что мы закрыли за собой все двери и обречены рассматривать трансцендентное бытие и сознание как две замкнутые целостности без возможности сообщения между ними. Нам нужно будет показать, что проблема допускает другое решение по ту сторону реализма и идеализма.

Во всяком случае некоторые обстоятельства можно установить немедленно, поскольку они по большей части сами вытекают из того, о чем мы собираемся говорить.

Ясное усмотрение феномена бытия часто затемнялось весьма распространенным предрассудком, который мы называем креационизмом. Так как считали, что бытие миру дал Бог, то бытие всегда казалось зараженным какой-то пассивностью. Но творение *ex nihilo* (из ничего

(лат.)) не может объяснить возникновение бытия, ибо если бытие понято как субъективность, пусть божественная, оно остается модусом внутрисубъективного бытия. Оно не могло бы там, в этой субъективности, составить даже представления о какой-либо объективности и, следовательно, не могло бы даже проникнуться желанием создать объективное. Впрочем, бытие, если его полагают вне субъективного внезапно, как бы ударом молнии, по выражению Лейбница, могло бы утвердиться как бытие только вопреки своему творцу, иначе оно основывало бы себя в нем. Теория непрерывного творения, лишая бытие того, что немцы называют *Selbständigkeit* (самостоятельность), заставляет его рассеяться в божественной субъективности. Если бытие существует перед лицом Бога, значит у него есть собственная опора, значит оно не содержит ни малейшего следа божественного творения. Одним словом, бытие-в-себе, даже если бы оно было сотворено, необъяснимо посредством творения, ибо оно возобновляет свое бытие по ту сторону творения. Это равнозначно тому, что бытие несотворимо. Но отсюда нельзя заключить, что бытие себя творит. Это предполагало бы, что оно предшествует себе. Бытие не может быть *causa sui* (причина самого себя (лат.)) наподобие сознания.

Бытие есть само по себе. Это означает, что оно – не пассивность и не активность. И то, и другое – понятия человеческие и обозначают способы или орудия человеческого поведения. Активность есть тогда, когда сознающее бытие распоряжается средствами ввиду какой-либо цели. А пассивными мы называем объекты, над которыми упражняется наша деятельность, поскольку они не намечают самопроизвольно ту цель, которой мы их заставляем служить. Одним словом, человек активен, а средства, которые он использует, называются пассивными. В применении к абсолюту эти понятия теряют всякое значение. В частности, бытие не активно: для того, чтобы были цель и средства, нужно быть бытию. Еще сильнее довод в пользу того, что бытие не может быть пассивным, так как, чтобы быть пассивным, нужно быть. Густота в себе бытия находится по ту сторону активного и пассивного. Бытие также – по ту сторону отрицания и утверждения. Утверждение – всегда утверждение чего-то, то есть утверждающий акт отличается от утверждаемого предмета. Но если допустить утверждение, в котором утверждаемое только что заполнило утверждающее и совпало с ним, то это утверждение не может утвердиться из-за излишней полноты и моментально наступающей неотделяемости ноэмы от ноэзы. Именно здесь и есть бытие, если мы его определяем по отношению к сознанию, чтобы сделать наши идеи яснее: оно есть ноэма в ноэзе, то есть принадлежность себе без малейшего зазора. С этой точки зрения его нельзя будет назвать «имманентностью», так как имманентность есть, несмотря ни на что, отношение к себе – это самый мизерный откат от себя к себе, который только можно ухватить, но бытие не есть отношение к себе, оно само по себе. Оно – имманентность, которая

не может осуществляться, утверждение, которое не может утвердиться, действительность, которая не может действовать, потому что вконец заросла жиром. Все обстоит так, как если бы для того, чтобы вызволить утверждение себя из недр бытия, нужно было освободиться от сдавливания бытием. Не думаем, впрочем, что бытие есть некое недифференцированное утверждение себя: недифференцированность-в-себе находится по ту сторону бесконечности утверждений себя в той мере, в какой есть бесконечное число способов утвердиться. Мы резюмируем эти первые результаты, говоря, что бытие есть в себе.

Но если бытие есть в себе, это значит, что оно не отсылает к себе как сознание себя: оно есть это себе, поскольку непрерывная рефлексия, которая образует себе, основывается на тождестве. Вот почему бытие есть по ту сторону себя, и наша первая формула может быть только приближением, вызванным требованиями языка. В действительности, бытие непрозрачно для самого себя как раз потому, что оно наполнено собой. Это мы выразили лучше, говоря, что бытие есть то, что оно есть. Эта формула, на первый взгляд, строго аналитическая. На самом деле она далека от сводимости к принципу тождества, безусловному принципу всех аналитических суждений. Для начала скажем, что она обозначает особенную область бытия: это область бытия-в-себе. Мы увидим, что бытие для-себя, напротив, определяется как сущее тем, что оно не есть, и не сущее тем, что оно есть. Речь здесь идет, стало быть, о региональном и в качестве такового – о синтетическом принципе. Кроме того, надо противопоставить эту формулу: бытие-в-себе есть то, что оно есть, – другой, которая обозначает бытие сознания; последняя, как мы это увидим, гласит: сознание должно быть тем, что оно есть. Это снова нас учит тому особому значению, которое нужно придавать слову «есть» в предложении: бытие есть то, что оно есть. С того момента как возникают сущие, которые должны быть тем, что они есть, факт бытия того, что есть, перестает быть только аксиоматическим: это уже принцип случайности бытия-в-себе. В этом смысле принцип тождества, принцип аналитических суждений есть также региональный, синтетический принцип бытия. Он обозначает непрозрачность бытия-в-себе. Эта непрозрачность не вытекает из нашего положения по отношению к в-себе в том смысле, в каком мы обязательно узнали бы о нем и наблюдали бы его, раз мы находимся «вне». У бытия-в-себе вовсе нет внутри, которое противопоставлялось бы некоторому вне и которое было бы аналогично суждению, закону, сознанию себя. У в-себе нет сокровенного: оно сплошное. В каком-то смысле его можно представить как синтез. Но это самый нерасторжимый синтез из всех, синтез себя с собой. Из этого явно следует, что бытие изолировано в своем бытии и что оно не поддерживает никаких отношений с тем, что не оно. Переходы, события, все то, что позволяет сказать, что бытие еще не есть то, чем оно будет, и что оно уже есть то, что оно не есть, — во всем этом ему в принципе отказано. Так как бытие есть бытие становления, оно

находится по ту сторону становления. Оно есть то, что оно есть; это значит, что само по себе оно не может даже не быть бытием того, что оно не есть: в самом деле, мы видим, что оно не скрывает никакого отрицания. Оно – полная положительность. Оно, стало быть, не знает изменчивости. Оно никогда не полагает себя в качестве иного, чем иное бытие. Оно не может поддерживать никакого отношения с иным. Оно само безгранично и исчерпывается бытием. С этой точки зрения, как мы увидим позже, оно в принципе ускользает от времени. Оно есть и, когда оно обваливается, нельзя даже сказать, что его больше нет, или, по крайней мере, сознание может его сознать как уже не сущее, потому что оно во времени. Но само бытие не существует как недостаток там, где оно было: полнота позитивности бытия вновь образуется на месте обвала. Оно было, а теперь налицо другие сущие – вот и все.

Наконец, и это будет наш третий признак, бытие-в-себе есть. Это значит, что бытие нельзя ни образовать из возможного, ни свести к необходимому. Необходимость относится к связи идеальных предложений, но не к связи сущих. Феноменальное сущее никогда нельзя образовать из другого сущего, поскольку оно сущее. Именно это называют случайностью бытия-в-себе. Но бытие-в-себе нельзя также вывести и из возможного. Возможное есть структура для-себя, то есть оно принадлежит к другой области бытия. Бытие-в-себе никогда не бывает ни возможным, ни невозможным, оно есть. Это и выражает сознание в антропоморфических терминах. Говорят, что бытие-в-себе излишне, то есть сознание абсолютно не в состоянии вывести его из чего-либо – ни из другого бытия, ни из возможного или из необходимого закона. Несотворенное, бессмысленное, никак не связанное с иным бытием, бытие-в-себе излишне на веки вечные.

Бытие есть. Бытие есть в себе. Бытие есть то, что оно есть. Вот три признака, которые предварительное рассмотрение феномена бытия позволяет присвоить бытию феноменов. Пока что мы не можем продвинуть наше исследование дальше. И не рассмотрение бытия-в-себе, которое всегда есть то, что оно есть, позволит нам установить и объяснить его отношения с бытием-для-себя. Итак, мы исходили из «явлений» и постепенно шли к тому, чтобы выделить два типа – бытия-в-себе и для-себя, о которых мы имели еще поверхностные и неполные сведения. Множество вопросов остается пока без ответа. Каков глубинный смысл этих двух типов бытия? На основании каких соображений и тот и другой принадлежат бытию вообще? Каков смысл бытия, поскольку оно включает в себя эти две совершенно отрезанные друг от друга области бытия? Если идеализм и реализм провалились, объясняя отношения, которые фактически объединяют эти области, не подлежащие соединению, какое другое решение можно дать этой проблеме? И как бытие феномена может быть трансфеноменальным?

Пытаясь ответить на данные вопросы, мы и написали это произведение.

Жан-Поль Сартр Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с. – (Мыслители XX века). – С. 20-40

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятий «трансцендентность», «сущее», «абсолют», «познание», «рефлексия»
2. Что такое феноменология?
3. Как Гуссерль определяет понятия «ноэма» и «ноэза»?
4. Что такое феномен бытия и бытие феномена?

Эрих Фромм

Забывший язык. Иметь или быть?

Философские концепции бытия

Анализ понятия «бытие» осложняется еще и тем, что проблема бытия была предметом многих тысяч философских трудов, и вопрос «Что есть бытие?» является частью основного вопроса западной философии. Хотя это понятие будет рассматриваться здесь с антропологической и психологической точек зрения, просто невозможно не затронуть его философский аспект, так как проблема человека – это, несомненно, и философская проблема. Поскольку даже краткое изложение представлений о бытии в истории философии от досократико в до современности выходит за пределы данной книги, я напому только самое главное – роль и место понятий процесс, становление, движение и активность внутри самого бытия. Как подчеркивал Георг Зиммель, идея о том, что бытие имплицитно включает в себя изменение (то есть что бытие равнозначно становлению), связана с именами двух величайших и самых бескомпромиссных мыслителей в истории западной философии – Гераклита и Гегеля.

Сформулированное Парменидом и Платоном и разделяемое схоластическими «реалистами» положение о том, что бытие есть постоянная, вечная и неизменная субстанция, противоположная становлению, имеет смысл только в том случае, если исходить из идеалистического представления, что наивысшей формой реальности является мысль или идея. Если идея любви (в понимании Платона) более реальна, чем переживание любви, то можно утверждать, что любовь как идея постоянна и неизменна. Но если исходить из существования реальных людей – живущих, любящих, ненавидящих, страдающих, – то можно сделать вывод о том, что нет вообще такого бытия, которое одновременно не было бы и становлением, и изменением. Все живое может существовать только в процессе становления и только изменяясь. Рост и изменение – это неотъемлемые стороны самой жизни.

Концепция Гераклита и Гегеля, согласно которой жизнь есть процесс, а не субстанция, переключается с буддийской философией

Востока, в которой нет места представлениям о застывших и неизменных субстанциях ни в отношении предметов, ни в отношении человеческого «Я». Ничто не является реальным, кроме процессов. Современное научное мировоззрение способствовало возрождению философских представлений о «мышлении как процессе» прежде всего в естественных науках.

Фромм, Э. Забытый язык. Иметь или быть?: (пер. с нем. и англ.) / Эрих Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА. 2009. – 442, (6) с. – С. 239-240.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что есть бытие?
2. Докажите, что бытие составляет часть основного вопроса философии.

Карл Теодор Ясперс

Смысл и назначение истории

Как сегодня понимается человеческое бытие

Утративший безопасность человек сообщает облик эпохе, будь то в протесте своенравия, в отчаянии нигилизма, в беспомощности многих, не нашедших выхода, или в блужданиях и поисках, отказывающихся от конечной опоры и гармонизирующих соблазнов. Бога нет – таков все растущий возглас масс; тем самым и человек теряет свою ценность, людей уничтожают в любом количестве, поскольку человек – ничто.

Аспект нашего мира в вынужденности его существования и отсутствия опоры в его духовной деятельности, не допускает больше бытия в умиротворенной связи с существующим. Нарисованная нами картина может обескуражить; все воспринимается пессимистически, люди отказываются вообще что-либо делать. Или же сохраняют, несмотря на это, оптимистическое сознание собственной радости существования, взирая на субстанциальное, которое встречается еще и сегодня. Однако то и другое слишком просто. Они уклоняются от ситуации.

В самом деле требование ситуации к человеку кажется таковым, что удовлетворить его может только существо, превосходящее человека. Невыполнимость требований может соблазнить попыткой обойти его, считаться только с настоящим и поставить границы своим мыслям. Тому, кто считает, что все в порядке, и доверяет ходу событий как таковым, мужество не нужно. Он вступает в ход вещей, который и без его содействия ведет к благу. Его показное мужество не более чем уверенность в том, что человек не движется к бездне, где его ждет гибель. Действительным мужеством обладает тот, кто в испытываемом страхе перед достижением возможного знает: достичь возможного может лишь тот, кто хочет невозможного. Только опыт, свидетельствующий о невыполнимости попыток выполнения, может осуществить то, что человеку задано сделать.

Сегодня человек не формируется, усваивая то, что идет ему

навстречу из традиции его мира. Отдаваясь только этому, он становится рассеян. Человек зависит от себя как единичного в новом смысле: он должен сам помочь себе, если уж он не свободен посредством усвоения всепроникающей субстанции, а свободен в пустоте ничто. Если трансценденция скрывается, человек может прийти к ней лишь посредством самого себя.

В наше время необходимость помочь самому себе приводит философирующего к необходимости понять, как мыслится бытие человека. Прежние противоречия мировоззрений – индивидуализма и социализма, либерального и консервативного, революционного и реакционного, прогрессивного и регрессивного, материалистического и идеалистического – больше непригодны, хотя они и используются повсюду как знамя или брань. Столкновение мировоззрений – будто их множество, из которых надлежит сделать выбор, – больше не является методом достижения истины для себя. Распространение на все возможное видения и участия привело сегодня к необходимости, в которой существует лишь один непреложный выбор: либо ничто, либо абсолютная историчность собственной основы, которой доступна каждая возможность при сознании обязательной границы.

Однако вопрос о бытии человека, который должен вывести из догматической объективности фиксированных альтернативных мировоззрений, в качестве такового отнюдь не однозначен.

Человек всегда больше того, что он знает о себе. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой человек еще в своем фактическом действовании решает, что он есть.

Существование человека – не круговорот, просто повторяющийся в поколениях, и не ясное, открывающееся себе существование. Человек прорывается через пассивность постоянно вновь возникающих тождественных кругов, и от его активности зависит продолжение движения к незнакомой цели.

Поэтому человек расщеплен в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. Все вещи он видит в противоречиях.

Каждый раз смысл становится иным. Расщепляется ли он как дух и плоть, как рассудок и чувственность, как душа и тело, как долг и склонность, противопоставляется ли его бытие и его явление, его деятельность и мышление, то, что он делает, и то, что он полагает делать. Решающее в этом – что он все время должен противопоставлять себя себе. Нет человеческого бытия без расщепления. Но он не может на этом остановиться. То, как он себя преодолевает, составляет способ его проникновения в себя.

Существуют две возможности, которые здесь надлежит

характеризовать:

Человек превращает себя в предмет познания. То, что он познает в опыте как свое существование, и то, что лежит в его основе, он считает своим подлинным бытием. То, что он есть в явлении, есть его сознание; то, что есть сознание, есть посредством социальных условий, посредством бессознательного, посредством жизненного вида. Это другое для него бытие, сущность которого отражается в его явлении как сознание.

Смысл такого сознания в том, чтобы снять напряжение посредством отождествления бытия с сознанием. Представление о существовании как завершённом в состоянии отсутствия напряжения невольно представляется этому познанию достижимым: социальный порядок, в котором всем дано их право; душа неосознанности, которой сопутствует сознание, свободное от помех, если в нем устранены все комплексы; жизненность расы, которая после очищения посредством естественного отбора может считать себя здоровой и благородной, чтобы, сознавая свое превосходство, удовлетворенно завершаться в качестве существования. В этих условиях, которые в двойственном смысле именуется естественными, в качестве необходимым образом возникающих и в качестве истинных, больше нет безусловности временного существования: ибо безусловность возникает лишь в напряжении, в котором самобытие насильственно схватывает самого себя. Более того, подобное знание о естественном бытии человека обращается против самобытия как чего-то экстравагантного, болезненного, исключаящего себя, потерянного.

Однако именно этим путем идет вторая возможность. Она находит себя в напряжении пограничных ситуаций, совершенно неустраимых в существовании, которые становятся для нее открытыми в решительности самобытия. Если человек не познается более как бытие, которое он есть, он, познавая, приводит себя в состояние неустойчивости абсолютной возможности. В ней он слышит призыв к своей свободе, исходя из которой он лишь посредством себя становится тем, чем он может быть, но еще не есть. В качестве свободы он заклинает бытие как его скрытую трансцендентность.

Смыслом этого пути является трансцендентность. В качестве существования в конце этого пути терпит крушение то, что собственно есть оно само. Отсутствие напряжения считается в этом понимании путем обмана, на котором в мнимом преодолении скрывается пограничная ситуация и устраняется время. Всякое познание в мире, в том числе, следовательно, и познание человека, есть частная перспектива, посредством которой для человека возникает пространство его ситуации. Поэтому познание находится в руке человека, который его схватывает. Однако сам для себя он – нечто совершенно незавершённое и не допускающее завершения, переданное некоему другому. Мысля, он лишь освещает себе путь.

Из-за того что человек во всем своем познании еще не находит себя

познанным и вносит предметное познание в свой философский процесс, он еще раз прорывается, на этот раз через самого себя. То, что он утерять, когда был полностью предоставлен самому себе, может вновь открыться ему в новом образе. Лишь на мгновенное заблуждение в безнадежности своего голого существования он считал себя тождественным происхождению всего как познающий. Стремясь серьезно понять самого себя, он обнаруживает опять то, что больше, чем он. В мире он вновь обращается к объективности, которая грозила застыть для него в безразличии или потеряться в субъективности; он схватывает в трансцендентности бытие, которое он в своей свободе, представляющейся ему явлением существования, смешивал с собой в качестве самобытия.

Обе эти возможности известны сегодня под наименованием учений; путаница происходит там, где они еще не обрели прочной значимости, но волнуют сегодня человека как едва ли не необозримые способы выражения.

Познание человеческого бытия, которое устанавливалось в отдельных направлениях, стало в качестве социологии, психологии, антропологии типичными современными науками, которые в тех случаях, когда они, абсолютизируя, полагают, что познают бытие человека в целом, следует отвергнуть как безнадежную попытку заменить философию. Лишь при ином понимании возникает философия, которая в качестве современной называется экзистенциальной философией. Она находит сегодня материал своего выражения в областях, которые в качестве познания человека, одновременно ограничиваются и обеспечиваются ею. Однако она переступает через них в движении к самому бытию. Экзистенциальная философия — это философия бытия человека, которая вновь выходит за пределы человека. [...]

2. Экзистенциальная философия

Социология, психология и антропология учат рассматривать человека как объект, который следует изучить на основании опытных данных, позволяющих модифицировать его посредством ряда мероприятий; таким образом можно в самом деле узнать кое-что о человеке, но не самого человека; человек же как возможность своей спонтанности противится пониманию его как результата. Для индивида совсем не обязательно быть тем, чем его конструирует социология, психология или антропология. Он эмансипируется от того, что науки стремятся как будто окончательно понять в нем; он рассматривает действительно познаваемое как частное и относительное. Выход за границу познаваемого в догматическом утверждении бытия он постигает как обманчивый суррогат философствования; когда хотят бежать от свободы, оправдания ищут в видимости знания о бытии.

Специфическое объективное знание о вещах и о себе как существовании человеку необходимо для его деятельности в любой ситуации и во всех профессиях. Но объективного знания всегда

недостаточно. Ибо оно становится осмысленным лишь посредством того, кто им обладает. Лишь мое собственное воление определяет, как я это знание использую. Самые лучшие законы, самые замечательные учреждения, самые верные результаты знания, самая действенная техника могут быть использованы в противоположном смысле. Они становятся ничем, если люди не наполняют их содержательной действительностью. Поэтому то, что действительно происходит, может быть изменено не улучшением объективного знания, но посредством бытия человека; истоком того, что он совершает, служит его внутреннее отношение, способ того, как он осознает себя в своем мире, содержание того, что его удовлетворяет.

Экзистенциальная философия есть использующее все объективное знание, но выходящее за его пределы мышления, посредством которого человек хочет стать самим собой. Это мышление не познает предметы, а проясняет и выявляет бытие в человеке, который так мыслит. Приведенное к парению посредством выхода за пределы всего фиксирующего бытие познания мира (в качестве философской ориентации в мире) оно апеллирует к своей свободе (в качестве прояснения существования) и создает пространство для своей безусловной деятельности в заклинании трансценденции (в качестве метафизики).

Эта экзистенциальная философия не может обрести законченного выражения в каком-либо произведении или окончательного завершения в существовании какого-либо мыслителя. Свои истоки и одновременно ни с чем не сравнимое расширение она обрела у Кьеркегора. Кьеркегор, который в свое время стал сенсацией в Копенгагене, затем был вскоре забыт, получил большую известность незадолго до начала первой мировой войны, но оказал значительное воздействие лишь в наше время. Шеллинг вступил в своей поздней философии на путь, на котором совершил экзистенциальный прорыв в немецком идеализме. Однако так же, как Кьеркегор, напрасно искавший метод сообщения и пытавшийся найти выход в технике псевдонимов и в «психологическом экспериментировании», Шеллинг похоронил свои подлинные импульсы и видения в им самим созданной идеалистической систематике, которой он в юности держался и не мог преодолеть. В то время как Кьеркегор сознательно занимался самой глубокой философской проблемой, проблемой сообщения и, стремясь к непосредственному сообщению, пришел к поразительно неудачному результату, который тем не менее потрясает каждого читателя, Шеллинг как бы пребывал в бессознательности и может быть открыт, только если идти к нему от Кьеркегора. Из другого корня, не зная обоих мыслителей, вступил на путь экзистенциальной философии Ницше. Англосаксонский прагматизм служил как бы предварительной ступенью. Разрушив традиционный идеализм, он заложил как бы новую основу; однако то, что он вслед за тем построил, можно в качестве агломерата плоского анализа существования и

дешевого жизненного оптимизма считать не более чем выражением слепого доверия к нынешней путанице.

Экзистенциальная философия не может найти решение; она способна стать действительной только в многообразии мышления каждый раз из истоков в сообщении от одного к другому. Она пришлась ко времени, но уже сегодня видна скорее ее неудача и подчинение сумятице, которая превращает все, что появляется в мире, в несвоевременный шум.

Экзистенциальная философия сразу же погибла бы, если бы она считала, что обладает знанием того, что есть человек. Она вновь стала бы заниматься исследованием человеческой и животной жизни в ее типах, стала бы антропологией, психологией, социологией. Смысл ее сохраняется только в том случае, если она в своей предметности остается безосновной. Она пробуждает то, чего не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует. Для человека, который находится в пути, она служит выражением, посредством которого он сам опирается на себя в принятии направления, средством сохранить возвышенные моменты для осуществления посредством своей жизни.

Экзистенциальная философия может снизиться до простой субъективности. Самобытие может быть неправильно понятым как бытие и солипсически замыкающееся в себе в качестве существования, которое хочет быть лишь таким. Подлинная экзистенциальная философия апеллирующе вопрошает, благодаря чему человек пытается сегодня вновь прийти к самому себе. Поэтому понятно, что она есть лишь там, где за нее борются. При вносящем путаницу смешении с социологическим, психологическим и антропологическим мышлением она попадает лишь в софистический маскарад. Тогда ее либо бранят, называя индивидуализмом, либо используют в качестве оправдания личного бесстыдства, и она становится опасной почвой истерического философствования. Но там, где она сохраняет подлинность, там только она и может создать ощущение для явления подлинного человека.

Экзистенциальное просветление, поскольку оно беспредметно, не дает результата. Ясность сознания содержит требование, но не дает выполнения. В качестве познающих нам приходится удовлетвориться этим. Ибо я не есть то, что я познаю, и не познаю то, что я есть. Вместо того чтобы познать мою экзистенцию, я могу только ввести процесс прояснения.

Познанию человека наступил конец, когда было постигнуто, что его граница находится в экзистенции. В экзистенциальном прояснении, которое выходит за пределы этого познания, остается неудовлетворенность. На почве экзистенциального прояснения следует еще раз вступить в новое измерение, когда делается попытка обратиться к метафизике. Создание метафизического предметного мира или возможность открыть истоки бытия — ничто, если они отделены от экзистенции. Она с психологической точки зрения лишь создана, состоит в

образах фантазии и в своеобразно волнующих мыслях, в содержании рассказов и конструкциях бытия, которые для каждого пытающегося схватить их знания сразу же исчезают. В ней человек обретает покой или ясное понимание своего беспокойства и грозящей ему опасности, когда перед ним как будто спадает пелена с подлинно действительного.

В наше время подступы к метафизике экзистенциально столь же запутаны, как и все философствование вообще. Однако ее возможность стала, быть может, чище, хотя и уже. Поскольку необходимое опытное знание теперь ни с чем спутать нельзя, метафизика как научное знание больше невозможна и должна быть постигнута в совсем ином направлении. Поэтому она стала опаснее, чем раньше, ибо она легко уводит либо в суеверие, отрицая науку и истинность, либо в беспомощность, которая больше ни во что не верит, поскольку она хочет, но не может знать. Только тогда, когда эта опасность на почве экзистенциальной философии будет увидена и преодолена, станет возможной идея свободы в схватывании метафизического содержания. То, что тысячелетия показывали человеку в трансцендентности, может вновь заговорить, после того как оно будет усвоено в измененном облике.

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с. – (Мыслители XX в.). – С.377-389.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как мыслиться бытие человека?
2. Что собой представляет экзистенциальная философия?

Тема 9. Социальные институты и социальные организации

Макс Вебер

О некоторых категориях понимающей социологии

«Институт» и «союз»

[...] Выше мы приняли в качестве идеального типа «объединения в общество» «целевой союз», основанный на полной договоренности о средствах, целях и порядке. При этом было установлено, что (и в каком смысле) подобный союз может считаться постоянным образованием, несмотря на изменения в составе его участников. Предполагалось также, что «участие» отдельных лиц, то есть обоснованное в среднем ожидание того, что каждый индивид будет ориентировать свои действия на установленный порядок, покоится на особой рациональной договоренности с каждым участником в отдельности.

Однако существует ряд очень важных форм общественного объединения, где общественное поведение так же, как в целевом союзе, в значительной степени рационально упорядочено в своих средствах и целях принятыми установлениями, следовательно, «обобществлено», но внутри

этих обобществлений едва ли не в качестве основной предпосылки их существования действует следующий принцип: как правило, отдельный индивид оказывается участником в общественных действиях и, следовательно, одним из тех, на кого распространяются ожидания, что его поведение будет ориентировано на упомянутые установления, без своего содействия этому. Конститутивное для таких форм объединения в общество общественное поведение характеризуется именно тем, что при наличии известных объективных данных, присущих определенному лицу, от него ожидают участия в общественных действиях, в частности, следовательно, ориентации его действий на установленный порядок, причем в среднем эти ожидания оправданны, поскольку упомянутые индивиды эмпирически считаются «обязанными» участвовать в общественных действиях, конститутивных для данного сообщества, и поскольку существует шанс на то, что эвентуально, если они не захотят участвовать, их заставит повиноваться (пусть даже посредством мягких мер воздействия) «аппарат принуждения». Объективные данные, с которыми эти ожидания связаны, в особо важном случае, в случае политической общности, – прежде всего происхождение, родственные связи, а иногда даже просто пребывание или определенная деятельность в определенной области.

Обычно вступление индивида в сообщество такого рода предопределено его рождением и воспитанием. Такого рода сообщества характеризуются, во-первых, тем, что в отличие от «целевого союза» добровольное вступление заменено в них зачислением на основании чисто объективных данных независимо от желания зачисляемых лиц, во-вторых, тем, что в отличие от сообществ, основанных на согласии, преднамеренно отказывающихся от рационального порядка, следовательно, в этом отношении аморфных образований, здесь одним из определяющих поведение факторов служит наличие рациональных установлений и аппарата принуждения. Такие сообщества мы будем называть «институтами». Не каждое сообщество, к участию в котором индивид предопределен рождением и воспитанием, является «институтом», таковым не является, например, языковое или семейное сообщество, поскольку оба они лишены рациональных установлений. Однако им, безусловно, является та структура политического сообщества, которую мы называем «государством», или та структура религиозного сообщества, которую в строгом техническом смысле принято определять как «церковь».

Подобно тому, как общественное действие, ориентированное на рациональную договоренность, относится к поведению, основанному на согласии, институт с его рациональными установлениями относится к «союзу». Действиями в рамках союза мы считаем действия, ориентированные не на установления, а на согласие; следовательно, поведение, основанное на согласии, характеризуется: 1) тем, что

зачисление индивида в число участников происходит по общему согласию без предпринятых каких-либо целерационально направленных действий с его стороны; 2) тем, что, несмотря на отсутствие специально созданных для этой цели постановлений, определенные лица (обладающие властью) устанавливают по общему согласию (действительный порядок поведения для лиц, зачисленных по общему согласию в члены союза; 3) тем, что упомянутые носители власти в рамках союза сами или через посредство других лиц готовы в случае необходимости осуществить физическое или психическое принуждение любого типа по отношению к членам, не подчиняющимся сообще принятому порядку. При этом речь идет, конечно, как при любом «согласии», об усредненно однозначно понятом содержании и меняющихся усредненных шансах эмпирической значимости. К «союзам» достаточно чистого типа относятся: исконное «семейное сообщество», где власть принадлежит главе семьи, не имеющее рационально установленного порядка патримониальное политическое образование, во главе которого стоит «правитель», а также община, состоящая из «пророка» и его учеников, где власть принадлежит пророку, и основанная только на согласии религиозная «община», где власть принадлежит наследственному иерарху. [...]

Преобладающая часть всех установлений как институтов, как и союзов возникла не на основе договоренности, а в результате насильственных действий, то есть люди и группы людей, способные по какой-либо причине фактически влиять на общностные действия членов института или союза, направляют его в нужную им сторону, основываясь на «ожидании согласия». Реальная власть, предписывающая определенные действия, может в свою очередь эмпирически «считаться» принадлежащей в силу общего согласия каким-либо индивидам, которым она доверена вследствие каких-то их личных качеств, определенных признаков или в результате того, что они избраны в соответствии с правилами (например, на выборах). В таком случае эти эмпирически значимые – поскольку в среднем фактически в достаточной степени определяющие действия участников «согласия» – претензии и представления «значимой» власти, насильственно внедряющей новый порядок, можно называть «устройством» данного института. Оно находит свое выражение в самой различной степени в рационально сформулированных установлениях. Часто именно наиболее важные практические вопросы оказываются не затронутыми ими, причем в ряде случаев преднамеренно [...]. Поэтому установления, касающиеся эмпирически значимой власти, которая предписывает определенное поведение и в конечном итоге основана на «согласии» участников союза, всегда дают неполное представление о ней. Ведь фактически главное содержание «согласия», которое отражено в действительно эмпирически значимом «устройстве», сводится к оценке того, по отношению к каким людям, в какой степени и в каких отношениях есть шанс, что они в среднем практически подчинятся тем, кто, по

принятому толкованию, является участником аппарата принуждения. [...]

Что же практически означает рационализация установлений сообщества? Для того чтобы конторский служащий или даже глава конторы «знал» бухгалтерские правила и ориентировал на них свои действия, правильно – или в ряде случаев неправильно вследствие ошибки или сознательного обмана – применяя эти правила, ему совсем не надо представлять себе, какие рациональные принципы положены в основу этих норм. Для «правильного» применения таблиц умножения не требуется рационального понимания алгебраических положений, которые определяют, например, такое правило вычитания: вычесть 9 из 2 нельзя, поэтому я занимаю 1. Эмпирическая значимость таблицы умножения есть случай «значимости, основанной на согласии». Однако «согласие» и «понимание» не идентичны. Таблица умножения совершенно так же «предписывается» нам в детстве, как подчиненному – рациональные распоряжения деспота; причем в самом полном значении этого акта – в качестве чего-то, нам по своим основам и даже целям вначале совершенно непонятного, но тем не менее по своей «значимости» обязательного. Следовательно, «согласие» есть простое «подчинение» привычному потому, что оно привычно. Таким оно в большей или меньшей степени и остается. Не посредством рациональных соображений, а руководствуясь привычной (предписанной) эмпирической проверкой от противного, выводится заключение о том, «правильно» ли проведено в соответствии с установленным согласием вычисление. Это обнаруживается повсюду: когда мы, например, пользуемся трамваем, лифтом или ружьем, ничего не зная о научных принципах, на которых основана их конструкция и о которых даже водитель трамвая или оружейный мастер может иметь лишь приблизительное понятие.

[...] Однако как только оно входит в практику повседневной жизни, первоначально более или менее единодушно предполагаемый его создателями смысл настолько забывается и перекрывается изменением его значения, что лишь ничтожная часть судей и поверенных помнит еще о «цели», ради которой в свое время было достигнуто согласие или предписано определенное понимание запутанных норм права. Что же касается «публики», то она осведомлена о факте создания и эмпирической «значимости» форм права, а, следовательно, и о проистекающих из такого знания «шансах» ровно настолько, насколько это необходимо для предотвращения самых крупных неприятностей. С ростом сложности установления и все увеличивающейся дифференциации общественной жизни указанное явление принимает все более универсальный характер. [...]

Рациональные порядки обобществления, будь то институт или союз, внедряются или «внушаются», следовательно, одними людьми, – их цели могут быть самыми различными. Другие, «органы» общественного объединения – совсем не обязательно зная что-либо о целях создания этих

порядков, – субъективно толкуют их более или менее однозначно и активно проводят их. Третьим рациональные порядки известны – в той мере, в какой это совершенно необходимо для их частных целей, – субъективно, в различной степени приближения к тому, как существующие установления обычно применяются, и в качестве средства ориентации своих (легальных или нелегальных) действий, поскольку они связаны с определенным ожиданием поведения других («органов», а также товарищей по институту или союзу). Четвертые – это «масса» – усваивают определенное «традиционное», как мы говорим, поведение в каком-либо приближении к усредненно понятому смыслу и следуют ему по большей части без какого-либо знания о цели и смысле, даже о самом существовании данных порядков. Эмпирическая «значимость» именно рационального порядка основана, следовательно, прежде всего на согласии повиноваться тому, что привычно, с чем сжились, что привито воспитанием и все время повторяется. С точки зрения своей субъективной структуры поведение людей часто даже в преобладающей степени приближается к типу повторяющихся массовых действий, без всякого соотношения их со смыслом.

Прогресс в области дифференциации и рационализации общества означает, следовательно, что в конечном итоге обычно (хотя и не без исключений) те, кого рациональные методы и порядки практически касаются, все больше отдаляются от их рациональной основы, которая в целом от них обычно более скрыта, чем смысл магических процедур, совершаемых колдуном, от «дикаря».

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер, Макс. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. [М. И. Левина, А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденко] ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 804, [1] с. : портр. — (Социологическая мысль Запада). – С.535-542.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Назовите основные характеристики социальных институтов по М. Веберу.
2. Сформулируйте причины возникновения социальных институтов и их функции.
3. В чем заключается суть «рационализации» общества, согласно Веберу, и какое значение она имеет в развитии социума?
4. Каким термином мы сегодня обозначаем людей, внедряющих в обществе «рациональные порядки»?

Торстейн Веблен

О социальных институтах и функциях «праздного класса»

Жизнь человека в обществе точно так же, как жизнь других видов, –

это борьба за существование, а следовательно, это процесс отбора и приспособления. Эволюция общественного устройства явилась процессом естественного отбора социальных институтов. Продолжающееся развитие институтов человеческого общества и природы человека, как и достигнутый в этом плане прогресс, можно в общих чертах свести к естественному отбору наиболее приспособленного образа мысли и процессу вынужденного приспособления индивидов к окружению, постепенно изменяющемуся с развитием общества и социальных институтов, в условиях которых протекает человеческая жизнь. Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или доминирующие типы отношений и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора. Так что изменение институтов ведёт в свою очередь к дальнейшему отбору индивидов с наиболее приспособленным складом характера и к приспособлению привычек и темперамента отдельных людей к изменяющемуся вследствие образования новых институтов окружению.

Силы, под действием которых происходит формирование социального устройства, и развитие человеческого общества в конечном счёте, безусловно, сводятся к взаимодействию живого организма с окружающей средой, но непосредственно для данного рассмотрения эти силы наилучшим образом могут быть объяснены условиями окружающей среды, частично общественной, частично природной, и самим человеком с его более или менее определённым физическим и духовным складом. Как правило, в совокупности своих черт такой человек не остаётся постоянным, в основном, конечно, под действием принципа сохранения при отборе отдельных благоприятных изменений. Отбором благоприятных изменений является, быть может, в значительной мере сохранение отдельных этнических типов. В истории развития любого общества, где население представляет собой смесь разных этнических элементов, в любой данный момент времени тот или иной из нескольких распространённых и относительно стабильных типов конституции и темперамента становится доминирующим. Такая ситуация, включающая в себя действующие в данное время социальные институты, будет благоприятствовать выживанию и господству того, а не иного типа характера; и тип человека, прошедшего такой отбор, для того чтобы далее развивать и продолжать унаследованные от прошлого институты, будет в какой-то существенной мере формировать эти институты по своему собственному образу и подобию. Однако, кроме такого отбора, который имеет место среди достаточно устойчивых черт характера и образа мысли, одновременно с ним, конечно, продолжается процесс отбора и приспособления образа мысли в пределах общей сферы склонности,

характерных для доминирующего этнического типа или типов. Отбор среди относительно устойчивых типов может вносить изменения в основные свойства характера любого населения, но существует также изменчивость из-за приспособления внутри этнического типа и благодаря отбору, происходящему среди конкретных, привычных взглядов относительно любого социального отношения или группы отношений.

[...] Институты должны меняться при изменении обстоятельств, так как по своей природе они представляют собой привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются этими изменяющимися обстоятельствами. Развитие институтов есть развитие общества. Институты – это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая складывается из совокупности действующих в определенное время или в любой момент развития какого угодно общества, может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как преобладающая духовная позиция или распространенное представление об образе жизни в обществе. Что касается ее общего для людей свойства, эта духовная позиция, или теория образа жизни, сводится в конечном счете к широко распространенному типу характера.

Сегодняшняя обстановка формирует институты завтрашнего дня вследствие процесса принудительного отбора, действуя на привычные взгляды людей на вещи и таким образом изменяя или укрепляя точку зрения или духовную позицию, унаследованную от прошлого. Институты – другими словами, привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди, – наследуются, таким образом, от прежнего времени, времени более или менее далекого, но как бы то ни было они выработались в прошлом и унаследованы от него. Институты – это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени. Такой процесс отбора и приспособления в силу его природы никогда не достигнет поступательно меняющуюся обстановку, в которой в какое-либо данное время находится общество, ибо окружение, обстановка, потребности общественной жизни, под действием которых происходит приспособление и проводится отбор, изменяются изо дня в день, и каждое последующее состояние общества, едва успев установиться, уже обнаруживает тенденцию к устареванию. Когда общество делает шаг вперед в своем развитии, сам этот шаг представляет собой изменение ситуации, требующее нового приспособления, он становится отправным моментом для нового шага в приспособлении, и так далее до бесконечности.

Следует отметить также, хотя, возможно, это будет скучной банальностью, что существующие в наши дни институты – принятая в настоящее время система общественной жизни – не совсем подходят к

сегодняшней ситуации. В то же время привычный образ мышления людей имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго, кроме тех случаев, когда к его перемене принуждают обстоятельства. Эти таким образом унаследованные институты, этот образ мысли, точки зрения, настрой и способности ума, да и многое другое являются, следовательно, сами консервативным фактором. Это фактор социальной инерции, психологической инерции, консервативности.

Структура общества изменяется, развивается, приспособливается к изменяющейся обстановке лишь вследствие перемены в образе мысли некоторых социальных групп, или в конечном счете по причине изменения, происходящего в привычном образе мысли составляющих общность личностей. Эволюция общества является по существу процессом адаптации, происходящим под давлением обстоятельств в умах отдельных людей, уже больше не терпящих привычного образа мысли, сложившегося в прошлом при другом стечении обстоятельств и с ними сообразующегося.

[...] Перестройка образа мысли, подчиняясь острой необходимости, диктуемой измененной ситуацией, всякий раз производится людьми с опозданием и неохотно и лишь тогда, когда к тому принуждает ситуация, сделавшая принятые взгляды непригодными. Реорганизация институтов и привычных взглядов согласно изменившемуся окружению производится в ответ на давление извне, она по своему характеру является реакцией на побуждение к переменам. Гибкая и свободная реорганизация, т. е. способность социальной структуры развиваться, зависит, следовательно, в значительной мере от степени свободы, которую дает отдельному члену общества обстановка в какой-либо данный момент времени, – от степени подверженности отдельных членов общества действию принудительных сил со стороны окружения. Если какая-то часть общества или какая-нибудь социальная группа в каком-либо существенном отношении не подвержена действию окружения, то взгляды и образ жизни этой части общества или этой социальной группы будут с большим опозданием приспособляться к изменению общей ситуации; до какого-то времени эта часть общества будет задерживать процесс его преобразования. В таком привилегированном положении в отношении экономических сил, направленных на изменение и реорганизацию, находится богатый праздный класс. И можно сказать, что силы, воздействующие на реорганизацию социальных институтов, особенно в современном промышленном обществе, являются в конечном счете почти всецело экономическими по своей природе.

Всякую социальную общность можно рассматривать как производственный или экономический механизм, структура которого складывается из того, что называется социально-экономическими институтами. Такими институтами являются привычные способы осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество. Когда в данной окружающей

среде разработаны определенные способы развития человеческой деятельности, жизнь общества будет довольно легко находить свое выражение в этих привычных направлениях. Общество извлечет выгоду и использует в своих интересах силы окружающей среды согласно способам, которым оно научилось в прошлом и которые воплощены в его институтах. Однако, когда увеличивается численность населения и расширяются познания людей и их умение управлять силами природы, привычные средства установления отношений между членами социальной группы, а также привычный способ осуществления жизнедеятельности группы людей как целого не дают больше того же результата, что и прежде; а в результате различия в общественном положении членов общества изменяются или градация по общественному положению уже не имеет того значения, которое она имела раньше. Если система развития общественной жизни людей в прежних условиях давала – при определенных обстоятельствах – почти наивысший доступный результат в смысле эффективности и легкости осуществления жизнедеятельности группы, то при изменившихся условиях тот же не претерпевший изменений образ жизни не будет давать самого высокого результата, который может быть достигнут в этом отношении. При изменении численности населения, уровня навыков и знаний общественная жизнь, осуществляясь согласно традиционной схеме, может развиваться с не меньшей легкостью, чем при прежних состояниях общества, однако всегда существует вероятность, что она будет встречать больше препятствий, чем могла бы, если бы в эту схему были внесены изменения в соответствии с изменившимися условиями. [...]

Праздный класс в значительной мере находится в выгодном положении, не испытывая на себе давления тех экономических потребностей, которые господствуют в любом современном обществе с его высокоорганизованным промышленным производством. Потребности, выдвигаемые борьбой за средства к существованию, являются менее настоятельными для этого класса, чем для любого другого; и в качестве следствия такого привилегированного положения праздного класса мы вправе ожидать, что он окажется одним из наименее податливых тем требованиям по дальнейшему развитию и реорганизации институтов, которые выдвигаются изменившейся производственной ситуацией. Праздный класс – это консервативный класс. Острые требования, выдвигаемые общей экономической ситуацией, сложившейся в обществе, не касаются его представителей. Для удовлетворения требований изменившейся производственной технологии они не должны под страхом лишений изменять свой образ жизни или свои теоретические воззрения на окружающий мир, так как они не являются в полном смысле органической частью производственной общности. Поэтому эти потребности не вызывают у представителей праздного класса той степени беспокойства по поводу существующего порядка, которое одно может заставить какую-

либо группу людей отказаться от взглядов и способа существования, ставших для них привычными. Функция праздного класса в развитии общества – препятствовать движению, сохраняя то, что устарело. Это суждение отнюдь не ново, оно давно уже повторяется общественным мнением как избитое утверждение. [...]

Люди нищенски бедные и те, чьи силы поглощает повседневная борьба за пропитание, консервативны потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне; точно так же, как очень богатые люди консервативны потому, что у них мало оснований быть недовольными той ситуацией, какая имеется на сегодняшний день.

Из этого утверждения очевидно, что институт праздного класса способствует тому чтобы низы стали консервативными, лишая их, насколько возможно, средств к существованию и уменьшая таким образом их потребление, а следовательно, и потенциальную энергию до такой степени, что они становятся неспособными к напряжению требующемуся, чтобы научиться новому образу мысли и усвоить его как привычку! Скопление богатства на верхних ступенях социально-денежной лестницы предполагает лишения на более низких ступенях. Хотя это утверждение банально, но значительные лишения среди массы народа, где бы это ни имело место, являются серьезным препятствием нововведению. [...]

Такое тормозящее действие неравного распределения, богатства подкрепляется косвенным действием, стремящимся к тому же результату. Как мы уже видели, предписывающий пример, который подается праздным классом в укреплении канонов почтенности, питает обычай демонстративного потребления. Широкое распространение демонстративного потребления в качестве одного из элементов нормы приличия среди всех слоев общества нельзя, конечно, всецело усматривать в примере, который подает праздный класс. Требования благопристойности в этом вопросе очень существенны и настоятельны, так что даже среди классов, чье денежное положение достаточно крепко, чтобы допустить значительное потребление товаров сверх прожиточного минимума, остаток средств, имеющийся в распоряжении после удовлетворения наиболее настоятельных материальных потребностей, весьма часто отвлекается на демонстративное потребление, а не на дополнительные материальные или духовные блага. Более того, имеющиеся в наличии излишки энергии также, скорее всего, тратятся на приобретение товаров для демонстративного потребления или демонстративного накопления.

Веблен Т. Теория праздного класса: для науч. б-к / пер. с англ. и вступ. статья С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с. – С. 200–217.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение социальных институтов (как они трактуются в книге

Веблена).

2. Какие факторы повлияли на становление основных социальных институтов?

3. Под влиянием каких процессов продолжают развиваться социальные институты ?

4. От чего зависит способность социальных структур к развитию и изменению?

5. Каковы основные характеристики «праздного класса» и его роль в общественном развитии?

Аркадий Ильич Пригожин *Понятие социальной организации*

Вопрос об определении общего понятия организации имеет историю, наполненную борьбой между различными частнонаучными тенденциями, претендующими на универсальность. Подобное состояние не преодолено и сегодня. Пока нет признанной всеми общей теории организации, хотя активные поиски в этом направлении ведутся в рамках теории систем, праксиологии, кибернетики и т. д.

Применительно к социальным объектам термин «организация» употребляется в различных смыслах. Здесь важно выделить три основных случая использования этого термина с различным понятийным содержанием.

Во-первых, так может называться искусственное объединение институционального характера, занимающее определенное место в обществе и предназначенное для выполнения более или менее ясно очерченной функции. В этом смысле организация выступает как социальный институт с известным статусом и рассматривается как стационарный объект. В таком значении слово «организация» относится, например, к предприятию, органу власти, добровольному союзу и т. д.

Во-вторых, этот термин может означать определенную деятельность по организации, включающую в себя распределение функций, налаживание устойчивых связей, координацию и т. д. Здесь организация выступает как процесс, связанный с целенаправленным воздействием на объект и, значит, с присутствием фигуры организатора и контингента организуемых. В этом смысле понятие «организация» совпадает с понятием «управление», хотя и не исчерпывает его.

В-третьих, здесь можно иметь в виду характеристику степени упорядоченности какого-то объекта. Тогда под организацией понимается определенная структура, строение и тип связей как способ соединения частей в целое, специфический для каждого рода объектов. В этом смысле организация объекта выступает как свойство, атрибут последнего. Такое содержание термина употребляется, когда речь идет об организованных и неорганизованных системах, политической организации общества, эффективной и неэффективной организации и т. д. Именно это значение

подразумевается в понятиях «формальная» и «неформальная» организация.

Таким образом, к примеру, выражение «перевод данной организации в более организованное состояние» не является тавтологическим, так как содержит три разных значения слова «организация» (организация как объект, деятельность по организации и организация как свойство этого объекта). В дальнейшем этот термин будет употребляться во всех трех значениях.

[...] В литературе получило распространение такое понимание сущности явления социальной организации, согласно которому последняя появляется тогда, когда части начинают работать на целое. [...] следует все же отметить односторонность такого подхода к пониманию социальных организаций. Здесь не учитываются особенности их элементного состава. Социальные организации не могут строиться только на однонаправленном отношении, без ориентации целого на потребности участников.

Таким образом, более адекватным природе данного объекта будет следующее понимание его сущности: организации возникают тогда, когда достижение каких-либо общих целей признается возможным только через достижение индивидуальных целей или же когда достижение индивидуальных целей оказывается возможным только через выдвигание и достижение общих целей. В первом случае создаются деловые (административные) организации, во втором возникают союзные (общественные) организации. В подобном освещении организация выступает как система обмена между целым и его элементами. В организации для этого образуются «точки интеграции», в которых сопрягаются интересы индивидов и задачи организации, например, посредством обмена труда на вознаграждение. [...]

Организации, действительно, являются целевыми социальными системами, это их исключительный признак. Однако реализация цели коллективом вызывает необходимость выстраиваться иерархически и вводить управление.

Таким образом, определяющим признаком организации является цель; коллективное целедостижение образует два производных признака – иерархию и управление. Что же касается собственно дефиниции, то в данном контексте ее можно сформулировать кратко: организация есть целевая общность. При этом подразумевается, во-первых, что она также иерархическая и управляемая общность; во-вторых, что она, как это было ранее показано, не только общность, но и общественный инструмент, и безличная структура.

Организационный эффект

Наиболее притягательным свойством организаций является их сверхаддитивность, т. е. прирост дополнительной энергии, превышающий сумму индивидуальных усилий их участников. Причем в организациях, это явление оказывается управляемым, его можно усиливать, видоизменять. Именно здесь состоит одна из причин столь частого обращения

человечества к организационным формам.

Собственно, появление нового качества от сложения каких-либо составляющих – объективная закономерность; «...уже простая сумма есть нечто новое, не содержащееся в ее слагаемых. Так, уже число «два», образованное путем сложения «единиц», содержит нечто новое: оно представляет собой четное число, тогда как слагаемые – нечетные». В процессе объединенного труда подобная закономерность обнаруживается довольно полно, но неоднозначно, в чем-то противоречиво. [...]

Иначе говоря, ощутимый эффект дает уже простая массовость, т. е. одновременность, однонаправленность многих усилий. Одно и то же бревно одни и те же люди не могут поднять по очереди, но вполне способны сделать это совместно. К тому же как вторичный эффект объединения здесь сказывается и психологическое взаимодействие участников, ибо «уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии... увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...»

[...] тайна организационного эффекта коренится в принципах объединения индивидуальных и групповых усилий: единство цели, разделение труда, согласование и пр.; способы осуществления последних весьма разнообразны. [...]

Надо также иметь в виду, что соединение людей может привести не только к их взаимоусилению, но и к взаимоослаблению, несмотря на общность целей и даже благодаря ей. «Два человека могут иметь вполне «одинаковые» цели, но именно поэтому находиться во взаимной борьбе, т. е. составлять дезорганизованную комбинацию». Эффект может быть и нулевым, если задаваемые связи не принимаются, не «усваиваются» организацией.

Цели организации

Целевой характер организаций, иногда с оговорками, признается всеми. Другое дело – интерпретация такой, несомненно, ключевой категории социологии организаций. Общепризнана здесь только необычайная трудность выявления и описания целей, трудность, которая довлеет отнюдь не только над исследователями, но и над самими организациями и их участниками. [...]

Наиболее употребляемо подсазанное здравым смыслом понимание цели как планируемого результата. [...]

Цель ... выступает как единство мотивов, средств и результатов. Это значит: цель есть опредмеченный мотив (потребность). [...]

Теперь о носителях цели. Раньше речь шла о цели абстрактного «человека вообще». Применительно же к организации она получает новый смысл. Стихийное представление о цели организации воспринимает ее, во-первых, как нечто единое, во-вторых, очеловечивает её («организация нуждается в...», «предприятие стремится к...», «учреждение не заинтересовано в...»). В «образе» организации проступает особого типа

индивид. В-третьих, в таких представлениях чувствуется акцент на понимание организации как объекта, подчиненного цели, пассивного по отношению к процессу целеобразования и зависимого от него. [...]

Существуют три основных вида общеорганизационных целей:

1) цели-задания: планы, поручения, задаваемые организации по подчинению более широкой организационной системой и отражающие внешнее назначение организации как общественного инструмента;

2) цели-ориентации: общие интересы участников, реализуемые через организацию, соответствуют свойству организации как человеческой общности; в них снимаются телеономические и целеустремленные свойства человеческого компонента;

3) цели системы: равновесие, стабильность, целостность, устанавливаемые управлением и необходимые для функционирования материализованной и обьективированной структуры как относительно самостоятельного целенаправленного фактора организации.

В организации эти цели не связаны между собой иерархией, и последовательность в них прослеживается только генетическая: организация с ее структурой создается под цели-задания, а интересы персонала лишь потом наполняют ее. Они равноправны. Между ними осуществляется параллельная взаимосвязь единства и конкуренции. Названные цели – базовые, достижение которых связано с появлением множества вторичных, производных целей – повышением качества продукции, улучшением условий труда, укреплением дисциплины и др. Подобное разделение целей проходит через всю организацию, на всех ее уровнях – службах, подразделениях, статусах.

Иерархия в организациях

Сегодня иерархия определяется как универсальный принцип построения любых организационных систем – биологических, технических, социальных. Применительно к последним этот принцип просматривается на всех уровнях – от малой группы до общества. И вообще человечество как будто не знает другого способа объединения, кроме пирамиды. Однако неизбежность этого принципа в социальных организациях оборачивается неизбежностью проблем, им вызываемых. И прежде всего они следуют из характерных для иерархии особенностей социальных отношений – отношений подчинения, зависимости, неравенства. В организации сознательно вводится преимущественное право одного работника принимать решения насчет другого, причем первый получает также и средства контроля за должностным поведением другого. К тому же первые составляют явное меньшинство, решающее, однако, за большинство. В этом одна из главных социальных характеристик внутриорганизационных отношений, объективная основа формирования их структуры. Но это и один из самых спорных принципов построения организаций, издавна привлекавший к себе критическое внимание. [...]

С позиций общей теории систем явление иерархии можно определить как разноуровневое распределение частей (элементов) целого по степени общности их функций (свойств). В социальных организациях этот принцип преломляется в сложное отношение, складывающееся из разных составляющих, разделение последних, пусть условное, весьма существенно.

Во-первых, иерархия означает централизацию. Это нейтральное по отношению к интересам участников назначение данного принципа. Оно следует из невозможности (за некоторым пределом) непосредственного взаимодействия какого-то количества людей и естественной необходимости выделения посредника – должности функции органа. На этом новом уровне выступает обобщенная функция совместной деятельности в виде координации, начала общего процесса, интеграции индивидуальных действий в целое. В таком смысле иерархия представляет собой форму разделения труда не только по горизонтали, но и по вертикали, на общие и частные функции, на решение и исполнение. Как и всякое разделение труда, иерархия вводится для эффективности. [...] Так проявляется инструментальная роль иерархии в организационных отношениях.

Во-вторых, иерархия выступает и как человеческое отношение, а именно как односторонняя личная зависимость одного человека от другого. Это значит, что один из работников может воздействовать на положение и поведение другого без того, чтобы этот другой мог также поступать по отношению к первому. Разумеется, в отношениях между людьми существует много вариантов односторонней зависимости, но в иерархии она закрепляется в статусах и выступает как фактор социального неравенства.

Суть этой стороны иерархических отношений состоит в том, что связь по субординации (как и другие отношения) не может регламентироваться полностью. В должностном поведении работника верхнего уровня (необязательно руководителя) административно-правовые нормы оставляют существенный диапазон выбора характера и способов воздействия на работника нижнего уровня. Говоря юридическим языком, решение ряда вопросов остается на «личное усмотрение» вышестоящего работника. Это значит, что одинаково допустимыми и законными считаются как то, так и иное решения одного и того же вопроса, касающегося положения и поведения нижестоящего работника. Отсюда возникает личная зависимость, или так называемый личный режим, в организации, т.е. законное проявление субъективных качеств одного работника по отношению к другому в отношениях субординации. Организация как человеческая общность соответственно расслаивается на две основные социальные группы – управляющих и управляемых. [...]

В-третьих, иерархия функционирует как власть, т.е. подчинение участников организации правилам и указаниям. Специфика этой стороны

иерархических отношений состоит в контроле над волей работника безличных требований организации, в приспособлении его индивидуальности к организационным функциям. Это достигается посредством ограничения свободы поведения индивида в организации и предписания ему необходимого поведения. Потому власть предполагает принуждение и необходимость в санкциях за отклонение от предписанного порядка.

Таким образом, власть существует как административно-правовое явление, причем в отличие от предыдущего (межличного) аспекта иерархии это не та «незаполненная» часть, а именно действующее, обозначенное содержание отношений субординации. Позитивное назначение власти в преодолении известной «колебательности» поведения человека в организации, придании ему деловой определенности.

Все рассмотренные свойства организационной иерархии проявляются слитно, однако каждое имеет самостоятельное значение. Следует заметить, что во всех случаях речь идет о каналах воздействия одних людей на других, часто одного – на многих. Обладание таким каналом психологически мотивируется возможностью самоутверждения, самореализации, повышением престижа. Оттого социальная ценность статусов в иерархии возрастает от уровня к уровню. [...]

Пригожин А.И. Современная социология организаций: учебник / А. И. Пригожин. – М.: Интерпракс, 1995. – 295 с. – С.43-66.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Сформулируйте основные значения понятия «организация».
2. Перечислите основные условия возникновения социальных организаций.
3. В чем заключается определяющий признак социальной организации?
4. Определите основные особенности и цели социальных организаций.
5. Каковы особенности принципа иерархии в социальной организации, в чем заключаются преимущества иерархического принципа построения организации и его недостатки?

Нейл Смелзер

Социальные институты: общественный строй

До сих пор мы двигались от моделей персональной интеракции к анализу более формальных моделей поведения, обусловленных ролями. Изучая же крупные объединения формальных ролей, мы приходим к такому понятию, как социальный институт.

Институтом называется совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности. Мы живем в высоко институционализированном обществе. Например, институтом является наша система образования. Она включает

ресурсы и роли, необходимые для передачи знаний и культурных ценностей от одного поколения другому. Экономические институты производят и распределяют товары и услуги. Семья также является институтом – она создает новых членов общества. Даже из простейших видов взаимодействия строятся сложные институты. [...]

Одной из важных черт института является его соответствие «социальной потребности». Люди, видимо не могут существовать без коллективных объединений – общностей и обществ, которые сохраняются в течение длительного времени. Эта тенденция, наверное, обусловлена биологической зависимостью людей друг от друга, преимуществами сотрудничества и разделения труда в целях выживания по сравнению с усилиями отдельных индивидов, а также исключительной способностью людей взаимодействовать друг с другом на основе символической коммуникации [...]. Но, несмотря на явные преимущества коллективной жизни по сравнению с индивидуальной, общества сохраняются не автоматически. Часть энергии общества должна быть направлена на самосохранение и самовоспроизводство. В связи с этим исследователи ввели понятие «социальных потребностей», или «социальных функций». [...]

Герберт Спенсер (1897), сравнивавший общество с биологическим организмом, выделял потребность в «активной обороне» (речь идет о военном деле) для борьбы с «окружающими врагами и грабителями», потребность в деятельности, поддерживающей «основные средства существования» (сельское хозяйство, производство одежды), потребность в обмене (т. е. в рынках) и потребность в координации этих различных видов деятельности (т. е. в государстве).

Наконец, более современные исследователи Г. Ленски и Дж. Ленски (1970) составили следующий перечень основных элементов, необходимых для поддержания целостности общества.

1. Коммуникация между членами общества. В любом обществе имеется общий разговорный язык.

2. Производство товаров и услуг, необходимых для выживания членов общества.

3. Распределение этих товаров и услуг.

4. Защита членов общества от физической опасности (штормов, наводнений и холода), от других биологических организмов (например, насекомых-вредителей) и врагов.

5. Замена выбывающих членов общества путем биологического размножения и посредством усвоения индивидами определенной культуры в процессе социализации.

6. Контроль за поведением членов общества в целях создания условий для созидательной деятельности общества и урегулирования конфликтов между его членами.

Эти социальные потребности удовлетворяются не автоматически.

Для их удовлетворения необходимы совместные усилия членов общества. Эти совместные усилия осуществляются институтами. Экономические институты, включающие рынки и такие производственные объединения, как фабрики, созданы для удовлетворения 2-й и 3-й потребностей, согласно классификации Г. Ленски и Дж. Ленски. Семья и учебные институты связаны с организованной деятельностью ради удовлетворения пятой потребности. Медицинские институты содействуют защите членов общества и их биологическому воспроизводству (с помощью акушерства и педиатрии). И наконец, правовые и правительственные институты (суды, полиция и тюрьмы) осуществляют контроль за поведением членов общества. [...]

Институты служат не только организации совместной деятельности людей ради удовлетворения их социальных потребностей. Они также регулируют использование ресурсов, которыми располагает общество. Рассмотрим, например, экономические институты, связанные с производственной деятельностью коммерческих фирм, производственных предприятий, семейных ферм и других организаций. Экономисты считают, что для производства товаров и услуг все они должны иметь в своем распоряжении четыре вида ресурсов:

- 1) землю или всю совокупность природных ресурсов и технических знаний;
- 2) труд или мотивация и навыки людей;
- 3) капитал или богатство, вкладываемое в средства производства;
- 4) организацию или способ сочетания и координации первых трех видов ресурсов.

Для деятельности других институтов также необходимы ресурсы.

[...] Следовательно, институты представляют собой социальное образование, созданное для использования ресурсов общества в формах интеракции ради удовлетворения той или иной социальной потребности. Одной из важных функций институтов является стабилизация деятельности людей, путем сведения ее к более или менее предсказуемым образцам социальных ролей. [...] В учебных институтах многие роли тоже точно определены: учитель, ученик, администратор, секретарь, сторож; для их усвоения требуются определенные образцы взаимодействия людей, исполняющих именно эти роли.

Однако данная характеристика институтов в какой-то мере вводит в заблуждение. Институты представлены как совершенно устойчивые и неизменные образования. Поэтому в заключение этой главы следует подчеркнуть разнообразие форм и изменчивость институтов. В примитивных и земледельческих обществах экономические потребности удовлетворяются главным образом с помощью института семьи и системы родственных связей, в рамках которых осуществляется основная производственная деятельность. Например, в крестьянских семьях родители, дети и подчас другие родственники сами работают на своих

фермах; им даже в голову не приходит использовать труд «наемного работника», который не является членом семьи или родственником. В коммерческом и промышленном обществе роль семьи в производственной деятельности значительно снижается, она ограничивается ведением домашнего хозяйства и заботой о детях; производство товаров и услуг осуществляется главным образом такими организациями, как фабрики и конторы, которые отделены от семьи.

Следует также подчеркнуть, что институты очень редко остаются устойчивыми в течение длительного времени. Условия, воздействующие на них, постоянно меняются. Что касается института медицины, то с развитием новых технологий, например, усовершенствованных сканирующих устройств и почечного диализа, не только возникли новые роли (скажем, специалистов по медицинской технике), но изменились даже традиционные отношения между практикующим врачом и пациентом: они перешли в отношения между многочисленным персоналом больницы и пациентом. Реанимационная технология не только кардинально изменила возможности врачей спасти жизнь пациентов, но и стала причиной возникновения множества этических проблем, связанных с ответственностью за жизнь человека.[...]

Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с. – С. 79-82.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение социального института по Н. Смелзеру.
2. Перечислите основные черты социальных институтов и их основные функции.
3. Какие условия необходимы для сохранения целостности общества?
4. Являются ли социальные институты устойчивыми образованиями? Аргументируйте свой ответ.

Тема 10. Семья как малая социальная группа и социальный институт

Энтони Гидденс

Родство, брак, семья

Изучение семьи и брака является одной из наиболее важных задач, стоящих перед социологией. В обществе любого типа практически каждый его член воспитывается в семье, и в любом обществе подавляющее большинство взрослых состоит, или состояло, в браке. Брак относится к числу социальных институтов, получивших очень широкое распространение, хотя в разных культурах формы брака и семьи (равно как и другие стороны общественной жизни) различаются весьма существенно. Что такое семья, ее отношения с другими родственниками, выбор супругов, связь между браком и сексуальностью – все это различается очень широко. [...]

Прежде всего нам необходимо определить ключевые понятия семьи, родства и брака. Семья – это группа людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми. Родство (родственные узы) – это отношения, возникающие при заключении брака либо являющиеся следствием кровной связи между лицами (отцы, матери, дети, бабушки, дедушки и т. д.). Брак можно определить как получивший признание и одобрение со стороны общества сексуальный союз двух взрослых лиц. Индивиды, вступившие в брак, становятся родственниками друг другу, но их брачные обязательства связывают родственными узами гораздо более широкий круг людей. При заключении брака родители, братья, сестры и другие кровные родственники одной стороны становятся родственниками противоположной стороны.

Родство

В большинстве западных стран родственные связи для практических целей ограничиваются небольшим числом близких родственников. Например, большинство людей имеет весьма смутное представление о родственниках более дальних, чем двоюродные либо троюродные брат или сестра. Однако во многих других культурах, особенно малых, родственные отношения имеют огромное значение в различных областях жизни. В некоторых таких обществах каждый человек считается родственником всех остальных или, по крайней мере, верит в это. Западные термины для описания родственных отношений не всегда могут быть с легкостью поставлены в соответствие словам, обозначающим родственные отношения в других культурах. [...]

Кланы

В большинстве обществ традиционного типа существуют крупные родственные группы, связи между членами которых выходят за рамки обычных прямых семейных родственных связей. Важное место среди групп такого рода занимают кланы. Клан представляет собой группу, все члены которой считают, что они происходят (по мужской или по женской линии) от общего предка, давшего начало клану несколько поколений назад. Они расценивают себя и расцениваются остальными как коллектив, наделенный специфическими чертами. К таким группам относились шотландские кланы. Существует много африканских и тихоокеанских обществ, где эта родовая организация сохраняет свое значение и сегодня.

Как правило, члены одного и того же клана обладают схожими религиозными верованиями, имеют экономические обязательства друг перед другом и живут в одной и той же местности. Обычно кланы довольно невелики по размерам, но иногда объединяют сотни и даже тысячи людей. Членство в клане зачастую оказывает влияние почти на все стороны жизни человека. В таких группах к родственникам, которые для нас были бы очень дальними, относятся (и рассматривают их) так же, как к близким. Соответственно меняется и характер взаимоотношений с ними.

Человек может называть сына сына брата отца отца своего отца (по нашей терминологии – четвероюродного брата) своим братом и иметь перед ним те же обязательства, что и перед родными братьями.

Иногда термины родства, имеющие хождение в кланах, не имеют ничего общего с теми, которые мы привыкли употреблять как само собой разумеющиеся. Например, к сестре отца могут обращаться «отец», добавляя определение «женский». Аналогично, брата матери могут звать «мать», добавляя определение «мужской». В кланах было обычным услышать, как один мужчина обращается к другому, который мог быть заметно младше его самого, называя его «мама». Это звучит странно для нас, но является абсолютно логичным для общества клановой организации. Человек в нем хорошо знает, кто его настоящая мать. Но при употреблении этих слов он идентифицирует человека, к которому обращается, как принадлежащего к тому же поколению и ветви рода, что и его мать, и, следовательно, имеющего с ним тесные родственные отношения. [...]

Семейные отношения

Среди круга отношений, связывающих родственников, прежде всего выделяется семейное родство. Практически во всех обществах мы можем выделить то, что социологи и антропологи называют нуклеарной семьей, состоящей из двух взрослых, живущих вместе, ведущих свое домашнее хозяйство и имеющих собственных либо приемных детей. В большинстве обществ традиционного типа, даже при отсутствии кланов, нуклеарные семьи являются только частью обширной сети родственных отношений. Когда родственники, не являющиеся супружеской парой с детьми, живут вместе либо находятся в близком контакте, мы говорим о расширенной семье. Расширенную семью можно определить как группу людей, состоящую из трех или более поколений, живущих либо в одном и том же помещении, либо очень близко друг от друга. Она может включать бабушек, дедушек, братьев и их жен, сестер и их мужей, тетей, дядей, племянников и племянниц.

Семьи, как нуклеарные, так и сложные, по отношению к рассматриваемому индивиду могут подразделяться на родительские и репродуктивные семьи. К первому типу относится семья, в которой человек рождается, ко второму – семья, которую человек образует, став взрослым, и внутри которой воспитывается новое поколение детей. Еще одно важное различие связано с местом проживания. [...] Когда супружеская пара переезжает к родителям жены, семья называется матриликальной, в случае переезда к родителям мужа – патриликальной.

Моногамия и полигамия

В обществах западного типа брак и, следовательно, семья ассоциируются с моногамией. Считается незаконным состоять в браке более чем с одной женщиной или одним мужчиной одновременно. В мировом масштабе моногамия, вообще говоря, не является самой распространенной формой брака. Джордж Мердок, проведший

сравнительное исследование 565 различных обществ, обнаружил, что полигамия допускается в 80% из них. Термин «полигамия» обозначает форму брака, при которой мужчина или женщина может иметь более одного супруга. Существуют два типа полигамии: полигиния, при которой мужчина может состоять в браке одновременно более чем с одной женщиной, и менее распространенная полиандрия, при которой женщина может состоять одновременно в двух и более брачных союзах с разными мужчинами. [...]

Тенденции развития семьи

Новые формы семьи

Вторая мировая война разрушительно подействовала на брак и семейную жизнь. В 1947 году число разводов превзошло довоенное в 10 раз. Через какое-то время этот показатель упал, снова резко подскочив в начале 60-х. Спустя два года принятие закона о Государственной помощи после развода открыло возможность развода для тех, кого останавливали финансовые издержки. Тем не менее, падения популярности брака не отмечалось, три четверти разведенных впоследствии вновь вступали в брак. Короткий послевоенный «бэби-бум» достиг пика в 1947 г. – 20,5 рождений на тысячу взрослых в год. После этого уровень рождаемости выровнялся и с тех пор продолжает оставаться достаточно стабильным. Согласно Рапопорту, «сегодня семьи Британии находятся в стадии перехода от общества, в котором была допустима лишь одна форма семьи, к обществу с множественностью форм, как допустимых, так и, конечно, желательных». Обосновывая это утверждение, Рапопорт выделяет пять видов различий: организационное, культурное, классовое, в жизненном пути и поколений.

Сегодня семьи организуют свои домашние обязанности и связи с социальным окружением различным образом. Контраст между «ортодоксальными» семьями (женой – «домашней хозяйкой» и мужем – «кормильцем») и семьями, в которых двое работающих, служит иллюстрацией данного вида различий. В культурном контексте сейчас больше чем когда-либо наблюдается разнообразие ориентации и ценностей внутри семей. Наличие этнических меньшинств (западноиндийских, азиатских, греческих и итальянских общин) и влияние таких движений, как феминизм, стимулировали культурное разнообразие в семейных формах. Сохраняющееся классовое деление на бедный, квалифицированный рабочий класс и группировки внутри среднего и высшего классов также обуславливает значительные вариации в структуре семьи. Различия в опыте семейных отношений в зависимости от жизненного пути достаточно очевидны. Индивид может происходить из семьи, в которой родители жили вместе, а сам он женился и затем развелся. Другой, возможно, воспитывался в семье с одним родителем, несколько раз состоял в браке и от каждого брака имеет детей.

В данном контексте термин поколение связан с отношениями внутри

семьи. Например, отношения между родителями и старшим поколением стали слабее, чем раньше. Однако сейчас до старости доживает большее число людей, и одновременно в тесной связи друг с другом может существовать три последовательных поколения: женатые внуки, их родители и родители родителей.

Гидденс Э. Социология /Пер. с англ. В. Малышенко, Е. Крюкова, С. А. Модестов, Б. Б. Моздухов, А. Ю. Рыкун. – М.: УРСС, 1999. – С.277-285.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Почему изучение семьи и брака является одной из важнейших задач социологической науки?
2. Дайте определения брака и семьи по Э. Гидденсу.
3. Какие этапы становления прошла современная семья?
4. Охарактеризуйте основные формы семьи и брака.
5. Выделите основные тенденции развития семьи во второй половине XX века.

Игорь Семенович Кон ***Сексуальная культура XXI века***

Историческое развитие человеческой сексуальности, как и всех прочих сфер жизни, подчинено нормам индивидуализации и плюрализации. Главные тенденции этого развития являются глобальными.

Сексуально-эротическое поведение и мотивация на наших глазах эмансипируются от репродуктивной биологии, которой они обязаны своим происхождением в филогенезе. На индивидуально-психологическом уровне так было всегда. Люди, как и животные, спариваются не для размножения, а для удовольствия. Однако в прошлом эта сторона дела всячески вуалировалась и приглушалась. «Нормальной» считалась только такая сексуальная активность, которая способствовала или могла привести к зачатию. В XX в. положение изменилось. Общественное сознание (нормативная культура) приняло тот факт, что сексуальность не направлена на деторождение, не нуждается в оправдании и является самоценной. В конце XX в. мотивационное разделение сексуальности и репродукции обрело также материальную базу. С одной стороны, эффективная контрацепция позволяет людям заниматься сексом, не боясь зачатия. С другой стороны, генная инженерия создает потенциальную возможность производить потомство «в пробирке», с заранее запрограммированными наследственными данными, без сексуального общения и даже личного контакта родителей. Расширение сферы индивидуальной репродуктивной свободы чревато серьезными социальными последствиями (например, угрозой депопуляции, вместо привычного перенаселения, или изменения необходимого соотношения полов, если «все» вдруг захотят рожать мальчиков). Благодаря

достижениям медицины существенно расширяются возрастные рамки сексуальной активности: люди могут испытывать сексуальные радости чаще и дольше, чем в недавнем прошлом. Однако чтобы продолжать сексуальную жизнь до старости, нужно заботиться о поддержании не только потенции, но и здоровья, красоты и культуры тела в целом, причем это в равной мере касается мужчин и женщин. Новая культура телесности иногда порождает тревоги и психологические расстройства, например, болезненное желание похудеть, но одновременно стимулирует заботу о здоровье и о соблюдении правил личной гигиены. Однако это возможно только при достаточно высоком уровне благосостояния и общественного здравоохранения. Бедные и необразованные слои населения (и целые общества) остаются также сравнительно сексуально обездоленными.

В XX в. радикально изменились представления людей о здоровье. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) начиная с 1975 г. разграничивает понятия репродуктивного и сексуального здоровья. По определению ВОЗ, сексуальное здоровье – «не просто отсутствие расстройств, дисфункций или болезней, а связанное с сексуальностью состояние физического, эмоционального, душевного и социального благополучия». Всемирная Сексологическая Ассоциация на конгрессе в Валенсии (1997) приняла специальную «Декларацию сексуальных прав».

Сдвиги в сексуальной культуре неразрывно связаны с изменениями гендерного порядка. Сексуальная революция второй половины XX в. была прежде всего женской революцией. Идея равенства прав и обязанностей полов в постели – плоть от плоти общего принципа социального равенства. Сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия показывает повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т. д.

Соотношение половых (биологически обусловленных) и гендерных (социально-сконструированных) различий мужской и женской сексуальности остается теоретически спорным. Появление гормональной контрацепции дает женщинам небывалую власть над репродуктивными процессами. Сегодня женщина может решать этот вопрос без согласия и даже без ведома мужчины. Ресексуализация женщин, которые лучше мужчин рефлексируют и вербализуют свои сексуальные потребности, также создает для мужчин трудности, такие, как исполнительская тревожность. Современные молодые женщины ожидают от своих партнеров не только высокой потенции, но и понимания, ласки и нежности, которые в прежний мужской джентльменский набор не входили. Традиционная поляризация мужской и женской сексуальности корректируется принципами основанного на взаимном согласии партнерского секса. Однако, при всем выравнивании мужских и женских

сексуальных сценариев, мужская сексуальность остается более экстенсивной, предметной, не связанной с эмоциональной близостью и переживаемой не как отношение, а как завоевание и достижение. [...]

В прошлом изучение сексуального поведения часто строилось вокруг институтов брака и семьи. Сопоставление брачной, добрачной и внебрачной сексуальной активности и сегодня остается существенным. Вопреки предсказаниям радикалов, моногамный брак и юридически неоформленные постоянные партнерские отношения (сожительства) отнюдь не отмирают. Но сами семейные ценности дифференцируются, на первый план выходят показатели качества жизни и субъективного благополучия. Современные партнерства и браки тяготеют к тому, чтобы быть «чистыми» (термин Э. Гидденса), самооценными отношениями, основанными на взаимной любви и психологической интимности, независимо от способа их оформления. Такие отношения значительно менее устойчивы, чем церковный брак или буржуазный брак по расчету. Отсюда – увеличение числа разводов и связанных с ними социально-психологических проблем. Те же самые процессы, которые порождают болезненные проблемы, нередко содержат в себе объективные предпосылки их смягчения (например, психологическая травма, причиняемая ребенку разводом родителей, смягчается осознанием того, что это явление массово, ты не один в таком положении). Но это возможно только при наличии реалистической социально-педагогической стратегии.

Установка на возможную временность сексуального партнерства производна от высокой социальной мобильности, которая делает любые социальные идентичности и принадлежности более изменчивыми и сменными. Высокая мобильность создает ситуацию ненадежности и неопределенности, но одновременно увеличивает степень индивидуальной свободы и связанной с нею ответственности.

Важные сдвиги происходят в сфере сексуальной морали. Хотя моральное регулирование и оценка сексуальных отношений не исчезают, они становятся более гибкими и реалистическими. В результате уменьшается разрыв между повседневной, бытовой и официальной моралью и суживается круг морально оцениваемых явлений. Число сексуальных партнеров и варианты конкретных сексуальных техник (что именно люди делают в постели) постепенно становятся исключительно делом личного усмотрения. Вместе с тем сужение сферы морального регулирования компенсируется более высокими требованиями к характеру отношений. Важнейшим критерием моральной оценки сексуальных действий и отношений становится их добровольность, взаимное согласие партнеров, причем требовательность общества в этом отношении заметно повышается. Осуждению, а порой и юридическому преследованию подвергается не только прямое сексуальное насилие, но и различные формы сексуального принуждения, на которые раньше не обращали внимания.

Важный элемент современной сексуальной культуры – нормализация гомосексуальности, связанная с общим ростом социальной терпимости, ослаблением гендерной биполярности и эмансипацией сексуальности от репродукции. Хотя гомофобия и дискриминация людей по признаку их сексуальной ориентации остается серьезной социально-политической проблемой, в последние 30 лет во всем мире наблюдается заметный рост терпимости к однополый любви, особенно среди более молодых и образованных людей, а также увеличение числа мужчин и особенно женщин, которые признают, что испытывали сексуально-эротическое влечение к лицам собственного пола.

Согласно выработанной ВОЗ Международной классификации болезней (МКБ-10), принятой во всех цивилизованных странах [...] гомосексуальность не считается болезнью и не подлежит лечению. Многие западные страны в последние годы легализовали однополые браки или домашние партнерства. Европейское сообщество считает дискриминацию людей по признаку их сексуальной ориентации такой же юридически и морально неприемлемой, как расизм или антисемитизм. Намечаются сдвиги в признании права однополых пар на усыновление детей. [...]

Принципиально меняется отношение общества к эротике. В XX в. ее включили в число законных предметов массового потребления. Научные исследования показывают, что административные запреты на эротику большей частью неэффективны, а сами сексуально-эротические материалы не приносят того вреда, который им приписывают. Потребление эротики становится делом индивидуального усмотрения, а свобода получения и распространения сексуальной информации – одним из неотчуждаемых прав взрослого человека. [...]

Особенно большие сдвиги происходят в характере сексуального поведения и ценностей подростков. Во второй половине XX в. практически во всем мире произошло снижение возраста сексуального дебюта и уменьшение разницы в этом отношении между мужчинами и женщинами. Пик этого процесса пришелся в Европе и США на 1960-70-е гг., затем он затормозился. Снижение возраста сексуального дебюта и автономизация подростковой и юношеской сексуальности от «внешних» форм социального контроля (со стороны родителей, школы, церкви и государства) создает ряд потенциально опасных ситуаций, прежде всего – нежелательных беременностей, абортов и заражения инфекциями, передаваемыми половым путем (ИППП), последнюю угрозу сделал особенно серьезной СПИД. В 1970-х гг. раннее начало сексуальной жизни на Западе повсеместно коррелировало с различными антинормативными и девиантными поступками (плохая школьная успеваемость, пьянство, хулиганство, конфликты с учителями и родителями и т. д.). В 1980–90-х гг. положение изменилось. Хотя раннее начало сексуальной жизни и сегодня часто сочетается у подростков с проблемным поведением и стремлением скорее повзрослеть, последствия этого зависят как от социальных условий,

так и от индивидуальных, личных особенностей подростка. В тех странах, где существует эффективное сексуальное просвещение, сексуальная активность подростков значительно реже сопровождается эпидемиологическими и другими социальными издержками. Хотя тенденции развития подростковой сексуальности всюду одни и те же, между странами есть существенные различия.

Убедившись в неэффективности внешнего контроля за подростковой сексуальностью, педагоги и психологи возложили надежды на сексуальное просвещение. Вначале некоторые думали, что с этим справится родительская семья, но хотя родительская семья – важный фактор нравственного и эмоционального воспитания детей, сексуального образования она не дает и дать не может. Это делают другие социальные институты – общество сверстников, средства массовой информации, а прежде всего – школа, причем акцент делается не на запретах, а на убеждении и просвещении. Предпринимаемые в этом направлении усилия дают положительные плоды [...]

Кон И. Сексуальная культура XXI века // Педагогика. – 2003. – № 4. – С.3–15.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Выделите главную глобальную тенденцию изменения сексуально-эротического поведения в XXI веке.
2. С какими изменениями в мире, произошедшими в XX веке, связаны современные сдвиги в сексуальной культуре?
3. Какие основные тенденции в развитии института брака и семьи выделяет И. Кон?
4. Среди какой возрастной группы населения произошли за последние десятилетия наиболее существенные сдвиги в характере сексуального поведения и ценностей? Почему?
5. Каким образом, по вашему мнению, все вышеописанные трансформации повлияли на развитие семьи как социального института и малой социальной группы?

Нейл Смелзер

Семья как социальный институт

Одной из важных функций институтов является стабилизация деятельности людей, путем сведения ее к более или менее предсказуемым образцам социальных ролей. Так, в семье существуют роли мужа, жены, матери, отца, сына, дочери, сестры, двоюродной сестры, дяди и тети. Все эти роли связаны с множеством прав и обязанностей, определяющих характер интеракции (взаимодействия) людей, которые включены в определенный институт: матери – сына, двоюродной сестры – двоюродного брата, дяди – племянницы и т. д. [...]

[...] начнем с анализа понятия «семья», членов которой связывает

общность местожительства. Согласно данным переписи 1980 г. [...] существует четкое различие между «стандартными» и «нестандартными» семьями. «Стандартная» семья состоит из двух или нескольких человек, связанных между собой кровным родством, брачными узами или усыновлением. Наиболее распространен тип семьи, включающей супружескую пару с детьми или без детей. В «нестандартные» семьи входят два или несколько человек любого пола, не являющиеся родственниками, а также люди, которые живут одни.

Хотя в США все еще преобладают традиционные семьи, наблюдается развитие новых форм семейной жизни и, по-видимому, институт семьи подвергается сейчас радикальным изменениям.

В 1981 г. насчитывалось примерно 73 процента «стандартных» и 27 процентов «нестандартных» семей. Но в 1970 г. эти числа составляли соответственно 82 и 18 процентов. В течение этого периода численность одиноких мужчин возросла на 105 процентов, одиноких женщин – на 60 процентов. Кроме того, значительно выросло число семей с одним родителем. В 1981 г. оно достигло 21 процента по сравнению с 10 процентами в 1970 г. С 1970 г. численность семей с одним родителем, никогда не вступавшим в брак, возросла на 349 процентов, и это потрясающий факт! В то же время число семей с одним разведенным или покинутым родителем увеличилось на 111 процентов (U.S. Bureau of the Census, 1982).

[...] эти перемены [...] свидетельствуют о радикальных преобразованиях семейной структуры, отношений между родителями и детьми, а также интимных отношений вообще, происходящих в американском обществе. [...]

Исходя из отличительных особенностей, выявленных Бюро переписи населения, мы можем определить семью как основанное на кровном родстве, браке или усыновлении объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей; члены семьи часто живут в одном доме. Даже предварительный обзор тенденций эволюции семьи в США показывает, что это определение охватывает различные уклады семейной жизни. Например, в семье с одним родителем обычно мать работает вне дома, а дети выполняют домашние обязанности; в семьях с двумя родителями один из них часто уходит на работу, в то время как другой заботится о детях. [...]

Основные формы семьи

Однако социологи и антропологи ввели ряд параметров, на основе которых можно сравнивать различные семейные структуры. Это дает возможность делать обобщения о многих обществах. В этом разделе мы рассмотрим шесть параметров.

Термин «родство» означает совокупность социальных отношений, основанных на некоторых факторах. К ним относятся биологические связи,

брак и правовые нормы, правила, касающиеся усыновления, попечительства и т. п. В общей системе родственных отношений существуют два основных типа семейной структуры.

Нуклеарная семья состоит из взрослых родителей и детей, которые от них зависят. Многим американцам этот тип семьи кажется естественным.

Расширенная семья (в отличие от первого типа семейной структуры) включает нуклеарную семью и многих родственников, например дедушку и бабушку, внуков, дядю, тетю, двоюродных братьев и сестер. В большинстве обществ нуклеарная семья считается важным, а может быть, и основным социальным объединением. Однако наблюдаются существенные различия в оценке роли расширенной семьи как основы развития социальных отношений и гаранта взаимной помощи и поддержки. [...]

Основные теории семьи

В то время как антропологи и социологи уделили много внимания сравнению семейных структур в разных обществах, большинство работ в области социологии семьи посвящено анализу семьи в странах Запада: ее сущности, места в обществе и перемен, происходящих в ней с течением времени. Данная тема, как и другие разделы социологии, рассматривается главным образом на основе функционализма и теории конфликта.

Функционализм

[...] сторонники функционализма обычно анализируют общество с точки зрения влияния отдельных его частей на функционирование единого целого. Семья или одна из частей общества рассматривалась в плане ее функций или социальных потребностей, которые она удовлетворяет. [...]

Экономические функции

В любом обществе семья играет основную экономическую роль. В крестьянском сельском хозяйстве и ремесленном производстве семья является совместным кооперативным трудовым объединением. Обязанности распределяются в соответствии с возрастом и полом членов семьи. Среди огромных перемен, вызванных возникновением промышленного производства, произошло уничтожение этой кооперативной системы производства. Рабочие стали трудиться вне дома, и экономическая роль семьи свелась лишь к трате денег, заработанных кормильцем семьи. Хотя жена иногда работала, ее основная обязанность заключалась в воспитании детей.

Передача статуса

В промышленном обществе существовали различные обычаи и законы, более или менее автоматически закреплявшие статус, занимаемый семьями из разных слоев общества.

Наследственная монархия представляет собой яркий пример такого обычая. Аристократы, владевшие землей и титулами, могли передавать свой высокий статус детям. Среди представителей низшего класса

существовали системы гильдий и обучения ремеслам; таким образом профессии могли передаваться от одного поколения к следующему.

Революции, происходившие в XIX и XX вв., осуществлялись с целью уничтожения привилегий некоторых групп. Среди этих привилегий было и право передачи титула, статуса и богатства следующему поколению. В некоторых странах, в том числе и в США, наследование аристократических титулов объявлено вне закона. Прогрессивные налоги, а также налоги по страхованию и в случае смерти тоже ограничивают возможность сохранения богатства и передачи его по наследству. Однако богатые высокопоставленные семьи все еще имеют преимущества, когда встает вопрос о передаче богатства и статуса детям. Но это осуществляется скорее не на основе наследования, а в форме подготовки детей к получению такого образования и такой работы, которые обеспечивают высокий статус. Члены высшего класса имеют возможность оплачивать элитарное образование и поддерживать «знакомства», способствующие высокому статусу. [...]

Социализация

Семья является главным агентом социализации во всех обществах. Именно в ней дети усваивают основные знания, необходимые для исполнения ролей взрослых. Но индустриализация и связанные с ней социальные перемены в какой-то мере лишили семью этой функции. Самой важной тенденцией стало введение системы массового среднего образования. Уже в возрасте 4 или 5 лет дети воспитывались не только дома, глубокое влияние на них оказывал учитель. Развитие системы дошкольных учреждений и добровольных ассоциаций для детей (например, отрядов скаутов и летних лагерей) увеличило число агентов социализации, выполняющих эту функцию наряду с семьей.

Социальное благосостояние

В традиционных крестьянских и ремесленных обществах семья осуществляет множество функций по поддержанию «благосостояния» людей, например заботу о больных и пожилых членах семьи. Но эти функции коренным образом изменились в ходе возникновения и развития промышленного общества и государства всеобщего благосостояния. Врачи и медицинские учреждения почти полностью заменили семью в отношении заботы о здоровье людей, хотя члены семьи по-прежнему решают, существует ли необходимость обратиться за медицинской помощью. Страхование жизни, пособия по безработице и фонды по социальному обеспечению ликвидировали необходимость для семьи полностью брать на себя помощь ее членам в периоды экономических трудностей. Точно так же социальные пособия, больницы и дома для пенсионеров облегчили для семьи бремя заботы о престарелых.

[...] Огборн и Нимкофф (1955), считают, что такого рода перемены способствуют разрушению семьи. Они говорят о многих социальных пороках, например о возрастании преступности среди молодежи,

увеличении числа разводов, ослаблении власти родителей, что свидетельствует о распаде семьи как социальной силы. Другие исследователи, в частности Парсонс и Бейлз (1955), утверждают, что семья, частично утратившая присущие ей функции и ставшая более специализированным институтом, осуществляющим главным образом социализацию детей в раннем детстве и обеспечивающим их эмоциональное удовлетворение, играет более эффективную роль, чем прежде, в подготовке детей к исполнению в будущем ролей взрослых в современном промышленном обществе.

Теория конфликта

[...] Теория конфликта подходит к объяснению семейной структуры на различных уровнях. Одни исследователи делают упор на анализе порядка распределения власти внутри семьи, придавая особое значение механизму принятия решений. Как правило, члены семьи, в большей мере владеющие материальными средствами, приобретают в семье большую власть. Сафилиос-Ротшильд (1976) утверждает, что любовь оказывает влияние на распределение власти между супругами. По его мнению, более любящий супруг имеет меньшую власть, поскольку находится в большей психологической зависимости. Супруги, в одинаковой мере любящие друг друга, обычно имеют одинаковую власть в семье. [...]

Согласно другой точке зрения, больше сосредоточенной на конфликте, семья рассматривается как микрокосм конфликта в «большом» обществе. В прошлом эту идею высказали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Они утверждали, что промышленная революция способствовала преобразованию семьи в совокупность денежных отношений. Например, в результате использования детского труда дети в семьях рабочего класса стали товаром и орудиями труда. В семьях среднего класса с женщинами обращались как с домашними рабынями. Женщины из рабочего класса были вынуждены работать вне дома, чтобы заработать деньги, необходимые для выживания семьи. Но поскольку они получали зарплату, их положение в большей мере приближалось к статусу мужчин, чем положение женщин из среднего класса.

Современный вариант теории конфликта, касающийся семьи, предложен Хартманн (1981). Она называет его «марксистско-феминистским». По ее мнению, подлинное понимание сущности семьи не связано с анализом эмоциональных или родственных отношений между ее членами; семья – «место борьбы». В семье осуществляются экономическое производство и перераспределение материальных благ, при этом интересы каждого ее члена вступают в конфликт с интересами других членов и общества в целом. [...]

Американская семья

Американская семья является нуклеарной, моногамной, частично патриархальной, частично эгалитарной, нормой для нее считаются неолокальное местожительство и двустороннее родство. Эти термины

характеризуют семью, но не дают полного представления о подлинной семейной жизни в США. Для большинства супружеских пар процесс образования новой семьи начинается с романтической любви.

Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с. – С.390-427.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Выделите основные признаки семьи как социального института.
2. Какие две основные формы семьи выделяет Н. Смелзер?
3. Развитие каких новых форм семейной жизни наблюдается в США во второй половине XX века?
4. Охарактеризуйте основные теории семьи.
5. Перечислите характерные особенности американской семьи, выделенные Смелзером.

Тема 11. Политическая деятельность и власть

Ханна Арендт

Vita activa, или О деятельной жизни

§ 28 Пространство явления и феномен власти

[...] Политический организм сцеплен имеющимся у него потенциалом власти и политические общности гибнут от ослабления власти и в конечном счете бессилия. Сам этот процесс неконтролируем, потому что властный потенциал в отличие от средств насилия, которые можно накапливать, чтобы потом при необходимости ввести свежими в действие, в принципе существует только в той мере, в какой реализуется. Где власть не реализуется, но рассматривается как нечто такое, на что можно опереться в случае необходимости, там она гибнет, и история полна примеров, показывающих что никакое материально осязаемое богатство мира не в состоянии компенсировать эту утрату власти. С реализованной властью мы имеем дело всякий раз тогда, когда слова и дела выступают неразрывно сплетенными друг с другом, где речи стало быть не пусты и дела не превращаются в немое насилие, где слова не применяются для сокрытия намерений, но произносятся для раскрытия реалий; где словами не злоупотребляют в целях сокрытия намерений, но говорят их чтобы раскрыть действительность, и деяниями не злоупотребляют в целях насилия и разрушения, но учреждают и упрочивают ими новые связи, создавая тем самым новые реальности.

Власть есть то, что зовет к существованию и вообще удерживает в бытии публичную сферу, потенциальное пространство явления среди действующих и говорящих. Само это слово [...] явственно указывает на потенциальный характер феномена. Власть есть всегда потенциал мощи, а не что-то непреходящее, измеримое, надежное как крепость или сила. Сила

есть то, чем всякий человек от природы в известной мере владеет и что действительно может назвать своим собственным; властью же собственно никто не обладает, она возникает среди людей, когда они действуют вместе, и исчезает, как только они снова рассеиваются. Ввиду этой особенности, разделяемой властью со всякой потенциальностью, которую можно актуализировать, но нельзя материализовать, ее существование в такой поразительной мере независимо от чисто материальных факторов. [...] Власть немногих вполне может по обстоятельствам оказаться выше власти многих, но никогда – крепость слабых выше превосходящей силы крепких. [...] Таким же образом народные восстания могут развернуть почти неодолимую мощь против абсолютного материального превосходства государственных средств насилия [...]

Единственная чисто материальная, непременная предпосылка создания власти есть сама совместность людей. Лишь в бытии-друг-с-другом, достаточно тесном чтобы постоянно держать открытой возможность действия, способна возникнуть власть, и основание государств, ставшее благодаря античным городам-государствам примером для всей истории политической организации на Западе, исторически действительно является подлинной предпосылкой беспримерного развертывания власти европейских народов. То, что скрепляет воедино группу людей как группу, когда быстролетный миг совместного действия пролетел, и то, что мы сегодня называем организацией, есть власть, которая опять же со своей стороны остается неподорванной благодаря тому что группа не распадается. Кто по тем или иным причинам ищет изоляции и не участвует в совместном бытии, должен по меньшей мере знать что он отрекся от всякой власти, избрал немощь и никаким приростом индивидуальной, физической или интеллектуальной силы ничего уже не изменит.

Будь власть чем-то больше чем эта образующаяся в бытии-друг-с-другом потенция мощи, властью можно было бы обладать как крепостью или применять силу вместо того чтобы зависеть от никогда не достаточно надежной и всегда лишь временной гармонии многих импульсов воли и намерений, всемогущество вполне располагалось бы в круге человеческих возможностей. Власть по своей сути так же безгранична как действие; она не знает материально-физического ограничения, каким человеческое тело со своими нуждами держит в известных границах всякую силу. Границы власти лежат не в ней самой, но в одновременном существовании других группировок власти, т.е. в присутствии других, которые стоят вне сферы моей власти и сами развертывают свою власть. Эта ограниченность власти плюральностью не случайна, ибо ее основная предпосылка заранее уже эта плюральность и есть. Отсюда объясняется [...] что разделение властей никоим образом не влечет за собой уменьшения власти, больше того, взаимодействие «властей», покоящееся на их разделении, создает живое соотношение взаимно контролирующих и компенсирующих друг друга

властей, когда благодаря господствующему в нем взаимодействию производится больше власти, во всяком случае пока дело идет действительно о живом взаимовлиянии, и отведена опасность взаимного паралича и столбняка власти. Неделима поэтому не власть, а сила, которая хотя и тоже уравнивается существованием других, но им вместе с тем ограничена и умалена в своих возможностях воздействия; там, где сила одиночки хочет заставить в бытии с другими считаться с собой, она теряет во внезапности удара и всегда подвержена опасности покориться власти многих и быть ими уничтоженной. [...]

В человеческих взаимоотношениях то единственное, что может помериться с властью, не крепость – которая безоружна в конфронтации с властью, – но присущая насилию энергия, с какой одиночка действительно способен принудить многих, потому что она может быть в форме средств насилия накоплена и монополизирована. Насилие однако может лишь разрушить власть, оно неспособно занять ее место. Говоря политически, насилие и безвластие могут очень легко сочетаться, и мы знаем из истории, как волна безвластного насилия может фейерверком пройти по стране, не оставив по себе ничего, ни памятников, ни историй и часто даже совершенно ничего достойного воспоминаний, дающего место в истории. Насколько этот исторический опыт отложился в традиционной политической теории, комбинация насилия и безвластия известна как государственная форма тирании.[...]

[...] Для Монтескье выдающимся признаком тирании был лежащий в ее основе принцип изоляции, изоляции правителя от своих подданных и изоляции подданных друг от друга, складывающейся под действием систематического и организованного распространения взаимного страха и всеобщего подозрения. В таком случае можно сказать что эта государственная форма основана на тех человеческих свойствах и способностях, которые, как бы легитимны они ни были, прямо противоположны политическому существу человека, его плюрализму и человеческому бытию-друг-с-другом; она таким образом по своей сути неполитична. Тирания активно мешает возникновению власти, причем именно внутри всей политической области; через присущую ей изолирующую силу она порождает безвластие так же естественно, как другие государственные формы разнообразными путями порождают власть. [...]

Примечательным образом власть легче уничтожается насилием чем сила, и хотя безвластие всегда есть отличительный признак тирании, когда подданные лишены человеческой способности говорить друг с другом и действовать между собой, тирания вовсе не обязательно характеризуется непроизводительностью и слабостью одиночки. Когда тиран достаточно «просвещен» чтобы оставить своих предварительно изолированных подданных в покое, искусства и науки могут расцвести. Ибо природная и природой данная сила одиночки, которую он так или иначе ни с кем

разделить не может, способна не только легче ускользнуть от насилия чем власть, но и в известном смысле даже меньше угрожаема в своей самостоятельности насилем чем властью. В самом деле, с насилем одиночка может справиться разными способами, может повести себя по отношению к нему героически, бороться и погибнуть или стоически переносить его в самодовольстве замкнутого отдаления от мира; он может, иными словами, тем или другим способом заявить о своей силе и цельности как одиночка и сохранить их. Власть однако может поистине уничтожить эту силу; против власти многих не выстоит никакая сила одиночки. Чем в большей мере та или иная государственная форма есть по сути властное образование, особенно в случае безграничной демократии, тем тяжелее будет одиночке заставить с собой считаться. Власть действительно портит, но лишь когда слабые сбиваются в группу чтобы погубить сильных, не ранее. «Воля к власти», которую Новое время от Гоббса до Ницше истолковывало как порок или добродетель сильных, есть по сути дела один из пороков слабых и неудачников, мучимых завистью, жадностью, обидой. Воля к власти опаснейший из этих пороков, который в политическом смысле она впервые только и делает злостным.

Если тирания есть попытка, всегда тщетная, заменить власть насилем, то охлократия или власть толпы, составляющая точную противоположность первой, есть намного более перспективная попытка компенсировать силу властью. Для оценки действительности этих попыток компенсации не обязательно даже рассматривать охлократию в ее вполне развитой политической форме; одного взгляда на слишком уж нам знакомые, типические социальные феномены господства клики или организованного мошенничества в отношениях между политиками, где рука руку моет и нет ничего что нельзя было бы себе устроить, достаточно для понимания того как организованная власть многих в областях, где решает не власть а направленная сила и компетентность единиц, способна с успехом выдвинуть на передний план людей ничего не умеющих и ничего не знающих. [...]

Коррумпирующей власть становится однако лишь в тех областях, где дело идет о созидании, осуществимом только в отстраняющей изоляции, т. е. в так называемой культурной и духовной жизни, а не в собственно политической сфере. Она учреждает и поддерживает публичное пространство явления и именно она буквально вдыхает душу в мир как предметное созданное человеческими руками образование, т. е. просто вообще впервые придает ему жизненность; как бы ни был прекрасен мир окружающих нас вещей, он получает свой подлинный смысл лишь когда предоставляет сцену для поступка и слова, когда он прострочен нитями человеческих забот, взаимоотношений и историй, из них возникающих. Не обитаемый людьми и не обсуждаемый ими постоянно, мир был бы лишь грудой разрозненных вещей, куда всякий и каждый может из своей изоляции бросить еще один изготовленный им предмет, не смея надеяться

что его изделие сумеет войти в мир вещей и приладиться к нему. Без сформированного мира опять же все собственно человеческие дела остались бы без приюта и все происходящее между людьми, их занятия и замыслы остались бы во мгле унылой тщеты, так хорошо известной нам из будней кочевых племен. [...]

Ничто пожалуй не появлялось в нашей истории так редко и не длилось так кратко как подлинное доверие к власти; ничто не давало о себе знать упрямее чем платонически-христианское недоверие к блеску, присущему власти потому что она служит собственно явлению и сиянию; ничто наконец не укоренилось в Новое время с такой всеобщностью как убеждение что «власть портит». [...]

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. нем. англ. В. В. Бибихина; Под ред. Д. М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с. – С. 264-271.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Власть... Что это? На какие черты власти указывает автор?
2. Что Х. Арендт говорит о разделении властей?
3. Какая «государственная форма» рождается при «комбинации насилия и безвластия»?
4. Что такое охлократия?
5. Согласны ли Вы с убеждением, что «власть портит». Свой ответ аргументируйте.

Вячеслав Филиппович Халипов
Кратология как наука о власти

[...] Власть – это:

- уникальный жизненный феномен; многогранное, глобальное ключевое общественное явление; порождение человеческого рода, социальной практики, хотя первичные проявления власти, и очень жестокие, вообще свойственны животному миру;
- сформированная усилиями многочисленных поколений людей, прежде всего самих властителей, в целом рациональная система правления, господства, управления, подчинения, рассчитанная на утверждение организованности, порядка во имя согласования совместных действий, ради выживания, охраны от угроз и действий, всеобщей безопасности и спокойствия в первую очередь конкретных государств;
- важнейшая многоплановая сфера интенсивной творческой, целеустремленной деятельности человека и его общностей, сфера приложения разнообразных человеческих сил, умений, талантов, реализации интересов, хитростей, мастерства, искусства человека, его нескончаемого совершенствования;
- сильнейшая, не всегда адекватно осознаваемая страсть, одно из всепоглощающих, неодолимо желанных, но и тягостных влечений; сфера

возможного удовлетворения амбиций и притязаний;

- влекущая к себе и часто опасная, необычная и весьма трудная жизненная профессия; область карьеры и карьеризма, реализации, а нередко и провалов авантюрных наклонностей и тщеславия многих людей;
- неисчерпаемый резервуар опыта и знаний (мудрости для мудрых), богатейший массив разнообразных идей и представлений, неотвратимо требующий своего выделения в самостоятельную науку;
- очень солидный источник доходов, прибыли, наживы, весьма обеспеченного существования, сфера привилегий и благ;
- обширнейшая область общения, взаимодействия, сотрудничества, согласия, партнерства, уважения, совместных действий, а вместе с тем и сфера разобщения, противостояния, конфронтации, соперничества, споров, притязаний, претензий, вражды и борьбы;
- широчайшая сфера проявления милости, покровительства, но и жестокости власть имущих и угодливости, чинопочитания их окружения;
- наконец, нередко это тяжкий крест, невыносимая ноша, бремя, злой рок, проклятье рода человеческого, источник и сфера нечеловеческих страданий. [...]

Халипов В. Ф. Наука о власти. Кратология. [Текст] : Учеб.пособие / В. Ф. Халипов – М.: ОСЬ-89. – 2008. – 448 с. – С. 27.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое власть?
2. Почему возникает власть?
3. Какое из приведенных понятий Вам импонирует и почему?

Хайнц Хекхаузен
Мотивация и деятельность
Мотив власти

Власть представляет собой явление многомерное. Феномен власти и неравенство ее распределения между людьми, социальными группами и государственными институтами с давних времен порождали столько объяснений, обоснований и сомнений, сколько едва ли вызывало какое либо другое явление. Бертран Рассел [...] рассматривал власть как фундаментальное, объединяющее все социальные науки объяснительное понятие, аналогичное понятию энергии в физике. [...] Феномены власти чрезвычайно сложны, основываются они на повсеместно встречающейся ситуации социального конфликта, возникающего из-за несовместимости целей различных людей или средств их достижения [...]. Понятию власти свойственен легкий негативный налет, ибо она обычно связывается с представлениями о принуждении, угнетении, насилии или несправедливом господстве. Однако в не меньшей степени к этому понятию относятся позитивно или, по крайней мере, нейтрально оценивая явления, такие, как

законное руководство, авторитет, признанное лидерство, влияние, воспитание, примирение интересов, групповая солидарность [...].

Прежде чем перейти к рассмотрению того, что следует подразумевать под мотивом власти, нам необходимо добиться большей ясности в понимании самого явления называемого властью. В науках об обществе, в частности в социологии и политологии, исследователи заинтересованы прежде всего в анализе сложившихся отношении власти и их объяснении постфактум, в науках же о поведении, [...] акцент ставится, скорее, на исследовании процесса использования власти и его предсказаний [...]. Различие взглядов на власть с позиции разных дисциплин станет понятнее из приведенных ниже определений.

Социолог Макс Вебер: «Власть означает любую закрепленную социальными отношениями возможность настаивать на своем, даже при наличии сопротивления [...].

Философ Бертран Рассел: «Власть может быть определена как достижение намеченных эффектов» [...].

Политолог Р. Э. Даль: «Мое интуитивное представление о власти выглядит примерно так: А обладает властью над В в той мере, в какой он может заставить В делать то, что предоставленный самому себе В не стал бы делать» [...].

Психолог Курт Левин: «Власть b над a можно определить, как отношение максимальной силы воздействия b над a ... к максимальному сопротивлению со стороны a » [...].

Таким образом, во всех случаях о власти речь идет тогда, когда кто-либо оказывается в состоянии побудить другого сделать нечто, что этот другой иначе не стал бы делать. Лишь определение Рассела охватывает более широкий круг явлений. Согласно этому определению, любое достижение намеченного результата действия уже есть проявление власти – независимо от того, приводит такое достижение к столкновению с другими людьми или нет.

Понимание власти как некоей всеобщей способности встречается также и в психологии. Каждый эффект, который производит индивид, воздействуя на окружающий его мир (причем не только на мир социальных объектов), определяется его властью, понимаемой как способность, сила или компетентность. Такое представление о власти свойственно [...] наивной теории действия, согласно которой каждое действие вместе со своим результатом порождается двумя видами факторов – «могу» [...], основывающимся на отношении власти субъекта (т. е. его сил и способностей) к противодействующим ему внешним силам, и «старанием» [...], т. е. решимостью субъекта действовать, определяемой тем, сколько он вкладывает в это сил [...].

Мотивационная основа

Эта попытка универсального объяснения взаимодействия субъекта с окружением с точки зрения теории действия имеет свои аналоги и в теории

мотивации. Ими являются, с одной стороны, теории в духе Уайта [...], в которых власть (в смысле сил, способностей, компетентности) понимается как результат некоторого всеобщего фундаментального мотива, с другой – теории типа концепции Адлера [...], выводящей особый мотив – стремление к власти и к превосходству – из первоначальной недостаточности власти. [...]

Источники власти

Для успешного воздействия на мотивационную основу другого человека применяющий власть должен иметь в своем распоряжении определенные ресурсы т. е. средства подкрепления, с помощью которых он сможет обеспечить удовлетворение соответствующих мотивов другого, задержать это удовлетворение или предотвратить его. Такие ресурсы – особые для каждого мотива, мы будем называть источниками власти. Френч и Равен [...] выделили пять видов источников власти, позднее Равен и Круглански [...] дополнили эту классификацию еще одним видом (информационной властью) [...].

1. Власть вознаграждения [...]. Ее сила определяется ожиданием В того, в какой мере А в состоянии удовлетворить один из его (В) мотивов и насколько А поставит это удовлетворение в зависимость от желательного для него поведения В.

2. Власть принуждения, или наказания [...]. Ее сила определяется ожиданием В, во-первых, той меры, в какой А способен наказать его за нежелательные для А действия фрустрацией того или иного мотива, и, во-вторых, того, насколько А сделает неудовлетворение мотива зависящим от нежелательного поведения В. Принуждение здесь заключается в том, что пространство возможных действий В в результате угрозы наказания суживается. В предельном случае власть принуждения может осуществляться непосредственно физически, например, когда ребенка, который не хочет ложиться спать, бьют или насильно укладывают в постель.

3. Нормативная власть [...]. Речь идет об интериоризованных В нормах, согласно которым А имеет право контролировать соблюдение определенных правил поведения и в случае необходимости настаивать на них.

4. Власть эталона [...]. Основана на идентификации В с А и желании В быть похожим на А.

5. Власть знатока [...]. Ее сила зависит от величины приписываемых А со стороны В особых знаний, интуиции или навыков, относящихся к сфере того поведения, о котором идет речь.

6. Информационная власть [...]. Имеет место в тех случаях, когда А владеет информацией, способной заставить В увидеть последствия своего поведения в новом свете.

Поведение и власть

Теперь мы можем более детально рассмотреть осуществление

власти, исходя из позиции применяющего ее субъекта. Прежде всего он должен уяснить себе, какие источники власти он имеет в своем распоряжении, а также принять решение об их использовании. Одновременно он должен верно оценить мотивационную основу человека, на которого он хочет оказать влияние, и правильно, т. е. с точки зрения последнего, определить силу своих источников власти, чтобы в конечном счете избрать наиболее действенную, обеспечивающую наиболее благоприятное соотношение затрат и результатов, стратегию их использования [...]. Соотношение затрат и результатов имеет значение потому, что В может оказать сопротивление воздействию А и попытаться в свою очередь применить власть. Кроме того, проблема соотношения затрат и результатов возникает, как указывают Равен и Круглански [...], в связи с особенностями различных источников власти.

Так, власть, связанная с вознаграждением и наказанием, требует от А постоянного контроля за поведением В, кроме того, ресурсы А могут истощиться, что может вызвать (или повысить) враждебность В к А. Использование власти знатока, информационной власти и власти эталона таких издержек не требует.

Последнее, что должен сделать А, чтобы ему удалось без применения грубой силы использовать свою власть и заставить В изменить свое поведение в желательном для А направлении, является перестройка привлекательности решающих для осуществления желательного для А действия основных и побочных следствий активности В.

Таким образом, деятельность власти, в отличие от побуждаемых другими мотивами видов поведения, определяется не одним соответствующим мотивом (мотивом власти), а различными мотивами партнера, конфигурацию привлекательности которых эта деятельность должна перестраивать. Как правило, речь идет о введении дополнительной положительной или отрицательной привлекательности, по содержанию не связанной с подвергающимся воздействию поведением В и создающей дополнительные (внешние) последствия желательных или нежелательных для А действий В. Классический анализ психологической ситуации вознаграждения и наказания с точки зрения теории поля был дан Левином [...].

При этом речь вовсе не идет только о морально нечистоплотных явлениях типа шантажа или совращения. К рассматриваемой группе процессов принадлежат также обучение, просвещение, воспитание, ободрение, идущие от личности учителя. Следует также различать актуальную и потенциальную власть. А не обязательно должен принимать решительные меры, чтобы показать В те источники власти, которыми он располагает и которые намерен пустить в ход. Зачастую В может предвидеть это, основываясь на прошлом опыте или доступной ему информации. [...]

[...] мотив власти, как тенденция к овладению источниками власти,

может быть проявлением универсального стремления обладать средствами удовлетворения различных потребностей и желаний. Примерно такой точки зрения придерживается Д. Картрайт:

«Все люди склонны влиять на других и стараются занять влиятельное положение поскольку стремятся к определенным целям, достижение которых требует использования влияния» [...].

Те же причины, которые вызывают стремление к приобретению источников власти, побуждают субъекта приводить ее в действие. Уже тот фундаментальный факт, что в осуществлении своих целей и удовлетворении своих потребностей люди зависят друг от друга, приводит к мотивации субъекта использовать власть, когда другой человек сам по себе не способствует удовлетворению потребностей субъекта и достижению его целей и вольно или невольно препятствует ему. Действие власти в этом случае призвано сделать другого человека более сговорчивым, уступчивым и готовым прийти на помощь, а мотивация власти является инструментальной для иных по содержанию целей и потребностей. Характерным примером такого инструментального действия власти является ее ролевое использование. От людей, занимающих руководящие позиции в социальных группах и организациях (семья, школа, фирма, армейская служба), ожидается, что они будут заботиться о соблюдении членами этих групп определенных норм поведения. Поэтому роль наделяет их источниками власти, дающими возможность корректировать отклоняющееся поведение.

Другая точка зрения на мотив власти связана с неинструментальным, а значит «внутренним», его пониманием как стремления к применению власти ради нее самой. В этом случае мотивирующим является не столько чувство власти, сколько желание сделать ее ощутимой для другого, оказать влияние на его поведение. Если отвлечься «от инструментальных форм мотивации власти, то существует, по-видимому, два понимания мотива власти (как «внутреннего» побудителя). Первое связывает его главным образом с приобретением источников власти, второе – с ее использованием с осуществлением действий власти ради них самих. [...].

Индивидуальные различия действий власти: мотив власти

[...] 1. Овладение источниками власти

Прежде всего между людьми должны существовать различия в силе стремления к умножению и увеличению своих источников власти. Уже простое обладание источниками власти и сообщаемое им ощущение власти может быть конечной целью, достижение которой само по себе, без всякого применения власти к другому человеку, приносит удовлетворение. С точки зрения получения удовлетворения от власти чувство обладания ею более значимо, чем воздействия на других людей. Желанными источниками власти могут быть престиж статус, материальное положение, руководящая должность, возможность контроля над информацией. [...]

3. Действия власти

Что может побуждать субъекта, приносить ему удовлетворение? Стремление к обладанию источниками власти ради связанного с ними ощущения власти мы уже рассмотрели. Помимо него, приносить удовлетворение может само использование имеющихся источников власти, обеспечивающее воздействие на мотивационную основу другого человека, которая направит его поведение в нужную для достижения целей субъекта сторону. По-видимому, должны существовать индивидуальные различия не только в способности, но и в склонности к осуществлению действий власти для оказания влияния на поведение другого человека.

Этот момент весьма существен поскольку он позволяет, например, дифференцировать «сильных» и «слабых» политических лидеров. [...]

4. Моральность цели

Индивидуальные различия должны проявляться и в тех целях, ради которых в конечном счете человек стремится применить власть или оказать влияние на себе подобного. Здесь в круг нашего анализа вступают оценки, связанные с моральными ценностями. Использование власти может служить созданию приятных переживаний подчинения окружающих своей воле и спровоцированной беспомощности другого человека, что ведет к повышению самооценки. Но оно же может служить «благому делу», целям группы или организации, «правильно понятым интересам» самого объекта воздействия. С моральной точки зрения предполагаемые намерения использующего власть субъекта оцениваются участниками ситуации и сторонними наблюдателями как «хорошие» или «плохие», «законные» или «незаконные».[...]

Определения мотива власти

Теперь, когда на основе общего анализа действий власти мы выделили шесть параметров индивидуальных различий мотива власти как личностного конструкта, можно проверить, насколько определения этого понятия исследователями, разработавшими методики его измерения, учитывают данные параметры. Остановимся вначале на точке зрения Мюррея, который еще в 1938 г. [...] дал следующее определение мотива власти, назвав этот мотив потребностью в доминировании.

«Желания и эффекты контролировать свое социальное окружение. Посредством совета, обольщения, убеждения или приказа воздействовать на поведение других людей и направлять его. Отговаривать, сдерживать и запрещать. Побуждать других поступать в соответствии со своими потребностями и чувствами, добиваться их сотрудничества. Убеждать других в своей правоте...

Действия (общие). Влиять, склонять, вести, убеждать, уговаривать направлять, регулировать, организовывать, руководить, управлять, надзирать. Подчинять, править, властвовать, поирать, диктовать условия. Судить, устанавливать законы, вводить нормы, составлять правила поведения, принимать решения, разрешать конфликты. Запрещать, ограничивать, оказывать сопротивление, отговаривать, наказывать, лишать

свободы, заключать в тюрьму. Очаровывать, покорять, заставляя других прислушиваться к себе, приобретать подражателей и последователей, устанавливая моду...» [...].

Этот перечень деятельности состоит только из действий власти и в заключение указывает на три из шести ее источников: нормативную власть, власть принуждения и наказания и власть эталона. Не рассматриваются обладание источниками власти, способности, моральность цели, страх последствий применения власти и предпочтение тех или иных мер.[...]

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: Т.1; Пер. с нем. / Под ред. Б. М. Величковского; Предисловие Л. И. Анциферовой, Б. М. Величковского. – М.: Педагогика, 1986. – 408 с. – С. 307-317.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы

1. Что такое власть?
2. Какие разновидности власти называет автор?
3. Что понимается под мотивацией власти?
4. Назовите источники власти.

Петр Штомпка

Власть как разновидность неравенства

Власть – это один из видов социального неравенства, однако среди различных форм неравенства, о которых мы говорили в предыдущей главе, она имеет особое значение. Она повторяется, как своего рода общий знаменатель, как в иерархических, так и в дихотомических неравенствах. Она присутствует не только в специфической сфере иерархии власти – на одном из уровней стратификации неравенства, но и во всех остальных видах стратификации. Таким образом, власть является результатом, а иногда может быть и источником имущественных привилегий; выступает как следствие высокого престижа, но и сама может служить основой обретения престижа; открывает доступ к образовательным шансам, но определенная форма власти («экспертная власть») сама обладает знанием; упрощает доступ к механизмам охраны здоровья, но некоторые формы власти сами дают людям здоровье, поддерживают хорошее физическое состояние. Власть имеет ключевое значение в отношениях между социальными классами, а также между социальными группами людей, разделенными по половому признаку, наконец, между этническими и расовыми группами большинства и меньшинства.

Американский социолог Питер Блау (Peter Blau) утверждает, что власть всегда зарождается в системе разноуровневых, неуравновешенных, лишенных взаимности, асимметричных отношений между людьми. Он относится к сторонникам рассмотренной нами выше теории, согласно которой все отношения между людьми сводятся к обмену какими-либо

благами или ценностями, необязательно материальными. И все дело в том, что к таким обменным сделкам партнеры уже с самого начала приступают, имея в своем распоряжении неравный капитал: существуют более богатые и более бедные, более мудрые и более глупые, более сильные и более слабые, более красивые и уродливые и т.д. Те, которые стартуют с худших позиций, могут оказаться не в состоянии оплатить те необходимые им ценности, блага, которые они могут получить от других людей. Но они всегда располагают своего рода «валютой», имеющей универсальное признание: речь идет о возможности их подчинения своим партнерам, о перспективе оказаться в их власти, о порабощении. Согласно Блау, мы позволяем партнеру установить над собой власть, подчиняемся ему, поддаемся этой власти: а) когда не можем заплатить за полученные от партнера ценности и услуги, не имеем возможностей для реванша; б) когда не можем найти альтернативного источника этих необходимых нам ценностей или услуг, иначе говоря, когда партнер имеет на них монополию; в) когда сами не можем обойтись без этих благ; г) когда не можем добиться этих ценностей или услуг силой. [...]

Обе стороны, вступающие в такие неравные отношения, располагают противоположными друг другу стратегиями действий. Тот, кто обладает властью, чтобы укрепить ее, должен: а) не принимать за свои ценности или услуги никакой иной платы, кроме подчинения своего партнера, то есть проявлять безразличие к любым попыткам отблагодарить его в иной «валюте»; б) монополизировать собственные блага (ценности, услуги), закрывая зависимым от него людям доступ к альтернативным источникам; в) укреплять с помощью соответствующих доктрин или пропаганды ощущение абсолютной необходимости людям тех ценностей и услуг, которые он предлагает; г) обезопасить себя от возможного бунта подчиненных его власти и зависимых людей на случай, если они вздумают силой отобрать то, что им нужно. Наоборот, тот, кто оказался в подчинении, чтобы вновь обрести независимость и свободу, должен: а) увеличивать запас таких стратегических ценностей, которые он может обменять на свободу, например средств, которые нужны, чтобы выкупить человека из неволи (в Индии несколько семей, оказавшихся в рабстве за долги, складывают свои средства, чтобы выкупить из неволи одну из семей; те обретя свободу и возможность работать уже за нормальную плату, копят деньги, чтобы вернуть долг и выкупить из рабства очередную семью из тех, что помогли ей обрести свободу, и т. д.); б) искать иные источники необходимых благ и услуг, то есть ликвидировать таким образом монополию партнера, обладающего властью (оказавшийся под властью своей возлюбленной молодой человек должен поискать других девушек, которые ему понравятся, а хозяин ресторана должен обратиться за помощью к профессиональной службе охраны); в) приучить себя к тому, чтобы отказываться от ценностей и услуг, за которые человек не в состоянии заплатить иначе, как потерей своей свободы, то есть

тренировать, воспитывать в себе своего рода аскезу, способную обеспечить его личную независимость; г) увеличивать собственную силу давления на партнера вплоть до возможности обретения необходимых ценностей и услуг посредством силы. [...]

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С. М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с. – С. 386-388.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Охарактеризуйте власть как вид социального неравенства
2. Дайте определение понятий: «субъект власти» и «объект власти»
3. Какие стратегии, по мнению П. Штомпки, должны избрать для себя, вступающие в неравные отношения стороны?

Тема 12. Философское осмысление человека, культуры и цивилизационных процессов

Эрнст Кассирер

Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры Определение человека в терминах культуры

Поворотным пунктом в греческой культуре и мышлении стал момент, когда Платон совершенно по-новому истолковал смысл афоризма «Познай самого себя». Это истолкование поставило проблему, которая не только была чужда мысли досократиков, но и выходила за рамки сократовского метода. Чтобы выполнить требование дельфийского оракула, Сократ должен был подойти к человеку как к индивидуальности. Платон признал ограниченность сократовского пути развития. Чтобы решить проблему, заявил он, мы должны вывести ее в более широкий план. Явления, с которыми мы сталкиваемся в нашем индивидуальном опыте, настолько разнообразны, сложны и противоречивы, что мы вряд ли в состоянии в них разобраться. Человека должно изучать не в его индивидуальной, а в политической и социальной жизни. Человеческая природа, согласно Платону, подобна сложному тексту, значение которого должно быть расшифровано философией. В нашем индивидуальном опыте этот текст написан столь мелкими буквами, что прочесть его невозможно. Первое дело философии – сделать эти буквы заметнее. Философия не может дать нам приемлемую теорию человека, покуда не будет построена теория государства. Природа человека заглавными буквами вписана в природу государства. И тогда неожиданно выявляется скрытое значение текста, и то, что казалось темным и запутанным, становится ясным и понятным.

Однако политическая жизнь – не единственная форма общественного существования человека. В истории человечества государство в его нынешней форме – довольно поздний продукт

цивилизации. Задолго до того, как человек открыл эту форму социальной организации, он предпринимал другие попытки организовать свои чувства, желания и мысли. Язык, миф, религия и искусство и есть способы такой организации и систематизации. Лишь на этой более широкой основе можно построить теорию человека. Государство, конечно, очень важно, но еще не все: оно не может выразить или впитать все другие виды человеческой деятельности. В своей исторической эволюции эти виды деятельности были тесно связаны с развитием государства, да и поныне они во многих отношениях зависят от форм политической жизни. Не обладая самостоятельным историческим существованием, они, тем не менее, имеют свои собственные значения и ценности.

Одним из первых, кто подошел к этой проблеме в современной философии и поставил ее ясно и последовательно, был Конт. Парадоксально, конечно, что нам в связи с этим приходится рассматривать позитивизм Конта как современную параллель Платоновой теории человека: ведь Конт, разумеется, никогда не был платоником. Он никогда не мог бы принять те логические и метафизические предпосылки, на которых основывалась платоновская теория идей. С другой стороны, однако, он был решительным противником взглядов французских «идеологов». В его иерархии человеческих познаний на высшей ступени находятся две новые науки: социальная этика и социальная динамика. Психологизм мыслителей своего поколения Конт оспаривает с социологических позиций. Одна из фундаментальных максим его философии состоит в том, что метод изучения человека, действительно, должен быть субъективным, но не может быть индивидуальным, ибо субъект, которого мы хотим познать, – не индивидуальное сознание, а универсальный субъект. Соотнося его с термином «человечество», мы убеждаемся в том, что не человечество должно быть объяснено через человека, а наоборот – человек через человечество. Проблема, следовательно, должна быть переформулирована и пересмотрена, т. е. должна быть поставлена на более широкую и прочную основу. Таковую основу мы усматриваем в социологической и исторической мысли. «Познать себя, – говорил Конт, – значит познать историю». Историческая психология отныне дополняет и вытесняет все предшествовавшие формы индивидуальной психологии. «Эти так называемые наблюдения над разумом, если рассматривать его в себе и a priori, – чистейшие иллюзии. Все, что мы называем логикой, метафизикой, идеологией, – пустая фантазия и мечта, если не абсурд».

В «Курсе позитивной философии» Конта можно шаг за шагом проследить изменения методологических идеалов XIX в. Конт начинал как чистый ученый, его интересы были целиком направлены на математические, физические и химические проблемы. Ступени в построенной им иерархии человеческого знания вели от астрономии через математику, физику и химию к биологии. Затем произошло нечто вроде

внезапного переворота. Подходя к человеческому миру, мы обнаруживаем, что принципы математики или естествознания становятся недостаточными, хотя и не теряют своего значения. Социальные явления подчинены тем же самым правилам, что и физические, однако имеют свою специфику и отличаются гораздо большей сложностью. Они не могут быть описаны в терминах физики, химии или биологии. «Во всех социальных явлениях, – писал Конт, – мы отмечаем действие физиологических законов применительно к индивиду, а кроме того, фиксируем нечто такое, что изменяет их действие и принадлежит сфере влияния индивидов друг на друга. В человеческой расе это влияние чрезвычайно усложнено воздействием одного поколения на другие. Ясно, таким образом, что наша социальная наука должна исходить из того, что относится к жизни индивида. С другой стороны, нет оснований полагать, как это делают некоторые психологи, что социальная физика – это только прикладная физиология. Явления этих двух областей не тождественны, хотя и однородны, но именно потому и важно не смешивать одну науку с другой. Поскольку социальные условия изменяют действие физиологических законов, социальная физика должна иметь собственный предмет наблюдений».

Ученики и последователи Конта не были, однако, склонны принимать это различие. Они отрицали различие между физиологией и социологией, опасаясь возврата к метафизическому дуализму. Сами они надеялись построить чисто натуралистическую теорию социального и культурного мира. Для достижения этой цели они и требовали низвергнуть и уничтожить все барьеры, разделявшие человеческий и животный мир. Теория эволюции, очевидно, должна была стереть все эти различия. Еще до Дарвина прогресс естественной истории разрушил все попытки провести такую дифференциацию. На самых ранних стадиях эмпирических наблюдений еще можно было надеяться отыскать в конце концов анатомические черты, отличающие человека. Даже и позднее, в XVIII в., господствовала теория, согласно которой между анатомическим строением человека и других животных существует заметное различие, а в некоторых отношениях и резкий контраст. Одной из огромных заслуг Гёте в области сравнительной анатомии как раз и была решительная борьба с этой теорией. Требовалось доказать такую однородность строения не только применительно к анатомии и физиологии, но также и к ментальной структуре человека. С этой целью все атаки на старый способ мышления должны были сосредоточиться на одном пункте: нужно было доказать, что то, что мы называем умом человека, не есть некая самообуславливаемая, изначальная способность. Сторонники натуралистических теорий должны были в поисках доказательств обращаться к принципам психологии, установленным старыми школами сенсуализма. Тэн в своей работе об уме и познании человека строил общую теорию человеческой культуры на психологической основе. Согласно Тэну, то, что мы называем «разумным

поведением», – это не особый принцип или привилегия человеческой природы: это лишь усовершенствованное и усложненное использование того же самого ассоциативного механизма и автоматизма, которые характеризуют любую реакцию животных. Если принять такое объяснение, различие между мышлением и инстинктом окажется несущественным: оно будет всего лишь различием в степени, а не в качестве. Сам термин «мышление» становится в таком случае бесполезным и бессмысленным для науки.

Однако еще более удивительной и парадоксальной чертой теорий подобного типа оказывается резкий контраст между тем, что эти теории сулят, и тем, что они действительно дают. Мыслители, создававшие эти теории, были очень строги в отношении своих методологических принципов. Они не допускали возможности говорить о человеческой природе в терминах нашего обыденного опыта, ибо стремились к гораздо более высокому идеалу – идеалу абсолютной научной точности. Однако сравнение этих стандартов с результатами не может не породить большого разочарования. «Инстинкт» – термин очень расплывчатый. Он мог иметь кое-какую описательную, но уж никак не объяснительную ценность. Сводя некоторые классы явлений органической или человеческой жизни к неким основным инстинктам, мы еще не отыскивали новую причину, но лишь ввели новое слово. Сам вопрос остался без ответа. Термин «инстинкт» дает нам в лучшем случае *idem per idem*, и по большей части это *obscurum per obscurius*. Даже при описании поведения животных многие современные биологи и психобиологии относятся к этому термину с настороженностью, предостерегая нас от заблуждений, нерасторжимо с ним связанных. Они пытались избежать или отказаться от «плодящего ошибки понятия инстинкта и упрощенного понятия интеллекта». В одной из своих недавних публикаций Роберт М.Йеркс заявил, что термины «инстинкт» и «интеллект» старомодны и что понятия, для которых они установлены, к сожалению, и сами нуждаются в переопределении. Но в области антропологической философии мы явно еще очень далеки от такого переопределения. Здесь эти термины нередко используются весьма наивно и без какого-либо критического анализа. Подобное употребление понятия “инстинкт” становится примером той типичной методологической ошибки, которая была описана Уильямом Джеймсом как «заблуждение психолога». Слово «инстинкт», которое может быть использовано для описания поведения человека или животного, гипостазируется, превращаясь в нечто вроде естественной силы. Любопытно, что эту ошибку часто совершали мыслители, во всех других отношениях надежно защищенные от рецидивов схоластического реализма или “психологии способностей”. Ясная и выразительная критика такого образа мыслей содержится в работе Джона Дьюи «Human Nature and Conduct» (Природа и поведение человека). «Ненаучно пытаться, – писал Дьюи, – ограничивать виды первоначальной деятельности определенным числом точно обозначенных классов

инстинктов. Вредны и практические результаты подобных попыток. Классификация, действительно, полезна в той мере, в какой она естественна. Неопределенное множество частных и изменчивых событий наш ум соединяет с помощью актов определения, инвентаризации, исчисления, сведения к общим рубрикам и объединения в группы... Однако, утверждая, что наши перечни и группы представляют неизменные подразделения и объединения в самой природе (*in rebus natura*), мы скорее препятствуем, нежели помогаем нашему взаимодействию с вещами. Мы грешим самонадеянностью, и природа наказывает нас очень быстро. Мы не можем действовать эффективно с точностью и новизной, присущими природе и жизни... Тенденция забыть, что такое подразделение и классификация, и считать их признаками вещей в себе – это наиболее распространенное заблуждение, связанное со специализацией в науке. ...Такая установка, получившая распространение сначала в физике, определяет ныне и теоретические размышления о человеческой природе. Человек был растворен в определенном наборе первичных инстинктов, которые можно было исчислить, каталогизировать и исчерпывающе описать один за другим. Теоретики отличались друг от друга исключительно или главным образом ответом на вопрос, сколько этих инстинктов и как именно они соотносятся друг с другом. Некоторые говорят об одном – себялюбии, другие о двух – эгоизме и альтруизме, третьи о трех – алчности, страхе и стремлении к славе, тогда как исследователи эмпирической ориентации насчитывают ныне до пятидесяти-шестидесяти таких инстинктов. В действительности, однако, существует очень много специфических реакций на различные условия-стимулы, равно как и самих этих условий, так что наш перечень – это всего лишь удобная классификация».

После этого короткого обзора различных методов, которые до сих пор использовались для ответа на вопрос, что такое человек, мы переходим к нашей главной проблеме. Достаточны ли эти методы? Можно ли считать их исчерпывающими? Или все же существуют и иные подходы к антропологической философии? Есть ли помимо психологической интроспекции другой возможный способ биологического наблюдения и эксперимента, а также исторического исследования? Открытием такого альтернативного подхода была, я думаю, моя «Философия символических форм». Метод в этой работе, конечно, не отличается радикальной новизной. Он не отменяет, а лишь дополняет предшествующие точки зрения. Философия символических форм исходит из предпосылки, согласно которой если существует какое-то определение природы или «сущности» человека, то это определение может быть понято только как функциональное, а не субстанциональное. Мы не можем определить человека с помощью какого бы то ни было внутреннего принципа, который устанавливал бы метафизическую сущность человека; не можем мы и определять его, обращаясь к его врожденным способностям или

инстинктам, удостоверяемым эмпирическим наблюдением. Самая главная характеристика человека, его отличительный признак – это не метафизическая или физическая природа, а его деятельность. Именно труд, система видов деятельности определяет область «человечности». Язык, миф, религия, искусство, наука, история суть составные части, различные секторы этого круга. «Философия человека» есть, следовательно, такая философия, которая должна прояснить для нас фундаментальные структуры каждого из этих видов человеческой деятельности и в то же время дать возможность понять ее как органическое целое. Язык, искусство, миф, религия – это не случайные, изолированные творения, они связаны общими узами. Но узлы эти не *vinculum substantiale* (субстанциальные узлы), как они были поняты и описаны схоластической мыслью; это скорее *vinculum functionale* (функциональные узлы). Именно эту основную функцию речи, мифа, искусства, религии мы и должны искать за их бесчисленными формами и выражениями; именно такой анализ в конечном счете должен обнаружить их общий источник.

Очевидно, что при осуществлении этой задачи мы не должны пренебрегать никакими из возможных источников информации. Мы должны исследовать все наличные опытные данные, использовать все методы интроспекции, биологического наблюдения и исторического исследования. Не следует устранять эти привычные методы: их нужно соотнести с новым интеллектуальным центром и, следовательно, рассмотреть под новым углом зрения. Описывая структуру языка, мифа, религии, искусства и науки, мы ощущаем постоянную потребность в психологической терминологии. Мы говорим о религиозных «чувствах», художественном или мифологическом «воображении», логическом или рациональном мышлении. И мы не можем войти во все эти миры без надежного психологического метода. Ценный ключ к изучению общего развития человеческой речи дает нам детская психология. Еще большей ценностью обладает изучение общей социологии. Без рассмотрения форм первобытного общества мы не сможем понять формы первобытного мышления. Еще более насущным оказывается использование исторических методов. Вопросы о том, что такое язык, миф и религия, не могут быть разрешены без глубокого изучения их исторического развития.

Однако даже если можно было бы дать ответ на все эти психологические, социологические и исторические вопросы, мы все-таки должны были бы оставаться на территории собственно «человеческого» мира, не переступая его порог. Все творения человека порождаются при особых исторических и социологических условиях. Но мы были бы не в состоянии понять эти особые условия, если бы не были способны схватить общие структурные принципы, которым подчиняется человеческая творческая деятельность. При изучении языка, искусства, мифа проблема значения имеет преимущество перед проблемой исторического развития. Вот здесь-то как раз мы и можем воочию увидеть процесс непрерывных

постепенных изменений методологических понятий и идеалов эмпирической науки. Например, в лингвистике в течение долгого времени господствовала концепция, превратившаяся в догму, согласно которой история языка охватывает собой все поле лингвистических исследований. Эта догма наложила свой отпечаток на все развитие лингвистики XIX в. В наши дни, однако, этот односторонний подход был окончательно преодолен.

Необходимость независимых методов описательного анализа общепризнана. Нельзя надеяться оценить глубину какой-либо отдельной области человеческой культуры, не прибегая при такой оценке к описательному анализу. Такой структурный взгляд на культуру должен предшествовать чисто исторической точке зрения.

История сама исчезает в огромной массе бессвязных фактов, если нет общей структурной схемы, с помощью которой можно классифицировать, упорядочивать и организовывать эти факты. В области истории искусств такая схема была построена, например, Генрихом Вёльфлином. Согласно Вёльфлину, историк искусства не может охарактеризовать искусство различных эпох или различных художников, если он не владеет некоторыми основополагающими категориями художественного описания. Он находит эти категории, исследуя и анализируя различные способы и возможности художественного выражения. Эти возможности не безграничны – фактически они могут быть сведены к небольшому числу. Именно с этой точки зрения Вёльфлин дал свое знаменитое описание классицизма и барокко. Термины «классика» и «барокко» используют отнюдь не в качестве названия определенных исторических фаз. Их задача – описать некоторые общие структурные образцы, не ограниченные определенной эпохой. «Вовсе не искусство XVI-XVII вв., – говорил в «Принципах истории искусства» Вёльфлин, – было предметом анализа, но лишь схема, а также визуальные и творческие возможности искусства в обоих случаях. Иллюстрируя это, мы должны были, естественно, обращаться к отдельным произведениям искусства, но все, что говорилось о Рафаэле и Тициане, о Рембрандте и Веласкесе, имело целью освещение общего хода вещей... Все преходящее, и трудно спорить с человеком, который рассматривает историю как бесконечный поток. С нашей точки зрения, интеллектуальное самосохранение требует сводить бесконечность событий к немногочисленным их результатам».

Если уж лингвисту и историку искусства для их «интеллектуального самосохранения» нужны фундаментальные структурные категории, то тем более необходимы такие категории для философского описания человеческой цивилизации. Философия не может довольствоваться анализом индивидуальных форм человеческой культуры. Она стремится к универсальной синтетической точке зрения, включающей все индивидуальные формы. Но не невозможность ли, не химера ли – такая всеохватная точка зрения? В человеческом опыте мы не находим тех

различных форм деятельности, из которых складывается гармония мира культуры. Наоборот, мы находим здесь постоянную борьбу различных противоборствующих сил. Научное мышление противостоит мифологической мысли и подавляет ее. Религия в своем высшем теоретическом и этическом развитии стоит перед необходимостью защищать чистоту своего идеала от причудливых фантазий мифа или искусства. Таким образом, единство и гармония человеческой культуры предоставляются не более чем *primum desiderium* – благими пожеланиями, постоянно разрушаемыми реальным ходом событий.

Здесь, однако, необходимо четко разграничить материальную и формальную точки зрения. Несомненно, что человеческую культуру образуют различные виды деятельности, которые развиваются различными путями, преследуя различные цели. Если мы сами довольствуемся созерцанием результатов этих видов деятельности, – мифами, религиозными ритуалами или верованиями, произведениями искусства, научными теориями, – то привести их к общему знаменателю оказывается невозможно, философский синтез, однако, означает нечто иное. Здесь мы видим не единство следствий, а единство действий; не единство продуктов, а единство творческого процесса. Если термин «человечество» вообще что-то означает, то он означает, по крайней мере, что вопреки всем различиям и противоположностям разнообразных форм всякая деятельность направлена к единой цели. В конечном счете должна быть найдена общая черта, характерная особенность, посредством которой все эти формы согласуются и гармонизируются. Если мы сможем определить эту особенность, расходящиеся лучи сойдутся, соединятся в мыслительном фокусе. Мы подчеркнули уже, что такая организация фактов человеческой культуры осуществляется в отдельных науках – в лингвистике, сравнительном изучении мифов и религий, в истории искусства. Все эти науки стремятся исходить из некоторых принципов, из определенных «категорий», с помощью которых явления религии, искусства, языка систематизируются, упорядочиваются. Философии не с чего было бы начать, если бы не этот первоначальный синтез, достигаемый самими науками. Но в свою очередь философия не может этим довольствоваться: она должна стремиться к достижению гораздо больших конденсации и централизации. В безграничном множестве и разнообразии мифических образов, религиозных учений, языковых форм, произведений искусства философская мысль раскрывает единство общей функции, которая объединяет эти творения. Миф, религия, искусство, язык и даже наука выглядят теперь как множество вариаций на одну тему, а задача философии состоит в том, чтобы заставить нас услышать и понять ее.

Кассирер Эрнст Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 784 с. (Лики культуры). – С. 514-524.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на

следующие вопросы:

1. Как бы Вы истолковали фразу «Познай самого себя»?
2. Что такое инстинкт?
3. Раскройте вклад О.Конта в развитие социальной мысли

Зигмунд Фрейд

«Я» и «Оно»

[...] Разделение психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа и дает ему одному возможность понять в такой же мере частые, как и важные патологические процессы психической жизни и причислить их к научным явлениям. Повторяю еще раз другими словами: психоанализ не может считать сознательное сутью психики, а должен смотреть на сознание как на качество психики, которое может присоединиться к другим качествам или может отсутствовать.

I. Сознание и Бессознательное

[...] «Быть сознательным» есть чисто описательный термин, ссылающийся на наиболее непосредственные и наиболее надежные восприятия. Но дальше опыт показывает нам, что психический элемент, например, представление, обычно не осознается длительно. Напротив, характерно то, что состояние осознанности быстро проходит; осознанное сейчас представление в следующий момент делается неосознанным, но при известных легко осуществимых условиях может снова вернуться в сознание. И мы не знаем, чем оно было в промежутках; мы можем сказать, что оно было латентно, и подразумеваем под этим, что оно в любой момент было способно быть осознанным. Но и в этом случае, если мы скажем, что оно было бессознательным, мы даем правильное описание. Это бессознательное совпадает тогда с латентной способностью к осознанию. Правда, философы нам возразили бы: нет, термин – бессознательное – здесь неприменим; пока представление было в состоянии латентности, он вообще и не был ничем психическим. Если бы мы уже тут начали им возражать, то завязался бы спор, который бы никакой пользы не принес. [...]

Таким образом, мы приобретаем наше понятие о бессознательном из учения о вытеснении. Вытесненное является для нас примером бессознательного; мы видим, однако, что есть два вида бессознательного: латентное, но способное к осознанию, и вытесненное – само по себе и без дальнейшего неспособное для осознания. [...]

[...] мы создали себе представление о связанной организации психических процессов в личности и называем эту организацию «Я» личности. К этому «Я» прикреплено сознание, оно владеет подступами к мотилитетности, т.е. к разрядке раздражений во внешний мир. Это та психическая инстанция, которая производит контроль над всеми своими частичными процессами; ночью она засыпает, но и тогда все еще управляет цензурой сновидений. От этого «Я» исходят и вытеснения, при

помощи которых известные психические стремления должны быть исключены не только из сознания, но и из других видов значимости и действительности. Все это, устраненное вытеснением, в анализе противостоит «Я», а анализу ставится задача – уничтожить сопротивление, которое «Я» проявляет к вниманию, уделяемому анализом вытесненному. [...] В самом «Я» мы нашли что-то, что тоже бессознательно и проявляет себя точно так, как и вытесненное, т. е. оно сильно воздействует, не будучи сознательным; – для того, чтобы сделать его сознательным, нужна особая работа. [...] Мы видим, что БСЗ не совпадает с вытесненным. Правильно, что все вытесненное – БСЗ, но, в то же время, и не все БСЗ вытеснено. Так же и часть «Я» (один Бог знает, какая важная часть!) может быть БСЗ и, несомненно, и есть БСЗ. И это БСЗ не латентно в духе ПСЗ, иначе его нельзя было бы активизировать, не делая СЗ, и доведение его до осознанности не представляло бы таких больших затруднений. [...]

II. Я и Оно

[...] С тех пор, как мы знаем, что и «Я» может быть бессознательным в собственном смысле слова, нам хотелось бы узнать о нем больше. До сих пор в наших исследованиях единственным опорным пунктом был признак сознательности или бессознательности; и, наконец, мы увидели, насколько это может быть многозначным.

Все наше знание всегда связано с сознанием. Ведь и БСЗ мы можем узнать только путем того, что делаем его сознательным. Но как же это возможно? Что значит «сделать что-то сознательным»? Как это происходит?

[...] Мы сказали, что сознание является поверхностью психического аппарата, т. е. мы приписали его в качестве функции одной системы, которая пространственно ближе всего внешнему миру. [...]

[...] СЗ – все восприятия, приходящие извне (чувственные восприятия), и изнутри – то, что мы называем ощущениями и чувствами. Но как обстоит дело с теми внутренними процессами, которые мы – вчерне и неточно – можем обобщить как мыслительные процессы? Они протекают где-то в глубине аппарата в виде смещений психической энергии по пути к действию, но доходят ли они до поверхности, которая дает возникнуть сознанию? Или сознание доходит до них? [...]

[...] Вопрос – как что-то осознается? – целесообразнее выражен следующим образом: как что-то предсознается? И ответ был бы: путем связи с соответствующими словесными представлениями.

Эти словесные представления являются остатками воспоминаний – когда-то они были восприятиями и, как все остатки воспоминаний, могут быть снова осознаны. Но прежде, чем продолжать говорить о их природе, выскажем новое, появившееся у нас представление: сознательным может стать только то, что когда-то уже было СЗ восприятием и что, помимо чувств изнутри, хочет стать сознательным; оно должно сделать попытку превратиться во внешние восприятия. Это делается возможным при

помощи следов воспоминаний.

[...] В то время, как отношение внешнего восприятия к «Я» совершенно явно, отношение внутреннего восприятия к «Я» требует особого исследования. [...]

Внутреннее восприятие дает ощущение процессов из различнейших, конечно, и самых глубоких слоев психического аппарата. Они малоизвестны – их лучшим примером может еще послужить ряд наслаждение – неудовольствие. Они непосредственнее и элементарнее, чем восприятия, идущие извне, и могут возникнуть и в состоянии смутного сознания. [...] Эти ощущения [...] могут приходиться одновременно из разных мест и при этом могут иметь различные и даже противоположные качества.

[...] Теперь полностью выясняется роль словесных представлений. При их посредстве внутренние мыслительные процессы становятся восприятиями. Кажется, будто доказывається положение: всезнание исходит из внешнего восприятия. При перегрузке мышления мысли, действительно, воспринимаются как бы извне и поэтому считаются верными.

[...] будет очень полезно последовать за мыслями автора, который тщетно, из личных мотивов, уверяет, что не имеет ничего общего со строгой высокой наукой. Я имею в виду Г. Гроддека, постоянно подчеркивающего, что то, что мы называем нашим «Я», в основном ведет себя в жизни пассивно, и что нас, по его выражению, «изживают» незнакомые, не поддающиеся подчинению силы. У нас – впечатления те же, хотя они и не подчинили нас себе настолько, чтобы мы исключили все остальное; мы готовы предоставить выводам Гроддека надлежащее место в архитектуре науки. Предлагаю отдать должное его идеям следующим образом: назовем «Я» существо [...]; все остальное психическое, в котором оно себя продолжает и которое проявляется как БСЗ, назовем по обозначению Гроддека «Оно».

[...] Теперь индивид для нас – психическое «Оно» неузнанное и бессознательное, на котором поверхностно покоится «Я», развитое из системы В как ядра. Если изобразить это графически, то следует прибавить, что «Я» не целиком охватывает «Оно», а только постольку, поскольку система В образует его поверхность, т. е. примерно так; как пластинка зародыша покоится на яйце. «Я» не четко отделено от «Оно», книзу оно с ним сливается.

Но и вытесненное сливается с «Оно» – оно является лишь его частью. Вытесненное только от «Я» резко отграничено сопротивлениями вытеснения; при помощи «Оно» оно может с ним сообщаться. Мы тотчас распознаем, что все подразделения, описанные нами по почину патологии, относятся к только нам и известным поверхностным слоям психического аппарата. Эти соотношения мы могли бы представить в виде рисунка, контуры которого, конечно, только и представляют собой изображение и

не должны претендовать на особое истолкование.

Прибавим еще, что «Я» имеет «слуховой колпак», причем – по свидетельству анатомов – только на одной стороне. Он, так сказать, криво надет на «Я». Легко убедиться в том, что «Я» является измененной частью «Оно». [...] «Я» – до известной степени продолжение дифференциации поверхности. Оно стремится также применить на деле влияние внешнего мира и его намерений и старается принцип наслаждения, неограниченно царящий в «Оно», заменить принципом реальности. Восприятие для «Я» играет ту роль, какую в «Оно» занимает инстинкт. «Я» репрезентирует то, что можно назвать рассудком и осмотрительностью. «Оно», напротив, содержит страсти. Все это совпадает с общественными популярными делениями, но его следует понимать лишь как среднее – или в идеале правильное.

Функциональная важность «Я» выражается в том, что в нормальных случаях оно владеет подступами к подвижности. В своем отношении к «Оно» оно похоже на всадника, который должен обуздать превосходящего его по силе коня; разница в том, что всадник пытается сделать это собственными силами, а «Я» – заимствованными. Если всадник не хочет расстаться с конем, то ему не остается ничего другого, как вести коня туда, куда конь хочет; так и «Я» превращает волю «Оно» в действие, как будто бы это была его собственная воля.

[...] «Я», прежде всего, – телесно; оно не только поверхностное существо, но и само – проекция поверхности. [...]

Отношение «Я» к сознанию разбиралось неоднократно, но здесь следует заново описать некоторые важные факты. Мы привыкли везде применять точку зрения социальной и этической оценки и поэтому не удивимся, если услышим, что деятельность низших страстей протекает в бессознательном; но мы ожидаем, что психические функции получают доступ к сознанию тем легче, чем выше они оцениваются с этой точки зрения. Но здесь нас разочаруют данные психоаналитического опыта. С одной стороны, у нас есть доказательства, что даже тонкая и трудная интеллектуальная работа, обычно, требующая напряженного размышления, может совершаться и бессознательно – не доходя до сознания. Эти факты несомненны; они случаются, например, в период сна и выражаются в том, что известное лицо непосредственно после пробуждения знает ответ на трудную математическую или другую проблему, над решением которой оно напрасно трудилось днем раньше.

Но гораздо более смущают нас другие данные нашего ответа: из наших анализов мы узнаем, что есть лица, у которых самокритика и совесть, т. е. психическая работа с безусловно высокой оценкой, являются бессознательными и, будучи бессознательными, производят чрезвычайно важное воздействие; таким образом, продолжающаяся бессознательность сопротивления при анализе отнюдь не единственная ситуация такого рода. Но новый опыт, несмотря на наше лучшее критическое понимание

заставляющий нас говорить о бессознательном чувстве вины, смущает нас гораздо больше и ставит нас перед новыми загадками, особенно когда мы постепенно начинаем догадываться, что такое бессознательное чувство вины экономически играет решающую роль в большом числе невротизмов и сильнейшим образом препятствует излечению. Если вернуться к нашей шкале ценностей, то мы должны сказать: в «Я не только самое глубокое, но и самое высокое может быть бессознательным. Кажется, будто нам таким способом демонстрируется то, что мы раньше высказали о сознательном „Я“, а именно: что оно, прежде всего, „телесное Я“.

III. «Я» и «Сверх-Я». («Идеал Я»)

Если бы «Я» было только частью «Оно», модифицированным влиянием системы восприятий – представителем реального внешнего мира в психике, то мы имели бы дело с простым положением вещей. [...]

Мотивы, побудившие нас предположить в «Я» еще одну ступень – дифференциацию внутри самого «Я» – назвать эту ступень «Идеалом Я» или «Сверх-Я», разъяснены в других местах. [...] эта часть «Я» имеет менее тесное отношение к сознанию.

[...] «Сверх-Я» – не просто осадок первых выборов объекта, производимых «Оно»; «Сверх-Я» имеет и значение энергичного образования реакций против них. Его отношение к «Я» не исчерпывается напоминанием – таким (как отец) ты должен быть, но включает и запрет: таким (как отец) ты не имеешь права быть, ты не можешь делать все, что делает он, на многое только он имеет право. Это двойное лицо «Идеала Я» проистекает из факта, что «Идеалу Я» пришлось трудиться над вытеснением Эдипова комплекса, более того, что само оно и возникло даже в результате этого перелома. Вытеснение Эдипова комплекса было, очевидно, нелегкой задачей. Так как родители, особенно отец, признаются препятствием для осуществления Эдиповых желаний, то инфантильное «Я» укрепило для этой работы вытеснения, создав это же самое препятствие. Оно в некотором роде заимствовало для этого силу от отца, и это заимствование есть акт с исключительно серьезными последствиями. «Сверх-Я» сохранит характер отца, и чем сильнее был Эдипов комплекс, чем быстрее (под влиянием авторитета, религиозного учения, обучения и чтения) произошло его вытеснение, тем строже «Сверх-Я» будет позже царить над «Я» как совесть, может быть, как бессознательное чувство вины. [...]

[...] А теперь, когда мы осмеливаемся приступить к анализу «Я», мы можем давать следующий ответ всем тем, кто был поколеблен в своем этическом сознании и жаловался, что ведь должно же быть в человеке высшее существо – мы отвечаем: конечно, и вот это и есть высшее существо – это «Идеал Я» или «Сверх-Я» – репрезентация нашего отношения к родителям. Мы знали эти высшие существа, когда были маленькими детьми, мы ими восхищались и их боялись, а позднее восприняли их в себя.

Таким образом, «Идеал Я» является наследием Эдипова комплекса и, следовательно, выражением наиболее мощных движений и наиболее важных судеб либидо в «Оно». Вследствие установления «Идеала Я», «Я» овладело Эдиповым комплексом и одновременно само себя подчинило «Оно». В то время, как «Я», в основном, является представителем внешнего мира, реальности, – «Сверх-Я» противостоит ему как поверенный внутреннего мира, мира «Оно». Мы теперь подготовлены к тому, что конфликты между «Я» и идеалом будут, в конечном итоге, отражать противоположность реального и психического, внешнего мира и мира внутреннего.

То, что биология и судьбы человеческого вида создали и оставили в «Оно», путем образования идеала передается в «Я» и вновь индивидуально в нем переживается. «Идеал Я», вследствие истории своего образования, имеет самую обширную связь с филогенетическим приобретением, – архаическим наследием отдельного человека. То, что в отдельной психической жизни было самым глубоким, становится путем создания идеала наивысшим в человеческой душе, соответственно нашей шкале оценок. Было бы напрасным трудом хотя бы приблизительно локализовать «Идеал Я» так, как мы локализуем «Я», или же поместить его в одно из тех сравнений, какими мы пытались изобразить отношения «Я» и «Оно».

Легко показать, что «Идеал Я» удовлетворяет всем требованиям, которые предъявляются к высшему существу в человеке. Как замену тоски по отцу, он содержит зародыш, из которого образовались все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении «Я» с его идеалом вызывает смиренное религиозное ощущение, на которое ссылается исполненный страстью томления верующий. В дальнейшем ходе развития учителя и авторитеты продолжали роль отца; их заповеди и запреты остались действительно мощными в «Идеале Я» и выполняют теперь в виде совести моральную цензуру. Напряжение между требованиями совести и достижениями «Я» ощущается как чувство вины. Социальные чувства основываются на идентификации себя с другими – на почве одинакового «Идеала Я».

Религия, мораль и социальное чувство – эти главные содержания высшего в человеке – первоначально составляли одно целое. По гипотезе, изложенной в «Тотем и табу», они филогенетически приобретались в отцовском комплексе; религия и моральное ограничение – путем преодоления прямого Эдипова комплекса; социальные же чувства вышли из необходимости побороть соперничество, оставшееся между членами молодого поколения. [...]

Наличие дифференциации на «Я» и «Оно» мы должны признать не только у примитивных людей, но и у гораздо более простых живых существ, так как эта дифференциация является необходимым выражением влияния внешнего мира. Мы предположили, что «Сверх-Я» возникло

именно из тех переживаний, которые вели к тотемизму. Вопрос о том, кто приобрел эти знания и достижения – «Я» или «Оно» – вскоре отпадает сам собой. Дальнейшее соображение говорит нам, что «Оно» не может пережить или испытать внешнюю судьбу кроме как через «Я», которое заменяет для него внешний мир. Но о прямом наследовании в «Я» все же нельзя говорить. Здесь раскрывается пропасть между реальным индивидом и понятием вида. Нельзя также слишком неэластично относиться к разнице между «Я» и «Оно»: нельзя забывать, что «Я» является особенно дифференцированной частью «Оно». Переживания «Я» кажутся сначала потерянными для наследования, но если они часто и достаточно сильно повторяются у многих следующих друг за другом поколений индивидов, то они, так сказать, превращаются в переживания «Оно», впечатления которых закрепляются путем наследования. Таким образом наследственное «Оно» вмещает в себе остатки бесчисленных жизней «Я», и когда «Я» черпает свое «Сверх-Я» из «Оно», то оно, может быть, лишь восстанавливает более старые образы «Я», осуществляет их воскрешение.

История возникновения «Сверх-Я» делает понятным, что ранние конфликты «Я» с объектными нагрузками «Оно» могут продолжаться в виде конфликтов с их наследником – «Сверх-Я». Если «Я» плохо удастся преодоление Эдипова комплекса, то его нагрузка энергией, идущая от «Оно», вновь проявится в образовании реакций «Идеала Я». Обширная коммуникация этого идеала с этими БСЗ первичными позывами разрешит ту загадку, что сам идеал может большей частью оставаться неосознанным, для «Я» недоступным. Борьба, бушевавшая в более глубоких слоях и не прекратившаяся путем быстрой сублимации и идентификации, как на каульбаховской картине битвы гуннов, продолжается в сфере более высокой.

IV. Два вида первичных позывов

Мы уже сказали, что если наше деление психического существа на «Оно», «Я» и «Сверх-Я» означает шаг вперед в нашем представлении об этом психическом существе, то это деление должно оказаться также и средством для более глубокого понимания и лучшего описания динамических соотношений психической жизни. Нам ясно и то, что «Я» находится под особым влиянием восприятий и вчерне можно сказать, что для «Я» восприятия имеют то же значение, как инстинкты для «Оно». При этом «Я» подчиняется действию инстинктов так же, как «Оно»; «Я» ведь является лишь особо модифицированной частью «Оно».[...]

Фрейд З. «Я» и «Оно» // Фрейд, З. «Я» и «Оно» [Текст] : тр. разных лет : пер. с нем. : [в 2 кн.] / Зигмунд Фрейд. – Тбилиси : Мерани, 1991. Кн. 1 / [предисл.: Б. Р. Нанейшвили, Г. Б. Нанейшвили ; сост. А. Григораишвили]. – 1991. – 396, [2] с. – С. 351-392.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое сублимация?
2. Дайте определение сознанию и бессознательному
3. Раскройте структуру личности по З.Фрейду

Петр Штомпка

Социальное изменение как травма

[...] Представление о травме: расширение метафоры

Фокус внимания на проблеме исследования сразу наталкивается на метафору «травма». В медицине травма обозначает неожиданное воздействие на организм и его отношения с окружением при длительных деструктивных влияниях. В психиатрии это длительное деструктивное влияние на личность, результатом чего являются умственные, эмоциональные нарушения. Имеет смысл отнести термин и к социальной сфере с деструктивным воздействием на социальное тело. В таком контексте травма подразумевает определенную патологию агентства. В свете теории социального становления под этим следует понимать сложный, искусственный вид человеческой коллективности, дающий возможность его творческой самотрансформации. Здесь патологическое состояние проявляется при определенных структурных и культурных обстоятельствах («благоприятный контекст»). Оно вызвано специфическими формами прошлого социального изменения («травмирующие события»). Явление, обозначенное как травма, вызывает ответные реакции («совладание – coping – с травмой»), основанные на способности агентства к дальнейшему социальному изменению. Это предварительное определение травмы как динамично развивающегося процесса. Назовем его «травматической последовательностью» (traumatic sequence).[...]

В моей интерпретации анализ этой последовательности разбит на шесть стадий:

1. Структурное и культурное прошлое – среда, благоприятствующая возникновению травмы. Смелзер использует термин «структурная благоприятность»;
2. Травматические события или ситуации (у Смелзера – «структурное напряжение»);
3. Особые способы определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий посредством фонда унаследованных культурных ресурсов (у Смелзера – «обобщенные представления»);
4. Травматические симптомы, то есть определенные схемы поведения и представлений (всеми разделяемые образцы поведения, общепринятые мнения);
5. Посттравматическая адаптация («социальный контроль» Смелзера);
6. Преодоление травмы - завершающая фаза или начало нового цикла травматической последовательности, если смягченная травма несет за собой благоприятные структурные и культурные условия для проявления

нового вида травмы.

Кратко поясним каждый из этих компонентов (фаз).

Благоприятные структурные и культурные предпосылки

Готовность к травме возникает, когда появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом. Нас особенно будут интересовать раздвоение, раскол, противоречивость, конфликт внутри культуры, возникающие быстро и неожиданно и охватывающие ключевые компоненты культуры, - ценности, верования, нормы общества.

Потенциально травматические ситуации (события)

Травматическая ситуация (событие) может быть определена как состояние напряжения, связанное с конкретными социальными изменениями. Социальное изменение, связанное с травматическими событиями, имеет, четыре характеристики, 1. Оно обладает временной характеристикой в виде неожиданности и быстроты. 2. Оно обладает определенным содержанием и размахом – радикальное, глубокое, всестороннее, затрагивающее основы, 3. У него есть истоки – воспринимается как экзогенное, пришедшее извне, как нечто, на что мы сами не влияли, а если и влияли, то неосознанно (мы «страдаем» от травм, травмы «происходят с нами», мы «сталкиваемся» с травмами). 4. Оно воспринимается в определенном мыслительном контексте - как нетто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее.

Попытаемся дать примерный список социальных изменений различной величины и значимости, отвечающих данному описанию и, следовательно, потенциально могущих вызывать травматические события или ситуации

- революция (удавшаяся или нет), государственный переворот, уличные бунты;
- крах рынка, кризис фондовой биржи;
- радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т.п.)
- иностранная оккупация, колониальное завоевание;
- принудительная миграция или депортация;
- геноцид, истребление, массовые убийства;
- акты терроризма и насилия;
- религиозная реформация, новое религиозное пророчество;
- убийство президента, отставка высшего должностного лица;
- разоблачение коррупции, правительственный скандал;
- открытие секретных архивов и правды о прошлом;
- ревизия героических традиций нации;

- крах империи, проигранная война.

Травматические события вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления. Конечно, это лишь некоторые возможные социальные изменения, способные вызвать травмы. Часть из них больше соответствуют нашему описанию, чем другие. Этот перечень предложен лишь для передачи основной идеи концепции в моем представлении. Подчеркну три момента: во-первых, не все подобные события неизбежно ведут к травме (хотя при определенных условиях они все могут, а некоторые реально ведут к ней); во-вторых, возникающие травмы могут обладать разными силой, продолжительностью и значением; в-третьих, культурная травма возникает не всегда (следствия травматических событий могут не достигнуть уровня культурной травмы или превысить его).

Культурные рамки травм

Травма, как многие другие социальные состояния, - одновременно объективна и субъективна. Она обычно коренится в реальных феноменах, но не проявляется до тех пор, пока ее не увидят и не дадут ей некое определение. [...] Могут быть травмы, не основанные на травматических ситуациях, а вызванные распространением представлений об этих событиях. Например, достаточно поверить в надвигающееся вторжение с Марса, чтобы возникла паника. Убеждение, что харизматический лидер совершил государственную измену, вызовет кризис легитимности, даже если он совершенно невиновен. Возможно и обратное: ситуации с объективно сильным травматическим потенциалом не ведут к травме, если их оправдывать, рационализировать и интерпретировать так, чтобы сделать незаменимыми, безобидными или полезными, выгодными.

Попытки определения, восприятия и интерпретации не возникают в вакууме. Всегда присутствует наличный набор доступных значений, закодированных в культуре конкретной общности (общества). Индивиды не выдумывают значения, а отбирают их из окружающей культуры, применяя к потенциально травматическим событиям. Некоторые из этих интерпретаций описывают события как травматические. Некоторые рассматривают воображаемые, объективно несуществующие события как травматические. А некоторые считают объективно травматические события нетравматическими. Такова сила культурной релятивизации.

Травматические симптомы

Коренится ли травма в реальных травматических событиях или нет, состояние травмы имеет общую характеристику – нарушение нормальности. Вероятно, в природе человека есть что-то тяготеющее к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемуся. Этим удовлетворяется наше стремление к экзистенциальной безопасности. Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само

собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения. Это мы и подразумеваем, говоря, что травма вызвана «шоковыми» событиями. Здесь возможны две регулярности: 1) чем больше разрыв между привычной организованной средой и условиями, вызванными травматическим событием (то есть, чем сильнее «шок»), тем сильнее влияние травмы (так, в мирной, организованной, законопослушной общине убийство вызовет коллективную травму, а в районе, привыкшем к преступности, его могут просто не заметить); 2) чем больше травма затрагивает ядро коллективного порядка – сферу базовых ценностей правил, центральных ожиданий – тем сильнее она чувствуется.

Состояние травмы, вызванное травматическими событиями или ситуациями, культурно интерпретируемыми как травмы, является в целом необычным состоянием, непривычным положением дел; некие разрушения, нарушения, изменения, диссонанс, если они восприняты негативно, болезненные, вредные, неприятные и отталкивающие явления. Но всегда ли культурная травма порождена неудачами и вредными явлениями, всегда ли травматические события негативны, может ли культурная травма возникать вследствие успеха, если он неожиданный, непривычный, достигший определенного уровня, подрывающий привычные рутинные явления в коллективной жизни? Иными словами, могут ли травматические события быть объективно положительными и полезными? Э. Дюркгейм, говоря об «анатомии успеха», намекает на эту возможность. Современным примером на макро-уровне служит крах коммунизма и трансформации восточноевропейских обществ. Событие, встреченное с энтузиазмом большинством людей, оказалось, по крайней мере, на какое-то время и, по крайней мере, для некоторых групп причиной травматических переживаний, известных как «боль перехода» (безработица, статусная деградация, обнищание, рост преступности).

Травма – «социальный факт» в классическом, дюркгеймовском смысле термина: она распространяется среди членов определенной группы, разделяющим этот факт. Приобретая характер факта внешнего по отношению к каждому из них, она воспринимается как нечто, принуждающее и налагающее обязательства на их действия. Травма – коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические. Травма действует на коллектив и, согласно большой психоаналитической литературе, не может быть индивидуальным нарушением.

Что конкретно поражает травма? Где можно обнаружить симптомы травмы? Травма действует на три области; следовательно, возможны три типа коллективных социальных травматических симптомов. Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения,

эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее. П. А. Сорокин в «Социологии революции» особо подчеркивал этот тип травматического влияния. Аналогично данные о снижении продолжительности жизни в Латвии, росте уровня самоубийств в Эстонии можно считать симптомами биологической травмы после краха коммунизма. Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию. Примеры травмы структуры - политическая анархия, нарушение экономического обмена, паника и дезертирство воюющей армии, нарушение и распад семьи, крах корпорации и т. п. Мы обратимся, однако, к третьему проявлению последствий травмы. Это область воздействия травмы на культуру.

Конечно, любая травма, по определению, – культурный феномен. Но она может быть культурной, воздействующей на культурную ткань общества. Только это и может считаться культурной травмой в полном смысле слова. Такая травма наиболее важна, потому что она, как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя. Яркий пример – травмы племенные, этнические, национальные, коренящиеся в насильственных, травматических событиях прошлого, внезапно возникающие в виде взрывов внутригрупповой ненависти, конфликтов, войн: Африка, постсоветские республики, Балканы.

Наше понимание культурной травмы как культурно интерпретируемой раны на ткани культуры, конечно, зависит от того, какой смысл мы придаем определению культуры. В этом плане можно предположить, что культура выражает мир коллективно разделяемых смыслов и символов, распадаясь на две основные категории: 1) нормативные (аксиологические) компоненты: ценности, нормы, правила, роли, стили, вкусы и т. д.; и, 2) когнитивные компоненты: верования, убеждения, доктрины, теоретические построения, парадигмы. Вследствие стремительного, радикального социального изменения «двойственность культуры» проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму. Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от пружинных значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идола рушатся.

Интересна еще одна подгруппа культурных травм. Если согласиться, что коллективная культура – основной каркас самоопределения

коллективной идентичности, установления границ категории «мы», противоположной категории «они» или противостоящей ей, раскол культурного порядка будет часто нарушать коллективную идентичность. Более того, кризис идентичности и усилия с целью восстановить, заново сконструировать коллективную идентичность окажутся эмпирически наиболее заметным проявлением культурной травмы. [...]

Социологическая теория довольно длительное время занимается типологиями социальных и культурных травм, не используя этот термин. Частично совпадающие теоретические концепции негативных последствий социальных перемен в некотором, более широком или узком, смысле, несомненно, относятся к состояниям, схожим с культурной травмой, включают следующее:

- аномия
- цивилизационная некомпетентность
- социальное трение
- синдром недоверия
- коллективное чувство вины
- коллективное чувство стыда
- кризис идентичности
- кризис легитимности
- теория культурного лага.

Несмотря на сходства, исследования с использованием этих представлений, как правило, велись по иным поводам. Достоинством концепции культурной травмы с ее более высоким уровнем абстракции и обобщения может стать способность объединить разные исследовательские традиции на единой теоретической платформе, взаимно обогащая и проверяя их.

Этнология культурной травмы

Каковы же условия, вызывающие культурные травмы, делающие их отличными от других видов травм? В чем своеобразие этиологии культурных травм? Выделим четыре типа ситуаций (которые не исчерпывают возможные случаи, служа лишь для иллюстрации):

Во-первых, культурная травма обычно возникает, когда какое-то значительное событие (воспоминание о подобном важном событии прошлого) бьет по самым основам культуры, точнее, интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности, коллективной гордости и т. д. Поражение в войне, подавление народного восстания, крах империи, преследование религии, делегализация традиционных форм семьи, резкая девальвация валюты, невыплата государством иностранного или внутреннего долга – примеры событий, могущих интерпретироваться как нарушения прежней культуры. Другая разновидность травмы этого типа вызвана памятью о коллективных грехах, совершенных общностью, к которой принадлежишь; широким распространением чувства стыда и вины, вызванным воспоминанием о

деяниях прошлого, оскверняющих принятые культурные принципы. Яркие примеры - память о Холокосте, чрезвычайно важная для евреев, но вызывающая чувство вины и у современных поколений немцев, потомков реальных преступников; или история рабства, до сих пор преследующая общество США. Короче: во всех подобных ситуациях травма возникает в результате конфликта между фактами настоящего или прошлого, интерпретированными как несоответствующие базовым основам культуры.

Во-вторых, культурная травма возникает, когда люди оказываются во власти новой культуры, или, точнее, когда социализированная культура, которая у них «в головах» или в полуавтоматических «склонностях сердца», сталкивается с культурной средой, в которой они оказались. Есть два варианта такого конфликта. Первый, – хорошо известный туристам, и, на коллективном уровне, иммигрантам – результат территориальной мобильности. Люди переезжают в ареал иной культуры, оказываясь плохо приспособленными к новой среде. Пример этого вида коллективной культурной травмы, поглотившей огромную общность иммигрантов, представлен в труде У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» Противоположный вариант: люди не мобильны, но иностранная культура приходит сама, захватывая их (завоевание, колониализм). В более мягких формах это культурная глобализация, иногда именуемая вестернизацией, американизацией, макдональдизацией. Люди оказываются в мире, совершенно чуждом их родным культурам. И если процесс культурно болезнен и невыносим, возникнет серьезная коллективная травма. Это показано у многих социальных антропологов - от Б. Малиновского до У. Ханнерца. Еще один случай наблюдается там, где коллективы с несовместимыми культурами интенсивно взаимодействуют, повторяя рутинные связи, которых нельзя избежать. Такой травме благоприятствуют мульти-культурные общества, где многочисленные противоположные культуры вынуждены ежедневно контактировать. Конечно, этноцентризм толкует подобный плюрализм скорее как болезненное явление, чем полезное упражнение в толерантности. Но в нашем случае травма – результат столкновения местной и иностранной культур, интерпретированное как культурно пагубное явление.

Третий случай культурной травмы связан с обновлением образа жизни под влиянием изменений технологий экономики, политических условий (и в рамках неизменной или медленно меняющейся культуры). Люди обнаруживают, что их новый образ действий, появившийся спонтанно или вызванный ситуационно, вступил в конфликт с традиционной культурой. До тех пор, пока новый образ жизни не закреплен и не санкционирован в новых культурных правилах, традиционная культура теряет качество самого собой разумеющегося, делаясь проблематичной, навязанной, враждебной, устаревшей, и

сопровождается конфликтом поколений. Эта культурная травма – промежуточная фаза морфогенеза культуры», то есть, – результат столкновения нового образа жизни со старой культурой.

В-четвертых, культурная травма может возникать в области культуры, а не на границе культуры и действий, культуры и событий. Существует несколько разновидностей внутрикультурных истоков культурной травмы. 1. Травма возникает, когда разные сегменты культуры имеют разный темп развития, результат чего – «культурное отставание» определенных сегментов. Например, несинхронное развитие институциональных сфер права, политики, экономики, финансово-банковских систем, массовой культуры довольно часто характеризовалось как высоко травматический фактор посткоммунистических обществ. 2. Травма может появиться из-за внутрикультурного открытия, представляющего подход, несоответствующий старой культуре, нарушающий ее согласованность, вызывающий смену значений и переоценку верований. Лютер в религии, Коперник в астрономии и Эйнштейн в физике – примеры такой ситуации. 3. Культуру может потрясти раскрытие фактов, новых доказательств, выставяющих события или личности в совершенно ином свете и требующих иной интерпретации прежних суждений. [...] 4. Травму может вызвать переосмысление прошлого. [...]

Сами культурные несоответствия или несовместимости не обязательно ведут к культурным травмам. Травма там, где несоответствия, напряжения и столкновения восприняты и переживаются как проблема, нечто беспокоящее, болезненное, требующее исцеления. Тогда культурная травма проявляется в интеллектуальной, моральной и художественной мобилизации общества. Она может сопровождаться повышенной активностью движений, особенно так называемых «новых социальных движений», остро ставящих на повестку дня культурные проблемы, «постматериалистские ценности». Если есть полемика в СМИ, на собраниях общественности или в политических структурах; если ценности и суждения резко оспариваются; если определенные темы становятся предметом отображения кино, театром, литературой; если эти движения мобилизуют культурно недовольных, перед нами несомненно свидетельства не исцеленной травмы.

Разная чувствительность к культурной травме

Не все группы общества равно восприимчивы к культурным травмам и способны выражать это. Скорее, у каждой травмы есть центральные группы, глубоко переживающие и воспринимающие ее, и периферийные группы, для которых она – несущественна, маргинальна. У разных групп дифференцирован и доступ к фонду культурных моделей интерпретации, используемому для описания событий как травм. Влияние одних и тех же потенциально травматических событий (ситуаций) может быть качественно противоположным для различных групп. Для одних оно

деструктивно, разрушительно, для вторых полезно и желанно, третьи его игнорируют. Вспомните любую революцию, энтузиазм и надежды, которые она несет одним, уныние и отчаяние – другим; для некоторых она просто не имеет значения. Или возьмем важную политическую реформу с ее влиянием на сторонников, противников и безразличных.

Иными слотами, некоторые группы вследствие структурного и культурного положения более восприимчивы к травме, обладают более высокой способностью истолкования и выражения травмы, другим не хватает навыков. Некоторые группы располагает средствами совладания с травмой, борьбы с ней и ее преодоления, другие могут не иметь таких средств. Вопрос: «травма для кого?» ведет к непредсказуемости.

Поразмышляем о факторах, благодаря которым разные группы по-разному воспринимают травмы. Вероятно, решающим может быть наличие ресурсов, социального и культурного капитала, помогающих осознать, определять травмы и активно противодействовать им. Главное здесь, скорее всего, образование. С одной стороны, уровень образованности делает людей восприимчивей и чувствительней к травме. В тоже время они могут лучше выражать травмы. Неудивительно, что некоторые скрытые травмы сначала были осознаны и описаны интеллектуалами, философами и социологами, давшими готовые определения и символические выражения для других. Обычно образованные группы обладают лучшими навыками активного преодоления культурных травм. Возможно, общее, разносторонне широкое образование здесь важнее узкой специализации. [...]

Кроме образования, могут играть свою роль в случаях травм, возникающих в результате культурного конфликта или разнообразия культур, терпимость и релятивистские взгляды, – противоположность этноцентризму и догматизму. Другой фактор можно назвать «социальной укорененностью». Исследования посткоммунистических обществ констатируют, что обладатели больших сетей социальных связей, многочисленных друзей и семейной поддержки гораздо более приспособлены к переориентации на предпринимательство, свободный рынок и личную ответственность. Скорее всего, для многих типов травмы богатство и власть играют роль смягчающих факторов, изолирующих от травмы и предоставляющих необходимые средства, чтобы справиться с ней. Список личностных факторов, играющих смягчающую роль, этим, конечно, не исчерпан. Это лишь примеры возможных направлений исследования.

Совладание с культурной травмой; различия стратегий

Выше отмечено, что потенциально травматические события (ситуации), вызванные внезапным, быстрым и фундаментальным социальным изменением, перерастают в травматическое состояние лишь благодаря интерпретативным действиям людей-агентов. Формой таких действий может быть сокрытие, оправдание, объяснение, иными словами,

адаптация или нейтрализация явлений, объективно обладающих травмирующим потенциалом. Этим создаются культурная, субъективная изоляция, предотвращающая появление состояния травмы, превентивное совладание с травмой, которой еще нет, но которая представляет собой угрозу.

Когда превентивные интерпретации культурно недоступны по иным причинам или просто неэффективны и состояние травмы все же возникает, люди реагируют по-разному, пытаясь справиться с реальной травмой. Есть разные стратегии совладания с травмой, модели активной адаптации к ней, репертуар противодействий преприняемых затронутыми группами. Для их классификации я использую две теоретические концепции социологии. Первая – классическая аномия и адаптация к экономическому состоянию у Р. Мертон (1938 г.) Сформулированная Э. Гидденсом в 1990 г. идея риска представляет вездесущий фактор поздней современности и типичные коллективные реакции на риск. Мертон рассматривает четыре типа адаптации к аномии; инновация, бунт, ритуализм, ретриатизм. Первые два – активные, конструктивные типы адаптации. Вторая пара представляет собой пассивные адаптации. Для обобщения и применения этой типологии, *mutatis mutandis*, к культурной травме, отметим, что инновация это спонтанное или преднамеренное «культурное производство», стремящееся к частичному изменению данной культуры с целью смягчения ее несоответствий другой культуре или реальному поведению людей. Бунт – радикальная попытка полной трансформации культуры ради замены состояния травмы новой культурной системой. [...] Наконец, ретриатизм в данном контексте есть игнорирование травмы, попытку действовать, будто ее нет.

Гидденс завершает анализ современности, обсуждая типы противодействий, предпринимаемых при адаптации к вездесущим нестабильности и риску: 1) прагматическое, обычное деловое отношение, сосредоточенность на повседневных заданиях и сознательном подавлении беспокойства; 2) оптимизм, вера, что все как-то образуется, опасностей удастся избежать благодаря предусмотрительности или науке, технике, разуму; 3) циничный пессимизм, характеризующийся сиюминутностью и гедонизмом; 4) жесткая борьба против выявленных источников опасности в основном в рамках социальных движений. Очевидно, только последний тип адаптации конструктивен, подобно мертоновской инновации или бунту, позволяя людям преодолевать травматические воздействия современности. Другие типы адаптации являются пассивными, похожими на мертоновские ритуализм и ретриатизм.

Травматическая последовательность в диалектике социального изменения

Травматическая последовательность в проанализированном выше виде включена в общие процессы социального изменения. [...] Травматическое состояние – несоответствие, нарушение, противоречие – может действовать на сферу культуры. Возникает напряженность между

пружными культурными предписаниями (ценностями, значениями, символами, идеями и т. д.) и возникающей культурой, адекватной новым условиям социума. Вследствие культурной инерции наследие прежней, уже устаревшей культуры переживает систему, которой оно функционально адекватно, и некоторое время будет сосуществовать с новой культурой, становясь непригодным для новой системы. Состояние культурного раскола, противоречия – благоприятная почва для полномасштабной культурной травмы – культурно детерминированной раны этой культуры. Реагируя, люди используют разные стратегии совладания с травмой. Социальные изменения развиваются независимо, в соответствии с их специфическим направлением и причинами. Так как они прямо не зависят от последствий травм (хотя обратное влияние существует), с точки зрения травмы эти изменения могут быть названы параметрическими. Некоторые из параметрических изменений (событий) благоприятны, помогают смягчить травму; другие - вредны, усугубляя ее.

Возможны два альтернативных сценария дальнейших событий: один – порочный круг разрушения культуры, другой – добродетельный круг культурной реконструкции. При первом параметрические изменения обостряют травматическую ситуацию, люди прибегают к бесплодным, даже контрпродуктивным стратегиям совладания; устаревшая культура поддерживается и сохраняется благодаря настойчивому культивированию воспоминаний. Другой сценарий – благоприятное параметрическое изменение, облегчающее травматические ситуации в сочетании с эффективным совладением с ней и отмиранием прежнего культурного наследия в результате смены поколений. Вместе эти три силы смягчают или устраняют травму, в итоге приводя к упрочению новой культуры.

Таков диалектический механизм культурного изменения через возникновение и преодоление культурной травмы. Возможно, он не универсален и не обязателен для культурного изменения. Но, по-видимому, он хорошо применим к особо интересному случаю подобной динамики, вызванной фундаментальным крахом и нарушениями, короче говоря, к революционным переменам. Здесь культурная травма, несмотря на непосредственно негативные болезненные последствия, демонстрирует позитивный, функциональный потенциал как сила социального становления. Вопреки вызванным ею разрушениям и дезорганизации культурного порядка, ее можно рассматривать как семя новой культурной системы, стимул культурной консолидации или конструирования.[...]

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001.- № 1. – С.6-16.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятия «травма»
2. Назовите социальные изменения, которые вызывают

травматические ситуации

3. Как автор определяет понятие «культурная травма»?

4. Когда возникает культурная травма ?

5. Назовите стратегии совладания с культурной травмой

Тема 13. Личность в системе социальных связей

Габриэль Алмонд

Политическая социализация

[...] Политическая культура подкрепляется либо меняется по ходу приобретения людьми своих установок и ценностей. Для обозначения путей формирования политических ценностей и передачи политической культуры от одного поколения к другому мы используем понятие социализация. Большинство детей приобретают элементарные, но отчетливые политические установки и приобщаются к соответствующим моделям поведения еще в относительно раннем возрасте. Некоторые из таких установок будут с течением времени эволюционировать и меняться, но другие могут оставаться частью политического «я» индивида на протяжении всей его жизни.

В каждый конкретный момент политическое «я» индивида представляет собой комбинацию ряда различных мнений и установок. На наиболее глубинном уровне расположены общие идентификации и убеждения, такие, как национальное самосознание, представления о своей этнической и классовой принадлежности, религиозные и идеологические приверженности и фундаментальное восприятие прав и обязанностей в обществе. Расхождения между этническими и религиозными группами часто воспринимаются столь остро именно потому, что они основаны на глубинном самовосприятии. На промежуточном уровне находятся менее эмоционально насыщенные установки индивидов по отношению к политической жизни и правительственным институтам. Наконец, существуют более непосредственные суждения по текущим событиям, политическим курсам, проблемам и персоналиям. Установки всех этих трех уровней могут меняться, но те, которые относятся к первой категории, обычно раньше всего приобретаются, чаще других закрепляются и, как правило, бывают наиболее устойчивыми.

Рассматривая проблему политической социализации и обучения, следует обратить внимание на три общих момента. Во-первых, социализация может быть прямой и косвенной. Социализация является прямой, когда она подразумевает непосредственную передачу информации, ценностей или мнений о политике. Уроки гражданского обучения в общеобразовательных школах есть прямая политическая социализация, равно как и индокринация детей исламскими фундаменталистами в таких странах, как Иран и Пакистан. Коммунистические политические системы также активно использовали

индокринационные программы. Политическая социализация имеет косвенный характер, когда формирование политических взглядов происходит непреднамеренно, под влиянием собственного опыта. Особенно важную роль подобная косвенная политическая социализация играет в раннем детстве. Так, взаимоотношения ребенка с родителями, учителями или друзьями чаще всего сказываются на отношении индивида к политическим лидерам и своим согражданам во взрослой жизни. [...]

Во-вторых, социализация продолжается на протяжении всей жизни индивида. Ранние семейные влияния могут выработать у человека исходные ценности, однако дальнейший жизненный опыт – приобщение к новым социальным группам и ролям, переезд из одной части страны в другую, восхождение по социальной лестнице или утрата прежних позиций, рождение детей, приобретение или потеря работы – способен изменить его политические воззрения. Более драматичный опыт, скажем, когда человек эмигрирует в другую страну либо когда ему приходится пройти через войну или депрессию, может резко поменять даже основополагающие политические установки. [...]

Наконец, принятые в обществе модели социализации могут иметь либо унифицирующий, либо разобщающий характер. Некоторые события, скажем, международный конфликт или утрата популярного государственного деятеля, способны примерно одинаково повлиять на всю нацию. Совсем по-иному воздействует на общество наличие там субкультур, использующих особые модели социализации. Социальные группы, обеспечивающие своих членов собственными газетами, собственными соседскими группами, а то и собственными школами, нередко вырабатывают отчетливые субкультурные установки. Влияние подобных разобщающих моделей социализации на общество может оказаться исключительно сильным.

Агенты политической социализации

В любом обществе индивиды подвергаются воздействию агентов политической социализации – институтов и организаций, влияющих на политические установки. Некоторые из таких институтов и организаций, скажем, уроки гражданского обучения в школе, являются прямыми источниками политического образования, специально предназначенными для достижения этой цели. Другие, такие, как группа, с которой проводится досуг, или трудовой коллектив, как правило, воздействуют на политическую социализацию косвенным образом.

Семья. Прямое и косвенное влияние семьи – первого источника политической социализации, с которым сталкивается индивид, – глубоко и устойчиво. Семья оказывает ощутимое воздействие на формирование установок по отношению к власти. Участие в семейном принятии решений способно усилить у ребенка ощущение политической компетентности, обеспечивая необходимые для политического взаимодействия навыки и стимулируя активное включение в политическую систему во взрослом

возрасте. Аналогичным образом, слепое повиновение решениям родителей может выработать у ребенка предрасположенность к выполнению роли политического подданного. Семья также формирует будущие политические установки, определяя место индивида в обширном социальном мире, устанавливая его этнические, языковые, классовые и религиозные связи и направляя его профессиональные и экономические устремления. [...]

Школа. Школы дают подросткам знания о политическом мире и той роли, которую они в нем играют, а также более конкретные представления о политических институтах и отношениях. Кроме того, школы передают существующие в обществе ценности и установки. Они могут сыграть важную роль в формировании позиций относительно неписаных правил политической игры, в усвоении ценностей, касающихся долга перед обществом, и становлении неформальных политических связей. Школы способны укрепить привязанность к политической системе и предоставить общие символы (такие, как флаг или клятва верности), стимулирующие эмоциональную преданность системе. Когда появляется новая нация или в старой нации приходит к власти революционный режим, он, как правило, тут же обращается к школе как к средству вытеснения «устаревших» ценностей и символов и замены их новыми, более гармонирующими с новой идеологией.

В некоторых странах образовательные системы не только не обеспечивают унифицирующую политическую социализацию, но и пытаются привить разным группам совершенно разные навыки и установки. Например, вплоть до недавнего времени основная цель южноафриканской системы образования состояла в том, чтобы увековечить разобщенность между расами. Культура апартеида поддерживалась как через создание установок обособленности, так и за счет предоставления белому и цветному населению разных знаний и выработки у них разных навыков. Белые и чернокожие дети не общались между собой. Белые дети рано усваивали, что их родители и другие родственники видят в чернокожих людей второго сорта. В Южной Африке закон предписывал белым детям посещать только «чистые» в расовом отношении начальные и средние школы. Школьный опыт обычно подкреплял и усиливал установки, приобретенные белыми детьми в семье.

Образование чернокожего большинства резко отличалось от образования белых. После того как под давлением правительства было закрыто большинство школ при монастырях, в стране был создан отдельный правительственный департамент, который обеспечивал сегрегированное начальное образование для чернокожих детей. Даже в 1980-х годах правительство тратило на обучение белых во много раз больше (в расчете на ученика), чем на обучение черных. Неудовлетворенность чернокожего населения качеством образования, равно как и их недовольство попытками правительства навязать

преподавание на бурском языке (родном для большинства белых жителей Южной Африки), была в числе важнейших побудительных причин беспорядков, поставивших в 1990-х годах под вопрос политику господствующего положения белых в политической жизни страны. В настоящее время новое южноафриканское правительство занято решением крайне сложной задачи: ему нужно (при ограниченном бюджете) коренным образом изменить функции школьной системы, превратив ее из средства закрепления различий в поставщика объединяющих символов и равных навыков для детей всех рас.

Образование влияет также на политическое мастерство и ресурсы граждан. Образованные люди лучше осознают влияние правительства на свою жизнь и уделяют больше внимания политике. Чем выше образование, тем сильнее предрасположенность к самостоятельному мышлению, повышающая способность интерпретировать факты и действовать на основе новой информации. Кроме того, образованные люди лучше информированы о политических процессах и участвуют в более широком круге политических акций. Такое воздействие образования прослеживается в исследованиях политических установок во многих странах.

Религиозные институты

Существующие в мире религии являются носителями культурных и моральных ценностей, которые часто имеют выход на политику. Великие религиозные лидеры видели в себе учителей, и их последователи обычно пытаются повлиять на социализацию детей через школы, проповеди и религиозные службы. [...] в большинстве наций существуют формальные связи между господствующей религией и правительством. В этих случаях религиозные ценности и государственный курс неизбежно накладываются друг на друга. [...]

Там, где церковь постоянно проповедует ценности, которые по крайней мере частично расходятся с доминирующими в политической системе (примерами могут служить попытки американских фундаменталистов ввести молитву в школе или конфликт между исламскими фундаменталистами и светскими правительствами в Алжире и Египте), борьба по поводу социализации способна приобрести величайшую значимость в обществе. В подобных нациях религиозные субкультуры могут находиться в оппозиции к политическому курсу государства или даже к самому государству. [...]

Конечно, многие виды религиозных институтов предлагают чрезвычайно полезные нравственные и этические нормы, которые так часто нужны людям, чтобы делать выбор в сложных обществах. Религиозная принадлежность нередко бывает источником партийных предпочтений, которыми люди могут руководствоваться и при принятии других политических решений. [...]

Группы равных

Важными социальными единицами, формирующими политические

установки, являются группы равных. К ним относятся детские прогулочные группы, компании друзей, школьные и институтские братства, а также небольшие трудовые коллективы, члены которых тесно связаны между собой и имеют примерно равный статус. Группы равных могут принимать самые разнообразные формы: это и кучка регулярно встречающихся в парке мамаш в России, и уличные шайки в Бразилии, и группа администраторов с Уолл-стрит, являющихся членами одного клуба.

Группы равных социализируют своих членов, побуждая или заставляя их придерживаться принятых в группе установок и моделей поведения. Люди часто усваивают систему взглядов своих сотоварищей по группе потому, что любят и уважают их, либо потому, что хотят быть такими, как они. Индивид может начать интересоваться политикой либо отправиться на политическую демонстрацию, поскольку так поступают его близкие друзья. В таких случаях индивид, стремясь заслужить одобрение товарищей, модифицирует свои интересы и поведение, с тем чтобы они соответствовали принятым в группе образцам. Не исключено, что международная молодежная культура, символами которой стали рок-музыка, футболки и синие джинсы, была одним из важнейших факторов, помешавших коммунистическим руководителям вылепить из советской и восточноевропейской молодежи образцовых, с точки зрения марксизма-ленинизма, «людей социалистического общества». Точно так же усвоили политические взгляды, основанные на взаимодействии членов своего круга, и группировки типа «бритоголовых», получившие распространение среди молодежи из низших слоев общества во многих западных странах.

Социальный класс и пол

Многим обществам присущи серьезные социальные различия, основанные на классе или роде деятельности. Индивиды живут в различных социальных мирах, определяемых их классовым положением. Так, в процессе индустриализации в Великобритании сформировался рабочий класс, концентрировавшийся в особых кварталах и выработавший свои собственные формы речи, одежды, отдыха и развлечений, а также собственные организации, в том числе профсоюзы и политические партии. Аналогичным образом, в большинстве менее развитых наций жизненный опыт крестьян коренным образом отличается от опыта городских жителей. Во многих случаях эти социальные различия имеют политическую значимость: самоидентификация в качестве представителя рабочего класса или, скажем, крестьянства влечет за собой особые взгляды на то, какие политические вопросы являются важными и какие политические группы лучше всего выражают интересы данного индивида.

Другой важный источник социального и политического обучения – половая принадлежность. С момента рождения природа и общество предписывают мужчинам и женщинам разные модели поведения. Такого рода общественные расхождения традиционно переносились в политическую жизнь, определяя политику как мужское занятие и

фокусируя интересы женщин на бытовых и семейных проблемах. Во многих менее развитых странах подобное распределение гендерных ролей сохраняется и сегодня. Вместе с тем в ряде индустриальных стран гендерные роли меняются. Появление женских движений и групп самообразования стимулирует активность женщин, давая социальные образцы того, как женщина должна относиться к политике.

Средства массовой информации

Значительная часть мира превратилась в единую аудиторию, которая получает одну и ту же информацию и которую волнуют одни и те же события. Пожалуй, нет столь отдаленного уголка, где бы жители не имели возможности практически сразу же узнавать о том, что происходит в других местах: производимые в огромных количествах и недорогие транзисторные приемники имеются повсеместно, даже в деревушках стран третьего мира, далеко отстоящих от центров политической власти. Средства массовой информации – газеты, радио телевидение, журналы – играют важную роль в интернационализации установок и ценностей на планете.

Телевидение, затрагивающее одновременно слух и зрение, может оказывать мощное эмоциональное воздействие на широкие общественные аудитории. [...] Кроме того, для масс-медиа не существует препятствий в виде границ между государствами и идеологиями. [...]

Однако масс-медиа не только поставляют точную и свежую информацию о политических событиях. Они также распространяют – прямо или косвенно – важнейшие ценности, принимаемые обществом. Они могут представить некоторые события (например, национальные праздники или традиционные формы правительственной деятельности) как нечто, символизирующее нацию, и эти события приобретут особую эмоциональную окраску. Контролируемые авторитарным правительством средства массовой информации способны стать мощным орудием формирования политических убеждений. Однако вскоре граждане начнут игнорировать сообщения, противоречащие их личному опыту. Устная передача неортодоксальных установок часто оказывается действенным противоядием против воздействия подконтрольных правительству СМИ.

Группы интересов

Группы интересов, ассоциации, экономические объединения и тому подобные организации также вносят свой вклад в формирование политических установок. Среди экономических групп наибольшие следствия для политической жизни имеют, наверное, профсоюзы. В большинстве индустриальных стран появление профсоюзов привело к изменению политической культуры и политической жизни, возникновению новых политических партий и возвестило о переходе к новым программам социального обеспечения. Другие профессиональные ассоциации, такие, как объединения крестьян и фермеров, промышленников, оптовых и розничных торговцев, врачей и юристов,

тоже могут влиять на политические установки в модернизированных и модернизирующихся обществах. Подобные группы обеспечивают преданность своих членов, защищая их экономические и профессиональные интересы. Кроме того, они способны стать источником политического опыта для не входящих в их состав людей, которые могли бы солидаризироваться с групповыми интересами или политической идеологией.

Важную роль в политической социализации играют и общественные группы, образующие гражданское общество. К их числу относятся этнические организации, братства, гражданские ассоциации (типа ассоциаций родителей и учителей) и проблемные группы (вроде ассоциаций налогоплательщиков и экологических объединений). Подобные группы создают ценные образцы политического поведения для своих членов и пытаются закрепить особые социальные и политические ориентации. Кроме того, такие группы с помощью средств массовой информации или рассылки по почте распространяют огромное количество информации по политическим, социальным и экономическим проблемам, снабжая ею элиты и широкие круги общественности.

Политические партии

Будучи специализированными политическими структурами, существующими как в демократических, так и в недемократических системах, политические партии играют важную роль в политической социализации. Политические партии пытаются сформировать проблемные предпочтения, пробудить к политической жизни равнодушных, найти новые проблемы, позволяющие мобилизовать поддержку. Партийные лидеры и ораторы обеспечивают общественность непрерывным потоком информации по наиболее острым политическим вопросам. Представители партийных организаций постоянно общаются с избирателями по почте или телефону; во многих странах партийные активисты приходят к избирателям домой. Каждые несколько лет в демократических системах происходят выборы, в ходе которых партии отчитываются за свою прошлую деятельность и обсуждают политическое будущее страны. Выборы могут служить общенациональными уроками гражданского воспитания, где учителями являются партии.

В состязательных политических системах партийная социализация способна оказаться разобщающей силой. Стремясь заручиться поддержкой избирателей, партийные лидеры могут апеллировать к классовым, языковым, религиозным и этническим различиям, тем самым стимулируя их осознание гражданами. [...] Руководство доиндустриальных стран часто выступает против конкурентных партий, опасаясь того, что они будут сеять раздоры. Хотя подобная озабоченность иногда бывает искренней, в ней отражены и своекорыстные интересы правительственных лидеров. В современном мире, где все громче звучат голоса в пользу установления многопартийных систем, ее становится все труднее оправдать.

Авторитарные правительства часто используют господствующую партию, пытаясь привить гражданам общие для всех установки на национальное единство, поддержку правительства и идеологическое согласие. Сочетание однопартийной системы и контроля над масс-медиа весьма эффективно: средства массовой информации преподносят единую точку зрения, а партийные активисты укрепляют подобный взгляд на вещи путем прямого вовлечения граждан. [...]

Непосредственный контакт с правительственными структурами

В современных обществах вследствие широкого размаха правительственной активности граждане часто соприкасаются с различного рода бюрократическими органами. [...]

Подобный личный опыт является мощным социализационным фактором, который усиливает или смазывает образы, преподносимые другими агентами социализации. Вне зависимости оттого, сколь бы позитивный взгляд на политическую систему не воспитывался школой, граждане, которые в своей повседневной жизни сталкиваются совсем с иным положением вещей, скорее всего, поменяют свои исходные представления о ней. [...]

Алмонд Г. Политическая социализация // Сравнительная политология сегодня [Текст] : мировой обзор: Учеб. пособие для студ.-политологов / Г. Алмонд [и др.] ; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановский, Л. А. Галкина ; науч. ред. пер. М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 536 с. – С. 105-115.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятий «социализация», «политическая социализация»
2. Социализация длится всю жизнь или ограничивается определенным периодом ?
3. Что представляет собой прямая и косвенная социализация?
4. Охарактеризуйте агентов политической социализации
5. Проанализируйте роль СМИ как агента политической социализации

Игорь Семенович Кон

Социология личности

Глава I Личность и общество

1. Понятие личности

Говоря о личности, чаще всего имеют в виду просто отдельного конкретного человека. Но ведь кроме понятия личности в нашем распоряжении имеется еще целый ряд близких понятий: человек, индивид, индивидуальность. В обыденной речи эти понятия часто употребляются в одном и том же значении, но в науке они обозначают разные вещи.

Словом «индивид» обозначается человек просто как единичный

представитель какого-то целого (биологического рода или социальной группы); специфические особенности реальной жизни и деятельности данного конкретного человека в содержание этого понятия не входят. Многозначный термин «индивидуальность», который мы будем подробнее анализировать позже, напротив, обозначает то особенное, специфическое, что отличает этого человека от всех других, включая как природные, так и социальные, как телесные (соматические), так и психические, как унаследованные, так и благоприобретенные, выработанные в процессе онтогенеза свойства. Понятие личности тоже многозначно. С одной стороны, оно обозначает конкретного индивида (лицо) как субъекта деятельности, в единстве его индивидуальных свойств (единичное) и его социальных ролей (общее). С другой стороны, личность понимается как социальное свойство индивида, как совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного лица с другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения. Этот второй аспект понятия наиболее важен с точки зрения социологии, которую отдельный человек интересуется не сам по себе, а как член определенного общества, класса, социальной группы, воплощающий в себе некоторые социально типичные черты.

Понимание личности как социального явления было подробно обосновано Марксом, который указывал, что «сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее физическая природа, а ее социальное качество». Это понимание лежит в основе почти всех работ советской психологической школы, начиная с Л. С. Выготского и В. М. Бехтерева. «В качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяются те, которые обуславливают общественно значимое поведение или деятельность человека, – писал С. Л. Рубинштейн. – Основное место в них поэтому занимают система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (то есть те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям), и способности человека, то есть свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности».

Согласно Л. С. Выготскому и его последователям, интрапсихологические процессы, т. е. внутренние процессы человеческой психики, складываются на основе интерпсихологических, т. е. межличностных, социальных процессов. Главный механизм развития психики человека – это усвоение социальных, исторически сложившихся видов и форм деятельности. Эти усвоенные формы деятельности, системы знаков и т. п. преобразуются далее во внутренние процессы личности. Таким образом, «внешнее» (по отношению к данному индивиду) и его «внутренняя» природа оказываются связанными как генетически, так и функционально.

Ни социология, ни психология, ни другие науки, имеющие дело с проблемой личности, не могут осмысленно изучать свой материал, не имея ясной философской постановки вопроса о соотношении личности и общества. Исходный пункт марксистского решения этой проблемы – знаменитый тезис Маркса, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Этот тезис четко ориентирует на рассмотрение личности не в качестве изолированной монады, а как общественного существа. Но Маркс здесь явно имеет в виду не единичную личность, а человека как родовое понятие. Человек как род действительно совпадает с совокупностью общественных отношений, с обществом. История общества есть не что иное, как история людей, или, что одно и то же, история общественного человека. Но применимо ли это к отдельному эмпирическому индивиду? «Сущность человека» и «конкретная личность» – не одно и то же. Могу ли я, не погрешив против истины, назвать себя совокупностью всех общественных отношений, когда сфера моей (и вашей, и любого конкретного индивида) деятельности заведомо включает лишь незначительную часть этих отношений?

Общество и личность не тождественны, мало того, в повседневном опыте они выступают как противоположности. Общество воспринимается как граница, рамка моей деятельности, а личное – как то, что принадлежит только мне и отличает меня от других. Процесс приобщения индивида к социальному опыту тоже выступает как двусторонний процесс: «либо человек овладевает готовым, заранее данным стандартом общественного сознания («обучение»), либо те или иные идеи человека становятся общим достоянием, т.е. в некотором смысле общественным стандартом («творчество»). Так или иначе, в этом опыте сознание индивида противостоит общественному сознанию как чему-то внешнему».

Отсюда – традиционная атомистическая концепция, согласно которой общество – не более чем совокупность индивидов или внешняя среда их деятельности. Когда же эта концепция обнаруживает свою неудовлетворительность, на смену ей приходит другая, в которой общественные институты, отношения и нормы наделяются самостоятельностью, а индивид кажется объектом их деятельности.

Личность изучают разные науки, но в разных аспектах. Прежде всего, нужно разграничивать интраиндивидуальный и интериндивидуальный, межличностный, подходы. Их часто противопоставляют друг другу, но в действительности оба они необходимы, поскольку отвечают на разные вопросы. При интраиндивидуальном подходе в центре внимания стоит индивид и его особенности. В свете этого подхода для понимания такого явления, как дружба, необходимо прежде всего изучить личностные свойства субъекта, которые влияют на его способность к дружбе, – его терпимость, степень его чувствительности к переживаниям другого, раздражительность и т. п.;

чем больше его качества приближаются к некоей идеальной модели, тем больше вероятность, что данный субъект будет иметь друзей. С позиции межличностного подхода исследователь изучает не потенциальную способность человека к дружбе, а дружбу как отношение – совместимость двух друзей, как они реагируют друг на друга в определенных ситуациях и т.п. Иначе говоря, в первом случае исследуются черты, установки, свойства личности, во втором – закономерности процесса взаимодействия. Оба подхода предполагают друг друга: черты личности влияют на взаимодействие индивидов и, в свою очередь, сами формируются и видоизменяются в этом процессе. Но в зависимости от целей исследования преобладает один или другой подход. В общем, можно сказать, что психология и психиатрия чаще пользуются интраиндивидуальным подходом, социальная психология и социология – межличностным.

Одно и то же явление по-разному объясняется на индивидуально-психологическом и на социологическом уровнях. Например, то, что Иван Иванович Иванов не ладит со своей тещей, можно объяснить несходством их характеров, разностью воспитания и т.д. Но то же самое можно объяснить общими особенностями современной нуклеарной семьи (т. е. семьи, состоящей из мужа, жены и их потомства), тяготеющей к автономии от родителей, отрицательным стереотипом тещи, укоренившимся в общественной психологии, и т.п. Эти два уровня объяснений явно не совпадают и в то же время не противоречат друг другу. Какое объяснение применить – зависит от целей исследования. Если вы хотите помирить Ивана Ивановича с его тещей, полезней индивидуально-психологическое объяснение. Если же данная ситуация интересует вас как частный случай для понимания перспектив развития семьи, допустим, для проектирования новых жилых домов, единственно правильным будет социологическое объяснение. [...]

2 Личность и социальные роли

Когда мы пытаемся определить какие-то свойства или особенности индивида, мы сразу же обнаруживаем, что они формируются и проявляются только в его взаимодействии с другими людьми. [...]

От личности к обществу

Уже этимология слова «личность» показывает, что оно имеет смысл лишь в контексте определенных общественных отношений. Первоначально слово «persona» обозначало маску (ср. русское «личина»), которую надевал актер в греческом театре, а затем самого актера и его роль. У римлян это слово употреблялось не иначе, как с указанием определенной социальной функции, роли – личность отца, царя, обвинителя и т. п. Платон говорит о «трагедии и комедии жизни», в которой люди играют роли, намеченные им судьбой или богами. Образ человека как актера, играющего заданные ему роли и меняющего эти роли в зависимости от возраста и социального положения – один из самых распространенных образов мировой литературы. Достаточно вспомнить

Шекспира:

Весь мир – театр.
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва младенец,
Ревущий горько на руках у мамки...
Потом плаксивый школьник с книжной сумкой,
С лицом румяным, нехотя, улиткой
Ползущий в школу. А затем любовник,
Вздыхающий, как печь, с балладой грустной
В честь брови милой. А затем солдат,
Чья речь всегда проклятьями полна,
Обросший бородой, как леопард,
Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
Готовый славу брэнную искать
Хоть в пушечном жерле. Затем судья
С брюшком округлым, где каплун запрятан.
Со строгим взором, стриженной бородкой,
Шаблонных правил и сентенций кладезь,
Так он играет роль. Шестой же возраст –
Уж это будет нищий Панталоне,
В очках, в туфлях, у пояса – кошель,
В штанах, что с юности берег, широких
Для ног иссохших; мужественный голос
Сменяется опять дискантом детским:
Пищит, как флейта... А последний акт,
Конец всей этой странной, сложной пьесы –
Второе детство, полузабытье:
Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.

Ни в обыденной речи, ни в системе научных понятий мы не можем описать поведение и взаимоотношения индивида с другими людьми и общественными учреждениями иначе, как в терминах выполняемых им социальных ролей. Допустим, мы хотим охарактеризовать личность Ивана Ивановича Иванова. Как мы это будем делать? Прежде всего, путем перечисления его многообразных ролей, функций (мужчина средних лет, учитель, женатый, отец двоих детей, участник художественной самодеятельности и т. д.). Эта характеристика, разумеется, не исчерпывает индивидуальности Иванова, каждая из перечисленных ролей присуща не только ему, но и многим другим людям. Но и без нее обойтись невозможно. Ведь, даже характеризуя индивидуальные качества Иванова (добрый он или злой, отзывчивый или черствый, способный или неспособный), мы невольно подразумеваем, что эти качества проявляются в его социальных ролях. Способный учитель может быть весьма

неспособным писателем или альпинистом. Характер, оцениваемый как мягкий для мужчины, может казаться скорее жестким, если речь идет о женщине. Одно и то же качество у пятнадцатилетнего мальчика воспринимается как милая наивность, а у тридцатилетнего мужчины – как глупость.

Понятие социальной роли широко применяется в современной западной социологии и социальной психологии. Однако понимают его по-разному. Бихевиористская концепция, фиксирующая внимание на непосредственно наблюдаемом поведении людей (behavior – поведение), ограничивает предмет исследования непосредственным взаимодействием между индивидами: действие одного индивида оказывается стимулом, который вызывает ответную реакцию другого. Такая концепция позволяет лишь внешне описать процесс взаимодействия, она не раскрывает ни внутренней структуры личности (разные люди по-разному реагируют на одни и те же стимулы), ни структуры общественных отношений (поведение людей протекает в рамках определенных общественных учреждений, зависит от их общественного положения). Авторы, не удовлетворенные этой схемой (в частности, социологи Т. Парсонс и Э. Шилз), дополняют ее указанием на то, что, с одной стороны, личность обладает собственной внутренней структурой (идеи, желания, установки), которая располагает ее к одним, а не другим ролям; с другой стороны, сами «ролевые ожидания» не являются случайными ситуационными факторами, но вытекают из требований социальной системы. Как пишет Т. Парсонс, любая крупномасштабная социальная система (общество) представляет собой не что-то монолитное, но сложную сеть взаимозависимых и взаимопроникающих подсистем. Один и тот же индивид одновременно участвует во многих системах и имеет много разных ролей; роль определяется как «структурно организованное, т. е. нормативно регулируемое участие лица в конкретном процессе социального взаимодействия с определенными конкретными ролевыми партнерами». Утверждение, высказанное в столь общей форме, не вызывает возражений. Но сразу же встает вопрос: равноценны ли эти различные подсистемы и связанные с ними роли с социальной точки зрения? [...]

Описание личности в терминах ее социальных ролей кажется простым и естественным делом. Но любая социальная роль предполагает определенное социальное положение, позицию, занимаемую индивидом в системе общественных отношений. А это, в свою очередь, соотносится с обществом как целым. Так, положение и роль учителя предполагает существование определенной системы общественного разделения труда. Роли матери и отца зависят от структуры и функций семьи, а они, в свою очередь, определяются более общими социальными процессами. Даже за естественными характеристиками индивида (пол, возраст, этническая принадлежность) стоят, в конечном итоге, социальные свойства.

«Женская» роль, воспринимаемая обычно как следствие биологической организации, на деле обусловлена общественным положением женщины – степенью ее порабощения или, напротив, эмансипации, традиционными видами деятельности и т. п. Возрастные характеристики имеют смысл только в свете существующего в данном обществе взаимоотношения возрастных групп, которое, в свою очередь, зависит от целого комплекса исторических условий. Роли, обусловленные, на первый взгляд, принадлежностью к той или иной этнической группе, фактически определяются существующей системой отношений между разными этническими группами (быть негром в США и на Кубе – совершенно разные вещи).

Следовательно, чтобы понять конкретную личность, недостаточно описать ее непосредственные взаимоотношения с другими людьми. Начинать надо не с индивида и его непосредственного взаимодействия с другими, а с общества как целого, хотя это и кажется более абстрактным.

От общества к личности

Что же такое человеческое общество? На первый взгляд кажется, что общество – просто совокупность индивидов. Как писал Маркс, люди сами являются и актерами, и авторами своей всемирно-исторической драмы. Но состав индивидов меняется, а определенные формы социального взаимодействия, общественные отношения остаются. Отсюда – тезис, что общество состоит не из индивидов, а из совокупности отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу.

Это определение значительно глубже первого, оно фиксирует устойчивость и определенность социальной структуры, не зависящей от воли и желания отдельных индивидов. Но это определение тоже является неполным, так как оно не указывает происхождения соответствующей структуры; его можно истолковать в том духе, что общественные отношения независимы не только от данных, исторически определенных, индивидов, но и от человеческой деятельности вообще. [...]

Отправным пунктом материалистического понимания истории являются не отдельные индивиды (они не существуют вне общества) и не безличные общественные отношения (они суть отношения между индивидами), а практика как совместная деятельность людей. Человеческое общество – это совокупность всех исторически сложившихся форм совместной деятельности людей. В отличие от биологических систем, которые сохраняют свою структуру главным образом через передачу из поколения в поколение определенных наследственных признаков, социальная информация, закодированная в ряде знаковых систем (культура, идеология), передается благодаря деятельности специфических общественных институтов. В основе структуры общества лежит структура самой общественной деятельности. Чем богаче эта деятельность, тем дифференцированнее система общественных отношений, институтов и групп. Так, расчленение

первоначально единого процесса деятельности на материальное и духовное производство породило материальные и идеологические отношения и соответствующую специализацию общественных учреждений. Усложнение процесса общественного производства повлекло за собой возникновение классов и дальнейшую дифференциацию социальных групп. Выделение специфических функций управления вызвало к жизни политику как особую сферу общественной жизни и государство как особый общественный институт.

Ни отдельный индивид, ни каждое поколение как таковое не создают этой сложной системы отношений, а застают ее как нечто готовое, данное. Расчленение общественной деятельности исторически предшествовало появлению данной системы отношений, институтов, социальных групп и т. д. Но в повседневной жизни и сознании индивида эта зависимость переворачивается: способ и форма его жизнедеятельности обусловлены наличной системой общественных отношений. Жизненные функции личности, а следовательно, и ее собственная структура производны от структуры общественных отношений.

Общество как определенная система социальной реальности существует в двух формах – объективной (общественное бытие) и субъективной (общественное сознание), которые тесно связаны друг с другом и даются индивиду как нечто от него не зависящее. [...]

Детерминация индивида обществом не исчерпывается данным ему социальным положением. Она осуществляется и по другой линии. Так же, как и поколения в поколение передаются орудия труда и материальные ценности, передаются и накопленные человечеством опыт и знания, фиксированные в определенных системах значений. Значение какой-либо вещи есть то, чем она является в общественной практике, каким человеческим потребностям она удовлетворяет. Это прежде всего фиксируется в слове. Овладевая речью, индивид вместе с тем овладевает обобщенным в языке человеческим опытом. Он не придумывает, что значит «яблоко», «треугольник», «дом», а усваивает уже готовую, исторически сложившуюся систему значений. Конечно, эти значения как-то индивидуализируются, приобретают специфический личностный смысл, зависящий от личного опыта субъекта, его возраста, пола, социального положения. Слово «дом» в самом обычном значении имеет разный личностный смысл для строителя, туриста, осматривающего город, и человека, стоящего в очереди на квартиру. «Бог» значит не одно и то же не только для верующего и не верующего, но и для представителей разных религий. [...]

Процесс социализации, т.е. усвоения индивидом социального опыта, в ходе которого создается конкретная личность, несводим к непосредственному взаимодействию индивидов. Чтобы от характеристики общества перейти к характеристике личности, необходим ряд этапов и целая система понятий.

Общество, как сложная система, дифференцируется на ряд зависимых подсистем и частных структур (сферы общественной деятельности, классы и социальные группы, общественные институты и т. д.). Это конкретизируется в большом количестве взаимосвязанных друг с другом социальных позиций.

Социальное положение (позиция) индивида – его место в определенной конкретной социальной структуре. В силу сложности общественных отношений каждый индивид занимает множество позиций (учитель – профессиональная позиция, отец – семейная, партгрупорг – общественно-политическая), различающихся по своему значению, определенности и другим признакам.

Лицо, занимающее определенное положение, выполняет определенную социальную роль. Под ролью понимается функция, нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию. Например, от учителя ожидают определенной профессиональной деятельности, с которой ассоциируются и некоторые личностные качества (скажем, умение разбираться в людях). Отцы бывают разные, но роль отца всегда предполагает участие в воспитании детей и соответствующую меру ответственности и т. д. Эти ожидания, определяющие общие контуры социальной роли, не зависят от сознания и поведения конкретного индивида; они даются ему как нечто внешнее, более или менее обязательное; их субъектом является не индивид, а общество или какая-то конкретная социальная группа. Именно то, насколько поведение лица соответствует этим ожиданиям, служит критерием оценки выполнения им данной социальной роли.

Социальные роли, особенно если их рассматривать каждую в отдельности, могут казаться чем-то внешним по отношению к конкретной личности. Наш Иванов не перестанет быть самим собой, если он по каким-либо причинам оставит семью и бросит художественную самодеятельность. Сама множественность социальных ролей, присущих каждому из нас, делает нас более или менее автономными от каждой из этих ролей в отдельности; дальше я подробно рассмотрю этот вопрос. Однако, как показывают специальные исследования, выполнение той или иной социальной роли, особенно если это продолжается долгое время и сама роль существенна для индивида, оказывает заметное влияние на его личностные качества (его ценностные ориентации, мотивы его деятельности, его отношение к другим людям).

[...] Еще более поучительны данные о влиянии на личностные качества человека его профессиональной роли. Представителей некоторых профессий можно легко узнать, даже не зная их рода занятий, по манере поведения и стилю мышления. Это влияние подтверждают и специальные исследования. Например, у многих учителей дидактическая, поучающая манера, выработанная в школе, нередко проявляется и в сфере личных отношений. Привычка упрощать сложные вещи, чтобы сделать их

понятными детям, если с ней не бороться, рождает известную прямолинейность, негибкость мышления. Сдержанность, вызванная необходимостью «держаться в руках» класс, проявляется и вне школы. Как показывают данные А. А. Бодалева, люди разных профессий обнаруживают тенденцию по-разному воспринимать внешний облик другого человека. Американские социологи, исследовавшие психологические особенности государственных чиновников, пришли к выводу, что безличный характер административной деятельности, строгая приверженность к правилам и распорядкам, часто совершенно формальным, способствуют общему обеднению эмоциональной жизни человека, появлению формализма и сухости и в его личных взаимоотношениях, ничего общего со службой не имеющих. Экспериментально доказана зависимость ценностных ориентаций личности от ее социальной роли.

Однако сама по себе социальная роль еще не определяет поведение лица. Для этого она должна быть усвоена, интернализирована. Интернализированная роль – это внутреннее определение индивидом своего социального положения и его отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям. Обязанности отца вообще не зависят от особенностей Ивана Ивановича Иванова, они определяются структурой современной семьи и ее функциями в более общей системе общества. Но как понимает эту роль Иван Иванович, какое значение он ей придает, какое место занимает она в его жизни, как она согласуется с другими его социальными ролями – дело весьма индивидуальное, зависящее от особенностей его биографии. Одна и та же социальная роль по-разному воспринимается, переживается, оценивается и реализуется разными людьми. Здесь сказываются как индивидуально-психологические особенности личности (ее темперамент, характер, склонности), так и усвоенные ею социальные установки, ценностные ориентации и т.п.

Таким образом, понятие социальной роли является центральным при описании и анализе непосредственного взаимодействия индивидов. Но оно требует дополнения с двух сторон. Во-первых, ролевое поведение личности (т.е. её действия в качестве учителя, отца или партгрупорга) можно понять только в рамках более общей социальной системы, от которой производны и с которой соотносятся частные социальные структуры. Во-вторых, межличностный ролевой анализ должен быть дополнен интраиндивидуальным подходом, позволяющим перейти от структуры взаимоотношений данного индивида с другими к его внутренней психологической структуре, одним из элементов которой является интернализированная роль. Существует множество различных подходов к этой проблеме. С точки зрения социолога, как правильно отметил В. А. Ядов, наиболее важной «переходной» категорией в этом плане является категория интереса.

Интерес есть, с одной стороны, социально-экономическое, а с другой

– индивидуально-психологическое явление. С точки зрения социолога, интерес – это социальное «положение, рефлектирующееся в сознании, и вместе с тем сознание, переходящее в действие... Объективным моментом интереса является положение субъекта, субъективным моментом – идеальные побудительные силы: желания, стремления, мотивы деятельности. Предметы и объекты этих мотивов оказываются содержанием интереса, отражаются в сознании субъекта сообразно его положению, положение же выражается в содержании интересов. Следовательно, интерес есть единство выражения (обнаружения, проявления) внутренней сущности субъекта и отражения объективного мира, совокупности материальных и духовных ценностей человеческой культуры в сознании этого субъекта». Интерес, обусловленный социальным положением лица, его классовой, групповой принадлежностью, преломляется в определенной системе мотивов, установок и ориентаций.

Мотив обозначает субъективное отношение человека к своему поступку, сознательно поставленную цель, направляющую и объясняющую поведение. Изучая, например, мотивы трудовой деятельности рабочего, социологи стремятся выяснить, что именно побуждает его трудиться, чем определяется его осознанное отношение к труду. Мотивы зависят как от особенностей индивида, так и от конкретной ситуации и могут быть противоречивыми и непоследовательными. Гораздо глубже лежит установка, определяющая отношение группы или индивида к какому-либо объекту, а также самый способ его восприятия. Установка – состояние готовности к определенной активности, способной удовлетворить ту или иную потребность. Установка оказывает руководящее влияние на отношение индивида ко всем связанным с нею объектам. Теорию установки на большом экспериментальном материале разрабатывал советский психолог Д. Н. Узнадзе. Установка не только более устойчива, нежели мотив, но и гораздо сложнее: она включает и мысль, и чувство, и побуждение к действию. Причем сам субъект обычно не осознает наличие у него той или иной установки. Наконец, ориентация – это целая система установок, в свете которых индивид (группа) воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ действий. Ориентации, направленные на какие-то социальные ценности, называются ценностными ориентациями.

Восприятие и оценка личностью ее социальных ролей в огромной степени определяется типичной для нее системой ценностных ориентаций. Подобно ролевой структуре, они одновременно социальны и индивидуальны. Они социальны потому, что обусловлены положением лица, а также системой общественного воспитания, пропаганды и т. п. Совокупность типичных ценностных ориентаций, свойственных личности в данном обществе, называется социальным характером. В то же время они индивидуальны; поскольку в них аккумулируется неповторимый

жизненный опыт данного лица, своеобразие его интересов и потребностей.

Социологический анализ, отправляясь от общества как системы, через дифференциацию социальных функций и ролей, приводит к человеку как социальному типу. Но конкретная личность это не только социальный тип. [...]

Кон И. С. Социология личности / Кон Игорь Семенович. – М.: Политиздат. – 1967. – 383 с. – С. 6-28.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятия «личность»
2. Как соотносятся понятия «личность», «индивид», «индивидуальность»?
3. Какие науки изучают личность?
4. Раскройте специфику социологического подхода к проблеме личности
5. Дайте определение понятиям: «мотив», «установка», «ценностные ориентации»
6. Что такое социальный статус и социальная роль ?

Чарльз Хортон Кули
Человеческая природа и социальный порядок
Глава V Социальное Я

Для начала стоит отметить, что в данной работе слово я понимается лишь в том его значении, которое в обыденной речи выражают местоимения первого лица единственного числа – «я» («I»), «меня», «мое», «мне» и «(я) сам». [...]

Так как «я» дано нам в опыте прежде всего как чувство, как чувственная составляющая наших представлений, то его нельзя описать или определить, не вызывая в душе этого чувства. Рассуждая о чувствах и эмоциях, мы иногда скатываемся к формальному пустословию, пытаясь определить то, что по своей природе является исходным и неопределимым. Формальное определение чувства я, а по сути, любого чувства, неизбежно будет столь же бессодержательным, как и формальное определение вкуса соли или красного цвета; мы можем познать их только на собственном опыте. Нельзя никак иначе окончательно удостовериться в существовании я, как только ощутив его; именно к нему мы относимся как к чему-то «моему». Но коль скоро это чувство нам так же привычно и легко представимо, как вкус соли или красный цвет; то не должно вызывать трудностей и понимание того, что оно означает. Стоит лишь представить, как кто-то задевает наше я, насмехается: над нашей одеждой, пытается отнять нашу собственность, ребенка или старается клеветой очернить наше доброе имя, как чувство я дает о себе знать немедленно. В самом деле, стоит лишь подчеркнуто произнести одно из таких слов, как «я» или «мое», и чувство я возникает по ассоциации. Другой хороший способ – проникнуться духом самоутверждения, сопереживая

литературному герою. [...]

Чувство я рефлексивного и умиротворенного свойства, созерцание с оттенком присвоения хорошо передает слово «любование». Любоваться в этом смысле – это все равно что думать «мое, мое, мое», ощущая в душе приятную теплоту. Так, мальчик вожделенно любит собственноручно выпиленным узором, подстреленной из ружья птицей, собственной коллекцией марок либо птичьих яиц; девочка любит новыми платьями и жадно ловит одобрительные слова и взгляды окружающих; фермер радуется, глядя на свои поля и поголовье скота; коммерсант любит своим магазином и счетом в банке; мать – своим ребенком; поэт – удачной строфой; уверенный в своей правоте человек – своим душевным состоянием; и так же радуется любой человек, видя успех своего задушевного замысла.[...]

Но, когда мы употребляем это слово попросту, не рефлекслируя, как в обыденной речи, мы не так уж часто связываем его с телом, отнюдь не так часто, как, например, с другими вещами. Это утверждение несложно проверить, ибо слово «я» одно из наиболее употребляемых в разговоре и литературе, так что ничто не мешает изучить его значение со всей возможной тщательностью. Нужно лишь прислушаться к обыденной речи, пока это слово не встретится в нем, скажем, сотню раз, примечая, в какой связи его произносят, или же рассмотреть такое же количество случаев его употребления героями какого-нибудь романа. Обычно обнаруживается, что «я» обозначает тело говорящего не более чем в десяти случаях из ста. Главным же образом оно отсылает к мнениям, целям, желаниям, требованиям и подобным вещам, которые не заключают в себе никакой мысли о теле. Я думаю или чувствую так-то и так-то; я желаю или намереваюсь сделать то-то и то-то; я хочу того-то и того-то – вот примеры его типичного употребления, когда чувство я связано со взглядами, целями или их объектами. Следует также помнить, что «мое» в той же степени выступает именем я, как и «я», но, разумеется, обычно оно обозначает разнообразное имущество.

[...] Как уже отмечалось, эволюция инстинктивного чувства я, без сомнения, связана с его важной функцией побуждать к действиям и сводить воедино отдельные действия индивидов. По-видимому, главным образом это чувство связано с идеей применения власти и идеей быть причиной чего-либо, в которых подчеркивается противоположность сознания и остального мира. Вероятно, первые отчетливые мысли, которые ребенок связывает с ощущением собственного я, вызваны его самыми ранними попытками управлять видимыми объектами – своими руками и ногами, игрушками, бутылочкой и т. п. Затем ребенок пытается управлять действиями окружающих, и, таким образом, область на которую распространяется его власть и ощущение собственного я, непрерывно расширяется, вбирая в себя все более сложные предметы мира взрослых. Хотя ребенок и не говорит «я» или «мое» в течение первого года или двух, своими действиями он все же так ясно выражает чувство, которое с этими словами связывают взрослые, что мы

не вправе отказывать ему в собственном я даже на первых неделях жизни.

Взаимосвязь между чувством я и целенаправленной деятельностью нетрудно заметить, наблюдая за ходом какого-нибудь творческого предприятия. Если мальчик занят постройкой лодки и у него это получается, его интерес к делу растет, он любуется дорогими его сердцу килем и форштевнем; ребра лодки значат для него больше, чем его собственные. Ему не терпится показать ее друзьям и знакомым: «Смотрите, что я делаю! Правда, здорово?» Он ликует, когда его работу хвалят, и чувствует себя обиженным или оскорбленным, если в ней обнаруживают какой-то дефект. Но, как только лодка закончена и он начинает заниматься чем-то другим, его чувство я в отношении нее начинает угасать, и самое большее через несколько недель он становится к ней почти равнодушен. Всем нам хорошо известно, что почти такой же сменой чувств сопровождается и творчество взрослых. Работая над картиной, поэмой, эссе, возводя сложную каменную постройку, создавая любое другое произведение искусства или ремесленное изделие, невозможно не связать с ними свое чувство я, нередко доходящее до сильного волнения и горячего желания быть оцененным по достоинству, которые быстро ослабевают, когда работа близится к концу, а по ее завершении часто сменяются равнодушием.[...]

Социальное я – это просто представление или система представлений, почерпнутая из общения с другими людьми, которые сознание воспринимает как свои собственные. Область, на которую главным образом распространяется чувство я, лежит в пределах общей жизни, а не вне ее; те специфические индивидуальные склонности или стремления, эмоциональным аспектом которых выступает чувство я, находят свое важнейшее проявление в сфере личных влияний, отражаемых в сознании человека как совокупность его представлений о самом себе.

Связанная с мыслью о других людях, идея я всегда есть осознание человеком индивидуальности или своеобразия своей жизни, поскольку именно эту сторону жизни необходимо поддерживать целенаправленными усилиями, и именно она агрессивно проявляет себя всякий раз, когда, по мнению человека, его собственные устремления идут вразрез с устремлениями других людей, с которыми он мысленно себя соотносит. Именно здесь агрессивность особенно необходима для того, чтобы побуждать человека к характерной для него деятельности, способствовать развитию тех личных особенностей, которых, по-видимому, требует осуществление общего хода жизни. Как говорит Шекспир:

«Труды сограждан разделило небо,
Усилья всех в движенье привело...» ,

и чувство я – одно из средств достижения разнообразия этих трудов.

В соответствии с этой точкой зрения агрессивное я наиболее явно проявляется в стремлении завладеть предметами, притягательными и для всех остальных; и это обусловлено как тем, что власть над такими предметами нужна человеку для собственного развития, так и угрозой противодействия со

стороны других людей, также нуждающихся в них. С материальных предметов я распространяет свою власть дальше, стремясь таким же образом завладеть вниманием и привязанностью окружающих, вобрать в себя всевозможные замыслы и стремления, включая и самые благородные, а по сути – любую идею, которая, как может показаться человеку, станет частью его жизни и потребует отстоять ее перед другими людьми. Попытка ограничить значение слова я и производных от него слов только низменными личными целями не имеет под собой оснований и не согласуется со здравым смыслом, о чем свидетельствует употребление «я» с подчеркнутым ударением в связи с чувством долга и другими высшими мотивами. Это нефилософский подход, ибо он игнорирует назначение я быть органом личностных стремлений как высшего, так и низшего порядка.

Тот факт, что в обычной речи значение «я» содержит так или иначе ссылку на других людей, обусловлен именно тем, что это слово и выражаемые им идеи суть феномены языка и общения. Кажется сомнительным, что вообще можно пользоваться языком, не имея никакой более или менее отчетливой мысли о ком-то другом. Наоборот, мы практически всегда даем имена и отводим важную роль в рефлексивном мышлении именно тем предметам, которые запечатлеваются в нашем сознании благодаря общению с другими людьми. Без общения не может быть никаких имен и связных мыслей. Поэтому то, что мы называем «я», «мое» или «(я) сам», не отделено от общей жизни, а составляет ее наиболее интересную сторону; и я интересно именно тем, что оно одновременно и всеобщее, и индивидуальное. Иными словами, мы питаем к нему интерес по той, собственно, причине, что именно эта часть нашего сознания существует и пробивает себе дорогу в общественной жизни, пытаясь оказать давление на сознание других людей. Я – это активная социальная сила, стремящаяся захватить и расширить себе место в общем раскладе сил. Подобно всему живому, оно растет, покуда есть возможность. Мыслить его отдельно от общества – вопиющая нелепость, в которой нельзя обвинить того, кто действительно усматривает в я явление жизни.[...]

Ссылка на других людей, содержащаяся в значении я, может быть отчетливой и конкретной, как в случае, когда мальчик сгорает со стыда, будучи застигнутым матерью за тем, что она ему запретила, или неопределенной и общей, как в случае, когда человек стыдится за содеянное, о котором ведает и которое осуждает лишь его совесть, выражающая его чувство ответственности перед обществом; но эта ссылка имеет место всегда. Не существует такого значения «я», которое не имело бы смысловой соотнесенности с ты, он или они. [...]

Выше я уже отмечал, что мы отождествляем тело с я, когда оно приобретает социальную функцию или значимость, как, например, в случае, когда мы говорим: «Я сегодня хорошо выгляжу» или «Я выше тебя ростом». Мы вводим его в социальный мир и поэтому помещаем в нем свое осознаваемое я. Любопытно, хотя и вполне понятно, что точно таким же образом мы можем назвать местоимением «я» любой неодушевленный объект,

с которым мы связываем свои желание и цель. Это легко заметить в таких играх, как гольф или крокет, где мяч воплощает удачные ходы игрока. Вы можете услышать от человека: «Я в высокой траве ниже третьей метки» или «Я перед средней дугой». Мальчик, запускающий воздушного змея, скажет: «Я выше, чем ты», а человек, стреляющий по мишени, заявит, что он чуть ниже яблочка.

В многочисленных и интересных случаях ссылка на других осуществляется таким образом, что человек более или менее отчетливо представляет себе, как его я, то есть любая идея, которую он считает своей, воспринимается другим сознанием, и возникающее при этом у человека чувство я определяется тем, как, на его взгляд, это другое сознание относится к данной идее. Социальное я такого рода можно назвать отраженным или зеркальным я. [...]

Подобно тому, как, видя свое лицо, фигуру и одежду в зеркале, мы проявляем к ним интерес, потому что они наши, и бываем довольны или не довольны ими в зависимости от того, отвечают ли они тому, какими мы хотим их видеть, или нет, так и в воображении мы рисуем себе, что другие думают о нашей внешности, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т. д., и это оказывает на нас самое разнообразное влияние.

Такого рода идея я, по-видимому, включает три основных элемента: представление о том, как мы выглядим в глазах другого человека; представление о том, как он судит об этом нашем образе, и некое чувство я, вроде гордости или стыда. Сравнение с зеркалом не позволяет выявить второй элемент – воображаемое суждение, – который весьма существен. В нас рождает гордость или стыд не просто наше механическое отражение, а приписываемое кому-то мнение, воображаемое воздействие этого отражения на другое сознание. Это явствует из того факта, что для нашего чувства я большое значение имеют характер и авторитет того человека, в чьем сознании мы себя видим. Мы стыдимся показаться лживыми в глазах человека прямого и честного, трусливыми в глазах смелого, вульгарными в глазах утонченного и т. д. Мы всегда представляем себе суждения других и, представляя, разделяем их. Перед кем-то одним человек будет хвастаться своим поступком, скажем, ловкой торговой сделкой, а перед кем-то другим ему будет стыдно в нем сознаться. [...]

Итак, на мой взгляд, ребенок, как правило, вначале связывает «я» и «мне» только с тем, в отношении чего возникает и благодаря противодействию приобретает отчетливые формы его чувство присвоения. Он присваивает себе свой нос, глаз или ногу во многом так же, как присваивает игрушку, – противопоставляя их другим носам, глазам и ногам, которыми он не может распоряжаться. Часто маленьких детей дразнят, предлагая отнять у них одну из этих частей тела, и они реагируют именно так, будто «мое», которому угрожают, является чем-то делимым, и они знают, что его можно отнять. Согласно моему предположению, даже во взрослой жизни «я», «мне» и «мое» применяются в своем полном смысле только к тому,

что обозначилось как собственно наше в силу некоторого противодействия или противопоставления. Эти местоимения всегда предполагают социальную жизнь и связь с другими людьми. То, что является сугубо моим, относится к очень личному, это верно, но именно эту сокровенную часть своей личной жизни я противопоставляю остальному миру: она есть не нечто обособленное, а особое. По существу, агрессивное я является воинственной составляющей сознания, очевидное назначение которой – побуждать к характерной для каждого деятельности, и, хотя воинственность может не иметь явных, внешних проявлений, она всегда присутствует как установка сознания. [...]

Процесс развития у детей чувства я зеркального типа можно проследить без особых затруднений. Внимательно следя за поведением других, дети довольно скоро замечают связь между своими действиями и изменениями в этом поведении, т. е. они начинают осознавать свое собственное влияние или власть над людьми. Ребенок присваивает себе наблюдаемые им действия родителей или няни, над которыми, как выясняется, он имеет некоторую власть, присваивает совершенно так же, как свою руку, ногу или игрушку. Он будет пытаться обращаться с этим новым приобретением так же, как со своей рукой или погремушкой. Девочка шести месяцев будет стараться самым явным и нарочитым образом привлечь к себе внимание, пуская в ход некоторые из тех действий других людей, которые она себе присвоила. Она вкусила радость быть в центре внимания, применять власть над другими и желает ее все больше. Она будет тянуть мать за юбку, вертеться, гукать, протягивать к ней руки, неотступно следя за произведенным эффектом. Подобные выкрутасы ребенка, даже в этом возрасте, часто выглядят как так называемая аффектация, ибо его, похоже, заботит только то, что подумают о нем другие люди. Аффектация в любом возрасте встречается там, где страстное желание оказывать влияние на других, по-видимому, берет верх над сложившимся характером, внося в него явный разлад и искажение. [...]

Юный лицедей быстро учится вести себя по-разному с разными людьми. Это означает, что он начинает понимать характер окружающих людей и предвидеть их поступки. Если мать или няня скорее ласковы с ним, нежели строги и справедливы, он почти наверняка будет «обрабатывать» их систематическим плачем. По общему наблюдению, дети часто хуже ведут себя с матерью, чем с другими, менее близкими им людьми. Из новых же людей, с которыми знакомится ребенок, одни явно производят на него сильное впечатление и будят в нем желание заинтересовать и понравиться, тогда как другие оставляют равнодушным или же вызывают неприязнь. Иногда можно понять или угадать причину этого, иногда – нет, но к концу второго года жизни налицо избирательность в проявлении интереса, восхищения и признания авторитета. К этому времени ребенка уже сильно заботит впечатление, производимое им на одних людей и очень мало – на других. Более того, он начинает предъявлять притязания на близких и

покладистых людей как на нечто такое, что принадлежит ему наряду с другими вещами, и обороняет свои владения от любых посягательств. [...]

Сомневаюсь, что в развитии социального чувства я и его общих проявлений у большинства детей можно выделить какие-либо регулярные стадии. Ощущения собственного я вырастают незаметными шагами из примитивного инстинкта присвоения, свойственного новорожденным, и их проявления бесконечно разнообразны в разных случаях. У многих детей «самосознание» заметно выражено уже с полугода, тогда как другие мало обнаруживают его в любом возрасте. Третьи же проходят через периоды аффектации, длительность и время наступления которых, вероятно, отличаются крайним разнообразием. В детстве, как и в любом другом периоде жизни, поглощенность какой-либо идеей, отличной от социального я, ведет к вытеснению «самосознания». [...]

Социальное я может быть источником смутного волнения – более общего по своему характеру, нежели любая конкретная эмоция или чувство. Так, одно лишь присутствие людей, «ощущение других людей», как говорит профессор Болдуин, и сознание того, что они наблюдают за тобой, часто служат причиной неясного беспокойства, неуверенности и неловкости. Человек чувствует, что о нем складывается неведомое ему представление, и это вызывает у него смутную тревогу. Многие люди, возможно большинство, в той или иной степени испытывают дискомфорт и смущение, чувствуя на себе взгляды незнакомых людей, а для кого-то неприятно и даже невыносимо простое нахождение в одной комнате с незнакомыми и не вызывающими симпатии людьми. [...]

Возможно, кто-то сочтет, что я преувеличиваю важность социального чувства я, ссылаясь на людей и периоды человеческой жизни, которые отличает чрезмерная чувствительность. Но я уверен, что это чувство на протяжении всей жизни в той или иной форме побуждает к деятельности всех психически нормальных людей и дает главную пищу для их воображения. Мы не особенно о нем задумываемся – как, впрочем, и о других чувствах, – пока оно в меру и регулярно утоляется. Многие уравновешенные и деятельные люди едва ли осознают, что их заботит мнение о них других людей, и будут отрицать, возможно, с негодованием, важную роль этого мнения в том, что они собой представляют и что делают. Но это иллюзия. Стоит только потерпеть неудачу или пережить позор, стоит только внезапно обнаружить на лицах людей холодность или презрение вместо привычных доброжелательности и уважения, как, потрясенный, напуганный, ощущающий себя отверженным и беспомощным, человек сразу начинает понимать, что жил в сознании других, не ведая об этом, подобно тому, как мы ежедневно ходим по земле, не задумываясь над тем, как она нас выдерживает. [...]

Надо, однако, признать, что, когда мы пытаемся описать социальное я и проанализировать составляющие его психические процессы, оно почти неизбежно предстает более рефлексивным и «самосознательным», нежели

обычно является. [...]

Групповое я или «мы» – это попросту я, включающее других людей. Человек отождествляет себя с группой людей и, говоря об общей воле, мнении, работе и т. п., употребляет слова «мы» или «нам». Смысл их рождается из сотрудничества внутри группы и ее противостояния внешнему окружению. Семью, которой пришлось преодолевать экономические трудности, обычно связывает общность интересов – «мы выкупили закладную», «мы посылаем мальчиков в колледж» и т. п. Студент отождествляет себя со своим курсом или университетом, когда те участвуют в общественных мероприятиях, особенно в спортивных состязаниях с другими курсами или учебными заведениями. [...]

Примечательно, что национальное я, а по сути, любое групповое я можно ощутить только в связи с каким-то значительным объединением людей, так же как свое индивидуальное я мы ощущаем только в связи с другими индивидами. Нам был бы неведом патриотизм, если бы мы не осознавали существования других народов. Создание союза объединенных наций, в котором мы все чрезвычайно заинтересованы, привело бы не к умалению патриотизма, как заявляют невежды, а к повышению его статуса, сделало бы его более жизнеспособным, долговечным, разнообразным и отвечающим интересам людей. Он бы больше напоминал самосознание разумного индивида, участвующего в постоянном и дружественном общении с другими, чем грубое самоутверждение того, в ком окружающие вызывают лишь подозрение и враждебность. [...]

Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. / Кули Чарльз Хортон / Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с. – С. 125-154

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как Вы понимаете термин «социальное Я»
2. Как происходит формирование человеческого Я?

Елена Борисовна Шестопал
Политическая психология

Глава 9. Политическая социализация индивида

В отличие от животных человек приходит в этот мир, не будучи оснащенный специфическим набором инстинктов, позволяющим ему выжить в обществе. Навыками социального поведения он обзаводится в процессе вхождения в общество. Это в полной мере относится и к политическому поведению, и к сознанию, которое мы усваиваем в ходе становления личности. Этот процесс в психологии и социологии принято обозначать как процесс социализации. В случае, когда в течение жизни личности приходится переучиваться, обзаводясь новыми ценностями и установками, принято говорить о ресоциализации.

В психологии и социологии процесс социализации (от лат. *socialis* – общественный) описывается как включение индивида в общество через оснащение его опытом предыдущих поколений, закрепленным в культуре. Этот процесс, с одной стороны, решает проблемы индивида, помогая ему стать полноправным членом своей группы, с другой – обеспечивает жизнедеятельность общества и преемственность самой культурной традиции.

Что происходит с личностью в ходе социализации? Прежде всего социализация может пониматься как ее социальное созревание, что предполагает перевод требований общества внутрь самой личности или интериоризацию. По мере того как человек научается действовать в соответствии с социальными нормами, влияние внешних побудительных причин уменьшается, а значение его внутренних убеждений, потребностей и интересов возрастает. Используя фрейдовскую терминологию, можно говорить о становлении супер-эго. Эрик Берн называл этот компонент личности «Родителем». Как бы не называлась эта инстанция, речь идет о том, что внутри личности появляется относительно независимая «общественная инспекция», не позволяющая человеку преступить усвоенные им табу. Если же он это делает, то самым страшным наказанием ему становятся не осуждение окружающих, а его собственные стыд и муки совести. Адаптацию и развитие личности обеспечивают такие психологические механизмы, как интериоризация опыта общества и экстериоризация опыта индивида.

Процесс социализации имеет стадийный характер. Среди ученых нет единства в представлении о длительности каждого этапа и процесса в целом. Так, одни авторы считают, что социализация ограничена детским и юношеским возрастом, после чего можно говорить о ресоциализации. Другие считают, что социализация длится всю жизнь, а стадии ее соответствуют не только этапу взросления организма, но и вхождению человека в новые социальные группы. Поэтому, скажем, освоение пенсионером своей новой социальной роли также отмечает новую стадию социализации, требующую от личности получения новой информации, нового стиля отношений с людьми и новых навыков поведения в этой роли. Ресоциализация же предполагает не просто освоение новых социальных ниш, а переучивание, замену того, что было прочно усвоено в детстве и юности и что составляло фундамент данной личности.

Очевидно, что усвоение правил хорошего тона и модных идей происходит не автоматически. Общество не пускает это дело на самотек. В любом человеческом сообществе есть специальные институты, отвечающие за вовлечение в ту или иную группу новых членов и их обучение. Под институтами социализации принято понимать элементы социальной структуры, призванные передавать индивиду образцы поведения, нормы, ценности. Эти институты включают как специально организованные механизмы целенаправленного воздействия на личность

(школа, пропаганда и пр.), так и стихийные, не поддающиеся общественному контролю (неформальные группы сверстников). Кроме институтов можно говорить о более широком понятии – факторах социализации, под которыми понимаются условия, определяющие этот процесс: микро- и макросреда, образ жизни, уровень развития общественного сознания и т.п. Эти обобщенные социальные факторы действуют на нас и непосредственно. Так, скажем, коснувшаяся человека безработица, кризис или война быстро меняет многие его представления о жизни, иногда весьма глубинные. Чаще всего факторы выступают в виде персонифицированных носителей общественного влияния, которые получили название агентов социализации. К их числу относятся родители и члены семьи, сверстники и учителя, священник и начальник на работе, молодежный кумир и другие, значение которых не равнозначно для личности, но каждый из которых по-своему вводит ее в социум.

Среди социологов и психологов можно встретить различные трактовки процесса социализации. Одни видят его смысл в обуздании природных инстинктов, другие рассматривают его как результат межличностного общения, третьи считают главным тренировку в исполнении социальных ролей и научение нормам культуры.

Политическая социализация рассматривается по аналогии с общим процессом социализации, как процесс включения человека в политическую систему. С точки зрения системы в процессе политической социализации происходит воспроизводство ее институтов, осуществляется преемственность важнейших политических ценностей. Необходимость этого процесса для сохранения системы связана прежде всего с приходом в политику новых поколений. Со сменой политического ландшафта даже в рамках одного жизненного цикла возникает необходимость рекрутировать новых участников, снабдить их официальными ценностями и тем самым укрепить систему. Эта задача стоит и перед отдельными политическими организациями и партиями применительно к своим членам и сторонникам.

Человеку для его становления в качестве гражданина необходимо получить систему политических ценностей, идей, в которые он может верить, и ориентаций в политической среде, которые позволят ему адаптироваться к ней. Политическая социализация на уровне индивида представляет собой перевод требований системы в структуру личности, интериоризацию ее ключевых политико-культурных элементов.

В современных обществах актуальны две проблемы. Первая – как происходит включение личности в политику в рамках всей политической системы, т. е. на макроуровне. Анализ политической социализации, очевидно, следует начинать с того, чтобы представить себе, под влиянием каких социальных условий происходит становление типичных форм политического поведения и сознания, как разные политические партии и организации мобилизируют новых членов, какие идеологические веяния определяют политический климат в данный момент. Каждое поколение

несет на себе отпечаток специфических исторических условий, в которых происходило их становление.

Вторая – какие особенности политической социализации на микроуровне – уровне малых групп и личности. Здесь нельзя не учитывать локальные условия созревания человеческой личности в конкретной семье, ближайшем окружении. Именно через них происходит процесс усвоения политических ролей, образцов поведения.

Политическая социализация, как и общий процесс социализации, происходит поэтапно, по стадиям, что обусловлено возрастными изменениями личности. В современном обществе он начинается буквально с рождения. Речь, конечно, не идет об освоении политических понятий или ролей. Однако уже в первые годы жизни ребенок знакомится с конфигурацией властных отношений в семье, что в последствии скажется на восприятии этим человеком власти в государстве. К 3-4 годам ребенок приобретает первые сведения о политике через семью, ближайших родственников и средства массовой информации. Позже, если он идет в детский сад, происходит его знакомство с официальными политическими ценностями, транслируемыми через детскую литературу, песни, праздники и т. д.

С началом школьного обучения начинается новая стадия политической социализации. В любой политической системе (авторитарной или демократической) школа является одним из важнейших институтов политического воздействия на будущих граждан. Через учителей и учебники, детские и юношеские политические организации, через неформальные объединения ребенок приобщается как к официальным, так и к оппозиционным политическим идеям.

Юношеский этап политической социализации характеризуется включением новых агентов. На этой стадии усиливается влияние неформальных групп, молодежной субкультуры в целом с ее особым языком, символами, ценностями, нередко противоречащими ценностям «взрослой» политики. [...]

[...] Политическая социализация не завершается с получением паспорта, она продолжается всю жизнь. Этапы и стадии дальнейшего политического развития определяются не только собственно возрастными изменениями, но и освоением новых политических ролей, опытом личного участия. Базовые представления человека о политике, его политическая картина мира могут меняться, корректироваться, но ее основные параметры фиксируются в структуре личности. В случаях дисфункции системы, затрудняющих передачу политических ценностей (прежде всего официальных) новым поколениям, у последних происходит возврат к ранним базовым представлениям, полученным на этапе первичной социализации. [...]

Шестопал Е. Б. Политическая психология: Учебник для студентов / Е.Б.Шестопал. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – 427.- С.223-227.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что представляет собой социализация и ресоциализация?
2. Что такое интериоризация?
3. Что собой представляют институты социализации и факторы социализации?
4. Что происходит с личностью в ходе социализации?
5. Как происходит включение личности в политику в рамках всей политической системы и отдельных групп?
6. Когда начинается политическая социализация?

Тема 14. Личность и политика. Политическая элита и политическое лидерство

***Геннадий Константинович Ашин,
Евгений Васильевич Охотский
Курс элитологии
Глава IV***

Спор о термине элита. Элита и господствующий класс

Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *eligere* – выбирать. Непосредственно же этот термин получил широкое хождение, будучи взятым из французского *elite* – «лучший», «отборный», «избранный». Начиная с XVII века он употреблялся для обозначения товаров наивысшего качества. В XVIII веке хождение этого термина расширилось, его стали использовать для именованя «избранных» людей, прежде всего, высшей знати, а также отборных (элитных) воинских частей. Понятие это стали применять также в генетике, селекции, семеноводстве для обозначения лучших семян, растений, животных в целях их дальнейшего разведения.

В Англии, как свидетельствует Оксфордский словарь 1823 года, этот термин стал применяться к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. Тем не менее, понятие элиты не использовалось широко в общественных науках. Только на рубеже XIX – XX вв. В. Парето, Г. Моске, Р. Михельсу удалось более предметно и конкретно сформулировать научно-философскую концепцию элиты. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что этимология может иметь сугубо вспомогательное значение при определении содержания понятия, которое выступает как момент, узловой пункт, а отчасти и результат определенной социальной концепции.

Что же такое элита? [...] Если суммировать основные значения, в которых этот термин употребляется философами, социологами и политологами, то получится весьма пестрая картина.

Начнем с определения В. Парето, который, собственно, и ввел это

понятие, сделал элиту объектом специального научного анализа и представил его в форме определенной системы взглядов относительно того социального слоя, который в силу обладания наибольшим количеством позитивных качеств, видов ценностей и приоритетов (власть, богатство, происхождение, культура и высший уровень компетентности, сила воли, место в церковно-духовной сфере и т. д.) занимает наиболее влиятельные позиции в общественной иерархии. Именно так рассматривает Парето это понятие в «Трактате всеобщей социологии». В другой своей работе пишет, что «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества», «так называемые высшие классы» и составляют элиту, «аристократию» (в этимологическом значении: *aristos* – лучший), большинство тех, кто в нее входит, «как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами – неважно, хорошими или дурными, – которые обеспечивают власть».

Среди других определений элиты отметим следующие:

- наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством (Моска). Для него однозначно: элита – обязательный и необходимый элемент любой социальной общности, своеобразный авангард и ответственный фактор управления обществом. Сильная и мудрая элита – неперемное условие устойчивого функционирования власти, поступательного развития общества, динамизма его экономической, политической, социальной, духовной сфер;
- лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством, обладающие наибольшей властью (Г. Лассуэлл);
- группа людей, занятая политикой и управлением государством. Как научная категория элита достаточно точно выражает взаимоотношения общества и людей во власти (С. Беляев);
- люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу (Л. Бодэн).

Знакомясь с произведениями элитологов, нельзя не отметить идеализацию и преувеличение некоторыми из них роль элитных слоев, считая их чуть ли не главным условием успешного социального развития. Подчеркивают они и особую значимость авторитета, интеллектуального и морально-психологического превосходства элиты над массой. Трудящиеся массы, как пишет Х. Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс», не должны оставаться без руководства, выходить на улицы и митинговать. Они появились на свет лишь для того, чтобы быть пассивными, чтобы кто-то влиял на них, направлял, представлял и организовывал. «Человек масс» нуждается в руководстве со стороны элиты, лидеров;

- лица, обладающие позициями власти (А. Этциони), формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (Т. Дай);
- «боговдохновенные» личности, которые откликнулись на «высший

призыв», услышали «зов» и почувствовали себя способными к лидерству (Л. Фройд);

- творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби);

- сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элиты) – В. Гэттсмен и другие теоретики элитного плюрализма;

- наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего из научной и технической интеллигенции, менеджеров и высших служащих в системе бюрократического управления (представители технологического детерминизма), люди, обладающие качествами, которые воспринимаются в данном обществе как наивысшие ценности (сторонники ценностной интерпретации элиты); лица, осуществляющие в государстве власть, принимающие важнейшие решения и контролирующие их выполнение посредством бюрократического аппарата (Л. Санистебан);

- руководящий слой в любых социальных группах – профессиональных, этнических, локальных (например, элита провинциального города); лучшие, наиболее квалифицированные представители социальной группы (элита летчиков, шахматистов или даже воров и проституток – Л. Боден). В любом случае дихотомия «элита – масса» является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры.

Сравним и коротко проанализируем эти определения. Под элитой практически все ученые-элитологи понимают сравнительно небольшие группы избранных лиц, отличающихся сильной волей и обширными знаниями, занимающих ведущее положение в политической, экономической, военной или духовной сферах. Это группы, которые, обладая высшим социальным статусом, определенным единством интересов и целей, а также большими официальными полномочиями, могут контролировать деятельность всех ключевых институтов общества. Только благодаря этому сильная элита способна, по их убеждению, обуздать революционный иррационализм масс, обеспечить в обществе стабильность и необходимый порядок.

Будучи сторонниками системного, структурно-функционального анализа социальных структур и политических явлений, многие ученые рассматривают элитные слои как особую, достаточно открытую для внешних влияний систему, которая сильна своим внутренним единством – интегрированностью. Причем это не просто система, а саморегулирующаяся система, которая в соответствии со складывающейся конъюнктурой корректирует свои действия и внутреннюю жизнь. Поэтому элита, с одной стороны, система достаточно устойчивая и даже консервативная, а с другой – подвижная, изменчивая, обновляющаяся. [...]

Ныне можно говорить о нескольких основных содержательных подходах к определению понятия элиты – статусно-функциональном,

ценностном, социально-классовом, социокультурном.

Сторонники статусно-функционального подхода главным признаком властвующей элиты считают социальный статус человека, его место и роль в системе властных структур, в принятии решений и реализации управленческих функций. [...]

Сторонники ценностного подхода определяющим признаком элиты считают духовный аристократизм, личностное превосходство (культурно-образовательное, морально-волевое, физическое) одних людей над другими, стиль властвования, антропологические особенности. [...]

[...] Сторонники социально-классовой модели подходят к определению элиты с точки зрения непримиримости и антагонистичности классовых позиций, неизбежной конфронтационности элитных слоев и трудящихся масс. Причем двигателем и внутренним источником их противостояния является несовместимость классовых интересов и потребностей. Гармония же и справедливость могут быть достигнуты лишь при условии перехода власти к эксплуатируемым массам и установления диктатуры пролетариата. [...]

[...] Немалая группа ученых исповедует так называемую социально-культурную модель элиты. В основе их воззрений лежат идеи цивилизованного духовно-нравственного развития общества и его элитных слоев, анализ и поиск специфики властно-управленческой деятельности в различных сферах жизни социума, исходя из исторических традиций и культурно-психологических отличий народа, причем с присущей каждой из сфер инструментальной принципам, форм и методов политической деятельности. [...]

[...] Элита – это своеобразная душа общества, выражающая моральный облик социума и уровень свободы гражданина. Элита является носителем базисных традиций и устоев общества, его духовных и нравственных ценностей. Ее главная цель – обеспечение стабильного и устойчивого социально-политического, экономического и духовного развития общества, упрочнение той системы государственного устройства, которая заинтересована в этой элите.

Зарубежный опыт и практика нашей страны показывают, что исходя из различных критериев классификации, можно говорить о следующих типах политической элиты:

- традиционная, харизматическая, рациональная, парткратическая;
- правящая и оппозиционная;
- элита высшего яруса – звено лидеров, политиков, принимающих высшие и окончательные решения; ярус высшего чиновничества – многие западные ученые условно называют их исполнительными политиками; ярус нижний – бюрократический аппарат власти;
- элита «львов» и элита «лис»;
- открытая и закрытая;
- единая элита и элита внутренне конфликтующая;

- системная и внесистемная;
- федеральная, региональная и местная. [...]

[...] Прогрессивная элита не только защищает определенные политические доктрины и интересы господствующих классов, но и руководствуется в своей деятельности интересами государства, волеизъявлением народа, наказами избирателей. Отсюда вытекают и ее функции:

- изучение, анализ и отражение интересов различных социальных общностей в политических установках и решениях;
- выработка стратегии и тактики внутренней и внешней политики государства (программы, доктрины, концепции, правовые и нормативные акты и т.д.);
- создание механизмов реализации политических замыслов;
- продуцирование общественно значимых норм и стандартов, кадровое обеспечение политического курса;
- объединение усилий различных политических партий и движений и направление их в единое русло прогрессивного развития общества. [...]

Ашин Г. К., Охотский Е. В. Курс элитологии. – М.: ЗАО «Спорт-академпресс». – 1999. – 368 с.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Раскройте этимологию понятия «элита»
2. Дайте определение понятия элита
3. Как сторонники статусно-функционального, ценностного, социально-классового и социокультурного подходов определяют понятие элита?
4. Назовите имена известных Вам элитологов
5. Какие типы элит Вы знаете?
6. Назовите функции элиты

Виктор Мейтус

Политическая партия: стратегия и управление

[...] Рассматривая лидерство в политической партии, внимание сосредотачивается на индивидуальных и психологических особенностях индивида, являющегося лидером. Существует много теорий, объясняющих, почему тот или другой лидер пришел к власти, какие его особенности и какова его психологическая характеристика.

Психологи, исследуя поведение и личность политических лидеров, утверждают, что это поведение определяется следующими факторами:

- потребность во власти;
- тесно связанная с потребностью во власти потребность в контроле событий и людей;
- потребность в достижениях;
- потребность в аффилиации, т.е. в принадлежности к какой-то группе и

получении одобрения.

В свою очередь потребность во власти иногда связывается с необходимостью компенсации травмированной или неадекватной самооценки политического лидера.

История дает примеры различных политических лидеров, начиная с тех, которые получали лидерство в силу сложившейся обстановки, и кончая теми, кто завоевывал его силой, идя к лидерству и власти по головам своих бывших соратников. Иногда вместе с лидером и «под него» трансформировалась и та структура, которую он возглавлял.

[...] Само понятие политического лидерства включает в себя политику как борьбу за власть и лидерство. В свою очередь лидерство предполагает, во-первых, существование некоторой общности, готовой к борьбе за власть, во-вторых, организованность этой общности, что усиливает ее возможности, в-третьих, наличие руководителя, лидера этой организации. Такой общностью являются, например, политическая партия или движение.

В этом определении лидерство рассматривается как руководство, а лидер – как руководитель. В зависимости от того, как определять руководство, приходим к различным теоретическим вариантам лидерства, включающим выражение взглядов, определение стратегии, владение инструментом для достижения цели, или лидерство, связанное со способами работы внутри организации: умением убеждать, искусством достижения согласия, демонстрацией авторитета, влияния, силы, власти.

[...] Среди качественных черт, которые преобладают в большинстве концепций политического лидерства, называются:

- острый ум, эрудиция, интеллектуальная незаурядность;
- твердая воля и целеустремленность;
- энергичность;
- выдающиеся организаторские способности;
- компетентность, всесторонняя информированность;
- готовность брать на себя ответственность за принятые решения;
- способность внушать согражданам доверие;
- внешняя привлекательность, фотогеничность.

Отметим, что в приведенном списке отмечены только положительные качества индивида, которыми желательно, чтобы обладал лидер. В то же время целый ряд качеств, таких как жестокость, беспринципность, подозрительность, готовность идти на все, способность к нарушению обещаний и клятв, макиавеллизм - также часто присутствовали и присутствуют в характеристике лидеров, что легко проиллюстрировать многочисленными примерами древней и современной истории.

[...] выполнение функций лидера – также связывается с особенностями и качествами партийного руководителя. Существует много различных подходов к этой проблеме. Например, А.Лоутон и Э.Роуз

сформулировали следующие качества, необходимые, по их мнению, руководителю.

1. Дальновидность – умение сформировать облик и задачи организации.
2. Умение определить приоритеты – способность различать, что необходимо, а что просто важно.
3. Стимулирование последователей выражением признания и вознаграждения за успехи.
4. Владение искусством межличностных отношений, т. е. умение выслушать, подсказать, быть уверенным в своих действиях.
5. «Политическое чутье», способность понимать запросы своего окружения и лиц, имеющих власть.
6. Стойкость – непоколебимость перед лицом оппонента.
7. Харизма или обаяние – нечто, не поддающееся определению, но пленяющее людей.
8. Способность идти на риск в таких вопросах, как передача части полномочий последователям.
9. Гибкость – способность отзываться на новые идеи и опыт.
10. Решительность, твердость, когда этого требуют обстоятельства.

Анализ приведенных качеств позволяет утверждать, что они являются скорее желательными, чем необходимыми. Многие из приведенных характеристик могут быть достигнуты в процессе работы управленческой «команды», возглавляемой лидером. Качества, сформулированные английскими учеными, должны быть присущи скорее руководителю небольшой фирмы или корпорации, осуществляющему непосредственное руководство, чем лидеру политической партии.

Поэтому в качестве основных требований, предъявляемых к лидеру и обеспечивающих осуществление функций лидера в политической партии и основываясь на определении лидера, данном в разделе 12.1. предлагаются следующие пять качеств, необходимые партийному руководителю:

1. Стратегическое мышление.
2. Способность создания, руководства и взаимодействия с партийной «командой».
3. Харизма, способность повести за собой массы.
4. Способность жертвовать многим во имя достижения стратегических целей.
5. Умение оценить ситуацию и находить необходимые ресурсы.

Обладающий этими качествами политический лидер нацелен на решение стратегических задач и достижение стратегических целей. Он тесно связан со средой, в которой существует партия, отслеживает ее изменения и состояние. Варианты оперативных решений и сценариев развития для него подбирает группа специалистов, называемая командой, которой лидер руководит в процессе своей деятельности. Оценки, прогнозы, предсказания лидер получает от команды, но за ним остается решающее слово. Возможен вариант, когда лидер самостоятельно

прогнозирует будущую ситуацию, самостоятельно формулирует стратегические цели. Но в этом нет необходимости, если существует профессиональная команда.

Ради достижения цели лидер способен отбросить то, что мешает движению партии, включая личные интересы и связи. За лидером сохраняется право принятия окончательного решения. Поэтому он должен уметь оценить ситуацию и в случае необходимости отыскать ресурсы, обеспечивающие решение возникающих проблем. Наконец, лидер должен пользоваться поддержкой масс, обычно неразрывно соединяющих партию и лидера в своем сознании. Наличие харизмы у лидера существенно облегчает всю деятельность партии, ее контакт с массами, которые являются потенциальным электоратом. Харизма лидера – это мощный потенциальный ресурс партии, который не может быть заменен другими ресурсами и должен обязательно учитываться в стратегических построениях.

Эти качества определяют возможности лидера сегодня. Они могут изменяться в будущем вместе с развитием технических средств и информационных технологий.

[...] Любой лидер, находящийся на вершине иерархии управления, всегда испытывает давление со стороны тех, кто находится под ним, но очень хотел бы переместиться на одну или несколько ступенек выше. [...]

Перейдем к рассмотрению основных функций, которые связываются с партийным лидерством. Эти функции относятся к двум основным типам – внутренним и внешним функциям. Внутренние функции связываются с деятельностью лидера внутри партии, а внешние – с его деятельностью в обществе, во внешней среде как главного выразителя целей и интересов партии.

Стратегическая функция, реализуемая лидером, является одной из основных функций. Именно стратегическая функция отражает в первую очередь способность быть лидером. Чем глубже стратегическое видение лидера, его способность проникнуть в ситуацию, оценить события и тенденции развития внешней среды, тем больше прав на лидерство может предъявить индивид. Стратегическая функция затрагивает в большей степени внешние ситуации и события, связанные с большим разнообразием возможных вариантов развития и изменения. В то же время стратегия затрагивает и внутренние процессы партийного развития.

[...] Интегративная функция лидера имеет как внутренний, так и внешний компоненты. Внутренняя интегративная функция направлена на согласование интересов и мнений, позиций и целей внутри партии в условиях существования многочисленных групп и фракций. Само создание партии требует искусства согласования взаимных интересов, не говоря уже о деятельности партии, когда она входит во власть. Поэтому умение приглушить противоречивые интересы, усилить тенденции к объединению, а иногда и решительно прекратить нарастающие

конфликты, – все эти действия тесно связаны с внутренней интегративной функцией лидера партии.

Внешняя интегративная функция определяется взаимоотношениями партии как целого с другими партиями, блоками, фракциями, движениями. Эта функция тесно связана со стратегическими целями партии, с ее деятельностью во внешней среде. Даже в тех случаях, когда партия получает полную власть и не возникает необходимости делить ее с другими партнерами, желательно по возможности объединяться с другими партиями, чтобы выражать максимально общую точку зрения на проблемы государственного управления.

[...] Коммуникативная функция определяется установлением связей между лидером партии и группами людей в обществе. Она также имеет внутреннюю и внешнюю составляющие. Внутренняя функция определяется связями между членами партии, местными руководителями и общепартийным лидером. Именно эта функция позволяет члену партии стать ее лидером, потому что она обеспечивает внутреннюю поддержку и, в конечном счете, легитимацию лидера. В результате осуществления этой функции возникает доверие и контакт между членами партии и лидером, формируется их вера в его возможности достижения партийных целей.

[...] Внешняя коммуникативная функция определяет связь между широкими массами и лидером партии. Какими бы не были отношения между членами партии и ее лидером, без поддержки широких масс партия никогда не завоеует власть. Существует рациональная и эмоциональная коммуникация. И если рациональная коммуникация больше подходит для установления связи в небольших группах специалистов, способных по достоинству оценить предлагаемые им рассуждения, то эмоциональная коммуникация имеет несомненный приоритет для установления связи с большими коллективами людей на собраниях и митингах. Толпа, с трудом понимает доводы разума, но легко подчиняется, воспринимает эмоции.

Правильное использование внешней коммуникативной функции позволяет трансформировать лидера партии в лидера масс. Чаще всего именно это является решающим фактором победы партии на выборах и, следовательно, главной задачей лидера партии. Как строить внешнюю функцию, зависит от страны и средств представления информации, используемой в ней. Раньше это были митинги, которые позволяли в наибольшей степени воспользоваться эффектом толпы. Сейчас существуют телевизионные и радиоканалы, что, увеличивая аудиторию, контактирующую с лидером, уменьшает эмоциональный фактор, потому что помещения, в которых слушают радио или смотрят телевизор, обычно невелики. В них эмоциональная волна, требующая определенной массы людей, может и не возникнуть.

Идеологическая функция определяет генерирование новых мыслей, идей, предложений, исходящих от лидера. Эта функция также имеет две составляющие – внутреннюю и внешнюю. Внутренняя – это та функция,

которая позволяет лидеру выдвигать новые идеи, связанные с партией, ее членами. За счет этих идей обеспечивается развитие партии, ее совершенствование.

Внешняя функция направлена на формирование новых путей для решения общественных задач. [...]

Последняя функция – это функция решения проблем. Рассматривая стратегию, лидер устремлен в будущее. Он выбирает ресурсы и строит стратегические планы. Но в процессе своей непосредственной деятельности лидер сталкивается с множеством проблем и задач. Общество заинтересовано в будущих перспективах. Для партии эти изменения также важны. Но обещания будущих перемен не заменят необходимости решения насущных задач. Более того, сталкиваясь с невыполняемыми обещаниями, массы перестают доверять обещаниям вообще. [...]

Решение с помощью партии текущих проблем или участие партии в решении таковых создают событийный имидж партии, связывают ее глобальную деятельность с конкретными событиями. Увеличить число рабочих мест в конкретном районе, способствовать строительству дополнительных очистных сооружений, уволить чиновника-коррупционера, помочь в оборудовании школы, улучшить муниципальное медицинское обслуживание – все эти события можно связать с имиджем партии, придавая им политическую окраску и создавая дополнительный уровень объединения потенциального электората и партии. Но нужно помнить, что партия – это политическая организация, и она решает текущие проблемы только тогда, когда эти проблемы имеют политическое значение.

Лидер не представляет собой исключительное явление в человеческом обществе. Вероятнее всего, черты лидерства уже нашли свое отражение в генетической природе человека, потому что сопутствовали всей эпохе развития человечества. [...]

[...] Но угадывание интересов – это только одна сторона медали, которая является необходимым, но ни в коей степени не достаточным условием. Основное качество лидера партии состоит в том, чтобы так организовать партийное окружение, таким образом конфигурировать проблему управления партией, чтобы ее единственным решением стала собственная фигура лидера.

Наряду с лидером существуют и другие формы участия в политических процессах и руководстве партией, которые не нужно смешивать с лидерством. Одной из таких форм является роль политического вожака. Д. Выдрин дает следующее определение: «Политический вожак ... субъект политических действий ярко выраженного политического толка. К наиболее характерным его чертам относятся: потакание сиюминутным простейшим требованиям масс; использование для повышения и поддержания собственной популярности

критических эмоциональных состояний больших групп людей – страх, ненависть, вражда; лесть и заискивание перед массами; употребление лексики толпы; завышенные обещания; апелляция к наиболее неподготовленным и малообразованным охлократическим элементам населения». [...]

Мейтус, Виктор В. Политическая партия: стратегия и управление / Виктор Мейтус, Владимир Мейтус. – К. : Эльга Ника-Центр, 2004. – 400 с. – С. 361-370.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Кто такой лидер?
2. Дайте определение понятия «политическое лидерство»
3. Какими качествами должен обладать политический лидер?
4. Охарактеризуйте функции политического лидера
5. Что такое харизма?
6. Определите понятие «политический вожак»

Хосе Ортега-и-Гассет

Восстание масс

Часть первая

I

Феномен стадности

Происходит явление, которое, к счастью или к несчастью, определяет современную европейскую жизнь. Этот феномен – полный захват массами общественной власти. Поскольку масса, по определению, не должна и не способна управлять собой, а тем более обществом, речь идет о серьезном кризисе европейских народов и культур, самом серьезном из возможных. В истории подобный кризис разражался не однажды. Его характер и последствия известны. Известно и его название. Он именуется восстанием масс.[...]

[...] Толпа – понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим «массу». Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство – это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса – не выделенных ничем. Речь, следовательно, идет не только и не столько о «рабочей массе». Масса – это «средний человек». Таким образом, чисто количественное определение – множество – переходит в качественное. Это – совместное качество, ничейное и отчуждаемое, это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип. Какой смысл в этом переводе количества в качество? Простейший – так понятней происхождение массы. До банальности очевидно, что стихийный рост ее предполагает совпадение мыслей, целей, образа жизни.[...]

[...] В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. Представим себе, что самый обычный человек, пытаясь мерить себя особой мерой – задаваясь вопросом, есть ли у него какое-то дарование, умение, достоинство, – убеждается, что нет никакого. Этот человек почувствует себя заурядностью, бездарностью, серостью. Но не «массой».

Обычно, говоря об «избранном меньшинстве», передергивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно. И конечно, радикальней всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя. [...]

[...] Таким образом, деление общества на массы и избранные меньшинства типологическое и не совпадает ни с делением на социальные классы, ни с их иерархией. Разумеется, высшему классу, когда он становится высшим и пока действительно им остается, легче выдвинуть человека «большой колесницы», чем низшему, обычно и состоящему из людей обычных. Но на самом деле внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства. Нам еще предстоит убедиться, что плебейство и гнет массы даже в кругах традиционно элитарных – характерный признак нашего времени. Так, интеллектуальная жизнь, казалось бы, взыскательная к мысли, становится триумфальной дорогой псевдоинтеллигентов, не мыслящих, немислимых и ни в каком виде не приемлемых. Ничем не лучше останки «аристократии», как мужские, так и женские. И напротив, в рабочей среде, которая прежде считалась эталоном массы, не редкость сегодня встретить души высочайшего закала.

Далее. Во всех сферах общественной жизни есть обязанности и занятия особого рода, и способностей они требуют тоже особых. Это касается и зрелищных или увеселительных программ, и программ политических и правительственных. Подобными делами всегда занималось опытное, искусное или хотя бы претендующее на искусность меньшинство. Масса ни на что не претендовала, прекрасно сознавая, что если она хочет участвовать, то должна обрести необходимое умение и перестать быть массой. Она знала свою роль в целительной общественной динамике.

Если вернуться теперь к изложенным выше фактам, они предстанут безошибочными признаками того, что роль массы изменилась. Все подтверждает, что она решила выйти на авансцену, занять места и

получить удовольствия и блага, прежде адресованные немногим. Заметно, в частности, что места эти не предназначались толпе, и вот она постоянно переполняет их, выплескиваясь наружу и являя глазам новое красноречивое зрелище – массу, которая, не перестав быть массой, упраздняет меньшинство. [...]

[...] Забегая вперед, скажу, что новоявленные политические режимы, недавно возникшие, представляются мне не чем иным, как политическим диктатом масс. Прежде народовластие было разбавлено изрядной порцией либерализма и преклонения перед законом. Служение этим двум началам требовало от каждого большой внутренней дисциплины. Благодаря либеральным основам и юридическим нормам могли существовать и действовать меньшинства. Закон и демократия, узаконенное существование, были синонимами. Сегодня мы видим торжество гипердемократии, при которой масса действует непосредственно, вне всякого закона, и с помощью грубого давления навязывает свои желания и вкусы. Толковать эти перемены так, будто масса, устав от политики, перепоручила ее профессионалам, неверно. Ничего подобного. Так делалось раньше, это и была демократия. Масса догадывалась, что в конце концов при всех своих изъянах и просчетах политики в общественных проблемах разбираются несколько лучше ее. Сегодня, напротив, она убеждена, что вправе давать ход и силу закона своим трактирным фантазиям. Сомневаюсь, что когда-либо в истории большинству удавалось править так непосредственно, напрямую. Потому и говорю о гипердемократии.

То же самое творится и в других сферах, особенно в интеллектуальной. Возможно, я заблуждаюсь, но все же те, кто берется за перо, не могут не сознавать, что рядовой читатель, далекий от проблем, над которыми они бились годами, если и прочтет их, то не для того, чтобы чему-то научиться, а только для того, чтоб осудить прочитанное как несообразное с его куцыми мыслями. Масса – это посредственность, и, поверь она в свою одаренность, имел бы место не крах социологии, а всего-навсего самообман. Особенность нашего времени в том и состоит, что заурядные уши, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. Как говорят американцы, выделяться неприлично. Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее. Кто не такой, как все, кто думает не так, как все, рискует стать изгоем. И ясно, что «все» – это отнюдь не все. Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир стал массой. [...]

XIII

Государство как высшая угроза

В хорошо организованном обществе масса не действует сама по себе. Такова ее роль. Она существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представляли за нее, пока она не перестанет быть массой или по

крайней мере не начнет к этому стремиться. Но сама по себе осуществлять это она не способна. Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств. Можно сколько угодно спорить, кем должны быть эти избранные, но то, что без них - кем бы они ни были – человечество утратит основу своего существования, сомнению не подлежит, хотя Европа вот уже столетие подобно страусу прячет голову под крыло в надежде не увидеть очевидного. [...]

[...] Действовать самовольно означает для массы восставать против собственного предназначения, а поскольку лишь этим она сейчас и занята, я говорю о восстании масс. [...]

[...] Современное государство – самый явный и наглядный продукт цивилизации. И отношение к нему массового человека проливает свет на многое. Он гордится государством и знает, что именно оно гарантирует ему жизнь, но не сознает, что это творение человеческих рук, что оно создано определенными людьми и держится на определенных человеческих ценностях, которые сегодня есть, а завтра могут улетучиться. С другой стороны, массовый человек видит в государстве безликую силу, а поскольку и себя ощущает безликим, то считает его своим. И если в жизни страны возникнут какие-либо трудности, конфликты, проблемы, массовый человек постарается, чтобы власти немедленно вмешались и взяли заботу на себя, употребив на это все свои безотказные и неограниченные средства.

Здесь-то и подстерегает цивилизацию главная опасность – полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности, словом – удушение творческих начал истории, которыми в конечном счете держатся, питаются и движутся людские судьбы. [...]

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания : [сб.: пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ: СТ МОСКВА, 2008. – 345, [5] с. – (Philosophy) – С. 17-23, 103-108.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое масса, по мнению Х. Ортеги-и Гассета?
2. Что автор подразумевает под восстанием масс?

Вильфредо Парето

Компендиум по общей социологии

[...] 792. *Элиты и их циркуляция.* Начнем с того, что дадим как можно более точное теоретическое определение этого феномена, а затем перейдем к практическим соображениям, которые позволят внести коррективы в это определение первого приближения. [...]

[...] Введем класс, в который будут входить те, кто имеют наиболее высокие показатели в своей области деятельности. Назовем его «элитой».

[...]

793. В целях осуществления исследования социального равновесия, которое будет проведено в следующей главе, выделенный класс следует еще раз разделить на две части, т.е. на тех, кто прямо или косвенно играют важную роль в политическом управлении и составляют класс правящей элиты. И на остальных, которые относятся к другой части класса, не являющейся правящей элитой. [...]

800. *Высший класс и низший класс вообще.* Самое малое, что можно сделать – это выделить в обществе две страты: высшую, к которой обычно принадлежат правящие, и низшую, к которой относятся управляемые. Этот факт настолько очевиден, что во все времена бросается в глаза даже малоопытному наблюдателю, так же как и факт циркуляции индивидов между двумя стратами. Уже Платон знал о ее существовании и хотел искусственного осуществления ее регуляции. [...]

804. В высшей страте общества, в его элите номинально присутствуют агрегаты, которые порой не определены четко и именуется аристократиями. В определенных случаях наибольшее количество принадлежащих к таким аристократиям лиц действительно обладают качествами, позволяющими пребывать в них; в других случаях – напротив, имеется значительное число лиц, не обладающих такими качествами. Они могут быть более или менее заметно представлены в правящей элите, или могут исключаться из ее рядов.

805. Вначале военные, религиозные, торговые аристократии и плутократии, кроме редких исключений, которые здесь не принимаются во внимание, должны были, безусловно, составлять часть элиты, а порой составляли всю ее целиком. Увенчанный победами военный, преуспевший торговец, обогатившийся плутократа, несомненно, стали, каждый на своей манер, выше простых людей. Итак, их ярлык соответствовал реальным качествам, но впоследствии со временем появлялся разрыв, довольно существенный, а иной раз и очень значительный. Между тем некоторые аристократии, вначале представлявшие собой большую часть правящей элиты, в конце концов стали составлять только небольшой ее элемент, это особенно касалось военной элиты. [...]

807. Некоторые аристократии движутся к упадку не только по численности, но и в качественном отношении. Ослабевает их энергия; меняются пропорции между теми остатками, которые помогли им прийти к власти и позволили сохранять ее. [...] Правящий класс восстанавливается не только в отношении численности, но и, что более важно, в отношении качества за счет семей из низших классов, которые вносят в него энергию и те пропорции остатков, которые ему необходимы, чтобы сохранять власть. Этот класс восстанавливается также благодаря выходу из него наиболее деградировавших членов.

808. Где одно из этих движений прекращается или, еще хуже, где прекращаются оба этих движения, там правящая часть устремляется к

своей гибели, которая нередко влечет за собой гибель всей нации. Мощная причина нарушения равновесия – это аккумуляция лучших элементов в низших классах и, наоборот, худших элементов в высших классах. Если бы аристократии в человеческом обществе, подобно хорошо отобранному путем селекции породам животных, долгое время могли воспроизводиться примерно с теми же качествами, история рода человеческого была бы совершенно иной.

809. В результате циркуляции элит класс правящей элиты находится в состоянии непрерывной и медленной трансформации. Он переменчив, как река, и сегодня не тот, каким был вчера. Время от времени наблюдаются внезапные и сильные нарушения, подобные разливам рек, затем новая правящая элита переходит в состояние медленных изменений; вернувшись в свои берега река вновь плавно несет воды.

810. Революции происходят оттого, что из-за замедления циркуляции элит или по другой причине в высших классах накапливаются элементы плохого качества. Такие элементы больше не содержат остатков, пригодных для того, чтобы сохранить власть, они избегают применения силы, между тем как в низших стратах увеличивается численность элементов с более высокими качествами, обладающих нужными для осуществления управления остатками, и эти элементы готовы прибегнуть к силе.

811. В ходе революций индивиды из низших страт обычно оказываются под началом некоторых индивидов из высших страт, поскольку у них есть интеллектуальные качества, полезные для того, чтобы подготовиться к битве. Но в то же время в высших стратах имеется дефицит остатков, которые как раз и привносят индивиды из низших страт. [...]

Парето В. Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето; пер. с итал. А. А. Зотова; науч. ред. предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалевой; науч. консульт. Н. А. Макашева ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 [1] с. – С. 307-314.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как В.Парето определяет понятие «элита»?
2. Как бы Вы определили элиту?
3. Что такое правящая и контрэлита?
4. Что автор подразумевает под «циркуляцией элит»?
5. Почему, по мнению В.Парето, происходят революции?

Петр Штомпка

Великие личности как агенты изменений

[...] Не случайно, именно великие люди привлекали внимание исследователей с самого начала изучения социальных изменений.

Последуем этой традиции.

Прежде всего попытаемся определить, кто составляет категорию «великие люди». Даже, если избегать моральных оценок и принимать в расчет лишь степень объективного влияния, то и тогда данная категория будет разнородной. Возьмем фактор времени. На одном полюсе окажутся те, кто оставил – хороший или плохой – но в любом случае долгий след в человеческой истории: Иисус, Будда, Цезарь, Наполеон, Сталин, Гитлер, Коперник, Эдисон. К другому могут быть отнесены люди, диктующие вкусы, стили, моду, увлечения и т. д. Они могут иметь огромное число последователей, и в некоторых областях их воздействие может быть очень сильным и массовым, но лишь временным, поскольку на смену им скоро приходят другие. Вспомним Элвиса Пресли и «Битлз», Мадонну и Принца, Пьера Кардена и Джанни Версачи.

Существенно варьируют и пространственные масштабы влияния: у кого-то они локально ограничены (либо отдельными сообществами, либо территориями), а у кого-то распространяются на весь земной шар. Сравните Пол Пота и Ленина, Пиночета и Гитлера. Наконец, влияние варьирует по своему содержанию. И здесь встает третий вопрос: что за историю они делают? На одном полюсе – «лидеры действия»: полководцы, политики, диктаторы, на другом – «лидеры мысли»: пророки, философы, ученые, мыслители. И, наконец, по всем трем осям существует огромное разнообразие конкретных случаев, различающихся по временной протяженности, пространственным масштабам и сфере влияния.

Наконец, мы подошли к последнему вопросу: как делается история? Люди могут оставить свой след в истории как непреднамеренно, так и намеренно, при этом объективные последствия и субъективные цели и задачи вовсе не обязательно совпадают. [...]

[...] С другой стороны, многие деятели, конечно, сознательно пытаются играть великую роль, преобразовать мир. Наполеон и Маркс, Робеспьер и Ленин, Горбачев и Рейган – вот лишь некоторые примеры. В данном случае субъективные намерения и объективные последствия зачастую не совпадают. По иронии истории, амбициозные реформаторы и революционеры нередко действительно добиваются исторических сдвигов, но вовсе не тех, на которые они рассчитывали. Как замечает Карл Поппер, большинство революций приводит к последствиям, противоположным тем, о которых мечтали революционеры. По его словам, «даже те институты и традиции, которые возникают в результате сознательных человеческих действий, являются, как правило, косвенным, непреднамеренным и нежелательным побочным продуктом таких действий». [...]

Лишь очень немногие великие лидеры или политики способны достигать тех исторических целей, которые они перед собой поставили. Если им это удастся, то чаще всего в сравнительно ограниченных социальных реформах, а не в глобальных проектах реконструкции. [...]

Выдающиеся люди должны найти «благодатную почву» для своих идей, открытий. Если это им удастся, то они становятся способными вести за собой других и таким образом влиять на социальные процессы, изменять курс истории. Но если их идеи не соответствуют требованиям времени, не отвечают нуждам и чаяниям масс, то никакие уговоры или принуждение не помогут. Иными словами, никто не сможет сыграть исторической роли, если социальные обстоятельства этому не благоприятствуют. Великие исторические события в обществе обязаны счастливому совпадению социального и индивидуального факторов. [...]

Многие рождаются с тем или иным талантом, и некоторым из них социальные обстоятельства позволяют раскрыть и развить его. Однако решающий момент наступает позднее, когда общество признает такую заявку на исключительность или, напротив, отвергает ее. Чтобы стать лидером, надо иметь последователей. Чтобы сделаться пророком, нужно, чтобы были верующие. Чтобы прослыть знаменитым писателем, надо, чтобы были читатели. Чтобы иметь вес в обществе, достоинства человека должны быть признаны общественностью. Именно здесь действуют социальные механизмы отбора, поднимающие отдельных индивидов до статуса героев и отказывающие в таком статусе большинству других. [...]

Независимо от способов получения статуса героя и критерия, по которому определяется этот статус, перед личностью, получившей социальное признание, открываются широкие возможности влияния на исторический процесс. Однако реализация таких возможностей требует следующих условий.

1. Должна сложиться социальная, политическая, экономическая ситуация, в которой отдельные решения обретают вес. [...]

2. Выдающаяся личность должна обладать прерогативами власти или влияния. Величайший полководец вряд ли сумеет что-то сделать, если будет арестован; видный политик немного добьется, если его сместят. Иначе говоря, для того чтобы сыграть историческую роль, великая личность должна не только жить в нужное время, но и оказаться в нужном месте. В этом смысле герои формируются в героической обстановке.

3. Подлинно исторические изменения возможны только тогда, когда в них включены большие массы людей. Никто в одиночку, лишь собственными руками, не в состоянии изменить историю. Великая личность должна быть способна подвигнуть к действию других людей, мобилизовать их или сопротивляться им, вести за собой, устрашать силой или характером, соблазнять идеями, увлекать эмоциями – короче, вытаскивать из рутины и застоя. Когда принимаются исторически важные решения, массы должны быть «под рукой». Командиру необходима армия, революционному лидеру – озлобленная толпа, пророку – верующие, ожидающие благой вести, президенту – законопослушные граждане. Таким образом, последняя предпосылка для выполнения героической роли, для осуществления значительных социальных изменений состоит в

наличии богатых человеческих ресурсов, поддающихся мобилизации. [...]

Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с. – (Программа «Высшее образование») – С. 324-334.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Кто такие великие личности, по мнению П.Штомпки?
2. Какую роль играют великие люди в процессе изменения общества? Приведите примеры.
3. Какова роль ситуации, обстоятельств при формировании лидера?

Тема 15. Государство как основной институт политической системы общества

Людвиг Гумплович Общее учение о государстве §12

Определение понятия государства

Мы знаем государство, потому что живем в нем, на каждом шагу ощущаем его деятельность, пользуемся его покровительством и призываем его на помощь. Относительно других существующих теперь государств нам дают сведения статистика и газеты, относительно же тех, которые существовали и которых уже нет, – история человечества.

Какими высшими благами, кроме голой жизни, ни пользуется человек, – свободой и собственностью, семьей и личными правами, – всем этим он обязан государству.

Однако не только отдельная личность получает из рук государства высшие жизненные блага, но и вся совокупность людей, образующих государство, обязана ему своим, соответствующим человеческому достоинству существованием. Ведь государство создает благоприятные условия для стремления к высшим культурным целям, достижение которых вне государства было бы невозможно.

Постараемся же теперь поближе подойти к понятию государства. Властвующие – с одной и подвластные – с другой стороны, правящие и управляемые – вот вечные, неизменные признаки государства. Без этого контраста как не существовало, так и не существует ни одного государства. Какие бы свободные формы правления, даже республики, мы ни брали, во всяком государственном соединении, будь то аристократия или демократия, монархия или республика – в настоящем или прошедшем, – везде и всегда мы найдем глубоко запечатлевшимся этот неизбежный признак всякого государства.

Что бы благотворного ни делало когда-либо государство, какие бы высокие цели оно ни преследовало, вся его деятельность прежде всего

обуславливается соотношением властвования и подвластности, и это проходит через всю его организацию – от вершины до самых низших слоев. Если данное соотношение властвования и подвластности выступает перед нами во всех государствах как постоянный и существенный признак, если оно является необходимым условием, *condition sine qua non* всякой успешной государственной деятельности, то мы, конечно, не впадем в заблуждение, определив государство, как естественно возникшую организацию властвования, предназначенную для охраны определенного правопорядка. [...]

Гумплович Людвиг Общее учение о государстве // Антология мировой политической мысли. В 5 т. – Т. I. – Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1997. – 832 с. – С. 795-796.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятия государство
2. Каково предназначение государства согласно Л. Гумпловичу?

Джон Локк
Два трактата о правлении
Книга вторая
Глава II
О естественном состоянии

[...] 4. Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это – состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого. Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления, если только господь и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поставит одного над другим и не облечет его посредством явного и определенного назначения бесспорным правом на господство и верховную власть. [...]

Глава VIII
О возникновении политических обществ

95. Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен

из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом согласилось создать сообщество или государство, то они тем самым уже объединены и составляют единый политический организм, в котором большинство имеет право действовать и решать за остальных. [...]

Глава IX

О целях политического общества и правления

[...] 124. Поэтому-то великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает установленного, определенного известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мериллом, при помощи которого разрешались бы между ними все споры. Ведь хотя закон природы ясен и понятен всем разумным существам, однако люди руководствуются своими интересами, к тому же они его не знают, так как не изучали, и поэтому не склонны признавать его в качестве закона, обязательного для них в применении к их конкретным делам.

125. Во-вторых, в естественном состоянии не хватает знающего и беспристрастного судьи, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом. Ибо каждый в этом состоянии является одновременно и судьей, и исполнителем закона природы, а люди пристрастны к себе, и страсть и месть очень даже могут завести их слишком далеко и заставить проявить слишком большую горячность в тех случаях, когда дело касается их самих; точно так же небрежность и безразличие могут сделать их слишком невнимательными к делам других людей.

126. В-третьих, в естественном состоянии часто недостает силы, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и привести его в исполнение. Те, кто совершает какую-либо несправедливость, вряд ли удержатся от того, чтобы силой настоять на своем, когда они в состоянии это сделать; подобное сопротивление часто делает наказание опасным и нередко губительным для тех, кто пытается его осуществить.

127. Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пребывают, и быстро вовлекаются в общество. Вот почему получается так; что мы редко видим, чтобы какое-либо количество людей сколько-нибудь длительное время жило вместе в этом состоянии. Неудобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадежного применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти сохранение своей собственности. Именно это побуждает их столь охотно отказываться от того индивидуального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласятся сообщество или уполномоченные на то лица. И вот это-то и является первоначальным правом и источником как законодательной, так и исполнительной власти, а равно и самих правительств и обществ. [...]

Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин – М.: Мысль, 1988. – 688 с. – (Филос. наследие) – С.263-264, 317, 334-336.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какова цель объединения людей в государство, по мнению Дж. Локка?
2. Что Локк называет «естественным состоянием»?

Платон **Государство**

Книга первая

[...] – Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего.

[...] – Потому что ты думаешь, будто пастухи либо волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу.

«Справедливое», «справедливость», «несправедливое», «несправедливость» – ты так далек от всего этого, что даже не знаешь: справедливость и справедливое – в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость – наоборот: она правит, честно говоря, простоватыми, а потому и справедливыми людьми. Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, т. к. в его руках сила. Вследствие их исполнительности он благоденствует, а сами они – ничуть.

– Надо обратить внимание, Сократ, величайший ты простак, на то, что справедливый человек везде проигрывает сравнительно с несправедливым. Прежде всего во взаимных обязательствах между людьми: когда тот и другой ведут какое-нибудь общее дело, ты нигде не найдешь, чтобы при окончательном расчете справедливый человек получил больше, чем несправедливый, наоборот, он всегда получает меньше. Затем во взаимоотношениях с государством, когда надо делать какие-нибудь взносы: при равном имущественном положении справедливый вносит больше, а несправедливый меньше, и, когда надо получать, справедливому не достается ничего, а несправедливый много выгадывает. Да и когда они занимают какую-нибудь государственную должность, то у справедливого, даже если ему не придется понести какого-нибудь иного ущерба, приходят в упадок его домашние дела, т. к. он не может уделять им достаточно внимания, из общественных же дел он не извлекает никакой пользы именно потому, что он человек справедливый. Вдобавок он вызывает недовольство своих родственников и знакомых тем, что не хочет покровительствовать им, если это противоречит справедливости. А у человека несправедливого все это обстоит как раз наоборот.

– Я повторяю [...]: обладание властью дает большие преимущества. Это ты и должен учитывать, если хочешь судить, насколько всякому для себя лично полезнее быть несправедливым, чем справедливым. Всего проще тебе будет это понять, если ты возьмешь несправедливость в ее наиболее завершенном виде, когда благоденствует как раз тот, кто нарушил справедливость, и в высшей степени жалок тот, кто на себе испытал несправедливость и все же не решился пойти против справедливости. Такова тирания: она то исподтишка, то насильственно захватывает то, что ей не принадлежит, – храмовое и государственное имущество, личное и общественное, – и не постепенно, а единым махом. Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается величайшим позором. Такие частичные нарушители называются, смотря по виду своих злодеяний, то святотатцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют

преуспевающим и благоденствующим, и не только его соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость. Ведь те, кто порицает несправедливость, не порицают совершение несправедливых поступков, они просто боятся за себя, как бы им самим не пострадать. [...]: достаточно полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость, как я с самого начала и говорил, – это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе.

[...] – Так вот, хорошие люди потому и не соглашаются управлять – ни за деньги, ни ради почета: они не хотят прозываться ни наемниками, открыто получая вознаграждение за управление, ни ворами, тайно пользуясь его выгодами; в свою очередь, и почет их не привлекает – ведь они не честолюбивы. Чтобы они согласились управлять, надо обязать их к этому и применять наказания. Вот, пожалуй, причина, почему считается постыдным добровольно домогаться власти, не дожидаясь необходимости. А самое великое наказание – это быть под властью человека худшего, чем ты, когда сам ты не согласился управлять. Мне кажется, именно из опасения такого наказания порядочные люди и управляют, когда стоят у власти: они приступают тогда к управлению не потому, что идут на что-то хорошее и находят в этом удовлетворение, но по необходимости, не имея возможности поручить это дело кому-нибудь, кто лучше их или им равен.

– Если бы государство состояло из одних только хороших людей, все бы, пожалуй, оспаривали друг у друга возможность устраниваться от правления, как теперь оспаривают власть. Отсюда стало бы ясно, что по существу подлинный правитель имеет в виду не то, что пригодно ему, а то, что пригодно подвластному, так что всякий понимающий это человек вместо того, чтобы хлопотать о пользе другого, предпочел бы, чтобы другие позаботились о его пользе.[...]

Книга вторая

[...] – Говорят, что творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее – плохо. Однако когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь. Поэтому, когда люди отведали и того и другого, т. е. и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они, раз уж нет сил избежать одной и придерживаться другой, нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Установления закона и получили имя законных и справедливых – вот каково происхождение и сущность справедливости. Таким образом, она занимает среднее место – ведь творить несправедливость, оставаясь притом безнаказанным, это всего лучше, а терпеть несправедливость, когда ты не в силах отплатить, – всего хуже. Справедливость же лежит посреди между этими крайностями, и этим приходится довольствоваться,

но не потому, что она благо, а потому, что люди ценят ее из-за своей собственной неспособности творить несправедливость. Никому из тех, кто в силах творить несправедливость, т. е. кто доподлинно муж, не придет в голову заключать договоры о недопустимости творить или испытывать несправедливость – разве что он сойдет с ума. [...]

Книга третья

– Подобно тому как жеребят гоняют под шум и крик, чтобы подметить, пугливы ли они, так и юношей надо подвергать сначала чему-нибудь страшному, а затем, для перемены, приятному, испытывая их гораздо тщательнее, чем золото в огне: так выяснится, не поддается ли юноша обольщению, во всем ли он благопристоен, хороший ли он страж как самого себя, так и мусического искусства, которому он обучался, покажет ли он себя при всех обстоятельствах умеренным и гармоничным, способным принести как можно больше пользы и себе, и государству. Кто прошел это испытание и во всех возрастах – детском, юношеском и зрелом – выказал себя человеком цельным, того и надо ставить правителем и стражем государства, ему следует воздавать почести и при жизни, и после смерти, удостоив почетных похорон и особо увековечив о нем память. А кто не таков, тех надо отвергнуть. Вот каким должен быть, [...] отбор правителей и стражей и их назначение; [...].

Книга четвертая

– На самом же деле нарушение законов причиняет именно тот вред, что, мало-помалу внедряясь, потихоньку проникает в нравы и навыки, а оттуда, уже в более крупных размерах, распространяется на деловые взаимоотношения граждан и посягает даже на сами законы и государственное устройство [...].

[...] Следовательно, [...] даже игры наших детей должны как можно больше соответствовать законам, потому что, если они становятся беспорядочными и дети не соблюдают правил, невозможно вырастить из них серьезных, законопослушных граждан. [...]

[...] такие законодатели всего забавнее: они [...] все время вносят поправки в свои законы, думая положить предел злоупотреблениям в делах, но [...] не отдают себе отчета, что на самом-то деле уподобляются людям, рассекающим гидру.[...]

[...] в самом человеке, в его душе есть некая лучшая часть и некая худшая, и, когда то, что по своей природе лучше, обуздывает худшее, тогда говорят, что оно «преодолевает само себя»: значит, это похвала; когда же из-за дурного воспитания или окружения верх берет худшее (ведь его так много, а лучшего гораздо меньше), в порицание и с упреком, называют это «уступкой самому себе», человека, испытывающего такое состояние, – невоздержным. [...]

[...] Мы еще вначале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость или какая-то ее разновидность. Мы установили и после все

время повторяли, [...] что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен.

[...] – По-моему, кроме тех свойств нашего государства, которые мы рассмотрели, – его рассудительности, мужества и разумности – в нем остается еще то, что дает возможность присутствия их там и сохранения. И мы утверждали, что остаток, после того как мы нашли эти три свойства, и будет справедливостью.

– Между тем государство мы признали справедливым, когда имеющиеся в нем три различных по своей природе сословия делают каждое свое дело. А рассудительным, мужественным и мудрым мы признали государство вследствие соответствующего состояния и свойств представителей этих же самых сословий. [...]

Книга пятая

– Хорошим и правильным я называю именно подобного рода государство и государственное устройство, да и отдельного человека тоже, а все остальные виды, раз такое государство правильно, я считаю плохими: в них ошибочны и государственное правление, и душевный склад частных людей. Видов порочного государственного устройства четыре.

– Так не будет ли вот что началом договоренности: мы сами себе зададим вопрос, что можем мы называть величайшим благом для государственного устройства, т. е. той целью, ради которой законодатель и устанавливает законы, и что считаем мы величайшим злом? [...]

– Может ли быть, по-нашему, большее зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распадению на множество частей? И может ли быть большее благо, чем то, что связует государство и способствует его единству?

[...] – А связует его общность удовольствия или скорби, когда чуть ли не все граждане одинаково радуются либо печалются, если что-нибудь возникает или гибнет.

[...] – А обособленность в таких переживаниях нарушает связь между гражданами, когда одних крайне удручает, а других приводит в восторг состояние государства и его населения.

– Еще бы!

– И разве не оттого происходит это в государстве, что невпопад раздаются возгласы: «Это – мое!» или «Это – не мое!»? И то же самое насчет чужого.

– Совершенно верно.

– А где большинство говорит таким же образом и об одном и том же: «Это – мое!» или «Это – не мое!», там, значит, наилучший государственный строй.

– Да, наилучший.

[...] Когда один из граждан такого государства испытывает какое-либо благо и зло, такое государство обязательно, по-моему, скажет, что это

его собственное переживание, и все целиком будет вместе с этим гражданином либо радоваться, либо скорбеть.

– Это непременно так, если в государстве хорошие законы. [...]

– Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди – а их много, – которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор [...] государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно. [...]

Книга шестая

[...] – По отношению к государству положение самых порядочных людей настолько тяжелое, что ничего не может быть хуже. Поэтому при уподоблении приходится для их защиты объединять между собой многие черты, как это делают, например, художники, когда рисуют козлооленей и т. п., смешивая различные черты. Так вот, представь себе такого человека, оказавшегося владельцем одного или нескольких кораблей. Кормчий и ростом, и силой превосходит на корабле всех, но он глуховат, а также близорук и мало смыслит в мореходстве, а среди моряков идет распря из-за управления кораблем: каждый считает, что именно он должен править, хотя никогда не учился этому искусству, не может указать своего учителя и в какое время он обучался. Вдобавок они заявляют, что учиться этому нечего, и готовы разорвать на части того, кто скажет, что надо. Они осаждают судовладельца просьбами и всячески добиваются, чтобы он передал им кормило. Иные его совсем не слушают, кое-кто – отчасти, и тогда те начинают убивать этих и бросать их за борт. Одолев благородного судовладельца с помощью мандрагоры, вина или какого-либо иного средства, они захватывают власть на корабле, начинают распоряжаться всем, что на нем есть, бражничают, пируют и, разумеется, направляют ход корабля именно так, как естественно для подобных людей. Вдобавок они восхваляют и называют знающим моряком, кормчим, сведущим в кораблевождении того, кто способен захватить власть силой или же уговорив судовладельца, а кто не таков, того они бранят, считая его никчемным. Они понятия не имеют о подлинном кормчем, который должен учитывать времена года, небо, звезды, ветры – все, что причастно его искусству, если он действительно намерен осуществлять управление кораблем независимо от того, соответствует ли это чьим-либо желаниям или нет. Они думают, что невозможно приобрести такое умение, опытность и вместе с тем власть кормчего.

– Итак, раз подобные вещи наблюдаются на кораблях, не находишь ли ты, что при таком положении дел моряки назовут высокопарным болтуном и никудышным человеком именно того, кто подлинно способен

управлять?

– [...] насчет правителей приходится приниматься за разбор как бы сызнова.

– Если ты помнишь, мы говорили, что им должна быть присуща любовь к своему государству, испытанная и в радости, и в горе, и должно быть заметно, что от этого своего правила они не откажутся ни при каких трудностях, опасностях или иных превратностях. Кто здесь окажется слаб, того придется отвергнуть, но тот, кто чистым выйдет из этого испытания, словно золото из огня, того надо поставить правителем, оказывать ему особые почести и присуждать награды как при жизни, так и после кончины. Вот что примерно было сказано, когда наша беседа мимоходом коснулась этого, но тотчас же спряталась из страха затронуть то, что сейчас перед нами возникло.

[...] – Тогда я, мой друг, не решался сказать то, что теперь решился. Осмелимся же сказать и то, что в качестве самых тщательных стражей следует ставить философов.

[...] природа их должна быть такой, как мы разобрали, между тем все свойства подобных натур редко встречаются вместе: большей частью они бывают разбросаны.

– Что ты имеешь в виду?

– Способность к познанию, память, остроумие, проницательность и все, что с этим связано, обычно, как ты знаешь, не встречаются все зараз, а люди по-юношески задорные и с блестящим умом не склонны всегда жить размеренно и спокойно; напротив, из-за своей живости они мечутся во все стороны, и все постоянное их покидает.

– Значит, надо проверять человека в трудностях, опасностях и радостях, [...] надо упражнять его во многих науках, наблюдая, способен ли он воспринять самые высокие познания или он их убоится, подобно тому как робеют люди в других случаях. [...]

Книга седьмая

[...] для управления государством не годятся как люди непросвещенные и не сведущие в истине, так и те, кому всю жизнь предоставлено заниматься самоусовершенствованием, – первые потому, что в их жизни нет единой цели, стремясь к которой они должны были бы действовать, что бы они ни совершали в частной или общественной жизни, а вторые потому, что по доброй воле они не станут действовать, полагая, что уже при жизни переселились на Острова блаженных.

[...] Раз мы – основатели государства, нашим делом будет заставлять лучшие натуры учиться тому познанию, которое мы раньше назвали самым высоким, т. е. умению видеть благо и совершать к нему восхождение; но когда, высоко поднявшись, они в достаточной мере его узрят, мы не позволим им того, что в наше время им разрешается.

[...] – Ты опять забыл, мой друг, что закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего

государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества. Выдающихся людей он включает в государство не для того, чтобы предоставить им возможность уклоняться куда кто хочет, но чтобы самому пользоваться ими для укрепления государства.

[...] где всего менее стремятся к власти те, кому предстоит править, там государство управляется лучше всего и распри отсутствуют полностью; совсем иначе бывает в государстве, где правящие настроены противоположным образом. [...]

– Так уж обстоит дело, дорогой мой. Если ты найдешь для тех, кому предстоит править, лучший образ жизни, чем обладание властью, тогда у тебя может осуществиться государство с хорошим государственным строем. Ведь только в таком государстве будут править те, кто на самом деле богат – не золотом, а тем, чем должен быть богат счастливый: добродетельной и разумной жизнью. Если же бедные и неимущие добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру: власть становится чем-то таким, что можно оспаривать, и подобного рода домашняя, внутренняя война губит и участвующих в ней, и остальных граждан. [...]

Книга восьмая

[...] – Насколько помню, ты говорил, что имеется четыре вида порочного государственного устройства и что стоило бы в них разобраться, дабы увидеть их порочность воочию; то же самое, сказал ты, касается и соответствующих людей: их всех тоже стоит рассмотреть. [...]

[...] – Услышишь, это нетрудно. Я говорю как раз о тех видах, которые пользуются известностью. Большинство одобряет критско-лакедемонское устройство. На втором месте, менее одобряемая, стоит олигархия: это государственное устройство, преисполненное множества зол. Из нее возникает отличная от нее демократия. Прославленная тирания отлична от них всех – это четвертое и крайнее заболевание государства. Может быть, у тебя есть какая-нибудь иная идея государственного устройства, которая ясно проявлялась бы в каком-либо виде? Ведь наследственная власть и приобретаемая за деньги царская власть, а также разные другие, подобные этим государственные устройства занимают среди указанных устройств какое-то промежуточное положение и у варваров встречаются не реже, чем у эллинов.

[...] – Раз мы начали с рассмотрения государственных нравов, а не отдельных лиц, потому что там они более четки, то и теперь возьмем сперва государственный строй, основывающийся на честолубии (не могу подобрать другого выражения, все равно назовем ли мы его «тимократией» или «тимархией»), и соответственно рассмотрим подобного же рода человека; затем – олигархию и олигархического человека; далее бросим взгляд на демократию и понаблюдаем человека демократического;

наконец, отправимся в государство, управляемое тиранически, и посмотрим, что там делается, опять-таки обращая внимание на тиранический склад души. Таким образом, мы постараемся стать достаточно сведущими судьями в намеченных нами вопросах.

[...] – Ну так давай попытаемся указать, каким способом из аристократического правления может получиться тимократическое. Может быть, это совсем просто, и изменения в государстве обязаны своим происхождением раздорам, возникающим внутри той его части, которая обладает властью? Если же в ней царит согласие, то, хотя бы она была и очень мала, строй остается незыблемым.

[...] – Значит, такой государственный строй – нечто среднее между аристократией и олигархией.

[...] каким же будет тогда государственное устройство? По-видимому, отчасти оно будет подражанием предшествовавшему строю, отчасти же – олигархии, раз оно занимает промежуточное положение, но кое-что будет в нем и свое, особенное.

[...] – В почитании правителей, в том, что защитники страны будут воздерживаться от земледельческих работ, ремесел и остальных видов наживы, в устройстве совместных трапез, в телесных упражнениях и воинских состязаниях – во всем подобном этот строй будет подражать предшествовавшему.

[...] – Там побоятся ставить мудрых людей на государственные должности, потому что там уже нет подобного рода простосердечных и прямых людей, а есть лишь люди смешанного нрава; там будут склоняться на сторону тех, что яростны духом, а также и тех, что попроще – скорее рожденных для войны, чем для мира; там будут в чести военные уловки и ухищрения, ведь это государство будет вечно воевать. Вот каковы будут многочисленные особенности этого строя.

[...] – Такого рода люди будут жадны до денег, как это водится при олигархическом строе; в омрачении они, как дикари, почитают золото и серебро, у них заведены кладовые и домашние хранилища, чтобы все это прятать, свои жилища они окружают оградой, и там, прямо-таки как в собственном логове, они тратятся, не считаясь с расходами, на женщин и на кого угодно.

– Они бережливы, т. к. деньги у них в чести; свое состояние они скрывают и не прочь пожить на чужой счет. Удовольствиям они предаются втайне, убегая от закона, как дети от строгого отца, ведь воспитало их насилие, а не убеждение, потому что они пренебрегали подлинной Музой, той, чья область – речи и философия, а телесные упражнения ставили выше мусического искусства.

– Ты говоришь о таком государственном строе, где зло полностью смешалось с добром.

– Действительно, в нем все смешано; одно только там бросается в глаза – соперничество и честолюбие, т. к. там господствует яростный дух.

[...] – Подобный государственный строй возникает, не правда ли, именно таким образом и в таком виде. В моем изложении он очерчен лишь в общем и подробности опущены, ибо уже и так можно заметить, каким там будет человек: отменно справедливым или, напротив, очень несправедливым, а рассматривать все правления и все нравы, вовсе ничего не пропуская, было бы делом очень и очень долгим.

[...] – Следующим после этого государственным строем была бы, я так думаю, олигархия.

– Что за устройство ты называешь олигархией?

– Это строй, основывающийся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении.

[...] – Надо ли сперва остановиться на том, как тимократия переходит в олигархию?

– Да, конечно.

[...] – Скопление золота в кладовых у частных лиц губит тимократию; они прежде всего выискивают, на что бы его употребить, и для этого перетолковывают законы, мало считаясь с ними; так поступают и сами богачи, и их жены.

[...] – Затем, наблюдая, в чем кто преуспевает, и соревнуясь друг с другом, они уподобляют себе и все население.

[...] – Чем больше они ценят дальнейшее продвижение по пути наживы, тем меньше почитают добродетель. Разве не в таком соотношении находятся богатство и добродетель, что, положи их на разные чаши весов, и одно всегда будет перевешивать другое?

[...] – Раз в государстве почитают богатство и богачей, значит, там меньше ценятся добродетель и ее обладатели.

[...] – А люди всегда предаются тому, что считают ценным, и пренебрегают тем, что не ценится.

[...] – Кончается это тем, что вместо стремления выдвинуться и удостоиться почестей развивается склонность к стяжательству и наживе и получают одобрение богачи – ими восхищаются, их назначают на государственные должности, а бедняки там не в почете.

[...] – Установление имущественного ценза становится законом и нормой олигархического строя: чем более этот строй олигархичен, тем выше ценз; чем менее олигархичен, тем ценз ниже. Заранее объявляется, что к власти не допускаются те, у кого нет установленного имущественного ценза. Такого рода государственный строй держится применением вооруженной силы или же был еще прежде установлен путем запугивания.

[...] – Главный порок – это норма, на которой он основан. Посуди сам: если кормчих на кораблях назначать согласно имущественному цензу, а бедняка, будь он и больше способен к управлению кораблем, не допускать...

[...] – Так разве не то же самое и в любом деле, где требуется

управление?

[...] – За исключением государства? Или в государстве так же?

– Еще гораздо больше, поскольку управлять им крайне трудно, а значение этого дела огромно.

[...] подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно – бедняков, другое – богачей.

[...] – Значит, ясно, что, где бы ты ни увидел бедняков в государстве, там укрываются и те, что воруют, срезают кошельки, оскверняют храмы и творят много других злых дел.

[...] – Так что же? Разве ты не замечаешь бедняков в олигархических государствах?

– Да там чуть ли не все бедны, за исключением правителей.

– Так не вправе ли мы думать, что там, с другой стороны, много и преступников, снабженных жалом и лишь насильственно сдерживаемых стараниями властей?

[...] – Не признать ли нам, что такими люди становятся там по необразованности, вызванной дурным воспитанием и скверным государственным строем?

[...] – Вот каково олигархическое государство, сколько в нем зол (а возможно, что и еще больше).

[...] – Пусть же этим завершится наш разбор того строя, который называют олигархией: власть в нем основана на имущественном цензе.

[...] – После этого [...] надо рассмотреть демократию – каким образом она возникает, а возникнув, какие имеет особенности [...].

– Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче.

[...] – Да ведь при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распущенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние; напротив, правители будут скупать их имущество или давать им под проценты ссуду, чтобы самим стать еще богаче и могущественнее.

[...] – А разве не ясно, что гражданам такого государства невозможно и почитать богатство, и вместе с тем обладать рассудительностью – тут неизбежно либо то, либо другое будет у них в пренебрежении.

[...] – В олигархических государствах не обращают внимания на распущенность, даже допускают ее, так что и людям вполне благородным иной раз не избежать там бедности.

[...] – В таком государстве эти люди, думаю я, сидят без дела, но зато у них есть и жало, и оружие; одни из них кругом в долгах, другие лишились гражданских прав, а иных постигло и то и другое; они полны ненависти к тем, кто владеет теперь их имуществом, а также и к прочим и замышляют переворот.

[...] – Между тем дельцы, поглощенные своими делами, по-видимому, не замечают таких людей; они приглядываются к остальным и своими денежными ссудами наносят раны тем, кто податлив; взимая проценты, во много раз превышающие первоначальный долг, они разводят в государстве множество трутней и нищих.

– И еще какое множество!

– А когда в государстве вспыхнет такого рода зло, они не пожелают его тушить с помощью запрета распоряжаться своим имуществом кто как желает и не прибегнут к использованию другого закона, который устраняет всю эту беду посредством другого закона...

– [...] Что же касается самих правителей и их окружения, то молодежь у них избалованная, ленивая телом и духом и слабая; у нее нет выдержки ни в страданиях, ни в удовольствиях, и вообще она бездеятельна. [...]

– Самим же им, кроме наживы, ни до чего нет дела, а о добродетели они радеют ничуть не больше, чем бедняки. [...]

– Вот каково состояние и правящих, и подвластных. Между тем им приходится иметь дело друг с другом и в путешествиях, и при любых других видах общения: на праздничных зрелищах, в военных походах, на одном и том же корабле, в одном и том же войске; наконец, и посреди опасностей они наблюдают друг друга, и ни в одном из этих обстоятельств бедняки не оказываются презренными в глазах богатых. Наоборот, нередко бывает, что человек неимущий, худой, опаленный солнцем, оказавшись во время боя рядом с богачом, выросшим в тенистой прохладе и нагулявшим себе за чужой счет жирок, видит, как тот задыхается и совсем растерялся. Разве, по-твоему, этому бедняку не придет на мысль, что подобного рода люди богаты лишь благодаря малодушию бедняков, и разве при встрече без посторонних глаз с таким же бедняком не скажет он ему «Господа-то наши – никчемные люди»? [...]

– Подобно тому как для нарушения равновесия болезненного тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться, – а иной раз расстройство в нем бывает и без внешних причин, – так и государство, находящееся в подобном состоянии, заболевает и воюет само с собой по малейшему поводу, причем некоторые его граждане опираются на помощь со стороны какого-либо олигархического государства, а другие – на помощь демократического; впрочем, иной раз междоусобица возникает и без постороннего вмешательства. [...]

– Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребью. [...]

– Как же людям при ней живется? [...] И каков этот государственный строй? [...]

– Прежде всего это будут люди свободные: в государстве появится полная свобода и откровенность и возможность делать что хочешь.[...]

– А где это разрешается, там, очевидно, каждый устроит себе жизнь по своему вкусу. [...]

– Я думаю, что при таком государственном строе люди будут очень различны. [...]

– Казалось бы, это самый лучший государственный строй. Словно ткань, испещренная всеми цветами, так и этот строй, испещренный разнообразными нравами, может показаться всего прекраснее. Вероятно, многие, подобно детям и женщинам, любующимся всем пестрым, решат, что он лучше всех. [...]

– При нем удобно, друг мой, избрать государственное устройство.

[...] – Да ведь вследствие возможности делать что хочешь он заключает в себе все роды государственных устройств. Пожалуй, если у кого появится желание, как у нас с тобой, основать государство, ему необходимо будет отправиться туда, где есть демократия, и уже там, словно попав на рынок, где торгуют всевозможными правлениями, выбрать то, которое ему нравится, а сделав выбор, основать свое государство.

– В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову. Разве не чудесна на первый взгляд и не соблазнительна подобная жизнь?

[...] – Далее. Разве не великолепно там милосердие в отношении некоторых осужденных? Или ты не видел, как при таком государственном строе люди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и продолжают вращаться в обществе; словно никому до него нет дела и никто его не замечает, разгуливает такой человек прямо как полубог. [...]

– Эта снисходительность вовсе не мелкая подробность демократического строя; напротив, в этом сказывается презрение ко всему тому, что мы считали важным, когда основывали наше государство. Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства – в играх и в своих занятиях – он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе. [...]

– Эти и подобные им свойства присущи демократии – строю, не

имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство – уравнивающее равных и неравных. [...]

– Ты отлично показал уклад жизни свободного человека в условиях равноправия.

– Я нахожу, что этот человек так же разнообразен, многолик, прекрасен и пестр, как его государство. Немало мужчин и женщин позавидовали бы жизни, в которой совмещается множество образчиков государственных укладов и нравов. [...]

– Что ж? Допустим ли мы, что подобного рода человек соответствует демократическому строю и потому мы вправе назвать его демократическим? [...]

– Но самое дивное государственное устройство и самого дивного человека нам еще остается разобратить: это – тирания и тиран. [...]

– Ну так давай рассмотрим, милый друг, каким образом возникает тирания. Что она получается из демократии, это-то, пожалуй, ясно. [...]

– Как из олигархии возникла демократия, не так же ли и из демократии получается тирания?

– То есть?

– Благо, выдвинутое как конечная цель – в результате чего и установилась олигархия, – было богатство, не так ли? [...]

– А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию. [...]

– Так вот, и то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает.

– Что же она, по-твоему, определяет как благо?

– Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе. [...]

– Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется встать дурным виночерпиям, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы, и обвиняет их в мерзком олигархическом уклоне. [...]

– Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе. Разве в таком государстве свобода не распространится неизбежно на все? [...]

– Она проникнет, мой друг, и в частные дома, а в конце концов неповиновение привьется даже животным. [...]

– Если собрать все это вместе, самым главным будет [...] то, что душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам: все

принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами – писаными или неписаными, – чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти. [...]

– Так вот, мой друг, именно из этого правления, такого прекрасного и по-юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания.

– Действительно, оно дерзкое. Что же, однако, дальше?

– Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь – из-за своеволия – и поработывает демократию. В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах. [...]

– Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством. [...]

– Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство.

– Но, думаю я, ты не об этом спрашивал, а о том, какая болезнь, встречающаяся в олигархии, так же точно подтачивает демократию и поработывает ее. [...]

– Этой болезнью я считал появление особого рода людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми тянутся и не столь смелые, мы их уподобили трутням, часть которых имеет жало, а часть его лишена. [...]

– Оба этих разряда, чуть появятся, вносят расстройство в любой государственный строй, как воспаление и желчь – в тело. И хорошему врачу, и государственному законодателю надо заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, – главным образом, чтобы не допустить зарождения трутней, – но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты. [...]

– Разделим мысленно демократическое государство на три части – да это и в действительности так обстоит. Одну часть составят подобного рода трутни: они возникают здесь хоть и вследствие своеволия, но не меньше, чем при олигархическом строе. [...]

– Там они не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногочисленного, распоряжаются подобные люди. [...]

– Из состава толпы всегда выделяется и другая часть...

- Какая?
 - Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по своей природе.
 - Естественно.
 - С них-то трутням всего удобнее собрать побольше меду.
 - Как же его и возьмешь с тех, у кого его мало?
 - Таких богачей обычно называют сотами трутней.[...]
 - Третий разряд составляет народ – те, что трудятся своими руками, чужды делячества, да и имущества у них немного. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе.
 - Да, но у них нет желания делать это часто, если им не достается их доля меда.
 - А разве они не всегда в доле, поскольку власти имеют возможность отнять собственность у имущих и раздать ее народу, оставив большую часть себе?
 - Таким-то способом они всегда получают свою долю.
 - А те, у кого отбирают имущество, бывают вынуждены защищаться, выступать в народном собрании и вообще действовать настолько это возможно. [...]
 - И хотя бы они и не стремились к перевороту, кое-кто все равно обвинит их в кознях против народа и в стремлении к олигархии. [...]
 - В конце концов, когда они видят, что народ, обманутый клеветниками, готов не со зла, а по неведению расправиться с ними, тогда они волей-неволей становятся уже действительными приверженцами олигархии. Они тут ни при чем, просто тот самый трутень ужалил их, и от этого в них зародилось такое зло. [...]
 - Начинаются обвинения, судебные разбирательства, тяжбы. [...]
 - А разве народ не привык особенно отличать кого-то одного, ухаживать за ним и его возвеличивать?
 - Конечно, привык.
 - Значит, уж это-то ясно, что, когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, т. е. как ставленник народа. [...]
- Книга девятая*
- [...] человек тиранический соответствует тиранически управляемому государству, а демократ – государству демократическому. И в остальных случаях не то же ли самое? [...]
 - И как государство относится к государству в смысле добродетели и благополучия, так и человек относится к человеку? [...]
 - А как в смысле добродетели относится государство с тираническим строем к государству, управляемому царем, которое мы разбирали раньше?
 - Они совершенно противоположны друг другу: одно из них – самое благородное, другое – самое низкое.

[...] Однако всякому ясно, что нет более жалкого государства, чем управляемое тиранически, и более благополучного, чем то, в котором правят цари. [...]

Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А.Н. Езюкова. Вступ. ст. Б.Н. Трубецкого. Комментар. В.Ф. Асмуса. Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Академический проект. 2015. – 398 с. – (Философские технологии). – С. 47, 52-53, 56, 68-69, 133-134, 143, 146, 151, 153, 155, 169, 184-185, 198, 211-212, 226-228, 244-246, 269-272, 274-275, 277-278, 280, 283-286, 290-294, 306-307.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как Платон определял государство?
2. Дайте характеристику неправильным формам правления
3. Каким, по мнению Платона, должен быть правитель?
4. Каким должно быть идеальное государство, по мнению Платона?

Фрэнсис Фукуяма

Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке

Глава 1. Недостающие аспекты государственности

Государство – древний институт человеческой цивилизации, возникший около 10 000 лет назад в первых земледельческих общинах в Месопотамии. В Китае государство с высокоразвитой бюрократией существовало на протяжении тысячелетий. В Европе современное государство, имеющее огромную армию, сильные налоговые органы, централизованную бюрократию, которая осуществляет верховные полномочия на огромной территории, наиболее отвечает требованиям времени, хотя насчитывает историю в 4 или 5 столетий со времени образования французской, испанской и шведской монархий. Становление такого государства, способного поддерживать порядок, безопасность, законопорядок и права собственности, обеспечило и возможность возникновения современного экономического мира.

Государство осуществляет широкое разнообразие функций, служащих для решения всяческих проблем. Некоторая принудительность власти позволяет ей, с одной стороны, защищать права собственности, а с другой стороны, дает право реквизировать частную собственность и ущемлять права граждан в интересах обеспечения общественной безопасности. Монополия легитимной власти, которую государство применяет, позволяет избегать внутри страны того, что Томас Гоббс назвал «войной всех против всех», но служит причиной конфликтов и войн на международном уровне. Задача современных политиков заключается в смягчении государственной власти, в направлении ее активности в область соблюдения законности людьми, которым она служит, и в регулировании употребления власти в соответствии с законом.

Современные государства в этом смысле обладают определенной универсальностью. [...]

Таким образом, проблема слабости государственного аппарата и необходимость построения сильных государств существует уже многие годы, но террористическая атака 11 сентября сделала ее более очевидной. Бедность не есть непосредственная причина терроризма: организаторы атак на Всемирный торговый центр и Пентагон – выходцы из среднего класса и стали радикалистами не в своих родных странах, а в Западной Европе. Тем не менее эти атаки привлекли внимание к центральной проблеме Запада: современный мир предлагает очень заманчивую упаковку – сочетание материального процветания рыночных экономик с политической и культурной свободой либеральных демократий. Эта упаковка привлекает очень многих, и доказательство тому – огромные односторонние потоки эмигрантов и беженцев как из менее развитых, так и из более развитых стран. Но для многих стран во всем мире современное состояние либерального Запада труднодостижимо. В то время как отдельные страны Восточной Азии за последние 60 лет совершили этот переход успешно, другие развивающиеся страны в этот период или не менялись, или явно регрессировали. Спорным остается вопрос, действительно ли универсальны институты и ценности либерального Запада действительно универсальными, или они, как говорил Сэмюэль Хантингтон [...], всего лишь результат своеобразного культурного развития центральной части Северной Европы. Фактически ни западные правительства, ни учреждения, созданные для стимуляции многостороннего развития, не способны претворить в жизнь большую часть полезных советов или помочь развивающимся странам снижением высоких целей, которые ставят.

Спорная роль государства

Можно утверждать, что в двадцатом столетии политические взгляды на размер и силу государственного аппарата менялись с трудом и не без столкновения мнений. Начало этого столетия знаменовал либеральный мировой порядок под председательством передового либерального государства – Великобритании. [...] Не существовало налогов на доходы, программ поддержки бедных или регулирования продовольственного обеспечения. Так как это столетие принесло человечеству войну, революцию, депрессию и снова войну, либеральный мировой порядок разрушался и почти на всей планете либеральное управление было вытеснено гораздо более высокоцентрализованным и активным.

Одно из направлений развития привело к тому, что Фридрих и Бжезинский [...] обозначили как «тоталитарное» государство, пытавшееся полностью уничтожить гражданское общество и подчинить остающихся разрозненными индивидуумов своим политическим целям. Право-политическая версия этого эксперимента закончилась в 1945 г. поражением фашистской Германии, в то время как лево-политическая

рухнула под тяжестью собственных противоречий, после падения Берлинской стены в 1989 г.

Параллельно этому, за первые три четверти двадцатого века размер, функции и сфера влияния государственного аппарата в нетоталитарных странах, включая фактически все демократии, уменьшились. В то время как в начале столетия в большей части стран Западной Европы и Соединенных Штатах государственный сектор потреблял немногим более 10 процентов валового национального продукта, в 80-х годах он использовал уже около 50 процентов (70 процентов в демократической социальной Швеции).

[...] Коллапс большей части форм государственной экономики, коммунизма, сразу же резко стимулировал уменьшение роли государства в некоммунистических странах. Фридрих А. Хайек, которого в середине века пригвоздили к позорному столбу за предположение о связи между тоталитаризмом и современным процветающим государством [...], еще при жизни (он умер в 1992 году) успел убедиться, что к его идеям стали относиться гораздо более серьезно, но не в политическом мире, где пришли к власти консервативные и правоцентристские партии, а в академических кругах, где неоклассическая экономика повысила свой престиж настолько, что стала ведущей социальной наукой.

Уменьшение государственного сектора оставалось преобладающей темой в политике в течение переломных 80-х и начала 90-х, когда множество стран в бывшем коммунистическом мире, Латинской Америке, Азии и Африке в результате того, что Хантингтон [...] назвал третьей волной демократизации, стали отходить от авторитарного правления. [...]

В ответ на эти тенденции международными финансовыми институтами, такими как Международный финансовый фонд и Всемирный банк, а также правительством США, была предложена концепция, которая делала упор на ряде мероприятий, предполагающих уменьшение степени влияния государства на сферу экономики. Итоговый пакет был назван одним из его разработчиков [...] «Вашингтонским консенсусом», или «неолиберализмом» [...]

Если посмотреть ретроспективно, в «Вашингтонском консенсусе» не было ничего неправильного: государственные секторы развивающихся стран были в большинстве случаев помехой росту, и длительная экономическая либерализация только укрепила бы их. Вернее, проблема заключалась в том, что хотя государства и нуждались в ограничении в определенных сферах, им было необходимо одновременное усиление в других. Экономисты, проводящие политику либеральных реформ, особенно хорошо разобрали это в теории. Но относительные акценты в этот период очень сильно связаны с ослаблением активности государственной власти, которое может быть неверно понято или умышленно неправильно истолковано как попытка ослабить влияние государства во всех областях экономики. Строительству государства в

повседневной деятельности, по крайней мере такому же важному, как и ослабление роли государства, не уделялось должного внимания. В результате во многих странах реформы, либерализующие экономику, не оправдали ожиданий. В некоторых странах отсутствие соответствующего набора государственных и общественных институтов даже привело экономику к худшему состоянию, чем она была бы без этих реформ. Проблема – в отсутствии базовой концепции, охватывающей различные аспекты государственности, и в непонимании их связи с экономическим развитием.

Сфера влияния против силы

Я начинаю анализ роли государства в экономическом развитии постановкой такого вопроса: каким государством являются Соединенные Штаты – сильным или слабым? Четкий ответ на этот вопрос дал Липсет [...]: американские государственные и общественные институты преднамеренно задуманы для ослабления или уменьшения влияния государственной власти. Соединенные Штаты рождены в результате восстания против государственного влияния, и в итоге теперь противогосударственная политическая культура выражается в ограничении государственной власти в виде конституционного правительства с четкими защитами прав индивидуумов, разделением властей, федерализмом и так далее. Липсет указывает на то, что американская система социального обеспечения создана поздно и остается гораздо более ограниченной (например, нет всеохватывающей системы здравоохранения), чем в других развитых демократиях, что рынки регулируются гораздо меньше и что США были одними из первых при общемировом откате назад в этом социальном обеспечении в 1980-1990-х гг.

С другой стороны, бытует мнение, что американское государство очень жесткое. Макс Вебер [...] определяет государство как «человеческое сообщество, которое (успешно) претендует на монополию законного использования физической силы внутри данной территории». Иными словами, сущность государственности заключается в принуждении – исключительной возможности послать кого-либо в форме и с оружием для того, чтобы заставить людей исполнять правительственные законы. В этом отношении американское государство крайне строго: оно имеет на разных уровнях федеральном, штатов и местном целый набор силовых структур, обеспечивающих соблюдение всех законов, от правил дорожного движения до рыночных законов и основных положений «Билля о правах». [...]

Иначе говоря, в Соединенных Штатах существует система ограниченного правительственного управления, которая имеет исторически суженную сферу государственной активности. Внутри этой сферы способность создавать законы и обеспечивать их соблюдение очень сильна. У многих американцев, конечно, существует значительная доля

оправданного цинизма у многих американцев в отношении эффективности и уязвимости их собственного правительства [...]. Но американская власть закона предмет зависти остального мира [...]

Отсюда ясно, чем отличается сфера государственного влияния, которое подразумевает, что на правительство возлагаются различные функции и цели, и сила государственной власти, или способность государства планировать и проводить политические курсы и обеспечивать следование законам, честно и открыто. Именно на это сегодня ссылаются как на компетенцию общества и государства. Одна из ошибок в нашем понимании государственности состоит в том, что слово «сила» часто используется равно как в отношении того, что здесь обозначено как сфера влияния, так и в отношении силы или мощи.

Различие между этими двумя аспектами государственности позволяет создать матрицу, которая поможет разграничить степени государственности в различных странах во всем мире. Мы можем расположить сферы влияния государственной деятельности в своего рода непрерывном диапазоне, от необходимого и важного до всего лишь желательного и необязательного и, в некоторых случаях, непродуктивного или даже деструктивного. Конечно, можно не соглашаться с приоритетностью государственных функций, особенно когда речь идет о таких проблемах, как пер

ераспределение или социальная политика. Большинство людей согласилось бы, что должно быть несколько степеней приоритетов: государствам необходимо сначала обеспечить общественный порядок и защиту от внешних вторжений, а уж потом систему здравоохранения или бесплатного высшего образования, распространяющуюся на все слои общества. Доклад о мировом развитии Всемирного банка 1997 г. [...] предложил один из возможных перечней государственных функций, разделив их на три категории, от «минимальной» к «умеренной» и к «энергичной» [...].

[...] Сила [...] включает [...] способность сформулировать и осуществить политические курсы и создавать законы; администрировать эффективно и с минимумом волокиты; контролировать мошенничество, коррупцию и взяточничество; поддерживать высокий уровень прозрачности и ответственности (подотчетности) правительственных учреждений; и, что самое важное, реализовывать законы.

Существуют, очевидно не повсеместно, принятые измерения силы государственных институтов. [...]

С восстановлением акцента на качестве институтов власти в 1990-х гг. был разработан ряд соответствующих индексов [...]. Один из них – индекс восприятия коррупции [...], который основан на обзоре данных, поступающих главным образом из деловых сообществ [...]. Другой параметр – это разработанный частным образом Индекс риска [...], который разделен на отдельные системы оценки коррупции, законности и

порядка и качества бюрократии. Кроме того, Всемирный банк разработал показатели управления. [...] Существуют также более широкие системы оценки политических прав, например, индекс политической свободы и гражданских свобод [...], который объединяет демократию и права личности в одно число – характеристику, или данные [...] по характеристикам режима.[...]

Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.] / Фрэнсис Фукуяма. – М: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.–220, [4] с.– (Philosophy). – С. 12-28.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Проанализируйте функции государства
2. В чем Ф. Фукуяма видит спорную роль государства?

Тема 16. Политические партии. Выборы и избирательные системы

Филипп Гоулд

Стратегическое планирование избирательной кампании

Что может быть важнее для успешного проведения избирательной кампании, чем стратегическое планирование! [...]

Часть 1. Процесс стратегического планирования

Процесс стратегического планирования включает в себя 4 стадии:

1. сбор информации, поступающей из двух источников: обследования общественного мнения и изучения соперников;
2. оценка имеющейся информации, в первую очередь путем выявления сильных и слабых сторон всех участников борьбы;
3. непосредственная разработка стратегии: определение адресных групп, проблем, целей, стратегии и основных лозунгов;
4. планирование, т. е. переведение всего вышеназванного в законченный план всей кампании.

Рассмотрим эти стадии подробнее.

1. Информация

Стратегическое планирование невозможно без информации. Есть два источника ее получения: обследование общественного мнения и изучение соперников.

Национальный демократический институт международных отношений (США) является одной из ведущих организаций, занимающихся проблемами развития демократического процесса в разных странах мира [...] Программы НДИ разделены на несколько основных направлений: избирательная деятельность, обучение представителей политических партий, помощь представителям законодательных органов, гражданское просвещение, реформирование органов местного

самоуправления.

[...] Обследование общественного мнения необходимо при проведении любой политической кампании. Оно осуществляется в двух основных формах: а) количественное исследование, предполагающее опрос статистически репрезентативной выборки избирателей и б) анализ фокусных групп.

Исходное, количественное обследование позволит установить наиболее важные факты, касающиеся вашего кандидата и его соперника, факты, от которых можно отталкиваться при последующих обследованиях. Подобное обследование включает в себя выявление

- электоральных намерений;
- отношения к положению в стране (в том или нет направлении идет ее развитие);
- оценки экономической ситуации (укрепляется ли экономика или становится слабее, улучшается или ухудшается жизнь конкретного индивида);
- проблем, наиболее остро стоящих перед избирателями (являются ли ими проблемы здравоохранения, или экономики, или обороны);
- сильных и слабых сторон всех партий, участвующих в выборах;
- имиджа партии и ее кандидатов: доверяют ли им, считают ли их отвечающими духу времени, компетентными;
- кандидата, вызывающего наибольшее доверие и лидирующего с точки зрения его подхода к ключевым политическим проблемам: кому больше всего доверяют в вопросах управления экономикой; кто, с точки зрения избирателей, с наибольшей долей вероятности не допустит повышения налогов; кто пользуется наибольшим доверием в вопросах внешней политики.

Такое обследование позволит получить полную карту политической территории, на которой будет разворачиваться кампания. Оно поможет установить сильные и слабые стороны партий, заботы и опасения электората, а также сферы, благоприятные для ведения предвыборной борьбы, и те, где ваши позиции слабее. Однако оно не позволит проникнуть в область более глубинных страхов, надежд и ценностей электората. [...]

Анализ фокусных групп позволяет, в частности, определить

- что реально вызывает опасения и беспокойство избирателей, на что они в действительности надеются и чего боятся;
- что они в действительности думают о политиках, нравятся ли они им, пользуются ли доверием;
- каковы на самом деле их убеждения и глубинные ценности;
- какой отклик вызывает у них политическая информация, как на них воздействуют лозунги, плакаты и листовки.

Анализ фокусных групп дает глубину, опросы общественного мнения – количественные показатели. Для ведения избирательной

кампании нужно и то, и другое.

Изучение соперников – это изучение сведений о конкурирующей партии и кандидате (при этом необходимо собрать и все данные, касающиеся вашей собственной партии и кандидата). Осуществление данной работы, как и обследование общественного мнения, является важнейшей предпосылкой успешного проведения современной политической кампании.

2. Оценка

Когда вся доступная информация получена, она должна быть приведена в систему и оценена. Центральным моментом подобной оценки будет определение сильных и слабых сторон в позициях как вашей, так и конкурирующей партии и их кандидатов. Это должно быть проделано тщательно и честно [...]

3. Стратегия

[...] Процесс выработки стратегии состоит, в свою очередь, из пяти элементов: выявляется адресная группа; определяется ключевая проблема, которой должно быть уделено основное внимание; формулируются цели кампании, ее главная стратегическая линия и основные лозунги. Рассмотрим их по порядку.

Выбор адресной группы. [...] Выбор адресной группы важен по ряду причин. Во-первых, это помогает вырабатывать лозунги. В политике, как в жизни, если вы знаете, к кому обращаетесь, то вам известно, что и как сказать. Во-вторых, это позволяет наиболее эффективно использовать имеющиеся средства. Вы просто не сможете издать столько рекламных проспектов или листовок [...] В-третьих, выбор адресной группы дает возможность выдвигать, особенно на местном уровне, такие лозунги, которые бы отражали нужды потенциального избирателя. Например, если листовка предназначена для пенсионеров, в ней можно говорить о нуждах именно пенсионеров. Чем специфичнее лозунг и чем точнее он сформулирован, применяясь к конкретному адресату, тем эффективнее ваш коммуникационный процесс.

Выявление адресной группы потребует определенного времени и усилий. Постепенно состав подобных групп стал все в большей степени определяться не столько традиционными факторами, такими как социальная или экономическая принадлежность индивидов, сколько установочными характеристиками, которые не совпадают с экономическими и социальными. Вы, например, можете стремиться привлечь тех избирателей, которые придерживаются традиционных ценностей, настроены весьма националистически и болезненно воспринимают перемены. Или же, напротив, вы можете апеллировать к тем, кто жаждет быстрых перемен, персонцентричен и кому не до традиционных ценностей. [...]

Выявление ключевой проблемы. Крайне важно определить ту ключевую проблему, вокруг которой должна будет развернуться кампания.

Это поможет вам сконцентрировать свое внимание и сфокусировать на ней свою стратегию.

Постановка целей. [...] Без четко обозначенных целей не может быть и стратегии. Цели должны быть приведены в систему и поддаваться измерению. Ставятся они на двух различных уровнях.

1. Электоральный уровень: Какую долю голосов вы стремитесь получить? Сколько мест пытаетесь приобрести?

2. Установочный уровень: Какие изменения в позициях и убеждениях вы хотите стимулировать? Стараетесь ли вы усилить чувство экономической уверенности или создать образ сильного руководства?

[...] Политическая стратегия всегда включает в себя 3 элемента: а) рекламу своей позитивной программы, б) оборону там, где вы уязвимы, и в) разоблачение недостатков ваших соперников. В ходе выработки стратегии вопрос о нахождении баланса между этими тремя элементами – элементами наступления, обороны и рекламы – является ключевым. [...]

Расчет времени. При проведении избирательной кампании важно также правильно рассчитать время. Современные избирательные кампании, как правило, проходят по меньшей мере две фазы – фазу предвыборной кампании в полном смысле этого слова, начинающуюся за 4–5 недель до выборов, и фазу длительной кампании, продолжающуюся около 6 месяцев до развертывания непосредственно избирательной кампании. В настоящее время становится все более и более важным заблаговременно выдвинуть свою программу и повлиять на позиции избирателей, поскольку по мере приближения выборов кампания часто становится такой напряженной, что бывает сложно донести до электората свои лозунги.

Лозунги. Лозунги, безусловно, являются сердцевиной кампании. [...] Лозунги должны быть простыми, запоминающимися, и их нужно постоянно повторять. [...]

4. План кампании.

После того, как стратегия выработана, она должна быть преобразована в план кампании, в который войдут:

- оценка сильных и слабых сторон всех партий;
- цели;
- проблема;
- адресная группа;
- стратегия кампании: наступление, реклама, оборона;
- лозунги;
- коммуникационная стратегия (как лозунги будут доводиться до адресатных групп);
- сетевой график, фиксирующий все события, стратегические инициативы и пресс-конференции;
- план действий, точно определяющий, что будет происходить и кто будет это осуществлять. [...]

Гоулд Ф. *Стратегическое планирование избирательной кампании* /Ф. Гоулд // *Полис.* - 1993. – № 4. – С. 134-145.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Проанализируйте процесс планирования избирательной кампании
2. Что входит в план избирательной кампании?
3. Что позволяет определить анализ фокусных групп?
4. Какие еще исследования необходимо провести для того, чтобы избирательная кампания была успешной?

Морис Дюверже

Кадровые и массовые партии

Различие кадровых и массовых партий не связано ни с их масштабами, ни с их численностью; дело не в различии размеров, а в различии структур. Возьмем, к примеру, французскую социалистическую партию: рекрутирование новых членов представляет для нее основную задачу как с политической, так и с финансовой точки зрения. Ведь она прежде всего стремится дать политическое воспитание рабочему классу, выделить из его среды элиту, способную взять в свои руки власть и управление страной. А это означает, что члены составляют самую материю партии, субстанцию ее деятельности – без них она напоминала бы учителя без учеников. С точки зрения финансовой партия также существенно зависит от взносов своих членов: первейшая обязанность секций состоит в том, чтобы обеспечить регулярные денежные поступления. Таким образом партия собирает средства, необходимые для политического просвещения и повседневной работы. Тем же путем она может финансировать и выборы – к аспекту финансовому присоединяется здесь и политический. И этот последний аспект проблемы – основной, поскольку любая избирательная кампания требует больших расходов. Технология массовых партий заменяет капиталистический способ финансирования выборов демократическим. Вместо того чтобы обращаться к нескольким частным пожертвователям с целью покрыть расходы на избирательную кампанию – промышленникам, банкирам или крупным коммерсантам (ведь тот, кто выдвигает кандидата и выбирает его, оказывается в зависимости от них), массовые партии распределяют груз издержек на максимально возможное число членов, так что на каждого из них приходится скромная сумма. Можно сравнить эту находку массовых партий с изобретением бонов Национальной обороны в 1914 г. Раньше казначейские боны выпускались крупными купюрами и размещались в нескольких крупных банках, которые под них одалживали государству деньги. В 1914 г. родилась гениальная идея выпустить множество мелких купюр и разместить их среди возможно более широкого круга публики. Точно так же и для массовых партий характерен призыв к общественности – она заплатит и

позволит избирательной кампании партии избежать зависимости от денежных мешков; отзывчивая и активная, она получает политическое воспитание и приобретает инструмент для участия в государственной жизни.

Кадровые партии соответствуют другому понятию. Это объединение нотаблей, их цель – подготовить выборы, провести их и сохранять контакт с кандидатами. Прежде всего это нотабли влиятельные, чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее, нотабли технические – те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовать кампанию; наконец, это нотабли финансовые – они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значение прежде всего, – это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния. То, чего массовые партии добиваются числом, кадровые достигают отбором. И само вступление в кадровую партию имеет совершенно иной смысл: это акт глубоко индивидуальный, обусловленный способностями или особым положением человека, строго детерминированный его личностными качествами. Это акт, доступный избранным; он основан на жестком и закрытом внутреннем отборе. Если считать членом партии того, кто подписывает заявление о приеме в партию и в дальнейшем регулярно уплачивает взносы, то кадровые партии членов не имеют. Некоторые из них делают вид, будто они тоже, по образу и подобию массовых партий, заинтересованы в рекрутировании новых членов, но это не следует принимать всерьез. Если на вопрос о численности французской партии радикал-социалистов нет точного ответа, то причина в том, что сам вопрос лишен смысла. Членов партии радикалов невозможно учесть, так как она, собственно говоря, их не ищет: ведь речь идет о кадровой партии. К той же категории принадлежат американские партии и большая часть умеренных и консервативных европейских партий.

Это в принципе ясное различие не всегда легко поддается объяснению. Как только что было отмечено, кадровые партии в подражание массовым иногда открывают доступ обычным приверженцам. Явление довольно обычное – в чистом виде кадровые партии встречаются достаточно редко. [...]

Различие кадровых и массовых партий обусловлено социальной и политической инфраструктурой. В основных чертах оно соответствует замене ограниченного избирательного права всеобщим. В условиях цензовых избирательных режимов, которые в XIX веке были правилом, партии носили четко выраженную кадровую форму. Вопрос о вовлечении масс не стоял, поскольку они не имели никакого политического влияния. [...]

И, наконец, различие кадровых и массовых партий определяется теми их особенностями, которые связаны с различными типами партийной инфраструктуры. Кадровые партии – партии комитетские,

децентрализованные и слабо интегрированные; массовые - это чаще всего партии, основанные на секциях, более централизованные и с более жесткой структурой. [...]

Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л.А. Зиминной. – М.: Академический Проект. – 2002. – 560 с. – С. 116-122.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что собой представляют кадровые и массовые партии?
2. В чем различие кадровых и массовых партий?
3. Какие типы партий Вам известны?

Роберт Михельс

Социология политической партии в условиях демократии

Большинство социалистических школ считают в будущем возможным достижение демократии, а большинство людей аристократических взглядов признают ее хотя и общественно вредной, но осуществимой. Вместе с тем есть и консервативное течение в ученом мире, которое эту возможность исключает полностью и на все времена. Это течение [...] проповедует необходимость в условиях любого человеческого сообщества «классовой политики», т.е. политики господствующего класса – класса меньшинства.

Неверующие в Бога демократии не перестают называть ее детской сказкой, утверждая, что все слова языка, включающие в себя господство массы, – «государство», «народное представительство», «нация» и т. д. – выражают только принцип, но недействительное состояние. Им принадлежит и теория о том, что вечная борьба между аристократией и демократией на деле, как свидетельствует история, является лишь борьбой между прежним меньшинством, защищающим свое господство, и новым честолюбивым меньшинством, стремящимся к завоеванию власти, желающим слиться с прежним или низвергнуть его. Результат любой классовой борьбы, по их мнению, состоит лишь в замене – одно меньшинство сменяет другое в своем господстве над массами. [...]

[...] Все силы оппозиционной партии направлены на вытеснение правящей партии, чтобы занять ее место, другими словами, заменить одну группировку господствующего класса другой. Но рано или поздно конкурентная борьба между отдельными группировками господствующих классов заканчивается примирением, неосознанный мотив которого – сохранение таким образом господства над массами или же его разделение. [...]

Партия не является ни социальным, ни экономическим образованием. Основой ее деятельности является программа. Теоретически выразить интересы определенного класса она, конечно, может. Но практически вступление в партию никому не заказано, независимо от того,

совпадают ли его личные интересы с положениями программы или нет. Так, например, социал-демократия является идейной представительницей пролетариата, но из-за этого вовсе не классовым организмом [...]

Там, где вожди (все равно, вышли ли они из буржуазии или рабочего класса) сами включены в партийный организм в качестве чиновников, их экономический интерес, как правило, совпадает с интересом партии как таковой. Но тем самым устраняется только одна из опасностей. Другая, более серьезная [...] заключается в появлении вместе с развитием партии противоположности между членами партии и ее вождями. Партия как внешнее образование, механизм, машина вовсе не тождественна с партийными массами и уж тем более классом. Партия – это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными, особыми целями и интересами, то она целенаправленно отделяется от класса, который представляет. [...]

Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы. Так надолго они превращаются в явные классы.

[...] Высший слой вождей в политически организованном международном рабочем движении в большинстве состоит из парламентариев. [...]

То, что современными социал-демократическими партиями руководят парламентарии, – свидетельство их преимущественно парламентского характера. Партии делегируют самых авторитетных своих представителей на самую авторитетную должность, на которой, по их разумению, можно принести самую большую пользу. Авторитет парламентария возрастает по еще двум причинам. С одной стороны, в результате того, что, чем дольше он находится на посту, которого его никто не может лишить в период полномочий, тем более независим он от партийной массы и в конечном счете – от партийного руководства. [...] В момент избрания его зависимость от партии лишь опосредованна. Непосредственно же он зависит от избирателей и поэтому обязан в конечном счете своим положением неорганизованной массе. [...]

Сегодня партийные массы настолько привыкли считать парламент главным местом сражения за их интересы, что прилагают все усилия, чтобы облегчить дело своих стратегов, находящихся там. Это убеждение определяет отношение масс к своим парламентариям. [...]

Еще более резко, чем в политической партии, господствующий характер вождей и их стремление управлять демократическими

организациями по олигархическому принципу проявляются в профсоюзном движении.

Зарождение любого профсоюзного движения показывает, к какому широкому отрыву от демократии приводит первоначально демократическое рабочее движение централизованная бюрократия. В профсоюзах чиновникам еще легче осуществлять и продолжать практику, которая не устраивает большинство представляемых ими членов...

Уже в течение многих лет центральные правления профсоюзных объединений отняли у своих членов и оставили только себе право определять подъемы и спады движений за повышение заработной платы. [...] а также решать вопросы о том, является ли та или иная забастовка «оправданной» или нет. Поскольку руководители союзов обладают значительными суммами, то и дело спор идет вокруг того, чтобы выяснить, кому принимать решение об «оправданной поддержке» забастовки. Здесь перед нами встает вопрос, затрагивающий жизненный нерв демократического самоуправления и самоопределения профсоюзных коллективов. Если на решение этого ключевого вопроса претендуют вожди и, более того, уже захватили его в свои руки, то это означает только одно: они исключают принцип элементарнейшей демократии и сами открыто провозглашают себя олигархами, в то время как массы, оплачивая расходы на содержание олигархов, должны с этим мириться. Конечно, это стремление вождей можно оправдать, исходя из соображений тактики и компетенции. Но здесь речь о другом. [...]

Вожди, как правило, невысоко ставят массы (хотя среди них находятся и такие, кто восторгается массами и платит им за оказанное себе уважение сторицей). Но все-таки в большинстве случаев эта любовь не взаимна, и прежде всего потому, что в течение срока своего правления у вождя была возможность в непосредственной близости познакомиться с нищетой масс...

Фактически различия в уровне образования и компетенции, существующие среди членов партии, проявляются и при распределении обязанностей. Вожди делают ставку на безмолвие масс, когда устраняют их отдел. У них складывается мнение: партия не может быть заинтересована в том, чтобы меньшинство ее членов, наблюдающих и размышляющих за развитием ее жизни, зависело от большинства тех, у которых еще нет собственного мнения по определенным вопросам. Поэтому вожди выступают противниками референдума или не применяют его в партийной жизни. Чтобы выбрать подходящий момент для действий, надо иметь кругозор, которым обладают всего лишь немногие представители массы, в то время как большинство подчиняется сиюминутным впечатлениям и эмоциям. Ограниченный корпус чиновников и доверенных лиц, совещающихся на закрытом заседании (где они не испытывают влияния пристрастных газетных отчетов и где каждый может говорить без опасения внести сумятицу в лагерь противника),

являясь коллегиальным, может рассчитывать на объективное суждение о себе. Для замены прямых выборов в партии косвенными кроме политических причин ссылаются и на сложное строение партийной организации. В отношении же гораздо более сложного государственного устройства в качестве программного пункта выдвигается требование прямого законодательства народа на основе права внесения предложений и наложения вето.

Противоречие, заключенное в столь различном понимании сходных сторон партийной и государственной политики, пронизывает всю партийную жизнь.

[...] Концентрация власти в руках относительно немногих, как это имеет место в рабочем движении, с естественной необходимостью приводит к частому злоупотреблению ею. «Представитель», ощущающий полную свою независимость, превращается из слуги народа в господина над ним. Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами – это истина, которую познал еще Гёте, вложивший в уста Мефистофеля слова о том, что человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению. Крайности конституированной партийной власти воспринимаются партией, выступающей против государственной власти, как естественная необходимость. По отношению к своим вождям масса проявляет гораздо больше послушания, чем к правительствам. Она терпит от них даже многие несправедливости, которые не потерпела бы от правительства ...

Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается его оформление в касту. Где ему не препятствуют явно выраженный индивидуализм и фанатичный политический догматизм, как во Франции, там старые вожди противостоят массам компактными группами, по крайней мере до тех пор, пока массы не доходят до серьезного протеста и не угрожают их господству. Процедура делегирования регулируется вождями порой путем особых соглашений, в результате которых массы фактически отстраняются от всяких форм соучастия в принятии решений [...]

Нет никаких признаков того, что эта обнаруживаемая на практике власть олигархии в партийной жизни в ближайшей перспективе будет подорвана. Независимость вождей усиливается по мере их незаменимости. Влияние, которое они оказывают, и экономическая безопасность их положения все более привлекательно действуют на массы и возбуждают честолюбие самых одаренных для вступления в привилегированную бюрократию рабочего движения. А она из-за этого становится все более неспособной к тому, чтобы направить возможную скрытую оппозицию против старых вождей, опираясь на новые силы. [...]

Массы время от времени могут выступить и с сознательным протестом, но их энергия всегда укрощается вождями. Только политика господствующих классов, хватающих во внезапном ослеплении через край,

способна выдвинуть партийные массы на сцену истории в качестве активных действующих лиц, свергающих власть партийной олигархии, поскольку прямое вмешательство масс всегда происходит вопреки воле вождей. Если не считать этих эпизодических нарушений, то естественное и нормальное развитие организации по-прежнему накладывает и на революционно-социалистические партии печать устойчивости и покоя.

[...] Демократия очень хорошо уживается с определенной степенью тирании и по другим психологическим и историческим причинам: масса легче переносит господство, когда каждый ее индивид имеет возможность приблизиться к нему или даже включиться в него. [...]

Избранный вождь в силу демократичности своего избрания склонен в большей степени считать себя представителем общей воли и требовать в качестве такового послушания и подчинения себе, чем прирожденный вождь аристократии. [...]

Сами вожди, когда их упрекают в недемократическом поведении, ссылаются на волю масс, которая терпит их, т.е. на качества своих избирателей и себя как избранных. До тех пор пока массы выбирают и переизбирают нас вождями, утверждают они, мы остаемся законными представителями массовой воли и образуем с ней единое целое. При старых аристократических порядках несогласие с требованиями правителя означало прегрешение против Бога. В условиях современной демократии действует правило: никто не может уклоняться от требований олигархов, ибо в этом случае он грешит против самого себя, своей собственной воли, добровольно переданной представителю. [...]

В условиях демократии вожди основывают свое право командования на фикции демократического всевластия масс. Каждый партийный чиновник получает свое место от массы и зависит от ее благоволения во всем, что касается его существования и действия. Ведь в условиях демократии каждый, по меньшей мере косвенно, отдает себе приказ выполнять поступающие ему сверху указания в высшей степени самостоятельно.

С точки зрения теории защита вождями принципа «требовать подчинения масс» абсолютно очевидна и безупречна. Но на практике если и не выборы, то перевыборы вождей массами совершаются всегда при такой сильной обработке сознания и различных способах навязывания идей, что свобода принятия решения оказывается при этом в значительной степени подорванной. Нет никакого сомнения в том, что в процессе развития партии демократическая система сжимается в конечном счете до прав масс самим выбирать себе в данный период времени господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание. [...]

Бюрократ также легко верит в то, что он знает потребности масс лучше, чем они сами. [...]

Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц.

М. С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – 843 с. – С. 540-551.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятий: «правящая партия», «оппозиционная партия»
2. Какова роль вождей в «жизни партии»?

Эндрю Хейвуд **Функции партий**

[...] Конституционные партии, строго соблюдающие правила политической игры, часто изображаются бастионами демократии: если в обществе есть такие партии, это считается показателем его политического здоровья. В партиях, что монополизировали за собой право на политическую власть, напротив, видят инструмент манипулирования и политического контроля. Как бы то ни было, можно следующим образом определить главные функции партий:

- ✓ представительство;
- ✓ формирование и пополнение элиты;
- ✓ определение целей государственного развития;
- ✓ артикуляция интересов и их агрегирование;
- ✓ социализация и мобилизация граждан;
- ✓ формирование правительства.

Представительство

Коль скоро партии создаются для того, чтобы выражать интересы как своих членов, так и избирателей, главной их функцией является представительство. В переводе на язык теории систем они, можно сказать, служат устройством «ввода», или «входом», в государственную систему, через который сюда транслируются потребности, проблемы, устремления и желания общества. Понятно, что лучше всего эта функция выполняется в открытой и состязательной системе, где партии волей-неволей вынуждены реагировать на общественные предпочтения – кто-то даже скажет, что лишь в этом случае она, собственно говоря, и выполняется. Сторонники теории рационального выбора вслед за Энтони Даунзом (1957) объясняют данный процесс, уподобляя рынок политический рынку экономическому: здесь политики в поиске голосов избирателей действуют по сути как предприниматели, партии выступают как частные фирмы, а выбор остается за покупателем, то есть избирателем. Эта «экономическая модель», однако, весьма уязвима: в действительности партии стремятся не только реагировать на общественное мнение, но и формировать его; что до избирателя, то в жизни он отнюдь не такой уж информированный и рационально действующий покупатель, все думающий, что бы ему такое приобрести у этой или той партии.

Формирование и пополнение элиты

Одна из важнейших функций всех партий – поставлять государству политических лидеров. Это правило, исключением из которого, может быть,

стал лишь генерал де Голль, когда в 1944 г. он предложил Франции свои услуги, поставив себя над партиями, но создав, что примечательно, собственную партию – Союз в защиту Республики. Но это не типичный случай – обычно же политики только из партий и приходят на государственные должности: в предвыборных президентских кампаниях кандидаты являются, как правило, лидерами соответствующих партий, в парламентских же системах премьер-министром становится лидер партии большинства, контролирующей законодательное собрание. Кроме того, ведущим партийным фигурам достаются кабинетные и иные министерские посты, хотя в президентских системах, как, например, в США, в администрацию может быть назначен и беспартийный министр.

Словом, партии суть трамплин для политиков: здесь они приобретают навыки, знания и опыт; можно было бы даже сказать, что отсюда начинается отсчет их «стажа», не находишь это в зависимости от превратностей судьбы самой партии. Но у этой медали есть и обратная сторона, про которую можно сказать так: обступив государство со всех сторон, партии больше никому не дают пробиться даже к подножию власти; резерв, из которого пополняется руководство государства, – это, в сущности, лишь два-три десятка политиков из нескольких партий. Может быть лишь в США картина несколько иная: процесс первичных выборов здесь столь широк, что партии попросту не в состоянии контролировать процесс первоначального отбора и выдвижения кандидатов.

Определение целей

Политические партии всегда были той средой, через которую общество осмысливает и определяет свои цели, а подчас и реализует их. Эту свою функцию они выполняют постольку, поскольку в борьбе за власть, расширение электората им приходится так или иначе определяться со своими политическими программами – на партийных съездах, в предвыборных манифестах и так далее. Тем самым они не только инициируют новые направления политики – на практике это чаще всего целый набор более или менее достижимых целей, который и преподносится избирателю.

Эта функция партий четче всего выражена в парламентских системах: здесь у победившей на выборах партии есть мандат, как раз и дающий ей право проводить свои программы в жизнь. Впрочем, нечто похожее может иметь место и в президентских системах, где вообще-то программам уделяется куда меньше внимания: примером может служить кампания Республиканской партии «Договор с Америкой» на выборах в Конгресс в 1994 г. И все же воздействие партий на политический процесс сокращается: причины в том, что партии все больше деидеологизируются, а в избирательных кампаниях все больше внимания уделяется не политическим проблемам, а личностям и имиджам. Да и в любом случае партийные программы практически всегда корректируются под давлением чиновничества и групп интересов, а также факторов внешней и внутренней политики. Осуществлением же политики опять-таки занимаются не партии, а

государственные служащие, если это только не однопартийная система, где правящая партия, контролирует все уровни государственного аппарата.

Артикуляция интересов и их агрегирование

Вырабатывая цели, партии в то же время выявляют и выражают интересы различных слоев общества. Подчас партийные структуры, собственно, и развиваются как организации, через которые, деловые круги, трудящиеся классы, религиозные и этнические сообщества и другие группы проводят в жизнь свои интересы. Скажем, Лейбористская партия Великобритании в свое время была основана профсоюзами, дабы обеспечить политическое представительство рабочего класса. Другие партии, напротив, сами искали те группы общества, которые могли бы стать их электоральной базой: именно так в США в конце XIX – начале XX в. партии стремились привлечь на свою сторону потоки иммигрантов.

Поскольку групп в обществе много и их интересы разноплановы, партии агрегируют эти интересы, сводят их в некое единое целое, находят общий знаменатель для различных их векторов. Конституционным партиям попросту приходится это делать, потому что иначе им не сохранить свои электоральные позиции, но то же самое по-своему происходит и в однопартийных системах, особенно с централизованным планированием, где иначе как через партию по теснейшим ее связям с государством никакие общественные интересы, собственно говоря, и не выражаются. Сказать здесь остается лишь то, что даже и многопартийные системы всех общественных интересов не выражают: интересы маргинальных слоев, как правило, остаются без внимания.

Социализация и мобилизация

В еще одной своей функции партии выступают важнейшим средством политического просвещения общества, чему служит многое – партийные дебаты и дискуссии, избирательные кампании и соперничество на выборах. Каждая партия концентрируется на каких-то своих проблемах, все вместе это становится политической повесткой дня общества, а традиции и ориентации партий – частью его политической культуры. В однопартийных системах распространение «официальной» идеологии (будь то марксизм-ленинизм, национал-социализм или идеи какого-либо харизматического лидера) официально признается одной из первостепенных или даже главной функцией партии.

Впрочем, и в многопартийных системах ведущие партии играют в этом отношении не менее важную роль: побуждая общественные группы соблюдать правила демократической игры, они тем самым явно или неявно мобилизуют их на поддержку существующего режима. Так, возникновение социалистических партий в XIX – начале XX в. позволило тогдашним режимам без особых проблем интегрировать рабочий класс в индустриальное общество. Сегодня, однако, приходится говорить о том, что во многих странах партии теряют эту свою мобилизующую функцию: сказывается феномен «исчезновения сторонников» и растущее разочарование общества в партиях власти. Наконец, некоторые партии окончательно потеряли

общественный кредит: вкусив власти, многие из них, что называется, «испортились» и уже не способны привлечь к себе симпатии общества.

Организация правительства

Часто можно слышать, и это совершенно правильно, что без партий сложные современные общества пришли бы к состоянию полной неуправляемости. Во-первых, партии помогают формировать правительства, а в парламентских системах до такой степени, что здесь можно говорить о «партийном правительстве». Партии приносят в управление свою долю стабильности и внутреннего единства, особенно когда члены правительства – однопартийны и, следовательно, связаны общими симпатиями и контактами. Даже правительства, образуемые из партийных коалиций, легче приходят к единству и согласию, чем те, что состоят из отдельных индивидов, каждый со своими собственными приоритетами.

Кроме того, партии облегчают сотрудничество между двумя главными ветвями власти – законодательной и исполнительной. В парламентских системах это обеспечено тем, что правительство здесь формируется из одной или нескольких партий, имеющих большинство в законодательном собрании. Но и в президентских системах президент, взывая к единству партийных рядов, может оказывать то или иное воздействие на законодателей или даже как-то контролировать их. Наконец, партии, по крайней мере в состязательных системах, выступают важнейшим источником оппозиции и критики правительства как извне, так и изнутри. Это расширяет политическую дискуссию в обществе, привлекает более пристальное внимание к отдельным проблемам и в конечном итоге работает на эффективность государственной политики.

Хейвуд Э. Политология / Эндрю Хейвуд / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Бельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с. – С. 314-318.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Проанализируйте функции политических партий.
2. Какова роль партий в современном обществе?

Татьяна Владимировна Шмачкова ***Мир политических партий***

История понятия «партия». Существует несколько точек зрения на становление концепции «партии». Согласно одной из них, эмотивистской, партии были с тех пор, как появился такой род деятельности – политика. Менялись лишь их функции и отношение общества к ним. В русской историко-политологической традиции свое толкование дал знаменитый медиевист Т.Н.Грановский, утверждавший в середине XIX в., что понятия «политики» и «партия» определились в XVI в., когда Екатерина Медичи устроила «срединную» (между католиками протестантами) партию, состоявшую из людей, не имевших «верований и убеждений» и

прозванных «политиками». Континентальные европейские политологи в основном полагают, что партии родились с установлением всеобщего избирательного права, т.е. «клубы» времен Французской революции, ассамблеи, политические группы – их прообразы. Более популярен англо-американский подход, отсчитывающий время партий в их нынешнем понимании с XVII-XVIII вв. Партии античного мира или европейского средневековья на самом деле были временными объединениями для поддержки каких-либо личностей (клиентами). С Аристотеля и вплоть до XVII с. в партиях видели «политические тела», сравнимые с живым организмом, в коем каждый орган отвечает за определенную функцию, а весь организм – един в своих устремлениях. Еще в XVII в. в политической мысли господствовало убеждение, что спорящие партии (их чаще называли «фракциями») вредны для здоровья общества, ибо вносят разлад в социальный организм, останавливая его производительную деятельность и тем самым разрушая его (по аналогии с афоризмом: «Плюрализм в одной голове – это шизофрения».) Схожего мнения придерживался и философ XVII в. Гоббс. Новая политическая реальность – появление в 70-80-е годы XVII в. Англии первых настоящих партий, тори и вигов, – произвела переворот в теории. Правда, английские мыслители несколько раньше начали готовить общественное мнение к положительному восприятию партий – «фракции» в политике не только не вредны, но, напротив, подобно ересям в религии, выводят общество из состояния оцепенения и движут его к совершенствованию (Мойль, Моулсуэрт). Уже трудились на ниве политики тори и виги, когда спор двух взглядов на партии – новаторского и ортодоксального – приобрел новое измерение. Паттерсон (это уже начало XVIII в.) считал, что партии неизбежно включают в себя силы добра и зла, внося, вместе с тем, в общество дух здорового соревнования (как никак заря капитализма!), и указал на лингвистическое оформление понятия как естественной части общества («party» от слова «part» часть) в противоположность «фракциям» – осколкам общества, старающимся навязать ему свой надзор. Именитый оппонент Паттерсона лорд Болингброк продолжал настаивать на совпадении смыслов «партии» и «фракции». Но лорд по сути признал поражение в историческом споре, основав собственную «партию отечества», куда вознамерился собрать «все здоровые силы нации». Легко заметить, что болингбровская идея «партии всего общества» позже перевоплотилась в концепции таких тотальных партий, как ленинская коммунистическая и гитлеровская национал-социалистическая, которые и в самом деле положили конец всем плюралистическим партийным «распрям».

В середине XVIII в. философ Юм впервые предложил классифицировать партии: на почве (общего интереса объединяются «партии по интересам», по привязанности к тому или иному лидеру – «партии по аффектам», а вот «партии по принципам» – новое явление в политике того времени – на общих принципах. За последними – будущее,

ибо именно они призваны олицетворять собой разные идеи общественного прогресса. По-настоящему современным определением «партии» (начало XIX в.) мировая политология тоже обязана англичанам. Бёрк, используя тезис Юма о «партиях по принципам», нарек партиями группы людей, придерживающихся общих принципов и объединившихся для обеспечения совместными усилиями национальных интересов. С Бёрка и начинается нынешняя жизнь концепции «партии».

Что есть современная партия. Политическая наука – одно из самых древних на земле знаний. Немногим, по историческим меркам, позже формулирования пифагоровой теоремы Аристотель выделил три типа политических режимов: монархия, способная обратиться в тиранию; аристократия, могущая стать олигархией; полиция, умеренная демократия, которая может выродиться в демагогию. За 24 столетия к античной схеме не было сделано научно убедительных добавлений. Лишь теперь ученые начали разговор о предположительных контурах полиархии, которая, возможно, придет на смену демократии. Так вот, рамки данного режима ограничивают своеобразную политическую сцену, где главные действующие лица – несомненно партии, берущие свое начало в гражданском обществе, которое поставляет им свои ресурсы и поддержку. По своей природе они – связующее звено между гражданским обществом и обществом политическим, т.е. государственной сферой. Изучением партийных организмов занимается одна из дисциплин политологии – партология, выработавшая массу определений партии, немногим, впрочем, отличающихся от предложенного Бёрком.

Полное определение обязательно указывает на четыре образующих партию признака.

1. Прежде всего любая партия есть носитель идеологии или по меньшей мере особого видения мира и человека.

2. Партия – это организация, т.е. достаточно длительное объединение людей на самых разных уровнях политики – от местного до международного.

3. Цель партии – завоевание и осуществление (чаще всего в коалиции) власти.

4. Каждая партия старается обеспечить себе поддержку народа – от голосования за нее до активного членства. (Конституирующие партию элементы выделил Дж.Ла Паломбара, США).

Разумеется, далеко не всякий человек согласен быть активистом, и его поддержка партии обычно выражается в диапазоне от сочувствующего (изредка ходит на митинги или покупает партийную прессу) до – чаще всего – избирателя. Кстати, избиратели – тоже категория весьма разнообразная. Одни вообще регулярно уклоняются от участия в выборах (абстенционисты), другие голосуют «по большим праздникам», третьи – «твердые» приверженцы, стабильно поддерживающие «любимую» партию. Есть постоянно растущий разряд независимых избирателей,

всякий раз выбирающих своего фаворита, глядя на то, как партии решают интересующие их вопросы (сегодня это примерно 40% электората стран Европейского сообщества – вечная забота и приз в борьбе соревнующихся партий). На юге США, к примеру, многие избиратели придерживаются «двойной» ориентации, голосуя за республиканца на президентских выборах и за демократов – в конгресс и местные органы власти.

Итак, если требуется общее определение, то партия есть организованная сила, объединяющая граждан одного политического направления для мобилизации общественного мнения по определенным целям, для участия в органах власти либо для ориентации властей на достижение своих требований (Кермонн).

Парламентской партия становится, естественно, тогда, когда по итогам общенациональных выборов преодолевает установленный законодательством страны «порог» отданных за нее голосов (чаще всего – 5% электората) и получает право на один или больше депутатских мандатов. Мелкие партии для достижения этой цели могут собираться в предвыборные коалиции (союзы).

Партии – институт подлинной демократии. Если посмотреть данные опросов, то оказывается, что далеко не все население Европы удовлетворено функционированием национальных демократических режимов. Только в Европейском сообществе соотношение довольных/недовольных примерно 50:50 («Евробарометр»). Жаждающие новой демократии граждане весь или почти весь «корень зла» видят в партиях, отчуждающих народ от истинного влияния на принятие решений. За два с лишним тысячелетия спор: что более отвечает народным интересам – прямая демократия, известная с античности как агора (республика граждан), либо представительная, опосредованная демократия (правление депутатов) – не стал менее острым.

В чем вообще функция парламента как главного элемента представительной демократии? В последней трети XIX в. из Англии пришло такое понимание его тройственной роли: это экспрессивная функция, т.е. он должен выражать состояние мнения народа; это педагогическая функция – учить нацию тому, что она еще не постигла; это информативная функция – позволять стране услышать то, что иным образом она услышать не сможет. С ростом влияния средств массовой информации («четвертая власть») граждане постепенно стали осознавать, что, сделав в свое время исторический выбор в пользу конституционализма, а значит – в пользу представительной демократии, они позволили парламенту и его депутатам «конфисковать» их суверенное право на ответственный политический выбор. И на практике, через освященные конституцией положения, появился компромиссный тип – «полупрямая» демократия, т.е. «правление депутатов» с обязательными элементами прямой вроде различного рода референдумов, прямых общенародных выборов главы государства и пр. Но все равно при представительной демократии (с элементами прямой) парламент – всему голова, он – единственное основание политической власти и единственное

выражение всеобщего избирательного права (М. Дюверже).

[...] современное решение вопроса о соответствии института политических партий всеобщим принципам демократии. Есть три заметно преобладающих над другими подхода. Согласно первому, партии, конечно, не стоит считать супердемократическим элементом, поскольку они тем или иным манером олицетворяют, наряду с демократическим, и олигархическое (высшая власть принадлежит узкой привилегированной группе) начало в политике. Но их озабоченность победой на выборах, значит и отработка и возможно более честное исполнение программы, интересующей избирателей, оттесняет своекорыстные устремления партийной олигархии и она все же вынуждена выражать демократическую тенденцию. Однако это происходит при условии, что демократизм гарантируется структурой самой партии. Избыток внутренней демократии в партии сужает возможность ее руководства добиваться демократических целей, а при ее недостатке оно может преследовать собственный, не совпадающий с мнением избирателей, интерес. Следовательно, здесь нужна особо сбалансированная структура.

Противники же института политических партий исходят из того, что при представительной демократии партии неизбежно бюрократизируются, внутри них и в парламентской системе в целом утверждается иерархия, что ведет к отчуждению народа от центров власти. Значит, партийные лидеры и партаппараты вообще способны использовать делегированные (переданные) им избирателями полномочиями в меркантильных, а не в общественных целях, что несовместимо с подлинной демократией.

Третье, вроде бы компромиссное мнение, представлено сторонниками Дюверже, ищущими разумные основания для продления века представительной демократии. Они считают, что высшие партийные структуры (руководство, депутаты) должны жестко контролироваться партийными массами. Демократические идеалы и цели, конструктивная, во благо общественному интересу роль партий в парламенте и других органах власти предопределяют нормы внутрипартийной жизни. Так что если цели партии не демократичны, то и характер внутрипартийного взаимодействия таков же (как в случае с коммунистическими партиями). И наоборот.

Не исключено, что известная популярность последнего подхода и позволила распространиться убеждению, что партия с истинно демократическими целями и внутренней организацией способна демократизировать «окостеневшие» партийные системы Запада. Ученые и частично общественное мнение почти поверили в партии «новой волны» как в «свежую кровь» для представительной демократии.

Т.В. Шмачкова Мир политических партий // Политические исследования. – 1992. – №1-2. – С.226-233.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что собой представляет политическая партия?

2. Раскройте этимологию понятия партия
3. Дайте определение понятия «парламентская партия»
4. Кто такие абстенционисты?
5. Проследите историю формирования партий
6. Раскройте структуру политической партии
7. Назовите основные черты политической партии
8. Как в политологии рассматривают вопрос о соответствии института политических партий всеобщим принципам демократии ?

Тема 17. Философия познания

Френсис Бэкон «Новый Органон»

Назначение знания. Необходимость метода.

[...] Те, кто осмелился говорить о природе как об исследованном уже предмете, делали ли они это из самоуверенности или из тщеславия и привычки поучать – нанесли величайший ущерб философии и наукам. Ибо насколько они были сильны для того, чтобы заставить верить себе, настолько же они преуспели в том, чтобы угасить и оборвать исследование. Они принесли не столько пользы своими способностями, сколько вреда тем, что погубили и совратили способности других. Те же, кто вступил на противоположный путь и утверждал, что решительно ничего нельзя познать, – пришли ли они к этому убеждению из ненависти к древним софистам, либо по причине отсутствия стойкости духа, или даже вследствие обладания некоторого рода учёностью – приводили в пользу этого доводы, которыми, конечно, нельзя пренебречь. Однако они отправлялись в своем мнении не от истинных начал и, увлекаемые вперед усердием и страстью, решительно превзошли меру [...]

Ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны разуму не меньше, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его.

Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждает только подчинением ей, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии представляется правилом.

Было бы безумным и в себе противоречивым ожидать, что будет сделано то, чего до сих пор никогда не было, иначе как средствами, доселе не испытанными.

Даже тем, что уже открыто, люди обязаны больше случаю и опыту, чем наукам. Науки же, коими мы теперь обладаем, суть не что иное, как некое сочетание уже известного, а не способы открытия и указания новых дел.

Истинная причина и корень всех зол в науках лежит в одном: в том, что мы обманчиво поражаемся силам человеческого ума, возносим их и не ищем для них истинной помощи.

То, что до сих пор открыто науками, почти целиком относится к области обычных понятий. Для того чтобы проникнуть в глубь и в даль природы, необходимо более верным и осторожным путём отвлекать от вещей как понятия, так и аксиомы, и вообще необходима лучшая и более надёжная работа разума.

Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частных к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путём и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частных, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам. Этот путь истинный, но неиспытанный.

Оба эти пути исходят из ощущений и частных и завершаются в высших общностях. Но различие их неизмеримо. Ибо один лишь бегло касается опыта и частных, другой надлежащим образом задерживается на них. Один сразу же устанавливает некие общности, абстрактные и бесполезные, другой постепенно поднимается к тому, что действительно более сообразно природе.

Новый метод познания природы.

Те, кто занимался науками, были или эмпириками или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознание нетронутым материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей – опыта и рассудка. [...]

Для построения аксиом должна быть придумана иная форма индукции, чем та, которой пользовались до сих пор. Эта форма должна быть применена не только для открытия и испытания того, что навязывается началами, но даже и к меньшим и средним и, наконец, ко всем аксиомам. Индукция, которая совершается путем простого перечисления, есть детская вещь: она дает шаткие заключения и подвергнута опасности со стороны противоречащих частных, вынося решения большей частью на основании меньшего, чем следует, количества фактов и притом только тех, которые имеются налицо. Индукция же, которая будет полезна для открытия и доказательства наук и искусств,

должна разделять природу посредством должных разграничений и исключений. И затем после достаточного количества отрицательных суждений она должна заключать о положительном. Это до сих пор не совершено, и даже не сделана попытка, если не считать Платона, который отчасти пользовался этой формой индукции для того, чтобы извлекать определения и идеи. Но чтобы хорошо и правильно строить эту индукцию или доказательство, нужно применять много такого, что до сих пор не приходило на ум ни одному из смертных, и затратить больше работы, чем до сих пор было затрачено на силлогизм. Пользоваться же помощью этой индукции следует не только для открытия аксиом, но и для определения понятий. В указанной индукции и заключена, несомненно, наибольшая надежда.

Ложные убеждения («идолы») в познании и борьба с ними.

Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нём укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, если даже вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преградят путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать, если только люди, предостережённые, не вооружаются против них, насколько возможно.

Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучать их, дадим им имена. Назовём первый вид идолами рода, второй – идолами пещеры, третий – идолами площади и четвёртый – идолами театра.

Построение понятий и аксиом через истинную индукцию есть, несомненно, подлинное средство для того, чтобы подавить или изгнать идолов. Но и указание идолов весьма полезно. Учение об идолах представляет собой то же для истолкования природы, что и учение об опровержении софизмов – для общепринятой диалектики.

Идолы рода находят основание в самой природе человека, в племени или самом роде людей, ибо можно утверждать, что чувства человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума покоятся на аналогии человека, а не аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривлённом и обезображенном виде.

Идолы пещеры суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирождённых свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед коими кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящих от того, получают ли их души предвзятые или предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам. Так что дух человека, смотря по тому, как он расположен у отдельных людей, есть вещь переменчивая, неустойчивая и как бы случайная. Вот почему

Гераклит правильно сказал, что люди ищут знаний в малых мирах, а не в большом, или общем мире.

Существуют ещё идолаы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолаы мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, идолами площади. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя учёные люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают всё и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

Существуют, наконец, идолаы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем идолами театра, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых или изобретённых философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры. Мы говорим это не только о философских системах, которые существуют сейчас или существовали некогда, так как сказки такого рода могли быть сложены и составлены во множестве; ведь у весьма различных ошибок бывают почти одни и те же причины. При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности. [...]

Итак, об отдельных видах идолаов и об их проявлениях мы уже сказали. Все они должны быть отвергнуты и отброшены твёрдым и торжественным решением, и разум должен быть совершенно освобождён и очищен от них.

Порочные же доказательства суть как бы защита и прикрытие идолаов. Те доказательства, которые мы имеем в диалектике, сводятся почти целиком к тому, что отдают и подчиняют мир человеческим умствованиям. А эти умствования – словам. Между тем доказательства по силе своей сами суть философии и знания.

Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон, Фрэнсис. Сочинения : в 2 т. / Т. 2 / Фрэнсис Бэкон ; [сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина] ; АН СССР, Ин-т философии. – 2-е, испр. и доп. изд. – М. : Мысль, 1978. – 575 с. – (Философское наследие). – С. 7–8, 12–15, 18–25, 33–34, 43–45, 56–57, 61–62.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Каково, по Ф.Бэкону, назначение знания?
2. Почему необходим новый метод познания природы?
3. Что такое идолаы, и чем они опасны?
4. Что такое идолаы рода, идолаы пещеры, идолаы площади, идолаы театра?
5. Какой метод познания предлагает Бэкон? В чем его преимущества?

6. Из трех утверждений выберите верное. Критериями истины, согласно Ф. Бэкону, являются: а) удача; б) опыт природы; в) соответствие древним представлениям.

Ханс-Георг Гадамер

Понятие опыта и сущность герменевтического опыта

[...] Понятие опыта относится, на мой взгляд, как бы парадоксально это ни звучало – к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем. Поскольку в индивидуальной логике оно играет для наук о природе ведущую роль, оно было подвергнуто теоретико-познавательной схематизации, которая, как мне кажется, обедняет его изначальное содержание. [...] Действительный недостаток предшествующей теории опыта [...] состоит в том, что она целиком ориентирована на науку и потому упускает из виду внутреннюю историчность опыта. Цель науки заключается как раз в такой объективации опыта, чтобы в нем не оставалось никаких исторических моментов. [...]

При этом современная наука лишь развивает на свой методологический лад то, стремление к чему заложено уже во всяком опыте. Ведь всякий опыт значим лишь постольку, поскольку он подтверждается; в этом смысле его достоинство покоится на его принципиальной повторяемости. Это значит, однако, что опыт по самому своему существу снимает в себе и тем самым как бы стирает свою историю. Это относится уже к опыту повседневной жизни, но, прежде всего к научной постановке опыта. И поэтому то, что теория опыта телеологически ориентирована на получение истины, которое происходит в этом опыте, является не какой-то случайной односторонностью современной теории науки, но фактически обоснованно. [...]

Рассматривать опыт [...] с точки зрения его результата, – значит перескакивать через собственно процесс опыта. Этот процесс и есть процесс существенно негативный. Он не может быть описан просто как непрерывное вырабатывание типических всеобщностей. Этот процесс происходит скорее таким образом, что сам опыт постоянно опровергает ложные обобщения, и то, что считалось типическим, как бы детипизируется. Это сказывается уже в языке, поскольку мы говорим об опыте в двух смыслах. Мы говорим, во-первых, о таком опыте, который соответствует нашим ожиданиям и подтверждает их; во-вторых же, мы пользуемся выражением «убедиться в чем-либо на собственном опыте». Этот «собственный опыт» всегда негативен. Если мы убеждаемся в чем-либо на собственном опыте, то это значит, что ранее мы видели это «что-либо» в ложном свете, теперь же лучше знаем, как обстоят дела. Негативность опыта имеет, следовательно, своеобразный продуктивный смысл. Мы не просто преодолеваем заблуждение и направляем наше знание, но речь идет о приобретении нового знания, которое может иметь далеко идущие последствия. Поэтому то, в чем мы убеждаемся на

собственном опыте, не есть какой-то произвольно выбранный предмет, – предмет этот должен быть таков, что благодаря ему мы получаем лучшее знание не только о нем самом, но также и о том, что мы ранее полагали известным, следовательно, о чем-то всеобщем. Этот тип опыта мы называем диалектическим.

В том, что касается диалектического момента в опыте, важнейшим источником является для нас уже не Аристотель, но Гегель. Момент историчности получает у него свои права. Он мыслит опыт как завершающий себя скептицизм. Мы уже видели, что опыт, который мы приобретаем, убедившись в чем-либо «на собственном опыте», меняет все наше знание. Строго говоря, нельзя два раза убедиться в одном и том же «на собственном опыте». Хотя опыт и подтверждает все время сам себя и кажется, что мы получаем его лишь благодаря повторению, однако в качестве повторенного и подтвержденного опыта он не может заставить нас вновь убедиться в том же самом «на собственном опыте». Если мы на собственном опыте убедились в чем-либо, то это значит, что мы уже обладаем этим опытом. Теперь мы уже способны предвидеть то, что раньше было неожиданностью. То же самое не может стать для нас еще раз новым опытом. Лишь нечто новое и столь же неожиданное может сообщить обладающему опытом новый опыт. Таким образом, испытующее сознание совершило поворот, а именно обратилось к себе самому. Испытующий осознал свой опыт – он стал опытным, то есть обрел новый горизонт, в границах которого нечто может сделаться для него опытом.

Вот тот пункт, где для нас так важен Гегель. В «Феноменологии духа» Гегель показал, как сознание, стремящееся к собственной достоверности, совершает свои опыты. Для сознания его предмет есть «в-себе», однако то, что есть «в-себе», может быть сознано лишь в том виде, в каком оно являет себя испытующему сознанию. Так испытующее сознание приобретает опыт того, что «в-себе» предмета есть некое «в-себе для-нас».

Гегель анализирует здесь понятие опыта, и его анализ, одновременно притягивая и отталкивая, привлек к себе особое внимание Хайдеггера. Гегель пишет: «Это диалектическое движение, совершаемое сознанием в самом себе как в отношении своего знания, так и в отношении своего предмета – поскольку для него возникает из этого новый истинный предмет, есть, собственно говоря, то, что называется опытом». Напомним о том, что было сказано выше, и спросим себя, что же, собственно, имеет в виду Гегель, который, очевидно, говорит здесь нечто о всеобщей сущности опыта. Хайдеггер справедливо, на мой взгляд, указывал, что Гегель здесь не опыт интерпретирует диалектически, а, напротив, мыслит диалектическое из сущности опыта. Структура опыта, по Гегелю, состоит в повороте сознания, опыт тем самым есть диалектическое движение. Гегель, правда, представляет дело так, будто то, что мы обычно понимаем под словом «опыт», есть нечто иное, поскольку «кажется, что мы испытываем неповинность нашего первого понятия на каком-либо другом

предмете» (а не так, что меняется сам предмет). Однако это лишь по видимости нечто иное. В действительности философское сознание раскрывает то, что, собственно, и делает испытующее сознание, переходя от одного к другому: оно поворачивает. Гегель утверждает, следовательно, что истинное существо самого опыта заключается в том, что он совершает подобный поворот.

На самом деле, как мы видели, опыт всегда есть прежде всего опыт недействительности: дело обстоит не так, как мы полагали. Если мы «обрегаем опыт в другом предмете», то меняется все; и наше знание, и его предмет. Мы знаем теперь иное и знаем лучше, то есть: сам предмет «не выдержал испытания». Новый предмет содержит в себе истину о старом...

По Гегелю, впрочем, необходимо, чтобы путь опыта, совершаемого сознанием, привел к такому знанию-себя (Sichwissen), которое уже вообще не имеет вне себя ничего другого, чуждого. Завершением опыта является для него «наука», уверенность в себе, в знании. Масштаб, с которым он подходит к опыту, есть, следовательно, масштаб знания-себя. Поэтому диалектика опыта должна завершиться преодолением всякого опыта, достигаемым в абсолютном знании, то есть в совершенной идентичности сознания и предмета. Это позволяет нам понять, почему гегелевский подход к истории, которую он рассматривает включенной в абсолютное самосознание философии, не удовлетворяет герменевтическому сознанию. Сущность опыта с самого начала мыслится здесь с точки зрения того, в чем он будет превзойден. Ведь сам опыт не может быть наукой. Существует неснимаемое противоречие между опытом и знанием, а также теми наставлениями, которые дает всеобщее, теоретическое или техническое знание. Истина опыта всегда содержит в себе связь с новым опытом. Поэтому тот, кого мы называем опытным, не только благодаря опыту сделался таковым, но также и открыт для нового опыта. Совершенство его опыта, совершенное бытие того, кого мы называем опытным, состоит не в том, что он уже все познал и всегда «знает лучше». Скорее напротив, опытный человек предстает перед нами как принципиально адогматический человек, который именно потому, что он столь многое испытал и на опыте столь многому научился, обладает особенной способностью приобретать новый опыт и учиться на этом опыте. Диалектика опыта получает свое подлинное завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для опыта, которая возникает благодаря самому опыту.

Тем самым, однако, понятие опыта, о котором идет речь, обогащается качественно новым моментом. Это понятие означает не только опыт как наставление (Belehrung) относительно того или иного предмета, которое мы получаем благодаря опыту. Оно означает опыт в целом. Это тот опыт, который сам должен быть постоянно приобретаем и от которого никто не может быть избавлен. Опыт означает здесь нечто такое, что относится к исторической сущности человека. И хотя частной

целью воспитания, например родительской заботы о детях, может быть стремление избавить кого-либо от определенного опыта, опыт в целом не есть нечто такое, от чего кто-либо может быть избавлен. Опыт в этом смысле неизбежно предполагает скорее многочисленные разочарования и обманутые ожидания и достигается лишь таким путем. Если мы утверждаем, что опыт есть, прежде всего болезненный и неприятный опыт, то это не свидетельствует о каком-то особенном пессимизме, но может быть усмотрено непосредственно из его сущности. Уже Бэкон понимал, что мы приходим к новому опыту лишь благодаря опровержению старого, его негативному результату. Всякий опыт, достойный этого имени, идет вразрез с нашими ожиданиями. Таким образом, историческое бытие человека включает в себя в качестве одного из своих существенных моментов принципиальную негативность, проявляющуюся в той существенной связи, которая имеет место между опытом и рассудительностью (die Einsicht).

Рассудительность есть нечто большее, чем понимание той или иной ситуации. Она всегда включает в себя возврат к чему-то, в чем мы ранее заблуждались. Рассудительность включает в себя момент самопознания и представляет собой необходимый компонент того, что мы назвали опытом в собственном смысле слова. Рассудительность также есть нечто такое, к чему мы приходим. Быть рассудительным, быть благоразумным – это также одно из определений самого человеческого бытия. [...]

Опыт, таким образом, есть опыт человеческой конечности. Опытен в собственном смысле слова тот, кто помнит об этой конечности, кто знает, что время и будущее ему не подвластны. Опытный человек знает границы всякого предвидения и ненадежность всех наших планов. Опыт достигает в нем своей высшей истины, высшей ценности. Если каждая фаза всего процесса получения опыта характеризовалась тем, что обретающий опыт обретал также и новую открытость для нового опыта, то в первую очередь это относится к идее совершенного опыта. Опыт не приходит здесь к концу и не переходит в более высокую форму знания (Гегель), но именно здесь опыт впервые полностью и подлинно наличествует. Всякий догматизм, вытекающий из человеческой одержимости желаниями и устремленностью к их осуществлению, наталкивается здесь на свою окончательную границу. Опыт учит признанию действительного. Познание того, что есть на самом деле, – таков, следовательно, подлинный результат всякого опыта, как и всякого стремления к знанию вообще. Однако то, что есть, – это в данном случае не то или это, но то, «что уже не подлежит отмене» (Ранке).

Подлинный опыт есть тот, в котором человек осознает свою конечность. Могущество и самоуверенность его планирующего рассудка находят здесь свою границу. Убежденность в том, что все можно переделать, что для всего есть время и что все так или иначе повторяется, оказывается простой видимостью. Скорее наоборот, живущий и

действующий в истории человек постоянно убеждается на собственном опыте, что ничего не повторяется. Признание того, что есть, означает здесь не познание того, что есть вот сейчас (*einmal da ist*), но осознание тех границ, внутри которых будущее еще открыто для ожидания и планирования, или в еще более общей форме: осознание того, что все ожидания и планы конечных существ сами конечны и ограничены. Подлинный опыт есть, таким образом, опыт собственной историчности. Тем самым обсуждение понятия опыта приводит к результату, весьма плодотворному для нашего вопроса о сущности действенно-исторического сознания. В нем, как в подлинной форме опыта, должна отражаться всеобщая структура опыта [...]

Гадамер Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с. – С. 409-421.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Почему понятие опыта, согласно Гадамеру, не является очевидным?
2. В чем заключается негативность опыта и какой продуктивный смысл она имеет?
3. Какой опыт Гадамер называет диалектическим?
4. В чем, по Гадамеру, заключается противоречие между опытом и знанием?
5. Как, по мнению Гадамера, происходит процесс познания? Что означает «опыт» с точки зрения его герменевтической теории?
6. Является ли учение Гадамера рационалистическим? Обоснуйте свою точку зрения.

Рене Декарт

Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках

[...] первым было соображение о том, что часто творение, составленное из многих частей и сделанное руками многих мастеров, не столь совершенно, как творение, над которым трудился один человек. Так, мы видим, что здания, задуманные и исполненные одним архитектором, обыкновенно красивее и лучше устроены, чем те, в переделке которых принимали участие многие, пользуясь старыми стенами, построенными для других целей. [...]

Подобным образом мне пришло в голову, что и науки, заключённые в книгах, по крайней мере, те, которые лишены доказательств и доводы которых лишь вероятны, сложившись и мало-помалу разросшись из мнений множества разных лиц, не так близки к истине, как простые рассуждения здравомыслящего человека относительно встречающихся ему вещей. К тому же, думал я, так как все мы были детьми, прежде чем стать

взрослыми, и долгое время нами руководили наши желания и наши наставники, часто противоречившие одни другим и, возможно, не всегда советовавшие нам лучшее, то почти невозможно, чтобы суждения наши были так же чисты и основательны, какими бы они были, если бы мы пользовались нашим разумом во всей полноте с самого рождения и руководствовались всегда только им. [...]

Подобно тому, как обилие законов нередко даёт повод к оправданию пороков и государство лучше управляется, если законов немного, но они строго соблюдаются, так и вместо большого числа правил, составляющих логику, я заключил, что было бы достаточно четырёх следующих, лишь бы только я принял твёрдое решение постоянно соблюдать их без единого отступления.

Первое – не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т.е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчётливо, что никоим образом не может дать повод к сомнению.

Второе – делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить.

Третье – располагать свои мысли в определённом порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И последнее – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено.

Те длинные цепи доводов, сплошь простых и лёгких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности. Таким образом, если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдалённых, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было их раскрыть. Мне не составило большого труда отыскать то, с чего следовало начать, так как я уже знал, что начинать надо с простейшего и легкоузнаваемого. [...]

Приняв во внимание, что начала наук должны быть заимствованы из философии, в которой я пока ещё не усмотрел достоверных начал, я решил, что прежде всего надлежит установить таковые. [...]

Но так как в это время я желал заняться исключительно разысканием истины, то считал, что должен отбросить как безусловно ложное всё, в чём мог вообразить малейший повод к сомнению, и посмотреть, не останется

ли после этого в моих воззрениях чего-либо уже вполне несомненного. Таким образом, поскольку чувства нас иногда обманывают, я счёл нужным допустить, что нет ни одной вещи, которая была бы такова, какой она нам представляется; и поскольку есть люди, которые ошибаются даже в простейших вопросах геометрии и допускают в них паралогизмы, то я, считая и себя способным ошибаться не менее других, отбросил, как ложные, все доводы, которые прежде принимал за доказательства. Наконец, принимая во внимание, что любое представление, которое мы имеем в бодрствующем состоянии, может явиться нам и во сне, не будучи действительностью, я решился представить себе, что всё когда-либо приходившее мне на ум не более истинно, чем видения моих снов. Но я тотчас обратил внимание на то, что в это самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. Заметив, что истина «Я мыслю, следовательно, я существую» столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут её поколебать, я заключил, что могу без опасений принять её за первый принцип искомой мною философии. [...]

Затем я рассмотрел, что вообще требуется для того, чтобы то или иное положение было истинно и достоверно; ибо, найдя одно положение достоверно истинным, я должен был также знать, в чём заключается эта достоверность. И, заметив, что в истине положения «Я мыслю, следовательно, я существую» меня убеждает единственно ясное представление, что для мышления надо существовать, я заключил, что можно взять за общее правило следующее: всё представляемое нами вполне ясно и отчётливо – истинно. [...]

[...] спим ли мы или бодрствуем, мы должны доверяться в суждениях наших только очевидности нашего разума. Надлежит заметить, что я говорю о нашем разуме, а отнюдь не о нашем воображении или наших чувствах. Хотя Солнце мы видим ясно, однако мы не должны заключать, что оно такой величины, как мы его видим; можно также отчётливо представить себе львиную голову на теле козы, но вовсе не следует заключать отсюда, что на свете существует химера.[...]

Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1. / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М. : Мысль, 1989. – 654, [2]с. – С. 256-273.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Как влияют на разум и взгляды человека его учителя и предшественники? Как вы думаете, о каких предшественниках критически при этом думает Декарт? Почему прежняя философия не согласовывалась с доводами разума?

2. Каковы основные правила метода Декарта?
3. Каково соотношение философии и науки у Декарта?
4. Что наука заимствует у философии?
5. Какая истина признается Декартом наиболее очевидной, твердой и верной?
6. Что должно являться предметом научного познания?
7. Какую роль для метода Декарта играет полное и последовательное перечисление, описание предметов?
8. Почему начинать надо с простых предметов и переходить к более сложным, а у сложного предмета останавливаться? Какова роль порядка расположения предметов для их изучения?

Иммануил Кант

Об отличиях между чистым и эмпирическим познанием

Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта; в самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность, если бы не предметами, которые действуют на наши чувства и отчасти сами производят представления, отчасти побуждают наш рассудок сравнивать их, связывать или разделять и таким образом перерабатывать грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом? Следовательно, никакое познание не предшествует во времени опыту, оно начинается всегда с опыта.

Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (только пробуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его.

Поэтому возникает, по крайней мере, вопрос, который требует более тщательного исследования и не может быть решен сразу: существует ли такое независимое от опыта и даже от всех чувственных впечатлений познание?

Такие знания называются априорными, их отличают от эмпирических знаний, которые имеют апостериорный источник, а именно в опыте.

Однако термин *a priori* еще недостаточно определен, чтобы надлежащим образом обозначить весь смысл поставленного вопроса. В самом деле, обычно относительно некоторых знаний, выведенных из эмпирических источников, говорят, что мы способны или причастны к ним *a priori* потому, что мы выводим их не непосредственно из опыта, а из общего правила, которое, однако, само заимствовано нами из опыта. Так, о

человеке, который подрыл фундамент своего дома, говорят: он мог а priori знать, что дом обвалится, иными словами, ему незачем было ждать опыта, т.е. когда дом действительно обвалится. Однако знать об этом совершенно а priori он все же не мог. О том, что тела имеют тяжесть и потому падают, когда лишены опоры, он все же должен был раньше узнать из опыта.

Поэтому в дальнейшем исследовании мы будем называть априорными знаниями, безусловно независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта... В свою очередь, из априорных знаний чистыми называются те знания, к которым совершенно не применяется ничто эмпирическое. Так, например, положение всякое изменение имеет свою причину есть положение априорное, но не чистое, так как понятие изменения может быть получено только из опыта.

Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – С.30-32.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. С чего, по мнению Канта, начинается человеческое познание?
2. Может ли человеческое познание быть полностью основанным только на опыте?
3. Поясните разницу между априорными и апостериорными знаниями?
4. Какое знание И. Кант называет «чистым»?

Карл Поппер

Три точки зрения на человеческое познание

1. Первая точка зрения: окончательное объяснение посредством сущностей.

Эссенциализм – первая из трех истолкований научной теории, обсуждаемых здесь, – является частью галилеевской философии науки. В той философии можно выделить три элемента, или тезиса, которые интересны для нас в данном случае. [...]

1) Ученый стремится к нахождению истинной теории, то есть такого описания мира (в частности его регулярностей, или законов), которое было бы также объяснением наблюдаемых фактов. (Это означает, что описание фактов должно быть выводимо из теории, соединенной с определенными утверждениями – так называемыми «начальными условиями»).

Этот тезис я готов защищать. [...]

2) Ученый может достигнуть успеха в окончательном обосновании истинности научной теории – обосновании, не допускающем никакого разумного сомнения.

Этот второй тезис, как я полагаю, нуждается в исправлении. Все, что может сделать ученый, – это проверить свои теории и устранить те из них, которые не выдерживают наиболее строгих проверок, которым он их

подвергает.

Однако он никогда не может быть уверен в том, что новые проверки (или даже новое теоретическое обсуждение) не приведут его к модификации или к отбрасыванию его теорий. В этом смысле все теории являются и остаются гипотезами: они суть предположения (doxa) в отличие от несомненного знания (episteme).

3) Лучшие и истинные научные теории описывают «сущности» или «сущностную природу» вещей – те реальности, которые лежат за явлениями. Такие теории не нуждаются в дальнейшем объяснении и не допускают его: они являются окончательными объяснениями, и нахождение их есть конечная цель ученого.

Этот третий тезис (в соединении со вторым) и есть то, что я называю эссенциализмом. Я думаю, что он, как и второй тезис, является ошибочным. [...]

2. Вторая точка зрения: теория как инструмент.

То общее, что объединяет философов науки из инструментального лагеря от Беркли до Маха, Дюгема и Пуанкаре, можно выразить следующим образом. Все они утверждают, что объяснение не является целью физической науки, так как физическая наука не может открыть «скрытой сущности вещей». Из их аргументов можно понять, что они имеют в виду то, что я называю окончательным объяснением. [...] все эти философы были согласны друг с другом относительно того, что (окончательное) научное объяснение невозможно. Из факта отсутствия скрытой сущности, которую могли бы описать научные теории, они делали вывод о том, что эти теории (которые, очевидно, не описывают наш повседневный мир обыденного опыта) вообще ничего не описывают. Поэтому они являются лишь инструментами...

Инструментализм можно выразить в форме тезиса утверждающего, что научные теории – теории так называемой «чистой» науки – являются ни чем иным, как правилами вычисления (или правилами вывода), которые в принципе носят такой же характер, как и правила вычисления так называемых «прикладных наук». (Это можно сформулировать также в виде тезиса о том, что «чистой» науки не существует и что всякая наука является «прикладной»).

Мой ответ инструментализму заключается в том, что я показываю существование глубоких различий между «чистыми» теориями и техническими правилами вычисления и что, хотя инструментализм может дать прекрасное описание этих правил, он совершенно неспособен понять различия между ними и научными теориями. Поэтому инструментализм терпит крах. [...]

3. Мне кажется, что «третья точка зрения» не является ни неожиданной, ни удивительной. Она сохраняет галилеевское убеждение в том, что ученый стремится к истинному описанию мира или отдельных его аспектов и к истинному объяснению наблюдаемых фактов. Это

убеждение она соединяет с негалилеевским пониманием того, что, хотя истина и является целью ученого, он никогда с уверенностью не может знать, истинны ли его достижения, и он способен с достаточной определенностью обосновать иногда лишь ложность теории.

Это «третье истолкование» научных теорий можно кратко сформулировать в виде утверждения о том, что научные теории представляют собой подлинные предположения высокоинформативные догадки относительно мира, которые хотя и не верифицируемы (то есть нельзя показать, что они истинны), но могут быть подвергнуты строгим критическим проверкам. Они являются серьезными попытками обнаружить истину. [...]

Я остановлюсь лишь на немногих аспектах моей «третьей точки зрения», причем только на тех из них, которые отличают ее от эссенциализма и инструментализма. [...]

Центральное ядро всех наших рассуждений составляет идея роста знания, или, иначе говоря, идея приближения к истине. Интуитивно эта идея так же проста и прозрачна, как и сама идея истины. Некоторое высказывание истинно, если оно соответствует фактам. Некоторое высказывание ближе к истине, чем другое высказывание, если оно полнее соответствует фактам, чем это второе высказывание. [...]

Необходимо хорошо понять, что идея о том, что высказывание а может быть ближе к истине, чем некоторое другое высказывание б, ни в коем случае не противоречит идее, согласно которой каждое высказывание является либо истинным, либо ложным и третьей возможности не дано. Идея близости к истине отражает только тот факт, что в полном высказывании может заключаться значительная доля истины [...]

Я хочу в данной лекции обосновать три главных тезиса, которые относятся к эпистемологии, при этом эпистемологию я рассматриваю как теорию научного знания.

Мой первый тезис [...] содержит утверждение о наличии двух различных смыслов понятий знания или мышления: 1) знание или мышление в субъективном смысле, состоящее из состояний ума, сознания или диспозиций действовать определенным образом; 2) знание или мышление в объективном смысле, состоящее из проблем, теорий или рассуждений, аргументов как таковых. Знание в этом объективном смысле в целом не зависит от чьего-либо требования нечто знать; оно также не зависит от чьей-либо веры или диспозиции соглашаться, утверждать или действовать. Знание в объективном смысле есть знание без того, кто знает: оно есть знание без познающего субъекта. [...]

Мой второй тезис состоит в том, что эпистемология должна заниматься исследованием научных проблем и проблемами ситуаций, научных предположений (которые я рассматриваю просто как другое название для научных гипотез или теорий), научных дискуссий, критических рассуждений, той роли, которую играют эмпирические

свидетельства в аргументации, и поэтому исследованием научных журналов и книг, экспериментов и их значения для научных рассуждений. Короче, для эпистемологии решающее значение имеет исследование третьего мира объективного знания, являющегося в значительной степени автономным. [...]

Вместе с тем я выдвигаю еще и третий тезис. Он состоит в следующем: объективная эпистемология, исследующая третий мир, может в значительной степени пролить свет на второй мир субъективного сознания, особенно на субъективные процессы мышления ученых, но обратное неверно...

Автономия третьего мира и обратное воздействие третьего мира на второй и даже на первый миры представляют собой один из самых важных факторов роста знания.

Поппер К. Три точки зрения на человеческое познание // Поппер К. Логика и рост научного знания (избранные работы). – М.: Прогресс, 1983. – 605 с. – С. 299-301, 311, 317, 389-390, 439-443, 445, 446, 455.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какую точку зрения на проблемы познания К. Поппер называет эссенциализмом?
2. Чем эссенциализм отличается от инструментализма, согласно Попперу?
3. Что отличает теорию познания К. Поппера от вышеуказанных концепций?
4. Сформулируйте задачи эпистемологии, как они представлены у К. Поппера.
5. Какие факторы являются условием роста научного знания?

Жюль Анри Пуанкаре

§ 6 Объективность науки

Перехожу к вопросу, поставленному в заглавии этого параграфа: какова объективная ценность науки? И, прежде всего, что мы должны понимать под объективностью?

Гарантией объективности мира, в котором мы живем, служит общность этого мира для нас и для других мыслящих существ. Посредством сношений, происходящих у нас с другими людьми, мы получаем от них готовые умозаключения; мы знаем, что эти умозаключения не исходят от нас, и в то же время мы признаем их произведением мыслящих существ, подобных нам. И так как эти умозаключения представляются приложимыми к миру наших ощущений, то мы считаем себя вправе заключить, что эти мыслящие существа видели то же, что мы; отсюда-то мы и узнаем, что мы не грезим.

Таково, следовательно, первое условие объективности; что объективно, то должно быть обще многим умам и, значит, должно иметь

способность передаваться от одного к другому; а так как эта передача может происходить лишь «дискурсивным» путем (который внушает такое недоверие Леруа), то мы вынуждены сделать заключение: путь к объективности есть путь общения посредством речи (рассуждений, логики) (*pas de discours, pas d'objectivite*).

Ощущения другого индивидуума будут для нас навечно закрытым миром. У нас нет никакого средства удостовериться, что ощущение, которое я выражаю словом «красное», есть то же самое, которое связывается с этим словом у соседа [...] ощущения непередаваемы, или точнее – все то из них, что является чистым качеством, непередаваемо и навсегда недоступно. Но нельзя того же сказать об отношениях между ощущениями.

С этой точки зрения все, что объективно, лишено всякого «качества», является только чистым отношением. Я не стану, конечно, говорить, что объективность есть только чистое «количество» (это значило бы слишком суживать природу рассматриваемых отношений), но вы понимаете, что я уже не знаю, как можно позволить себе увлечься до того, чтобы сказать, что мир есть не более как дифференциальное уравнение.

Соблюдая всяческую осторожность по отношению к этому парадоксальному предложению, мы должны тем не менее допустить, что объективно лишь то, что поддается передаче, и, следовательно, что объективную ценность могут иметь только одни отношения между ощущениями. [...]

Вопрос представляется всегда одним и тем же, станем ли мы на моральную, эстетическую или научную точку зрения. Объективно лишь то, что является тождественным для всех; но о таком тождестве можно говорить лишь в том случае, если возможно сравнение, если результат этого сравнения поддается переводу на «разменную монету», которая может быть передана от одного сознания другому. Поэтому ничто не будет иметь объективной ценности, кроме того, что может быть передано посредством речи, т. е. того, что может быть понимаемо. [...]

Но что же такое наука? Как я разъяснил в предыдущем параграфе, это прежде всего некоторая классификация, способ сближать между собой факты, которые представляются разделенными, хотя они связаны некоторым естественным скрытым родством. Иными словами, наука есть система отношений. Но, как мы только что сказали, объективность следует искать только в отношениях, тщетно было бы искать ее в вещах, рассматриваемых изолированно друг от друга.

Сказать, что наука не может иметь объективной ценности потому, что мы узнаем из нее только отношения, – значит рассуждать навыворот, так как именно только отношения и могут рассматриваться как объективные.

Так, например, внешние предметы, для которых было изобретено слово объект, суть действительно объекты, а не одна беглая и неуловимая

видимость: ибо это – не просто группы ощущений, но и группы, скрепленные постоянной связью. Эта связь – и только эта связь – и является в них объектом; и связь эта есть отношение.

Поэтому, когда мы задаем вопрос о том, какова объективная ценность науки, то это не означает: открывает ли нам наука истинную природу вещей? Но это означает: открывает ли она нам истинные отношения вещей?

Никто не поколебался бы ответить отрицательно на первый вопрос. Я думаю, что можно пойти и дальше: не только наука не может открыть нам природу вещей; ничто не в силах открыть нам ее, и если бы ее знал какой-нибудь бог, то он не мог бы найти слов для ее выражения. Мы не только не можем угадать ответа, но если бы даже нам дали его, то, мы не были бы в состоянии сколько-нибудь понять его; я даже готов спросить, хорошо ли мы понимаем самый вопрос.

Поэтому когда научная теория обнаруживает притязание научить нас тому, что такое теплота, или что такое электричество, или что такое жизнь, она наперед осуждена; все, что она может нам дать, есть не более как грубое подобие. Поэтому она является временной и шаткой.

Первый вопрос устранен, остается второй. Может ли наука открыть нам истинные отношения вещей? Подлежит ли разделению то, что она сближает, и подлежит ли сближению то, что она разделяет?

Чтобы понять смысл этого нового вопроса, нужно возвратиться к сказанному выше об условиях объективности. Вопрос о том, имеют ли эти отношения объективную ценность, означает: являются ли эти отношения одинаковыми для всех? будут ли они теми же самыми и для наших потомков? [...]

Что же мы видим? Сначала нам представляется, что теории живут не более дня и что руины нагромождаются на руины. Сегодня теория родилась, завтра она в моде, послезавтра она делается классической, на третий день она устарела, а на четвертый – забыта. Но если всмотреться ближе, то увидим, что так именно падают, собственно говоря, те теории, которые имеют притязание открыть нам сущность вещей. Но в теориях есть нечто, что чаще всего выживает. Если одна из них открыла нам истинное отношение, то это отношение является окончательным приобретением; мы найдем его под новым одеянием в других теориях, которые будут последовательно водворяться на ее месте. [...]

Несомненно, что многие сопоставления, считавшиеся прочно установленными, были потом отвергнуты; но значительное большинство их остается и, по-видимому, останется и впредь. Что касается их, то каков критерий их объективности?

Да совершенно тот же самый, как и критерий нашей веры во внешние предметы. Эти предметы реальны, поскольку ощущения, которые они в нас вызывают, представляются нам соединенными, я не знаю, каким-то неразрушимым цементом, а не случаем дня. Так и наука открывает нам

между явлениями другие связи, более тонкие, но не менее прочные; это – нити, столь тонкие, что на них долгое время не обращали внимания; но коль скоро они замечены, их нельзя уже не видеть. Итак, они не менее реальны, чем те, которые сообщают реальность внешним предметам. Не имеет значения то обстоятельство, что о них позже узнали, так как они не могут погибнуть ранее других.

Можно сказать, например, что эфир имеет не меньшую реальность, чем какое угодно внешнее тело. Сказать, что такое-то тело существует, – значит сказать, что между цветом этого тела, его вкусом, его запахом есть глубокая, прочная и постоянная связь. Сказать, что эфир существует, – значит сказать, что есть естественное родство между всеми оптическими явлениями. Из двух предложений, очевидно, одно имеет не меньшую ценность, чем другое.

Продукты научного синтеза, в некотором смысле, имеют даже большую реальность, чем плоды синтетической деятельности здравого смысла, так как первые охватывают большее число членов и стремятся поглотить частичные синтезы.

Нам скажут, что наука есть лишь классификация и что классификация не может быть верною, а только удобною. Но это верно, что она удобна; верно, что она является такой не только для меня, но и для всех людей; верно, что она останется удобной для наших потомков; наконец, верно, что это не может быть плодом случайности.

В итоге единственной объективной реальностью являются отношения вещей, отношения, из которых вытекает мировая гармония. Без сомнения, эти отношения, эта гармония не могли бы быть восприняты вне связи с умом, который их воспринимает или чувствует.

Тем не менее, они объективны, потому что они общи и останутся общими для всех мыслящих существ [...]

Пуанкаре А. О науке: Пер. с фр./ Под ред. Л. С. Понтрягина. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 1990. – 736 с. – С.356-365.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Объясните смысл понятия «объективность» в изложении Пуанкаре.
2. Что представляет собой наука в понимании французского ученого?
3. В чем заключается ценность науки, если все научные теории временны?
4. Какие утверждения в данном тексте составляют суть концепции конвенционализм ?

Бертран Рассел

Индивидуальное и общественное познание

Научное познание стремится стать абсолютно безличным и пытается утверждать то, что открыто коллективным разумом человечества. В этой главе я рассмотрю, насколько оно преуспевает в достижении этой цели и какими элементами индивидуального познания следует пожертвовать для достижения возможной меры успеха в этом.

Коллектив знает и больше и меньше, чем индивидуум: он знает, как коллектив, все содержание энциклопедии и все вклады в труды научных учреждений, но он не знает тех лежащих близко к сердцу и интимных вещей, которые составляют колорит и самую ткань индивидуальной жизни. Когда человек говорит: «Я никогда не смогу передать того ужаса, который я испытал, увидев Бухенвальд» или: «Никакие слова не могут выразить моей радости, когда я снова увидел море после долгих лет тюремного заключения», он говорит нечто такое, что является истинным в самом строгом и точном смысле слова: он обладает через свой опыт познанием, которым не обладают те, чей опыт был другим, и которое не поддается полному выражению в словах. [...]

Язык, наше единственное средство сообщения научного знания, социален в своем существе, происхождении и главных функциях. Конечно, если бы математик попал на необитаемый остров с тетрадью и карандашом, он, по всей вероятности, попытался бы скрасить свое одиночество вычислениями с помощью языка математики; правда также, что человек может писать дневник, который он скрывает от всех, кроме себя. В повседневной жизни большинство из нас пользуется словами при размышлении в уединении. Тем не менее, главной целью языка является общение, и для того, чтобы служить этой цели, он должен быть народным, а не личным диалектом, изобретенным самим говорящим. Отсюда следует, что наиболее личное в опыте индивидуума стремится испариться в процессе выражения этого опыта в языке. [...]

Правда, образование ведет не без успеха – к обезличиванию языка. «Дождь» представляется уже не явлением личного опыта, а «каплями воды, падающими из облаков на землю», и «вода» – уже не тем, что может нас намочить, а H₂O. Что же касается водорода и кислорода, то они получили вербальные определения, которые должны быть выучены наизусть, причем не имеет значения, понимаете вы их или нет. Итак, в процессе вашего образования мир слов все больше и больше отделяется от мира чувств; вы овладеваете искусством правильного использования слов, как вы могли бы овладеть искусством игры на скрипке; в конце концов вы становитесь таким виртуозом в манипулировании словами, что вам едва ли нужно помнить, что слова имеют значения. Теперь вы становитесь вполне общественным человеком, и даже самые сокровенные ваши мысли оказываются вполне подходящими для энциклопедии. [...]

При обсуждении оснований для веры в любое эмпирическое утверждение мы не можем избежать восприятия со всей его личной ограниченностью. Насколько информация, которую мы получаем из этого дефектного источника, может быть очищена фильтром научного метода и блистательно выйти из этого фильтра богоподобной в своей беспристрастности и объективности – является трудным вопросом, с которым нам придется много иметь дела. Однако одно ясно с самого начала: только в той мере, в какой начальные данные восприятия заслуживают доверия, может существовать какое-то основание для принятия обширного космического здания вывода, которое основывается на них. Я вовсе не предполагаю, что начальные данные восприятия должны быть признаны несомненными; этого я отнюдь не думаю. Имеются хорошо известные методы подтверждения или ослабления силы индивидуального свидетельства; определенные методы используются в судах, другие – несколько отличные – используются в науке. Но все они исходят из того принципа, что некоторое значение должно быть приписано всякому свидетельству, так как только благодаря этому принципу считается, что известное число согласующихся друг с другом свидетельств дает высокую степень вероятности. Индивидуальные восприятия являются основой всего нашего познания, и не существует никакого метода, с помощью которого мы можем начинать с данных, общих для многих наблюдателей.

Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / Б. Рассел ; Пер. с англ. Н. В. Воробьева – К.: Ника-Центр : Вист-С, 1997. – 555, [1] с. – С.10-17.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Какова, по Расселу, роль индивидуального опыта в процессе познания?
2. Определите роль языка в научном познании и трансляции знания.
3. Как изменяется роль языка в процессе развития знания о мире?

Тема 18. Общество и культура

Габриэль Алмонд

Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций

[...] Мы используем термин «политическая культура» по двум причинам:

Во-первых, если мы собираемся определить отношение между политическими и неполитическими позициями и моделями поведения, нам необходимо отделить первые (политические) от последних (неполитических), даже если граница между ними не столь четкая. Термин «политическая культура» в таком случае относится именно к

политическим ориентациям – взглядам и позициям относительно политической системы и ее различных частей и позициям относительно собственной роли в этой системе. Мы говорим о политической культуре так же, как могли бы говорить об экономической культуре или религиозной культуре. Это совокупность ориентаций относительно определенной совокупности социальных объектов и процессов.

Но мы выбрали политическую культуру вместо других социальных аспектов, так как это позволяет нам использовать концептуальные схемы и подходы антропологии, социологии и психологии. Мы обогащаем наше мышление, используя, например, такие категории антропологии и психологии, как социализация, культурный конфликт, культурная интеграция. Аналогичным образом наши возможности понимать происхождение и трансформацию политической системы возрастают, когда мы используем структуру теории и спекуляций, касающуюся общих феноменов социальной структуры и процессов.

Мы осознаем тот факт, что антропологи используют термин «культура» во многих смыслах, и, внося его в словарь политической науки, мы рискуем привнести его двусмысленность вместе с его преимуществами. Мы подчеркиваем, что используем термин «культура» только в одном смысле: психологических ориентаций относительно социальных объектов. Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения. [...]

[...] Политическая культура – это разнообразные, но устойчиво повторяющиеся, когнитивные, аффективные и оценочные ориентации относительно политической системы вообще, ее аспектов «на входе» и «на выходе», и себя как политического актора.

[...] Существует ли демократическая политическая культура, т. е. некий тип политических позиций, который благоприятствует демократической стабильности или, образно говоря, в определенной степени «подходит» демократической политической системе? Чтобы ответить на данный вопрос, нам следует обратиться к политической культуре двух относительно стабильных и преуспевающих демократий – Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Политическая культура этих наций примерно соответствует понятию «гражданская культура». [...]

[...] Гражданская культура – это смешанная политическая культура. В ее рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль «подданных». Еще более важным является тот факт, что даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, качества подданных и прихожан не полностью вытеснены. Роль участника просто добавляется к таким двум ролям. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и свою более пассивную роль подданного. Конечно, рационально-активистская модель отнюдь не

предполагает, что ориентации участника заменяют собой ориентации подданного и прихожанина, однако, поскольку наличие двух последних типов ориентаций четко не оговаривается, получается, что они не имеют отношения к демократической политической культуре.

На самом же деле эти два типа ориентаций не только сохраняются, но и составляют важную часть гражданской культуры. [...]

Алмонд Габриэль А. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. В 5 т. – Т. II Зарубежная политическая мысль. XX в. / Ред. – науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин и др. – М.: Мысль, 1997. – 830 с. – С. 594 -601.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятия политическая культура
2. Что такое гражданская культура?

Иван Ильин

Общее учение о праве и государстве

§ 8 Нормы морали и права

Различие между нормами морали и нормами права является еще более значительным.

Прежде всего, нормы права устанавливаются не внутренним авторитетом, а внешним: они основываются не на божественной воле и не на голосе совести, но на предписании, которое создается известными людьми и связывает как их самих, так и других членов союза.

Правовые нормы вообще устанавливаются и формируются другими людьми, т. е. не каждым человеком для самого себя; они как бы приходят к нам извне, предписывая, запрещая и позволяя нам различные поступки, независимо от того, согласны мы на это или не согласны. Право основывается на том, что в союзе людей есть общая для всех власть, т. е. что некоторые из членов союза уполномочены придумывать, выражать в словах и объявлять обязательные для всех правила поведения, а также следить за тем, чтобы все им повиновались. Эти правила получают свою силу от их авторитета, а их авторитет покоится на том полномочии, которое им предоставлено. Понятно, что эти «другие» люди, которые создают для себя и для нас правовые нормы, являются всегда строго определенными и уполномоченными людьми. Они могут получить это полномочие различными путями: во-первых, так, что все члены союза сговариваются и прямо поручают им это дело (напр., вече избирало князя в Древней Руси; или, в наше время, корпорация избирает свое «правление», клуб выбирает «старшин» и т. д.); во-вторых, в силу того, что постоянное правило, указывающее, кому эта власть принадлежит пожизненно и к кому переходит по наследству (напр., власть монарха) и наряду с этим, кто, кем

и на какую должность может быть выбран народом (напр., члены Государственной Думы) или назначен государем (напр., министры, губернаторы); наконец, в отдельных случаях, когда союз организуется заново, или в корне переустраивается, или объединяется ненадолго, такое полномочие может принадлежать тому, кто первый проявит инициативу и за кем другие члены союза признают эту власть молчаливым повиновением (так бывает, например, когда за отсутствием обычных властей во время войны, или эпидемии, или смуты организуется временный общественный комитет для поддержания порядка). Во всех этих случаях налицо остается допущение, что некоторые, строго определенные люди имеют полномочие издавать обязательные нормы и императивы и что это «правильно».

Отсюда уже ясно, что правовая норма устанавливается всегда в определенном порядке. Если далеко не всякий уполномочен издавать правовые нормы, то, с другой стороны, и те, кто на это уполномочен, должны соблюдать в своем деле известный, обыкновенно строго предначертанный порядок. К установлению и соблюдению этого порядка приводит сознание того, как важно и трудно получить вполне справедливую и целесообразную правовую норму. Нет никакого сомнения в том, что верную норму морали также очень трудно установить и что соблюдение строгой внутренней последовательности в раскрытии голоса совести необходимо и там; но, к сожалению, люди до сих пор мало прониклись этой идеей. В области же права люди это признали; именно поэтому они разделили весь путь, который проходят правовые нормы, на несколько этапов. Согласно этому разделению, одни имеют полномочие указывать на необходимость новой нормы; другие – проверять эту необходимость и формулировать предполагаемую норму; третьи обсуждают справедливость и целесообразность предложенного правила и решают – быть ему или не быть; верховная власть утверждает это решение; затем отдельно проверяется, соблюден ли предначертанный порядок издания нормы и, наконец, самая норма объявляется во всеобщее сведение. Таков обычный порядок, о котором еще придется говорить в дальнейшем [...].

Теперь понятно также, на кого распространяется правовая норма, установленная властью. Правовые предписания исходят от одних людей, а обращаются к другим людям, принадлежащим к этому союзу и подчиненным этой власти. Это означает прежде всего, что правовая норма предписывает людям известное поведение, независимо от того, согласны ли они, что это норма хороша, или несогласны, хотя бы они ей подчиняться или не хотят. Если правовая норма что-нибудь повелевает или что-нибудь воспрещает, то это повеление и это воспрещение сохраняют всё своё значение и в том случае, если есть несогласные: они все равно обязаны ей подчиняться. Она не теряет своего значения и своей силы потому, что не зависит от добровольного признания и внутреннего убеждения

подчиненных ей. В этом ее глубокое отличие от норм морали, которые основываются именно на внутреннем убеждении и добровольном признании человека. Само собой разумеется, что тот, кто установил правовое предписание, был убежден в его необходимости и целесообразности; но в согласии всех подчиненных он не нуждался. Итак, правовая норма связывает всех тех, и даже несогласных членов союза, которые в ней указаны. При этом, по общему правилу, в каждом союзе власть может издавать предписания только для своих членов; однако эти предписания могут относиться и к тем пришлым людям, которые временно пребывают в пределах союза как бы на положении гостей (напр., «торговые гости», «иноземные гости»; ср. русские былины).

К этому необходимо добавить, что каждая правовая норма, что бы она ни предписывала и ни воспрещала, налагает особую связь и на тех людей, которые установили ее своею властью. Именно, раз установив ее, они обязаны поддерживать ее всеми силами и признавать ее за правовую норму; они не могут установить новое правило, которое бы ей противоречило, до тех пор, пока не отменят открыто первую норму; наконец, они не могут никому позволить не повиноваться норме, а с другой стороны, не могут никого заставить повиноваться тому, что не установлено в правовых нормах или не высказано в виде правового императива. В этом отличие права от произвола и правовой нормы от произвольных требований.

Но если правовая норма требует известного поведения, независимо от согласия того, кому она его предписывает, то отсюда ясно, что она может требовать от людей только такого поведения, которое можно соблюдать, без внутреннего согласия. Это значит, что право может предписывать только внешнее поведение и не может требовать от людей, чтобы они осуществляли по приказанию какие-нибудь внутренние душевные состояния: о чем-нибудь думали, что-нибудь любили, чего-нибудь не желали и т. д. Такие предписания со стороны права несостоятельны, во-первых, потому, что внутренние, душевные качества нравственно ценны только тогда, если они выработаны и созданы доброю волей и личными усилиями человека, и теряют свою ценность, если человек старается приобрести их по чужому приказу; они несостоятельны, во-вторых, потому, что никто не может заставить человека признать что-нибудь, или захотеть, или подумать, а также не может проверить, действительно ли он это признал, захотел и подумал или только «сделал вид», чтобы избежать преследований. В прежние времена полагали, что это возможно и потому подвергали людей напрасной и несправедливой пытке; но в наши дни эта граница права признана окончательно.

Это не значит, однако, что правовые предписания совсем не обращают внимания на душевные состояния людей. Нет; но право считается лишь с теми душевными состояниями (помыслами, желаниями, чувствованиями), которые проявлены людьми в их внешнем поведении —

посредством слов, жестов или в письменной форме. Так, напр., покупка может состояться лишь в том случае, если покупающий выразит как-нибудь свое согласие; или, напр., суд будет исследовать и проверять наличность злой, испорченной воли у человека только тогда, если он совершит какие-нибудь внешние, запрещенные правом поступки и т. д. Но пока человек ничем внешним не обнаружил намерения или попытки нарушить правовую норму и не совершил никакого внешнего поступка, которому правовые нормы придают известные последствия (напр., не подал голоса на выборах, не заключил договора, не предложил к продаже свою вещь) – власть, следящая за соблюдением права, не имеет никаких оснований вторгаться в его внутреннюю жизнь. Нравственные решения и дурные желания сами по себе имеют значение в религии и морали, но не в праве; для права важно только то, что обнаружено или чего не обнаружено во внешнем поведении.

Наконец правовые нормы обычно (хотя далеко не всегда) имеют санкцию. Эта санкция состоит в том, что нарушающий правовую норму, делающий запретное или не исполняющий своей обязанности, может ожидать неприятных последствий, которые постигнут его в его внешней жизни. Санкция правовой нормы всегда осуществляется так, что приходят другие, уполномоченные люди и заставляют неповинующегося делать то, чего ему не хочется: или понуждают его исполнить свою обязанность, указывая ему на правовую норму, которую он нарушил, и на взыскания, которые могут быть на него возложены (напр., понуждают его внести недоимку, явиться к отбыванию воинской повинности); или исполняют эту обязанность за его счет (напр., продают часть его имущества и вносят за него недоимку или уплачивают из вырученных денег его долги); или же налагают на него взыскание, будь то по суду или в порядке управления.

Теперь должно быть понятно отличие правовых норм от норм морали. Они отличаются, во-первых, по тому авторитету, который устанавливает правило (в морали – внутренний авторитет: голос совести; в праве – внешний авторитет: другие люди, строго определенные и особо уполномоченные); во-вторых, по тому порядку, в котором правило устанавливается (в морали – самостоятельное восприятие и формулирование голоса совести, данного каждому особо; в праве – последовательное прохождение правила через все строго установленные этапы рассмотрения, в котором участвуют многие люди); в-третьих, по тому, кто получает предписание (в морали – добровольно признавший требование совести; в праве – всякий член союза, указанный в норме независимо от его согласия и признания); в-четвертых, по тому поведению, которое предписывается в норме (в морали – внутреннее поведение, выражающееся и во внешних поступках; в праве – внешнее поведение, которое может, однако, привести и к рассмотрению душевного состояния; и, наконец, в-пятых, по санкции (в морали – укор совести и чувство вины; в праве – угроза неприятными последствиями и внешние принудительные

меры). [...]

Ильин И. Общее учение о праве и государстве. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 510 с. – С. 72-76.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение понятий «норма», «санкция»
2. Чем отличаются правовые нормы от норм морали?
3. Охарактеризуйте правовые нормы

Леонид Григорьевич Ионин

Социология культуры

Глава 1 Культура и науки о культуре

1.1. История слова «культура»

Культура – одно из двух-трех самых сложных слов, используемых в нашем практическом и научном обиходе. Отчасти это объясняется тем, что оно имеет сложную и запутанную языковую историю, а отчасти тем, что оно применяется для обозначения, крайне сложных понятий в разных научных дисциплинах и к тому же в самых различных системах мысли.

О том, как формировались и развивались разные значения слова культура, рассказал лингвист Р. Уильямс. Появлению этого слова в различных европейских языках непосредственно предшествовало латинское *cultura*, происходившее от *colere*. Последнее имело множество значений: населять, культивировать, покровительствовать, поклоняться, почитать и т.д. Некоторые из них со временем образовали самостоятельные термины, хотя и с частично перекрывающимися друг друга значениями. Так, значение «населять» через латинское *colonus* трансформировалось в колонию, а «почитать», «поклоняться» через латинское *cultus* – в культ. В английском языке слово *culture* первоначально имело смысл «развивать», «культивировать», хотя и с оттенком «служения», «почитания», при этом в средневековом английском оно иногда прямо употреблялось как служение. Во французском, точнее в старофранцузском, латинское *cultura* преобразовалось в слово *coulture*, позже приобретшее совершенно самостоятельное значение, и лишь затем в *culture*.

Во всех случаях раннего употребления слово *culture* означало процесс культивирования, выращивания чего-нибудь, обычно животных и растений. Это привело к появлению дополнительных значений слова, таких, как английское *soilte* – лемех, происходящее от латинского *cilte*, обозначающего то же орудие. Дальнейшая эволюция связана, очевидно, с перенесением представлений о культивировании, возделывании с естественных процессов на человеческое развитие, причем агрикультурный, сельскохозяйственный смысл долгое время сохранялся. Так, Френсис Бэкон говорил о «культуре и удобрении умов», а в середине XVIII века английский епископ, сетуя на недостатки современного воспитания, писал,

что «люди благородного рождения и воспитания не хотят растить своих детей для церкви» (словами «люди ...рождения ...и воспитания» я постарался передать словосочетание «persons of either birth or culture»).

Два момента нужно отметить особо. Во-первых, метафора становилась все более привычной, пока, наконец, такие термины, как культура ума, не начали восприниматься прямо и непосредственно, а не в переносном смысле; во-вторых, слово культура, относящееся к частным процессам, все чаще использовалось при характеристике процессов развития и совершенствования вообще, что означало универсализацию термина. Именно с этого на рубеже XVIII – XIX веков и началась многообразная и запутанная современная история слова культура.

Тогда же, в конце XVIII – начале XIX века сформировалось устойчивое значение самостоятельного термина цивилизация. Это слово происходит от латинских *civis* – гражданин и *civilis* – принадлежащий, относящийся к гражданину. В результате довольно долгой эволюции оно стало выражать смысл исторического процесса и его достижений: очищение нравов, воцарение законности и социального порядка. В то же время, сначала во Франции, а затем в Англии оно стало использоваться во множественном числе - стали говорить о цивилизациях.

Примерно те же процессы (правда, с определенными задержками) отмечаются и в русском языке. Само слово культура впервые зарегистрировано в Карманном словаре иностранных слов, изданным Н. Кирилловым в 1845 году, но особого распространения оно не имело, и не встречается даже у «властителей дум» – Добролюбова, Писарева, Чернышевского и др. Еще в 1853 году И. Покровский в «Памятном листке ошибок в русском языке», опубликованном в «Москвитянине», объявил это слово ненужным. Но уже в 60-е годы оно полноправно обосновывается в словарях русского языка, а в 80-е и позже получает широкое распространение, причем в том же богатстве значений, что и в западноевропейских языках. Согласно В. Далю, культура – это «обработка и уход, возделывание, возделка; образование, умственное и нравственное; говорят даже культивировать вместо обрабатывать, возделывать, образовывать». При этом, как в европейских языках, соответствующие термины применялись для обозначения сельскохозяйственных орудий (культиватор).

Подобным же образом и термин цивилизация проник в Россию вместе с соответствующими переводными книгами. В XX веке в России, как и в Западной Европе, под словом цивилизация (а иногда цивилизованность или *civility*) стали понимать общее состояние общества или даже уровень воспитания, поведения или манер конкретных персон, противопоставляемое дикости или варварству. Однако с ростом числа сравнительных исследований появились весьма нечеткие трактовки этого понятия в различных сочетаниях: западная цивилизация, российская цивилизация, индустриальная цивилизация, современная цивилизация и т. д.

Но вернемся к развитию термина культура. Важный поворот в его интерпретации произошел в немецком языке: до конца XIX века была распространена форма *cultur*, а на смену пришла сегодняшняя *kultur*. Сначала понятия культура и цивилизация развивались в Германии так же, как в других странах. В конце XVIII века, прежде всего в трудах Гердера, было сделано нововведение, едва ли не решающее в истории изучения культуры: речь зашла не о культуре, а о культурах (во множественном числе). Другим важным нововведением, предложенным несколько позже, стало характерное для Германии и редко встречающееся как в обыденной, так и в научной лексике прочих европейских языков противопоставление культуры и цивилизации.

Попытаемся подвести итог лингвистического развития слова культура за несколько столетий. В современных европейских языках можно выделить (если исключить сельскохозяйственную и естественно-научную терминологию, например, культура вики, культура микробов) четыре основных смысла слова культура:

- абстрактное обозначение общего процесса интеллектуального, духовного, эстетического развития;
- обозначение состояния общества, основанного на праве, порядке, мягкости нравов и т.д; в этом смысле слово культура совпадает с одним из значений слова цивилизация;
- абстрактное указание на особенности способа существования или образа жизни, свойственных какому-то обществу, какой-то группе людей, какому-то историческому периоду;
- абстрактное обозначение форм и продуктов интеллектуальной и прежде всего художественной деятельности: музыка, литература, живопись, театр, кино и т.д. (то есть все то, чем занимается министерство культуры); пожалуй, именно этот смысл слова культура наиболее распространен среди широкой публики.

Перечисленные значения слова культура связаны между собой частично по происхождению, частично по смыслу. Все это очень престижные значения (если можно здесь применить такой термин). Однако есть множество примеров враждебного отношения как к слову культура, так и к тому, что оно обозначает.

Антикультурные чувства и отношение враждебности к культуре также имеют солидную историю. Впервые они отмечены в Англии XIX столетия и явились реакцией на претенциозность эстетизма в искусстве и жизни (М.Арнольд). Тогда критики эстетизма вместо *culture* использовали «изобретенное» ими издевательски-имитирующее *culchah*. Затем определенная враждебность возникла в результате германской пропаганды времен первой мировой войны, сосредоточивавшейся вокруг якобы превосходящей все остальное германской *kultur*. В первые десятилетия нашего века русские и зарубежные нигилисты и авангардисты, а затем молодежные вожди и массы 60-х – 70-х годов на Западе выступали за то,

чтобы разрушить культуру как опору традиции и главное препятствие на пути в будущее человечества. В этом к авангардистам 20-х примыкали большевики.

Но существует и постоянная, хроническая вражда к культуре. Ее причинами являются, с одной стороны, необоснованные претензии так называемых интеллектуалов, или интеллигенции, на высшее, преобладающее знание или даже состояние ума и души, а с другой – малообразованность народа, пренебрежительно относящегося к бездельникам-интеллектуалам, существующим на народные деньги. Для обозначения именно такой культуры, понимаемой в пренебрежительном, уничижительном смысле, существуют даже особые термины: в Америке – culture-vulture, в России и СНГ этому приблизительно соответствует культур-мультипур – русскоязычный термин среднеазиатского происхождения.

[...] мы привели самый приблизительный обзор истории слова и истории значений слова культура. [...] Р.Уильямс, в список к словарной статье, посвященной слову культура, включил следующие соотносящиеся по значению термины: эстетика, искусство, цивилизация, гуманизм, наука.

1.2. Какие науки изучают культуру

Существует ряд дисциплин, сосредоточивающихся на описании и анализе культуры и культур. [...] Это – этнология, этнография, культурная и социальная антропология, культурология, социология культуры и философия культуры.

Здесь следовало бы, наверное, определить каждую из дисциплин, показав специфику ее предмета и метода, а затем назвать исследователей, внесших наибольший вклад в развитие каждой из них. Но это сделать непросто. Более того, попытки четкого определения этих наук и разграничения их «сфер влияния» обречены на неудачу. Буквально в каждой из этих дисциплин предметы, методы, специфические объекты исследования, полевые и теоретические стратегии существенно разнятся не только от страны к стране, от школы к школе, но даже от исследователя к исследователю.

[...] Можно сказать, что этнология, этнография, культурная антропология и социальная антропология – это систематические сравнительные науки о культурах разных обществ и разных эпох, основывающиеся прежде всего на сборе и анализе эмпирического материала. Различия между ними в той мере, в какой они вообще существуют (это, скорее, различия между школами и отдельными исследователями в рамках каждой из дисциплин), состоят в уровне абстракции при анализе явлений культуры.

Философия культуры – это обозначение подходов к изучению сущности, цели и ценности культуры, ее условий и форм проявления. Она имеет огромное количество форм и часто оказывается тождественной философии истории, поскольку именно история рассматривается как процесс

развертывания и воплощения смысла культуры.

Несколько слов о культурологии. [...] «Культурология – формирующаяся область научного знания, призванная исследовать культуру как единую систему и особый класс явлений. Изучением различных разделов культуры заняты (всецело или частично) несколько специализированных дисциплин – философия, языкознание, археология, этнография, искусствоведение, история архитектуры, история естествознания, религиоведение и др. Обобщить, их усилия, создать для них общую теоретическую базу, определить наиболее общие закономерности формирования, функционирования и развития культуры и призвана особая наука – культурология. Однако до сих пор существуют значительные расхождения в понимании предмета, метода и проблематики культурологии.» Последнее не удивительно: ведь и в понимании того, что такое культура, также существуют, как будет показано далее, не то что значительные, а иногда просто кардинальные расхождения.

И, наконец, социология культуры – наука, рассматривающая строение и функционирование культуры в связи с социальными структурами и институтами и применительно к конкретно-историческим ситуациям. Однако в последнее время, (это уже отмечалось в предисловии) представления о роли культуры в жизни общества существенно меняются, а вместе с ними меняются и представления о том, каковы предмет, цель, метод и объем социологии культуры. Приведенное выше определение является традиционным, наверное, оно устроит социолога любого направления. Однако нынешние изменения в организации и восприятии человеком его мира заставляют иначе ставить вопрос о социологии культуры. Я бы даже назвал эту новую, именно сейчас возникающую дисциплину не социологией культуры, а культурной социологией (по аналогии с культурной антропологией) или культурным анализом. Культурный анализ, о котором в основном и будет идти речь в настоящей книге, – это не столько особая научная дисциплина, сколько направление теоретического исследования, применяющее методологию и аналитический аппарат культурной антропологии, социологии и философии культуры и ставящее своей целью обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений. [...]

1.16. Определения культуры

[...] В 1952 году американские антропологи А.Кребер и К.Клакхон опубликовали книгу, в которой привели обзор известных к тому времени концепций и определений культуры. Они проанализировали более 150 определений, каждое из которых отражало важную сторону понятия культуры и, безусловно, имело право на существование. В 1963 году Кребер и Клакхон переиздали книгу, значительно расширив перечень определений культуры за счет включения новых интерпретаций, которые появились за десятилетие, прошедшее со времени выхода первого издания. Этот обзор определений и концепций культуры был, пожалуй, наиболее

полным из имевшихся в мировой литературе, но и он все-таки имел некоторые пробелы, ибо Кребер и Клакхон сосредоточивались на подходах, принятых в англо-американской литературе, и вне поля зрения исследователей осталось многообразие, определений и концепций, имевшихся в немецкоязычной и франкоязычной традициях.

Тем не менее эта работа дает достаточно адекватное представление о типах и способах определения понятия культуры. Кребер и Клакхон разделили все определения культуры на шесть основных типов (от А до F), причем некоторые из них в свою очередь разделяются на несколько групп.

А. Описательные определения, в которых упор делается на перечисление всего того, что охватывает понятие культуры. Родоначальником такого типа определения культуры является знаменитый антрополог Э.Тайлор. Согласно Тайлору, «культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества».

В. Исторические определения, в которых акцентируются процессы социального наследования, традиция. Примером здесь может служить определение, данное известным лингвистом Э.Сепиром: культура – это «социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни». Недостаток определений этого типа связан с предположением о стабильности и неизменности, в результате чего из виду упускается активность человека в развитии и изменении культуры.

С. Нормативные определения. Эти определения делятся на две группы. Первая из них – определения, ориентирующиеся на идею образа жизни. По определению, данному антропологом К.Уислером, «образ жизни, которому следует община или племя, считается культурой... Культура племени есть совокупность стандартизованных верований и практик, которым следует племя». Вторая группа – определения, ориентирующиеся на представления об идеалах и ценностях. Здесь можно процитировать два определения: данное философом Т.Карвером, «культура – это выход избыточной человеческой энергии в постоянной реализации высших способностей человека», и предложенное социологом У.Томасом, «культура ... это материальные и социальные ценности любой группы людей (институты, обычаи, установки, поведенческие реакции) независимо от того, идет ли речь о дикарях или цивилизованных людях».

Д. Психологические определения, в которых упор делается либо на процесс адаптации к среде (D-I), либо на процесс научения (D-II), либо на формирование привычек (D-III). Индексом D-IV Кребер и Клакхон обозначают «чисто психологические определения». Ниже приведены определения, наиболее характерные для каждой из этих четырех групп.

D-I «Совокупность приспособлений человека к его жизненным условиям и есть культура, или цивилизация... Эти приспособления обеспечиваются путем сочетания таких приемов, как варьирование, селекция

и передача по наследству» (социологи У. Самнер и А. Келлер).

D-II «Культура – это социологическое обозначение для наученного поведения, то есть поведения, которое не дано человеку от рождения, не предопределено в его зародышевых клетках как у ос или социальных муравьев, а должно усваиваться каждым новым поколением заново путем обучения у взрослых людей» (антрополог Р. Бенедикт).

D-III «Культура – это «формы привычного поведения, общие для группы, общности или общества. Она состоит из материальных и нематериальных элементов» (социолог К. Янг).

D-IV «Под культурой мы будем понимать совокупность всех сублимаций, всех подстановок или результирующих реакций, короче, все в обществе, что подавляет импульсы или создает возможность их извращенной реализации» (психоаналитик Г. Рохайм).

Е. *Структурные определения*, в которых внимание акцентируется на структурной организации культуры. Здесь характерны определения, данные антропологом Р. Линтоном: «а)...Культуры – это в конечном счете не более чем организованные повторяющиеся реакции членов общества, б) Культура – это сочетание наученного поведения и поведенческих результатов, компоненты которых разделяются и передаются по наследству членами данного общества».

Ф. *Генетические определения*, в которых культура определяется с позиции ее происхождения. Эти определения разделяются на четыре группы: F-I, в которых культура рассматривается как продукт или артефакт; F-II, в которых упор делается на идеях; F-III, в которых подчеркивается роль символов; F-IV, в которых культура определяется как нечто, происходящее из того, что не есть культура. Ниже приведены определения, наиболее характерные для каждой группы.

F-I. «В самом широком смысле слова культура обозначает совокупность всего, что создано или модифицировано сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или воздействующих на поведение друг друга» (социолог П. Сорокин).

F-II. «Культура – это относительно постоянное нематериальное содержание, передаваемое в обществе посредством процессов обобществления» (социолог Г. Беккер).

F-III «Культура – это имя для особого порядка, или класса феноменов, а именно: таких вещей и явлений, которые зависят от реализации умственной способности, специфичной для человеческого рода, которую мы называем «символизацией». Говоря точнее, культура состоит из материальных объектов – орудий, приспособлений, орнаментов, амулетов и т.д., а также действий, верований и установок, функционирующих в контекстах символизирования. Это тонкий механизм, организация экзосоматических путей и средств, используемых животным особым рода, то есть человеком, для борьбы за

существование или выживание» (социолог Л.Уайт).

F-IV «То, что отличает человека от животных, мы называем культурой» (естествоиспытатель и философ В.Оствальд).

Каждое из этих многообразных определений сосредоточивается на какой-то одной стороне, характеристике, качестве культуры. Как правило, они не являются взаимоисключающими. [...] культура – это то, что отличает человека от животных, культура – это характеристика человеческого общества. Кроме того, они, наверное, согласились бы, что культура не наследуется биологически, но предполагает обучение. Далее, они наверняка признали бы, что культура напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (посредством языка).

Это самые общие суждения о культуре, относительно которых возможно согласие среди исследователей самых разных направлений в социальных и гуманитарных науках. [...]

Ионин Л. Г. Социология культуры. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – 280 с. – С. 9-16, 45-47.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Раскройте происхождение термина культура
2. Дайте определение понятия «культура», используя различные подходы
3. Как ученые определяют понятие «цивилизация»?
4. Какие науки изучают культуру?
5. В чем специфика изучения культуры культурологией, философией культуры, социологией культуры?

Петер Козловски

Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития

Понятие культуры

Было бы неверным полагать, что в процессе общественного развития техника выполняет функцию фундамента и hardware, а культуре отведена роль надстройки и software. Культура и техника суть одновременно software и hardware, надстройка и фундамент. Культура имеет материальную сторону, техника – духовную. Техника в своей сущности есть дух и software, она представляет собой раскрытие и проявление действительности. Лишь ее воплощение относится к hardware. Сущность техники принадлежит сфере духовного, сфере репрезентации и проявления действительного в человеческом разуме. Наш мир, выраженный в науке и технике, есть проявление существующего закономерного мира и мира возможного, подчиняющегося законам науки и техники и в то же время претерпевающего изменения в результате целенаправленной человеческой деятельности. Наука и техника как репрезентация действительности в человеческом разуме

представляют собой проявление бытия и свободы целенаправленно деятельного разума – *intellectus agens* (интеллект деятельный).

Язык, стиль мышления и практика превращения научно-технического знания в *hardware*, в приборы и механизмы, общественно-культурно обусловлены, зависят от коммуникации и согласия, от ожидаемого ответного культурного поведения и следования правилам. Наука и техника могут быть реализованы только в социальных действиях и социальных институтах.

«Культура есть то, что люди делают с собой и своим миром и что они при этом думают и говорят». Техника накладывает отпечаток на нас и наш мир, она замысливается и обсуждается нами. Она принадлежит человеческой культуре в широком смысле слова. Научно-техническое развитие – это культурное развитие, так как оно является результатом репрезентации, языковой коммуникации и социальных действий. Развитие науки и техники должно иметь предпосылкой и следствием адекватное культурное развитие общества.

То, что люди делают с собой, с природой, как ведут себя по отношению к окружающим, есть культура, созданный ею мир. Широкое понятие культуры охватывает выраженный в языке, символах и представленный в человеке мир, противостоящий природе. Культура – это уклад жизни народа, проживающего на определенной территории, включая историю народа и данной территории, а также видение этой жизни. Культура в широком смысле представляет собой органическое единство порядка и самообъяснения общества в его отношениях с другими обществами и культурами. Культура общества охватывает такие формы его организации, как конституция, социальные институты, нравы и обычаи, а также языковые и символические формы толкования человека: от устных преданий до письменно зафиксированных законодательных документов и свободных искусств.

Культура пользуется знаками, несущими определенное содержание. Предметы становятся носителями культуры, когда несут в себе и сообщают культурный смысл. Этот смысл порой имеет мало общего с собственным значением предмета. Вещи могут выступать символами чего-то совершенно другого, равно как и культурные знаки могут быть лишены своего культурного смысла и сохранять какое-то значение только как материальные предметы. Фетишизм представляет собой форму, в которой предметный носитель культуры достиг перевеса над культурной ценностью. Но и фетиш все еще остается культурно опосредованным, указывающим на нечто иное, чем престиж и тщеславие, культурным феноменом. Широкое понятие культуры определяет в качестве культурного феномена все, что создавалось, сохранялось и передавалось из поколения в поколение за время существования различных форм общества и способов объяснения мира. Обыденное сознание склонно относить к культуре только те предметы, культурная ценность, символический смысл

которых превосходит материальное и непосредственное значение носителя культуры. Знамя несет в себе больше смысла, чем цветной платок, литература – больше, чем чисто информационное сообщение. Тем не менее все же имеет смысл расширить понятие культуры, так как только при наличии более широкого ее понятия становится очевидной способность культуры быть предпосылкой мышления, языка, взаимопонимания, а отсюда также и техники.

Обыденному сознанию чуждо нейтральное, лишённое эмоциональной оценки понятие культуры. Широкое понятие культуры не различает высокое и низкое, хорошее и плохое упорядочение и толкование жизни общества. В функционалистском варианте социологии культуры символы и образцы поведения должны создаваться как функционально эквивалентные по своим задачам, значению и систематизации. Обыденный же язык определением культурный выражает принадлежность предмета или явления более богатой, символически и в смысле истолкования, сфере искусств. Поэтому обыденное сознание может не уловить культурную обусловленность каждого различения и толкования мира, культурную окрашенность поступков, подобно тому как человек, постоянно носящий очки, перестает ощущать их на своем лице. Обыденное поведение рассматривает себя как естественное и докультурное, и таким же докультурным материальным феноменом ему представляется техника.

Однако обыденное сознание со своим понятием культуры не может обойти тот факт, что определение «культурный» подразумевает также сравнительную степень человеческого существования и тем самым выражает желание человека повысить свой уровень жизни. Широкое понятие культуры должно поэтому быть пригодным для истолкования и оценки возрастания, уплотнения значения, интенсификации исполнения ежедневных обязанностей. Мы говорим об эстетической, политической культуре, культуре питания, жилья, языка и подразумеваем под культурой этих уже самих по себе культурно обусловленных феноменов форму возрастания их культурного бытия, их культурного уровня. Отдельные формы и области культуры общества могут быть в большей или меньшей степени культурно развиты. Обеспечение и выполнение определяемых культурой видов деятельности может быть тщательным или небрежным, культурной практике может придаваться большое или малое культурное значение. Окультуривание социальных поступков и научно-технической практики составляет один из моментов культуры, культурного развития и совершенствования. Все области культуры в широком смысле слова, все формы того, что люди делают с собой и своим миром и что они об этом думают и говорят, могут целенаправленно окультуриваться. Однако окультуривание может иметь значение как дальнейшего совершенствования, так и неуместного преувеличения.

Формирование культурных поступков и культуры производства осуществляется в непрерывном континууме, включающем в себя в

качестве переходных этапов: отсутствие культуры – культурность – манерность. Культурное бытие относительно лиц и предметов предполагает, что собственное бытие личности или предмета находится в отношениях максимально возможной гармонии с их социально-культурной ролью, функцией и позицией, а поступок или предмет имеют характер чего-то легкого, удающегося без труда, подходящего и грациозного. Собственное бытие и то значение, которое несет в себе лицо или предмет, подходят друг другу и соответствуют ситуации, в которую они включены. Gentleness – этим английским словом можно обозначить свойство лица или предмета быть подходящим, легким. Неуместность чего-либо служит выражением того, что культурный уровень действия или поведения еще не достигнут.

Широкое понятие культуры, согласно которому к ней относится все, что люди делают с собой и миром, не проводит различия между текучей, переменчивой свободно подвижной частью культуры, которая возникает спонтанно и только в рамках специфического общества, и другой ее частью, которая, подобно религии, апеллирует к универсальным ценностям и – подобно государству – прибегает к помощи принуждения. Значение религии для культуры бесспорно. Этнос, форма жизни, ее толкование определяются для верующего религией и накладывают отпечаток на мирское окружение и материальное искусство. С другой стороны, религия проявляет качества стабильности и универсальности, которые резко отличают ее от переменчивого поведения спонтанной культуры.

Хотя широкое понятие культуры охватывает все формы развития духа, среди них необходимо различать проявления субъективного, объективного и абсолютного духа. В процессе индивидуального освоения культурного наследия и культурной субстанции, а также в представлении индивида культура принимает форму субъективного духа. Объективное выражение культуры в разного рода учреждениях и видах труда есть проявление объективного духа, к которому нужно отнести также и государство; однако из-за его монополии на легитимную принудительную власть оно должно быть разграничено с другими формами объективного духа. К проявлениям абсолютного духа относятся религия и религиозная философия, чьи достижения в области упорядочения и толкования жизни выходят за рамки спонтанных и объективированных выражений субъективного и объективного духа. Абсолютный дух религии стремится к прочности и цельности объяснения мира и жизни.

Весьма сомнительно, чтобы подвижный элемент непрерывно преобразующей и ниспровергающей спонтанной культуры был бы возможен в общественной жизни без прочного и долговременного жизненного порядка, устанавливаемого религией. При отсутствии религии универсальность и постоянство, без которых коллективное единство членов общества, как в диахронном, так и в синхронном плане, не может

сложиться, достигается принудительными действиями государства. Внутреннее религиозное регулирование поступков индивидов заменяется государственно устанавливаемой культурой и одновременно с этим внешним регулированием. Демократия (как форма государства) и рыночное хозяйство (как форма экономики), которые дают особую свободу спонтанному развитию политической воли, экономических потребностей и культурной самоориентации общества, в большей степени, чем авторитарные и планово-хозяйственные системы, оказываются вынужденными обращаться к консолидирующей силе религии. С другой стороны, притязания религии на универсальную значимость не согласуются со стремлением тоталитарного государства поставить культуру себе на службу, так что такое государство будет преследовать религию как противника, препятствующего осуществлению его принудительной культуры.

Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. Пер. с нем. – М.: Республика, 1997. – 240 с. – (Философия на пороге нового тысячелетия). – С. 16-20.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определения понятия культура
2. Найдите в тексте все возможные определения культуры

Тема 19. Политические режимы. Демократия

Ларри Даймонд

Определение и развитие демократии

Наилучшая форма правления

[...] В основе этой книги лежит точка зрения, согласно которой демократия – это, в общем, благо и наилучшая форма правления. Однако демократия не является абсолютным благом. Вспомним Аристотеля и Платона (симпатизировавшего демократии еще меньше), основных генераторов демократической политической мысли, которые придерживались мнения, что наиболее осуществимая форма правления – смешанная или конституционная. Свобода основанного на этих принципах правления сдерживается рамками закона, а народный суверенитет ограничен государственными институтами, создающим порядок и стабильность. Аристотель увидел, что в чисто демократическом государстве, «где большинство обладает верховной властью, и заменяет закон директивами...распространяется демагогия», и демократия перерождается в форму деспотизма.

Поэтому Локк, Монтескье и американские федералисты утверждали, что только конституционное правление, ограничивающее и разделяющее

временную власть большинства, может защитить личную свободу. Эта фундаментальная мысль (и ценность) породила традицию либерализма как политической идеи и, соответственно, либеральной демократии, которая является основой этой книги. Как указано ниже, я употребляю термин «либеральный» для обозначения политической системы, в которой личные и общественные свободы хорошо защищены и где существуют автономные сферы гражданского общества и частной жизни, свободные от государственного контроля...

Даже если воспринимать демократию как просто народовластие, как систему избрания руководителей посредством регулярно проводимых свободных и честных выборов, избранная таким способом власть в принципе лучше, чем сформированная каким-либо другим образом. Она создает наилучшие условия для ответственного, отзывчивого, миролюбивого, предсказуемого и справедливого управления. И, как обоснованно отмечает Роберт Даль, «в отличие от любой возможной альтернативы она поддерживает свободу»...

Правление, согласующееся с принципами конституционализма и представительной демократии, тем лучше, чем более оно демократично. Это не означает, что даже выборная демократия легко достижима в любой стране в любое время. Тем не менее, чем больше демократии, тем отзывчивее становится государство на нужды все более широкого круга граждан...

Я полагаю, что ответственность правителей перед управляемыми и способность государства реагировать на различные интересы народа являются обязательными условиями. Также обязательна минимизация насилия в политической жизни, а также государственного произвола. И, наконец, необходимо наличие свободы. В двадцатом веке свобода мыслить, верить, молиться, говорить, публиковать, спрашивать, общаться и получать информацию, как и защищенность от пыток, бесосновательного ареста и незаконного задержания, не говоря уже о рабстве и геноциде, – все больше и больше признаются общепринятыми и неотъемлемыми правами человека.

Либеральная демократия по определению обеспечивает достаточно сильную защиту прав человека. Тем не менее, не всегда избирательная демократия и свобода идет рука об руку. [...]

Осмысление демократии

Политологи и обозреватели расходятся как в вопросе, о количестве демократических государств в мире, так и в классификации конкретных режимов, оценке условий для создания и укрепления демократии, а также влияния демократии на мир и экономическое развитие. Основная проблема всех этих споров – отсутствие согласия в определении демократии как таковой...

... По большому счету, в научном и политическом обиходе термин демократия сегодня имеет чисто политическое значение. И этот

мыслительный скачок назад к более ранней концепции демократии существенно содействовал прогрессу в изучении динамики демократии, в том числе отношений между политической демократией и различными социальными и экономическими условиями.

Наибольшие расхождения сегодня наблюдаются в вопросах о том, какие сферы политической жизни должны быть охвачены демократией и в какой степени. Узкое определение того, что я называю выборной демократией, принадлежит Йозефу Шумпетеру, который определил демократию как систему «для принятия политических решений, в которой индивидуумы получают право принимать решения, победив в конкурентной борьбе за голос народа». Хантингтон, как и многие другие, явно поддерживает акцент Шумпетера на состязательных выборах как основе демократии. Тем не менее, краткое определение Шумпетера потребовало периодического совершенствования (или, по словам Коле и Левицкого, «уточнения»), чтобы исключить случаи, не вписывающиеся в эту концепцию.

Конструктивным уточнением этого определения явилась концепция полиархии Даля, которая включает в себя два очевидных условия: оппозицию (организованная полемика через систематические свободные и честные выборы) и политическое участие (право всего взрослого населения голосовать и избираться на государственные посты). С этими двумя условиями неразрывно связано третье, без которого они теряют свое значение, – гражданская свобода. Полиархия подразумевает свободу не только избирать и быть избранным, но и высказывать и публиковать различные точки зрения, создавать и вступать в различные объединения и создавать альтернативные источники информации. Как первоначальная формулировка Даля, так и последующие попытки дать более полное определение полиархии, намеренно не ограничиваются электоральным подходом. [...]

Либеральная демократия

Выборная демократия – это гражданская конституционная система, при которой законодательные и верховные исполнительные власти формируются на основе всеобщих регулярных, состязательных, многопартийных выборов.

Хотя данная минималистская концепция продолжает пользоваться популярностью в научном и политическом обиходе, она в той или иной степени развивалась и уточнялась различными учеными и теоретиками. Эти уточнения были конструктивными, но игнорировали множество теорий, которые Коле и Левицкий называют «расширенными процедурными концепциями». Они не обязательно взаимосвязаны и занимают промежуточные положения между выборной и либеральной демократией.

Каким образом либеральная демократия может выйти за рамки этих формальных и промежуточных концепций? В дополнение к элементам

избирательной демократии, она требует, во-первых, чтобы власть не находилась под влиянием военных и других посторонних групп, которые не являются прямо или косвенно подотчетными избирателям. Во-вторых, наряду с вертикальной подотчетностью правителей управляемым (в результате выборов), требуется горизонтальная подотчетность должностных лиц друг другу; это ограничивает исполнительную власть и таким образом помогает защитить принципы конституционности, законности и совещательности. В-третьих, либеральная демократия подразумевает наличие условий для политического и гражданского плюрализма так же, как и для личных и общих свобод, с тем, чтобы носители соперничающих интересов и ценностей имели возможность публично конкурировать между собой вне связи с регулярными выборами.

Свобода и плюрализм, в свою очередь, могут быть достигнуты только при условии «власти закона», когда законодательные нормы применяются справедливо, последовательно и предсказуемо во всех случаях, вне зависимости от класса, статуса или власти лиц, к которым применяются эти нормы. При подлинной власти закона все граждане равны в политическом и правовом отношении, и государство с его представителями тоже подчиняется закону.

В частности, различаются следующие компоненты либеральной демократии:

- Контроль за государством и его ключевыми решениями и назначениями осуществляется в соответствии с конституцией выборными органами власти (а не деятелями, не несущими демократической ответственности, или иностранными державами); в частности, военные подчиняются власти избранных гражданских руководителей.
- Исполнительная власть ограничена конституцией и реально независимой властью других государственных институтов (независимое правосудие, парламент и другие механизмы горизонтальной подотчетности).
- Итоги выборов не предопределены заранее благодаря оппозиционному голосованию и принципам многопартийности в управлении, и, более того, ни одной группе, которая придерживается конституционных принципов, не отказывается в праве создать партию и участвовать в выборах (даже если избирательные пороги и другие правила исключают возможность для маленьких партий быть представленными в парламенте).
- Культурным, этническим, религиозным группам и другим меньшинствам (в том числе, исторически ущемляемым) не запрещается де-юре и де-факто отстаивать свои интересы в политическом процессе, а также говорить на своем языке и придерживаться своей культуры.
- Помимо партийной борьбы и выборов граждане обладают разнообразными и действенными возможностями для выражения и представления своих интересов и ценностей, включая свободное создание различных независимых объединений и движений.
- Существуют альтернативные источники информации (включая

независимые СМИ), к которым граждане имеют неограниченный доступ.

- Индивидуумы также обладают реальной свободой веры, мнений, дискуссий, высказываний, публикаций, собраний, демонстраций и ходатайств.
- Граждане политически равны перед законом (даже при устойчиво неравном доступе к политическим ресурсам).
- Свободы личности и общества эффективно защищены независимым непредвзятым правосудием, решения которого исполняются и уважаются другими центрами власти.
- Верховенство закона защищает граждан от бесосновательного задержания, депортации, террора, пыток и незаконного вмешательства в их частную жизнь со стороны не только государства, но и организованных негосударственных и антигосударственных структур.

Эти десять условий включают в себя одиннадцатое: если политическая власть должна быть ограничена и сбалансирована, личные права и права меньшинств защищены, а верховенство закона гарантировано, то государству необходима конституция как верховный закон. Либеральные демократические государства, помимо прочего, «должны быть и являются конституционными демократическими государствами. Отсутствие конституционного духа, понимания центральной роли конституционной стабильности – слабое место» многих нелиберальных демократических государств «третьей волны» в посткоммунистическом мире и странах «третьего мира».

Ларри Даймонд Определение и развитие демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. Под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. – М.: Ладомир, 2006. – 496 с. – С. 25-30.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Дайте определение демократии
2. Назовите преимущества демократии
3. Назовите основные компоненты либеральной демократии

Игорь Николаевич Рассоха Тезисы о тоталитаризме

1. Тоталитаризм – это общественно-политический строй, при котором государство полностью подчиняет себе все сферы жизни общества и отдельного человека. Тотальный – от латинского слова *totalis* – и означает всеобщий, всеобъемлющий. Именно всеохватностью своего надзора тоталитаризм отличается от всех других известных истории форм государственно организованного насилия – деспотии, тирании, абсолютистской, бонапартистской и военной диктатуры.

Термин «тоталитаризм» ввели в политический оборот в 20-е годы итальянские критики Б.Муссолини, затем он сам использовал этот термин

для характеристики фашистского государства. Понимаемый широко – как политический режим, как модели социально-экономического порядка и «нового человека» и как идеология – именно в этом виде тоталитаризм является феноменом XX в. Его возникновение связано прежде всего с трудностями модернизации, перехода общества к индустриальной стадии развития, с попытками правящей элиты преодолеть эти трудности путем «чрезвычайщины» – огосударствления, сверхбюрократизации, униформенной политизации и милитаризации всего общества. [...]

2. Следующие «родовые» черты в совокупности определяют тоталитаризм при всем разнообразии его этнонациональных, цивилизационных личин:

- а) неприятие демократических прав и свобод – слова, печати, собраний, объединений и т.д.;
- б) всевластие (включая монополию на информацию) корпоративных организаций иерархического типа;
- в) государственная и / или находящаяся под жестким бюрократическим контролем частная собственность на средства производства, по крайней мере – на основную их часть;
- г) административно регулируемый характер экономики, в т.ч. централизованное распределение сырья, продукции (редистрибуция), значительная роль принудительного труда и внеэкономического принуждения в жизни общества;
- д) официальная регламентация всех сторон жизни общества и человека, включая ограничения в одежде, передвижении, проведении досуга и т.д.;
- е) мощный репрессивный аппарат, использующий методы физического и психологического террора по отношению к массовым и даже элитным группам; система всеобщей слежки и «стукачества»; развитая сеть тюрем и концлагерей с антигуманными методами содержания;
- ж) мессианская государственная идеология (т.е. копилка убеждений, имеющих силу веры), долженствующая распространиться (вместе с ее носителями) по всему миру или хотя бы в его значительной части;
- з) агрессивный характер внешней политики, сочетающийся с самоизоляцией страны (закрытое общество);
- и) милитаризация экономики и всего общества, перманентное применение насилия (полицейского и армейского) во внутренней политике;
- к) общенациональный, наделяемый сверхъестественными качествами правитель (вождь) как ключевой элемент политико-идеологической системы. [...]

Рассоха И. Н. Тезисы о тоталитаризме / И. Н. Рассоха // Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. 147-155.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что собой представляет тоталитаризм?

2. Какие причины обусловили появление тоталитаризма?
3. Назовите основные черты тоталитаризма

Юрген Хабермас
Демократия. Разум. Нравственность
Лекция вторая

Философский спор вокруг идеи демократии

[...] демократия как государственная форма не нашла решительных сторонников среди философов, не нашла их ни в античности, ни в Новое время (Moderne) вплоть до Руссо. И только французская революция разожгла спор философов вокруг понятия демократии. Сама революция была в равной мере аргументом и событием; она облекалась в одежды дискурса о правах разума и оставила многочисленные следы в политических идеологиях XIX и XX вв. [...] Данный дискурс я буду прослеживать в виде четырех раундов, а именно как дискуссии либералов и демократов, социалистов и либералов, анархистов и социалистов и, наконец, консерваторов со всеми прогрессистами.

I

1. Диалектика размежевания либерализма и радикальной демократии, которой придала импульс французская революция, и сегодня сохранила свою актуальность. Спор идет вот о чем: как возможно совместить равенство со свободой, единство с плюрализмом, множественностью (Vielheit) или права большинства с правами меньшинства. Либералы начинают с того, что институционализируют в правовом отношении равные свободы для всех и понимают эти свободы как субъективные права. Для них права человека обладают нормативным приоритетом перед демократией. Конституция же, которая разделяет законодательную и исполнительную власть, обладает в их глазах преимуществом перед волей демократического законодателя. С другой стороны, адвокаты эгалитаризма понимают коллективную практику свободных и равных людей как формирование суверенной воли. Для них права человека проистекают из суверенной воли народа, а конституция, которая разделяет разные формы власти, обязана своим происхождением просвещенной воле демократического законодателя.

[...] Руссо, предвосхищая французскую революцию, понимает свободу как автономию народа, как равное участие всех в практике законодательства, при которой народ дает законы самому себе. Кант, философский современник французской революции, признавал, что Руссо впервые «по-настоящему развил» идею, которая выражается у Канта следующим образом: «Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. [...] Но когда кто-то принимает решение в отношении другого лица, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву, однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого... Следовательно, только

согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении всех и все в отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть, только всеобщим образом объединенная воля народа может быть законодательствующей» («Учение о праве», §46).

Самое главное в размышлении Канта – это соединение практического разума и суверенной воли, прав человека и демократии. Для того чтобы разуму, который должен дать законное основание господству, не приходилось забегать вперед суверенной воли народа, как то было у Локка, и чтобы не приходилось укоренять права людей в некоем фиктивном естественном состоянии, самой же автономии законодательной практики приписывается некая разумная структура. Но поскольку совокупная воля граждан государства может проявиться лишь в форме всеобщих и абстрактных законов, то эту волю необходимо принудить к некоторой операции – она должна исключить любые интересы, которые невозможно обобщить, и допускать только такие установления, которые будут гарантировать всем равные свободы. В соответствии с этой концепцией практика народного суверенитета одновременно обеспечивает и права человека.

[...] фикция единой народной воли может быть осуществлена лишь ценой того, что отдельные частные воли в их гетерогенности замалчиваются или подавляются. И действительно, уже Руссо представлял себе конституирование народа-суверена как некий экзистенциальный акт социализации, посредством которого все обособленные индивиды превращаются в граждан государства, ориентирующихся на общее благо. Эти граждане государства суть в таком случае члены одного коллективного тела и выступают как субъекты законодательной практики, освобождающейся от всех отдельных интересов, от интересов частных лиц, которым подобает только подчиняться закону. В результате на добродетельного гражданина государства, его мораль ложится чрезмерная нагрузка [...] Ведь допускать республиканские добродетели реалистично только в человеческом общежитии с нормативным консенсусом, заранее гарантированным благодаря традиции и этосу. «Чем менее сопряжены между собою отдельные воли и воля всеобщая, т. е. чем менее сопряжены между собой нравы и законы, тем более возрастает принудительная власть», пишет Руссо.

Итак, либеральные возражения против руссоизма могут опираться на самого Руссо: ведь современные общества не гомогенны.

2. Оппоненты подчеркивали многообразие интересов, которые надо как-то выравнять, подчеркивали плюрализм мнений, который надо преобразовать в некий консенсус большинства. Однако критика, обращенная в адрес «тирании большинства», выступает в двух разных вариантах. Классический либерализм, представленный Алексисом де Токвилем, понимает суверенитет народа как такой принцип равенства, который нуждается в ограничении. В этом варианте отражается страх

буржуа перед «гражданином» [...]: если в конституции правового государства не ограничивать демократию народа, то дополнительные свободы отдельного человека оказываются в опасности. Вот сама суть возражения. Вследствие этого теория откатывается назад, ибо получается, что практический разум, который воплощается в конституции, снова оказывается в противоречии с суверенной волей политических масс. [...]

Критика приводит здесь не к ограничению, а к иному истолкованию принципа суверенитета народа. Теперь народный суверенитет может проявиться только в условиях дискурса – процесса образования мнений и воли, процесса, который сам себя дифференцирует. Еще раньше, чем Джон Стюарт Милль в своем сочинении «О свободе» (1859) объединил равенство и свободу в представлении о ведущей дискурс общественности, южно-немецкий демократ Юлиус Фрёбель в своем памфлете 1848 г. развивал идею всеобщей воли, которая теперь уже не мыслится утилитаристски. Эта всеобщая воля, согласно Фрёбелю, должна образовываться из свободной воли всех граждан путем дискуссии и голосования. «Мы хотим социальной республики, т. е. государства, в котором счастье, свобода и достоинство каждого человека признаны всеобщей целью всех, в котором совершенство общества в сферах права и власти проистекает из взаимопонимания, соглашения всех членов общества».

[...] Фрёбель обращается к тем условиям коммуникации, при которых возможно как-то комбинировать процесс образования мнения, ориентированный на истину, с процессом образования воли большинства. [...] законы требуют согласия всех, притом согласия, которое было бы обоснованно. Демократический законодатель, однако, издает свои законы, имея в виду только большинство. То и другое можно соединить лишь при условии, что принцип большинства находится в некоей внутренней сопряженности с исканием истины. Итак, общественный дискурс должен опосредовать разум и волю, формирование мнений всех и формирование воли большинства народных представителей.

Решение большинства может приниматься только таким образом, что его содержание считается рационально мотивированным (хотя и не застрахованным от ошибки) итогом дискуссии, которая как бы условно завершается, поскольку необходимо принять наконец какое-то решение. «Дискуссия способствует тому, чтобы убеждения, которые сложились в духовном мире различных людей, воздействовали друг на друга; она разъясняет их и расширяет круг тех, кто их признает... Практическое определение права – это следствие развития и признания предшествующего теоретического правосознания в обществе, но достигнуть этого можно только... благодаря согласию и принятию решения большинством голосов», – пишет Фрёбель. Он интерпретирует решение большинства как условное согласие, как одобрение меньшинством той практики, которая направляется волей большинства: «От меньшинства никто не требует,

чтобы оно отказывалось от своей воли, чтобы оно объявляло свое мнение ошибочным; от меньшинства не требуют даже того, чтобы оно отказывалось от своей цели. Но... требуют, чтобы меньшинство отказалось от практической реализации своего убеждения до тех пор, пока ему не удастся лучше представить свои аргументы и собрать необходимое число согласных с ним».

3. Позиция Фрёбеля показывает, что нормативная напряженность связей между равенством и свободой может быть разрешена только тогда, когда мы отказываемся трактовать принцип народного суверенитета в духе сугубой конкретности.

[...] Дискурс общественности - вот посредническая инстанция между разумом и волей. Фрёбель пишет: «Единство убеждений было бы несчастьем для прогресса познания, но единство цели в делах общества – это необходимость». [...] Фрёбель постулирует необходимость и образования народа, и высокого уровня образования для всех, и свободы теоретического выражения мнений и их пропаганды. Фрёбель первым распознал и конституционно-политическое значение партий, и значимость партийно-политической борьбы за большинство голосов, борьбы, которую следует вести средствами «теоретической пропаганды». Только открытые структуры коммуникации могут помешать тому, чтобы авангардные партии брали верх над другими. Должны существовать только «партии», а не «секты»: «Партия стремится к тому, чтобы заявить в государстве о своих сепаратных целях, секта же – к тому, чтобы посредством своих сепаратных замыслов преодолеть государство. Партия хочет достичь господства в государстве, а секта – подчинить государство своей форме существования. Достигая господства в государстве, партия стремится раствориться в нем; секта же хочет, растворяя государство в себе, прийти к господству». В изображении Фрёбеля лишённые четкой организации партии его времени предстают как вольные ассоциации, которые специализируются на том, чтобы оказывать влияние на процесс складывания общественного мнения и общей воли, действуя в первую очередь посредством аргументов. Партии представляют собой организационное ядро многоголосого дискутирующей публики, которая состоит из граждан государства, решает вопросы на основе принципа большинства и занимает в государстве место суверена.

В то время как у Руссо суверен воплощал [...] в себе власть и законную монополию власти, публика у Фрёбеля – это уже не тело [...], а только среда, в которой происходит многоголосый процесс образования мнения, где сила заменена взаимопониманием. А процесс образования мнения, в свою очередь, рационально мотивирует решения большинства. Таким образом, партии и спор партий в рамках политической общественности [...] предназначены к тому, чтобы придать долговечность руссоистскому акту общественного договора, проведя его в форму, как выражается Фрёбель, «легальной и перманентной революции».

[...] «Заключая конституционный договор, партии соглашаются в том, что их мнения могут действовать друг на друга исключительно в рамках свободной дискуссии. Они воздерживаются от воплощения в жизнь любой теории, пока за нее не выскажется большинство граждан государства. Заключая конституционный договор, партии заключают соглашение, согласно которому единство цели определено большинством, поддерживающим теорию, но в пропаганде теории каждому индивиду предоставлена свобода. [...]». Права человека не конкурируют с народным суверенитетом; они тождественны конститутивным условиям самой себя ограничивающей практики образования воли, которая опирается на дискурс общественности. Разделение властей объясняется логикой применения и контролируемой приостановкой возникающих таким образом законов.

II

1. Дискурс о свободе и равенстве продолжается на другом уровне в споре социализма с либерализмом. [...]

В XVIII в. критика общественного неравенства была направлена против социальных последствий политического неравенства. А потому достаточно было юридических аргументов, т.е. аргументов, которые были основаны на правах раз ума, для того, чтобы в борьбе против старого режима требовать равных свобод демократического конституционного государства и гражданского устройства, дающего права частным лицам. Но, по мере того как утверждались конституционная монархия и кодекс Наполеона, люди начали осознавать социальное неравенство иного порядка. Место того неравенства, которое было положено политическими привилегиями, заняло теперь иное неравенство – оно развилось вместе с частноправовой институционализацией равных свобод. Речь теперь идет о социальных последствиях неравного распределения такой власти, которая осуществляется не политически, а экономически. [...] Маркс и Энгельс расширили само понятие «политическое». Теперь под ним они понимают не только организацию государства, но и общественный порядок в целом.

[...] оказалось возможным увидеть функциональную зависимость между классовой структурой и правовой системой. [...]

Маркс и Энгельс [...] понимали социализм как воплощение конкретной нравственности, не раскрывая его как совокупность условий, необходимых для существования эмансипированных жизненных форм, относительно которых всем, кто имеет к ним касательство, еще предстоит самим договориться между собой, прийти к общему взгляду.

[...] понятие «политическое» было расширено, но этому расширению не соответствовало более углубленное уразумение способов функционирования, форм коммуникации и условий институционализации, при которых формируется эгалитарная воля. Ибо мысль по-прежнему направлялась холистским представлением о политизированном обществе, основанном на труде. Ранние социалисты еще были полны надежд на то,

что правильно устроенный процесс производства сам собой породит соответствующие ему жизненные формы, где рабочие будут вступать в свободные ассоциации. Эта идея рабочего самоуправления потерпела крах из-за того, что развитое, функционально дифференцированное общество оказалось слишком сложным. Маркс же представлял себе утопию общества труда как царство свободы, которое должно быть воздвигнуто на базисе царства необходимости и которое будет развиваться стабильно благодаря системному управлению.

Но и ленинская стратегия завоевания власти профессиональными революционерами не могла возместить отсутствие политической теории. Практические последствия этого дефицита теории заявляли о себе в тех апориях, в которых запутался бюрократический социализм с его политическим авангардом, застывшим в форме так называемой номенклатуры. [...]

2. С другой стороны, реформистские партии и реформистские профсоюзы, которые действуют в условиях правового демократического государства и компромисса, достигнутого благодаря переходу к социальному государству, испытали разочарование – ведь они вынуждены были довольствоваться тем, чтобы приспособлять к своим целям буржуазно-либеральное наследие и отказываться от исполнения радикально-демократических обещаний. Духовное родство реформизма и левого либерализма коренится в общей цели – социально-государственной универсализации гражданских прав. Население должно получить шанс жить в условиях защищенности, социальной справедливости и растущего благосостояния, получить благодаря тому, что статус зависимого наемного труда нормализуется, будучи дополненным правами участника политического и социального процесса. Правящие партии должны пользоваться рычагами административной власти для того, чтобы таким путем достигнуть названных целей на основе капиталистического роста, который этими же партиями одновременно и контролируется, и поддерживается. Итак, согласно ортодоксальному коммунистическому представлению, социальная эмансипация должна была достигаться путем политической революции и эта революция должна была овладеть государственным аппаратом только для того, чтобы его разгромить. Реформизм же может достигать социального мира лишь на пути вмешательства в процессы, происходящие в обществе и государстве, но при этом партии растворяются в расширяющемся государственном аппарате. Вместе с «огосударствлением» партий формирование воли перемещается в рамки политической системы, которая в весьма значительной мере программирует сама себя. Эта политическая система со временем становится независимой от демократических источников, которым она обязана своей легитимностью. Это происходит по мере того, как ей удастся как бы «сверху» заполучить от общественности массовую лояльность. Таким образом, обратной стороной такого социального

государства [...] оказывается демократия масс, которая приобретает черты административно направляемого процесса легитимации. [...]

III

1. Все сказанное объясняет актуальность того дискурса, который восходит еще к XIX в. и который анархизм с самого своего возникновения вел с социализмом. [...] технические моменты самоорганизации (перманентность обсуждений, императивность мандата, ротация должностных лиц, ограничения властей и т.д.), возможно, менее важны, чем сама форма организации, а ею является тип добровольных ассоциаций. [...] Горизонтальные контакты на уровне простых взаимодействий [...] должны сформировать практику intersубъективных обсуждений и решений, практику, которая достаточно сильна, чтобы поддерживать все другие институты в подвижном, текучем агрегатном состоянии становления и одновременно удерживать их от окостенения. [...]

Организационная форма добровольных ассоциаций в отличие от индивидуалистической конструкции естественного состояния, апеллирующей к правам разума, является социологическим понятием, которое позволяет мыслить о спонтанно возникающих, свободных от господства отношениях, помыслить не в духе теории контракта. Свободное от господства общество в таком случае больше не нуждается в том, чтобы его понимали как инструментальный и, значит, дополитический порядок, который рождается из заинтересованных соглашений частных лиц, в своих действиях ориентированных на успех.

Общество, интегрированное не рынком, а ассоциациями, было бы одновременно политическим и свободным от господства порядком. [...] Ассоциации отличаются от формальных организаций тем, что цель объединения еще не обособляется функционально от ценностных ориентаций и целей членов этих ассоциаций.

2. Этот анархистский проект общества, который сводился к горизонтальной сети ассоциаций, и прежде был утопическим, а уж сегодня он терпит крах в силу потребности современных обществ в управлении и организации. [...]

Классические теории демократии исходят из того, что общество благодаря суверенному законодателю воздействует само на себя. Народ программирует законы; законы, в свою очередь, программируют их же (законов) разработку и применение. И благодаря этому члены общества (через коллективно обязующие решения органов управления и юстиции) получают те результаты и регулятивные правила, которые они же, в своей роли граждан государства, и запрограммировали. Эта идея программирующего воздействия на самих себя посредством закона обретает смысл исключительно благодаря тому предположению, согласно которому общество в целом может быть представлено как одна большая ассоциация, определяющая себя саму через посредничество права и политической власти. Социологическое же просвещение вразумило нас

относительно фактической циркуляции власти; мы знаем также, что форма ассоциации обладает недостаточной степенью сложности, чтобы дать возможность структурировать связи общественной жизни в целом.

[...] Право и политическая власть должны исполнять функции по отношению друг к другу, прежде чем они смогут взять на себя собственные функции, а именно: стабилизировать поведенческие ожидания и коллективно принятые решения. Таким образом, право впервые придает всякой власти, у которой оно заимствует принудительный характер, правовую форму, и ей власть снова обязана тем, что она становится обязательной. И наоборот. [...]

Мы можем различить власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. В деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями. [...]

IV

[...] После того как практический разум овладел субъектом, прогрессирующая институционализация опыта разумного коллективного формирования воли предстает уже не более чем целесообразной деятельностью, которую можно понимать как сублимированную форму процесса производства. [...]

Демократическое правовое государство становится проектом, а одновременно результатом и ускоряющим катализатором рационализации жизненного мира, выходящей далеко за пределы политической сферы. Единственное содержание проекта – постепенно улучшающаяся институционализация способов разумного коллективного формирования воли [...].

[...] культуралистское понимание конституционной динамики как будто бы должно наводить на мысль о том, что суверенитет народа должен перемещаться в плоскость культурной динамики авангарда, формирующего мнения. Именно такое предположение должно порождать недоверие к интеллектуалам: они владеют словом и тянут на себя одеяло власти, которую они рискуют растворить в словах. Но господству интеллектуалов противостоит вот что: коммуникативная власть может властвовать только опосредованно, ограничивая исполнительские функции административной, т. е. действительно осуществляемой, власти. А эту, так сказать, осадную функцию еще не выразившее себя общественное мнение может осуществить только благодаря организованным через демократические процедуры процессам формирования решений. [...] влияние интеллигенции может конденсироваться в коммуникативную

власть только при условиях, которые исключают концентрацию власти.[...]

Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность [Текст] : московские лекции и интервью / Ю. Хабермас ; отв. ред. Н. В. Мотрошилова [и др.]; РАН, Институт философии. - М. : АО «КАМИ», Academia, 1995.- 450 с. - (Первые публикации в России). - С. 33-53.

Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. О каких принципах демократии рассуждает Хабермас?
2. Какова роль политических партий в демократических государствах?

Самюэль Хантингтон Третья волна демократии

В период с 1974 по 1990 г. по меньшей мере 30 стран осуществили переход к демократии, почти удвоив число демократических режимов в мире. Был ли этот переход частью все продолжающейся и расширяющейся «глобальной демократической революции», которая в конце концов коснется всех стран мира? Или же это было ограниченное распространение демократии, представлявшее в основном восстановление демократических режимов в странах, ранее уже имевших демократический опыт? Текущий этап демократических транзитов составляет третью волну демократизации в истории современного мира.

Первая, «длинная» волна демократизации началась в 1820-х с расширением избирательного права на значительное количество мужского населения Соединенных Штатов и завершилась в 1926 г., приведя к жизни 29 демократий. Однако в 1922 г. приход к власти в Италии Муссолини ознаменовал начало первого «отката», который к 1942 г. сократил число демократий в мире до 12. Победа союзников во Второй мировой войне запустила вторую волну демократизации, достигшую своего зенита в 1962 г., когда в мире насчитывалось 36 демократических государств. Затем последовал второй откат (1960-1975), в результате которого число демократий уменьшилось до 30.

На какой стадии третьей волны находимся мы? Начало ли это длинной волны или конец короткой? И если третья волна завершится, последует ли за ней значительный третий откат, способный уничтожить многие демократические достижения 1970-1980-х? Ни социология в целом, ни отдельные социологи не могут дать достоверного ответа. [...]

[...] Пять основных факторов сыграли значительную роль в том, что транзиты третьей волны произошли именно в тех странах, где произошли, и в то время, когда произошли:

- (1) обострение проблемы легитимности авторитарных систем в мире, где широко признаны демократические ценности, зависимость этих режимов от их функциональности и их неспособность поддерживать эту

«функциональную легитимность» из-за экономических неудач (и иногда военных поражений);

(2) беспрецедентный глобальный экономический рост в 1960-е годы, который во многих странах поднял жизненный уровень, повысил уровень образования и значительно увеличил городской средний класс;

(3) разительные перемены в доктрине и деятельности католической церкви, продемонстрированные на Втором ватиканском соборе в 1963-1965 гг., и превращение национальных церквей из защитников status quo в противников авторитаризма;

(4) перемены в политике внешних факторов, прежде всего Европейского сообщества, США и Советского Союза;

(5) эффект «снежного кома» или демонстрационный эффект, произведенный первыми переходами к демократии третьей волны, которые стимулировали последующие попытки смены режима в других странах и давали для них образцы. [...]

[...] После первой и второй волн демократизации следовали, однако, не просто небольшие откаты, а значительные волны возврата к авторитаризму. Если третья волна демократизации замедлится или остановится, какие факторы могут вызвать третий откат? Среди факторов, способствовавших отходу от демократии во время первого и второго откатов были:

(1) недостаточная укорененность демократических ценностей среди основных групп элиты, а также широкой общественности;

(2) серьезный экономический кризис или крах, обостривший социальный конфликт и повысивший популярность средств, которые могут быть применены только авторитарным правительством;

(3) социальная и политическая поляризация, часто вызванная действиями левых правительств, пытающихся проводить крупные социально-экономические реформы слишком быстро;

(4) решимость консервативных групп среднего и высшего класса отстранить популистские и левые движения, а также низший класс от политической власти;

(5) нарушение закона и порядка в результате террористических и повстанческих действий;

(6) интервенция или завоевание недемократическим иностранным государством;

(7) эффект «снежного кома» в виде действия примера крушения или свержения демократических систем в других странах. [...]

[...] Однако некоторые предположения относительно потенциальных причин третьего отката предыдущий опыт позволяет сделать.

Во-первых, систематическая неспособность демократических режимов действовать эффективно может подорвать их легитимность...

Во-вторых, переход к авторитаризму какой-либо демократической или демократизирующейся великой державы может привести в действие эффект

«снежного кома» и вызвать такие же процессы в других странах...

Если какое-либо недемократическое государство наберет силу и начнет экспансию за пределы своих границ, это тоже может стимулировать движение в сторону авторитаризма в других странах...

Наконец, так же как в 1920-е и 1960-е, могут возникнуть различные формы авторитаризма, отвечающие, как будет казаться, нуждам своего времени... [...]

[...] Утверждают, что великие мировые культурно-исторические традиции значительно различаются между собой в зависимости от того, насколько свойственные им воззрения, ценности, верования и соответствующие им поведенческие образцы благоприятствуют развитию демократии. Глубоко антидемократическая культура препятствует распространению демократических норм в обществе, отрицает легитимность демократических институтов и тем самым способна сильно затруднить их построение и эффективное функционирование, а то и вовсе не допустить его. [...]

Немногие взаимосвязи между социальными, экономическими и политическими явлениями сильнее, чем взаимосвязь между уровнем экономического развития и существованием демократической политики. Большинство богатых стран демократичны, а большинство демократичных стран (Индия – самое значительное исключение) богаты. Связь между высоким экономическим уровнем и демократией подразумевает, что переход к демократии должен произойти в первую очередь в странах среднего уровня экономического развития. В бедных странах демократизация маловероятна; в богатых она обычно уже произошла. Посередине же находится «зона политического транзита»: находящиеся в этой средней экономической группе страны наиболее вероятно перейдут к демократии, и большинство стран, переходящих к демократии, войдут в эту группу. По мере того, как страны экономически развиваются и входят в эту зону транзита, демократизация в них приобретает очень неплохие шансы... [...]

Хантингтон С. Третья волна демократии / Самюэль Хантингтон // Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. – М.: Ладомир, 2006. – 496 с. – С. 79-82.

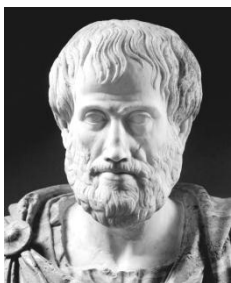
Задание для самопроверки: прочтите текст и дайте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое «волна демократии» ?
2. Какие предпосылки необходимы для становления демократического режима ?

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

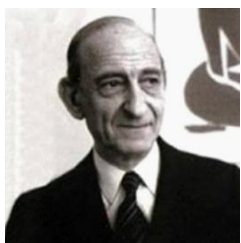
Алмонд Габриэль (1911-2002) – американский политолог, специалист в области теоретической и сравнительной политологии. Является ведущим специалистом по теориям политической системы и политической культуры. Основные работы: «Политическая теория и политическая наука» (1966); «Сравнительная политика: концепция развития» (1966); «Политическое развитие» (1970); «Сравнительная политология сегодня» (1974); «Сравнительная политология. Система, процесс и политический курс» (1978); «Гражданская культура: пересмотр концепции» (совместно с Сиднеем Вербой) (1980); «Современная европейская политика» (1999) и др.

Аристотель (384-322 гг. до н.э.) – великий греческий философ, систематически разработавший все отрасли знания своего времени, впервые установивший законы так называемой формальной логики и положивший начало естественно-историческому исследованию природы. Стал первым ученым, кто смог создать разностороннюю философскую систему. С его именем связано зарождение политической науки. Работы: «Политика», «Афинская полития», «Этика» и др.

Арендт Ханна (1906 – 1975) – философ, политический теоретик и историк, основоположник теории тоталитаризма. Основные работы: «Истоки тоталитаризма», «Vita activa, или О деятельной жизни», «Люди в темные времена», «Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли» и др.

Арон Раймон (1905-1983) – французский философ, политолог, социолог и публицист. Автор более тридцати книг. Важнейшие работы: «Этапы развития социологической мысли», «Демократия и тоталитаризм», «Политические исследования» и др. Исследовал современные индустриальные общества и политические системы, проблемы деидеологизации. Сторонник глобализации. Один из основоположников критической философии истории. Считал, что государство обязано создавать законы, обеспечивающие свободу, плюрализм и равенство гражданам, а также обеспечить их выполнение.

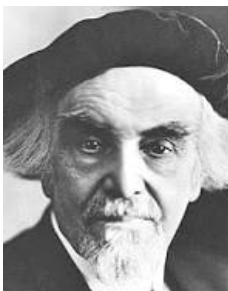
Ашин Геннадий Константинович (1930-2011) – российский социолог и философ, специалист в области политологии и политической социологии. Исследовал проблемы элиты, лидерства, массового общества. Ввел различение элитизма и элитологии, исследовал типы ректруктурирования и смены элит. Основные работы: «Основные направления современной буржуазной социологии» (1960); «Доктрина «массового общества» (1971), «Современные теории лидерства» (1978), «Современные теории элиты: критический очерк» (1985) и др.

Бергель Эгон Эрнест (1894-1969) – американский социолог, автор книги «Социальная стратификация».

Бергер Питер Людвиг (1929-2017) – австрийский теолог и социолог, живший в США, представитель социально-конструкционистского направления в социологии. Известен прежде всего благодаря своему труду «Социальное конструирование реальности».

Бердяев Николай Александрович (1874-1948) – русский религиозный и политический философ, представитель экзистенциализма и персонализма. Закончил Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. Для Бердяева характерен особый интерес к проблемам свободы, творчества, морали, антропологической проблематике. Основные труды: «Философия неравенства», «О рабстве и свободе человека» и др.

Бэкон Френсис (1561-1626) – английский философ, родоначальник эмпиризма и английского материализма. Философия Ф. Бэкона подчинена сознательной попытке формирования науки и научного познания. Высокое предназначение науки он подчеркивает в афоризме «Знание – сила». В своем главном произведении «Новый Органон или Истинные указания для истолкования природы» (1620) Бэкон сформулировал индуктивный метод новой науки и основные принципы эмпиризма.

Бруно Джордано (1548-1600) – итальянский философ, выдающийся мыслитель эпохи Возрождения, автор многочисленных трактатов. Высказанные в них идеи о природе истины и о Вселенной вызвали недовольство ортодоксальных отцов католической церкви. Был предан инквизиции и сожжен на костре как еретик.

Вебер Макс (1864-1920) – немецкий социолог, один из основоположников социологической науки. Был сторонником идеи о том, что для исследования социальных действий лучше подходит не чисто эмпирический, но «объясняющий», «интерпретирующий» метод. В рамках основанной на нём концепции понимающей социологии учёный пытался не только рассмотреть то или иное социальное действие, но также распознать цель и смысл происходящего с точки зрения вовлечённых индивидов. Огромное влияние на развитие социологии XX века оказала теория бюрократии М. Вебера. Учёный разработал «идеальный тип» административной организации, концепцию бюрократии, означающую рационализацию общественной жизни.

Веблен Торстейн (1857-1920) – американский социолог и экономист, основоположник институционализма, объектами исследования которого выступают институты общества. Основные работы: «Теория праздного класса: экономическое исследование институций», «Теория делового предприятия», «Исследование природы мира и условий его поддержания» и др.

Виндельбанд Вильгельм (1848-1915) – немецкий философ-идеалист, основатель так называемой баденской школы неокантианства; работал в области истории философии, логики, этики и теории ценностей. Пытался обосновать коренное различие методов естественных и общественно-исторических наук. Естественные науки, по мнению ученого, – «номогенетические», т. е. вырабатывающие общие законы, исторические науки – «идиографические», т. е. повествующие только об особенном, единичном. Основные сочинения: «История древней философии», «История новой философии», «Прелюдии», «История и естествознание».

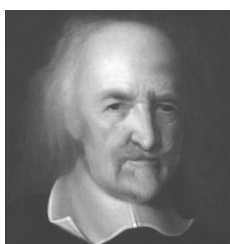
и метод».

Гадамер Ханс-Георг (1900-2002) – немецкий философ, один из основателей философской герменевтики, представляет собой своего рода философию понимания. Ее предметом выступают не только «понимающие» (историко-гуманитарные) науки, но и вся совокупность человеческого знания о мире и бытие в нем. Автор ряда сочинений по истории философии, эстетике и философии истории. Известность Гадамеру принесла его работа «Истина

целостной оригинальной концепцией современных обществ.

Гидденс Энтони (род. 1938) – один из крупнейших современных социологов, внесший существенный вклад в исследование проблем современной теоретической социологии. Он занимался разработкой проблем стратификации современного общества, теорией социального действия и социальной структуры, теорией общества. Известен своей теорией структуриации и

миры. Взгляды на государство и право изложены в книге «Левиафан».

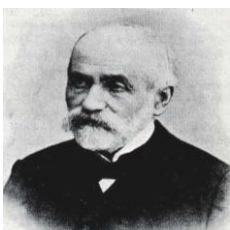
Гоббс Томас (1588-1679) – выдающийся английский философ-материалист, классик политической и правовой мысли. Один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета. В своих философских работах исследовал природу вещей, человека и общества. Гоббс различал искусственный и естественный

Гольбах Поль Анри (1723-1789) – французский философ немецкого происхождения, писатель, энциклопедист; отстаивал материалистическое положение о формирующей роли среды по отношению к личности. Сводил социальное к индивидуальному, придерживался теории общественного договора. Главное сочинение: «Система природы» (1770).

Гоулд Филипп (1950-2011) – один из ведущих специалистов Великобритании в области стратегии избирательных кампаний.

Гумплович Людвиг (1838-1909) – польско-австрийский философ, социолог, представитель социал-дарвинизма в социологии. Считал конфликт универсальным фактором

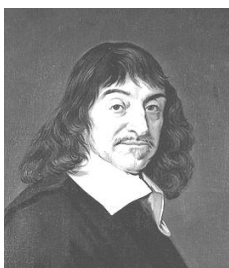
социальной жизни, ввел понятие «этноцентризм». Работы: «Раса и государство» (1875) и «Расовая борьба» (1883), «Основы социологии»(1885) и др.

Даймонд Ларри (род. 1951) – современный американский политолог и социолог, ведущий специалист в области демократических исследований. Автор многочисленных публикаций в области внешней политики, внешней помощи и демократии.

Дарендорф Ральф (1929-2009) – немецкий политолог и социолог, один из ведущих теоретиков современного либерализма, автор диалектической теории социального конфликта, резкий критик односторонних функционалистских концепций социального равновесия. Основные работы: «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе», «Конфликт и свобода». Ряд работ посвящены сравнительному анализу гражданства и демократии в современном обществе: «Общество и демократия в Германии», «Новая свобода».

Декарт Рене (1596-1650) – французский философ, математик, физик, основоположник рационализма, автор знаменитого тезиса «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, следовательно, существую»), творец дедуктивного метода. Латинизированное имя Рене Декарта Картезий (Renatus Cartesius) дало название не только учению этого гениального мыслителя, но и целому направлению в философии и естествознании XVII – XVIII веков – картезианству.

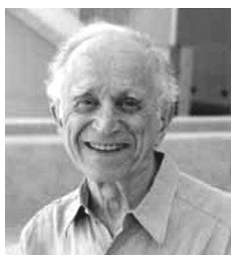
Дюверже Морис (1914-2017) - французский учёный, государствовед, социолог и политолог, специалист в области политической социологии, автор многочисленных книг по конституционному праву и политическим наукам. Получил известность благодаря вкладу в политологию и в особенности в классификацию партий и партийных систем, сформулировал «три социологических закона» взаимосвязи избирательных и партийных систем. Основные работы: «Политические партии», «Идея политики. Применение власти в обществе», «Янус. Два лика Запада», «Социология политики: элементы политической науки».

Ильин Иван Александрович (1882-1954) - выдающийся русский философ, государствовед, писатель и религиозный мыслитель. Иван Ильин написал более 50 книг и свыше тысячи статей на русском, немецком, французском и английском языках. Наиболее известны: труды по юриспруденции и праву, в том числе: «О сущности правосознания», «Общее учение о праве и государстве»; двухтомник «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», «О сопротивлении злу силою» и др.

Ионин Леонид Григорьевич (род. 1945) – известный социолог, доктор философских наук, профессор. Основные области исследования: истории социологии, социология культуры, политики. Автор множества статей и книг, в частности, «Понимающая социология», «Георг Зиммель – социолог», «Социология культуры» и др.

Истон Дэвид (1917-2014) – канадский политолог, автор теории политической системы. Разработал собственный подход использования методов и категорий системного анализа к исследованию развития политических систем. Основные работы: «Политическая система: политологические исследования о государстве» (1953); «Структура политологии» (1965); «Системный анализ политической жизни» (1965); «Развитие политической науки» (1991).

Камю Альбер (1913-1960) – французский прозаик, философ, эссеист, публицист, представитель экзистенциализма. Получил нарицательное имя при жизни «Совесть Запада». Лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 года. Основные работы: «Посторонний» (1942), «Чума» (1947), «Миф о Сизифе» (1942), «Бунтующий человек» (1951) и др. В них поднимаются вопросы «абсурдности жизни», бессмысленности бытия, свободы нравственного выбора.

Кант Иммануил (1724-1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии; осуществил «коперниканский переворот» в теории познания, доказав, что познание и знание предстают результатом человеческой (интеллектуальной) активности; начал исследовать ограничения разума в процессе познания.

Кассирер Эрнст (1874-1945) – немецкий философ и культуролог. Рассматривал язык, миф и религию, искусство и историю как «символические формы», через которые человек обретает понимание самого себя и окружающего мира. Поэтому человек определяется как «животное, создающее символы». Один из создателей философской антропологии. Основные работы: «Проблема познания в философии и науке Нового времени», «Философия символических форм» (в 3-х томах), «Опыт о человеке» и др.

Козер Льюис (1913-2003) – американский социолог, классик теории политического конфликта. Причинами конфликтов считает несправедливое распределение ресурсов власти, несовпадение идеалов и ценностей, а также изменение социального статуса и определение этнической принадлежности. Основные работы: «Функции социального конфликта» (1956); «Политическая социология» (1967).

Козловски Петер (1952-2012) – немецкий философ и учёный-экономист, специалист философии управления и организации и истории современной философии.

Кон Игорь Семенович (1928-2011) – советский и российский социолог, психолог, антрополог, популяризатор науки и просветитель. За почти полвека научной деятельности внес весомый вклад в различные области научной деятельности: философия и методология истории, история социологии, этика, социальная психология и психология развития, теория личности, антропология и социология детства и юности, социология молодежи, сексология, гендерные исследования.

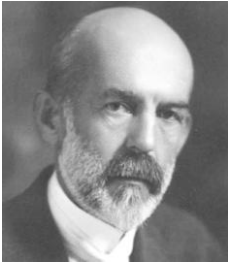
Конфуций (ок. 551-479 гг. до н.э.) – основатель этического учения, философ. Взгляды изложены в книге «Лунь Юй» («Беседы и высказывания»), где развивается патриархально-патерналистская концепция государства, которое должно быть основано на началах добродетели.

Краснов Борис Иванович (1933-2007) - доктор философских наук, профессор. Основное направление научной деятельности – политология.

Кузанский Николай (1401-1464) – один из самых глубоких философов эпохи Возрождения, теолог, учёный-энциклопедист, математик, церковно-политический деятель.

Кули Чарльз Хортон (1864-1929) – американский социолог, социальный психолог, автор теории «зеркального Я», один из основоположников теории малых групп. Основные труды: «Человеческая природа и социальный порядок» (1902), «Социальная организация» (1909), «Социальный процесс» (1918), «Социологическая теория и социальное исследование» (1930).

Лавров Пётр Лаврович (1823-1900) – русский социолог, философ, публицист.

Лао Цзы (*Старый Младенец, Мудрый Старец*) Древнекитайский философ

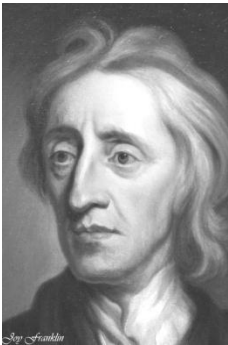

VI–V веков до н. э., один из основателей даосизма, автор трактата «Дао дэ цзин» («Книга Пути и Добродетели»). Основная идея этого произведения – понятие «дао» – трактуется как суть вещей, не допускающий постороннего вмешательства, «небесная воля» или «чистое небытие». Это всеобщий Закон и Абсолют; природа, объективный мир. «Дао» питает некая универсальная сила, принцип, способ бытия («Дэ»), который побуждает человека высвободить жизненную силу из пут повседневности. «Дао дэ цзин» – основополагающий источник учения и один из выдающихся памятников китайской мысли.

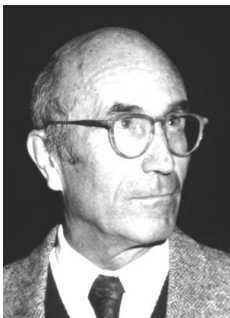

Лиотар Жан Франсуа (1924-1998) - французский философ-постмодернист и теоретик литературы. Является автором термина «постмодерн», раскрывая смысл и значение которого, отмечает, что модерн и постмодерн тесно и неразрывно связаны между собой. «Пост» следует понимать не как «следующий период», но в смысле некоторой динамики: идти дальше модерна, имея возможность вернуться к нему, совершая при этом петлю. Постмодерн

является глубоко рефлексивным, он выражает духовное состояние, стремление понять и осознать, что с нами происходит в настоящем. Свою концепцию Лиотар излагает в работах «Состояние постмодерна» (1979), «Спор» (1983) и «Постмодерн, понятный детям» (1988). Затрагиваемые проблемы он рассматривает через призму лингвистики и языка, языковых игр и дискурсов. Одной из основных тем в его работах является критика всей прежней философии как философии истории, прогресса, освобождения и гуманизма.

Локк Джон (1632-1704), английский философ, один из наиболее влиятельных политических мыслителей. В «Опыте о человеческом разуме» (1690) развивал эмпирическую теорию познания, утверждал, что единственным источником человеческого знания является опыт. Свои политические взгляды изложил в «Трактате о государственной власти» (1690), в котором доказывал верховенство естественного права над созданными человеком законами, защищал частную собственность, приобретенную личным трудом, отстаивал идею баланса сил в органах власти. Большой известностью пользовался и трактат «Некоторые мысли относительно воспитания» (1693).

Лукман Никлас (1927-1998) – немецкий социолог. Своей задачей считал создание полного описания общества. Книга «Общество общества» стала результатом этой деятельности. Всего написал 77 книг и около 250 статей по темам теории социального познания и теории социальных систем.

Макиавелли Никколо (1469-1527) – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель. Выступал сторонником сильной государственной власти, для укрепления которой допускал применение любых средств, что выразил в прославленном труде «Государь» (1532). С тех пор термин «макиавеллизм» применяют к

людям, не брезгающим ничем ради осуществления политических целей. В менее известной книге «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» показал преимущества республики Древнего Рима, подчеркнув важность политической неподкупности, гражданской добродетели и морали. Написал «Историю Флоренции».

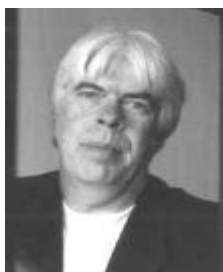
Манхейм Карл (1893-1947) – немецкий социолог. Один из основателей систематизированной научной социологии. Познание – дело не мышления, а переживания, являющегося результатом совместной деятельности в обществе. Ожидание лучшего будущего связывал с новым человеческим типом. Автор трудов «Свобода, власть и демократическое планирование» (1950), «Идеология и утопия» (1951).

Мейтус Владимир Юлиевич В книге «Политическая партия: менеджмент избирательной кампании» рассматриваются проблемы разработки стратегии политической партии и вопросы стратегического управления.

Михельс Роберт (1876-1936) – немецкий историк, экономист, социолог, признанный теоретик политической науки. Развивал идеи элитизма. Основатель социологии партий – партологии. Труды: «Социология политической партии в условиях демократии» (1911), «Первые лекции по политической социологии» (посм., 1949). Сформулировал «железный закон олигархии»: партии, массовые движения, крупные социальные и политический структуры подчиняются тенденциям олигархизации, бюрократизации и авторитарности.

Монсон Пер – автор книг «Лодка на аллеях парка», «Современная западная социология: теории, традиции, перспективы».

Монтескье Шарль Луи (1689-1755) – выдающийся философ, политический мыслитель и правовед эпохи французского Просвещения, автор классической теории разделения властей, один из первых представителей школы политической географии. Стремился вскрыть причины

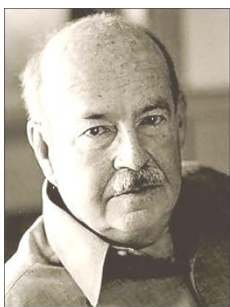
возникновения того или иного государственного строя, анализировал различные формы государства. Принцип разделения властей дополняет системой «сдержек и противовесов», призванной предотвратить концентрацию государственной власти. Основные сочинения: «Персидские письма» (1721 год), «О духе законов» (1748 год).

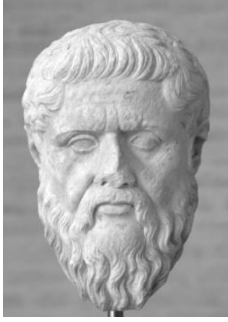
Ортега-и- Гассет Хосе (1883–1955), испанский писатель и философ, один из выдающихся интеллектуалов XX в. Известен как один из «философов агоры», популяризовавших свои идеи с помощью газетных статей, специально созданных для этой цели журналов, в книгах и публичных лекциях. В 1948 основал в Мадриде Институт гуманитарных наук. Основные труды: «Размышления о Дон-Кихоте», «Бесхребетная Испания», «Старая и новая политика», «Тема нашего времени», «Дегуманизация искусства», «История как система» и др. Всемирную славу принесла его работа «Восстание масс».

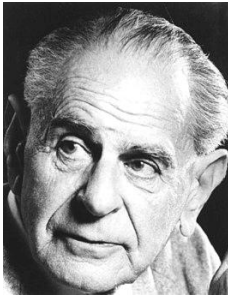
Парето Вильфредо (1848-1923) – итальянский социолог. Один из основоположников классической теории элит и основателей функционализма, исследователь политической идеологии. Основной труд - трехтомный «Трактат по общей социологии» (1916). В 1920 г. вышел его сокращенный вариант «Компендиум по общей социологии».

Парсонс Толкотт (1902-1979) – американский социолог-теоретик, один из самых значительных социологов второй половины XX века, представитель школы структурного функционализма, один из создателей современной теоретической социологии и социальной антропологии, автор структурно-функционального метода и теории социального действия. Наиболее полно сформулировал основы функционализма. В своих трудах уделял значительное внимание проблеме социального порядка, основывающегося на консенсусе. Общество рассматривал как систему. Главную задачу социологии видел в анализе институционализации ценностных ориентаций в социальной системе. Главные произведения – «Структура социальной деятельности» (1937), «Система современных обществ» (1971).

Платон (427-347 гг. до.н.э.) – величайший мыслитель, философ, которого сами греки за мудрость называли «божественным». Он – основатель идеалистического направления в мировой философии, автор рассуждений об устройстве мира и его первооснове, о правильной организации общества, о месте человека в нем. Свои философские взгляды Платон излагал в драматических диалогах: «Федр», «Пир», «Федон», «Парменид», «Государство», «Политика», «Законы» и др.

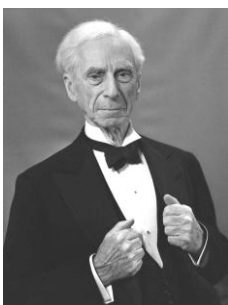
Поппер Карл (1902-1994) – известный философ и социолог, один из выдающихся представителей постпозитивизма, основоположник концепции критического рационализма. Наиболее известен своими трудами по философии науки, социальной и политической философии, в которых он рассматривал проблемы научного метода, отстаивал принципы демократии и социального критицизма, которых он предлагал придерживаться, чтобы сделать возможным процветание открытого общества.

Пригожин Аркадий Ильич (род. 1940) – современный российский социолог, один из создателей российской социологии организаций. Автор более 130 научных работ, в том числе: «Организации: системы и люди» (1989); «Современная социология организаций» (1995) и др.

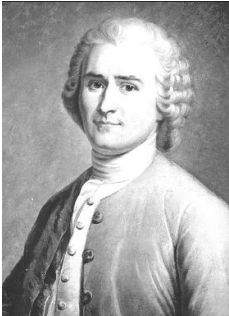
Пуанкаре Жюль Анри (1854-1912) – французский математик, физик, философ и теоретик науки, основоположник философской доктрины конвенционализма, согласно которой научные понятия и теоретические построения являются в основе своей продуктами соглашения между учёными. Состоял членом 22 Академий и почетным доктором 8 университетов.

Рассел Бертран (1872-1970) – английский философ, логик, основоположник английского неопозитивизма, основатель современной философии логического анализа. Считал, что суть философского познания заключается не в объяснении философской терминологии, а в систематическом осмыслении окружающего мира.

Рассоха Игорь Николаевич (род. 1965) – украинский историк и социолог, автор ряда работ, среди которых «Тезисы о тоталитаризме», «Апология софистов. Релятивизм как онтологическая система» и др.

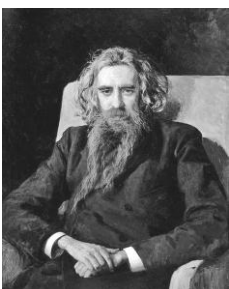
Руссо Жан-Жак (1712-1778) – французский философ, писатель, мыслитель эпохи Просвещения; представитель сентиментализма. В своих трактатах подверг критике современное общество, основанное на неравенстве, и противопоставил ему естественное состояние людей, свободных и равных. Осознавал, что человек обречён жить в обществе. В трактате «Об общественном договоре» (1762 г.) он утверждал, что гражданам следует уступить часть своих естественных прав обществу, которое сумеет обеспечить их безопасность. Идеи Руссо повлияли на авторов Декларации независимости и нашли поддержку во время Французской революции. Роман «Новая Элоиза» и трактат «Эмиль» содержат в себе идеи о воспитании и пронизаны идеями свободы и близости к природе.

Сартр Жан Поль (1905-1980) – французский писатель, философ и публицист, представитель экзистенциализма. Его наследие составляют несколько романов, пьес, огромное количество статей и философских эссе. Ему была присуждена Нобелевская премия, от которой он отказался.

Смелзер Нейл (1930-2017) – выдающийся американский социолог, автор работ в области экономической социологии, теории коллективного поведения, теории социальных изменений и методологии сравнительных исследований.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900) – русский религиозный мыслитель, мистик, поэт, публицист, литературный критик; почётный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности. На основе синтеза русских традиций, западной философии и христианских идей, создал оригинальную систему философского знания. Основные труды: «Критика

отвлеченных начал» (1880), «Смысл любви» (1892-1894), «Оправдание добра» (1897-1899) и др.

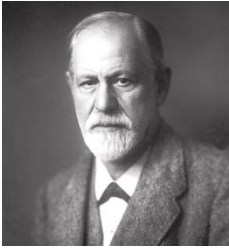
Сорокин Пителир Александрович (1889-1968) – российско-американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. Среди его учеников – крупнейшие американские социологи, такие, как Р.Мертон, Р.Миллз, Т.Парсонс и др. Основные работы: «Социальная мобильность», «Современная социологическая теория», «Социальная и культурная динамика», «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии», «Социальная философия в эпоху кризиса» и др. С 40-х годов ученого все больше привлекают проблемы нравственных отношений. Его работы «Альтруистическая любовь: исследование американских «добрых соседей» и христианских святых», «Пути и власть любви» и др. исследования-манифесты посвящены роли любви и альтруизма в человеческих отношениях.

Спиноза Бенедикт (Барух) (1632-1677) – нидерландский философ, представитель философии Нового времени. Его философская система – пантеизм. Верил в абсолютное тождество Бога и природы, рассматривая человека как часть ее, и отрицал личное бессмертие, был горячим сторонником общественного договора. Автор философских трудов, самым значительным из которых считается «Этика».

Фейербах Людвиг Андреас (1804-1872) – немецкий философ. Основные сочинения: «К критике философии Гегеля», «Сущность христианства», «Основные положения философии будущего» и др. Рассматривал философию и религию как миропонимания, взаимно исключающие друг друга. Отвергая религиозный культ, противопоставлял ему культ человека. Критика религии переросла в критику философии идеализма, завершившуюся переходом Фейербаха в лагерь материализма. Основным пороком идеализма, считал философ, есть отождествление бытия и мышления. В теории познания продолжал линию материалистического сенсуализма. Считал опыт первоисточником знания. В центре учения – человек как «...единственный, универсальный и высший предмет философии...».

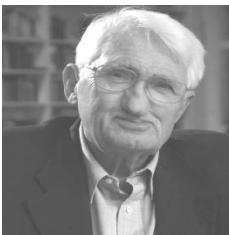
Фрейд (Фройд) Зигмунд (1856-1939) – австрийский психоаналитик, психиатр и невролог, основатель психоанализа, оказал значительное влияние на психологию, медицину, социологию, антропологию, литературу и искусство XX века. Принципы психоанализа распространил на различные области человеческой культуры – мифологию, фольклор, художественное творчество, религию и т. д. Теорию «Бессознательного» выстроил не в медицинских терминах, а в художественных образах. Больных предпочитал лечить словом. Основные труды: «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1904), «Лекции по введению в психоанализ» (1910), «Тотем и табу» (1913), «Я и Оно» (1923).

Фромм Эрих (1900-1980) – немецко-американский философ, социолог и психолог, представитель Франкфуртской школы, один из основателей неопрейдизма и фрейдомарксизма. Основной сферой его интересов было приложение психоаналитической теории к проблемам культуры и общества. Утверждал, что человек – продукт культуры. Развивает учение о характере как «второй природе» человека и вводит понятие социального характера. Его труды в основном посвящены философским, этическим, социально-психологическим вопросам природы человека, его места в мире, смысла его существования. Среди них: «Анатомия человеческой деструктивности», «Бегство от свободы», «Человек для себя» и др.

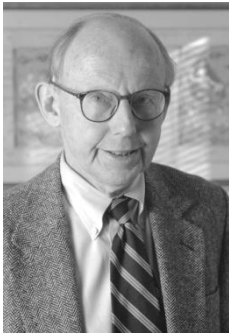
Фукуяма Френсис (р. 1952) – американский социальный философ и политолог. Труды: «Конец истории?» (1989), «Конец истории и последний человек» (1992), «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния» (1996), «Великое крушение» (1999). Рассматривает связи и взаимоотношения между экономическим развитием и внутренней солидарностью, единством общества. Утверждает, что современный мир признал либеральную демократию в качестве «окончательной формы правления».

Хабермас Юрген (р. 1929) – немецкий философ, социолог-теоретик. Труды: «Структурная трансформация публичной сферы» (1962), «Техника и наука как идеология» (1968), «Познание и интерес» (1968), «К логике социальных наук» (1973), «Теория коммуникативного действия» (1982) и др. Предмет исследований – теория познания, коммуникации, проблемы языка и этики, методология и философия права, перспективы современных развитых обществ и др. Обосновал абстрактную теоретическую систему – теорию коммуникативного действия.

Халипов Вячеслав Филиппович (1930-2016) – доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии естественных наук и Академии политической науки, член Союза журналистов; был главным редактором журнала «Социально-политические науки» (1989-1991). Автор многочисленных научных работ, среди которых «Власть. Основы кратологии» (1995), «Введение в науку о власти» (1996), «Кратологический словарь» (1997), «Кратология как система наук о власти» (1999) и др.

Хантингтон Сэмюэл Филлипс (1927-2008) – американский социолог и политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, специалист в области сравнительной политологии и транзитологии (раздела политологии, изучающего переход от авторитаризма к демократии). Одна из ключевых проблем исследований – политическое развитие, глобальный процесс демократизации. Главным критерием политического развития американский ученый считал институционализацию. Основные работы: «Политический порядок в изменяющихся обществах» (1968), «Третья волна: Демократизация в конце XX столетия» (1991) «Столкновение цивилизаций и переделка миропорядка» (1996).

Хейвуд Эндрю (род. 1950) – современный британский политолог. Научные интересы: политика, политические идеологии, глобальная политика. Автор книг и учебников: «Ключевые понятия в политике» (2000), «Политические идеологии. Введение» (2003), «Политическая теория. Введение» (2004), «Глобальная политика» (2014) и др.

Хекхаузен Хайнц (1926-1988) – немецкий ученый. Ведущая научная проблема его творчества – движущие силы поведения человека. Главная книга «Мотивация и деятельность» (1980).

Шилз Эдвард (1911-1995) – американский социолог, представитель структурного функционализма. Значительный вклад внес в научную разработку макросоциологической теории, проблем дефиниции общества. Выделил и исследовал несколько типов общества. Особое внимание, как интегрирующему фактору, придавал культуре. Подчеркивал важность изучения социологических традиций, истории социологии для формирования современных воззрений на общество. Один из авторов концепции деидеологизации.

Шестопал Елена Борисовна (род. 1949) - доктор философских наук, профессор, Президент российского общества политических психологов. Сфера научных интересов: проблемы политической социализации, политического восприятия, политического лидерства и методологии политических исследований. Основные работы: «Образы государств, наций и лидеров» (2008), «Политическая социализация российских граждан в период трансформации» (2008), «Политическая психология» (2012), «Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ» (2012) и др.

Шлегель Карл Вильгельм Фридрих фон (1772-1829) – немецкий писатель и поэт, критик, философ, лингвист. Был идеологом немецкого романтизма, основоположником современной «истории идей», или «истории духа», и современной исторической науки.

Шмачкова Татьяна Владимировна (1952-2006) – политолог, кандидат исторических наук, шеф-редактор журнала «Полис» на протяжении более чем десяти лет.

Штомпка Петр (род. 1944) – польский социолог, автор социологии «социального изменения», понятия «культурная травма». Автор работ «Социология социальных изменений», «Социология: анализ современного общества», «Визуальная социология. Фотография как метод исследования» и др.

Энгельс Фридрих (1820-1895) – немецкий философ-материалист, экономист, писатель и общественный деятель, один из основоположников марксизма. Пришел к выводу, что индустриальное развитие является двигателем социально-исторических изменений. Является одним из основоположников системного подхода к исследуемой социальной действительности, разрабатывал концепцию социальной природы человека и человеческого действия, разделения труда, теории отчуждения, социально-классовой сущности идеологии. Среди произведений Энгельса – «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Диалектика природы», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др.

Ясперс Карл (1883-1969) – философ, один из родоначальников немецкого экзистенциализма. Его работы: «Психология мировоззрений», «Философия», «Духовная ситуация времени», «Об истине», «Смысл и назначение истории», «Разум и антиразум в нашу эпоху» и др. Считал философию неотъемлемым достоянием людей, цель которой заключается в возвышении человека. Философия не тождественна науке, хотя наука является помощницей философии. Исходным понятием философии является экзистенция, которая понимается как источник мышления и действия в самом человеке. Экзистенция способна проявляться в коммуникации. Философия не может существовать безотносительно к политике. Не сомневался в том, что общество находится в состоянии кризиса, который носит планетарный характер и выражается в нивелировании интеллекта людей, в утрате основательности в людях, в росте цинизма, в утрате гуманности, в усилении осознания опасности. Трагедия современного человека заключается в том, что он превращается в элемент массы, толпы.

Хрестоматія допоможе засвоїти основні теми курсу «Філософія, політологія, соціологія», оскільки її структура відповідає навчальним програмам. В книзі зібрані уривки з творів мислителів різних епох, які розкривають погляди на ту чи іншу проблему. По ним можна прослідкувати еволюцію визначених понять, глибше ознайомитися з теоріями представників різних філософських і соціально-політичних напрямків. Книга призначена для студентів, аспірантів, викладачів.

Навчальне видання

*Сакун Айта Валдуrowна
Кадлубович Тетяна Іванівна
Множинська Руслана Володимирівна
та ін.*

Філософія. Політологія. Соціологія Хрестоматія

Навчальний посібник

Редактор Л. Л. Овечкіна
Відповідальний за поліграфічне видання Ю. В. Коноваленко
Коректор Н. П. Біланюк

Підп. до друку 29.11.2017 р. Формат 60x84 1/16.
Ум. друк. арк. 28,82. Облік. вид. арк. 22,56. Тираж 19 пр. Зам. 450.

Видавець і виготовлювач Київський національний університет технологій та дизайну.
вул. Немировича-Данченка, 2, м. Київ-11, 01011.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 993 від 24.07.2002.